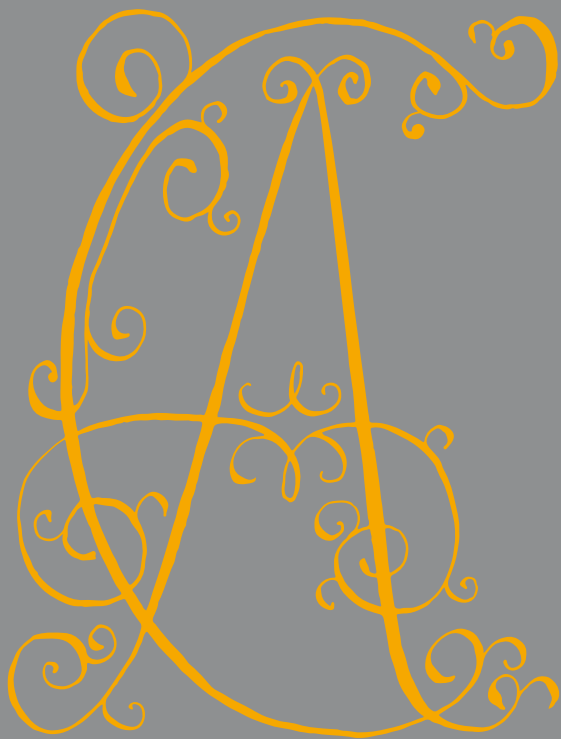

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic
ALMANAC

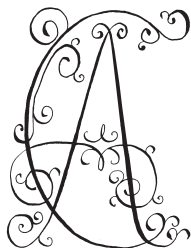
3-4·2023

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

3-4 · 2023

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2023

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2023. — Вып. 3–4 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2023. — 520 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731.2023.3-4

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2023 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, лингвистики, литературоведения и истории науки. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Издательство «Индрик», 2023

Slavic Almanac 2023. Issues 3–4 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief — Moscow: Indrik, 2023. — 520 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731.2023.3-4

e-ISSN 2782-4411

This issue of “Slavic Almanac” (3–4, 2023) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies RAS
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Insitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2023
© Authors, 2023
© Publishing house “Indrik”, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kocheharov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Рагозин Г. С. (Архангельск)</i> . Роль хорватов и сербов в истории империи Габсбургов: консервативный взгляд первой трети XIX в. в работах Йозефа фон Хормайра	12
<i>Бабоша И. А. (Москва)</i> . Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в Третье отделение)	34
<i>Пшеничный А. М. (Москва)</i> . Среда формирования идентичности грекокатолического митрополита Андрея Шептицкого	53
<i>Фролова М. М. (Москва)</i> . Из предыстории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: русско-румынская военная конвенция и договор с товариществом «Греггер, Горвиц и Коган»	70
<i>Станков Н. Н. (Москва)</i> . Ярослав Салат-Петрлик – чешский коммунист-интернационалист и советский партийный функционер	93
<i>Смирнов А. В. (Москва)</i> . Политический портрет Йована Рашковича в 1970–1976 гг.	112
<i>Безрученко В. И. (Санкт-Петербург)</i> . «Отец бошнякской нации»: личность и политика президента Боснии и Герцеговины Алии Изетбеговича	133

Палеославистика

<i>Ефимова В. С. (Москва)</i> . Старославянские несколькословные номинации <i>versus</i> композиты	171
<i>Ломаджистро Б. (Бари)</i> . К толкованию термина «хорикъ» в колофоне Добриановой минеи	191
<i>Баранкова Г. С. (Москва)</i> . Цикл Слов и Поучений на Четырдесятницу и недели, подготовительные к ней, в чetyх сборниках смешанного и устойчивого состава XIV–XVI вв.	210

Лингвистика и этнолингвистика

- Вендина Т. И. (Москва).* Н. И. Толстой и антропология
диалектного слова (к столетию со дня рождения) 230
- Саенко М. Н. (Москва).* Праслав. **čerěť* и **černь*. I. Свод печи 246
- Громова М. М. (Москва).* Отражение диалектного порядка слов
в словенских каринтийских памятниках «*Duhovna bramba*»
и «*Kolomonov žegen*» 269
- Мосинец А. Г. (Санкт-Петербург).* Предикаты воздействия запахом
в болгарском и русском языках (болгарские переводческие
стратегии) 286
- Климова К. А., Никитина И. О. (Москва).* Традиционная культура
ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической
экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) 302

Литературоведение

- Грасько А. В. (Москва).* Записки «постороннего»:
Иржи Вайль о массовом просвещении и книжном буме
в советском обществе 1920–1930-х гг. 320
- Старкова В. В. (Москва).* Религиозные мотивы в краткой прозе
Ивана Цанкара 342
- Шешкен А. Г. (Москва).* Преодоление советско-югославского
кризиса. Перевод сербской литературы на русский язык
во второй половине 1950-х гг. 359
- Широкова Л. Ф. (Москва).* «В русле» и «против течения»:
смена идейно-художественных ориентиров в творчестве
Доминика Татарки 375
- Мальцев Л. А., Либина И. А. (Калининград).* Между поэтикой и
теологией: о книге Чеслава Милоша «Второе пространство» ... 393
- Байдалова Е. В. (Москва).* Топос города в украинской литературе
в исследованиях современных украинских литературоведов 410

Публикации

- Робинсон М. А. (Москва).* Письмо Н. Н. Дурново А. В. Луначарскому .. 428
- Ганин А. В. (Москва).* Новые документы о белом подполье
на Украине в 1919 г. 435
- Казак О. Г. (Минск).* Западнополесское этнополитическое
движение в оценках белорусских историков (1992 г.) 456

Рецензии и обзоры

<i>Задорожнюк Э. Г. (Москва). Книга о непростых судьбах Бессарабии</i>	471
<i>Мошечков П. В. (Москва). Деятельность чешско-словацких легионеров в годы Первой мировой войны и в Первой Чехословацкой республике: к современной историографии проблемы</i>	479
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва). Оккупационная политика нацистской Германии на белорусских землях в современной белорусской историографии</i>	491

Хроника

<i>Леонтьева А. А. (Москва). Круглый стол «Balcano-Balto-Slavica и семиотика»</i>	504
<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва). Торжественное открытие Кабинета славяноведения и балканистики в Минской духовной академии имени свт. Кирилла Туровского</i>	508
<i>Толстая С. М. (Москва). 100-летие академика Н. И. Толстого: хроника юбилейного года</i>	513

Contents

Contents

History

- Ragozin G. S. (Arkhangelsk)*. Croats and Serbs in the history of the Habsburg empire: conservative view of the first third of the 19th century in the works of Joseph von Hormayr 12
- Babosha I. A. (Moscow)*. The Surveillance of Congress Poland's secret police over the Polish emigrants in 1831–1839 (on the basis of the reports of the military governors of Warsaw to the Third Section) 34
- Pshenichnyi A. M. (Moscow)*. The environment for the formation of the identity of the Greek Catholic metropolitan Andrey Sheptytsky 53
- Frolova M. M. (Moscow)*. From the background of the Russo-Turkish War of 1877–1878: the Russian-Romanian military Convention and the agreement with the partnership of Greger, Horvitz and Kogan 70
- Stankov N. N. (Moscow)*. Yaroslav Salat-Petrlik: Czech Communist internationalist and Soviet Party functionary 93
- Smirnov A. V. (Moscow)*. Political Portrait of Jovan Rašković, 1970–1976 112
- Bezruchenko V. I. (Saint Petersburg)*. “The Father of the Bosniak Nation”: Personality and Politics of the President of Bosnia and Herzegovina Alija Izetbegović 133

Paleoslavlic studies

- Efimova V. S. (Moscow)*. Old Church Slavonic Multi-Word Nominations versus Compounds 171
- Lomagistro B. (Bari)*. Towards an interpretation of the word “khorik” in the colophon of the Dobrian Menaion 191
- Barankova G. S. (Moscow)*. The cycle of Words and Sermonizings of great Lent and the weeks preparatory to it, in the collections of mixed and stable composition of the 14th–16th centuries 210

Linguistics and ethnolinguistics

<i>Vendina T. I. (Moscow)</i> . N. I. Tolstoy and Dialect Word Anthropology (On the Centenary of Nilita Ilyich Tolstoy's Birth)	230
<i>Saenko M. N. (Moscow)</i> . Proto-Slavic *čerěň and *černъ. I. Vault (of the hearth)	246
<i>Gromova M. M. (Moscow)</i> . Dialect word order in the Slovenian Carinthian 18th century books “Duhovna bramba” and “Kolomonov žegen”	269
<i>Mosinets A. G. (Saint Petersburg)</i> . Predicates of exposure to odor in Bulgarian and Russian (Bulgarian translation strategies)	286
<i>Klimova K. A., Nikitina I. O. (Moscow)</i> . Traditional culture of the <i>Romaioi</i> Greeks and <i>Urumlar</i> Greeks (on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region)	302

Studies of literature

<i>Grasko A. V. (Moscow)</i> . Notes of an “outsider”: Jiří Weil on mass education and the book boom in Soviet society in the 1920s and 1930s.	320
<i>Starkova V. V. (Moscow)</i> . Religious motifs in Ivan Cankar's short prose ..	342
<i>Sheshken A. G. (Moscow)</i> . Overcoming the Soviet-Yugoslav crisis. The translation of Serbian literature into Russian language during the second half of 1950s.	359
<i>Shirokova L. F. (Moscow)</i> . “In Line with” and “Against the Current”: Changes in Ideological and Artistic Focus in Dominik Tatarka's Works	375
<i>Maltsev L. A., Libina I. A. (Kaliningrad)</i> . Between Poetics and Theology: “The Second space” by Czesław Miłosz	393
<i>Baydalova E. V. (Moscow)</i> . Topos of a city in Ukrainian literature: contemporary Ukrainian scholarship	410

Publications

<i>Robinson M. A. (Moscow)</i> . N. N. Durnovo's Letter to A. V. Lunacharsky	428
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . New documents about the White underground in Ukraine in 1919	435
<i>Kazak O. G. (Minsk)</i> . Western Polesie ethno-political movement in the assessments of Belarusian historians (1992)	456

Reviews

- Zadorozhnyuk E. G. (Moscow)*. A book about the difficult fate of Bessarabia 471
- Moschechkov P. V. (Moscow)*. The Activity of Czecho-Slovak Legionaries during World War I and in the First Czechoslovak Republic: to the Contemporary Historiography of the Problem 479
- Borisenok Yu. A. (Moscow)*. Occupation policy of Nazi Germany on Belarusian lands in modern Belarusian historiography 491

Chronicles

- Leontyeva A. A. (Moscow)*. The round table “Balcano-Balto-Slavica and semiotics” 504
- Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)*. Ceremonial opening of the Cabinet of Slavic and Balkan studies at the Minsk Theological Academy named after St. Kirill Turovsky 508
- Tolstaya S. M. (Moscow)*. 100th anniversary of Academician N. I. Tolstoy: chronicle of the jubilee year 513

УДК 94 (436).07
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.01

Г. С. Рагозин

**Роль хорватов и сербов в истории империи Габсбургов:
консервативный взгляд первой трети XIX в.
в работах Йозефа фон Хормайра**

Рагозин Герман Сергеевич
Кандидат исторических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
163000, проспект Ломоносова, д. 2, Архангельск,
Российская Федерация
E-mail: gragozin92@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8695-4096

Цитирование:

Рагозин Г. С. Роль хорватов и сербов в истории империи Габсбургов: консервативный взгляд первой трети XIX в. в работах Йозефа фон Хормайра // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 12–33.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.01

Статья поступила в редакцию 04.04.2023.

Рецензирование завершено 09.07.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассматривается образ негерманских общностей державы Габсбургов, а именно – хорватов и сербов, созданный в консервативной историографии первой трети XIX в. Для этого автор обратился к сочинениям Йозефа фон Хормайра, автора официальной концепции прошлого державы Габсбургов, а именно к «Австрийскому Плутарху», «Армии Внутренней Австрии под командованием эрцгерцога Иоганна в войне 1809 г. в Тироле, Италии и Венгрии», «Малой истории Отечества» и «Всеобщей истории новейшего времени от смерти Фридриха Великого до Второго Парижского мира». Данные сочинения были ориентированы на демонстрацию понятия «австрийского» как «суммы достижений» всех этнических общностей и «семьи народов». Они были нацелены на укрепление централизации Австрийской империи и лояльности ее подданных и из числа немцев, и из негерманских общностей императору Францу I. Из южнославянских народов Хормайр уделил пристальное

внимание сербам и хорватам. Образы представителей этих общностей были частью сюжетов о сопротивлении «турецкой угрозе» и Наполеону. Также Хормайр стремился сохранить память об этих событиях и их участниках для современников и потомков. Автор пришел к выводу, что при формировании образа хорватов и сербов преобладали военные нарративы. Борьба с османской и борьба с наполеоновской экспансией объединялись в одну сюжетную линию, которая показывала хорватов и сербов равноправными членами «семьи народов». На это работали как средневековые по происхождению элементы культуры, так и концепты австрийских консерваторов начала XIX в.

Ключевые слова

История Австрии, австрийский консерватизм, Йозеф фон Хормайр, Наполеоновские войны, семейство Зрински, образы прошлого, консервативная историография.

Формирование образа событий, которые повлекли значительные изменения в прошлом, остается актуальной проблемой для стран Центральной и Восточной Европы. Этот процесс влияет на историческую память, позиционирование страны в регионе и мире, а также на ее политический дискурс и политическую жизнь. Особенно остро проблема оформления исторической памяти о переломных событиях проявляется на примере стран с опытом пребывания в составе полиэтничных государств или империй. Она особенно отягощается при переходе к пост-имперской парадигме и связанным с ней элементам ментальности, самоидентификации, исторической памяти и отношения к имперскому наследию. Наиболее болезненно все это проявляется при насильственной дезинтеграции империи.

Существование полиэтничной империи ставит вопрос о консолидации ее населения, необходимой не только для экспансии или закрепления ее итогов, но и для мобилизации общества, в т. ч. в кризисный период¹. Средствами консолидации и мобилизации в империи высту-

¹ *Данн О.* Нации и национализм в Германии, 1770–1990. СПб., 2003. С. 64; *Patrouch J. F.* The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination // *Austrian History Yearbook* 40 (2009). P. 91–98; *Hagemann K.* “Be proud and firm, the Citizens of Austria!” Patriotism and Masculinity in Texts of the “Political Romantics” written during Austria’s Anti-Napoleonic wars // *German Studies Review*. Vol. 29. No. 1 (Feb., 2006). P. 41–62.

пают идеология, а также апелляции к конфессиональному сознанию и подданнической лояльности. Их дополняют образ враждебного «другого» и политический миф конкретного периода. Особняком здесь стоит историческая память, ее формирование в полиэтничной империи является крайне трудной задачей, что связано с необходимостью подбора сюжетов «общего прошлого», их подкрепления конкретным материалом и встраивания в существующий контекст. Не менее сложно развивается и последующее осмысление роли каждой из общностей в защите империи.

Данные утверждения в полной мере относятся и к Австрийской империи. Осмысление опыта противостояния внешним угрозам всех общностей империи работало на реализацию парадигмы «семьи народов под властью императора». Ее в первые десятилетия XIX в. формировал и уточнял консервативный идеолог Фридрих фон Генц². Она появилась в то время, когда складывались идеологии «национального возрождения» в славянских землях державы Габсбургов, Венгрии, а также в Германии. Они сразу вступили в противоречие с парадигмой Генца. Поэтому консервативный взгляд на прошлое и его интеграция в целостную концепцию потребовали существенных усилий историографов для развития этой идеологемы и ее облечения в общедоступную форму.

Именно эта задача стояла перед «официальным историографом» державы Габсбургов до 1828 г. Йозефом фон Хормайром. В период Наполеоновских войн он проявил себя как автор ряда исторических сочинений политической направленности. Они касались как истории Тироля и ее связи с историей остальной Австрии, так и формирования «общего прошлого» для полиэтничной империи Габсбургов. Особняком в период до 1820-х гг. стоит сочинение «Австрия и Германия», нацеленное на подкрепление «германской сопричастности» Австрии и ее лидерства в германских землях. Это сочинение было подготовлено и сдано в печать незадолго до ареста Хормайра за подготовку

2 *Kronebitter G. Friedrich von Gentz und Metternich // Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz; Stuttgart, 1999. S. 71–88; Gentz F. von. Österreichisches Manifest vom Jahre 1809. Цит. по: Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim, 1838. Bd. 2 und 3. S. 336–366; Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie / hg. H. Rumpler. Wien, 1997. S. 203.*

вооруженного мятежа³. Период с 1813 до 1816 г. историограф провел сначала в заключении в замках Паланок в Мункаче⁴ и Шпилберк⁵, а затем в ссылке в Брно. До заключения его взгляды балансировали между «австрийской свободой», «германской сопричастностью» и консервативным имперским патриотизмом⁶ и развивались в контексте австрийского консерватизма и его взаимодействия с политической парадигмой империи.

После освобождения Хормайр обратил внимание на осмысление событий недавнего прошлого, активным участником которых был он сам. Поэтому в работах, опубликованных в 1817–1828 гг., историограф преследовал задачу встроить события предшествующих десятилетий в исторический контекст. Он должен был учесть роль всех этнических общностей державы Габсбургов, в т. ч. славянских. Особое внимание заслуживают образы сербов и хорватов. Интерес к этим двум этносам у историографа не являлся случайным: до 1813 г. Хормайр представил их союзниками в борьбе против османской экспансии в Европе XV–XVII вв. и вывел их образы наряду с образами австрийских немцев, как монархов, политиков и военачальников, так и рядовых участников, с целью продемонстрировать и закрепить в общественном сознании образ обороны империи как «общего дела». «Общее прошлое» выступало инструментом для консолидации всех этнических общностей Австрии вокруг правящего императора. Сербская и хорватская общности после 1816 г. вновь удостоились внимания Хормайра как активные участники обороны империи.

Цель настоящей статьи – выявить особенности образов сербов и хорватов – участников обороны державы Габсбургов в XVI – начале

3 «Дело Альпенбунда», связанное с подготовкой нового выступления в Тироле в 1813 г. против Наполеона. Преследование Хормайра было санкционировано Клеменсом фон Меттернихом и позднее воспринималось самим Хормайром как поворотная точка в биографии и политических взглядах.

4 Ныне г. Мукачево Закарпатской области Украины.

5 Расположен в г. Брно, Чешская Республика.

6 Рагозин Г. С. «Дело Австрии – дело Германии»? Консервативное осмысление австрийского участия в германском вопросе эпохи Наполеоновских войн // Диалог со временем. 2022. № 79. С. 293–308; Рагозин Г. С. Идея наднациональной идентичности в сочинении Й. фон Хормайра «Австрийский Плутарх» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 3. С. 9–21.

XIX вв. в консервативной историографии Австрии первой трети XIX в. на примере сочинений Йозефа фон Хормайра.

Творчество Йозефа фон Хормайра в его различных проявлениях имеет долгую традицию изучения. В австрийской и германской историографии оно началось в 1863 г. Тогда в Биографическом словаре Австрийской империи под редакцией Константа фон Вурцбаха был выпущен посвященный ему очерк⁷. Несколько опередили Вурцбаха чешские историки, например, Вацлав Владивой Томек и Франтишек Палацкий. Последний также отметился активной перепиской с Хормайром, оказавшим влияние на формирование его концепций⁸. В этот и последующий периоды исследование произведений Хормайра было неразрывно связано с политическими оценками, влиявшими на восприятие историографа. Например, в том же «Биографическом словаре» Хормайр осуждался за нападки на канцлера Меттерниха и императора Франца I после своей эмиграции в Баварию в 1828 г. Хотя в том же очерке признаются заслуги историографа в формировании картины «общего прошлого» для всех этнических общностей державы Габсбургов.

Следующей поворотной точкой в отношении Хормайра в историографии становится юбилей Тирольского восстания 1809–1810 гг., который отмечался в 1909 г. В монографии Йозефа Хирна рассматривалась роль Хормайра в подготовке восстания, в т. ч. с идеологической точки зрения. Конечно, историографическое наследие Хормайра, а именно формирование «австрийской» идентичности Тироля в предшествующие периоды, также попало в поле зрения Хирна. Помимо этого, в работе были представлены копии писем Хормайра и ключевых лиц этого времени, знакомых с работами историографа. Например, в работу в качестве приложений были включены письма проводника «войны немецкой чести» эрцгерцога Карла и министра иностранных дел Австрии графа Филиппа фон Штадиона. Оба были хорошо знакомы с Хормайром и поддерживали его работу⁹.

Распад империи Габсбургов и связанные с ним конфликты 1918–1921 гг., а также формирование новых национальных государств

⁷ Wurzbach C. von. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich / C. von Wurzbach. Wien, 1863. Teil 9. S. 275–287.

⁸ Řezník M. The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Wladislaw Tomek and the introduction of history seminars in Austria // Hungarian History Review. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 250–276.

⁹ Hirn J. Tirols Erhebung im Jahre 1809. Innsbruck, 1909.

привели к переоценке наследия историографа. Теперь оно развивалось в трех контекстах: «пост-имперском синдроме», австро-германской сопричастности, а также в «дегерманизации»¹⁰. Первые два были характерны и для Австрии, и для Германии, а последний – для общественно-политического спектра в Чехословакии, Венгрии, Королевстве СХС и Румынии. Наиболее явно это продемонстрировала Чехословакия, где историки периода Первой республики культивировали миф о Габсбургском периоде истории Чехии как «национальной несвободе, устроенной руками немцев и Габсбургов»¹¹. Само же наследие Хормайра оттеснялось на второй план на фоне Палацкого, Томека и иных чешских историографов, как и другие материальные и духовные свидетельства господства Габсбургов в 1526–1918 гг.

Австрийская историография 1918–1938 гг. сохраняла определенный критицизм по отношению к Хормайру, что было связано с выявлением мистификаций и фальсификаций в отношении источников Ф. Боком¹². Генрих фон Србик обратился к причинам перехода Хормайра на позиции немецкого национального движения в 1820-е гг., а также к попыткам интеграции германской и австрийской исторической традиций. Наследие Хормайра после 1828 г. считалось первой попыткой создания «великогерманского» нарратива, объединяющего две историографические и исторические традиции. Национал-социалистическая рабочая партия Германии после прихода к власти взяла этот тезис на вооружение. Его продвигали поддерживавшие партию консервативные историки, например, тот же Генрих фон Србик¹³.

Крах нацистского государства, восстановление независимости Австрии и выселение немцев из ряда стран Центральной и Восточной

10 *Kann R. A.* The Case of Austria // *Journal of Contemporary History*. Vol. 15. No. 1. Imperial Hangovers (Jan., 1980). P. 37.

11 *Rychlík J.* 1918 – Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha, 2018. S. 249.

12 *Almási G.* Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century // *The Hungarian historical review*. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 225–249; *Bock F.* Fälschungen des Freiherrn von Hormayr // *Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde*. 1927. Bd. 47. Heft 2. S. 225–243; *Kustatscher E.* “Berufsstand” oder “Stand”? Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien; Köln; Weimar, 2016.

13 *Srbik H. von.* Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. München, 1935–1942. In 6 Bde; *Josef Freiherr von Hormayr.* Biographie // *Heimat und Volkstum*. 1936. Nr. 14. S. 145.

Европы стали очередным поводом к переосмыслению консервативной историографии времен Габсбургов. В негерманских государствах, образовавшихся на руинах Австро-Венгрии, тематика подвергалась умолчанию вплоть до 1960-х гг. В Австрии к наследию историографа обратились в ключе формирования «австрийской свободы»¹⁴, а также австрийской идентичности, отдельной от Германии. Прекратилась дискуссия о том, к какому политическому лагерю относился Хормайр. Его определили в когорту историографов-романтиков, начавших переход от консервативного к национальному началу в политической культуре¹⁵. Нередко он ставился в один ряд с национальными историографами: Иштваном Хорватом в Венгрии и Франтишеком Палацким в Чехии.

Тематика образов сербов и хорватов, а также их роли в «общем прошлом» державы Габсбургов в трудах Хормайра не получила существенного рассмотрения в историографии. Как правило, основные акценты ставятся на тирольском, официально-патриотическом и австро-германском направлениях творчества историографа. Тем не менее в сочинениях Хормайра значительный по объему пласт материала был уделен сербам и хорватам – участникам обороны державы Габсбургов в XVI – начале XIX вв. Данная тематика была актуальна для своего времени: так формировался и развивался образ «общего прошлого», а также культивировалась преемственность с периодом противостояния «турецкой угрозе». Более того, Хормайр таким образом принимал участие в сдерживании национальных движений, пребывая на посту «официального историографа» до 1828 г.

Источниками по данному исследованию являются сочинения Йозефа фон Хормайра, опубликованные в 1807–1828 гг. Первым по публикации стал многотомный «Австрийский Плутарх»,

14 Т. е. мифа о самостоятельности австрийского государства в Священной Римской империи как начала особой исторической и политической традиции страны.

15 *Mayrhofer-Schmid A.* Hormayr und die Romantik. Diss. zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1949. S. 10–20; *Landi W.* Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen / red. G. Pfeiffer. Bozen, 2008. S. 385; *Gant B.* Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck, 2003.

посвященный выдающимся деятелям истории Австрии и земель, вошедших с ней в состав державы Габсбургов. В нем отдельный очерк был отведен Николе Зринскому-старшему, представителю известного хорватского аристократического рода и участнику сопротивления османской экспансии. После 1816 г., когда Хормайр вернулся к работе в качестве «официального историографа», он опубликовал два крупных сочинения в рамках консерватизма и династического патриотизма. Ими стали «Всеобщая история новейшего времени от смерти Фридриха Великого до Второго Парижского мира» и «Малая история Отечества». В первой Хормайр рассмотрел роль хорватских и сербских участников Наполеоновских войн в обороне «семьи народов». В «Малой истории Отечества» Хормайр углубил высказанные им ранее идеи конкретными образами, например, очерком о Николе Зринском-младшем, политике и писателе XVIII в., авторе поэмы «Падение Сигета», посвященной подвигу его предка.

Исследование по данной тематике возможно с позиций истории понятий. Это связано с анализом формирования и культивации австрийскими консерваторами идеи «австрийского» как «суммы достижений» всех этнических общностей империи Габсбургов. Данная идея развивалась такими мыслителями и политиками, как Фридрих фон Генц и Адам Мюллер, до конца 1820-х гг. В то же время заслуживает внимания с позиций этого направления попытка Хормайра подтвердить связи с остальной «семьей народов» двух славянских общностей – сербской и хорватской. Нередко эта проблема остается в тени венгерского вопроса в державе Габсбургов, который также влиял на отношения Вены с хорватской и сербской элитами.

Хормайр не подготовил обобщающих трудов по истории Хорватии и Сербии. Это связано с тем, что в приоритете у историографа были сюжеты, связанные с историей Тироля, Австрии и монархии Габсбургов в контексте различных эпох. Более того, историограф не владел венгерским, а также славянскими языками, что ограничивало его возможности по работе с источниками по хорватской и сербской истории. Поэтому большинство материалов, где затрагивались эти сюжеты, выходили с позиции их восприятия через призму австрийской и, в меньшей степени, венгерской истории. Данное утверждение справедливо по отношению к его работам о периодах как Средневековья, так и Нового времени.

Первые по времени очерки, где Хормайр коснулся сербской и хорватской истории, вышли в «Австрийском Плутархе». Более того, именно в этом сочинении было опубликовано первое повествование

о хорватском по происхождению историческом деятеле – Николе Зринском-старшем. В «Плутархе» не было отдельных очерков, посвященных хорватским монархам не из династии Габсбургов, а также сербским князьям и королям – в отличие от материалов по Чехии и Венгрии. Так, династии Пржемысловичей Хормайр уделил серию очерков в «Австрийском Плутархе» и в последующих работах. Также были значительны по объему смысловые блоки об Арпадах и отдельные очерки о Ягеллонах, занимавших венгерский и хорватский троны в 1490–1526 гг. Монархам из династий Трпимировичей и Неманичей не было посвящено отдельных очерков.

В случае с Сербией это объяснимо тем, что все территории с сербским населением так и не были объединены под властью Габсбургов. Иная ситуация наблюдается в Хорватии. Собственно хорватские земли стали попадать в орбиту влияния Габсбургов в XV в. Тогда эрцгерцог Австрии из Альбертинской линии рода Ладислав Постум в 1445–1457 гг. занимал венгерский и хорватский престолы на основании личной унии. С 1526 г. Габсбурги занимали трон Хорватии непрерывно, несмотря на то что большая часть собственно хорватских земель не была подконтрольна им в то время.

Очерки о монархах в «Австрийском Плутархе» распределялись по рубрикам «Австрийские правители» и «Чешские правители», в зависимости от того, где те играли основную роль или занимали первый по времени престол. Полководцы, политики и иные персоналии, которым были посвящены отдельные очерки, обычно помещались в рубрику «Известные австрийцы», даже если земли их происхождения не были связаны политически с Австрией на первых порах. Нередко хорватское и сербское направление политики Габсбургов были в тени проблем «врачевания империи» в Средние века или борьбы за объединение Центральной и Восточной Европы в Раннее новое время. Исключением представляли сюжеты о борьбе с османской угрозой. Например, в очерке о Яноше Хуньяди говорилось о венгерском регенте как о примере, который привлекал внимание не только венгров, но хорватов, валахов, молдаван и сербов¹⁶. Правившие после смерти Матьяша Корвина Владислав II и Людовик II из династии Ягеллонов¹⁷, напротив, подверглись критике за их неспособность повлиять на аристократию и пресечь ее внутренние распри при росте турецкого давления¹⁸.

16 *Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien, 1807. Bd. 2. S. 106.*

17 Они также занимали королевские троны Чехии и Хорватии.

18 *Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien, 1812. Bd. 18. S. 110–199.*

Иными словами, на первых порах Хормайр отвел хорватской и сербской общностям скорее роль объекта в борьбе за «венгерское наследство» и против османского вторжения. Единственным хорватским деятелем, удостоенным отдельного очерка в «Плутархе», был Никола Зринский-старший (1508–1566), бан Хорватии, Далмации и Славонии. Очерк о нем был включен в седьмой том «Плутарха». Уже в аннотации перед основным текстом Хормайр отметил главные заслуги бана и полководца – противостояние османскому вторжению в Венгрию. В самом начале повествования Зринский сравнивался с царем Спарты Леонидом, а самопожертвование бана во время обороны Сигетвара в 1566 г. – с подвигом спартанцев под Фермопилами. В условиях моды на античность такое сравнение выглядело закономерным. Однако публикация этого очерка в условиях подготовки «войны немецкой чести» 1809 г. против Наполеона давала прямой мобилизационный посыл¹⁹ для всех общностей империи, включая негерманские.

В очерке Хормайра Никола Зринский назван «Венгерским Леонидом»²⁰. Связано это с географией произошедших событий, несмотря на то что Зринские были родом хорватского происхождения. Семейство изображалось Хормайром как веками служившее венгерским королям. Такое противоречие не помешало историографу говорить о «счастливой смерти (Зринского. – Г. Р.) во имя Свободы и Отечества» в период борьбы с экспансией османов в Европе. Никола изображен продолжателем семейных традиций Зринских и верным присяге аристократом по контрасту с другими венгерскими магнатами, особенно Яношем Запольяи²¹, боровшимся вместе со своими сторонниками против воцарения Габсбургов в Венгрии после гибели Людовика II²² в битве при Мохаче в 1526 г.

Становление Николы Зринского как политика и военачальника изображалось в контексте османского наступления в 1520-е гг., краха венгерского государства после битвы при Мохаче, осады Вены в 1529 г. и войн с османами в течение XVI в. Усугубляли положение магнатские распри в Венгрии и Хорватии после гибели Людовика II. Бан Хорватии, Славонии и Далмации в таких условиях изображался лояльным Габсбургам и таким же героем обороны Европы от османов,

19 *Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien, 1807. Bd. 8. S. 92.*

20 *Ibid. S. 95.*

21 *Ibid. S. 96.*

22 Также он был королем Хорватии на основании личной унии с Венгрией и королем Чехии.

как и австрийские по происхождению военачальники – командиры обороны Вены. Главный акцент в биографии Николы Зринского Хормайр поставил на событиях войны 1566–1568 гг., а именно – обороне крепости Сигетвар. Противник Габсбургов, султан Сулейман I Великолепный, изображался способным полководцем, и ведение действий против него было представлено как крайне напряженное.

Хормайр подчеркнул, что отряд Зринского в Сигетваре был укомплектован выходцами из хорватских земель, в т. ч. друзьями военачальника. Он отмечал, что даже небольшие боевые группы во время этой кампании наносили большой ущерб османам, например, уничтожили отряд Мехмед-бея численностью в 4 тыс. человек²³. Численность отряда Зринского была несопоставима с армией Мехмеда-паши Соколлу в 65 тыс. солдат, однако сам хорватский военачальник и его отряд не сдавались. Всего в ходе сражения за Сигетвар Хормайр насчитал семь штурмов крепости и отметил, что все они были отбиты, несмотря на упорство захватчиков. Историограф не считал такое сопротивление бессмысленным: напротив, он назвал его участников «венгерскими спартанцами», сдержавшими мощный натиск врага²⁴. Смерть Сулеймана во время осады Сигетвара означала приостановку боевых действий со стороны османов и временное снятие угрозы армиям Габсбургов.

Тяжелые условия сопротивления в последние дни обороны Сигетвара и разрушение крепости османскими обстрелами, тем не менее, не привели к капитуляции. В пользу готовности хорватов и венгров и дальше сдерживать натиск Хормайр привел слова бывшего камергера Зринского, Франьо Чрнко²⁵: «Эти собаки (османские воины. – Г. Р.) не смогут сказать, что они принудили меня сдать». Выход Зринского и остатков его отряда в последний бой Хормайр описал как «продолжение отцовского подвига»²⁶: в доказательство тому историограф привел «отцовскую саблю», с которой Никола Зринский пошел в бой²⁷. Финальным штрихом к портрету военачальника стали его последние слова,

23 *Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Bd. 8. S. 99.*

24 *Ibid. S. 104.*

25 В тексте – Франц Чернок. В публикациях Хормайра имена негерманских исторических личностей, как правило, германизировались для упрощения восприятия текстов немецкоязычным читателем.

26 Отец героя обороны Сигетвара, Никола III Зринский, был в числе магнатов, которые помогли Фердинанду I Габсбургу избраться королем Хорватии, Славонии и Далмации.

27 *Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Bd. 8. S. 105.*

приведенные его камергером: «Мы попадаем в рай не из-за противника, а из-за того, что Господь освободил нас при помощи огня [...]. Мы должны умереть как мужчины, которых Господь призовет к вечной жизни, вне зависимости от того, переживем ли мы этот день или нет»²⁸. Конеч сражения Хормайр представил в виде легенды, не нашедшей подтверждения в свидетельствах: историограф создал легенду о подрыве последними защитниками пороховых складов Сигетвара. Хормайр при этом отметил, что взрыв нанес большой ущерб османской армии. Так образ «венгерских трехсот спартанцев» дополнялся эсхатологическими мотивами, которые отразили переход от увлечения античностью к медиевализму²⁹ в романтической историографии того времени.

Говоря о цене турецкой победы под Сигетваром, Хормайр говорил о двадцати тысячах погибших османских солдат. При этом османским военачальникам историограф приписал элемент рыцарской добродетели, а именно уважение к отваге павшего противника. Его Хормайр выразил тем, что вставил в повествование эпизод с высылкой тела Николы Зринского графу Зальму в Дьёр (Рааб). К савану, как отметил историограф, было приложено письмо с рассказом о подвиге бана. Очерк завершается повествованием о судьбе останков Зринского-старшего и о дальнейшей истории рода. При этом Хормайр уже тогда продемонстрировал знакомство с поэмой Николы Зринского-младшего «Падение Сигета»³⁰ (1645–1646 гг.). Образ Зринского-старшего стал архетипом при дальнейшем раскрытии Хормайром роли хорватов и сербов в защите империи Габсбургов. Хорватам на основании этого очерка приписывалась верность Габсбургам, а также готовность держать оборону до последнего даже ценой своей жизни в силу веры в «вечную жизнь». Так подчеркивалось, что сохранение верности католицизму и христианству в целом помогло сохраниться хорватам как народу, а затем сделать верный выбор в пользу избрания Габсбургов на королевский трон. Отмечалось, что османскую опасность осознавали и хорватские магнаты, в отличие от венгерских, чьи группировки боролись за власть, прибегая к помощи турок.

28 Ibid. S. 106.

29 Т. е. активному использованию средневековых образов и элементов культуры в дискурсе своего времени. См.: Мобилизованное Средневековье. Т. 1. Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д. И. Алимова, А. И. Филюшкина. СПб., 2019. С. 121–172.

30 В оригинале на венгерском языке – “Szigeti Veszedelem”.

К сюжету о Николе Зринском-старшем Хормайр и его венгерский соавтор Алайош Меднянский вернулись в 1820-е гг. в «Малой истории Отечества». Во втором томе, вышедшем в 1821 г., Хормайр и Меднянский обратились к наследию правнука защитника Сигетвара – Николы Зринского-младшего, военачальника и писателя середины XVII в.³¹ Авторы обратили внимание на воинские традиции и верность Габсбургам, характерные для Зринских до последней трети XVII в., на участие их военачальников в отражении османских вторжений и в Тридцатилетней войне. Отец Николы Зринского-младшего, Юрай, изображался «окропившим меч турецкой и шведской кровью», т. е. причастным к защите владений и интересов Габсбургов в Европе³². Помимо этого, Хормайр и Меднянский подчеркнули лояльность не только бана, но и сословий Фердинанду III, в пользу чего привели поддержку Сабором «генерала всех хорватов»³³. Хормайр и Меднянский продолжили культивацию легенды о Зринских уже на примере Николы-младшего: в рассказ был включен сюжет о том, что «Великий Визирь [Фазыл Ахмед-паша Кёпрюлю] требовал в качестве условия для заключения мира дань и голову Зринского»³⁴.

Вторая часть повествования, посвященная Николе Зринскому-младшему как культовой фигуре и писателю, уступает по объему образу Зринских как военачальников. В предисловии к ней Хормайр и Меднянский рассказали о судьбе последних представителей семейства и их роли в антигабсбургской оппозиции Франкопанов, Тёкёли и Ракоци, в которую, как изобразили авторы, Зринские попали помимо своей воли³⁵. По мнению Хормайра и Меднянского, это обстоятельство и последующее прекращение рода не перечеркнули его историческое и культурное наследие в державе Габсбургов. Последующая часть очерка объемом в ¼ от всего текста была посвящена «Зриниаде». Так Хормайр назвал поэму «Падение Сигета», посвященную Зринским-младшим прадеду – Николе Зринскому-старшему. Хормайр и Меднянский представили критику поэмы как исторического источника. Оба классифицировали «Падение Сигета» как «поэму, посвященную венгерскому дворянству, вставшему на защиту своей

31 *Hormayr J. von., Mednyanski A.* Taschenbuch für die Vaterländische Geschichte. Wien, 1821. Bd. 2. S. 360–400.

32 *Ibid.* S. 362.

33 *Ibid.*

34 *Ibid.* S. 374–375.

35 *Ibid.* S. 385–388.

Родины»³⁶. Т. е. оба считали Зринских частью «венгерской нации», а именно той части аристократии, которая была лояльна Габсбургам. Этих людей, как и самих Зринских, Хормайр и Меднянский называли «наследниками Корвинов», т. е. Яноша Хуньяди и Матьяша Корвина, правивших в Венгрии во второй половине XV в. Данный период нередко называли «последним расцветом» Венгерского королевства в культурном, политическом и военном смыслах.

Тема верности христианству и Габсбургам в среде хорватов, а затем и сербов развивалась далее и в других сочинениях Хормайра. После 1816 г. он обратился к их образам в Раннее новое время и эпоху Наполеоновских войн, концентрируя внимание преимущественно на военнослужащих. Первым таким сочинением стал сборник документов «Армия Внутренней Австрии под командованием эрцгерцога Иоганна в войне 1809 г. в Италии, Тироле и Венгрии». Работа вышла уже после окончания Венского конгресса и была нацелена на формирование официальной картины событий «войны немецкой чести» 1809 г. При этом Хормайр обратил в ней внимание не только на Тирольское восстание 1809–1810 гг., но и на боевые действия императорской армии против французов в Далмации, Венето и Иннфиртеле. Миссия Австрии и проживавших в ее составе народов глазами Хормайра представлялась как «восстановление справедливости», которую несла власть Габсбургов в германских землях и Австрии.

Из хорватских участников войны 1809 г. Хормайр отметил первым генерала Франьо (Франца) Елачича. Под его командованием австрийские войска нанесли поражение Наполеону при Сацилле 16 апреля 1809 г. В заслугу генералу Хормайр поставил срыв продвижения французов на австрийском и итальянском направлениях. В то же время историограф не скрывал цену успеха, а именно – тяжелые потери австрийской армии. Однако столь обширная по объему апологетика генералу хорватского происхождения была показательна. До этого основное внимание Хормайр уделял полководцам из числа австрийских немцев или венгров. Здесь же место отведено и хорватским поданным Габсбургов.

Однако в «Армии Внутренней Австрии» роль Елачича и вверенных ему войск была завышена с учетом ситуации. Хормайр оправдал отход от изначально наступательного плана использованием рельефа местности, дабы навязать французам и баварцам необходимость штурмовать

36 Ibid. S. 390.

подготовленные позиции³⁷. Причиной этого называли недостаток сил, т. к. война шла на нескольких направлениях, а правительство в Вене опасалось нового венгерского восстания и уязвимости столицы.

Хормайр обращает внимание на заслуги младшего командного состава армии начиная с летнего отступления 1809 г. Именно он и демонстрировал сплоченность «семьи народов» под властью Габсбургов, а также готовность жертвовать собой во благо «Господа, Императора и Отечества». Примером может послужить публикация письма эрцгерцога Иоганна от 18 мая 1809 г., в котором член императорского дома упоминает подрыв капитаном Петаром Янковичем укрепления, захваченного французскими войсками³⁸. Изображение подвига капитана было подобным легендарному описанию последнего боя Николы Зринского при обороне Сигервата в 1566 г. Так Хормайр стал формировать «пантеон героев» Наполеоновских войн, и в него входили не только военачальники, но и низовой состав императорской армии, в том числе негерманского происхождения. Капитан Янкович был здесь не случаен: Хормайр делал упор на низовом сопротивлении, на «народной войне» против Наполеона и «антихристианских» порядков. Акцент на хорватах здесь удачно вписывался в контекст: юридически они были подданными венгерской короны, но считались менее склонными к восстаниям, в отличие от венгерских магнатов.

Последним сочинением, в котором Хормайр затронул участие хорватов и сербов в Наполеоновских войнах, стала «Всеобщая история новейшего времени: от смерти Фридриха Великого до Второго Парижского мира». Она охватывала события Французской революции, революционных и Наполеоновских войн. Трехтомник был осмыслением и концептуализацией событий, произошедших в Австрии, Германии, Европе и мире в 1786–1815 гг. Он также преследовал цель показать роль в них державы Габсбургов. Последнее, среди прочего, подразумевало и демонстрацию сплоченности «семьи народов» под властью династии перед внешней угрозой. Роль хорватов и сербов в этих событиях также подлежала осмыслению и представлению.

Хорватские и сербские по происхождению военачальники фигурировали уже в первом томе при раскрытии тем о Революционных войнах

³⁷ *Hormayr J. von. Das Heer von Innerösterreich unter den Befehlen des Erzherzogs Johann im Kriege von 1809 in Italien, Tyrol und Ungarn. Leipzig, 1817. S. 69–70.*

³⁸ Schreiben Sr. kais. Hoheit des Erzherzogs Johann an den kaiserl. Hofrat Hermann Ritter von Hermannsdorf, 18.05.1809. Цит. по: *Hormayr J. von. Das Heer von Innerösterreich... S. 141–142.*

1790-х гг. Первым был упомянут Йосип (Йозеф) Вукасович, который командовал императорской армией при обороне Мантуи от французских войск. Подчеркивалось, что тактика, которую применял генерал, нанесла урон армии Наполеона и не позволила сходу взять осажденную крепость³⁹. В схожем ключе была представлена роль генерала сербского происхождения Павле (Пауля) Давидовича. Его тактика при содействии обороне Мантуи против французской армии также изображалась серьезной проблемой для Наполеона и его подчиненных⁴⁰. Заслуги обоих военачальников изображались как срыв замыслов Бонапарта быстро разгромить армию Габсбургов, а также их вклад в защиту владений Австрийского дома как «семьи народов».

Подчеркивалось, что все народы державы Габсбургов, включая хорватов и сербов, поднялись против «врагов христианства, стремящихся уничтожить дом Габсбургов». Такой образ противника носил религиозную окраску и опирался на представления о Французской революции как «бедствии, подобном турецким вторжениям». Данный подход был характерен для критиков революции, живших в державе Габсбургов, а затем и для австрийского консерватизма первой трети XIX в.

Завершающим штрихом при формировании картины участия хорватов и сербов в обороне державы Габсбургов от армий Наполеона стал образ генерала сербского происхождения Павле (Пауля) Радивоевича. Он был поставлен в один ряд с австрийским фельдмаршалом Карлом цу Шварценбергом, русскими военачальниками Михаилом Кутузовым, Петром Багратионом, а также прусскими генералами Герхардом Шарнхорстом и Августом фон Гнейзенау. Такое сравнение Радивоевича – участника освобождения Италии и Германии от французских войск – с выдающимися полководцами того времени показывало признание заслуг сербов в защите «общего отечества» вместе с немцами, венграми и иными подданными Габсбургов. «Народная война» у Хормайра при описании событий 1813–1814 гг. эволюционировала в «войну народов» за свободу, и каждый из генералов, вне зависимости от своего происхождения, представлял «вождем священной войны»⁴¹. Таковыми считались и сербские, и хорватские генералы Габсбургов.

39 *Hormayr J. von. Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit, vom Tode Friedrich des Großen bis zum zweyten Pariser Frieden. Wien 1817. Bd. 1. S. 332–333.*

40 Ibid.

41 Karl zu Schwarzenbergs Rede am 8. Oktober 1813. Цит. по: *Hormayr J. von. Allgemeine Geschichte... Wien, 1819. Bd. 3. S. 344.*

Хормайр постоянно подчеркивал то, что в составе императорских армий воевали не только немцы и венгры, но и представители славянских общностей. Из них историограф особенно выделил сербов и хорватов, подчеркнув их историческую роль в защите державы Габсбургов, Германии и Европы⁴². Роль хорватов и сербов в истории державы Габсбургов Хормайр представил, в первую очередь, как участие в защите «общего Отечества» в позднее Средневековье и Новое время. В книге преобладали военные нарративы и сюжеты, посвященные лояльности хорватов и сербов «общему делу». Обе этнические группы изначально фигурировали в сюжетах, посвященных борьбе Габсбургов за «венгерское наследство» и объединение Центральной и Восточной Европы для отражения турецкой угрозы. Создавая образы хорватов и сербов, Йозеф фон Хормайр уделял непропорционально большое внимание хорватам. Собираательным образом этой общности стала магнатская династия Зринских, на основе которой и конструировалось восприятие хорватов официальной Веней. При этом Зринские позиционировались автором как «пример всему венгерскому дворянству» в силу личной унии Хорватии и Венгрии, а также активного участия представителей рода в защите венгерских земель. Подчеркивался и вклад этого рода в сохранение памяти о борьбе с внешними угрозами на примере сочинений Николы Зринского-младшего.

Хорваты и сербы – современники Хормайра, например, генералы времен Наполеоновских войн – изображались «наследниками Корвинов», т. е. сторонниками сильного государства, способного дать отпор врагу и содействовать культурному развитию родины. Здесь они стояли на одной ступени с австрийскими немцами, венграми, чехами и другими общностями, которых объединяла принадлежность к «семье народов». Подчеркивалось, что они не приняли ту альтернативу, которую предлагала Французская революция конца XVIII в., и показали свою лояльность Габсбургам. Однако де-факто преобладающая роль из этих двух общностей отдавалась хорватам как признавшим власть Габсбургов ранее, чем сербы. В то же время роль последних в империи культивировалась не только признанием заслуг генералов, но и вниманием к подвигам низового состава. Герои Наполеоновских войн представляли перед читателем преемниками тех, кто защищал как свои страны, так и державу Габсбургов в целом во время «турецкой угрозы». Так обе общности изображались равноценными частями «австрийского» как «сумы достижений» вошедших в него государств и этносов.

42 *Hormayr J. von. Allgemeine Geschichte... Bd. 3. S. 215–216.*

Источники и литература

Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб.: Наука, 2003. 472 с.

Мобилизованное средневековье. Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д. Е. Алимова, А. И. Филюшкина. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2021. Т. 1. 476 с.

Рагозин Г. С. «Дело Австрии – дело Германии»? Консервативное осмысление австрийского участия в германском вопросе эпохи Наполеоновских войн // Диалог со временем. 2022. № 79. С. 293–308.

Рагозин Г. С. Идея наднациональной идентичности в сочинении Й. фон Хормайра «Австрийский Плутарх» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23. № 3. С. 9–21. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.3.042.

Almási G. Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the Early nineteenth century // The Hungarian historical review. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 225–249.

Bock F. Fälschungen des Freiherrn von Hormayr // Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde. 1927. Bd. 47. Heft 2. S. 225–243.

Gant B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck, 2003. 313 S.

Gentz F. von. Österreichisches Manifest vom Jahre 1809. Цит. по: Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim: Hoff, 1838. Bd. 2. S. 336–366.

Hagemann K. “Be proud and firm, the Citizens of Austria!”. Patriotism and Masculinity in Texts of the “Political Romantics” written during Austria’s Anti-Napoleonic wars // German Studies Review. Vol. 29. No. 1 (Feb., 2006). P. 41–62.

Hirn J. Tirols Erhebung im Jahre 1809. Innsbruck: Schwick, 1909. 876 S.

Hormayr J von., Mednyanski A. Taschenbuch für die Vaterländische Geschichte. Wien: Strauss, 1820–1828. In 9 Bde.

Hormayr J. von. Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit, vom Tode Friedrich des Großen bis zum zweyten Pariser Frieden. Wien: Gerlod, 1817–1819. In 3 Bde.

Hormayr J. von. Das Heer von Innerösterreich unter den Befehlen des Erzherzogs Johann im Kriege von 1809 in Italien, Tyrol und Ungarn. Leipzig: Brockhaus, 1817. 412 S.

Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807–1812. In 20 Bde.

Josef Freiherr von Hormayr. Biographie // Heimat und Volkstum. 1936. Nr. 14. S. 145.

Kann R. A. The Case of Austria // *Journal of Contemporary History*. Vol. 15. No.1. Imperial Hangovers (Jan., 1980).

Kronebitter G. Friedrich von Gentz und Metternich // *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*. Graz; Stuttgart: Stockler, 1999. S. 71–88.

Kustatscher E. “Berufsstand” oder “Stand”? Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2016. 580 S.

Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz // *Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen* / red. G. Pfeiffer. Bozen, 2008. S. 385–406.

Mayrhofer-Schmid A. Hormayr und die Romantik. Diss. zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1949. 187 S.

Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie / hg. H. Rumpler. Wien: Überreuter, 1997. 550 S.

Patrouch J. F. The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination // *Austrian History Yearbook* 40 (2009). P. 91–98.

Řezník M. The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Wladiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria // *Hungarian History Review*. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 250–276.

Rychlík J. 1918 – Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha, 2018. 280 s.

Srbik H. von. Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. München: Bruckmann, 1935–1942. In 6 Bde.

Wurzbach C. von. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich / C. von Wurzbach. Teil 9. Wien: Verlag der typografisch-literarisch-artistischen Anstalt, 1863. S. 275–287.

References

Almási, G. «Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the Early nineteenth century.» *The Hungarian historical review*, 2016, vol. 5, no 2, pp. 225–249.

Bock, F. «Fälschungen des Freiherrn von Hormayr.» *Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde*, 1927, 47. Band. 2. Heft, pp. 225–243.

Dann, O. *Natsii i natsionalism v Germanii, 1770–1990*. St Petersburg: Nauka, 2003, 472 p.

Gant, B. *Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie*. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.), Innsbruck: Universität Innsbruck, 2003, 313 p.

Hagemann, K. «“Be proud and firm, the Citizens of Austria!” Patriotism and Masculinity in Texts of the “Political Romantics” written during Austria’s Anti-Napoleonic wars.» *German Studies Review*, vol. 29, no 1 (Feb., 2006), pp. 41–62.

Hirn, J. *Tirols Erhebung im Jahre 1809*. Innsbruck: Schwick, 1909, 876 p.

«Josef Freiherr von Hormayr. Biographie.» *Heimat und Volkstum*, 1936, no 14, p. 145.

Kann, R. A. «The Case of Austria.» *Journal of Contemporary History*, 1980, vol. 15, no 1, Imperial Hangovers, pp. 520–564.

Kronebitter, G. «Friedrich von Gentz und Metternich.» *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*, hg. von R. Rilli und U. Zellenberg. Graz; Stuttgart: Stockler, 1999, pp. 71–88.

Kustatscher, E. «Berufsstand» oder «Stand»? *Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2016, 580 p.

Landi, W. «Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen.» *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen*, hg. von G. Pfeiffer. Innsbruck: Studien Verlag, 2008, pp. 385–406.

Mayrhofer-Schmid, A. *Hormayr und die Romantik. Diss. zur Doktorwürde (Phil.)*. Wien: Universität Wien, 1949, 187 p.

Mobilizovannoe srednevekov'e. Medievalizm i natsional'naia ideologija v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope i na Balkanakh, ed. by D. Je. Alimov, A. I. Filiushkin. St Petersburg: St Petersburg University Publishing House, 2021, vol. 1, 476 p.

Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie, ed. by H. Rumpler. Wien: Überreuter, 1997, 550 p.

Patrouch, J. F. «The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination.» *Austrian History Yearbook*, 2009 (40), pp. 91–98.

Ragozin, G. S. «“Delo Avstrii – Delo Germanii”? Konservativnoe osmyslenie avstrijskogo uchastia v germanskom voprose epokhi Napoleonovskikh vojn.» *Dialog so Vremenem*, 2022, vol. 79, pp. 293–308.

Ragozin, G. S. «Ideia nadnatsional'noi identichnosti v sochinenii J. fon Khormaira “Avstriiskii Plutarkh”.» *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2021, vol. 23, no 3, pp. 9–21. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.3.042.

Řezník, M. «The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Wladiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria.» *Hungarian History Review*, 2016, vol. 5, no 2, pp. 250–276.

Rychlík, J. *1918 – Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa*. Praha: Vyšehrad, 2018, 280 p.

Srbik, H. von. *Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz*. München: Bruckmann, 1935–1942, in 6 Bde.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.01

G. S. Ragozin

**Croats and Serbs in the history of the Habsburg empire:
conservative view of the first third of the 19th century
in the works of Joseph von Hormayr**

German S. Ragozin

Candidate of History, associate professor

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

163000, Prospekt Lomonosova 2, Arkhangelsk, Russian Federation

E-mail: gragozin92@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8695-4096

Citation

Ragozin G. S. Croats and Serbs in the history of the Habsburg empire: conservative view of the first third of the 19th century in the works of Joseph von Hormayr // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 12–33 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.01

Received: 04.04.2023.

Revised: 09.07.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The paper deals with images of non-Germanic ethnic communities in the Habsburg empire conservative historiography in the first three decades of the 19th century, based on Croatian and Serbian cases. The author chose the works of Joseph von Hormayr, who was known as the Austrian conservative activist and politician. He was the one to present the officially accepted understanding of the Austrian and Habsburg imperial history during that period. The sources which are chosen as

the subject of analysis are the following works by Joseph von Hormayr: “The Austrian Plutarch”, “The Inner Austrian Army under command of archduke John during the 1809 war in Tyrol, Italy and Hungary”, “Small Fatherland History” and “General contemporary history from the death of Frederick the Great to the Second Parisian treaty”. These works were aimed to promote the official view of the history of Austria and the Habsburg empire in general and were designed to demonstrate the concept of “Austrian” as a “sum of achievements” belonging to all ethnic communities branded as “the family of peoples”. All these elements appeared in the context of officially adopted conservative ideology and were meant to preserve and foster centralization in the Empire alongside with the loyalty towards the emperor Francis I in both Austro-German and non-Germanic communities. Serbs and Croats were the southern Slavic peoples, which had the most detailed images in Hormayr’s works. The images of these communities appeared in narratives describing the struggle against “Turkish menace” and maintaining the historical memory of it, as well as on images of Serbs and Croats participating in the Napoleonic wars. The author concludes that military narratives were dominating in forming the images of Serbs and Croats in the Habsburg empire. The struggle against Ottoman and Napoleonic expansion were united into a single historical line demonstrating Croats and Serbs as members of “the family of peoples” obtaining the same rights as the Austro-German and other non-Germanic communities under the Habsburg reign. Both the chosen images, the medievalist cultural patterns and the concepts developed by the Austrian conservative ideologists and politicians in the early 19th century followed this pattern.

Keywords

Austrian history, the Austrian conservatism, Joseph von Hormayr, Napoleonic warfare, Zrinyi family, images of the past, conservative historiography.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

И. А. Бабоша

**Надзор тайной полиции Царства Польского
за польской эмиграцией в 1831–1839 гг.
(по донесениям военных губернаторов Варшавы
в Третье отделение)**

Бабоша Иван Александрович

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

Ведущий редактор

Фундаментальная библиотека ИНИОН РАН

117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская
Федерация

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2502-3906

Цитирование

Бабоша И. А. Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в III отделение) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 34–52. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

Статья поступила в редакцию 14.04.2023.

Рецензирование завершено 01.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья посвящена анализу наблюдений зарубежной агентуры тайной полиции Царства Польского в 1830-х гг. за польской эмиграцией, образовавшейся после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. В научный оборот вводится неизвестный ранее источник – донесения военных губернаторов Варшавы в III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) с 1831 по 1839 г. Среди донесений обнаружены некоторые рапорты уже известных по литературе агентов, Вернера и Шостаковского. Эти отчеты позволяют осветить проблематику деятельности польской эмиграции XIX в. с точки зрения российского политического сыска, которая мало учитывалась в историографии польского национального движения.

Полиция при наместничестве И. Ф. Паскевича в Царстве Польском (1831–1856 гг.) сохраняла автономию от III отделения, обладая собственной агентурой в среде польской эмиграции. Важное место в донесениях занимают рапорты, в которых анализируются отношение Австрии к польской эмиграции и значение Краковской республики в деятельности «польских выходцев». Анализ донесений позволяет сделать вывод о том, что работа российской агентуры была направлена прежде всего на конкретные угрозы государственной безопасности – проекты цареубийства и планы по отправке эмигрантов в бывшие польские земли. Идеологические различия между эмигрантскими фракциями имели для полиции второстепенное значение.

Ключевые слова

Донесения агентов, политический сыск, агентура, польская эмиграция, цареубийства, Царство Польское, Третье отделение.

В историографии устоялось представление о том, что заграничная агентура III отделения СЕИВК была создана для надзора за польской эмиграцией, образовавшейся после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском¹. Кроме того, в работах И. М. Троцкого, И. В. Оржеховского и П. П. Черкасова, разделявших эту точку зрения, также высказывалось мнение, что после восстания в этом ведомстве сосредоточилось все руководство российской агентурной сетью за рубежом². В начале 1830-х гг. для наблюдения за «польскими выходцами» к штату III отделения присоединились

¹ См., например: *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018. С. 103–138 (польский оригинал вышел в 1928 г.); *Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 8–9; *Бибииков Г. Н. А. Х.* Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 282–287.

² *Троцкий И. М.* III отделение при Николае I. М., 1930. С. 59; *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 69; *Черкасов П. П.* Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // *Родина.* 2007. № 9. С. 56–62; *Черкасов П. П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008. С. 173–175.

некоторые бывшие сотрудники политического сыска Царства Польского при вел. кн. Константине Павловиче. Они специализировались на польских делах и организации зарубежной агентуры (А. Сагтынский, К. Швейцер и др.). И. В. Оржеховский и П. П. Черкасов обратили внимание на подобный транзит кадров, говорящий о возросшем значении III отделения как органа внешней разведки после событий 1830–1831 гг.

Тем не менее эта реформа не означала, что заграничный сыск стал исключительной прерогативой III отделения под началом Бенкендорфа. Указанной сферой занимались разные ведомства. В частности, информацию о польской эмиграции Николай I мог получать непосредственно из личной переписки с И. Ф. Паскевичем, который опирался на данные своей агентуры³. В области внешней разведки полиция Царства Польского сохраняла определенную независимость. И поэтому ее деятельность требует особого изучения.

В литературе рассматривалась структура полицейских органов Царства Польского в эпоху наместничества Паскевича (1831–1856 гг.)⁴. Г. Н. Бибиков исследовал сюжет о соперничестве Бенкендорфа и светлейшего князя Варшавского по вопросу организации жандармерии в этом регионе⁵. Однако до сих пор не выяснены вопросы, как полиция Царства Польского взаимодействовала с III отделением в сфере надзора за «польскими выходцами» и что из себя представляла ее деятельность на этом направлении.

Отчасти пролить свет на эти проблемы позволяет практически неизвестный в историографии источник – донесения военных губернаторов Варшавы⁶ в III отделение. В фонде 109 ГА РФ нам удалось

3 Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 201.

4 См., например: *Próchnik A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // Studia i szkice (1864–1918). Warszawa, 1962. S. 47–104; Носов Б. В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016. С. 134; Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa, 2019. S. 217–219, 244–246.*

5 См.: Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф... С. 202–209.

6 Военный губернатор Варшавы являлся по сути первым заместителем наместника. Он руководил военной администрацией, следственными комиссиями, тайной полицией. У него были свои канцелярия и штаб. См. подробнее: Kulik M. Armia rosyjska... S. 184–185.

найти отчеты с 30 октября (11 ноября) 1831 по 6 (18) марта 1839 г.⁷ Среди авторов этих документов указывались И. О. Витт, Н. П. Панкратьев, Е. А. Головин и Ф. К. Нессельроде (начальник 3-го жандармского округа)⁸. Донесения выходили раз в 2–3 месяца, а по объему в среднем составляли около 100 рукописных листов. Несмотря на то, что каждый такой отчет приписывается конкретному автору, эти источники являются не единичными авторскими текстами, а собраниями документов разных типов.

Каждый из отчетов можно условно разделить на три части. В начале обычно были два раздела, всегда написанных по-русски. Первый назывался «Записки о происшествиях в городе Варшаве» и содержал краткую сводку преступности, природных бедствий и т. п. Во втором разделе размещалась таблица со списками приехавших в Варшаву и уехавших из нее. Наконец, третья часть, составляемая чаще всего на французском и вмещающая в себя агентурные записки, представляет для нас наибольший интерес.

Стоит учитывать, что военные губернаторы Варшавы находились в распоряжении Паскевича. Их донесения Бенкендорфу свидетельствуют скорее о межведомственной кооперации, а не об отношениях подчинения. Важно иметь в виду, что полномочия возглавляемой Бенкендорфом общеимперской системы жандармерии только частично распространялись на Царство Польское. После подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. по настоянию шефа жандармов в этом регионе был учрежден 3-й жандармский округ. Однако Паскевич настоял, чтобы начальник этого округа подчинялся лично ему. Его подотчетность шефу III отделения сводилась к тому, чтобы сообщать последнему о деятельности местной полиции и испрашивать его мнения по поводу кадровых предложений наместнику⁹.

В литературе подробно исследованы политическая жизнь и идеология эмиграции, ее деятельность по подготовке восстаний

7 ГА РФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 2а. Д. 165–195.

8 В электронном каталоге ГА РФ авторство всех отмеченных донесений атрибутируется И. О. Витту, хотя в действительности он оставил пост военного губернатора еще в конце 1832 г. Отчет 8 (20) ноября 1832 г. в отсутствие военного губернатора подготовил Ф. К. Нессельроде (см.: Там же), а с 1833 г. в качестве их составителя указывался уже Н. П. Панкратьев (см., например, отчет 10 (22) апреля 1833 г.: Там же. Д. 174. Л. 91).

9 Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф... С. 208–209.

в польских землях¹⁰. Тем не менее для освещения данных сюжетов агентурные рапорты приводились лишь спорадически, как дополнительный источник для проверки фактологии. Историки польского национального движения не рассматривали специально позицию царских властей. Цель данной статьи – определить, какие направления деятельности польской эмиграции интересовали органы политического сыска Царства Польского в период 1831–1839 гг.

Первые сведения о судьбе некоторых бежавших за границу членов политического руководства восстания появились в отчете И. О. Витта 24 ноября (6 декабря) 1831 г. Сообщалось, что Бонаventura Немоевский, Теофиль Моравский и Анджей Плихта прибыли в Париж¹¹. Немоевский – последний председатель повстанческого правительства, Моравский и Плихта были в нем министрами. Первые двое также входили в группу «калишан» – либеральных политиков из Калишского воеводства. На тот момент сведения о судьбе высокопоставленных повстанцев могли представлять интерес для разведки. 6 ноября 1831 г. они участвовали в создании Временного комитета польской эмиграции в Париже – первого представительного органа польских выходцев на чужбине. Предполагалось, что он станет правопреемником сейма Царства Польского. Однако комитет оказался слишком умеренным для радикально-демократического лагеря эмиграции¹².

Радикалы из бывшего Патриотического общества во главе с М. Мохнацким были возмущены заявлением Немоевского маркизу Ж. Лафайету о том, что «поляки, ищущие убежища во Франции, не преследуют никаких политических целей» и даже не намерены отмечать годовщину восстания 29 ноября 1830 г. В итоге большинство демократов перешло в комитеты под руководством известного историка и революционера Иоахима Лелевеля (также бывшего члена повстанческого правительства) и генерала Юзефа Дверницкого, которые решительно выступали за восстановление Польши в границах 1772 г. Проект Немоевского провалился¹³.

В дальнейших отчетах «калишане» были оттеснены на второй план более интересными для политического сыска радикалами.

10 См. наиболее полную библиографию о «Великой эмиграции» в целом: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.

11 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 165. Л. 22.

12 *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 19.

13 Там же.

В падении популярности Б. Немоевского и его соратников полиция могла убедиться из перехваченного письма от 28 января 1832 г. графа Адама Гуровского (одного из лидеров демократического лагеря, а затем ренегата)¹⁴ неизвестному адресату в деревню Вышина близ г. Конина (Калишское воеводство Царства Польского). «Красный граф» отметил, что Немоевский и Теодор Моравский (брат упомянутого выше Теофиля) – «...сумасшедшие, эгоисты, интриганы, они хотели бы доминировать еще и здесь и привести к потере оставшейся части от того, что они не сумели растерять в Польше»¹⁵.

В донесениях не приводилось полноценного описания эмигрантских группировок. Линии расхождения между лагерями обозначались лишь общими штрихами. Примечательно, что авторы отчетов отождествляли те или иные общества с предводителями эмиграции, а не с их политическими программами. Например, в донесении 20 марта (1 апреля) 1833 г. сообщалось о разладе между партиями князя Адама Чарторыйского и Лелевеля, последствия которого чувствовались в самой Польше. Эти партии имели разные представления о будущем устройстве Польши, и каждая из них стремилась расправиться с противником. Согласно этому донесению, Лелевель и его сторонники из радикально-демократического лагеря желали «безжалостно уничтожить» всех высших сановников и офицеров Царства Польского, оставшихся в стране после подавления восстания. Либерально-консервативная партия Чарторыйского, наоборот, призывала к «умеренности» и примирению с прошлым¹⁶. В этом рапорте также обращает на себя внимание то, что агента делала акцент не на идеологической программе Чарторыйского и Лелевеля (оба были врагами самодержавия), а на средствах борьбы, к которым могли прибегнуть возглавляемые ими общества. Очевидно, что полиция интересовалась в первую очередь конкретными шагами, которых можно было ожидать от этих партий.

Наблюдения за разногласиями в среде «польских выходцев» создавали у тайной полиции впечатление о скором и неминуемом разложении эмиграции под бременем внутренних противоречий. В донесении 9 (21) октября 1833 г. указывалось, что вражда между партиями Лелевеля и Чарторыйского «вышла на более высокий

14 См. о нем подробнее в первой (и пока единственной) части монументальной монографии Х. Глембоцкого: *Głębocki H. "Diabeł Asmodeusz" i kraj przyszłości*. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012.

15 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 166. Л. 50.

16 Там же. Д. 173. Л. 122.

уровень». Чарторыйского, генерала Ю. Бема и их сторонников демократы стали публично называть русскими шпионами. В связи с этим авторы отчета подытожили, что «с каждым днем польская эмиграция во Франции все больше тяготеет к распаду» и что все больше увеличивается число тех эмигрантов, кто хочет уехать в Америку¹⁷. При уровне развития коммуникации того времени отъезд за океан означал отказ от активной борьбы.

Надежды на распад польской эмиграции подкреплялись сведениями из перлюстрированной корреспонденции. В донесении Н.П. Панкратьева от 26 мая (7 июня) 1834 г. отмечалось: «...переписка польских выходцев полностью поменяла свой тон. С недавнего времени среди эмигрантов «царит великое уныние». Со дня на день все больше эмигрантов выказывают желание воспользоваться благами амнистии, и кажется, что постепенно большинство из них было бы очень радо рассмотреть возможность возвращения на родину, поскольку уже Адам Гуровский, один из главных поборников польской национальности, [...] обратился в русское посольство за помилованием»¹⁸.

Оптимистические прогнозы российской агентуры не сбылись. Эмиграция, несмотря ни на что, сохранилась. Вплоть до 1860–1870-х гг. она оставалась одним из главных объектов полицейского надзора¹⁹. «Национальная измена» А. Гуровского была скорее исключением и являлась следствием его духовной эволюции и личностного кризиса²⁰. Другие лидеры эмиграции не последовали примеру «красного графа».

Кроме Западной Европы агентурный надзор варшавской полиции распространялся на пограничье Царства Польского. Особое внимание в 1830-х гг. привлекала Краковская республика, служившая перевалочным пунктом для эмигрантов между Западом и польскими землями.

В отчете 17 (29) июля 1832 г. сообщалось о деятельности краковского купца Леона Бохенека²¹. Он снабжал беглых студентов-повстан-

17 Там же. Д. 176. Л. 3.

18 Там же. Д. 178. Л. 46.

19 Об этой эпохе см.: *Бабоша И. А.* Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // *Родина*. 2022. № 10. С. 106–109.

20 Гуровский весной – зимой 1834 г. пришел к выводу, что исповедуемые им идеи социализма и универсализма невозможно совместить с независимостью Польши. См. подробнее: *Głębocki H.* “Diabeł Asmodeusz”... S. 322–325.

21 Представитель этой купеческой семьи из Кракова был упомянут не случайно. Его отец Ян поставлял оружие повстанцам во время Ноябрьского

цев фальшивыми паспортами граждан Кракова, которые позволяли переправиться во Францию, Венгрию и различные австрийские провинции. Кроме того, живший близ прусского консульства Бохенек мог обеспечивать потенциальных эмигрантов паспортами в Пруссию, откуда можно было свободно выехать дальше на запад. По слухам, которые передал агент, прусский консул даже указывал коммерсанту места, где приграничный контроль был менее тщателен. Также отмечалось, что купец получал крупные пожертвования из-за границы на содержание студентов²².

В письме 10 (22) октября 1832 г. некий краковский агент указал еще один способ получения поддельных паспортов для отправки во Францию. Студентов за 30 флоринов могли зачислить в ремесленные цеха, которые выдавали сертификат об окончании обучения у мастера. С помощью этого сертификата будущий эмигрант мог приобрести удостоверение ремесленника, позволявшее, в свою очередь, обзавестись паспортом Кракова²³.

В донесениях напрямую не указывалось, как полиция предполагала бороться с такими нелегальными способами пересечения границы. Возможно, что именно на этот случай в каждом отчете составлялись упомянутые выше списки прибывших в Варшаву из-за границы и, наоборот, отправляющихся за рубеж. Там отмечались род деятельности путешественников (варианты: «лекарь», «купец», «кузнец», «граф», «помещик» и проч.) и названия владений, из которых они приехали или в которые направлялись (Познань – «немецкое», Париж – «французское» и т. п.)²⁴. Под именами тех или иных ремесленников в таблицах гипотетически могли скрываться эмиссары-нелегалы.

Полиция следила также за ситуацией в польских владениях Австрии и Пруссии и анализировала их политику в отношении польской эмиграции. Пруссия представляла как относительно нейтральная сторона. Прусские власти свободно пропускали «польских выходцев» через свою территорию, как в приведенном выше случае с прусским консулом в Кракове. В то же время они специально не потворствовали деятельности

восстания 1830–1831 гг. Сам он также поддерживал контакты с эмиссарами Чарторыйского. См. подробнее: *Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w “dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845)*. Kraków; Łódź, 2018. S. 57, 78.

22 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 170. Л. 81.

23 Там же. Д. 171. Л. 85.

24 См., например, список от 30 июля по 6 августа 1832 г.: Там же. Л. 3.

эмиграции. Толерантное отношение прусского правительства к польским эмигрантам во многом объяснялось давлением местного общественного мнения, в то время расположенного к Польше²⁵.

Габсбургская монархия занимала двойственную позицию. В отчете о ситуации в Галиции генерал-майора Ф. К. Нессельроде от 30 января (11 февраля) 1833 г. отмечалось, что приказ австрийских властей, предписывавший всем эмигрантам покинуть страну, носил демонстративный характер. В действительности политическим беженцам (на тот момент – 8 тыс. чел.) предоставлялась возможность продлить свое пребывание в австрийских владениях и даже получить пособие. Для этого было достаточно сделать формальный запрос российскому правительству с прошением о предоставлении амнистии²⁶.

Местные поляки (то есть австрийские подданные) свободно делали пожертвования в пользу беглых сородичей. Например, было отмечено, что 70 эмигрантов получили 1 тыс. дукатов от графини Малаховской²⁷. Эрцгерцог Фердинанд (будущий император в 1835–1848 гг.) ежедневно принимал у себя представителей высших слоев эмиграции²⁸.

В этом же отчете Нессельроде был сделан прогноз о том, что если события будут развиваться таким образом и далее, а восточный вопрос будет вызывать все более серьезное беспокойство у Австрии, то ее польская политика станет более решительной и не ограничится оказанием тайной помощи. В заключительной части донесения указывалось, что австрийские власти могут воспользоваться эмиграцией как «мощным оружием для создания новых проблем» в Царстве Польском, где уже «зреют подрывные элементы»²⁹.

Отчет Нессельроде был написан за полгода до заключения 6 (18) сентября 1833 г. русско-австрийской конвенции в Мюнхенграце. Она предусматривала взаимную гарантию границ польских владений и оказание вооруженного содействия в случае возникновения беспорядков, обещание выдачи государственных преступников

25 См. подробнее об австрийском и прусском взглядах на проблему польской эмиграции в 1830-х гг.: *Кашитанова О. С.* Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // *Меж двух востанов. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 384–385.

26 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 173. Л. 30.

27 Там же. Л. 33.

28 Там же. Л. 32.

29 Там же. Л. 35.

и учреждения строго надзора над участниками польского восстания 1830 г.³⁰ Примечательно, что после заключения этой конвенции в отчетах больше не встречается подобных тревожных сообщений.

В донесениях второй половины 1830-х гг. появляются рапорты конкретных агентов под прикрытием – Наполеона Шостаковского и Антония Куберского (под псевдонимом «Вернер»). Оба были польскими эмигрантами, начавшими работать на Россию³¹.

Шостаковский состоял в «Объединении польской эмиграции» (существовало в 1837–1846 г.) под руководством И. Лелевеля. В рамках этой организации «брюссельский отшельник» пытался сплотить всех эмигрантов революционно-демократических взглядов.

В отчете от 13 (28) января 1838 г. сообщались сведения Шостаковского о программном заседании «Общества космополитов» в Лондоне от 24–27 декабря 1837 г. Под этим наименованием явно имелось в виду вышеупомянутое «Объединение...» Лелевеля. «Космополитический» компонент названия объясняется, по-видимому, тем, что общество исповедовало революционные взгляды, а также присутствием на заседании радикалов из разных европейских стран: 40 поляков (среди заметных участников перечислены сам Лелевель, Ю. Дверницкий, А. Пулаский, Т. Кремповецкий, З. Свентославский, собственно Шостаковский и др.), а также «некоторого числа итальянцев, французов и немцев»³².

В отчете также говорилось о повестке данного заседания «Общества космополитов». В первую очередь революционеры признали возможность ведения длительной партизанской войны на землях бывшей Речи Посполитой (в силу «искренней и непоколебимой веры в будущее восстановление Польши, питавшей каждого поляка», а также «географических особенностей» страны). Кроме того, отмечалась необходимость привлечения к освободительной войне «сельского слоя», евреев и духовенства. Крестьянам обещали выплату «большой суммы» и земельные наделы, а клиру гарантировали право на осуществление образовательной деятельности среди молодежи и сохранность церковного имущества³³.

30 См. подробнее: *Каутанова О. С.* Польский вопрос... С. 398.

31 Биографические справки о Вернере-Куберском и Шостаковском см. в очерке Р. Гербера: *Gerber R.* Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 7–8.

32 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 191. Л. 9.

33 Там же. Л. 10.

По итогам встречи было решено организовать экспедицию в польские земли из 50 человек в апреле 1838 г. или раньше. Подсчитали, что на момент 23 декабря к обществу присоединились 475 членов³⁴, а его денежный фонд составил 3955 флоринов (за счет пожертвований, а также продажи учебников Лелевеля по истории Польши для детей). Прогнозировалось, что к весне эта сумма возрастет до 10 тыс. флоринов, которой должно хватить на отправку упомянутых 50 эмигрантов: как предполагалось, по прибытии на место им «уже больше ничего не потребуется». Конкретные пункты назначения для участников экспедиции предполагалось определить позднее, когда будут собраны деньги. Было решено также немедленно отправить 6 эмигрантов (включая Шостаковского) в другие центры эмиграции (север, юг, восток Франции и остальную часть Англии), чтобы уведомить местных сторонников объединения о текущих планах³⁵. Согласно отчету от 6 (18 марта) 1838 г., данные Шостаковского «по большей части» подтвердил другой агент – упомянутый выше Вернер³⁶.

Разумно предположить, что внимание полиции в этом донесении привлекли прежде всего сведения о подготовке крупной экспедиции в бывшие земли Речи Посполитой. Именно там, пользуясь поддержкой своих сородичей, эмигранты могли напрямую вести подрывную деятельность против властей России, Австрии и Пруссии.

Особенно полицию беспокоила возможность покушений на европейских монархов со стороны представителей польской эмиграции. В отчетах варшавских военных губернаторов сохранилось несколько донесений агента Вернера, в которых сообщалось о планах царевубийств. Вернер входил в круг общения нескольких революционеров из «Молодой Европы», в которой также состояли польские эмигранты из «Молодой Польши». Деятельность этого агента ценил сам Николай I, неоднократно отмечавший важность его сведений в переписке с Паскевичем 1836–1839 гг.³⁷

Вернер расположил к себе Юзефа Наполеона Чапского, одного из членов «Молодой Польши», и получил от него ряд писем с конфиденциальной информацией. В отрывке из донесения 6 (18) августа 1836 г.

34 На рубеже 1830–1840-х гг. «Объединение польской эмиграции» достигнет максимальной численности в 2,5 тыс. человек. См.: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 83.

35 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 191. Л. 13–16.

36 Там же. Л. 50.

37 *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 201.

капитана Массона, который курировал Вернера, указывалось, что письмо Чапского Вернеру от 29 июля того же года содержало инкриминирующие строки: «Скажи, Николай будет присутствовать на коронации Фердинанда? Если да, это значительно укоротит дорогу»³⁸. Революционеры надеялись, что смогут застать царя уже в Вене, на церемонии коронации будущего австрийского императора Фердинанда I. Тогда бы им не пришлось отправляться в более длительную и рискованную экспедицию на территорию России. В конце донесения указано, что последнее письмо Чапского «тщательно сохранено» в качестве доказательства его вины³⁹.

Однако перехватить Чапского не удалось. Согласно донесению Вернера в отчете 27 октября (8 ноября) 1836 г., революционер, прибыв в Страсбург по английскому паспорту, «серьезно заболел» и отменил план поездки в Россию. Но в Страсбурге Вернер заговорщика не обнаружил и, руководствуясь некими «надежными сведениями», отправился искать его в Женеву⁴⁰. В донесении 8 ноября агент Вернер указал, что Чапский действительно заболел чахоткой и оказался в Женеве. При встрече доверявший Вернеру Чапский сообщил, что хотел перебраться в Англию с паспортом на имя Тейлора. По пути туда он собирался обойти стороной Париж. Чапский опасался, что Шнайдера, одного из его соратников, принявшего участие в страсбургском заговоре Луи-Наполеона 30 октября⁴¹, могли арестовать. А это, в свою очередь, могло скомпрометировать самого Чапского⁴².

Будучи в Женеве, Вернер проанализировал настроение других заговорщиков: «На данный момент кажется, что Польша и Россия были полностью забыты находящимися здесь революционерами. Все их взоры обращены ко Франции, где, как они полагают, готовится какое-то катастрофическое событие». Таким образом, агент убедился, что заговорщики из «Молодой Европы» охладели к польско-российскому направлению. Один из коллег Чапского, итальянец Карачелли, на расспросы Вернера о планах российской экспедиции заявил, что его внезапно отозвали для участия в восстании, готовящемся во Франции и Италии. Итальянец намеревался отправиться в Париж с паспортом

38 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 185. Л. 40.

39 Там же. Л. 41.

40 Там же. Д. 186. Л. 15–16.

41 «Страсбургский заговор» 30 октября 1836 г. – первая попытка будущего Наполеона III захватить власть во Франции.

42 Там же. Л. 32–33.

на имя Роберти. Вернер заключил, что в действительности отказ эмиссара от первоначального проекта был вызван скорее страхом⁴³.

Боязнь компрометации и неудачи – вполне логичная причина отказа от покушения. При этом надо отметить, что Франция времен Июльской монархии с ее сильной республиканской оппозицией являлась богатым полем для революционной активности⁴⁴. Упомянутая выше неудачная экспедиция будущего Наполеона III была всего лишь одним из вариантов такой деятельности. Возможно, в глазах заговорщиков риски, связанные с подготовкой убийства монарха, превышали выгоды, которые можно было бы извлечь из французских событий.

В следующий раз сведения о планах цареубийства появились в отчете 29 декабря 1838 (10 января 1839 г.). Вернер, находясь в Страсбурге, узнал у немецкого революционера Раушенплатта, что Дж. Мадзини размышлял об отправке нескольких эмиссаров через Австрию и Венгрию в Россию для покушения на Николая I. Вернер вызвался сопроводить эмиссаров, и Раушенплатт присоединил его к кампании, состоявшей из Карла Фишера, члена «Молодой Германии» (возглавлял экспедицию), вышеупомянутого Чапского, Бервини (уроженца Пьемонта), Зибера (предположительно сына начальника пражского монетного двора) и польского эмигранта Адольфа Залесского (одного из видных деятелей демократического лагеря эмиграции). В качестве орудия цареубийства Бервини и Зибер готовили «адскую машину»⁴⁵.

В отношениях с Фишером Вернеру было предписано придерживаться особой линии поведения. Агенту велели «позволить ему пользоваться полной свободой действий и не препятствовать его отъезду в Венгрию, чтобы воодушевить этим видимым успехом других заговорщиков на отправку в путь», а также «не пренебрегать любыми средствами, чтобы завоевать полное доверие Фишера». С помощью этой меры предполагалось выведать более основательные сведения о тайных планах заговорщиков⁴⁶.

Инструкция Вернеру явно предусматривала не просто сбор информации, а внедрение в революционную организацию с целью пресечения ее преступной деятельности. Означает ли это, что в николаевскую эпоху российская полиция освоила методы политической провокации? Польские историки Я. Кухажевский и Х. Глембоцкий полагали,

43 Там же. Л. 34.

44 *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 132–133.

45 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 194. Л. 32–33.

46 Там же. Л. 37.

что царский политический сыск уже располагал к тому времени шпионско-провокационным аппаратом⁴⁷. П. П. Черкасов и О. Ю. Абакумов считают, что метод провокации российская полиция стала осваивать только к началу 1860-х гг. Они ссылаются на позицию парижского резидента III отделения Я. Н. Толстого, который выступал против вмешательства агентов в деятельность польской эмиграции⁴⁸.

Представляется, что случай Вернера нельзя экстраполировать на всю практику политического сыска России. В указанной выше работе О. Ю. Абакумова показано, что еще в начале 1860-х гг. кроме Толстого скепсис к методу провокации испытывали также некоторые чиновники III отделения. Рассмотренные нами примеры явно говорят о том, что организация заграничной агентуры в 1830-х гг. оставалась децентрализованной и слабо институтизированной. Профессиональная подготовка агентов и единые стандарты ведения агентурной деятельности отсутствовали. Агентуру курировали представители военной администрации через неформальные каналы. Следовательно, невозможно уверенно утверждать, насколько характерен был тот или иной метод для сыскной системы в целом. Ясно одно: в 1830-х гг. полиция Царства Польского могла позволить себе содержание как рядовых информаторов, так и штучных агентов-провокаторов, внедренных в польскую эмиграцию.

В ежегодном отчете III отделения за 1838 г. приведено своеобразное подведение итогов деятельности агентов польской эмиграции в этот период, о которой докладывали в том числе Вернер и Шостаковский: «Заграничные польские комитеты, как видно из поступивших миссий наших и агентов высшего наблюдения сведений, отправили от себя в начале весны большее число эмиссаров, которые должны были проникнуть как в западные наши губернии, так и в Царство Польское, а некоторые и в здешнюю столицу, с преступным против Священной Особы Государя императора намерениями; однако же, сколько известно ни один из них не проник в наши пределы»⁴⁹.

Свидетельствует ли это заключение, что угроза со стороны эмиссаров была преувеличенной? Ясно, что Вернеру было выгодно раздуть опасность потенциальных цареубийц, чтобы подчеркнуть свою полезность.

47 Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 132; Głębocki H. "Diabeł Asmodeusz"... S. 304.

48 Абакумов О. Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». С. 5, 32; С. 76, 130; С. 142; Черкасов П. П. Русский агент... С. 413–414.

49 Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 184.

В то же время очевидно, что российская разведка не могла проигнорировать даже ничтожные сигналы о покушениях на особу монарха.

Эпизод же с неудачной отправкой эмиссаров «Объединения польской эмиграции» Лелевеля весной 1838 г. в бывшие земли Речи Посполитой говорит о способности российского политического сыска оперативно отслеживать возможные угрозы. Не случайно в мае этого года в Вильно был схвачен Шимон Конарский, соратник Лелевеля и руководитель революционной организации «Содружество польского народа», который еще с 1835 г. вел подпольную деятельность на территории польских губерний Российской империи⁵⁰.

Подводя итог, отметим, во-первых, что заграничный сыск Царства Польского следил прежде всего за проектами царубийства и планами отправки эмиссаров в польские земли. Эти направления связывались непосредственно с фигурой Лелевеля, демократическим лагерем эмиграции, а также союзными им радикалами из других европейских стран. Примечательно, что именно в этой среде работали важнейшие агенты, Вернер и Шостаковский.

Во-вторых, заграничный сыск почти не интересовался нюансами идеологического противостояния между группировками «польских выходцев». Нет упоминаний о попытках агентов использовать разногласия среди эмиграции с целью посеять в ней рознь. Вероятно, руководители полицейского сыска не видели в этом необходимости, полагая, что эмиграция развалится сама из-за внутренних противоречий. По-видимому, агентуру предполагалось использовать прежде всего для предупреждения конкретных диверсий, а не для изоэщренных психологических операций.

В-третьих, варшавская полиция явно располагала развитой сетью осведомителей в приграничных с Царством Польским районах. Ей было известно, по каким каналам эмигранты снабжаются средствами и фальшивыми паспортами в Краковской республике. Она знала о заигрываниях австрийского руководства с польской эмиграцией и просчитывала риски такой политики для России.

Наконец, полиция Царства Польского и после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. во многом сохранила самостоятельность от III отделения. Она делилась информацией с ведомством Бенкендорфа, но не подчинялась ему. Паскевич обладал собственной заграничной агентурой на польском направлении и отчитывался о ее деятельности напрямую перед царем.

50 *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 58–61, 92–93.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Абакумов О. Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 214 с.

Бабоша И. А. Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // Родина. 2022. № 10. С. 106–109.

Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.

Капитанова О. С. Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М.: Индрик, 2016. С. 383–461.

Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М.: Издатель Степаненко, 2018. 500 с.

Носов Б. В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М.: Индрик, 2016. С. 89–199.

Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982. 207 с.

Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры: Российский Архив, 2006. 706 с.

Троцкий И. М. III отделение при Николае I. М.: Издательство Всеобщего Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 139 с.

Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.

Черкасов П. П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2008. 453 с.

Черкасов П. П. Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.

Głębocki H. “Diabeł Asmodeusz” i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012. 812 s.

Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa: Instytut historii PAN, 2019. 373 s.

Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. S. 5–78.

Próchnik A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // *Studia i szkice* (1864–1918). Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 47–104.

Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w “dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 400 s.

References

Abakumov, O. Iu. «...*Chtob npravstvennaia zaraza ne pronikla v nashi pre-dely*». *Iz istorii bor'by III otdeleniia s evropeiskim vliianiem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-kh gg.)*. Saratov: Nauchnaia kniga, 2008, 214 p.

Babosha, I. A. «Russkii shpion ukhvatil za borodu Karla Marksa.» *Rodina*, 2022, no 10, pp. 106–109.

Bibikov, G. N. *A. Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaia I.* Moscow: Tri kvadrata, 2009, 424 p.

Cherkasov, P. P. *Russkii agent vo Frantsii. Iakov Nikolaevich Tolstoi (1791–1867 gg.)*. Moscow: T-vo nauchnykh izdaniia KMK, 2008, 453 p.

Cherkasov, P. P. «Tretii chelovek v III otdelenii. Adam Sagtynskii – pervyi shef rossiiskoi vneshnei razvedki.» *Rodina*, 2007, no 9, pp. 56–62.

Fal'kovich, S. M. *Pol'skaia politicheskaiia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30–60-kh godov XIX veka*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 320 p.

Gerber, R. «Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku.» *Potocki, A. Raporty szpiega*, vol. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973, pp. 5–78.

Głębocki, H. “*Diabel Asmodeusz*” i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012, 812 p.

Kashtanova, O. S. «Pol'skii vopros v mezhdunarodnoi politike 1830-kh – nachala 1860-kh gg.» *Mezh dvukh vosstanii. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Moscow: Indrik, 2016, pp. 383–461.

Kukhazhevskii, Ia. *Ot belogo do krasnogo tsarizma*. Vol. 3. *Gody pereloma. Romanov, Pugachev ili Pestel'*, part 2, section III. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2018, 500 p.

Kulik, M. *Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856*. Warszawa: Instytut historii PAN, 2019, 373 p.

Nosov, B. V. «Politika tsarskogo pravitel'stva v Korolevstve Pol'skom vremeni namestnichestva I. F. Paskevicha.» *Mezh dvukh vosstanii. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Moscow: Indrik, 2016, pp. 89–199.

Orzhekhovskii, I. V. *Samoderzhavie protiv revoliutsionnoi Rossii*. Moscow: Mysl', 1982, 207 p.

Próchnik, A. "Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915)." *Studia i szkice (1864–1918)*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962, pp. 47–104.

Rossiiia pod nadzorem. Otechety III otdeleniia 1827–1869. Sbornik dokumentov, ed. by M. V. Sidorova and E. I. Shcherbakova. Moscow: Ros. fond kul'tury: Rossiiskii Arkhiv, 2006, 706 p.

Trotskii, I. M. *III otdelenie pri Nikolae I*. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznogo Obshchestva politikatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1930, 139 p.

Żurawski vel Grajewski, R. *Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w "dyplomacji" Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845)*. Kraków; Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018, 400 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

I. A. Babosha

**The Surveillance of Congress Poland's secret police over
the Polish emigrants in 1831–1839 (on the basis of the reports
of the military governors of Warsaw to the Third Section)**

Ivan A. Babosha

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

Leading editor

Fundamental Library of INION RAN

117418, Moscow, Nakhimovsky Prospekt 51/21

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2502-3906

Citation

Babosha I. A. The Surveillance of Congress Poland's secret police over the Polish emigrants in 1831–1839 (on the basis of the reports of the military governors of Warsaw to the Third Section) // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 34–52 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

Received 14.04.2023.

Revised: 01.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the activities of the secret police of the Congress Poland in the 1830s aimed at monitoring the Polish political emigration, which was formed after the defeat of the November Uprising of 1830–1831. The paper introduces previously unknown documents from The State Archive of The Russian Federation (GA RF) – the reports of the military governors of Warsaw to the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery from 1831–1839. Among these reports, we managed to locate a few dispatches by Werner-Kubersky and Shostakovsky, prominent agents already known from other sources and scholarly works. The new source expands on the history of the Polish emigration in the 19th century by adding the viewpoint of the Russian secret police, which was rarely taken into consideration in previous historiography. The secret police under the rule of Ivan Paskevich, Congress Poland’s viceroy in 1831–1856, remained semi-independent from the Third Section by maintaining a stand-alone spy ring among the Polish emigration. An important part of the reports was devoted to monitoring Austria’s policy towards the Polish émigrés and the activities of the Polish refugees in the Republic of Krakow. The analysis of the reports shows that the Russian spies focused on the threats to state security, which were regicide projects and plans for sending emissaries to the former Polish lands. Ideological differences among the emigrant factions were of minor importance to them.

Keywords

Secret police, foreign intelligence, transnational policing, spy ring, polish emigration, regicide, Congress Poland, The Third Section.

Среда формирования идентичности грекокатолического митрополита Андрея Шептицкого

Пшеничный Александр Михайлович

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва,

Российская Федерация

Email: pshenichniy-michail@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3215-7072

Цитирование

Пшеничный А. М. Среда формирования идентичности грекокатолического митрополита Андрея Шептицкого // *Славянский альманах.* 2023. № 3–4. С. 53–69. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.03

Статья поступила в редакцию 14.04.2023.

Рецензирование завершено 14.04.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассмотрены истоки формирования идентичности Андрея Шептицкого (светское имя – Роман), актуальные с точки зрения лучшего понимания его деятельности в национальной и конфессиональной сферах. Речь пойдет о семье Шептицких, о ее родовых традициях, политических взглядах, социальном статусе, об отношении к религии, о национальном самосознании родителей иерарха, об их окружении. В тексте описывается сущность формации «gente Rutheni – natione Poloni», к которой принадлежал отец митрополита, приводится информация о матери Шептицкого Зофье, дочери известного польского драматурга А. Фредро. Приоритетное внимание посвящено периоду получения Шептицким среднего и высшего образования. Представлена политическая и национально-конфессиональная атмосфера Кракова, в том числе учебных заведений, в которых обучался будущий митрополит. В статье выявлены мотивы выбора Шептицким пути монашества, акцентируется влияние людей, авторитет которых повлиял на это решение молодого человека. Сделан вывод о том, что целый комплекс факторов (сложная национально-конфессиональная история рода Шептицких,

присутствие в окружении молодого Шептицкого носителей ультрамонтанства и патерналистского консерватизма, хорошо знакомых с духом эпохи модернизации и дававших ответы ее вызовы) повлиял на формирование идентичности будущего митрополита и выбор им своего жизненного пути.

Ключевые слова

Андрей Шептицкий, модернизация, ультрамонтанство, консерватизм, самосознание, польско-украинские отношения, грекокатолическая церковь, национальный вопрос, конфессиональные отношения.

Грекокатолический митрополит Андрей (светское имя – Роман) Шептицкий (1865–1944) – значительная фигура в политической и религиозной жизни Галиции первой половины XX в. Проблема идентичности митрополита, еще при жизни волновавшая его современников, продолжает вызывать интерес у исследователей. Польская исследовательница М. Новак проанализировала национальную идентификацию митрополита Андрея с точки зрения его пребывания в «двух мирах»: польском и русинском/украинском¹. Весьма актуальным представляется сопоставление конфессиональной и национальной идентичности Шептицкого. Для лучшего понимания этого сложного предмета стоит обратиться к истокам формирования мировоззрения митрополита, а именно: определить характер национальной и конфессиональной составляющих в идейном мире его семьи, его окружения в годы обучения и принятия решения о монашестве.

Род Шептицких, по семейному преданию, получил статус бояр еще в Галицком княжестве в XIII в.² После присоединения Галиции к Польше при короле Казимире III в 1340 г., Шептицкие влились в ряды шляхты Польского королевства, оставшись при этом православными. В XVIII в., более чем через столетие после Брестской церковной унии 1596 г., они уже грекокатолики. Варлаам, Атанасий и Лев Шептицкие были львовскими епископами, а двое последних также киевскими митрополитами. Каждый из них был так или иначе причастен к строительству львовского собора святого Юра, ставшего

1 Nowak M. Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914. Gdańsk, 2018.

2 Космолинська Н. Прилбичі – остання «родинна колиска» Шептицьких з Шептиць // «І». 2009. Ч. 57. С. 121.

кафедральным собором грекокатолической церкви³. Прадед и дед Романа Шептицкого перешли в римскокатолический обряд⁴, а отца Яна Канты уже крестили в костеле. В 1871 г. последний добился присвоения графского титула и таким образом вошел в число титулованной галицийской аристократии. Говоря об этнической и национальной принадлежности, Шептицких относят к так называемой формации «gente Rutheni – natione Poloni»⁵, особенностью которой было сочетание семейной памяти о своей обособленности и педалирования в публичном пространстве заслуг рода в бывшей Речи Посполитой. Все это позволяло сохранять высокую позицию в общественной иерархии габсбургской монархии⁶.

Ян Канты Шептицкий (1836–1912) родился в Прилбичах неподалеку от Яворова, воспитывался в патриархальных традициях. Он не завершил получение высшего образования, вернувшись домой для управления имением. Этот поступок вполне соответствовал духу «Писем из деревни» публициста Войцеха Дзедушицкого⁷, который видел задачу шляхты в работе на селе, цивилизаторской деятельности по отношению к народу. Активность Я. К. Шептицкого во многих областях вытекала из чувства патриотизма, как регионального, так и относящегося ко всем землям бывшей Речи Посполитой. Он участвовал в политической деятельности, многократно был депутатом галицийского сейма, а также пожизненным членом палаты господ рейхсрата⁸. Шептицкий всегда находился в консервативном лагере. Однако если до середины 1890-х это были восточногалицийские консерваторы

3 Александрович В. С., Ричков П. А. Собор Святого Юра у Львові. Київ, 2008. С. 17; Козак Л., Тучанський Я. Храми Львова. Львів, 2000. С. 20.

4 Nowak M. Dwa światy. S. 41; Szeptycki J. K., Szeptycki M. W kręgu rodziny Szeptyckich // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A. A. Zięba. Kraków, 1994. S. 19; Zięba A. A. W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A. A. Zięba. Kraków, 1994. S. 58.

5 См. Zięba A. A. Gente Rutheni, natione Poloni. Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji // Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej. Kraków, 1995. T. 2. S. 61–77; Świątek A. Z rozważań nad problematyką tożsamości narodowo-etnicznej «gente Rutheni, natione Poloni» w XIX-wiecznej Galicji // Odmiany tożsamości / red. R. Szwed, L. Dyczewski, J. Szulich-Kałuża. Lublin, 2010. S. 93–106.

6 Nowak M. Dwa światy. S. 42.

7 Dzieduszycki W. Listy ze wsi. T. 1. Lwów, 1889.

8 Nowak M. Dwa światy. S. 47–48.

(подоляки), то затем он сблизился с краковскими. М. Новак отметила, что этот переход сопоставим хронологически с изменением отношения подоляков к москвофилам: после польско-украинского соглашения 1890 г. восточногалицийские консерваторы перешли от борьбы с москвофилами к союзу с ними. Также не исключено, что определенную роль в этом сыграло знакомство Я. К. Шептицкого с известным краковским политическим деятелем Павлом Попелем. Возможно, их сближение произошло на почве общей любви к старине. Я. К. Шептицкий участвовал в общественной деятельности по сохранению исторических достопримечательностей, занимался коллекционированием различных артефактов, документов, относящихся к истории, в том числе его рода⁹. В его доме висели портреты Шептицких, среди которых были и архиереи грекокатолической церкви. В семейной жизни граф отличался суровым авторитарным характером¹⁰.

В 1861 г. Я. К. Шептицкий женился на Зофье (1837–1904), дочери известного польского драматурга Александра Фредро. Писатель принадлежал к червонорусскому роду венгерского происхождения. Во время «галицийской резни» 1846 г. в имении Фредро было спокойно. По крайней мере, нет сообщений о каких-то проблемах в родовом гнезде в воспоминаниях Зофьи Шептицкой, там говорится лишь о страшных рассказах жертв волнений¹¹. При этом русинский мир был для этой шляхетской семьи чужим. Александр Фредро (1793–1876) был хорошим хозяином, но обладал трудным характером. А его жена Зофья Фредро (урожденная Яблоновская) была тихим домашним человеком, во всем старавшимся приспособиться к потребностям мужа. Дочь Зофья стала для нее близким другом¹².

Зофья Шептицкая получила хорошее домашнее образование, которое дополнялось поездками по всей Европе, в ходе которых она познакомилась с деятелями польской Великой эмиграции, в том числе с Адамом Мицкевичем. На родине дочь Фредро вращалась в высших галицийских кругах, а будущего мужа встретила в 1861 г. во Львове. Она привнесла атмосферу веселья и остроумия в Прилбичи – семейное гнездо Шептицких. Свидетельства о характере хозяйки, о ее умении

9 Ibid. S. 43–59.

10 Ibid. S. 59–62.

11 *Szeptycka Z. z Fredrów. Wspomnienia z lat ubiegłych / [przygotował do druku, wstęp i przypisy B. Zakrzewski].* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. S. 110–111.

12 *Nowak M. Dwa światy.* C. 62–71.

вести себя в обществе, но отнюдь не о ее богобоязненности присутствуют на страницах воспоминаний родных и близких Зофьи¹³. Лишь в некрологе в краковском «Часе» друг семьи Людвик Дембицкий написал о религиозности покойной З. Шептицкой. О Прилбичах вспоминали как об оплоте морали, в котором царила гармония¹⁴. Однако М. Новак склонна рассматривать подобные описания как отражение семейной легенды о родовом имени, каким его хотели видеть с перспективы митрополичьего достоинства Андрея Шептицкого¹⁵. Семейные предания рассказывали только о положительных моментах, но были, как и в любой шляхетской семье, и конфликты, и ссоры¹⁶.

Кроме Прилбичей в 1880–1890-е гг. Шептицкие были тесно связаны с Краковом. Там, в гимназии св. Анны, учились дети, там З. Шептицкая общалась с родными, а также с краковскими консерваторами, уделявшими большое внимание вопросам веры. Все домочадцы Шептицких в Кракове были римокатоликами и польскоязычными. Среди польского консервативного окружения Шептицких в столице Западной Галиции был и родственник Зофьи, кардинал с 1901 г. Ян Пузына (1842–1911), сотрудничавший с иезуитами. Он не любил как Россию и русинов, так и патриотические демонстрации поляков. Последнее было несколько странным для родного внука хорошо известного по восстанию 1830–1831 гг. генерала Юзефа Дверницкого. Принадлежавшие к его кругу люди первое место в общественной жизни отводили религии и церкви, для них была неприемлема повстанческая деятельность, а «органический труд» приветствовался¹⁷.

Особенности патриотизма в семьях Шептицких и Фредро были во многом обусловлены поражением Январского восстания 1863–1864 гг., которое сыграло определенную роль в укреплении негативного отношения к национальным восстаниям. Семья Фредро

13 Ibid. S. 74.

14 См. Fredro i fredrusie / [oprac. B. Zakrzewski]. Wrocław, 1974; *Szeptycki J. K. Gdy w rodzinie ważyły się losy syna // Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa*. T. 1. Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym / red. S. Stępień. Przemyśl, 1990. S. 186–187; *Szeptycki J. K., Szeptycki M. W kręgu rodziny*. S. 18; *Czas*. 18.IV.1904. № 88. S. 3; *Rosco-Bogdanowicz M. Wspomnienia*. Kraków, 1959. T. 1.

15 *Nowak M. Dwa światy*. S. 71–77.

16 См. *Шептицька С. з Фредрів*. Молодість і покликання о. Романа Шептицького. Спогади. Львів, 2009.

17 *Nowak M. Dwa światy*. S. 77–80.

не отличалась особой религиозностью, лишь к старости сам писатель стал уделять этим вопросам большее внимание. После смерти сына Ежи Петра в 1880 г. З. Шептицкая сблизилась с иезуитами, которые надеялись помирить поляков и русинов путем реформы грекокатолической церкви, настраивая ее на сохранение верности Риму. Яну Канты общение супруги с иезуитами не нравилось, он негативно к ним относился, хотя и поддержал открытие их коллегии в Хирове¹⁸.

Образование Романа Шептицкого началось дома с освоения катехизиса, содержание которого рассказывала мать. Мальчик знакомился с католической религией не только в теории, но и на практике: был министрантом, то есть прислуживал ксендзу во время мессы и других богослужений. В 1875 г. 10-летний Роман был записан во львовскую гимназию Франца Иосифа как приватист, то есть продолжал получать образование в родном имении, но каждый семестр сдавал экзамены. Дома организацию учебного процесса обеспечивали гувернеры и гувернантки, среди которых важную роль сыграл француз Арнетт, который до этого служил папским зуавом. Полную программу обучения мы не знаем, есть только отчет гимназии, где перечислены предметы, по которым Роман должен был сдавать экзамены. Однако ясно, что значительное место отводилось иностранным языкам, особенно французскому. Так, поступив в гимназию св. Анны в Кракове, Роман писал матери письма по-французски¹⁹.

В Краков Р. Шептицкий поехал учиться в 1879 г., в пятый класс гимназии. Краковский культурный центр поляков Галиции был по сравнению со Львовом гораздо более моноэтничным. В гимназии св. Анны учились прежде всего дети мещан (торговцев и ремесленников), краковской интеллигенции, сыновья польских дворян и молодежь еврейского происхождения²⁰. Преобладали носители польского языка (98–99%), на втором месте был немецкий язык. Доля католиков латинского обряда постоянно держалась на уровне 90%. Число грекокатоликов

18 Ibid. S. 80–83.

19 Ibid. S. 88–94.

20 *Estreicher S.* Kilka wspomnień z lat szkolnych 1879–1887 // *Pół wieku wspomnień uczniów Gimnazjum im. B. Nowodworskiego (św. Anny) w Krakowie.* Kraków, 1938. S. 5, 11; *Dybiec J.* Nauczyciele krakowskich szkół średnich i ich wkład do rozwoju kultury nauki (1860–1918) // *Galicja i jej dziedzictwo.* T. 6. Nauczyciele galicyjscy. Udział polskich nauczycieli galicyjskich w rozwoju teorii pedagogicznej i badań naukowych 1860–1918 / red. A. Meisner. Rzeszów, 1996. S. 80.

и евангелистов вместе не превышало 1%. Иудеев было от 6% до 9%²¹. В учебном заведении господствовал дух верности династии Габсбургов и преобладавшим в Кракове консервативным идеям при одновременном культивировании польской национальной традиции. Одним из таких патриотических торжеств стало празднование осенью 1879 г. 50-летия литературной деятельности Юзефа Игнация Крашевского (1812–1887). От имени молодежи его приветствовал восьмиклассник Ежи Шептицкий, старший брат Романа. В своем выступлении писатель призвал молодежь к неутомимой деятельности на национальном поле и предостерег ее от распространявшегося космополитизма²².

В гимназии у учеников не единожды был повод для демонстрации своей польскости, например на ежегодных мероприятиях в честь Адама Мицкевича. Программа обучения была классической: главными предметами были древние (латынь, древнегреческий) и современные языки (немецкий и польский). Особым образом преподавалась религия: католики посещали соответствующие уроки в школе, а евангелисты и иудеи должны были предоставить справку из своей общины о том, что они там получают знания о своей вере. Настроение учителей и учеников, содержание программы, патриотические мероприятия – все это было в польском духе. В то же время директора И. Ставарского называли «черно-желтым» за его лояльность к Габсбургам, которую он пытался привить и своим подопечным. В своей речи к выпускникам он пожелал им, чтобы они закончили учебу на пользу «императору, Богу и отечеству»²³. Начало его пребывания на должности директора совпало с периодом Январского восстания, в связи с чем он изначально отличался политической осторожностью²⁴.

21 Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1879. Kraków, 1879; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1880. Kraków, 1880; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1881. Kraków, 1881; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1882. Kraków, 1882; Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1883. Kraków, 1883.

22 Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1880. Kraków, 1880. S. 43.

23 *Żeleński (Boy) T.* Pisma. T. 2. Znaszli ten kraj?... i inne wspomnienia / [oprac. W. Kopaliński]. Warszawa, 1956. S. 210.

24 *Nowak M.* Dwa światy. S. 107–129.

В 1883 г. в соответствии с настойчивым желанием отца Р. Шептицкий поступил на юридический факультет Ягеллонского университета. 1884/1885 учебный год он провел в университете Бреслау (Силезия, Германская империя, ныне Вроцлав). Во время учебы в Бреслау Роман и его брат Александр поддерживали общение с семьей Шембеков, с которыми они имели родственные связи. Шембеки были настроены патриотически и выступали против германизации, проводимой Бисмарком. В Кракове же Шептицкие общались с кругом Павла Попеля, с которым был знаком Ян Канты, на «политико-клерикально-археологических» встречах по четвергам. Там Р. Шептицкий впервые встретил своих будущих преподавателей в университете: Стефана Павлицкого и Станислава Тарновского.

Профессор философии и теологии, «воскресенец» С. Павлицкий (1839–1916)²⁵ во времена своей учебы в университете Бреслау был председателем Литературно-славянского общества. На жизненном пути Павлицкого было два неожиданных для его окружения поворота. В 1868 г. он, преподаватель варшавской Главной школы, принял монашество и отправился в Рим изучать философию и теологию. Там он занял кафедру в папской академии, стал близким собеседником папы Льва XIII, принадлежал к кружку, готовившему материалы к энциклике «*Rerum novarum*», но в 1882 г. уехал преподавать в Ягеллонский университет. Его студент А. Гжимала-Седлецкий считал, что С. Павлицкий сделал этот выбор из патриотических побуждений. На своих лекциях он поднимал современные интеллектуальные проблемы, говорил о социализме, анархизме, концепциях Ч. Дарвина и философии истории К. Маркса. Он симпатизировал скептикам, релятивистам, материалистам и вообще «мыслителям с противоположного берега»²⁶.

Идейный лидер краковских «станьчиков», известный историк литературы граф С. Тарновский (1837–1917) придавал особое значение роли церкви и власти в общественно-политической жизни. По его убеждению, верность католической церкви должна была защищать польское общество от напора панславизма и православия, а верность Габсбургам – удерживать Польшу в орбите западной цивилизации. Под панславизмом он наверняка подразумевал политическое

25 См.: *Przymusiła A. Pawlicki Stefan* // *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1980. Т. 25. З. 3. S. 423–426.

26 *Grzymala-Siedlecki A. Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim*. Kraków, 1965. S. 80.

объединение славян во главе с Россией, поскольку против славянского движения в принципе Тарновский не выступал и даже участвовал в славянском паломничестве по случаю юбилея канонизации Кирилла и Мефодия в 1881 г.²⁷

Первым наставником в вере Р. Шептицкого стал духовник его матери Генрик Яцковский (1834–1905), руководивший галицийской провинцией иезуитов и проводивший добромильскую реформу Василианского ордена. Главной ценностью он считал верность религиозным предписаниям и папе римскому. Соответственно, национальные интересы не должны были, по его мнению, ставиться выше. Отношение к нации как к наивысшей ценности Яцковский называл «избыточным патриотизмом», приводящим к неурядицам. «Излишняя любовь к отечеству является грехом, который называется национальным духом»²⁸. Извращенный патриотизм «до такой степени стесняет разум и сердце, что тот, кто в него впадает, настолько убежден, что готов поклониться в особой избранности Богом собственной нации и в отсутствии добродетели помимо любви к отечеству»²⁹. Именно подобные взгляды, по его мнению, приводили к ненависти между соседями, между поляками и русинами.

Однако это не значит, что Яцковский выступал против патриотизма как такового. Напротив, он считал его добродетелью, причем настолько важной, что ставил ее на второе место после любви к Богу³⁰ и не понимал, как можно «быть истинным сыном церкви, не будучи хорошим сыном отечества»³¹. Угрозу со стороны православия иезуит видел в том, что, являясь схизмой, оно закрывает путь ко спасению. Верность Риму он рассматривал как надежную основу польско-русинского сближения, а славян вообще – как потенциальную опору христианства³². М. Новак отвергает утверждения Зофьи и Романа Шептицких об отсутствии влияния Яцковского на выбор Романом монашеского пути. Свое мнение исследовательница обосновывает тем, что появившийся в близком окружении 15-летнего Романа харизматичный иезуит, который имел за своими плечами миссионерскую деятельность среди

27 Nowak M. Dwa światy. S. 135–145.

28 Jackowski H. W sprawie ruskiej uwag kilka do kapłanów dobrej woli. Lwów, 1883.

29 Ibid. S. 44–45.

30 Ibid. S. 39.

31 Ibid. S. 45.

32 Ibid. S. 17.

униатов Подляшья и царскую тюрьму, не мог не повлиять на формирование его взглядов и не стать примером для юноши, который живо интересовался русинскими проблемами³³.

При этом известно, что будущее Шептицкого, его желание стать униатским священником поднималось в общении с Яцковским. В ходе разговора на эту тему иезуит спросил: «И ты женишься?», указывая на отсутствие обязательного для римокатоликов celibата в грекокатолической церкви³⁴. Скорее всего, этот вопрос был поставлен не с целью отговорить Романа от намерения стать грекокатолическим священником, но для того, чтобы направить его внимание на монашеский путь.

Родители также непросто отнеслись к такому умонастроению Романа. С одной стороны, Зофья Шептицкая написала, что в 1862 г., когда она ждала своего первого ребенка, муж сказал ей: «Если у меня будет несколько сыновей, я хотел бы, чтобы один из них стал униатским священником». Свое желание он объяснил так: «А это потому, чтобы мог стать епископом и реформировать русинское духовенство»³⁵. Из этих высказываний следует то, что в первую очередь графа Яна Канты заботило все-таки продолжение его аристократического рода. При этом его интересовало и участие его семьи в делах русинского духовенства, которое, следовательно, не было для него чужим. Также характерно то, что у Шептицкого-старшего не было сомнений, что занятие его сыном, представителем знатного шляхетского рода, епископской кафедры вполне вероятно. Дело в том, что в это время среди грекокатолического духовенства было мало представителей аристократии, а польская шляхта имела прямое влияние на вопросы, связанные с епископскими должностями. Это было связано с тем, что назначение епископов в Австро-Венгрии согласно конкордату 1855 г. осуществлялось императором и утверждалось папой, то есть зависело от двух центров. По закону от 7 мая 1874 г. для решения императора кандидатура выдвигалась правительством по представлению наместника³⁶. Наместниками с 1866 г. неизменно были поляки, они также входили в состав имперских правительств и Римской курии.

Однако тяготение Романа к униатству было воспринято его родителями в целом негативно. Оно было чуждо его матери. Можно

33 Nowak M. Dwa światy. S. 182–187.

34 Шептицька С. з Фредрів. Молодість і покликання. С. 12–13.

35 Там же. С. 15.

36 Nowak M. Dwa światy. S. 323.

выделить несколько свойств грекокатолического духовенства, которые отталкивали Зофью Шептицкую: 1) собственно религиозное – восточный обряд вместо западного³⁷; это воспринималось матерью как другое вероисповедание, принятие которого – как смерть одного человека и рождение другого³⁸; 2) социальное – крестьянское происхождение, связанные с ним темнота, простота, жадность; 3) национальное – враждебность к польской национальности³⁹.

Отец сам рассказывал Роману про «русское» дело, в том числе о том, что удалось предшественникам на этом поприще. До конца не ясны причины, почему отец так долго противился вступлению Романа в орден василиан. Будущий митрополит в письме к матери указывал, что Ян Канты имел какие-то убеждения на этот счет⁴⁰. Судя по его вышеприведенным высказываниям, граф Шептицкий не рассматривал религию в целом и унию в частности как нечто чуждое и неприемлемое для его семьи. Может быть, он не поддерживал то, что добромильскую реформу проводят иезуиты. Хотя принципиальным противником иезуитов Ян Канты не был – с 1886 г. он материально поддерживал их гимназию и воспитательное учреждение в Хирове⁴¹. Возможно, соглашаясь в принципе с тем, что эту важную для развития русинского дела («русской справы») миссию поручили ордену св. Игнатия, он в то же время сомневался в его успешном окончании и поэтому не хотел, чтобы сыну угрожало сомнительное будущее. Однако вероятно и то, что видя задатки Романа, Шептицкий-старший хотел, чтобы сын сделал светскую карьеру и стал продолжателем графского рода. Хотя, может быть, настаивая на получении будущим митрополитом высшего юридического образования, его отец желал, с одной стороны, спасти его от опрометчивого решения, показать ему светскую жизнь, чтобы он избрал монашеский путь не слепо, повинувшись горячему юношескому порыву, а осознанно, понимая, от чего он отказывается, а с другой стороны, стремился дать ему возможность получить опыт и завести знакомства, которые могли бы ему пригодиться в случае занятия высокого положения в церкви.

37 Шептицька С. з Фредрів. Молодість і покликання. С. 15–18.

38 Там же. С. 17.

39 Там же. С. 18.

40 Там же. С. 39.

41 Nowak M., Stępień S. Szeptycki Jan Kanty Remigiusz // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków, 2012–2013. Т. 48. S. 237.

Летом 1883 г. 18-летний Р. Шептицкий прошел реколлекцию⁴² в иезуитском монастыре в Старой Веси. В это же время туда приехал Яцковский. По мнению матери, именно там Роман принял решение стать монахом-василианином. Летом 1887 г. Яцковский же сопровождал Р. Шептицкого в его посещениях иезуитского монастыря в Хирове и василианского в Добромиле.

* * *

Таким образом, окружение Романа Шептицкого в 1865–1887 гг. было преимущественно римско-католическим по обряду и конфессии, консервативным по политическим взглядам, польским по языку и самосознанию, аристократическим по социальному статусу. Однако помимо этого присутствовало и многое другое, что тоже оказало важное влияние на формирование идентичности Р. Шептицкого. История семьи Шептицких, их традиции, память о русинском происхождении, патерналистские чувства по отношению к русинам со стороны отца – все это несомненно сыграло свою роль в формировании интереса и симпатий Романа к украинскому миру. Ультрамонтанство, придание ведущей роли в развитии общества церкви, согласное с идеями папы Льва XIII, характерное для галицийской консервативной аристократии, а также религиозность матери, тесное общение с иезуитами, которые в это время занимались реформированием русинского Василианского ордена по поручению папы – это повлияло на то, что Шептицкий решил стать грекокатолическим монахом, видя среди своих задач и укрепление унии, которое, по его мнению, должно было привести к согласию русинов с поляками. Среди его преподавателей и учителей были и люди весьма широких взглядов, которые не прятались от вызовов современности, новых идейных течений, а пытались сформулировать ответы на них. Общение с ними дало Шептицкому не только информацию об этом современном мировоззрении, но и возможный ответ на заключающиеся в нем вызовы.

⁴² В католичестве – период, посвященный духовному обновлению через молитву, исповедь.

Источники и литература

Александрович В. С., Ричков П. А. Собор Святого Юра у Львові. Київ: Техніка, 2008. 232 с.

Козак Л., Тучапський Я. Храми Львова. Львів, 2000. 173 с.

Космолинська Н. Прилбичі – остання «родинна колиска» Шептицьких з Шептиць // “Ї”. 2009. Ч. 57. С. 120–127.

Шептицька С. з Фредрів. Молодість і покликання о. Романа Шептицького. Спогади. Львів: Свічадо, 2009. 83 с.

Dybiec J. Nauczyciele krakowskich szkół średnich i ich wkład do rozwoju kultury nauki (1860–1918) // Galicja i jej dziedzictwo. T. 6. Nauczyciele galicyjscy. Udział polskich nauczycieli galicyjskich w rozwoju teorii pedagogicznej i badań naukowych 1860–1918 / red. A. Meissner. Rzeszów: Wydaw. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 1996. S. 77–96.

Dzieduszycki W. Listy ze wsi. T. 1. Lwów: Nakł. “Gazety Narodowej”, 1889. 440 s.

Estreicher S. Kilka wspomnień z lat szkolnych 1879–1887 // Pół wieku wspomnień uczniów Gimnazjum im. B. Nowodworskiego (św. Anny) w Krakowie. Kraków: nakł. Komitetu Jubileuszowego, 1938. S. 1–20.

Fredro i fredrusie / oprac. B. Zakrzewski. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1974. 458 s.

Grzymała-Siedlecki A. Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1965. 354 s.

Jackowski H. W sprawie ruskiej uwag kilka do kapłanów dobrej woli. Lwów: nakł. Gubrynowicza i Schmidta, 1883. 49 s.

Nowak M. Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. 614 s.

Nowak M., Stępień S. Szeptycki Jan Kanty Remigiusz // Polski słownik biograficzny. T. 48. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Societas Vistulana, 2012–2013. S. 236–238.

Przymusiła A. Pawlicki Stefan // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1980. T. 25. Z. 3. S. 423–426.

Rosco-Bogdanowicz M. Wspomnienia. T. 1. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1959. 585 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1879. Kraków: Anczyc A., 1879. 85 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1880. Kraków: Anczyc A., 1880. 50 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1881. Kraków: Anczyc A., 1881. 67 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1882. Kraków: Anczyc A., 1882. 97 s.

Sprawozdanie Dyrektora c.k. Gimnazjum Nowodworskiego, czyli św. Anny w Krakowie za rok szkolny 1883. Kraków: Anczyc A., 1883. 63 s.

Szeptycka Z. z Fredrów. Wspomnienia z lat ubiegłych / przygotował do druku, wstęp i przypisy B. Zakrzewski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1967. 392 s.

Szeptycki J. K. Gdy w rodzinie ważyły się losy syna // Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. T. 1. Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym / red. S. Stępień. Przemyśl: Południowo-wschodni Instytut Naukowy, 1990. S. 181–198.

Szeptycki J. K., Szeptycki M. W kręgu rodziny Szeptyckich // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A.A. Zięba. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1994. S. 17–23.

Świątek A. Z rozważań nad problematyką tożsamości narodowo-etnicznej «gente Rutheni, natione Poloni» w XIX-wiecznej Galicji // Odmiany tożsamości / Red. R. Szwed, L. Dyczewski, J. Szulich-Kałuża. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010. S. 93–106.

Zięba A. A. Gente Rutheni, natione Poloni. Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji // Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1995. T. 2. S. 61–77.

Zięba A. A. W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / red. A. A. Zięba. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1994. S. 43–64.

Zeleński (Boy) T. Pisma. T. 2. Znaszli ten kraj?.. i inne wspomnienia / oprac. W. Kopaliński. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956. 581 s.

References

Aleksandrovych, V. S., Rychkov, P. A. *Sobor Sviatoho Iura u L'vovi*. Kyiv: Tehnika, 2008, 232 p.

Dybiec, J. «Nauczyciele krakowskich szkół średnich i ich wkład do rozwoju kultury nauki (1860–1918).» *Galicja i jej dziedzictwo, vol. 6, Nauczyciele galicyjscy. Udział polskich nauczycieli galicyjskich w rozwoju teorii pedagogicznej i badań naukowych 1860–1918*, ed. by A. Meissner. Rzeszów: Wydaw. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 1996, pp. 77–96.

Dzieduszycki, W. *Listy ze wsi*, vol. 1. Lwów: Nakł. “Gazety Narodowej”, 1889, 440 p.

Estreicher, S. «Kilka wspomnień z lat szkolnych 1879–1887.» *Pół wieku wspomnień uczniów Gimnazjum im. B. Nowodworskiego (św. Anny) w Krakowie*. Kraków: Nakł. Komitetu Jubileuszowego, 1938, pp. 1–20.

Fredro i fredrusie, ed. by B. Zakrzewski. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1974, 458 p.

Grzymała-Siedlecki, A. *Niepospolici ludzie w dniu swoim powszednim*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1965, 354 p.

Jackowski, H. *W sprawie ruskiej uwag kilka do kapłanów dobrej woli*. Lwów: Nakł. Gubrynowicza i Schmidta, 1883, 49 p.

Kosmolins'ka, N. «Prylbychi – ostanja “rodynna kolyska” Sheptyc'kyh z Sheptyc'!» *Ї*, 2009, no 57, pp. 120–127.

Kozak, L., Tuchaps'kyi, Ia. *Khramy L'vova*. L'viv, 2000, 173 p.

Nowak, M. *Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018, 614 p.

Nowak M., Stępień S. «Szeptycki Jan Kanty Remigiusz.» *Polski słownik biograficzny*, vol 48, Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Societas Vistulana, 2012–2013, pp. 236–238.

Przymusiąła, A. «Pawlicki Stefan.» *Polski słownik biograficzny*, vol. 25, book 3. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1980, pp. 423–426.

Rosco-Bogdanowicz, M. *Wspomnienia*, vol. 1. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1959, 585 p.

Sheptyc'ka, S. z Fredriv. *Molodist' i poklykannia o. Romana Sheptyts'koho. Spohady*. L'viv: Svichado, 2009, 83 p.

Szeptycka, Z. z Fredrów. *Wspomnienia z lat ubiegłych*, ed. by B. Zakrzewski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1967, 392 p.

Szeptycki, J. K. «Gdy w rodzinie ważyły się losy syna.» *Polska – Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa*, vol. 1, *Studia z dziejów chrześcijaństwa na pograniczu etnicznym*, ed. by S. Stępień. Przemyśl: Południowo-wschodni Instytut Naukowy, 1990, pp. 181–198.

Świątek, A. «Z rozważań nad problematyką tożsamości narodowo-etnicznej “gente Rutheni, natione Poloni” w XIX-wiecznej Galicji.» *Odmiany tożsamości*, ed. by R. Szwed, L. Dyczewski, J. Szulich-Kałuża. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010, pp. 93–106.

Zięba, A. A. «Gente Rutheni, natione Poloni. Z problematyki kształtowania się ukraińskiej świadomości narodowej w Galicji.» *Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej*, vol. 2. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1995, pp. 61–77.

Zięba, A. A. «W sprawie genezy decyzji Romana Szeptyckiego o zmianie obrządku.» *Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały*, ed. by A. A. Zięba. Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1994, pp. 43–64.

Żeleński (Boy), T. *Pisma*, vol. 2, *Znaszli ten kraj?... i inne wspomnienia*, ed. by W. Kopalinski, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956, 581 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.03

А. М. Pshenichnyi

**The environment for the formation of the identity
of the Greek Catholic metropolitan Andrey Sheptytsky**

Aleksandr M. Pshenichnyi

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

Email: pshenichniy-michail@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3215-7072

Citation

Pshenichnyi A. M. The environment for the formation of the identity of the Greek Catholic metropolitan Andrey Sheptytsky // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 53–69 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.03

Received 14.04.2023

Revised: 14.04.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article discusses the origins of the identity of Andrey Sheptytsky (secular name Roman), which have significant scientific relevance for a better understanding of the activities of this notable figure of the Greek Catholic Church in the national and confessional spheres. We will examine the Sheptytsky family, their family traditions, political views, social status, attitude towards religion, the hierarch parents' national self-awareness, and their surroundings. The essence of the formation of *gente Rutheni – natione Poloni*, to which the metropolitan's father belonged, is described. Information is provided about Andrey Sheptytsky's mother, Zofia, the daughter of the famous Polish playwright A. Fredro. Priority attention is given to the period of Roman Sheptytsky's secular education, both secondary and higher. The political and religious atmosphere of Krakow is analyzed, including the educational institutions in which the future metropolitan studied. The article reveals the motives for Sheptytsky's choice of the path of monasticism, focuses on the influence of people whose authority influenced this decision of a young man. The conclusion is drawn that a whole range of factors (the complex national and confessional history of the Sheptytsky family, the presence of carriers of ultramontanist and paternalistic conservatism around the young Sheptytsky, acquainted with the spirit of the era of modernization

and able to provide answers to its challenges) influenced the formation of the future metropolitan's identity and his choice of his life path.

Keywords

Andrey Sheptytsky, modernization, ultramontanism, conservatism, self-awareness, Polish-Ukrainian relations, Greek Catholic Church, national question, confessional relations.

**Из предыстории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.:
руско-румынская военная конвенция и договор
с товариществом «Грегер, Горвиц и Коган»**

Фролова Марина Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Цитирование

Фролова М. М. Из предыстории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: русско-румынская военная конвенция и договор с товариществом «Грегер, Горвиц и Коган» // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 70–92. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.04

Статья поступила в редакцию 14.05.2023.

Рецензирование завершено 28.05.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье на основе опубликованных и архивных документов раскрываются причины, по которым командование Дунайской армией накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пошло на заключение договора о поставке продовольствия и фуража с товариществом «Грегер, Горвиц и Коган». Путь русской армии к театру военных действий на правом берегу Дуная проходил через территорию Румынии. Проект русско-румынской военной конвенции был составлен в ноябре 1876 г., а конвенция была подписана 4 (16) апреля 1877 г., перед самым объявлением войны 12 (24) апреля 1877 г. Маломощность румынских железных дорог исключала своевременный подвоз продовольствия и фуража из России. При отсутствии конвенции невозможно было открыто производить закупки в Румынии и заранее на законном основании подготовить склады. Министерство финансов России выделяло на покрытие расходов лишь кредитные рубли, а в Румынии в ходу была исключительно звонкая монета. Главнокомандующий считал, что при таких обстоятельствах обеспечить довольствие войск за границей возможно только через посредство частных

комиссионеров. Было выбрано товарищество «Греггер, Горвиц и Коган», так как оно располагало значительным капиталом, предлагало поставлять весь список требуемых продуктов, а не отдельные его пункты, и получать оплату в кредитных рублях, а не золотом. К тому же его члены имели хорошую деловую репутацию.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., русско-румынская военная конвенция, товарищество «Греггер, Горвиц и Коган», главнокомандующий Дунайской армии великий князь Николай Николаевич, А. А. Непокойчицкий, И. А. Аренс.

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. посвящено большое количество научных трудов, и тем не менее остаются недостаточно изученные вопросы, в частности, о деятельности товарищества «Греггер, Горвиц и Коган». В данной работе на основе опубликованных и архивных документов будут рассмотрены причины, по которым русское командование пошло на заключение с ним договора.

План будущей войны с Турцией, составленный генерал-лейтенантом Н. Н. Обручевым, сообразовывался с негативными последствиями Парижского мирного договора 1856 г. и заключался в том, чтобы, сосредоточив армию в Румынии, форсировать Дунай в районе г. Систово (ныне – Свиштов) и через Тырново, Балканы, Адрианополь (ныне – Эдирне) стремительно выйти к Константинополю и заставить противника капитулировать, подписав мирный договор. Путь русской армии к театру военных действий на правом берегу Дуная, который находился за 800 верст от границы России, проходил через территорию Румынии, вассального княжества Османской империи. Император Александр II решил предоставить ей полный суверенитет и поддержать молодую румынскую династию в лице князя Карла, поэтому не желал вторгаться в ее пределы «вооруженной рукой»¹. К концу ноября 1876 г. проект военной конвенции с Румынией, регулировавший проход русских войск через ее территорию, был составлен и согласован обеими сторонами².

1 Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее – СМ). СПб., 1898. Вып. 11. С. 117.

2 Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения, 1875–1878. М., 1974. С. 151. Текст конвенции помещен в: СМ. Вып. 11. С. 234–242.

Однако конвенция была подписана только 4 (16) апреля 1877 г., накануне объявления войны Турции 12 (24) апреля 1877 г.

Румынии предназначалось стать базой и плацдармом для русской армии при переправе через Дунай и в целом в грядущей войне с Османской империей. Однако эту базу предстояло еще создать. При отсутствии подписанной конвенции главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был вынужден посылать в Княжество офицеров Генерального штаба и разных специалистов частным порядком, нередко под чужими именами, чтобы собрать сведения не только о турецкой армии и укреплениях, но и о материальном потенциале и коммуникациях Румынии – ее железных дорогах и их технической оснащенности, о шоссе, грунтовых дорогах, о возможности приобретения продовольствия, фуража, о размещении госпиталей, складов и т. п.

Планы русского командования по поводу движения войск по румынской территории были значительно откорректированы по получении информации о состоянии железных дорог. Оказалось, что пропускная способность однопольных железных дорог была весьма низкой (не более пяти поездов в день), поэтому «перевозка всей армии железной дорогой потребовала бы не менее 100 дней»³. В рапорте императору от 12 декабря 1876 г. начальник Полевого штаба действующей армии генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий докладывал, что главнокомандующий «пришел к убеждению, что на румынские железные дороги следует смотреть не как на средство сосредоточения всей армии, а как на средство перевозки только тех частей, доставка которых очень затруднительна, и как на средство подвоза разных потребностей армии»⁴. Великий князь решил «направить железной дорогой только IX армейский корпус, как более удаленный от границы, саперную бригаду с понтонными, телеграфными и осадным парками, а все прочие войска двинуть обыкновенным походным порядком несколькими колоннами»⁵, о чем сообщалось императору 2 января 1877 г.

Остро встала проблема обеспечения войск продовольствием и фуражом во время будущего движения по Румынии и организации складов для последующего снабжения Дунайской армии, оперирующей на правом берегу Дуная. Интендантом действующей армии высочайшим приказом от 1 ноября 1876 г. был назначен И. А. Аренс, окружной интендант Одесского военного округа. Следует отметить,

3 См. СПб., 1898. Вып. 14. С. 29.

4 Там же. С. 17.

5 Там же. С. 29.

что во время нахождения Дунайской армии в пределах Российской империи интендантство исправно снабжало ее всем положенным (продовольствием, обмундированием, дровами и т. д.), о чем упоминали и советские историки⁶.

Но о «запасах хлеба, фуража и вина, о путях сообщений, о перевозочных и перемольных средствах и о ценах на все эти предметы» на территории Румынии Аренс не имел сведений⁷. По его прошению и с разрешения главнокомандующего в Княжество с секретным заданием собрать информацию о Румынии и Болгарии были направлены состоявший при Аренсе для особых поручений майор Чеглоков и одесский купец 1-й гильдии и казенный подрядчик М. Пашев. обстоятельный отчет о Румынии и Болгарии последний представил 14 декабря 1876 г., а майор Чеглоков – 15 января 1877 г. Наряду с этим подробные сведения о Молдавии и Валахии доставляли дипломаты (консул в Яссах А. А. Якобсон, генеральный консул в Бухаресте барон Д. Ф. Стюарт), полковники Генерального штаба П. Д. Паренсов и Г. И. Бобриков, находившиеся в столице Румынии с особыми заданиями, и другие лица⁸. На настоятельные рекомендации Паренсова и Бобрикова закупать нынешний богатый урожай по низким ценам Непокойчицкий отвечал, что «если в Главной квартире существует сомнение насчет войны, то в Петербурге – полная уверенность в мире, и что министр финансов не даст на эту операцию ни одного рубля»⁹.

В Главную квартиру великого князя в Кишиневе стали поступать сообщения о том, что русские кредитные рубли или не будут приниматься в Румынии вовсе, или при их появлении там в значительном количестве они могут быть сильно обесценены. В обращении

⁶ *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 91–92; *Улуян А. А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 108; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 471.

⁷ *Аренс И. А.* Записки бывшего интенданта армии, тайного советника И. А. Аренса, о довольствии ея в турецкую кампанию 1877–1878 гг. // Военный сборник (далее – ВС). 1910. № 3. С. 50.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1548. Л. 71 об.; Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове (далее – ОП). СПб., 1904. Вып. 5. С. 167; *Бобриков Г. И.* Записки. Ч. 1. Эпоха войны 1877–78 гг. СПб., 1913. С. 7–8.

⁹ *Бобриков Г. И.* Записки. С. 7–8.

находилась исключительно иностранная звонкая монета. А между тем Главное полевое казначейство вовсе не имело денег. Главнокомандующий в письме от 5 декабря 1876 г. просил военного министра Д. А. Милютину исходатайствовать высочайшее повеление о немедленной высылке в Кишинев 2 млн руб. золотой монетой на месячное содержание армии и о доставлении такого же количества золота ежемесячно. На особом совещании у императора (17 декабря), принимая во внимание представленные министром финансов М. Х. Рейтерном соображения и данные, его участники пришли к заключению, что «производить золотом все расходы, предстоящие за границей в случае движения армии, решительно невозможно». Рейтерн согласился выслать в Главное полевое казначейство золотом 50 тыс. руб. и серебром 200 тыс. руб., но «не с тем, чтобы этой ничтожной суммой покрывать все вообще нужды армии за границей, а лишь на некоторые мелкие расходы, имеющие характер экстраординарных и секретных»¹⁰, – уведомлял Милютин Непокойчицкий письмом от 18 декабря 1876 г.

Главнокомандующий находил присланную сумму золотом крайне мизерной, и Непокойчицкий в письме Милютину от 19 декабря 1876 г. вновь попытался довести до сведения военного министра, что без конвенции с Румынией невероятно сложно заблаговременно заготовить продовольствие для русской армии, что рассчитывать на подвоз продуктов для нее из России одновременно с ее движением по Румынии к Дунаю «положительно невозможно при одной железной дороге, слабой составом и устройством», по которой должны были быть доставлены «некоторые части войск, парки, осадная артиллерия, артиллерийские запасы». Только после сосредоточения на Дунае можно будет «подумать о подвозе продовольственных продуктов из России». «Но для заграничных покупок необходимо золото, оно нужно и для выдачи содержания армии, иначе офицеры будут получать не рубль, а 50 коп. Пятьдесят тыс. звонкой золотой монеты не имеют никакого значения. В Румынии в ходу золото преимущественно, серебра немного и кредитных билетов вовсе нет; а потому считаю долгом, – продолжал Непокойчицкий, – доложить вашему высокопревосходительству, что без золота в Румынии придется нам очень трудно, и если имеется в виду после 17 февраля вести войну с Турцией, то на этот важный финансовый вопрос нельзя не обратить особое внимание. Если в Румынии и Турции не будем платить наличными деньгами, а выдавать квитанции,

10 ОП. СПб., 1911. Вып. 6. С. 168; СМ. Вып. 11. С. 110; СПб., 1910. Вып. 96. С. 76.

то или все для нас будет спрятано, или добываемо на каждом шагу с крайними затруднениями. Фураж для лошадей и порционный скот будут свободно покупаться в Румынии войсками на наличные деньги, между тем как при обязательной их поставке от края до будущих расчетов войска будут встречать полнейший в них недостаток. Положительно я тревожусь от одной мысли не быть достаточно обеспеченными звонкой монетой. Прошу извинения, что так много говорю об этом предмете – он слишком важен для умолчания о нем»¹¹.

Тем временем главнокомандующий вызвал к себе на совещание начальника полевого штаба Непокойчицкого и интенданта армии Аренса, которые представили непростую ситуацию со снабжением армии при вступлении в войну. Собравшиеся признали неприемлемым предложение министра финансов делать закупки для армии в России, так как «по трудности перевозки в Румынию даже ранее заготовленных в Одесском округе продуктов, не говоря уже о том, что такие закупки при невозможности транспортировать их морем и по Дунаю и необходимости перевозить по железной дороге, а затем на подводах, обходились бы очень дорого»¹². Неосуществимы были и какие-либо заблаговременные заготовки в Румынии, поскольку «она, состоя в вассальном подчинении у Турции, не допустит их из опасения ответственности перед ней, как это показывает самое согласие румынского правительства на заключение конвенции на переход наших войск только тогда, когда нами будет объявлена война». А с другой стороны, высказывалось опасение, что при отсутствии русских войск в Княжестве и его надежной защиты подобные склады с продовольствием могли стать добычей турецких войск, расположенных по берегам Дуная.

И великий князь, и Непокойчицкий, и Аренс отдавали себе отчет в том, что в Румынии нельзя было воспользоваться ни одним из способов заготовок, указанных в законе для военного времени¹³, так как «по характеру проектируемых к ней отношений наших как к союзной

11 См. Вып. 11. С. 112–113.

12 Аренс И. А. Записки... С. 56.

13 «Изготовление предметов довольствия войск в военное время на основании 139–145 статей высочайше утвержденного 26 апреля 1875 г. положения о заготовлениях по военному ведомству производится: а) подрядом с торгов; б) коммерческим способом; в) комиссионерским способом; г) наличными покупками; д) реквизициями; е) контрибуциями; ж) теми способами в союзных государствах, какие будут определены по конвенции; з) военной добычей» // См. СПб., 1900. Вып. 18. С. 29.

и автономной стране невозможно довольствоваться в ней войска ни реквизицией, ни контрибуциями, ни тем более военной добычей; невозможно также без согласия местных властей и на не имеющие в стране значения наши кредитные рубли совершать предварительные заготовки через наших чиновников или подрядчиков с торгов, комиссионным способом или наличными покупками». А поскольку русско-румынская конвенция не была еще заключена, то невозможно было закупать продовольствие через румынских комиссаров и чиновников. Когда же документ подпишут и назначат соответствующих лиц, то «будет уже поздно, и не хватит времени для заготовления и сосредоточения запасов для двигающейся армии».

На совещании у главнокомандующего пришли к заключению, что «необходимо теперь же и не ожидая обещаемого румынским правительством содействия по заключению конвенции наметить способы к совершению негласных заготовлений в Румынии для путевого и местного на первое время довольствия там наших войск, с тем притом, чтобы плата за эти заготовления за неимением звонкой монеты могла быть производима кредитными билетами, а далее поступать по обстоятельствам»¹⁴.

Генерал-адъютант Непокойчицкий сообщил, что еще в Петербурге, а теперь и в Кишиневе к нему поступило несколько заявлений от разных лиц с предложением довольствовать армию за границей на комиссионных началах. Великий князь «отозвался, что ничего другого не остается делать, как прибегнуть к услугам упомянутых лиц». Тогда Аренс «позволил себе доложить, что предполагаемая мера, при всей необходимости применения ее в настоящем нашем положении, не согласна с законами о заготовлениях по военному ведомству и может возбудить обвинение в нарушении их». Но великий князь, по свидетельству Аренса, сказал: «Я не задумаюсь дать вам повеление по этому предмету», однако выразил желание, чтобы войскам, особенно в пути, доставлялся печеный хлеб¹⁵.

5 января 1877 г. Аренс получил намеченные маршруты движения русской армии по Румынии с тем, чтобы подготовить общий план путевого довольствия войск «через частных коммерсантов, но вполне благонадежных, которые могли бы исполнить эту заготовку совершенно негласно»¹⁶. Через три недели, 29 января, он представил план

14 Аренс И. А. Записки... С. 56–57.

15 Там же. С. 57.

16 СМ. Вып. 18. С. 8.

главнокомандующему¹⁷. Из массы российских и иностранных предпринимателей, предложивших свои услуги на частные поставки, им были выделены следующие лица, подавшие «более значительные вызовы»: концессионер, строитель железных дорог в России С. С. Поляков в компании с севастопольским купцом 1-й гильдии Е. И. Грегером, петербургские купцы И. Лазарев, Тунцельман и К^о, одесский купец М. Пашев, одесский городской голова тайный советник Н. А. Новосельский, купец 1-й гильдии, одесский потомственный гражданин А. О. Коган и некоторые другие. В своем докладе Аренс вновь указал на то, что ни один из способов довольствия войск за границей, согласно закону, при тех обстоятельствах не мог быть применим к делу, потому что «подрядный, комиссионерский, коммерческий и даже наличной покупки потребуют предварительно назначенных цен, которые в данном случае не могут быть определены с желаемой точностью». «При каждом из этих способов в большей или меньшей мере гласность неизбежна, а между тем при настоящих наших отношениях к Румынии на успешность обеспечения можно рассчитывать только при негласных закупках. При торгах на общих основаниях каждый владеющий залогом имеет право участвовать в них, и подряд остается за тем, кто объявит низшие цены; между тем при обеспечении войск в военное время независимо [от] выгоды цен необходимо полное убеждение, что лицо, принимающее подряд, дорожа своим общественным положением, выполнит подряд исправно, а для сего необходимо право выбора лиц, которого при общих торгах не представляется делать»¹⁸.

Аренс обосновал вывод о том, что «при настоящих обстоятельствах» способ поставки на комиссионных началах «есть единственный, на котором можно остановиться для успешного и своевременного обеспечения армии». Выбранные лица (более или менее известные, знакомые с делом, владеющие достаточными средствами для ведения операций и по своему общественному положению представляющие нравственные гарантии в исправном выполнении обязательств), «в качестве частных людей могут негласно, своевременно и с вернейшим успехом произвести закупки через своих агентов». При этом «способе все-таки самые покупки будут производиться по действительно существующим ценам, так как предприниматели обязуются предоставлять удостоверение о действительности их покупных цен»¹⁹.

17 Там же. С. 10–59.

18 Там же. С. 31–32.

19 Там же. С. 32.

Аренс предполагал воспользоваться этим последним способом при организации снабжения войск не только в пути, но и на конечных пунктах расположения армии в первые две недели, так как «заблаговременно до прихода армии гласных заготовок на конечных пунктах сделать нельзя, как из опасения захвата запасов неприятелем, так и по затруднительности установления заранее цен на эти заготовки». А затем является возможность «устроить дальнейшее довольствие через тех же частных лиц, но на основаниях, допускаемых Военным советом в исключительных случаях, то есть с конкурентных между ними торгов, по вызовам и с установлением цен в зависимости от выяснившихся местных условий»²⁰. И тем не менее Аренс, предвидя случаи, когда поставщики не доставили бы к моменту прихода войск необходимых продуктов или таковые оказались бы недоброкачественными, предлагал направить некоторое количество сухарей, крупы и зернового фуража за первыми эшелонами войск, частью по железной дороге, частью на интендантском транспорте в качестве подспорья. Он также признавал необходимым отпустить войскам денежные авансы в размере десятидневной стоимости всего продовольствия по сметным ценам на покупку ими всех тех предметов, недостаток которых мог бы встретиться на ночлежных и этапных пунктах²¹.

В «Отзыве начальника штаба действующей армии (по плану довольствия)» от 6 марта 1877 г. сообщалось, что великий князь, находя совершенно необходимым устроить довольствие войск за границей через посредство частных комиссионеров, «изволил избрать» товарищество, в которое вошли Грегер, Коган и Пашев, а также А. И. Горвиц, купец 1-й гильдии, московский и петербургский потомственный почетный гражданин, хороший знакомый Непокойчицкого. Аренс должен был проследить, чтобы члены товарищества предъявили «залог в размере не менее 500.000 руб., допускаемыми к принятию в залоги по существующим постановлениям ценностями»²².

Аренс, не будучи причастен к выбору комиссионеров, не зная ничего о Горвице, не имея ни его адреса, ни адреса Грегера, на следующий день, 7 марта, через Одесское интендантство послал Когану повестку для остальных членов товарищества с приглашением прибыть в Кишинев, а затем, получив их адреса, телеграфировал Грегеру в Петербург, а Горвицу в Москву.

20 Там же. С. 33.

21 Там же. С. 33, 34.

22 Там же. С. 68.

В канцелярии интенданта приступили «к проектированию контракта с товариществом только на *путевое довольствие войск и на первые две недели по сосредоточению их у Дуная*»²³ (курсив Аренса). Однако члены товарищества явились в Кишинев лишь 28 марта, «замедлив свое прибытие, вероятно, в ожидании положительных известий о решении вопроса о войне»²⁴, – полагал Аренс. В тот же день великий князь распорядился, чтобы, «не ожидая составления договора с товариществом, немедленно дать ему наряды на заготовление всех продуктов, необходимых для довольствия войск при следовании через Румынию и пребывании их там в течение первых двух недель, и взять от него подписку в том, что оно обязывается принять расчет, который будет сделан за это довольствие, и вообще беспрекословно подчиняться всем тем условиям» договора, которые будут утверждены главнокомандующим²⁵, – свидетельствовал Аренс в воспоминаниях. В рапорте от 29 марта 1877 г. главнокомандующий докладывал императору о том, что он «уже отдал приказание приступить немедленно к заготовлению через частных агентов» складов путевого довольствия на первые восемь или десять переходов. «Только по исполнению этих заготовлений, которые будут сделаны к 7 апреля, армия может двинуться за границу»²⁶.

Необходимо напомнить, что великий князь неоднократно обращался к военному министру и министру финансов с просьбами о выделении необходимых сумм именно золотом. В письме от 4 февраля 1877 г. он просил Рейтерна изыскать все возможные способы для отпуска необходимых денежных средств на содержание армии. В Петербург был командирован правитель канцелярии начальника штаба действующей армии действительный статский советник Шуберт, который должен был представить все сведения по сделанным расчетам потребностей армии за границей, а также объяснение причин безусловной необходимости удовлетворения части денежных сумм в звонкой монете. Всего на содержание армии требовалось 62 млн 592 тыс. 393 руб. в год, из них золотом – 39 млн руб. Таким образом, потребность в золоте для действующей армии на тот момент составляла 3¼ млн руб. в месяц²⁷. В «Описании русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове» указывалось, что по смете расходов, составленной в полевом

23 Аренс И. А. Записки... // ВС. 1910. № 4. С. 28.

24 Там же. С. 31.

25 Там же.

26 СМ. Вып. 14. С. 80.

27 СМ. Вып. 96. С. 77–80.

управлении армии в марте 1877 г., на 4-месячное содержание действующей армии за границей требовалось 20 млн 841 тыс. 422 руб.; среднее содержание ее в день должно было обходиться в 174 тыс. руб.²⁸

Рейтерн изучил представленные Шубертом расчеты и передал их на рассмотрение императора. 18 марта царь повелел «довести до сведения великого князя, что высочайшее по сему предмету повеление, состоявшееся 17 декабря 1876 г., должно оставаться в полной силе»²⁹. 29 марта главнокомандующий в телеграмме императору просил безотлагательно решить вопрос о снабжении армии золотом. В тот же день он послал Александру II особое письмо по этому предмету. Он подчеркивал, что «надеяться на прием местными жителями кредитных билетов как средства уплаты за поставляемые ими продукты невысказано, и степень доверия, коим билеты эти будут пользоваться, можно видеть из того факта, что в настоящее уже время жители ближайших к нашей границе местностей, в коих, по дешевизне существующих там цен, предположено было приобрести часть фуража для надобности армии, изъявляют полную готовность ставить нам фураж, но не иначе как с уплатой за него звонкой монетой. Нет сомнения, что с переходом наших войск за границу и дальнейшим в это время понижением нашего вексельного курса подобное требование будет постоянно повторяться, и хотя, конечно, мы будем иметь возможность объявлять на занятом нами по праву войны крае принудительное обращение кредитных билетов, но подобная мера несколько не поправит дела, ибо жители, не получая за требуемые от них продукты желаемого удовлетворения, будут скрывать эти продукты, и тогда получение их примет характер насильственной реквизиции или даже просто захвата и одинаково вредно отзовется как на отношения наши к тому самому населению, политическое положение коего мы хотим улучшить, так и на дисциплину войск и на самый ход военных операций». Великий князь Николай Николаевич признал невозможным употребление тех мер, которые были указаны министрами военным и финансов, «ибо продовольственные припасы по громадкости своей не могут быть заготавливаемые на слишком дальнем от расположения армии расстоянии, а учреждение при помощи частных капиталистов разменных касс при полевых казначействах окончательно подорвало бы государственный кредит и было бы совершенно несовместимо с достоинством армии». Великий

28 Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Т. 1. С. 367.

29 СМ. Вып. 96. С. 80.

князь признал снабжение армии за границей звонкой монетой «в количестве, достаточном для удовлетворения местных ее потребностей», «вопросом не большего или меньшего удобства, но крайней и ничем не заменимой необходимостью»³⁰.

Вследствие указанных телеграммы и письма главнокомандующего Александр II приказал, не отменяя высочайшего повеления 17 декабря 1876 г., отпустить единовременно 2 млн руб. золотом³¹ из запаса, принадлежащего государственному казначейству. В письме от 30 марта Рейтерн уведомил Милютина, что «означенная сумма отпущена единовременно и что дальнейшие суммы будут отпускаться отнюдь не золотом, а кредитными билетами»³². Об этом великий князь был поставлен в известность рапортом военного министра от 31 марта 1877 г.³³ Ассигнование в 2 млн золотом составляло «не более двухнедельной потребности армии в звонкой монете, не считая расходов единовременных»³⁴, – подчеркивал его ничтожность в своем исследовании военный историк полковник А. А. Поливанов, будущий военный министр Российской империи (10.09.1915–15.03.1916 гг.).

Любопытно, что корреспондент «Правительственного вестника» В. В. Крестовский сообщил, что в главное полевое казначейство было «отправлено из Петербурга 50 миллионов золотом на нужды войск и для раздачи жалованья при переходе за границу»³⁵. Аренс возмущался

30 Там же. С. 80–81.

31 Н. И. Беляев ошибочно писал, что было отпущено 3 млн золотых рублей. Авторитет Беляева среди историков был и остается очень высоким, поэтому многие авторы повторяют эту неточность. См.: *Беляев Н. И. Русско-турецкая война...* С. 92; *Улуян А. А. Болгарский народ...* С. 109. Эта цифра появилась, похоже, из-за невнимательного прочтения записи в дневнике Милютина. Александр II распорядился срочно послать великому князю 3 млн руб. золотом для заграничных расходов. Рейтерн заявил о невозможности выполнить это повеление, но император «настоял на выделении хотя бы 2 млн». См.: *Милютин Д. А. Дневник. 1876–1877*. М., 1949. Т. 2. С. 152.

32 *Аренс И. А. Записки...* // ВС. 1910. № 4. С. 29.

33 СМ. Вып. 96. С. 81.

34 *Поливанов А. А. Очерк устройства продовольствования русской армии на Придунайском театре в кампании 1853–54 и 1877 г.* СПб., 1894. С. 211.

35 *Крестовский В. В. Двадцать месяцев в действующей армии. (1877–1878): Письма в ред. газ. «Правительственный вестник» от ея офиц. кор. лейб-гвардии Уланск. е. вел. полка штабс-ротмистра Всеволода Крестовского.* СПб., 1879. Т. 1. С. 40.

подобной ложью: «И это писал официальный корреспондент в официальную газету, находясь в ежедневных сношениях со всеми властями Главной квартиры. Удивительно ли после этого, что частные корреспонденты в своих сообщениях еще более искажали правду, основывая свои сведения на общих слухах и сплетнях и не задавая себе труда проверять их, хотя и имели полную к тому возможность»³⁶. На наш взгляд, Крестовский из пропагандистских соображений так увеличил сумму ассигнований, чтобы показать всем и вся обеспеченность русской армии золотом, что должно было накануне войны вселять непоколебимую уверенность в ее успехе и будущих победах.

5 апреля главнокомандующий вновь телеграфировал императору, что после перехода армией границы «представится необходимость отпускать золото на хозяйственные надобности войск, на перевозку их по железным дорогам, на содержание лазаретов и на наем для них помещений, на снабжение офицеров, хотя бы на некоторую сумму звонкой монетой, и на весьма многие другие потребности для армии. На все это отпущенных 2 млн далеко недостаточно, так как они составляют немногим более полумесячной потребности». Великий князь поэтому настоятельно просил о высылке еще 3 млн, из которых «небольшая часть этой суммы, до 300 тыс., могла бы быть выслана высокопробным серебром». Император повелел ограничиться высылкой в Главное полевое казначейство 300 тыс. руб. серебром и уведомить великого князя, что «не представляется возможности выслать золото»³⁷.

Главнокомандующий, готовящий свои войска к переходу через границу Российской империи и озабоченный их пропитанием в Румынии, в очередной раз удостоверился в сложности финансовой ситуации, дефиците золотой монеты при отсутствии конвенции с Румынией, поэтому ему пришлось торопить заключение контракта с товариществом, с которым можно было расплачиваться кредитными рублями. И уже 30 марта подписка была взята и наряд дан, причем в нем указывались только 65 пунктов, где предполагались остановки войск на отдых, количество требовавшихся продуктов и время, к которому они должны были быть доставлены, но во избежание огласки ни наименования частей войск, ни их число в данном документе не прописывались, отмечал Аренс³⁸. Вместе с тем товариществу выдали «на месте 3 тыс. полуимпериалов с пополнением этих

36 Аренс И. А. Записки... // ВС. 1910. № 4. С. 30.

37 СМ. Вып. 96. С. 82.

38 Аренс И. А. Записки... // ВС. 1910. № 4. С. 32.

денег через Государственный банк в Петербурге»³⁹. Была сформирована администрация товарищества, и уже в ночь на 2 апреля агенты в качестве частных людей отправились из Кишинева в разные места Румынии с целью необходимых закупок.

Тем временем члены товарищества поставили в известность Аренса о том, что Пашев вышел из «гласного состава товарищества», поскольку из-за ограниченности своих средств он не мог внести надлежащую долю для формирования капиталов по обеспечению и ведению дела. Грегер с Горвицем внесли 55 паев, а Коган 45, и дали обязательство представить требуемые залогов в течение 10 дней со дня подписания контракта. Однако они не согласились со всеми условиями проекта Аренса, так как желали «принять на себя поставку всех продуктов и припасов, которые будут требоваться для войск и госпиталей во все время нахождения их за границей, за исключением лишь волов, консервов и соломы и вообще предметов, заготовленных до настоящего времени интендантством и войсками, а равно жертвуемых обществом и частными лицами и могущих быть захваченными у неприятеля»⁴⁰.

В отзыве Непокойчицкого интенданту действующей армии от 4 апреля 1877 г. сообщалось, что главнокомандующий по рассмотрении его доклада «изволил признать необходимым предоставить товариществу Грегера, Горвица и Когана поставку продовольственных припасов для надобностей войск действующей армии на комиссионном начале не только во время путевого их следования и первых двух недель по прибытии их на места назначения, но и во все время пребывания их за границей, а также передать этому же товариществу на тех же началах довольствие имеющих быть учрежденными за границей военно-временных госпиталей с заключением на этот последний предмет особого контракта, но с одним общим залогом 500.000 руб. по обоим предприятиям»⁴¹.

Аренс полагал, что на данное решение великого князя (в смысле распространения операций товарищества на комиссионных началах

39 Материалы для составления отчета о продовольствии армии в минувшую войну 1877–1878 годов в Румынии и Европейской Турции. Систематическое изложение дел и сведений, собранных бывшей комиссией для исследования действий продовольствовавшего армию Товарищества Грегера, Горвица и Когана. СПб., 1881. С. 5.

40 *Аренс И. А.* Записки... // ВС. 1910. № 4. С. 32, 33.

41 СМ. Вып. 18. С. 84.

на всю кампанию и на военно-временные госпитали) повлияли «предвидение затруднений в устройстве другими способами продовольствия армии при неимении звонкой монеты и в то же время изъясненное товариществом согласие получать уплату кредитными бумагами». В подтверждение своего предположения Аренс привел цитату из письма, а также шифрованную телеграмму великого князя, посланных императору 7 апреля 1877 г. В письме главнокомандующий подчеркнул, что «на сбыт наших кредитных билетов в Румынии вовсе нельзя рассчитывать, ибо заключенная с тамошним правительством конвенция не позволяет установления обязательного обращения и приема оных, а когда мы перейдем Дунай и вступим в Болгарию в качестве освободителей страны, то первым делом нашим будет платить за все потребности армии действительной, а не фиктивной денежной ценностью». Главнокомандующий также испрашивал, «в виду отказа министерства финансов снабдить в достаточном количестве армию золотом, высочайшее разрешение вступить с частными промышленниками в сношение о доставлении полевому казначейству необходимого на производство расходов золота с тем, чтобы на покрытие разности между нормальным курсом золотой монеты и покупной ценой оной, был открыт министерством финансов в дополнение к военной смете особый кредит»⁴². В телеграмме же он сообщал, что румынский генерал И. Гика едет «с ходатайством о производстве нами всех оплат звонкой монетой»⁴³ и что «генеральный консул

42 СМ. Вып. 96. С. 82.

43 В первоначальном варианте статьи 23 конвенции финансовые расчеты за помощь и услуги, оказанные русским войскам во время их продвижения через территорию Румынии, должны были производиться исключительно звонкой монетой (золотом или серебром). Однако министр финансов Рейтерн категорически возражал, поэтому румынской стороне предложили оплату кредитными бумагами. В секретной телеграмме от 5 (17) января 1877 г. барон Стюарт извещал о том, что премьер-министр Румынии И. Брэтиану предложил приступить к подписанию конвенции, но при этом просил изменить статью 23 конвенции. В очередной секретной телеграмме из Бухареста от 12 (24) января было передано заявление Брэтиану о том, что «введение кредитных билетов составит огромное затруднение, ибо страна всегда чуждалась бумажных денег» (АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 17. Л. 114, 115). 18 марта 1877 г. в секретном донесении Стюарт, сообщая о согласии князя Карла и премьер-министра Брэтиану подписать конвенцию, указывал на то, что Брэтиану «предвидит большие затруднения с кредитными билетами, просит оставить прежний текст, говоря,

в Румынии барон Стюарт только исключением из 23 статьи конвенции слов “кредитные билеты” успел склонить румынское правительство к ее подписанию»⁴⁴. Контракт с товариществом был оформлен 16 апреля 1877 г.⁴⁵

Поливанов сравнил организацию продовольствия русской армии к началу военных действий в 1853 г. и в 1877 г. В 1853 г. русские войска вступили в Княжества, «имея особое соглашение с их правительством по продовольственным вопросам, соглашение, достигнутое заботами нашей дипломатии и разработанное через посредство наших консулов». В 1876–1877 гг. русские войска «стояли четыре месяца на границе Румынии, не имея возможности не только получить подобное же соглашение с правительством, но даже послать в это Княжество кого-либо из официальных лиц для заключения сделок по продовольственной части с местными коммерсантами». Кроме того, в 1853 г. командующий войсками IV и V корпусов князь М. Д. Горчаков не встретил недостатка в золоте для покрытия продовольственных потребностей войск в Княжестве, а в 1876 г., даже после многократных настояний, великий князь практически не имел золотой монеты⁴⁶. Поливанову можно возразить на его резкое замечание о дипломатии 1876 г. – она делала все, что могла, просто в политико-административной системе Румынии произошли кардинальные изменения по сравнению с 1853 г., а автор не принял их во внимание.

Выбор товарищества «Грегер, Горвиц и Коган», на наш взгляд, был обусловлен также и тем, что оно располагало значительным капиталом и предлагало поставлять весь список требуемых продуктов, а не отдельные его пункты, как значилось в предложениях других комиссионеров, и получать оплату в кредитных рублях, а не золотом.

как войдем в страну, можно будет заключить дополнительное условие об этом». Против фразы Брэтиану на документе стоит помета Александра II: «Мин[истерство] фин[ансов] не может на это согласиться». См.: Освобождение Болгарии от турецкого ига (далее – ОБ). Т. 1. М., 1961. С. 623. В телеграмме от 31 марта (12 апреля) 1877 г. из Бухареста барон Стюарт подчеркивал, что «подписание конвенции затрудняется вопросом о кредитных билетах. Брэтиану не надеется склонить Камеры (палаты депутатов)» (АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 17. Л. 121).

44 *Аренс И. А.* Записки... // ВС. 1910. № 4. С. 37–38; СМ. Вып. 96. С. 82–83.

45 См.: СМ. Вып. 18. С. 96–106; Вып. 96. С. 381–392; *Поливанов А. А.* Очерк устройства... С. 206–209.

46 *Поливанов А. А.* Очерк устройства... С. 210–211.

Иметь дело с одним поставщиком было легче, чем с несколькими. Кроме того, два члена товарищества (Коган и Горвиц) являлись потомственными почетными гражданами, а подобное звание предполагало незапятнанную репутацию, общественное признание и широкие благотворительные акции. Достойный статус коммерсантов должен был обеспечить и надлежащее качество выполнения контракта. Однако реалии, как известно, оказались несколько иными.

В историографии XIX в. весь комплекс причин, заставивших главнокомандующего обратиться к услугам товарищества, целиком не рассматривался, поэтому объяснения историков факта привлечения коммерсантов к снабжению армии продуктами и фуражом не просто оказались неудовлетворительными, но порой весьма далекими от реальной ситуации. Военный историк А. А. Свечин полагал, что русское командование в заботе о местном населении зашло настолько далеко, что не допускало не только реквизиций, но и расплаты за продукты бумажными рублями. Оно «открыло поход против министра финансов и бумажного рубля; весь командный состав тоже был заинтересован получать жалование золотом»⁴⁷. Военные историки А. К. Коленковский и В. Е. Белолипецкий только отметили, что «соглашение с Румынией было заключено незадолго до объявления войны, интендантство не могло поэтому начать заготовку запасов в Румынии заблаговременно. Это дело было поручено товариществу Грегера, Горвица и Когана»⁴⁸.

В историографии 1950-х гг. не раскрывалась ситуация с невозможностью заранее на законном основании подготовить склады продовольствия и фуража в Румынии накануне войны, а акцент перемещался на коррупцию русского командования (Н. И. Беляев, П. К. Фортунатов)⁴⁹. Коллектив авторов под руководством военного историка П. И. Вещикова отмечал, что правительство страны, «предвидя трудности с подвозом из внутренних районов России и не располагая достаточными интендантскими кадрами», решило передать продовольственное снабжение действующей армии частному товариществу «Грегер-Горвиц-Коган». «Тем самым имелось также в виду предупредить столкновение армии с местным населением при использовании

⁴⁷ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 381.

⁴⁸ Коленковский А., Белолипецкий В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1939. С. 10–11.

⁴⁹ Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 93; Фортунатов П. К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 91–92.

ресурсов продовольствия»⁵⁰. Это же объяснение было повторено в монографии профессора П. И. Вещикова⁵¹, в работе И. Т. Янбердина⁵², в совместной статье В. Д. Соколова, В. Д. Горина, Л. Ю. Горбунова⁵³.

В. Л. Степанов, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, писал, что «отсутствие достаточных стратегических запасов на случай войны и неудовлетворительная организация интендантской службы (малочисленность и низкий профессиональный уровень личного состава) привели к серьезным сбоям в работе тыла. Командованию приходилось распределять заказы между частными поставщиками, взвинчивавшими цены и стремившимися пожить за счет казны. На Балканах продовольственное обеспечение войск было поручено российскому товариществу Греггер-Горвиц-Коган»⁵⁴.

В. Д. Соколов отмечал, что поскольку «между правительствами России и Румынии взаимосвязей налажено не было, то и “гласная” заготовка в Придунайском княжестве не предусматривалась. Использование интендантского транспорта для подвоза – дело хлопотное и сложное, поэтому главнокомандующим было принято решение о поиске “коммерческих” людей для доверия им снабжения Дунайской армии продовольствием»⁵⁵. К сожалению, подобными объяснениями мотивации русского командования в привлечении товарищества к снабжению Дунайской армии продуктами и фуражом современные историки демонстрируют свои незнание и непонимание реалий той ситуации, которая сложилась накануне войны.

50 Вещиков П. И., Огуречников А. А., Шанин А. В. Продовольственная служба Вооруженных Сил России / под ред. генерал-майора А. П. Петриченко. М., 1999. С. 78.

51 Вещиков П. И. Военное хозяйство – тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003. С. 168.

52 Янбердин И. Т. Развитие провиантской службы Русской Армии во второй половине XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. М., 2006. С. 21–22.

53 Соколов В. Д., Горин Д. В., Горбунов Л. Ю. Планирование продовольственного снабжения войск до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал № 1 (49). Вольск, 2019. С. 83.

54 Степанов В. Л. Цена победы: русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 107.

55 Соколов В. Д. О контракте по снабжению войск продовольствием в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Наука молодых – будущее России. Сборник научных статей 6-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Курск, 2021. Т. 2. С. 142–143.

Таким образом, мы видим, что исключительно из-за неподписания русско-румынской военной конвенции, в совокупности с другими непреодолимыми обстоятельствами (прежде всего это отказ министерства финансов предоставить золото и необходимость расплаты за поставки кредитными рублями; непереносимое требование румынской стороны уплатить за все золотом, а не кредитными рублями, иначе она отказывалась подписывать военную конвенцию с Россией; невозможность провести гласные торги, маломощность и ненадежность румынских железных дорог и др.), главнокомандующему пришлось прибегнуть к услугам товарищества «Греггер, Горвиц и Коган». Конвенция требовалась русскому командованию как воздух, поскольку нужно было заблаговременно подготовить «все средства к удобнейшему проследованию армии через Румынию». И товарищество через своих агентов как частных лиц скрытно, в последние дни накануне войны, сделало заготовки продовольствия и фуража в Румынии и начало выпекать хлеб.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ).

Аренс И. А. Записки бывшего интенданта армии, тайного советника И. А. Аренса, о довольствии ея в турецкую кампанию 1877–1878 гг. // Военный сборник. 1910. № 3. С. 49–60; № 4. С. 27–38.

Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956. 464 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.

Бобриков Г. И. Записки. Ч. 1. Эпоха войны 1877–78 гг. СПб.: Типография П. Усова, 1913. 25 с.

Вещиков П. И. Военное хозяйство – тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.). М.: ИВИ МО РФ, 2003. 460 с.

Вещиков П. И., Огуречников А. А., Шанин А. В. Продовольственная служба Вооруженных Сил России / под ред. генерал-майора А. П. Петриченко. М.: Терра, 1999. 398 с.

Зальшкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения, 1875–1878. М.: Наука, 1974. 291 с.

Коленковский А., Белолипецкий В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1939. 47 с.

Крестовский В. В. Двадцать месяцев в действующей армии. (1877–1878): Письма в ред. газ. «Правительственный вестник» от ея офиц. кор. лейб-гвардии Уланск. е. вел. полка штабс-ротмистра Всеволода Крестовского. СПб.: Тип. министерства внутренних дел, 1879. Т. 1. 608 с.

Материалы для составления отчета о продовольствии армии в минувшую войну 1877–1878 годов в Румынии и Европейской Турции. Систематическое изложение дел и сведений, собранных бывшей комиссией для исследования действий продовольствовавшего армию Товарищества Грегер, Горвиц и Коган. [СПб.]: тип. В. В. Комарова, [1881]. 110 с.

Милютин Д. А. Дневник. 1876–1877. М.: тип. журн. «Пограничник», 1949. Т. 2. 290 с.

Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1901. Т. 1. 393 с.

Освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 646.

Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1904. Вып. 5. Докладные военные агентов. 272 с.; СПб.: тип. Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1911. Вып. 6. Документы из секретных бумаг генерал-адъютанта Милютина. 613 с.

Поливанов А. А. Очерк устройства продовольствования русской армии на Придунайском театре в кампания 1853–54 и 1877 г. СПб.: Николаевская академия Генерального штаба, 1894. 302 с.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Военная типография, 1898. Вып. 11. 268 с.; СПб.: Военная типография, 1898. Вып. 14. 168 с.; СПб.: Тип. Бережливость, 1900. Вып. 18. 138 с.; СПб.: Типо-литография Н. Л. Ныркина, 1910. Вып. 96. 563 с.

Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М.; Л.: Гос. изд-во. Отдел военной литературы, 1928. Т. 2. 619 с.

Соколов В. Д. О контракте по снабжению войск продовольствием в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Наука молодых – будущее России. Сборник научных статей 6-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. Т. 2. С. 142–146.

Соколов В. Д., Горин Д. В., Горбунов Л. Ю. Планирование продовольственного снабжения войск до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал № 1 (49). Вольск: ВВИМО, 2019. С. 81–87.

Степанов В. Л. Цена победы: русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 99–119.

Лушнян А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Наука, 1971. 205 с.

Фортунатов П. К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М.: Учпедгиз, 1950. 180 с.

Янбердин И. Т. Развитие провиантской службы Русской Армии во второй половине XIX в. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М.: Ин-т воен. истории МО РФ, 2006. 35 с.

References

Arens, I. A. «Zapiski byvshego intendanta armii, tainogo sovetnika I. A. Arensa, o dovol'stvii ieia v turetskuiu kampaniiu 1877–1878 gg.» *Voennyi sbornik*, 1910, no 3, pp. 49–60; no 4, pp. 27–38.

Beliaev, N. I. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.* Moscow: Voenizdat, 1956, 464 p.

Beskrovnyi, L. G. *Russkaia armiia i flot v XIX veke: Voенно-ekonomicheskii potentsial Rossii.* Moscow: Nauka, 1973, 616 p.

Bobrikov, G. I. *Zapiski. Ch. 1. Epokha voiny 1877–78 gg.* St Petersburg: Tipografiia P. Usova, 1913, 25 p.

Fortunatov, P. K. *Voina 1877–1878 gg. i osvobozhdenie Bolgarii.* Moscow: Uchpedgiz, 1950, 180 p.

Ianberdin, I. T. *Razvitie proviantskoi sluzhby Russkoi Armii vo vtoroi polovine XIX v.* Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Moscow: In-t voen. istorii MO RF, 2006, 35 p.

Kolenkovskii, A., Belolipetskii, V. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.* Moscow: Gosudarstvennoe voенное izdatel'stvo narkomata oborony Soiuzа SSR, 1939, 47 p.

Miliutin, D. A. *Dnevnik. 1876–1877.* Moscow: Tipografiia zhurnala «Pogranichnik», 1949, vol. 2, 290 p.

Opisanie russko-turetskoi voiny 1877–78 gg. na Balkanskom poluostrove. St Petersburg: Voennaia tipografiia, 1901, vol. 1, 393 p.

Osoboe pribavlenie k opisaniiu russko-turetskoi voiny 1877–78 gg. na Balkanskom poluostrove. Vol. 5. Doneseniia voennykh agentov. St Petersburg: Voennaia tipografiia, 1904, 272 p.; *Vol. 6. Dokumenty iz sekretnykh bumag general-a'iutanta Miliutina.* St Petersburg: Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusа zhandarmov, 1911, 613 p.

Osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga. Moscow: Nauka, 1964, vol. 2, 646 p.

Sokolov, V. D. «O kontrakte po snabzheniiu voisk prodovol'stvиеm v russko-turetskoi voine 1877–1878 gg.» *Nauka molodykh – budushchee Rossii. Sbornik*

nauchnykh statei 6-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh. Kursk: Iugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2021, vol. 2, pp. 142–146.

Sokolov, V. D., Gorin, D. V., Gorbunov, L. Iu. «Planirovanie prodovol'stvennogo snabzheniia voisk do nachala Russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg.» *Nauchnyi vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespecheniia: voenno-nauchnyi zhurnal*. Vol'sk: VVIMO, 2019, no 1 (49), pp. 81–87.

Stepanov, V. L. «Tsena pobedy: russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. i ekonomika Rossii.» *Rossiiskaia istoriia*, 2015, no 6, pp. 99–119.

Svechin, A. A. *Evolutsiia voennogo iskusstva*. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, Otdel voennoi literatury, 1928, vol. 2, 619 p.

Ulunian, A. A. *Bolgarskii narod i russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.* Moscow: Nauka, 1971, 205 p.

Veshchikov, P. I. *Voenoie khoziaistvo – Tyl Vooruzhennykh Sil Rossii (XVIII–XX vv.)*. Moscow: IVI MO RF, 2003, 460 p.

Veshchikov, P. I., Ogurechnikov, A. A., Shanin, A. V. *Prodovol'stvennaia sluzhba Vooruzhennykh Sil Rossii*, ed. by general-maior A. P. Petrichenko. Moscow: Terra, 1999, 398 p.

Zalyshkin, M. M. *Vneshniaia politika Rumynii i rumyno-russkie otnosheniia, 1875–1878*. Moscow: Nauka, 1974, 291 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.04

M. M. Frolova

**From the background of the Russo-Turkish War of 1877–1878:
the Russian-Romanian military Convention and the agreement
with the partnership of Greger, Horvitz and Kogan**

Marina M. Frolova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Citation

Frolova M. M. From the background of the Russo-Turkish War of 1877–1878: the Russian-Romanian military Convention and the agreement with the partnership of Greger, Horvitz and Kogan // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 70–92 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.04

Received: 14.05.2023.

Revised: 28.05.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article reveals, based on published and archival documents, the reasons the Russian command of the Danube Army on the eve of the Russo-Turkish war of 1877–1878 concluded an agreement for the supply of food and fodder with the partnership of Greger, Horvitz and Kogan. The path of the Russian army to the theater of military operations on the right bank of the Danube passed through the territory of Romania. The draft of Russian-Romanian military convention was drawn up in November 1876, and the convention was signed on April 4 (16), 1877, just before the declaration of war on April 12 (24), 1877. The low capacity of the railways of the Principality prevented timely delivery of food and fodder from Russia. In the absence of a convention, it was impossible to publicly make purchases in Romania, to prepare warehouses officially and in advance. The Ministry of Finance of Russia allocated only credit rubles to cover expenses, and in Romania only hard money was in use. The Commander-in-chief believed that under such circumstances it was possible to arrange the provision of troops abroad only through the medium of private commission agents. The partnership of Greger, Horvitz and Kogan was chosen, since it had considerable capital, offered to supply the entire list of required products, not only its individual items, as indicated in the calls of other commission agents, and received payment in credit rubles, not gold. In addition, its members had a good business reputation.

Keywords

Russo-Turkish war of 1877–1878, Russian-Romanian military convention, partnership of Greger, Gorvits and Kogan, Commander-in-Chief of the Danube Army Grand Duke Nikolai Nikolaevich, A. A. Nepokoi-chitsky, I. A. Ahrens.

**Ярослав Салат-Петрлик –
чешский коммунист-интернационалист
и советский партийный функционер**

Станков Николай Николаевич
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: stankovnn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5248-1027

Цитирование

Станков Н. Н. Ярослав Салат-Петрлик – чешский коммунист-интернационалист и советский партийный функционер // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 93–111. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.05

Статья поступила в редакцию 16.05.2023.

Рецензирование завершено 01.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье на основе документов российских архивов рассматривается участие Ярослава Салата-Петрлика в революционных событиях в России в 1917–1918 гг., в установлении советской власти в Задонске Воронежской губернии. Значительное внимание уделено деятельности Салата на посту секретаря Центрального исполнительного комитета чехословацкой коммунистической группы при ЦК РКП(б), а затем председателя Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды. В статье также освещается подпольная революционная деятельность Салата в Чехословакии в 1919 и 1920 гг., его работа в органах Коминтерна. Автор статьи указывает на причины, которые вызвали критику деятельности Салата со стороны чехословацких коммунистических лидеров и советских дипломатов в Праге, в результате чего он был вынужден остаться на партийной работе в СССР. В 1922–1936 гг. он возглавлял советские партийные учебные заведения на Северном Кавказе, в Поволжье и Средней Азии. В этих регионах Салат также руководил агитационно-пропагандистской работой коммунистической партии. Он во всем следовал политической линии

И. В. Сталина, принимал активное участие в борьбе с троцкизмом, а затем с «троцкистско-зиновьевским блоком», что, однако, не уберегло его от ареста в 1936 г.

Ключевые слова

Центральное чехословацкое бюро агитации и пропаганды, Коминтерн, Коммунистический Интернационал молодежи, советско-партийные школы.

В 1962 г. ЦК КПЧ обратился в ЦК КПСС с просьбой сообщить сведения о судьбе чехословацких коммунистов Я. Салата-Петрлика, Я. Штромбаха, В. Петраса и Л. Шварца, проживавших в Советском Союзе и репрессированных в 1930-х гг. По поручению ЦК КПСС такие сведения были собраны и 6 декабря 1962 г. переданы ЦК КПЧ советским послом в ЧССР М. В. Замятиным¹.

В настоящее время личное дело Я. Салата-Петрлика, включающее его автобиографию и собранные в 1962 г. сведения, хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории. В фондах РГАСПИ и Архива внешней политики Российской Федерации сохранились и другие документы о деятельности Салата. Основываясь на этих материалах, в данной статье предпринята попытка показать его роль в российском и чехословацком революционном движении, а затем на партийной работе в СССР.

Ярослав Салат-Петрлик родился 19 ноября 1889 г. в Пардубице в рабочей семье. Начальное образование он получил в пятилетней народной школе, а затем продолжил обучение в реальном училище в Праге, которое закончил с отличием в 1907 г. В 1910 г. Ярослав окончил общий факультет Пражской высшей технической школы, во время учебы в которой также посещал лекции по философии в Пражском университете. Юноша мечтал стать профессором математики, физики и начертательной геометрии. Но с юных лет Ярослав был вынужден сам зарабатывать себе на жизнь. На материальную поддержку со стороны семьи, которая сама находилась в нужде, он рассчитывать не мог. Поэтому в студенческие годы он подрабатывал домашним учителем и переписчиком, во время зимних каникул работал ледорубом, а во время летних – официантом².

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 2.

² Там же. Л. 10.

В годы учебы в Праге Ярослав проявил интерес к социалистическим идеям. С 1908 г. он участвовал в работе студенческих социал-демократических кружков, в 1911 г. вступил в Чехославянскую социал-демократическую рабочую партию (автономистов), окончил Пражскую вечернюю Академию труда при ЦК ЧСДРП³.

В 1911 г. Салат был призван вольноопределяющимся в австро-венгерскую императорско-королевскую армию, сдал экзамен на офицерское звание, которое, однако, ему не было присвоено, поскольку он отказался подписать реверс (обязательство). В 1912 г. Салат ненадолго вернулся в мирную жизнь, к своим прежним обязанностям домашнего учителя. Тогда же он начал сотрудничать с центральным органом ЧСДРП «Právo lidu», познакомился с Б. Шмералем и А. Заптоцким. Его занятия прервала война. Ярослав был призван в австро-венгерскую армию, произведен в подпрапорщики, а затем – в прапорщики и направлен на Галицийский фронт. В августе 1915 г. вместе с вверенным ему взводом он перешел линию фронта и сдался в русский плен. В плену Салат находился в лагере Боброво в Воронежской губернии, а когда отказался вступить в Чешскую дружину, был переведен в Задонск⁴.

С этим небольшим городком на юге России связано много событий в жизни Салата. В Задонске он сблизился с большевиками. Вместе с ними выступал на митинге 1 мая 1917 г. и с их помощью организовал из военнопленных большевистскую организацию, которая после запрета Временным правительством в июле 1917 г. Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) стала называться «Военнопленные социал-демократы интернационалисты». Правда, это не спасло Салата от преследований: как большевик он был арестован и около месяца находился в заключении. Большевики включили Салата в свою фракцию местного подпольного Совета рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьского переворота он принимал активное участие в революционной борьбе: отряд красновардейцев из военнопленных чехов и австрийцев под командованием Салата сыграл важную роль в установлении советской власти в Задонске. Он стал членом первого большевистского Совета Задонска, основателем и редактором его печатного органа – «Советской газеты». Когда в марте 1918 г. в Задонском уезде оформилась организация большевиков, Салат был избран заместителем председателя, а по прошествии непродолжительного

3 Там же. Л. 11.

4 Там же.

времени – председателем уездного комитета Российской коммунистической партии (большевиков). Помимо этого он был членом уездной «тройки» Чрезвычайной комиссии, командиром и комиссаром большого отряда красногвардейцев из военнопленных, который, по словам Салата, был в то время «единственной организованной вооруженной силой советской власти в Задонском уезде». Отряд подавлял восстания, боролся с бандами дезертиров. Как записал Салат в своей автобиографии, он раскрыл контрреволюционный заговор, организованный офицерами контрразведки чехословацких легионов в Задонске: «Двух основных организаторов мы расстреляли»⁵.

В августе 1918 г. Салат ездил в Москву за шрифтом и типографским оборудованием для задонской «Советской газеты». Пребывание в столице он использовал для получения советского гражданства⁶ и встречи с председателем Центрального исполнительного комитета Чехословацкой коммунистической группы РКП(б) А. Муном и секретарем Я. Гандлиржем. Спустя три месяца он был кооптирован в члены ЦИК и избран секретарем. По словам Салата, Воронежский губернский комитет РКП(б) долго не отпускал его в Москву, и до весны 1919 г. он продолжал свою деятельность в Задонске⁷.

В начале марта 1919 г. Салат приехал в Москву и приступил к выполнению своих партийных обязанностей. В то время РКП(б) взяла курс на осуществление мировой революции. 4 марта 1919 г. в Москве был создан Коммунистический Интернационал. Деятельность ЦИК Чехословацкой коммунистической группы была распространена и на Украину. В апреле Салат по поручению Коминтерна переехал в Киев, где продолжал свою деятельность на посту секретаря ЦИК Чехословацкой коммунистической группы и члена президиума Центральной федерации иностранных групп. Он принимал активное участие в мобилизации коммунистов и вербовке беспартийных военнопленных в формировавшуюся тогда в Киеве под командованием югославского коммуниста Б. Бошковица Интернациональную дивизию⁸. В то время все усилия интернационалистов были направлены на поддержку Советской Венгрии.

В июле 1919 г. бюро Коминтерна в Киеве (А. Балабанова, Х. Раковский и Ф. Кон) командировали Салата на подпольную работу в Центральной Европе и для подготовки учредительного конгресса

5 Там же. Л. 13.

6 Там же. Ф. 549. Оп. 5. Д. 100. Л. 2.

7 Там же. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 12–13.

8 Там же. Л. 12.

Коммунистического Интернационала молодежи, который должен был собраться 18 августа 1919 г. в Будапеште. После падения советской власти в Венгрии конгресс пришлось перенести. Путешествие Салата проходило не без сложностей; он неоднократно подвергался арестам и только в сентябре добрался до Чехословакии, где развернул активную работу. Как Салат писал в автобиографии, он был членом подпольной «тройки» Коминтерна в Чехословакии, в которую кроме него входили Муна и Гандлирж, редактировал коммунистические издания, установил связь с руководством Коммунистической партии Австрии – с К. Томаном и Ф. Коричонером⁹.

После того, как в связи с постановлением об аресте и судебным преследованием по делу о расстреле чешских офицеров-легионеров в Задонске Салат вынужден был перейти на нелегальное положение, он продолжил подпольную работу в Кладно, где рабочее движение было особенно активным. Коммунистическая молодежь Кладненского округа избрала его делегатом на первый (учредительный) конгресс Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), который собрался нелегально 20–26 ноября 1919 г. в Берлине¹⁰. В своем выступлении Салат охарактеризовал ситуацию в чехословацкой социал-демократии, в молодежном коммунистическом движении, подчеркнул, что состоявшиеся незадолго до его отъезда молодежные конференции в Кладно и Праге приняли решения о присоединении к Коммунистическому Интернационалу¹¹. Вместе с остальными делегатами Салат подписал «Манифест» конгресса, в котором отмечалось: «Материальные условия для всемирной революции уже созрели. Победа революции зависит от социалистического сознания масс, от их воли и энергии, прежде всего масс юных рабочих. Нужна решимость применять в революционной классовой борьбе все средства: демонстрации, стачки, забастовки, образование революционных советов рабочих и крестьян и, наконец, вооруженное восстание»¹². Конгресс обратился с призывом к пролетарской молодежи, ко всем ее организациям и группам «установить тесное боевое единение с Коммунистическим Интернационалом, поднять ожесточенную борьбу за победу пролетарской революции»¹³.

9 Там же.

10 Там же. Л. 12, 14.

11 Первый конгресс КИМ. Стенографическая запись. М.; Л., 1930. С. 176–177.

12 Там же. С. 197.

13 Там же. С. 198.

После конгресса Салат вернулся в ЧСР, где, как он написал в автобиографии, жил на нелегальном положении, работал в контакте с социал-демократической левицей, из членов которой создавал на местах «большевистское ядро», наладил систему подпольной связи и переходов через границу в Австрию и Германию¹⁴.

С начала 1920 г. он работал в Западноевропейском бюро Коминтерна в Берлине. В марте по поручению бюро Салат вместе с прибывшими в Берлин И. Ольбрахтом и Э. Вайтауэром нелегально отправился в Москву. С собой он привез зашифрованные доклады и другие материалы, которые сдал в Коминтерн. Как отмечал Салат в автобиографии, по поручению секретаря Коминтерна Я. А. Берзина он написал для В. И. Ленина доклад о коммунистическом движении в Чехословакии¹⁵.

25 марта 1920 г. Салат возглавил Центральное чехословацкое бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б)¹⁶. 29 марта – 5 апреля 1920 г. как представитель чехословацких коммунистов он участвовал в работе IX съезда РКП(б)¹⁷.

Задачей Центрального чехословацкого бюро было руководство агитацией и пропагандой среди бывших военнопленных и чешских колонистов в Волынской губернии. Бюро стремилось установить связь со всеми территориями, где была установлена советская власть, взять на учет всех чехов и словаков, создать на местах «агитационные ячейки, снабдить их литературой и дать правильное направление организационной и пропагандистской работе». В первый же месяц деятельности Бюро удалось установить связь с большинством регионов России и создать там региональные секции. С этой целью в апреле 1920 г. Салат лично выезжал в Тульскую, Тамбовскую и Воронежскую губернии. Всего было создано 5 областных, 14 губернских и 5 уездных секций, которые охватывали все регионы России, Украины и Туркестана, где находились чехи и словаки. Особое внимание Центральное бюро уделяло Сибири и Туркестану. В Иркутске на чешском языке издавалась газета «Коммунист», которая распространялась по всей Восточной Сибири. В Омске были организованы четырехнедельные партийные курсы. В Туркестане было создано восемь секций и на чешском языке выходила газета «Пролетарская революция». Кроме того, во всех регионах распространялись

14 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 14.

15 Там же.

16 Там же. Ф. 549. Оп. 5. Д. 37. Л. 29.

17 Там же. Д. 100. Л. 20–21.

издававшиеся на чешском языке тысячными тиражами агитационные брошюры и газета «Правда». Деятельность всех секций находилась под контролем Центрального чехословацкого бюро и местных организаций РКП(б). Через Народный комиссариат иностранных дел РСФСР Центральное чехословацкое бюро установило регулярную телеграфную связь с лидерами левых социал-демократов в ЧСР¹⁸.

Салат считал, что все чешские и словацкие коммунисты, находившиеся на территории бывшей Российской империи, должны быть отправлены на родину, чтобы укрепить позиции левой социал-демократии и ускорить создание коммунистической партии. В ЧСР в то время еще не было легальной коммунистической партии, ее образование ожидалось на предстоящем съезде ЧСДРП. Для усиления «большевистского ядра» в партии Салат отправил в ЧСР почти весь бывший ЦИК Чехословацкой коммунистической группы, агитаторов и большинство рядовых коммунистов, находившихся в Москве. 10 мая 1920 г. Салат обратился в ЦК РКП(б) с предложением направить в ЧСР в самый короткий срок всех чехословацких коммунистов, находившихся на территории России, Украины и Туркестана¹⁹. Он предлагал «концентрировать» их в Москве, организовать для них краткосрочные курсы и транспортом для военнопленных отправлять в Чехословакию. Салат установил и последовательность отправки. В первую очередь необходимо было отправить ответственных партработников для подпольной деятельности, затем агитаторов и, наконец, всех рядовых коммунистов, окончивших курсы²⁰. Он считал, что в условиях польско-советской войны чехословацких коммунистов следует направлять не на Западный фронт для борьбы с поляками, а «на фронт партийной работы в польском тылу – в Чехословакию», где они смогут принести больше пользы «как Советской России, так и международной коммунистической революции»²¹.

С разрешения ЦК РКП(б) Салат уже в мае 1920 г. организовал в Москве партийные курсы. Но с первых же шагов столкнулся с множеством трудностей: отсутствием библиотеки, помещений для занятий и проживания курсантов, недостатком даже самой простой мебели и продуктов. 27 мая он обратился с письмом в ЦК РКП(б) «в самом

18 Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 409. Л. 23–24, 195–195 об.

19 Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 178. Док. 36.

20 Там же. С. 181. Док. 36.

21 Там же. С. 178, 181. Док. 36.

срочном порядке» предоставить общежитие для 50 человек и необходимую для учебных занятий литературу, отпустить для курсантов продовольственный паек и т. д.²²

Программа курсов предусматривала изучение основ марксизма, истории международного рабочего движения, современной Чехословакии («Чехословацкая контрреволюция», «Политическое положение Чехословакии в настоящее время», «Коммунистическое движение в Чехословакии»), практические занятия с пулеметами и автомобилем. Большинство лекций на партийных курсах читал Салат: «Экономический материализм К. Маркса», «Буржуазная или пролетарская демократия», «Гуситские войны и таборитский коммунизм», «Практические результаты диктатуры пролетариата в политике и экономике», «Диктатура буржуазии в Чехословакии, 1918–1920 гг.», «Задачи агитаторов в Чехословакии»²³.

9 октября 1920 г. Центральное чехословацкое бюро приняло решение сократить срок обучения на курсах и читать лекции на самые важные темы, чтобы как можно больше чехословацких коммунистов прошли обучение, и «без задержки» отправлять их на родину²⁴. На заседании 15 октября все члены Центрального бюро проголосовали единогласно за предложение Салата о необходимости мобилизации всех чехословацких коммунистов для революционной работы на родине. 25 октября Организационное бюро ЦК РКП(б) данное предложение одобрило, и секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский направил губернским комитетам партии циркуляр о мобилизации всех чехословацких коммунистов и коммунистов других национальностей, владевших чешским и словацким языками²⁵. В течение 1920 г. Центральное бюро отправило на родину 308 коммунистов – чехов и словаков, а за январь – май 1921 г. – еще 57²⁶. Среди них был и знаменитый писатель Я. Гашек, который до возвращения на родину развернул активную деятельность в Иркутске на посту заместителя начальника политотдела 5-й армии, редактора и издателя нескольких газет, издававшихся как для военнопленных, так и для местного населения²⁷.

22 РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 37. Л. 133–133 об.

23 Там же. Д. 32. Л. 1, 10.

24 Там же. Л. 24.

25 Коминтерн и идея мировой революции. Документы. С. 217. Док. 55.

26 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 331. Л. 18; Д. 332. Л. 29.

27 Там же. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 6; Письмо Ярослава Гашека председателю Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Салату-Петрлику // Иностранная литература. 1967. № 11. С. 250–251.

Вместе с выпускниками партийных курсов Центральное бюро переправляло в Чехословакию произведения В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина и другую коммунистическую литературу²⁸. В ЧСР был отправлен и «Фонд для издания коммунистической литературы», собранный чехословацкими коммунистами в России²⁹.

Помимо этой деятельности Салат редактировал газету «Правда» на чешском языке, писал статьи в советские газеты, сотрудничал с советскими разведывательными органами – Иностранным отделом ВЧК и Регистрационным управлением штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии³⁰. Он был делегатом II конгресса Коминтерна (19 июля – 7 августа 1920 г.), правда, с совещательным голосом³¹.

В конце сентября 1920 г. Исполком Коминтерна получил радиошифровку из Праги с просьбой лидера левицы Б. Шмералья направить Салата в Чехословакию для подпольной работы. 16 октября с транспортом военнопленных он нелегально выехал в ЧСР³². 5 ноября в предместье Праги Салат сбежал с поезда, направлявшегося в карантинный лагерь в Пардубице. Внезапным приездом Салата Шмераль был крайне удивлен, так как никакой телеграммы он не посылал. Поскольку была опасность, что о приезде Салата узнает полиция и он будет арестован по делу об убийстве чехословацких офицеров в Задонске, Шмераль настаивал, чтобы тот немедленно уезжал в Германию. Салат протестовал против таких «путешествий по Европе», требуя разъяснений, для чего его вызывали. Так как радиошифровка была подписана служащим советской миссии Красного Креста в ЧСР В. Вишневым, то его пригласили для объяснений. С Вишневым пришел и глава миссии С. И. Гиллерсон. Как сообщал Салат 10 ноября 1920 г. в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР, «Вишневыский крутился» и обвинял Шмералья, Гиллерсон упрекал Вишневого. У Салата сложилось впечатление, что «в миссии Гиллерсона перепутали телеграмму»³³. Гиллерсон обещал поставить в известность о случив-

28 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 409. Л. 24.

29 Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 / отв. ред. А. Я. Манусевич. М., 1987. С. 217.

30 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 15.

31 Там же. Ф. 549. Оп. 5. Д. 100. Л. 34.

32 Там же. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 15.

33 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 7.

шейся ошибке Москву, дал письмо советскому представителю в Германии В. Коппу, чтобы Салату обеспечили возвращение в Советскую Россию. После бесед с Вишневым, Гиллерсоном и товарищами Салат 7 ноября нелегально оправился в Берлин³⁴.

В действительности случившееся с Салатом не было ошибкой. Радиосифровку отправил Вишневецкий, который в советской миссии официально занимал скромную должность бухгалтера, но на самом деле выполнял различные поручения Коминтерна, для чего создал свою агентурную сеть. По вопросу «о пределах и направлении конспиративной работы» у него возникли разногласия с главой миссии Гиллерсоном³⁵, которые крайне обострились осенью 1920 г., когда в чехословацкой печати развернулась кампания против советской миссии с обвинениями ее в подрывной деятельности. Вишневецкий обвинял Гиллерсона в «правизне»³⁶. Но, не имея, очевидно, достаточного веса в НКВД, Вишневецкий от имени Шмереля вызвал в Прагу Салата. Подлинная причина вызова, видимо, заключалась в том, чтобы опорочить Гиллерсона в глазах влиятельного в московских кругах чешского коммуниста. В известной степени это ему удалось. 10 ноября из Берлина Салат направил заведующему подотдела Центральной Европы НКВД И. С. Якубовичу подробный доклад о деятельности советской миссии Красного Креста, состоявший из 19 пунктов, составленный на основе бесед с Вишневым, Гиллерсоном и представителями чехословацкой левицы. «Вишневецкий жаловался [...] на Гиллерсона, что он дело ведет слабо, – писал Салат Якубовичу. – Говорит мне в отсутствие Гиллерсона, что было бы хорошо Гиллерсона затребовать в Москву, так как он слишком будто боится». У Салата сложилось впечатление, что Вишневецкий по сравнению с Гиллерсоном обладал большей информацией и лучше ориентировался в обстановке. Он работал, писал Салат, в постоянном контакте «со всеми нашими товарищами», всем интересовался, стремился как можно тщательнее вникнуть в положение дел и сумел «больше наладить дело информации»³⁷. На предложение Салата больше информировать НКВД Вишневецкий ответил, что Наркоминдел дал такое поручение Гиллерсону, и что «если Чичерин или Вы хотите больше информации, прикажите это дело официально» ему, Вишневецкому, тогда он будет информировать³⁸.

34 Там же. Л. 7.

35 Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 33.

36 Там же.

37 Там же. П. 273. Д. 53928. Л. 16–17.

38 Там же. Л. 17.

Как и рассчитывал Вишневский, информация была доведена до сведения руководства НКВД. С письмом Салата ознакомились нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и его заместитель Л. М. Карахан. Вишневский получил поручение информировать НКВД, о чем свидетельствуют его письма в декабре 1920 г. и в январе 1921 г. с обвинениями в адрес Гиллерсона³⁹. В Москве пришли к выводу, что Гиллерсон не самая подходящая фигура для ведения дел в Праге, и 14 января 1921 г. Чичерин сообщил Гиллерсону, что «имеются в виду некоторые планы, связывающие Вас с другим местом и перенесением Вашей деятельности из Праги в другую страну»⁴⁰.

В Россию Салат вернулся не сразу. В упомянутом выше письме Якубовичу от 10 ноября он сообщал, что «письма, литературу и прочее для Чехословакии можно посылать Коппу для передачи мне, я уже доставлю в Чехословакию. Связь хорошая и надежная»⁴¹. В автобиографии Салат писал: «Работал нелегально в Чехии; был одним из организаторов декабрьского восстания рабочих Чехословакии, но успел после подавления восстания удрать в Берлин (31 декабря 1920 г.), являясь одним из непойманных участников большого процесса Чехословацких коммунистов за “государственную измену”, в связи с декабрьским восстанием. Поставлен вне закона»⁴².

Об участии Салата в декабрьских событиях в российских архивах не удалось обнаружить никаких документов. В Москву он вернулся 24 декабря 1920 г.⁴³, а 27-го выступил с докладом на заседании Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды⁴⁴. О событиях в ЧСР в декабре 1920 г. Салат вместе с Э. Бреннером написал статью «Борьба за коммунизм в Чехословакии», которая была опубликована в журнале «Коммунистический Интернационал»⁴⁵.

Вернувшись в Москву, Салат работал представителем Чехословацкой социал-демократической левицы в Исполкоме Коминтерна,

39 См.: Там же. Д. 53923. Л. 1–5.

40 Там же. П. 274. Д. 53931. Л. 1.

41 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 4. Л. 4. (В АВП РФ и РГАСПИ хранятся разные фрагменты одного и того же письма Салата Якубовичу от 10 ноября 1920 г.)

42 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 15.

43 Там же. Ф. 549. Оп. 5. Д. 100. Л. 40.

44 Там же. Д. 32. Л. 36.

45 Там же. Ф. 495. Оп. 71. Д. 33. Л. 1–21; *Салат Я., Бреннер Э. Борьба за коммунизм в Чехословакии // Коммунистический Интернационал. 1921. № 17. С. 4187–4208.*

одновременно будучи членом Центрального бюро чехословацких коммунистов при ЦК РКП(б)⁴⁶. Был помощником секретаря чехословацкой делегации на III конгрессе Коминтерна (22 июня – 12 июля 1921 г.)⁴⁷ и делегатом I конгресса Профинтерна (3 июля 1921 г.). Работал в отделе печати в аппарате Коминтерна⁴⁸.

Несмотря на такую активность, в документах, обнаруженных в российских архивах, деятельность Салата и других «московских» чехов руководством КПЧ и советскими представителями в Праге оценивалась весьма критически. В телеграмме Чичерину от 17 февраля 1921 г. глава советской миссии Красного Креста в Праге Гиллерсон писал, что, как показали декабрьские события, чешские коммунисты, прошедшие в Москве курсы Салата по подготовке агитаторов и партийных работников, «оказались совершенно несоответствующими». К тому же, когда многие из них были арестованы, во время допросов сообщили сведения, компрометировавшие и Москву, и левицу⁴⁹.

Еще более категорически по поводу чехословацких коммунистов, прошедших курсы в Москве, высказался один из лидеров КПЧ Я. Гандлирж. Прибыв в Москву для участия в III конгрессе Коминтерна, он 9 июня 1921 г. выступил на заседании чехословацкой секции при ЦК РКП(б) о положении в коммунистическом движении ЧСР. В частности, он отметил, что во время декабрьских событий многие партработники и агитаторы, окончившие курсы в Москве, оказались коммунистами лишь на словах, а не на деле. В Советской России они демонстрировали свои коммунистические убеждения, а когда прибыли в Чехословакию, вместо того, чтобы идти в массы на фабрики и заводы, они в первую очередь потребовали хороших условий труда и материальных средств. Некоторые из них даже выступили в качестве свидетелей на судебном процессе против арестованных коммунистов. Ответственность за такой подбор и подготовку кадров Гандлирж возлагал на Центральное чехословацкое бюро. Он предложил всем чехам и словакам – членам РКП(б) остаться в Советской России, где «они принесут больше пользы». «Чехослов[ацкая] коммунистическая партия в настоящее время в агитаторах не нуждается», – заключил Гандлирж⁵⁰.

46 РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 5. Д. 100. Л. 43, 45.

47 Там же. Л. 53, 64.

48 Там же. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 15.

49 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 45.

50 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 231. Л. 157.

Невысокого мнения о Салате и других «московских» чехах был председатель торговой делегации в РСФСР П. Н. Мостовенко. В письмах Чичерину 27 июля и 18 августа он отмечал: «Информация о Чехии, которую дал нам глава этих чехов т. Салат, не имела ничего общего с действительностью»⁵¹, «...т. Салат при ознакомлении нас со здешними настроениями и со здешней обстановкой проявил полную неосведомленность в том, что мы здесь нашли. Это была чисто бытовая, мелочная информация»⁵². Остро критиковал Мостовенко и публицистическую деятельность Салата, в статьях которого «настолько смешные преувеличения, что любой буржуазной газете достаточно их перепечатать без всяких комментариев». Во избежание всякого рода недоразумений Мостовенко предлагал «поскорее покончить с таким сознательным самообманом и уж, если наши органы нуждаются в подобной галиматье, печатать статьи отдельных неотчетливых товарищей с каким-нибудь примечанием, которое бы сняло с редакции ответственность за содержание». Мостовенко также сообщал в Москву, что ряд видных деятелей КПЧ чрезвычайно встревожены назначением Салата в Центральноевропейское бюро Коминтерна в Вену: «Часть товарищей даже настаивала на невозможности этого»⁵³.

Кроме того, деятельность Салата создавала и другие проблемы для миссии Мостовенко. 4 августа 1921 г. он сообщил Чичерину о состоявшейся накануне беседе с министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем, который обвинил советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Чехословакии. Министр показал Мостовенко комплект печатных материалов и фотографий участников III конгресса Коминтерна, большую пачку фотографий работавших в Москве чехословацких коммунистов и заявил, что «дальнейшее продолжение их вмешательства в русско-чешские дела становится совершенно невыносимым»⁵⁴. Мостовенко считал, что в интересах советской дипломатии очень важно «как можно скорее рассосать» этот вопрос и тем самым избавиться «от лишнего повода для столкновений»⁵⁵.

Таким образом, деятельность Салата рассматривалась советскими дипломатами в Праге как серьезная помеха на пути развития советско-чехословацких отношений. Под вопрос была поставлена

51 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 137.

52 Там же. Л. 86.

53 Там же. Л. 138.

54 Там же. Л. 116.

55 Там же. Л. 137.

его компетентность и достоверность сведений, которыми он снабжал советские и партийные органы. Очевидно, все это сказалось на последующей судьбе Салата. Во всяком случае, за границу он больше не выезжал. Более того Салата удалили из Москвы и вся его последующая деятельность продолжалась на периферии.

В сентябре 1921 г. в связи с голодом в Поволжье по поручению ЦК РКП(б) Салат был командирован на Украину, на Волынь, где с помощью Житомирского губернского комитета созвал конференцию чехов-колонистов, из их числа организовал Комитет помощи голодающим и, как он писал в автобиографии, «собрал значительное количество хлеба»⁵⁶. Осенью 1921 г. голодающим Поволжья с Волыни было отправлено 60 вагонов зерна⁵⁷.

В январе 1922 г. Салат был направлен на партийную работу на Северный Кавказ, в Терскую губернию (губернский центр – г. Георгиевск). В то время ЦК РКП(б) особое внимание уделял организации агитационно-пропагандистской работы, подготовке партийных кадров, усилению ими всех звеньев государственного аппарата. Решения X съезда РКП(б) (март 1921 г.) предусматривали создание широкой сети учебных партийных заведений – советско-партийных школ и коммунистических университетов (комвузов)⁵⁸. В 1922–1926 гг. Салат возглавлял советско-партийную школу на Тереке. Одновременно он был заведующим отделом агитации и пропаганды и членом Терского губернского комитета РКП(б), заведующим губернским отделом народного образования, а после преобразования Терской губернии в округ – членом бюро Терского окружного комитета партии, членом президиума окружного исполкома. В 1923 г. был делегатом Всероссийского съезда советов от Терской губернии⁵⁹.

В автобиографии Салат написал, что в июне 1924 г. он был вызван чехословацкой делегацией на V конгресс Коминтерна (17 июня – 8 июля 1924 г.), где выполнял обязанности секретаря делегации КПЧ и по поручению Коминтерна выступил с докладом о троцкизме⁶⁰. Однако в фонде «Пятый конгресс Коминтерна» (ф. 492) РГАСПИ нам

56 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 15.

57 Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 376. Прим. 10.

58 См.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 139–152, 594–597, 692–698.

59 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 15–16.

60 Там же. Л. 16.

не удалось обнаружить каких-либо свидетельств об участии Салата в работе конгресса. На его имя нет ни мандата делегата, ни пропуска на заседания, ни даже гостевого билета. Не удалось обнаружить и доклада Салата о троцкизме или хотя бы упоминаний о нем.

Тем не менее борьба с троцкизмом, а затем с троцкистско-зиновьевским блоком – важная веха в биографии Салата. В своей автобиографии он подчеркивал, что 1923–1926 гг. активно боролся с троцкизмом в Пятигорске, а с сентября 1926 г., когда был назначен проректором, а затем ректором Северо-Кавказского комвуза, – с троцкистско-зиновьевским блоком в Ростове-на-Дону. Зимой 1927/1928 гг. Салат разоблачил в Ростове подпольный троцкистский крайком. В ростовский период своей жизни, помимо ректора комвуза, он занимал должности заместителя заведующего агитационно-пропагандистского отдела и заведующего подотдела пропаганды Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б), члена Донской контрольной комиссии и Ленинского районного комитета ВКП(б) г. Ростова⁶¹.

После раскрытия Шахтинского дела он был 3 апреля 1928 г. «переброшен» в г. Шахты, где в течение года был членом Шахтинского окружного исполкома, заведующим агитационно-пропагандистским отделом окружного комитета ВКП(б), одновременно несколько месяцев занимал должность заведующего организационным отделом и почти два месяца – секретаря окружного комитета партии. «В Шахтинском округе руководил борьбой с поднимавшим в то время голову правым оппортунизмом». В 1928 г. был делегатом Всероссийского съезда советов от Шахтинского округа.

В мае 1929 г. Салат был назначен ректором Нижне-Волжского комвуза в Саратове, который в 1932 г. был преобразован Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (ВКСХШ), заведовал там кафедрой ленинизма, кроме того читал курс ленинизма в институте марксизма-ленинизма⁶². Углубленному изучению наследия В. И. Ленина после его смерти в 1924 г. ЦК РКП(б) придавал исключительное значение. XIII съезд РКП(б) (май 1924 г.) постановил, что ленинизмом должны быть «пропитаны» все общественные дисциплины, пропаганде ленинизма отводилось «виднейшее место» в массовой политической агитационной работе, в работе по коммунистическому воспитанию⁶³.

61 Там же.

62 Там же. Л. 17.

63 См.: Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 655–665.

Следует отметить, что наследие Ленина искусно препарировалось новым лидером партии И. В. Сталиным в борьбе за власть с соратниками Ленина – сначала с Л. Д. Троцким, затем с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, наконец, с Н. И. Бухариным. Салат во всем поддерживал руководящую политическую линию партии, «активно боролся против правых оппортунистов как в самом Саратове, так и посылался крайкомом в различные районы», «содействовал разоблачению и аресту правых ренегатов», среди которых были П. Г. Петровский – сын председателя Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровского, а также коллеги Салата по работе в комвузе. Салат был членом Нижне-Волжского краевого комитета, бюро Саратовского городского комитета ВКП(б) и Саратовского городского совета, заместителем председателя совета краевой секции научных работников⁶⁴.

С сентября 1933 г. по июнь 1935 г. Салат был ректором Среднеазиатской ВКСХШ в Ташкенте, членом ЦК КП(б) Узбекистана, Ташкентского городского комитета и Октябрьского районного комитета КП(б) Узбекистана в Ташкенте. В июне 1935 г. ЦК ВКП(б) назначил его ректором Таджикской ВКСХШ в Сталинабаде (Душанбе)⁶⁵. Это было последнее партийное назначение Салата.

27 августа 1936 г. он был арестован органами НКВД и в тот же день исключен из партии. 20 января 1938 г. специальная коллегия Верховного суда Таджикской ССР приговорила его к 10 годам лишения свободы. Салат обвинялся в контрреволюционной деятельности в бытность в Саратове, Ташкенте, Душанбе, «в засорении библиотеки ВКСХШ вредной литературой и финансировании троцкистов». 3 января 1940 г. по протесту прокурора СССР судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР снизила наказание до 6 лет лишения свободы. По отбытию срока наказания 2 сентября 1942 г. Салат был освобожден. Работал техническим бухгалтером, а затем старшим бухгалтером дорожно-эксплуатационного участка № 815 в Орджоникидзевском районе Таджикской ССР. 14 апреля 1947 г. Салат умер⁶⁶. 21 июня 1957 г. решением пленума Верховного суда СССР Салат был реабилитирован, а 19 октября 1962 г. бюро ЦК КП Таджикистана, очевидно, в связи с запросом ЦК КПЧ, восстановила его в партии⁶⁷.

64 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. 3321. Л. 17.

65 Там же. Л. 17–18.

66 Там же. Л. 8.

67 Там же. Л. 4.

Таким образом, жизненный путь Я. Салата типичен для многих иностранных коммунистов, оставшихся после революции 1917 г. в Стране Советов: юношеские увлечения социалистическими идеалами привели в местную социал-демократическую партию, оказавшись во время Первой мировой войны в русском плену, примкнули к большевикам и участвовали в революционных событиях в России, мечтали о мировой революции и даже пытались осуществить ее у себя на родине, затем работали в Коминтерне или аппарате ВКП(б), принимали участие во внутрипартийной борьбе, в 1930-х гг. были репрессированы, и, наконец, посмертно реабилитированы.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 915 с.

Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 / отв. ред. А. Я. Манусевич. М.: Наука, 1987. 450 с.

Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М.: Наука, 1965. 395 с.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. 949 с.

Первый конгресс КИМ. Стенографическая запись. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. 237 с.

Письмо Ярослава Гашека председателю Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Салату-Петрлику // Иностранная литература. 1967. № 11. С. 250–251.

Салат Я., Бреннер Э. Борьба за коммунизм в Чехословакии // Коммунистический Интернационал. 1921. № 17. С. 4187–4208.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 883 с.

References

Desiatyi s'ezd RKP(b). Mart 1921 goda. Stenograficheskii otchet. Moscow: Gospolitizdat, 1963, 915 p.

Internatsionalisty. Uchastie trudiashchikhsia stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v bor'be za vlast' Sovetov v Rossii. 1917–1920, ed. by A. Ia. Manusevich. Moscow: Nauka, 1987, 450 p.

Klevanskii, A. Kh. *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodanniy korpus.* Moscow: Nauka, 1965, 395 p.

Komintern i ideia mirovoi revoliutsii. Dokumenty. Moscow: Nauka, 1998, 949 p.

Pervyi kongress KIM. Stenograficheskaia zapis'. Moscow, Leningrad: Molo-daia gvardiia, 1930, 237 p.

«Pis'mo Iaroslava Gasheka predsedateliu Tsentral'nogo chekhoslovatskogo biuro agitatsii i propagandy pri TsK RKP(b) Ia. Salatu-Petrliku.» *Inostrannaia literatura*, 1967, no 11, pp. 250–251.

Salat, Ia., Brenner, E. «Bor'ba za kommunizm v Chekhoslovakii.» *Kommunisticheskii internatsional*, 1921, no 17, pp. 4187–4208.

Trinadtsatyi s'ezd RKP(b). Mai 1924 goda. Stenograficheskii otchet. Moscow: Gospolitizdat, 1963, 883 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.05

N. N. Stankov

Yaroslav Salat-Petrlik: Czech Communist internationalist and Soviet Party functionary

Nikolay N. Stankov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: stankovnn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5248-1027

Citation

Stankov N. N. Yaroslav Salat-Petrlik: Czech Communist internationalist and Soviet Party functionary // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 93–111 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.05

Received: 16.05.2023.

Revised: 01.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

Based on the documents from Russian archives, the article considers Yaroslav Salat-Petrlik's participation in the revolutionary events in Russia in 1917–1918, especially in the establishment of Soviet authority in Zadonsk in Voronezh province. Significant attention is paid to the activities of Salat in Moscow as a secretary of the Central Executive Committee of the Czechoslovak Communist Group and as a chairman of the Central Czechoslovak Bureau of Agitation and Propaganda. The author also analyzes his underground revolutionary activities in 1919–1920 in Czechoslovakia and his work in the Comintern. The author points out the reasons that caused Czechoslovak communist leaders and Soviet diplomats in Prague to criticize Salat's activities. As a result, he had to stay in the USSR at party work. In 1922–1936 he headed the Soviet party educational institutions in the North Caucasus, the Volga region and Central Asia. In these regions, Salat also led the agitation and propaganda work of the Communist Party. He always followed Stalin's political line in everything, took an active part in the fight against Trotskyism and later the "Trotskyist-Zinoviev bloc". However, it did not save him from the arrest in 1936.

Keywords

Central Czechoslovak Bureau of Agitation and Propaganda, Comintern, Communist Youth International, the Soviet Party schools.

Политический портрет Йована Рашковича в 1970–1976 гг.

Смирнов Анатолий Владимирович
Кандидат исторических наук, независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
E-mail: avsm31@mail.ru
ORCID: 0009-0003-4766-7902

Цитирование

Смирнов А. В. Политический портрет Йована Рашковича в 1970–1976 гг. // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 112–132. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.06

Статья поступила в редакцию 14.06.2023.
Рецензирование завершено 18.06.2023.
Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассматривается оппозиционная деятельность первого председателя действовавшей в Хорватии Сербской демократической партии ученого-психиатра Йована Рашковича в 1970–1976 гг. В этот период он приобретает известность сторонника либеральных и сербских национальных ценностей. В своих трудах ученый, выступавший сторонником идей антипсихиатрии, открыто заявляет о несовершенстве югославского общества. Анализируя причины отдельных социальных явлений в различных общественных системах, он указывает на неэффективность развития СФРЮ, выступает за упразднение самоуправленческого строя и либерализацию режима. Рашкович с тревогой воспринимает «маспоковское» движение и в противовес ему участвует в работе Сербского культурного общества «Просвета». После подавления «хорватской весны» он негативно отзывался в разговорах с представителями власти о положении сербской культуры в Хорватии. Недовольство ситуацией в Югославии предопределило активное взаимодействие Рашковича с национально ориентированными сербскими оппозиционными кругами. На протяжении всего периода он поддерживает приятельские отношения с православным клиром, в середине 1970-х сближается с сербскими диссидентами. Не подлежит сомнению, что оформившиеся в этот период взгляды ученого, полученные им ценные контакты, связи и опыт в значительной

мере обусловили целый ряд важных особенностей его дальнейшего становления в качестве политического деятеля, создания и деятельности Сербской демократической партии в 1990 г.

Ключевые слова

Ђован Рашкович, Добрица Чосич, Сербская демократическая партия, распад Югославии, югославский кризис, сербы в Хорватии, война в Хорватии, антипсихиатрия.

Необходимой для понимания целого ряда аспектов югославского кризиса и современной ситуации на Балканах представляется политическая деятельность Ђована Рашковича (1929–1992), видного оппозиционера и первого председателя существовавшей в 1990–1995 гг. в Хорватии Сербской демократической партии (СДП). Эта партия, возглавившая борьбу крайних сербов за создание собственного государства, была учреждена 17 февраля 1990 г. в Книне. К этому моменту диссидентская активность Рашковича насчитывала по меньшей мере около двух десятилетий. Самые ранние из известных нам критических высказываний деятеля в адрес югославской системы содержатся в его докладе, озвученном на прошедшем в конце сентября 1970 г. в Загребе Третьем международном конгрессе социальной психиатрии.

Исключительно важную роль в становлении политика Рашковича сыграла сербская национально ориентированная оппозиция. По утверждениям современников, с середины 1960-х гг. он обзаводится связями и постепенно обретает авторитет в ее среде. Среди его знакомых – неофициальный лидер этого направления, «отец сербского национализма» писатель Добрица Чосич, писатель и художник Момо Капор, литератор Танасие Младенович¹. После встречи с Чосичем в 1977 г. Рашкович установил с ним близкие отношения и в течение 15 лет являлся одним из его видных соратников². С это-

1 Капор М. Книн – престоница свијета // Свједочења и сечања о Јовану Рашковићу. Београд; Земун, 2002. С. 71–78; Младеновић Т. Успутне скице за портрете: Црњански, Андрић, Милковић, др. Рашковић. Београд, 1993. С. 99–102; Ћосић Д. Пријатељи. Београд, 2005. С. 265–267.

2 Ћосић Д. Лична историја једног доба (пишчеви записи). Књ. 3: Време распада: 1981–1991. Београд, 2009. С. 121–124; Ћосић Д. Пријатељи... С. 265–267; Hudelist D. Moj beogradski dnevnik. Susreti i razgovori s Dobricem Ćosićem 2006–2011. Zagreb, 2012. S. 451.

го момента диссидентская деятельность Рашковича в значительной мере определялась его связями в Белграде.

В связи с этим представляется возможным условное разделение оппозиционной активности первого руководителя СДП до ее учреждения на два периода. Первый (начальный) охватывает отрезок времени с 1970 по 1976 г. и характеризуется невысокой контактностью Рашковича с представителями дружественной политической среды. Второй включает в себя промежуток с 1977 по 1989 г. и отличается его активным участием в ее функционировании. В данной статье рассматриваются особенности диссидентской деятельности Рашковича в начальный период. Какой характер носили его политические взгляды, контакты и связи в 1970–1976 гг.? Каково значение этого периода для становления и начальной деятельности Сербской демократической партии?

Рассматриваемый отрезок времени стал важным в карьере Рашковича. В первой половине 1970-х гг. первый руководитель СДП получил мировую известность в научной среде. С конца 1960-х на базе Института клинической нейрофизиологии медицинского факультета Люблянского университета он активно занимался исследованиями в названной сфере³. В 1972 г. методики Рашковича были впервые апробированы на Западе. Первым зарубежным научным учреждением, давшим признание его трудам, стал британский Институт неврологии⁴. Вплоть до 1977 г. работы ученого публиковались не только в СФРЮ, но и за ее пределами: в Италии, Франции и США⁵.

В 1975 г. в Загребском университете он защитил докторскую диссертацию на тему «Нозологические и феноменологические аспекты деперсонализации». В работе Рашкович выявил четыре группы названного синдрома и их распространенность среди страдавших неврозами и психозами. В ней также делался вывод о правильности терапевтического пути и отсутствии фармакологических возможностей лечения недуга, проблематичности его обнаружения

3 Ristić J., Rakić Lj., Papo I., Suša S. Predlog Odeljenju medicinskih nauka SANU prof. dr. Jovan Rašković da se izabere za člana SANU van radnog sastava // Srpska akademija nauka i umetnosti. Odeljenje medicinskih nauka. Skupština za izbor novih članova. Beograd, 1988. S. 1–7.

4 Рашковић Ј. Полицијски претрес и «посрбљивање Срба» // НИИ. Београд, 12. новембра 1989. С. 30–32.

5 Селективна библиографија радова др. Јована Рашковића // Српска зора: књижевност, култура, друштво. Београд, 1993. Број 7. С. 66–68.

у пациентов. Кроме того, автор пришел к заключению о важной роли стрессов в развитии синдрома и установил возрастной диапазон чаще всего страдавших от него людей⁶.

Научную деятельность Рашкович активно сочетал с преподавательской. В 1975 г. ученый был избран приглашенным преподавателем вышеназванного института в Любляне. Впоследствии в этом же качестве он работал в целом ряде ведущих университетов за рубежом, в т. ч. в США, Великобритании и Италии. Практически сразу после открытия в 1974 г. в Сплите филиала медицинского факультета Загребского университета ученый также проводил занятия в нем⁷.

В рассматриваемый период Рашкович продолжил приобретать управленческие и организаторские навыки. В 1973 г. ученый, проработавший более десяти лет рядовым сотрудником отделения нейропсихиатрии медицинского центра в Шибенике, стал его шефом⁸. Ранее, в 1959–1962 гг., он уже занимал руководящие должности: был директором шибеникской больницы и созданного на ее основе названного центра⁹.

В 1976 г. ученый выступил в роли организатора симпозиума на тему антипсихиатрии – в то время популярного на Западе гуманистического движения медицинского диссидентства либерального и анархического толка, направленного на разоблачение и перестройку рассматриваемой в качестве массовой формы насилия традиционной психиатрии. Данное мероприятие состоялось в рамках прошедшего в Опатии Шестого всемирного конгресса социальной психиатрии¹⁰.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. Рашкович вел заметную общественную деятельность. Как сообщала шибеникская пресса, в 1967 г. увлекавшийся футболом ученый стал членом Управляющего комитета местного клуба¹¹. По воспоминаниям его друзей и знакомых, к середине 1970-х гг. благодаря участию в передачах на загребском телевидении и интервью печатным СМИ Рашкович

6 *Rašković J.* Fenomenološki i nozološki aspekti depersonalizacije: doktorska disertacija. Zagreb, 1975.

7 *Ristić J., Rakić Lj., Papo I., Suša S.* Predlog...

8 *Rašković J.* Služba za neurologiju i psihijatriju // 100 godina šibenske bolnice. Šibenik, 1983. S. 163–174.

9 *Ristić J., Rakić Lj., Papo I., Suša S.* Predlog...

10 Ibid.

11 Najuspešnija poslijeratna sezona // Šibenski list. Šibenik, 8. veljače 1967. S. 6.

обрел широкую известность в СФРЮ¹². В этот же период к его помощи обращались видные югославские деятели, в частности, страдавший от ипохондрии известный хорватский писатель сербского происхождения Владан Десница (1905–1967)¹³.

В 1970–1976 гг. оппозиционная активность явилась неотъемлемой составляющей научной и повседневной деятельности Рашковича. Важнейшим ее направлением стала работа по популяризации антипсихиатрии. В своих материалах Рашкович указывал на обоснованность этого движения и порицал устоявшуюся систему труда своих коллег. Вслед за видными деятелями антипсихиатрии он говорил о порочности современного общества. В его работах подчеркивалась противоестественность существовавших общественных ценностей и ставился вопрос об их приемлемости, указывалось на творимое социумом насилие. Так как в СФРЮ психиатрию отличал традиционный подход, поднимаемые проблемы были, по мнению ученого, присущи также его стране.

В ходе дискуссии на проходившей в Герцег-Нови Четвертой международной конференции «Наука и общество» (1971 г.) Рашкович подчеркивал, что цели индустриального общества, выразившиеся в жизни под постоянным давлением производства и потребления, носили сомнительный и дегуманизирующий характер. Ссылаясь на свой пятнадцатилетний стаж психиатрической практики, он отмечал, что врач наблюдал за душевнобольными без учета их социального контекста и посредством диагноза выстраивал свои отношения с пациентом на основе модели «манипулятор – манипулируемый». При этом ученый указывал на необходимость создания новой чувствительности, ставящей своей целью жизнь саму по себе, и новых критериев ценностей. По его словам, таким «поворотным моментом в психиатрии» стала рассматривавшая людей через призму их социального окружения антипсихиатрия. В ней содержание иудейско-христианской этики, марксистской философии и репрессии индустриального общества рассматривались как факторы, а не как сущность и отношения¹⁴.

12 Борак С., Самарџија П. Јован Рашковић и новинари // Зборник о Јовану Рашковићу. Нови Сад; Београд, 2002. С. 232–238; Канор М. Барбарогеније у Риму // Зборник о Јовану Рашковићу... С. 23–26; Младеновић Т. Успутне скице за портрете... С. 99–102.

13 Канор М. Книн – престоница свијета...

14 General discussion // Science, man and his environment: proceedings of the Fourth International Conference “Science and Society”. Herceg-Novi,

В статье «Антипсихиатрия в теории и на практике» (1975 г.) Рашкович отмечал, что основой душевной болезни служило несогласие пациента с обществом, его неспособность интегрироваться с внешними реалиями. По его мнению, это влекло вмешательство общества в жизнь больного, осуществлялся насильственный возврат к нормам контекста. Общество отрицало опыт индивидуума и через свои механизмы уничтожало психологическую дифференциацию. Психиатр, являвшийся «послушной и интегрированной личностью» признанной системы, выполнял функцию общественного полицейского с чуть более высоким образованием. Как утверждал ученый, вне зависимости от исхода манипуляции – возвращался больной в общество или нет – к нему применялось насилие. В первом случае, как правило, посредством подкупа, во втором – психологической и физической агрессии. По его словам, серьезно мыслящие и неотягощенные традициями люди с диалектическим подходом были обеспокоены и разочарованы насилием общественных институтов, носившим политический, культурный, расовый, научный и технологический характер.

В этом же материале Рашкович писал, что основным фактором исследования социального окружения в антипсихиатрии была попытка вернуть отчужденного человека самому себе и таким образом воспрепятствовать его отправке в больницу для душевнобольных – «дегуманизированному клеймению и деперсонализации». Он также описывал технику вмешательства в социальное окружение американского психиатра Росса Спекса и называл ее самым подходящим из всех антипсихиатрических методов. По его мнению, утверждения, что антипсихиатрия является своего рода политическим институтом, были несостоятельны. Напрасными были обвинения в ее адрес в анархической революционности. Антипсихиатрия была попыткой гуманизации психиатрии, отрицала агрессию и манипуляцию¹⁵.

В целом ряде трудов Рашкович затрагивал явление деперсонализации (отчуждения) в современном обществе. Отзываясь о наркомании как попытке излечиться от отчуждения, он посредством анализа особенностей этого социального недуга в странах развитого капитализма, социалистического блока, СФРЮ и КНР делал вывод, что молодое поколение югославы не сильно интересовали цели

July 3rd to 10th, 1971 / ed. by B. Gluščević, S. Maričić, Br. Perović. Beograd; Zagreb, 1971. P. 65–66.

15 *Rašković J. Antipsihijatrija u teoriji i praksi // Socijalna Psihijatrija. Zagreb, 1975. Broj 3. S. 181–193.*

общества, и указывал на сравнительно низкую для молодежи социальную привлекательность своей страны.

В докладе на прошедшем в Загребе Третьем международном конгрессе социальной психиатрии (1970 г.) «Некоторые социологические аспекты наркомании» и одноименной статье (1971 г.) он утверждал, что на Западе это явление было распространено в основном среди молодежи и являлось следствием ее желания освободиться от «общества изобилия», взявшего курс на интенсификацию труда и усиление борьбы за существование. По его словам, ее не интересовали цели этого общества, она воспринимала любое вмешательство в свою жизнь как насилие. Переживаемое молодым поколением отчуждение было вызвано, во-первых, механизмом высоко развитого общества, а во-вторых, механизмом защиты от уже проявившегося отчуждения. В таком обществе наркомания представляла собой «регрессию вследствие репрессии» и «пассивный протест»¹⁶, служила «массовым гомеопатическим средством от деперсонализации».

Говоря о причинах наркомании среди молодежи в Югославии, ученый констатировал, что в стране проявлялись схожие с имеющими место на Западе черты и тенденции. Вместе с тем он указывал, что самоуправление выступало смягчающим фактором для психологических механизмов, созданных товарно-денежными отношениями. Отмечая корреляционную зависимость между наркоманией и изобилием общества, Рашкович называл югославский социум «среднеразвитым». Еще одной причиной пристрастия к наркотикам он называл проблемы трудоустройства молодежи в СФРЮ. По его мнению, строить карьеру в Югославии было гораздо сложнее, чем в развитых западных странах¹⁷.

По утверждениям Рашковича, выбирая между высоким уровнем деперсонализации и финансового положения, с одной стороны, и низким уровнем этих составляющих, с другой, его соотечественники предпочитали первый вариант. В 1975 г. в интервью изданию «Слободна Далмация» на тему текущей эмиграции из этого региона он отмечал, что далматинцы покидали родину, несмотря на ожидавшие их на новом месте дегуманизацию и отчуждение. По словам ученого, этот процесс

¹⁶ *Rašković J.* Some sociologic aspects of narcomania // Summaries. Vol. 1 / Third International Congress of Social Psychiatry. Zagreb, 21–27.IX.1970 / ed. by J. Bierer, Vl. Hudolin, J. H. Masserman. Zagreb; London, 1970. P. 25–26.

¹⁷ *Rašković J.* Some sociologic aspects of narcomania // Alcoholism. Zagreb; Lausanne, 1971. Vol. 7. P. 14–21.

был мотивирован высоким уровнем жизни в странах, куда шел отток, и в частности в ФРГ¹⁸.

В рассуждениях об особенностях отчуждения человека от собственного труда в странах западного мира, социалистического блока и СФРЮ ученый выступал сторонником либеральных преобразований в югославском обществе и заявлял об исключительной важности ликвидации одной из основ самоуправленческого строя – общественной собственности на средства производства. В ходе выступления на прошедшей в Дубровнике Пятой международной конференции «Наука и общество» (1973 г.) он в своем докладе «Деперсонализация личности как характерологическая черта падения человеческой ценности» отмечал, что, несмотря на создание новой общественной системы вследствие упразднения частной собственности, отчуждение труда по-прежнему оставалось актуальным для Югославии. Как отмечал ученый, самой большей опасностью для данной системы являлось сращивание связи «человек – вещь». По его мнению, для устранения отчуждения в СФРЮ следовало передать производство из рук общества в собственность свободных индивидуумов¹⁹.

Рашкович в числе многих представителей своей этнической группы с тревогой воспринимал сопровождавшееся ростом националистических настроений «маспоковское» движение конца 1960-х – начала 1970-х гг. Позднее, на стыке 1980-х и 1990-х, говоря о нем в своих интервью, ученый утверждал, что в случае невмешательства сверху хорватские националисты устроили бы над сербами новый геноцид²⁰. По его мнению, подавление «хорватской весны» воспринималось последними как освобождение, развеяло среди них страх²¹.

Следует отметить, что обеспокоенность Рашковича в отношении активности хорватских националистов стала в значительной мере следствием его личного опыта.

18 *Marinković N.* Kriza obitelji “gastarbajtera” // *Nedjeljna Dalmacija*. Split, 26. listopada 1975. S. 6.

19 *Rašković J.* Depersonalizacija ličnosti kao karakterološka crta pada čovjekove vrijednosti // *Naučni, tehnološki i društveni razvoj: ciljevi i vrednosti*. Zbornik V međunarodne konferencije “*Nauka i društvo*”, Dubrovnik, 7–14. jula 1973. Beograd, 1974. S. 185–195.

20 *Малишић В.* Ми смо нарцисоидно друштво // *НИН*. 26. марта 1989. С. 25–26.

21 *Vlašić B., Vesović M.* Jovan Rašković // *Start*. Zagreb, 28. travnja 1990. S. 16–21, 85.

В ходе Второй мировой войны он и его семья, как и многие сербы в Хорватии, стали жертвами усташского произвола. По утверждениям Рашковича, в 1941 г. его отец, известный адвокат, был объявлен режимом Павелича врагом, за его голову была назначена большая сумма денег. На фоне развернувшихся в округе родного для него Книна убийств сербов его семья бежала на контролируемую итальянцами территорию Далмации. Скрывавшийся в православном монастыре Крка будущий политик стал очевидцем усташского насилия над мирными сербами²². Впрочем, как пишет в своих воспоминаниях сестра Рашковича Вера Рашкович-Зец, уже в 1942 г., благодаря своим связям, их отец перебрался с семьей на территорию изменившего свою политику в отношении сербов Независимого государства Хорватии и занял должность председателя суда в контролируемом усташами Дрнише. В мае 1945 г. в связи с назначением коммунистами главы семьи на должность референта министерства правосудия Хорватии Рашковичи переехали в освобожденный от усташей Загреб²³.

На фоне разрастания «маспоковского» движения Рашкович проявил себя как национально ориентированный деятель. Он участвовал в создании отделений Сербского культурного общества «Просвета», оказывал помощь ее членам, попавшим в немилость к власти²⁴. В числе активистов общества находились его друзья, в частности Бранко Попович²⁵. В этот период ученый пользовался уважением среди видных членов «Просветы». Так, на большой авторитет Рашковича указывал известный писатель Воин Елич²⁶. Впрочем, ученый не стремился к руководящим постам в организации. По его утверждениям, в начале 1970-х гг. он не захотел принять предложение возглавить отделение «Просветы» в Далмации и даже формально стать ее членом²⁷.

22 Ibid.

23 *Рашковић-Зец Вј.* Расути бисери // Зборник о Јовану Рашковићу... С. 44–71.

24 *Марјановић Бр.* Српска политичка икона // Свједочења и сечања о Јовану Рашковићу... С. 85–119.

25 Međunarodni krivični sud za bivšu Jugoslaviju. Predmet Milan Martić (IT-95-11). Sjednica 08.09.2006. URL: http://www.icty.org/x/cases/martic/trans/bcs/060908IT_BCS.pdf. S. 7981–7991 (дата обращения: 13.06.2023).

26 *Јелић В.* Ми и «Просвјета» у данашњем тренутку // Просвјета. Загреб, октобар 2018. Број 145. С. 13–17.

27 Hrvatski državni arhiv (HDA). Arhivski fond Službe državne sigurnosti Republičkog sekretarijata za unutrašnje poslove SR Hrvatske (SDS RSUP SRH).

Об известности в годы «хорватской весны» Рашковича, как человека с репутацией сербского националиста, свидетельствовал, в частности, Танасие Младенович. По его словам, в циркулировавших в тот период слухах, далеких от реальности, ученый фигурировал в качестве зачинщика готовящегося восстания хорватских сербов. С этой целью он, якобы, занимался сбором оружия²⁸.

Приостановление властями в 1972 г. деятельности «Просветы» вызвало у ученого тревогу за будущее хорватских сербов. Как утверждал Рашкович, в середине 1970-х гг. он не скрывал своего мнения, что государство оказалось неспособным обеспечить надлежащее развитие его этнической группе. В данном в 1989 г. интервью ученый заявил, что в ходе состоявшегося 15 годами ранее кулуарного спора с одним из видных хорватских политиков он указывал на заброшенность и необходимость развития сербской культуры в Хорватии²⁹.

По мнению Рашковича, главным виновником прекращения работы «Просветы» был крупный хорватский и югославский политический деятель сербского происхождения Душан Драгосавац, занимавший в 1969–1974 гг. пост заместителя председателя правительства Хорватии. Весной 1988 г. в одной из частных бесед ученый утверждал, что функционер предпринял эту меру в качестве ответного шага на закрытие в республике хорватского культурно-просветительского общества «Матица Хрватска». При этом будущий лидер СДП отмечал, что сербы ему «этого никогда не простят»³⁰.

В рассматриваемый период Рашкович вопреки насаждаемому властями негативному отношению к клиру поддерживал приятельские отношения с известным своими оппозиционными настроениями православным духовенством. По его утверждениям, после переезда из Загреба в Шибеник он продолжил контактировать с приютившими его в годы войны послушниками монастыря Крка³¹. Как свидетельствует его близкий товарищ из Шибеника Бранко Попович, знавший Рашковича

Dosje broj 84645: Jovan Rašković. S. 81–91: SDS RSUP SRH. Centar Split. Informacija broj 634. Šibenik, 22. studenog 1988.

28 Младеновић Т. Над гробом Јована Рашковића // Српска зора: књижевност, култура, друштво. 1993. Број 7. С. 112–113.

29 Dežulović B. Kako pomiriti kastrate i edipalce // Nedjeljna Dalmacija. 1. listopada 1989. S. 16–17.

30 HDA. SDS RSUP SRH. Dosje broj 84645: Jovan Rašković. S. 25–28: SDS RSUP SRH. Centar Split. Informacija broj 203. Šibenik, 8. travnja 1988.

31 Rašković J. Luda zemlja. Beograd. 1990. S. 19–70.

с конца 1960-х³², в период своего проживания в этом городе (1959–1991 гг.) ученый дружил и соседствовал с епископами Далматинскими Стефаном (1959–1978 гг.) и Николаем (1978–1992 гг.), оказывал Сербской православной церкви (СПЦ) материальную помощь. Объектами его частых визитов были далматинские монастыри Крка и Крупа³³.

Вместе с тем Рашкович официально позиционировал себя атеистом. Так, в 1973 г. в Дубровнике в ходе дискуссии после его доклада на Пятой международной конференции «Наука и общество», в ответ на вопрос о причинах описываемого им феномена деперсонализации личности как характерологической черты падения ценности человека, он заявил, что предаст себя, если станет отвечать и мудрствовать на эту тему. По его словам, он не знал, что чему служит причиной, богов не существовало, на поставленный вопрос не мог ответить никто³⁴.

В середине 1970-х гг. Рашкович сблизился с представителями сербской национально ориентированной оппозиции. Их интерес к личности ученого был продиктован его участием в публичных мероприятиях. Как утверждал Младенович, с Рашковичем его познакомил в мае 1975 г. Капор, который, в свою очередь, отмечал, что встречался с ученым до этого события лишь однажды, по своей инициативе. В воспоминаниях Капор и Младенович указывали, что до своих знакомств с Рашковичем были сильно впечатлены его выступлениями на телевидении. Кроме того, по утверждениям Младеновича, до его первой встречи с Рашковичем Чосич, видевшийся с ученым два или три раза, отзывался о нем как о большом интеллектуале и выдающемся югославском специалисте в сферах психологии, психоанализа и философии. К этому времени авторитет, которым пользовался Рашкович в мире науки за рубежом, получил признание в СФРЮ. Имя ученого стало фигурировать в СМИ³⁵.

По воспоминаниям Чосича, он познакомился с Рашковичем в середине 1960-х гг. на международной конференции

32 Međunarodni krivični sud za bivšu Jugoslaviju. Predmet Milan Martić (IT-95-11). Sjednica 08.09.2006... S. 7981–7991.

33 Поповић Бр. Оснивач Српске демократске странке // Зборник о Јовану Рашковићу... С. 185–197.

34 Rašković J. Depersonalizacija ličnosti kao karakterološka crta pada čovjekove vrijednosti: Diskusija // Naučni, tehnološki i društveni razvoj: ciljevi i vrednosti... S. 196–198.

35 Капор М. Книн – престоница свијета...; Младеновић Т. Успутне скице за портрете... С. 99–102.

в Герцег-Нови³⁶. Близкие дружеские отношения между ними возникли после их встречи, состоявшейся, по всей видимости, в первом квартале 1977 г. в белградском отеле «Москва»³⁷.

Во втором томе своих мемуаров (1969–1980 гг.) Чосич отмечает, что в том же 1977 г. он дважды отдыхал на даче Рашковича в пригороде Шибеника Примоштене – с 4 по 15 апреля (с супругой и четой Младенович) и 20 дней с конца ноября по 18 декабря (с супругой)³⁸.

Приятельство и сотрудничество между Чосичем и Рашковичем продолжались вплоть до смерти последнего в 1992 г. В течение десяти лет писатель, его супруга и друзья проводили свой отпуск на даче ученого. По словам Чосича, Рашкович был его «духовным братом»³⁹ и «самым близким другом»⁴⁰. Их дружба зиждилась на схожем интеллектуальном восприятии человека и мира и критике титовского порядка, при котором они жили⁴¹.

В свою очередь, Рашкович также публично признавал дружеские отношения с Чосичем⁴² и восхищался его деятельностью. В опубликованной в 1977 г. статье «Психоаналитические аспекты установления и упразднения времени» ученый, являвшийся приверженцем учения Фрейда, открыто признался в увлечении творчеством писателя. По его мнению, глава «Разыстория» фантастического романа Чосича «Сказка» (1966 г.), в которой тот в завуалированной форме высказывал разочарование и критику югославского строя, являлась «представляющим особый интерес для психоаналитиков катарсисом»⁴³. В данных в 1988–1989 гг. интервью ученый утверждал, что его друг внес исключительный вклад в возрождение сербов⁴⁴. По его словам,

36 *Ђосић Д.* Пријатељи... С. 265–267.

37 *Ђосић Д.* Лична историја једног доба (пишчеви записи). Књ. 3. С. 121–124; *Ђосић Д.* Пријатељи... С. 265–267; *Hudelst D.* Moj beogradski dnevnik... С. 451.

38 *Ђосић Д.* Лична историја једног доба (пишчеви записи). Књ. 2: Време отпора: 1969–1980. Београд, 2009. С. 216–217, 236.

39 *Ђосић Д.* Лична историја једног доба... Књ. 3. С. 121–124.

40 *Ђосић Д.* Лична историја једног доба (пишчеви записи). Књ. 4: Време мржње: 1992–1993. Београд, 2009. С. 92.

41 *Ђосић Д.* Пријатељи... С. 265–267.

42 *Mikulićin I.* Na muci se poznaju – liječnici // *Slobodna Dalmacija*. Split, 31. svibnja 1988. S. 7.

43 *Rašković J.* Psihoanalitički aspekt uvremenjivanja i razvremenjivanja // *Kultura*. Beograd, 1977. Broj 36–37. S. 78–87.

44 *Зорица Сл.* Може се изгубити живот, али се не смије загубити душа // *Истина*. Книн, јуни 1989. Број 3. С. 13–15.

«возможно, ни один писатель современной Европы не сделал для своего народа так много, как Чосич»⁴⁵.

Сближение ученого с сербской оппозицией обусловило пристальное внимание к нему Службы государственной безопасности. Предложение о предварительной оперативной разработке Рашковича было составлено ее сотрудниками из сплитского центра в год начала его дружбы с Чосичем. В документе указывалось, что он придерживается «антисамоуправленческих и анархо-либеральных позиций, а также позиций сербского национализма». Кроме того, отмечалось наличие у Рашковича контактов с Чосичем, епископом Далматинским Стефаном, видным активистом «маспока» сербом Сречко Биеличем и «другими враждебно настроенными лицами»⁴⁶.

Таким образом, период с 1970 по 1976 г. стал важнейшим для становления оппозиционного политика Йована Рашковича и возглавленной им СДП. В рамках профессиональной деятельности он получил ценный управленческий и организаторский опыт. В ходе преподавания в учебных заведениях рос уровень его мастерства убеждения и красноречия. Распространяя свои идеи, ученый приобрел уникальный для будущего лидера партии опыт работы с масс-медиа, дебатов с оппонентами в лице высокопоставленных представителей власти. Озвученная Рашковичем критика югославской системы с либеральных и национально ориентированных позиций послужила основой для формирования отдельных тезисов и аргументов использовавшейся впоследствии им и его партией антикоммунистической риторики.

В рассматриваемый период ученый становится широко известен как либерал. Активно работавший в начале 1970-х гг. над получением признания в научной среде Рашкович проявил себя сторонником радикальных преобразований в сфере своей профессиональной деятельности. На фоне охвативших СФРЮ политических перемен он повел активную работу по распространению популярных на Западе идей антипсихиатрии в своей стране. Выступив сторонником учения либерального и анархического толка, Рашкович заявил о несовершенстве современного общества. Всякий югослав, обнаруживший интерес к его научной деятельности, был проинформирован о несоответствии реалиям целого ряда провозглашаемых официальной идеологией особенностей социума. По мнению ученого, последний не являлся вопреки

45 *Milinović Z. Jovan Rašković // Polet. Zagreb, 29. travnja 1988. S. 14–15.*

46 HDA. SDS RSUP SRH. Dosje broj 84645: Jovan Rašković. S. 2: Centar SDS Split. Prijedlog za prethodnu operativnu obradu, 18. srpnja 1977.

благоразумию толерантным, общественные институты чинили неоправданное насилие по целому ряду признаков.

В своих трудах Рашкович открыто говорил о неудовлетворительном развитии СФРЮ. Рассуждая о причинах наркомании в различных общественных системах, он сделал вывод о невысокой привлекательности для югославской молодежи стоящих перед обществом целей. Кроме того, по его мнению, несмотря на низкий уровень отчуждения югославов в сравнении с существовавшим на Западе, их социум был не в состоянии обеспечить имевшийся в высокоразвитых странах уровень жизни. Оценивая плюсы и минусы своего положения, граждане СФРЮ отдавали предпочтение материальному достатку и выезжали в западные страны.

На этом фоне Рашкович выступил за упразднение самоуправленческого строя и либерализацию режима в своей стране. Говоря об отчуждении труда, он называл ключевой опасностью для югославского общества дегуманизацию. По его мнению, для ее нейтрализации следовало передать принадлежавшее социуму производство свободным гражданам.

Под влиянием охватившей Хорватию мобилизации на этнической основе Рашкович проявил себя как национально ориентированный деятель. Он с тревогой отнесся к «маспоковскому» движению. Ученый полагал, что репрессированные властями хорватские националисты намеревались устроить новый геноцид над его этнической группой. В начале 1970-х он активно участвует в создании отделений «Просветы». Несмотря на его отказ вступать в ряды организации и занимать в ней руководящие должности, эта деятельность сблизила ученого с представителями сербской национально ориентированной интеллигенции республики.

Свертывание в 1972 г. властями деятельности «Просветы» убедило ученого в их неспособности гарантировать национальное развитие его этнической группе. Через три года Рашкович открыто заявил об этом в споре с одним из видных представителей хорватского политического руководства.

Критика различных особенностей югославской системы свидетельствовала о сильном недовольстве Рашковича ситуацией в СФРЮ. Неприязнь к политическим реалиям направила его на путь диссидентства, взаимодействия с национально ориентированными оппозиционными кругами в сербской среде. Несмотря на заявления о своем атеистическом мировоззрении, ученый поддерживал приятельские отношения с оппозиционно настроенным православным клиром.

Он взаимодействовал с митрополитом и являлся частым гостем монастырей Далматинской епархии, совершал пожертвования СПЦ.

В середине 1970-х гг. пользовавшийся авторитетом в мировом научном сообществе Рашкович сблизился с видными представителями сербской оппозиции. Вовлечение ученого в дружественную политическую среду в 1977 г. открыло новый этап его оппозиционной деятельности, характеризовавшийся высоким уровнем контактности с соратниками и наличием весомого статуса в сообществе инакомыслящих.

Обнаружившееся в начале 1970-х беспокойство Рашковича и большинства его соплеменников по поводу намерений активистов «маспока» предопределило недоверие ученого и его партии к учрежденным последними в 1989–1990 гг. политическим структурам. Установленные им связи с представителями сербской национально ориентированной интеллигенции Хорватии сыграли важнейшую роль в формировании СДП. Развивавшиеся в рассматриваемый период отношения между ученым и СПЦ впоследствии стали одним из залогов ее активной поддержки деятельности его партии.

Недовольство системой, предопределившее упрочение контактов в среде СПЦ и обретение Рашковичем соратников среди сербских диссидентов, вызвало рост внимания к нему властей Хорватии и подчиненных им органов госбезопасности. Уже в 1980-х гг. последние получили разрешение на вмешательство в его жизнь. За ним велась беспрестанная слежка, в его окружении работали агенты тайной полиции, дома и на работе проводились обыски, чинились препятствия в карьере. Не подлежит сомнению, что эти действия в значительной мере предопределили нежелание возглавлявшейся ученым партии вести в 1990 г. конструктивный диалог с хорватскими коммунистами и их союзниками.

Самоидентификация Рашковича с кругом сербских диссидентов обусловила целый ряд особенностей его партийной деятельности. Так, руководствуясь их интересами, он в начале 1990 г. выдвинул концепцию учреждаемой им и его соратниками в Хорватии СДП как составляющей создаваемой оппозиционерами в Белграде Демократической партии (ДП). Несмотря на ее утверждение на начальном этапе, эта концепция была позднее, в ходе споров, отвергнута учредителями Сербской демократической партии. Впрочем, отличавшаяся сходством с аналогичным документом ДП первая программа СДП, чью основу передал Рашковичу ее автор Чосич, была принята.

Принадлежность к оппозиционным кругам в значительной мере предопределила конец большой политической карьеры ученого.

Рашковичу было присуще характерное в 1987–1990 гг. для сербской оппозиции неоднозначное отношение к коммунистам Сербии и их лидеру Слободану Милошевичу. С одной стороны, он поддерживал режим Милошевича в его политике, направленной на усиление позиций республики и сербского народа в СФРЮ, а с другой – открыто критиковал его за нежелание проводить демократические реформы. Последнее обстоятельство оказалось одним из ключевых факторов, обусловивших отстранение ученого от руководства СДП.

Источники и литература

Hrvatski državni arhiv (HDA).

Борак С., Самарџија П. Јован Рашковић и новинари // Зборник о Јовану Рашковићу. Нови Сад; Београд: Српско друштво «Др. Јован Рашковић»; Нови Сад: Градска библиотека, 2002. С. 232–238.

Зорица Сл. Може се изгубити живот, али се не смије загубити душа // Истина. Книн, јуни 1989. Број 3. С. 13–15.

Јелић В. Ми и «Просвјета» у данашњем тренутку // Просвјета. Загреб, октобар 2018. Број 145. С. 13–17.

Капор М. Барбарогеније у Риму // Зборник о Јовану Рашковићу... С. 23–26.

Капор М. Книн – престоница свијета // Свједочења и сечања о Јовану Рашковићу. Београд: Медић Д., Медић Балабан Н.; Земун: Типографик плус, 2002. С. 71–78.

Малишић В. Ми смо нарцисоидно друштво // НИН. Београд, 26. марта 1989. С. 25–26.

Марјановић Бр. Српска политичка икона // Свједочења и сечања... С. 85–119.

Младеновић Т. Над гробом Јована Рашковића // Српска зора: књижевност, култура, друштво. Београд, 1993. Број 7. С. 112–113.

Младеновић Т. Успутне скице за портрете: Црњански, Андрић, Милковић, др. Рашковић. Београд: БИГЗ, 1993. 148 с.

Поповић Бр. Оснивач Српске демократске странке // Зборник о Јовану Рашковићу... С. 185–197.

Рашковић Ј. Полицијски претрес и «посрбљивање Срба» // НИН. 12. новембра 1989. С. 30–32.

Рашковић-Зеџ Вј. Расути бисери // Зборник о Јовану Рашковићу... С. 44–71.

Селективна библиографија радова др. Јована Рашковића // Српска зора: књижевност, култура, друштво. Београд, 1993. Број 7. С. 66–68.

Тосић Д. Лична историја једног доба (пишчеви записи). Београд: Службени гласник, 2009. Књ. 2–4. Књ. 2: Време отпора: 1969–1980. 340 с.; Књ. 3: Време распада: 1981–1991. 357 с.; Књ. 4: Време мржње: 1992–1993. 331 с.

Тосић Д. Пријатељи. Београд: Политика: Народна књига, 2005. 306 с.

Дежуловић В. Kako pomiriti kastrate i edipalce // Nedjeljna Dalmacija. Split, 1. listopada 1989. S. 16–17.

General discussion // Science, man and his environment: proceedings of the Fourth International Conference “Science and Society”. Herceg-Novi, July 3rd to 10th, 1971 / ed. by B. Gluščević, S. Maričić, Br. Perović. Beograd: “Science and Society” Association; Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 1971. P. 65–66.

Hudelst D. Moj beogradski dnevnik. Susreti i razgovori s Dobricem Čosićem, 2006–2011. Zagreb: Profil Knjiga, 2012. 490 s.

Marinković N. Kriza obitelji “gastarbajtera” // Nedjeljna Dalmacija. 26. listopada 1975. S. 6.

Međunarodni krivični sud za bivšu Jugoslaviju. Predmet Milan Martić (IT-95-11). Sjednica 08.09.2006. URL: http://www.icty.org/x/cases/martic/trans/bcs/060908IT_BCS.pdf. S. 7963–8030 (дата обраћања: 13.06.2023).

Mikuličin I. Na mucu se poznaju – liječnici // Slobodna Dalmacija. Split, 31. svibnja 1988. S. 7.

Milinović Z. Jovan Rašković // Polet. Zagreb, 29. travnja 1988. S. 14–15.

Najuspešnija poslijeratna sezona // Šibenski list. Šibenik, 8. veljače 1967. S. 6.

Rašković J. Antipsihijatrija u teoriji i praksi // Socijalna Psihijatrija. Zagreb, 1975. Broj 3. S. 181–193.

Rašković J. Depersonalizacija ličnosti kao karakterološka crta pada čovjekove vrijednosti // Naučni, tehnološki i društveni razvoj: ciljevi i vrednosti. Zbornik V međunarodne konferencije “Nauka i društvo”, Dubrovnik, 7–14. jula 1973. Beograd: [S. n.], 1974. S. 185–195.

Rašković J. Depersonalizacija ličnosti kao karakterološka crta pada čovjekove vrijednosti: Diskusija // Naučni, tehnološki i društveni razvoj: ciljevi i vrednosti... S. 196–198.

Rašković J. Fenomenološki i nozološki aspekti depersonalizacije: doktorska disertacija. Zagreb, 1975. 93 s.

Rašković J. Luda zemlja. Beograd: Akvarijus, 1990. 355 s. + 169 s. fotografija.

Rašković J. Psihoanalitički aspekt uvremenjivanja i razvremenjivanja // Kultura. Beograd, 1977. Broj 36–37. S. 78–87.

Rašković J. Služba za neurologiju i psihijatriju // 100 godina šibenske bolnice. Šibenik: Medicinski centar, 1983. S. 163–174.

Rašković J. Some sociologic aspects of narcomania // Alcoholism. Zagreb: Center for Study and Control of Alcoholism and Addictions; Lausanne: International Council on Alcohol and Addictions, 1971. Vol. 7. P. 14–21.

Rašković J. Some sociologic aspects of narcomania // Summaries. Vol. 1 / Third International Congress of Social Psychiatry. Zagreb, 21–27.IX.1970 / ed. by J. Bierer, Vl. Hudolin, J. H. Masserman. Zagreb: Institute for the Study and Control Alcoholism and Addictions; London: Avenue Publishing Company, 1970. P. 25–26.

Ristić J., Rakić Lj., Papo I., Suša S. Predlog Odeljenju medicinskih nauka SANU prof. dr. Jovan Rašković da se izabere za člana SANU van radnog sastava // Srpska akademija nauka i umetnosti. Odeljenje medicinskih nauka. Skupština za izbor novih članova. Beograd: SANU, 1988. S. 1–7.

Vlašić B., Vesović M. Jovan Rašković // Start. Zagreb, 28. travnja 1990. S. 16–21, 85.

References

Borak, S., Samardžija, P. «Jovan Rašković i novinari.» *Zbornik o Jovanu Raškoviću*. Novi Sad – Beograd: Srpsko društvo «Dr. Jovan Rašković»; Novi Sad: Gradska biblioteka, 2002, pp. 232–238.

Ćosić, D. *Lična istorija jednog doba (piščevi zapisi)*. Beograd: Službeni glasnik, 2009, vol. 2–4. Vol. 2: Vreme otpora: 1969–1980, 340 p.; Vol. 3: Vreme raspada: 1981–1991, 357 p.; Vol. 4: Vreme mržnje: 1992–1993, 331 p.

Ćosić, D. *Prijatelji*. Beograd: Politika: Narodna knjiga, 2005, 306 p.

Dežulović, B. «Kako pomiriti kastrate i edipalce.» *Nedjeljna Dalmacija*. Split, 1. listopada 1989, pp. 16–17.

«General discussion.» *Science, man and his environment: proceedings of the Fourth International Conference «Science and Society»*. Herceg-Novi, July 3rd to 10th, 1971, ed. by B. Gluščević, S. Maričić, Br. Perović. Beograd: «Science and Society» Association; Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 1971, pp. 65–66.

Hudelist, D. *Moj beogradski dnevnik. Susreti i razgovori s Dobricem Ćosićem, 2006–2011*. Zagreb: Profil Knjiga, 2012, 490 p.

Jelić, V. «Mi i “Prosvjeta” u današnjem trenutku.» *Prosvjeta*. Zagreb, oktobar 2018, no 145, pp. 13–17.

Kapor, M. «Barbarogenije u Rimu.» *Zbornik o Jovanu Raškoviću*. Novi Sad – Beograd: Srpsko društvo «Dr. Jovan Rašković»; Novi Sad: Gradska biblioteka, 2002, pp. 23–26.

Kapor, M. «Knin – prestonica svijeta.» *Svjedočenja i sećanja o Jovanu Raškoviću*. Beograd: Medić D., Medić Balaban N.; Zemun: Tipografik plus, 2002, pp. 71–78.

Mališić, V. «Mi smo narcisoidno društvo.» *NIN*. Beograd, 26. marta 1989, pp. 25–26.

Marinković, N. «Križa obitelji “gastarbajtera”.» *Nedjeljna Dalmacija*. 26. listopada 1975, p. 6.

Marjanović, Br. «Srpska politička ikona.» *Svjedočenja i sećanja o Jovanu Raškoviću*. Novi Sad – Beograd: Srpsko društvo «Dr. Jovan Rašković»; Novi Sad: Gradska biblioteka, 2002, pp. 85–119.

Mikuličin, I. «Na mucu se poznaju – liječnici.» *Slobodna Dalmacija*. Split, 31. svibnja 1988, p. 7.

Milinović, Z. «Jovan Rašković.» *Polet*. Zagreb, 29. travnja 1988, pp. 14–15.

Međunarodni krivični sud za bivšu Jugoslaviju. Predmet Milan Martić (IT-95-11). Sjednica 08.09.2006. URL: http://www.icty.org/x/cases/martic/trans/bcs/060908IT_BCS.pdf. (accessed: 13.06.2023).

Mladenović, T. «*Nad grobom Jovana Raškovića*». *Srpska zora: književnost, kultura, društvo*, Beograd, 1993, no 7, pp. 112–113.

Mladenović, T. *Usputne skice za portrete: Crnjanski, Andrić, Milković, dr. Rašković*. Beograd: BIGZ, 1993, 148 p.

«Najuspešnija poslijeratna sezona.» *Šibenski list*. Šibenik, 8. veljače 1967, p. 6.

Popović, Br. «Osnivač Srpske demokratske stranke.» *Zbornik o Jovanu Raškoviću*. Novi Sad – Beograd: Srpsko društvo «Dr. Jovan Rašković»; Novi Sad: Gradska biblioteka, 2002, pp. 185–197.

Rašković, J. «Antipsihijatrija u teoriji i praksi.» *Socijalna Psihijatrija*. Zagreb, 1975, no 3, pp. 181–193.

Rašković, J. «Depersonalizacija ličnosti kao karakterološka crta pada čovjekove vrijednosti.» *Naučni, tehnološki i društveni razvoj: ciljevi i vrednosti. Zbornik V međunarodne konferencije «Nauka i društvo», Dubrovnik, 7–14. jula 1973*. Beograd: [s. n.], 1974, pp. 185–195.

Rašković, J. «Depersonalizacija ličnosti kao karakterološka crta pada čovjekove vrijednosti: Diskusija». *Naučni, tehnološki i društveni razvoj: ciljevi i vrednosti. Zbornik V međunarodne konferencije «Nauka i društvo», Dubrovnik, 7–14. jula 1973*. Beograd: [s. n.], 1974, pp. 196–198.

Rašković, J. *Fenomenološki i nozološki aspekti depersonalizacije: doktorska disertacija*. Zagreb, 1975, 93 p.

Rašković, J. *Luda zemlja*. Beograd: Akvarijus, 1990, 355 p. + 169 p. (photos).

Rašković, J. «Policijski pretres i “posrbljivanje Srba”.» *NIN*. 12. novembra 1989, pp. 30–32.

Rašković, J. «Psihoanalitički aspekt uvremenjivanja i razvremenjivanja.» *Kultura*. Beograd, 1977, no 36–37, pp. 78–87.

Rašković, J. «Služba za neurologiju i psihijatriju.» *100 godina šibenske bolnice*. Šibenik: Medicinski centar, 1983, pp. 163–174.

Rašković, J. «Some sociologic aspects of narcomania.» *Alcoholism*. Zagreb: Center for Study and Control of Alcoholism and Addictions; Lausanne: International Council on Alcohol and Addictions, 1971, vol. 7, pp. 14–21.

Rašković, J. «Some sociologic aspects of narcomania.» *Summaries. Vol. 1. Third International Congress of Social Psychiatry. Zagreb, 21–27.IX.1970*, ed. by J. Bierer, Vl. Hudolin, J. H. Masserman. Zagreb: Institute for the Study and Control Alcoholism and Addictions; London: Avenue Publishing Company, 1970, pp. 25–26.

Rašković-Zec, Vj. "Rasuti biseri." *Zbornik o Jovanu Raškoviću*. Novi Sad – Beograd: Srpsko društvo «Dr. Jovan Rašković»; Novi Sad: Gradska biblioteka, 2002, pp. 44–71.

Ristić, J., Rakić, Lj., Papo, I., Suša, S. «Predlog Odeljenju medicinskih nauka SANU prof. dr. Jovan Rašković da se izabere za člana SANU van radnog sastava.» *Srpska akademija nauka i umetnosti. Odeljenje medicinskih nauka. Skupština za izbor novih članova*. Beograd: SANU, 1988, pp. 1–7.

«Selektivna bibliografija radova dr. Jovana Raškovića.» *Srpska zora: književnost, kultura, društvo*, Beograd, 1993, no 7, pp. 66–68.

Vlašić, B., Vesović, M. «Jovan Rašković.» *Start*. Zagreb, 28. travnja 1990, pp. 16–21, 85.

Zorica, Sl. «Može se izgubiti život, ali se ne smije zagubiti duša.» *Istina*. Knin, juni 1989, no 3, pp. 13–15.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.06

A. V. Smirnov

Political Portrait of Jovan Rašković 1970–1976

Anatolij V. Smirnov

Candidate of History, independent researcher

Moscow, Russian Federation

E-mail: avsm31@mail.ru

ORCID: 0009-0003-4766-7902

Citation

Smirnov A. V. Political Portrait of Jovan Rašković 1970–1976 // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 112–132 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.06

Received: 14.06.2023.

Revised: 18.06.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the opposition activities of the first chairman of the Serbian Democratic Party in Croatia, the psychiatrist Jovan Rašković in 1970–1976. During this period, he became well-known as a supporter of liberal and Serbian national values. In his writings, the scientist, speaking as an advocate of antipsychiatry ideas, openly declares the imperfections of the Yugoslav society. Analyzing the causes of certain social phenomena in various social systems, he points to the inefficiency of the SFRY development, advocates the abolition of the self-government system and the liberalization of the regime. Rašković perceives the “Maspok” movement with anxiety and, contrary to it, participates in the activities of the Serbian Cultural Society “Prosvjeta”. After the suppression of the “Croatian spring”, he speaks negatively about the situation of Serbian culture in Croatia in conversations with the government officials. Dissatisfaction with the situation in SFRY predetermined Rašković’s active interaction with nationally oriented Serbian opposition circles. Throughout the whole period, he maintained friendly relations with the Orthodox clergy, in the mid-1970s he became close to Serbian dissidents. There is no doubt that the scholar’s views formed during this period, valuable contacts, connections and experiences of this period determined a number of important features of his further rise as a political figure, the creation and activities of the Serb Democratic Party in 1990.

Keywords

Jovan Rašković, Dobrica Ćosić, Serb Democratic Party, breakup of Yugoslavia, Yugoslav crisis, Serbs in Croatia, War in Croatia, anti-psychiatry.

**«Отец бошнякской нации»:
личность и политика президента Боснии и Герцеговины
Алии Изетбеговича**

Безрученко Виктор Иванович
Кандидат политических наук, независимый исследователь
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-8393-7315

Цитирование

Безрученко В. И. «Отец бошнякской нации»: личность и политика президента Боснии и Герцеговины Алии Изетбеговича // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 133–170. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.07

Статья поступила в редакцию 02.06.2023.

Рецензирование завершено 09.06.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Предметом исследования являются личность и деятельность первого президента независимой Боснии и Герцеговины Алии Изетбеговича. Статья написана на основе бошнякских, сербских и англоязычных источников и имеет целью проанализировать политические взгляды и ценности А. Изетбеговича и изложить основные факты его политической и военной деятельности. Автор рассматривает политическую карьеру Алии Изетбеговича, его роль в панисламистской организации «Молодые мусульмане» и формирование его политического курса. Анализируются его основные работы – «Исламская декларация» и «Ислам между Востоком и Западом», принадлежащие к направлению политического ислама, политические взгляды Изетбеговича, вооруженный путч в апреле 1992 г. и его военно-политическая деятельность в ходе гражданской войны в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. Столкнувшись с неизбежными социальными и политическими изменениями, режим А. Изетбеговича был неспособен принять их и опирался на консервативные националистические идеи. Идеология созданной Изетбеговичем Партии демократического действия была основана на политическом

исламе и преследовала цель построения унитарного исламского государства. Инициированный им референдум о независимости привел к гражданской войне. Любое требование национальной автономии для сербов и хорватов Изетбегович рассматривал как «раздел Боснии и Герцеговины» и отвергал планы мирного урегулирования. Стратегической целью режима А. Изетбеговича было построение исламского государства, уничтожение Республики Сербской и изгнание сербов с территории Республики Босния и Герцеговина.

Ключевые слова

Босния и Герцеговина, Алия Изетбегович, ислам, партия, Президиум, независимость, война.

Первый президент независимой Боснии и Герцеговины Алия Изетбегович прожил долгую и насыщенную событиями жизнь. Посвященных ему работ немного. До сих пор отсутствует научная биографическая монография о А. Изетбеговиче. Однако сегодня имеется достаточно нарративного материала для достоверного описания его мировоззрения и деятельности. Из освещающих личность и жизненный путь Алии Изетбеговича работ можно выделить исследования бошнякских историков С. Филандры¹, С. Трхуля² и М. Ченгича³, хорватского историка Д. Пехара⁴, а также труд хорватского политика М. Туджмана⁵.

Согласно собственноручно написанным мемуарам, Алия Изетбегович родился 8 августа 1925 г. в городе Босански-Шамац на реке Сава в северо-восточной части Боснии и Герцеговины. Мустафа Изетбегович, отец Алии, был богатым торговцем и происходил из семьи турецкого феодала-землевладельца Изет-бега Яхича, которая переместилась в боснийский вилайет из Белграда в 1868 г., после вывода турецких войск из Сербии. Дед Изетбеговича, которого звали Алия Изет-бег, был градоначальником Босански-Шамаца. В молодости

1 *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX stoljeću. Sarajevo, 1998.

2 *Trhulj S.* Mladi Muslimani. Sarajevo, 1995.

3 *Čengić M.* Alija Izetbegović: jahać apokalipse ili anđeo mira. Sarajevo, 2015.

4 *Pehar D.* Alija Izetbegović i rat u Bosni i Hercegovini. Mostar, 2011.

5 *Tuđman M.* Druga strana Rubikona. Politička strategija Aliji Izetbegovića. Zagreb, 2017.

он проходил военную службу в турецкой армии в Стамбуле, где и женился на девушке-турчанке по имени Сади́ка Ханым.

С началом Первой мировой войны отец Али́и Изетбеговича Муста́фа Изетбегович был призван в австро-венгерскую армию и участвовал в боях на итальянском фронте, где получил тяжелое ранение. Из армии его комиссовали по инвалидности, и он на всю оставшуюся жизнь был прикован к постели. В 1927 г. семья переехала в Сараево, где было легче найти средства к существованию. Воспитанием детей занималась жена Муста́фы турчанка Хи́ба, неграмотная и очень религиозная женщина. Благодаря ей Али́я получил традиционное исламское воспитание. В своих мемуарах Изетбегович вспоминал, что каждый день до рассвета по призыву муэдзина он ходил вместе с матерью на утреннюю молитву в Хаджийскую мечеть в Сараево и учил наизусть суры из Корана. Когда пришло время выбирать школу, Али́я выбрал Первую сараевскую гимназию. В гимназии молодой Али́я Изетбегович увлекался историей и философией, а его любимыми книгами были «Критика чистого разума» И. Канта и «Закат Европы» О. Шпенглера. В этот же период под влиянием атеистической и марксистской литературы он начал колебаться в своих религиозных убеждениях и размышлять о выборе между социальной справедливостью и покорностью богу⁶.

С именем Изетбеговича тесно связаны возникновение и деятельность панисламистской организации «Молодые мусульмане» (запрещена в России). Она была создана Изетбеговичем вместе с группой единомышленников в марте 1941 г. в оккупированном германскими войсками Сараево и состояла из мусульман – студентов Загребского и Белградского университетов и учеников старших классов Первой и Второй гимназии в Сараево. Кроме Изетбеговича в руководство организации входили М. Бесуладжич, Э. Караджович, Х. Бибер, Э. Чампара и О. Бехмен. Руководителем «Молодых мусульман» стал антикоммунист Бесуладжич, активно сотрудничавший с оккупационными властями. Организация возникла при покровительстве властей пронацистского Независимого государства Хорватии (НГХ) и ставила своей целью «создание исламского общества, политическое и экономическое освобождение и объединение исламского мира в одно огромное государство и установление исламского порядка»⁷.

В историографии приводятся конкретные доказательства сотрудничества «Молодых мусульман» с немецкими оккупационными

6 *Izetbegović A.* Sjećanja. Autobiografski zapis. Sarajevo, 2001. S. 21–23, 26.

7 *Trhulj S.* Mladi Muslimani. Sarajevo, 1995. S. 123.

властями⁸. С самого начала оккупации Боснии и Герцеговины они передавали в гестапо списки студентов Белградского университета, заподозренных в симпатиях к коммунистам. Многие из этих студентов были впоследствии арестованы и казнены⁹. Власти НГХ снабжали «Молодых мусульман» оружием для борьбы с партизанами¹⁰.

По признанию самого Изетбеговича, «Молодые мусульмане» сотрудничали с разрешенной властями НГХ ассоциацией ходжей «Эль-Хидайя»¹¹. Духовенство «Эль-Хидайя» под покровительством Великого муфтия Иерусалима Амина аль-Хусейни собирало средства на формирование 13-й мусульманской дивизии СС «Ханджар» и призывало мусульманскую молодежь вступить в «панисламскую борьбу с европейским империализмом и большевизмом». «Молодые мусульмане» выражали полную лояльность нацистскому оккупационному режиму и НГХ. Многие из них служили в вооруженных формированиях НГХ и 13-й мусульманской горной дивизии СС «Ханджар» и принимали участие в карательных операциях против партизан, а на заключительном этапе войны – в боевых действиях на Восточном фронте в Венгрии¹².

Ни один член организации не вступил в ряды борцов с фашизмом, ни один из них не воевал против немцев, итальянцев и усташей в рядах партизан. Из 212 участников Народно-освободительной войны в Югославии 1941–1945 гг., погибших в боях, которым звание Народного героя было присвоено посмертно, 109 составляли молодые люди до 30 лет. Они были ровесниками «Молодых мусульман». Пока они погибали в борьбе, «Молодые мусульмане» на своих собраниях вели дискуссии о канонах и преимуществах ислама.

После войны «Молодые мусульмане» перешли на нелегальное положение. Лозунгом организации был «Наш путь джихад!»¹³. Уже осенью 1945 г. «Молодые мусульмане» организовали первую демонстрацию в Сараево против власти коммунистов в Югославии. Их

8 *Kolanović N.* Muslimanska inteligencija i islam u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj // *Časopis za suvremenu povijest.* 2004. № 36. S. 928.

9 *Schindler J. R.* *Unholy Terror: Bosnia, Al-Qa'ida, and the Rise of Global Jihad.* Saint Paul, 2007. P. 36.

10 *Imamović M.* *Istorija Bošnjaka.* Sarajevo, 1998. S. 538.

11 *Izetbegović A.* *Sjećanja.* Autobiografski zapis. S. 26.

12 *Friedman F.* *The Bosnian Muslims: Denial of a Nation.* Colorado, 1996. P. 150.

13 *Schindler J. R.* *Unholy Terror...* P. 38.

деятельность распространилась на многие города Боснии и Герцеговины. Филиалы организации были созданы в Сербии, Хорватии и Македонии. Подпольно издавалась газета «Моджахед». Первый выпуск газеты содержал стихотворение «Джихад», в котором говорилось: «С кличем “Аллах акбар!” вперед на священную войну!»¹⁴ Одним из редакторов газеты был молодой Алия Изетбегович¹⁵.

Один из членов руководства «Молодых мусульман» Х. Бибер на допросах в югославской службе безопасности ОЗН (Отдел по защите народа) показал, что задачи организации включали в себя «идеологическое воспитание, придание ему массового характера, а в качестве последующей задачи «свержение существовавшего в ФНРЮ строя»¹⁶. Деятельность «Молодых мусульман» принимала характер террористического заговора. Ее члены начали собирать и изготавливать оружие для вооруженного восстания¹⁷.

В 1946 г. Изетбегович и его единомышленник Н. Сачирбегович были арестованы и осуждены югославским военным трибуналом, который приговорил их к трем годам тюремного заключения. Этот приговор спас Изетбеговича от более серьезного срока, поскольку вскоре организация «Молодые мусульмане» была разгромлена, а многие ее члены арестованы. После освобождения Изетбегович поступил на юридический факультет университета в Сараево, а по окончании университета в 1956 г. работал юристом в фирме «Босна» в Сараево и занимался панисламистской пропагандой.

В 1949 г. состоялся еще один открытый процесс, который вскрыл всю неприглядную картину сотрудничества «Молодых мусульман» с немецкими оккупационными властями и хорватскими усташами во время войны. Четыре подсудимых были приговорены к смертной казни, еще 10 человек получили различные сроки тюремного заключения. В августе Исламское содружество Боснии и Герцеговины своей резолюцией осудило «Молодых мусульман» за «подготовку террористических актов» и запретило мусульманам вступать в эту организацию¹⁸.

В конце 1970-х гг. под влиянием исламской революции в Иране идеология «Молодых мусульман» получила популярность среди мусульманской молодежи, в частности среди учеников медресе.

14 *Trhulj S. Mladi Muslimani. S. 152.*

15 *Schindler J. R. Unholy Terror... P. 39.*

16 *Trhulj S. Mladi Muslimani. S. 167.*

17 *Čengić M. Alija Izetbegović: jahač apokalipse ili anđeo mira. S. 129.*

18 *Schindler J. R. Unholy Terror... P. 40.*

Служба государственной безопасности (СГБ) только в Сараево выявила около 200 членов организации, среди которых активной деятельностью выделялась группа под руководством О. Бехмена. Были зафиксированы контакты «Молодых мусульман» с исламистами Египта и Судана.

В 1970 г. Изетбегович написал работу «Исламская декларация: программа исламизации мусульман и мусульманских народов». «Исламская декларация» принадлежала к направлению политического ислама, отражавшего подъем исламского радикализма в Афганистане, Египте, Судане, Иране и Пакистане в 1970–80-х гг., и носила авторитарно-клерикальный характер.

Изетбегович мечтал о воссоздании халифата, который на протяжении 1 400 лет существования ислама в той или иной форме господствовал на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на других территориях.

«Декларация» призывала мусульман «встать на путь реализации ислама» во всех областях жизни, в семье и обществе, путем возрождения исламской религиозной мысли и «создания исламского объединения от Марокко до Индонезии»¹⁹. В ней подчеркивалось, что «исламское движение должно и может приступить к завоеванию власти, как только морально и численно станет настолько сильным, что сможет не только разрушить существующую немусульманскую, но и построить новую исламскую власть»²⁰. «Декларация» провозглашала приоритет исламского общества над любой формой правления, подчеркивая, что осуществление исламского порядка – это «священная цель, которая не может быть предметом никакого голосования»²¹. Другими словами, конечная цель построения исламского государства не является субъектом применения демократии, а необходимость его построения диктуется божественной волей.

Разделение функций церкви и государства в светских обществах для Изетбеговича совершенно неприемлемо. Основным принцип исламского порядка – единство веры и политики – выражался в «Декларации» следующим образом: «Нет мира и сосуществования между исламской верой и неисламскими общественными и политическими институтами... Исходя из права на самостоятельную организацию своего мира, ислам ясно исключает право и возможность

19 *Izetbegović A.* Islamska Deklaracija. Sarajevo, 1990. S. 3.

20 *Ibid.* S. 43, 44.

21 *Ibid.* S. 43.

деятельности какой-либо чужой идеологии на своей территории. Не существует светских принципов, государство должно быть выражением и опорой моральных устоев религии»²².

Изетбегович выступал против модернизации, которая, по его мнению, в мусульманском мире представляет собой «воплощение всех бед и несчастий». Символом «модернистов» он считал реформатора и отца современной Турции Кемаля Ататюрка. По Изетбеговичу, грехи Ататюрка заключались в том, что тот отделил религию от государства, ввел парламентарную демократию, отменил арабскую письменность, ввел латиницу и запретил ношение феса. Изетбегович убежден, что светская Турция потеряла «свой дух, свое прошлое», так как «Турция как исламское государство владела миром, а Турция как европейский плагиат представляет собой третьеразрядную страну, каких в мире еще сотни»²³.

Через всю жизнь Изетбегович пронес увлечение турецкой культурой и османским периодом истории Боснии и Герцеговины, который считал «золотым веком». Возможно, в этом сказались его турецкие корни. Однако такие взгляды вызывали неприятие сербов и хорватов – у них османская власть ассоциировалась с исламизацией, насилием и жестокостью Оттоманской империи. Открытая османофилия Изетбеговича была особенно отвратительна для сербов. Они не забыли жесткое правление турок-османов, унижительный статус *зимми* для «неверных» христиан, «дань кровью», уничтожение христианских элит, налоговый гнет, варварскую феодальную эксплуатацию²⁴.

«Исламская декларация» Изетбеговича являлась политическим манифестом, который был обращен к мусульманам Боснии и Герцеговины и связывал воедино мусульманскую национальную идентичность, исламскую политическую программу и демографические тенденции Боснии и Герцеговины. Декларация размножалась «самиздатом» и распространялась подпольно. В 1982 г. Изетбегович и Бехмен передали копию «Исламской декларации» в иранское посольство

22 Ibid. S. 22.

23 Ibid. S. 9.

24 Зимми (араб.) – «люди договора», собирательное название немусульманского населения на завоеванных мусульманами территориях. «Дань кровью» – принудительный набор мальчиков из христианских семей, которых воспитанием в мусульманских традициях превращали в турецких воинов.

в Вене и совершили поездку в Иран для встречи с иранскими исламистами. Дальнейшие контакты с Ираном были прерваны арестом Изетбеговича и его единомышленников. Руководство СГБ восприняло «Исламскую декларацию» как опасный политический манифест, который мог подорвать неустойчивое равновесие трех национальных общин Боснии и Герцеговины, а контакты Изетбеговича с иранскими исламистами как угрозу.

«Исламская декларация» стала основным доказательным материалом против Изетбеговича и его единомышленников на процессе 14 «мусульманских интеллектуалов» в Сараево в 1983 г. Пятеро из них были членами организации «Молодые мусульмане», осужденными ранее, в 1946–1949 гг. На процессе 1983 г. на скамье подсудимых оказались 12 человек: имам Х. Ченгич, инженер И. Кусумагич, инженер Х. Живаль, инженер Э. Бичакчич, преподаватель медресе Д. Латич, юрист А. Изетбегович, юрист Д. Джурджевич, О. Бехмен, С. Бехмен, М. Спахич, М. Салихбегович, Д. Бичакчич.

В состав суда входили пять человек: три мусульманина (включая председателя суда), хорват и серб. Из 63 свидетелей 58 были мусульманами. Суд заключил, что все подсудимые виновны в «конспиративной деятельности с целью создания исламского государства». В обвинительном заключении указывалось: «Алия Изетбегович утверждал, что ислам должен стать государственной и общественной системой всех стран, где население исповедует ислам, и что в Боснии и Герцеговине следует создать необходимые условия для превращения ее в исламскую республику с исламскими законами, наши имамы должны быть вооружены и должны толковать ислам так, как его толкуют шиитские имамы Ирана»²⁵.

Изетбеговича приговорили к 14 годам тюремного заключения, Бехмен получил 15 лет, остальные осужденные отделались более мягкими приговорами. Однако уже в 1988 г. всех осужденных амнистировали. Аналитики ЦРУ, отслеживая эволюцию национализма в Югославии, отмечали агрессивность «Молодых мусульман» и их стремление к расширению своего влияния²⁶.

25 *Wilcoxson A.* Okun Says Radical Islamic Views Espoused by Izetbegovic and Cengic Shouldn't Have Been Taken Seriously. 2010, May 20. URL: <http://www.slobodan-milosevic.org/news/kt042610.htm> (дата обращения: 12.07.2022).

26 *Yugoslavia: Trends in Ethnic Nationalism. An Intelligence Assessment, CIA. Secret.* September 1983. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/> (дата обращения: 07.07.2023).

Бошнякский историк Т. Куленович ставит Изетбеговича в один ряд с такими идеологами мирового панисламизма, как египтянин Сейид Кутб, пакистанец Маулави Маудуди, суданец Хасан ат-Тураби и иранцы Алия Шариати и Рухолла Хомейни, и считает, что исламистское движение с его призывом вернуться в «золотой век ислама» ведет к «безумному тоталитаризму и терроризму»²⁷. Датские социологи Й-М. Эриксен и Ф. Стейернфельт в своей работе «Сценография войны» с полным основанием утверждают, что «Исламская декларация» была реальной программой «религиозного фашистского государства»²⁸.

Однако на Западе многие считают «Исламскую декларацию» Изетбеговича «научным трудом». Так, британский историк Н. Малколм называет эту работу «общим трактатом о политике и исламе»²⁹. В отличие от него бошнякский историк и политолог М. Ченгич убежден, что «Исламская декларация» – «политическая программа Изетбеговича, от которой он никогда не отрекался и хотел реализовать в Боснии и Герцеговине в той мере, в какой это позволили бы обстоятельства»³⁰.

Сейчас, через почти тридцать лет после окончания войны в Боснии и Герцеговине, после войны с ИГИЛ в Сирии и Афганистане, трудно не согласиться с мнением Президента Республики Сербской М. Додика, который сказал: «То, что Алия Изетбегович писал в “Исламской Декларации”, вы сегодня можете видеть в том, что называется “исламским государством”, то есть это было преддверие создания такого государства»³¹.

Работу «Ислам между Востоком и Западом» Изетбегович написал еще до своего ареста в 1946 г. Когда его арестовали, его сестра Азра спрятала рукопись. После своего освобождения Изетбегович отослал рукопись в Канаду, где она была опубликована в 1984 г. Книга представляет собой умозрительный философский трактат о дуализме человеческого общества. Автор приходит к выводу, что именно в исламе

27 *Kulenović T. Politički Islam. Zagreb, 2008. S. 182.*

28 *Eriksen J.-M., Stjernfelt F. Scenografija rata: Nova putovanja u Bosnu i Srbiju. Beograd, 2010. S. 12.*

29 *Malcolm N. Bosnia: A Short History. London, 1996. P. 219.*

30 *Čengić M. Alija Izetbegović: jahač apokalipse ili anđeo mira. S. 142.*

31 *Dodik: “Islamska deklaracija” uvod u stvaranje “Islamske države” // Nezavisne Novine. 08.06.2015. URL: <https://www.nezavisne.com/novosti/bih/Dodik-Islamska-deklaracija-uvod-u-stvaranje-Islamske-drzave/309146> (дата обращения: 01.07.2023).*

преодолевается противоречивый дуализм человеческой личности и общества, и два начала, материальное и духовное, сводятся в неразрывное и гармоничное единство. Как писал сам Изетбегович в предисловии к данной книге, ислам – единственно возможная форма синтеза, способная объединить противоречия человеческого бытия. Главная идея книги «Ислам между Востоком и Западом» заключается в превосходстве ислама, и что ислам как мировоззрение, религия и образ жизни стоит гораздо выше не только религиозных, но и философских, этических и политических альтернатив. Изетбегович отрицает диалектическое и рациональное понимание истории и заменяет его «божественной волей»³². Работу «Между Востоком и Западом» следует рассматривать как теократическую апологетику превосходства ислама над любой другой религией и идеологией, которую Изетбегович преподносит обществу под видом «божественной истины».

27 марта 1990 г. в Сараево инициативный комитет во главе с Изетбеговичем сделал заявление об учреждении Партии демократического действия (ПДД). Документ об основании партии подписали 40 представителей мусульманской интеллигенции, в связи с чем заявление и получило название «Сообщение сорока». Все они были связаны традиционными среди боснийских мусульман клановыми связями. Восемь из этих сорока были участниками процесса 1983 г., вышедшими на свободу по амнистии. Именно они стали организационным и идеологическим ядром новой партии. Лидером группы стал Изетбегович, который, кроме имиджа «жертвы коммунистического режима», не выделялся никакими особыми интеллектуальными качествами или профессиональными успехами»³³.

26 мая 1990 г. состоялся учредительный съезд партии, который принял ее программу и устав. Программа ПДД определяла партию как «политический союз граждан Югославии, которые принадлежат мусульманскому культурно-историческому кругу, как и других граждан Югославии, которые признают программу и цели партии»³⁴. Очевидно, что под «мусульманским культурно-историческим кругом» подразумевались мусульмане Боснии и Герцеговины, Хорватии, Санджака, а также албанцы и турки.

32 *Izetbegović A.* Islam između Istoka i Zapada. Sarajevo, 1996. S. 20–28, 211–220.

33 *Čengić M.* Alija Izetbegović: jahač apokalipse ili anđeo mira. S. 106.

34 *Isaković Z.* Alija Izetbegović. Biografija. S. 34. URL: http://www.muzej-alijaizetbegovic.ba/upload/file/biografija_alije_izetbegovica.pdf (дата обращения: 30.06.2018).

Один из идеологов ПДД И. Грбо отмечал: Изетбегович «основал наше национальное движение, Партию демократического действия на традициях младомусульманского движения»³⁵. С самого начала своей деятельности ПДД представляла собой структуру широкого политического фронта, который объединял в себе крайне правых антикоммунистов, умеренных национальных либералов, религиозных фанатиков и представителей родственно-племенных кланов. Главная идея движения заключалась в «национальной эмансипации мусульманского народа под лозунгами веры и во имя ислама»³⁶.

Программа ПДД содержала положения, характерные для практически всех политических партий Югославии в условиях политического плюрализма: демократические выборы, права, свободы и равенство граждан перед законом, рыночная экономика и т. д. ПДД также требовала сделать мусульманские религиозные праздники государственными, расширить права исламской общины, обеспечить свободу строительства мечетей в городах, халяльное питание в армии, больницах и тюрьмах³⁷.

В качестве программной цели партии декларировалась задача «сохранить Боснию и Герцеговину как общее государство мусульман, сербов и хорватов». Подчеркивалось, что «ПДД будет энергично сопротивляться дестабилизации БиГ, [...] откуда бы такая угроза ни исходила»³⁸. Изетбегович отрицал требования сербов или хорватов о проведении территориально-конституционной реформы, федерализации или национальной автономии, воспринимая их как попытки «раздела Боснии и Герцеговины»³⁹. Сербский историк и диссидент-антикоммунист А. Джилас писал о настроениях мусульманской элиты: «Мусульмане представляли себе Боснию как независимое государство, в котором они будут господствовать. И хотя только мусульманские экстремисты думали, что христиан нужно изгнать

35 Ibid.

36 *Čengić M.* Alija Izetbegović: jahač apokalipse ili anđeo mira. S. 110.

37 *Bougarel X.* Bosnian Islam since 1990: Cultural Identity or Political Ideology? // Convention annuelle de l'Association for the Study of Nationalities (ASN). Apr 1999. New York, United States. P. 2.

38 Inicijativni odbor SDA. Programaska deklaracija Stranke demokratske akcije Sarajevo. 27 marta 1990. URL: <https://www.sda.ba/stranica/programaska-deklaracija/51#> (дата обращения: 15.08.2022).

39 *Bičakčić E.* Novi Program SDA // Stranka Demokratske akcije. Dokumenti. Sarajevo, 1995. Sveska broj 6. S. 33.

из Боснии, большинство мусульманских лидеров считали, что только мусульмане заслуживают полного гражданства. Они обосновывали свое право на господство на традиционной вере, что господство немусульман над мусульманами является богохульством»⁴⁰.

Отрицая автономию для сербов и хорватов, ПДД тем не менее требовала автономию для мусульманского населения Санджака – исторической области соседних Сербии и Черногории⁴¹. В идеологии ПДД Санджак считался «исторической частью» Боснии и Герцеговины.

На выборах 18 ноября 1990 г. в Боснии и Герцеговине в состав Президиума были избраны: Фикрет Абдич (мусульманин), Алия Изетбегович (мусульманин), Биляна Плавшич (сербка), Никола Колевич (серб), Степан Ключич (хорват), Франьо Борас (хорват) и Эюп Ганич (югослав). Фикрет Абдич получил больше голосов, чем Изетбегович. Но Изетбегович был председателем партии, которая обошла все другие партии по числу голосов на выборах, и Ф. Абдич уступил Изетбеговичу пост председателя Президиума. Мусульманская ПДД получила 86 мест в Скупщине, а другие мусульманские партии, включая и Мусульманскую бошнякскую организацию (МБО) А. Зулфикарпашича, получили еще 13 мест. Сербская демократическая партия во главе с Р. Караджичем получила 72 места. Хорватская партия Хорватское демократическое содружество (ХДС) получила 44 места. В Скупщине и правительстве возник конфликт между Сербской демократической партией (СДП) и мусульманскими партиями по всем основным вопросам. Было сформировано коалиционное правительство. Превосходство ПДД и МБО и поддержка ХДС в Скупщине дали возможность Изетбеговичу диктовать свою повестку.

Кроме ислама, у Алии Изетбеговича не было никаких других убеждений. Самым важным для него было удержать политическую власть. Бошнякский историк М. Ченгич так описал политические взгляды Изетбеговича: «Изетбегович не имел политического мужества открыто артикулировать интересы всех трех народов Боснии и Герцеговины. Он уклонялся от роли президента всех граждан Боснии и Герцеговины. Свою политику он строил на защите мусульманских национальных интересов и их конфронтации с интересами двух других народов»⁴².

40 Цит. по: *Djilas A.* The Nation that Wasn't. // *The Black Book of Bosnia* / ed. by N. Mousavizadeh. New York, 1996. P. 25.

41 Inicijativni odbor SDA. Programska deklaracija Stranke demokratske akcije Sarajevo. 27 marta 1990.

42 *Čengić M.* Alija Izetbegović: jahać apokalipse ili anđeo mira. S. 71.

По вопросу независимости Боснии и Герцеговины Изетбегович занимал бескомпромиссную позицию. 27 февраля 1991 г. он заявил, что «мусульманский народ ни с кем не будет вступать в компромисс», и заключил свое выступление следующими словами: «Суверенность и целостность Боснии и Герцеговины не имеют одинаковой ценности. За суверенную Боснию и Герцеговину я пожертвовал бы миром. За мир я не пожертвую суверенной Боснией»⁴³. Эти роковые слова, встреченные овацией мусульманских и хорватских депутатов, прозвучали как недвусмысленная угроза в адрес сербского населения.

10 апреля 1991 г., рассказывая по телевидению Сараево о своей поездке в Тегеран, Изетбегович повторил свою угрозу: «Или будет так, как скажут мусульмане, или не о чем разговаривать, а десятки тысяч молодых мусульман готовы защищать Боснию и Герцеговину страшным терроризмом»⁴⁴. Агрессивные заявления Изетбеговича не могли быть не замеченными сербским и хорватским населением. Вскоре они получили свое конкретное воплощение.

10 июня 1991 г. по инициативе Изетбеговича в Сараево состоялось Вече (съезд) боснийско-мусульманской элиты, на котором присутствовали 380 делегатов из всех республик Югославии. Вече избрало «Совет национальной защиты мусульманского народа» и приняло Резолюцию 84, в которой провозглашалась необходимость формирования собственных вооруженных сил республики. С момента создания неконституционного Совета начался развал конституционной системы Социалистической Республики БиГ. Стало ясно, что ПДД окончательно определилась за войну.

Вскоре началось формирование подпольных вооруженных отрядов мусульманской «Патриотической лиги» и «Зеленых беретов». Перед самым началом войны, в марте 1992 г., начальник контрразведки Югославской народной армии (ЮНА) генерал А. Васильевич встретился с Изетбеговичем и представил ему доказательства создания и вооружения мусульманских паравоенных (военизированных) организаций. Генерал А. Васильевич пытался повлиять на Изетбеговича и остановить его опасную деятельность. Однако откровенного разговора не получилось. Изетбегович описал эту встречу в своих

43 Цит. по: Стенограм магнетофонског снимка 4. Заједничке сједнице Скупштине Социјалистичке Републике Босне и Херцеговине, одржане 27.02.1991. // Пандуревић В. Срби у Босни и Херцеговини од декларације до конституције 1991–1995. Београд, 2012. С. 28.

44 Плавшић Б. Сведочим. Бања Лука, 2005. Књ. 1. С. 82.

мемуарах, заявив: «Я все, естественно, отрицал», тем самым подтвердив свою репутацию скользкого политика⁴⁵.

В июле 1991 г. лидер МБО А. Зулфикарпашич предложил заключить «историческое соглашение между мусульманами и сербами», которое было призвано предотвратить войну. Предложение, которое получило название «белградская инициатива», поддержали С. Милошевич и Р. Караджич. «Историческое соглашение» предусматривало создание новой конфедеративной Югославии с Сербией, Черногорией и БиГ в ее составе, но без Хорватии и Словении. Оно было нацелено на обеспечение неделимости как мусульманского народа в Югославии, включая мусульман Санджака и Косово, так и сербского народа в Сербии и Боснии и Герцеговине, и поэтому было выгодно и для мусульман, и для сербов. А. Зулфикарпашич заявлял: «Мы не можем отречься от своих интересов в Санджаке», который «был частью Боснии и был отторгнут от нее только в 1879 г.»⁴⁶. В то же время Изетбегович видел себя лидером всех мусульман Югославии.

Сербские лидеры полагали, что в интересах боснийских мусульман было жить в едином государстве с Сербией и Черногорией, включая Санджак. Исторически это обосновывалось многовековой историей отношений мусульман и сербов, а также опытом совместной жизни в двух последних Югославиях. В случае его одобрения и заключения соглашение гарантировало бы мир без жертв и разрушений без изменений государственных границ Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Однако Изетбегович категорически отказался от «исторического соглашения». Оно было отвергнуто именно потому, что предоставляло суверенитет и равные права сербам и мусульманам Боснии и Герцеговины. Оппозиционный мусульманский политик М. Филипович в своих мемуарах описал свое глубокое разочарование отказом А. Изетбеговича: «Я не мог воспринять его позицию иначе, кроме как выражение страха и политической некомпетентности. Мы были оправданно озабочены судьбой нашей несчастной страны и народа, который имел такое некомпетентное и неспособное руководство»⁴⁷.

15 октября 1991 г. хорватские и мусульманские депутаты Скупщины в отсутствие 83 сербских депутатов простым большинством

45 *Izetbegović A.* Sjećanja: Autobiografski zapis. S. 82.

46 *Zulfikarpašić A., Gotovac A., Tripalo M., Banac I.* Okovana Bosna. Zürich, 1995. S. 107.

47 *Filipović M.* Bio sam Alijin diplomata. Bihać, 2000. Knj. 1.

(142 голоса из 240) отвергли «белградскую инициативу» и приняли «Платформу» ПДД, которая предусматривала провозглашение независимости Боснии и Герцеговины и отзыв своих представителей из федеральных органов Югославии⁴⁸. Действия ПДД и ХДС в процессе принятия «Меморандума» находились в противоречии с духом и буквой действовавшей Конституции Социалистической Республики Босния и Герцеговина. Была нарушена конституционная процедура, поскольку и «Платформу», и «Меморандум» приняли простым большинством голосов, а не двумя третями, как того требовала Конституция⁴⁹. Представитель сербского народа в Президиуме Б. Плавшич охарактеризовала заседание Скупщины и поведение мусульманских депутатов как «обман наивысшей степени»⁵⁰.

Эти события инициировали кризис, который в конечном итоге привел к параличу правительства и Скупщины и распаду Боснии и Герцеговины. На плебисците 9 и 10 ноября 1991 г. 95 % сербского населения высказалось за то, чтобы остаться в Югославии⁵¹. 9 января 1992 г. была провозглашена Республика Сербская⁵². Тем не менее Изетбегович продолжал курс на конфронтацию. 25 января 1992 г. в отсутствие сербских делегатов Скупщина приняла решение провести референдум о независимости Боснии и Герцеговины 29 февраля и 1 марта 1992 г.⁵³

25 февраля 1992 г. по приказу Изетбеговича штаб «Патриотической лиги» разработал совершенно секретную «Директиву по защите суверенитета БиГ». Директива объявляла противником Сербскую демократическую партию (СДП), а тем самым и сербский народ, который в абсолютном своем большинстве голосовал за эту партию и вместе с югославами составлял около 36 % населения Боснии и Герцеговины. В директиве они назывались «террористами», которых следовало «изгнать из Боснии и Герцеговины». Очевидно, что, если бы этот «противник» был разбит и уничтожен, сербский народ так же был

48 Juče u Republičkom Parlamentu u Sarajevu usvojen memorandum. Sudbina Republike u tri varijante // Borba. 16 Oktobar 1991.

49 Hayden R. Blueprints for a House Divided. The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts. Michigan, 2002. P. 94.

50 Плавшић Б. Сведочим. С. 90.

51 Радишић Д. Хронологија догађаја на простору претходне Југославије 1990–1995. Бања Лука, 2002. С. 157.

52 Там же. С. 172.

53 Там же. С. 178.

бы изгнан за пределы Боснии и Герцеговины. Поставленные директивной задачи и сроки их выполнения были нереальны и являлись чистой авантюрой, за которую народам Боснии и Герцеговины пришлось заплатить очень дорогую цену. Следует отметить, что «Директива» была подготовлена за несколько дней до референдума о независимости Боснии и Герцеговины, который состоялся 29 февраля – 1 марта. Изетбеговичу были не важны результаты будущего референдума – он готовился к войне. В референдуме участвовали только хорваты и мусульмане (2 073 932 человека, или 63,4 % населения), из которых 99,43 % проголосовали за суверенную и независимую Боснию и Герцеговину⁵⁴. Полтора миллиона боснийских сербов отказались участвовать в референдуме. Референдум проходил в напряженной атмосфере. После многочисленных кровавых столкновений уже не было сомнений в том, что в республике началась гражданская война. Референдум о независимости Боснии и Герцеговины стал тем «Рубиконом», который Изетбегович, по его собственному выражению, «перешел, превратив гражданскую войну до референдума о независимости в сербскую агрессию после референдума о независимости»⁵⁵.

В ночь с 4 на 5 апреля, за день до международного признания Боснии и Герцеговины, мусульманские паравоенные организации «Патриотическая лига» и «Зеленые береты» совершили вооруженный путч в Сараево. Они заняли все правительственные здания, телефонную станцию, объекты инфраструктуры, Министерство внутренних дел, Штаб территориальной обороны, а также станции полиции в общинах Старый град, Центр и Ново Сараево.

Утром 5 апреля 1992 г. в Сараево началась демонстрация шахтеров из центральной Боснии, к которой присоединились многие жители города. Демонстрация имела антивоенный характер. Вскоре численность демонстрантов выросла до 50 тыс. человек. Демонстранты ворвались в здание Скупщины и требовали отставки президента Изетбеговича и правительства, роспуска Скупщины и новых выборов. Поскольку депутаты СДП уже вышли из правительства и Скупщины, это требование касалось ПДД Изетбеговича и ХДС Ключича. Демонстранты освистали появившегося на трибуне Изетбеговича. Власть президента висела на волоске.

54 Там же. С. 189.

55 *Izetbegović A. Dvije strane Rubikona. Radio Slobodna Evropa. 27 februar 2008. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1045261.html> (дата обращения: 17.09.2017).*

Спонтанные антивоенные демонстрации противоречили интересам Изетбеговича. Под предлогом того, что неизвестные снайперы из отеля «Холидей Инн» якобы вели огонь по демонстрантам, вооруженные формирования ПДД штурмовали отель и разгромили находившийся в нем штаб Сербской демократической партии. В городе произошли вооруженные столкновения с жертвами с обеих сторон. Город оказался разделенным линией фронта.

Путч имел целью устранить СДП как легитимную политическую силу сербского народа, предотвратить падение режима Изетбеговича и узурпировать власть накануне международного признания Боснии и Герцеговины. При этом предусматривалась и физическая ликвидация ее главы Радована Караджича, за которым стояла почти треть населения страны. По этому сценарию Караджич был бы случайно убит в процессе перестрелки. После международного признания Боснии и Герцеговины 6 апреля Изетбегович уже не нуждался в коалиции с СДП и стремился убрать ее с политической сцены, не без оснований считая сербскую национальную партию главной угрозой как своему режиму, так и унитарной Боснии и Герцеговине. 14 апреля на 69-й сессии Президиума СДП была провозглашена «террористической и тоталитарной партией». В своих воспоминаниях Изетбегович предпочел обойти молчанием кровавый «мирный марш» 5 апреля 1992 г. в Сараево.

8 апреля Президиум Боснии и Герцеговины без сербских представителей принял решение об объявлении непосредственной военной опасности, а также переименовал Социалистическую Республику Босния и Герцеговина в Республику Боснию и Герцеговину (РБиГ). Гражданская война в Боснии и Герцеговине стала совершившимся фактом.

26 июня 1992 г. Президиум РБиГ принял «Платформу о действиях Президиума Боснии и Герцеговины в военных условиях». Документ был составлен лично Изетбеговичем. В нем излагалась платформа РБиГ на период войны: парламентская демократия, рыночная экономика, политический плюрализм, права человека, международно признанные границы, конституционность всех трех народов, создание многонациональной армии. Платформа гарантировала всем народам Боснии и Герцеговины независимое единое суверенное многонациональное и демократическое государство, в котором граждане всех национальностей будут иметь равные права, и осудила «террористов СДП»⁵⁶. В документе подчеркивалось, что «в общем

56 *Izetbegović A. Sjećanja. Autobiografski zapis. S. 411.*

многонациональном фронте участвуют патриотические силы, которые выступают за суверенную и независимую Боснию и Герцеговину, за общую жизнь и национальную равноправность мусульман, сербов, хорватов и представителей других народов... Вооруженные силы БиГ будут включать в свои ряды представителей всех народов, которые живут в БиГ»⁵⁷.

Реальную действительность отражали многочисленные доклады международных организаций из Сараево. В одном из докладов гражданского сектора миссии ООН (ЮНПРОФОР) описывалась ситуация в Сараево: «Радикальные мусульмане, похоже, доминируют над умеренным крылом, которое выступает за мультиэтническое общество в Боснии и Герцеговине. Население той части Сараево, которое находится под контролем правительства, на 80% мусульманское. В правительстве мусульмане вытесняют сербов и хорватов, и все немусульмане чувствуют себя все более неприятно и неудобно. Организованная преступность вышла из-под контроля»⁵⁸.

Официальным лозунгом государства стал «Аллах, Алия, Армия»⁵⁹. Внутренняя политика режима Изетбеговича была основана на открыто заявленной цели устранения «сербского господства» и исламизации государства.

По мнению Изетбеговича, которое он высказывал неоднократно, в Югославии сербы «присвоили все важные должности»⁶⁰. Изетбегович игнорировал тот факт, что сербы – крупнейший по численности народ Югославии. Несмотря на все декларативные заявления о равноправии всех народов, Изетбегович начал увольнять сербов со всех важных постов и заменять их «надежными» мусульманами из ПДД. В рамках организованной кампании сербы систематически отстранялись от руководящих должностей в промышленности, образовании, системе здравоохранения и культуре. Через год после начала войны

57 Ibid. S. 116.

58 *Wilcoxson A. Karadžić Cross-Examines Harland on Muslim Crimes in the UN Safe Areas and in Sarajevo.* URL: <http://www.slobodan-milosevic.org/news/kt051010.htm> (дата обращения: 17.01.2023).

59 Lieutenant-General Petar Skrbić. *The Use of the Safe Area of Srebrenica for Strengthening of the 28-th Division of BiH Army and Organization of Attacks in Podrinje // Srebrenica: Reality and Manipulations. Collection of Works of International Scientific Conference in April 2019 in Banja Luka.* Banja Luka, 2019. P. 133.

60 *Izetbegović A. Sjećanja. Autobiografski zapis.* S. 66.

на должностях директоров предприятий, клиник, деканов факультетов, глав городских служб сербов уже не было. Так, к концу 1993 г. в правительстве премьер-министра Х. Силайджича из 22 министров 18 были мусульманами⁶¹. В сараевском управлении СГБ из 135 сотрудников было 124 мусульман, 6 сербов и 2 хорвата⁶².

В полном соответствии с «Исламской декларацией», Изетбегович проводил политику исламизации государства. Улицы Сараево, носившие имена сербов и хорватов, героев Народно-освободительной войны 1941–1945 гг., были переименованы и получили имена имамов и мусульманских исторических деятелей, включая нацистских коллаборационистов. Наиболее явным проявлением исламизации духа Сараево стало именование жертв войны «шехидами». Вскоре в Сараево выросли огромные шехидские кладбища – «мезарии». Сербская музыка и смешанные браки были запрещены. Генеральный секретарь ПДД М. Чеман заявил: «Смешанные браки не должны быть моделью, как это было при коммунистах. Мы будем терпимо относиться к смешанным бракам, но это не способствует хорошим отношениям между народами. Сейчас нормальный мусульманин должен жениться на мусульманке, а все другие должны быть исключением»⁶³.

По видению Изетбеговича, Босния и Герцеговина должна была иметь этнически однородную территорию с мусульманским населением и неделимой столицей. Это видение основывалось на идее единой политической нации бошняков. 28 сентября 1993 г. в Сараево состоялся Бошнякский сабор (съезд). Название Сабора – «бошнякский» – означало, что ПДД «переименовала» боснийских мусульман, сербов и хорватов, введя единую для всех трех народов РБиГ национальную идентификацию «бошняк»⁶⁴. Тем самым Изетбегович хотел продемонстрировать, что он представляет все народы Боснии и Герцеговины и имеет право говорить от их имени. Этот ход представлял собой чистейшую фикцию и не соответствовал реальности. Ни сербы, ни хорваты никогда не просили Изетбеговича менять их национальность. Конституция РБиГ не предусматривала изменений национального

61 UNPROFOR HQ BiH Command Kiseljak // Weekly BiH Political Assessment. No. 39. 23 October 1993.

62 *Alibabić M.* Bosna u kandžama KOSa. Sarajevo, 1996. S. 117.

63 *Cohen R.* Bosnians Fear a Rising Islamic Authoritarianism // The New York Times. 10 October 1994.

64 *Burg S., Shoup P.* The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention. New York, 2000. P. 195.

наименования ее народов. И боснийские сербы, и боснийские хорваты с усмешками проигнорировали словесную эквилибристику Изетбеговича. Вместо того чтобы, по замыслу Изетбеговича, стать заменой национальной идентификации «сербы» или «хорваты», идентификация «бошняки» в сознании всех народов РБиГ стала ассоциироваться только с боснийскими мусульманами. С этого момента в международном дискурсе, средствах массовой информации и официальных документах режима Изетбеговича, вместо названия «боснийские мусульмане», все чаще стало употребляться название «бошняки».

Политика исламизации в полной мере относилась и к армии республики (АРБиГ). Хотя в «Платформе» от 26 июня 1992 г. подчеркивалось, что армия является «общей армией всех народов и народностей», фактически АРБиГ состояла почти исключительно из боснийских мусульман. Сербы и хорваты в ее составе были скорее исключением, чем правилом. На 25 мая 1995 г. АРБиГ в своих рядах имела 95,65 % мусульман, 0,73 % сербов, 1,42 % хорватов и 2,2 % других национальностей⁶⁵. Очевидно, что Армия БиГ была монолитно мусульманской по своему составу и уже в силу только этого обстоятельства не имела морального права претендовать на решение такой задачи, как обеспечение национального и гражданского равноправия для всех трех народов Боснии и Герцеговины.

По свидетельству бошнякского политика Н. Дураковича, «в это время началась интенсивная политизация армии и использование ислама в политических целях. В агрессивной и грубой манере были введены исключительно мусульманские приветствия, каждое здание казармы или штаба, в особенности кабинеты офицеров, в обязательном порядке должны были иметь портрет Алии Изетбеговича, был введен обязательный предмет религиозного обучения, во многих военных городках были построены огромные мечети (Мостар, Брадина, Бугойно и т. д.), в войсках распространялась исключительно религиозная литература, а многие имамы стали настоящими политическими комиссарами»⁶⁶.

Значительную долю в составе армии Боснии и Герцеговины составляли наемники-моджахеды из исламских стран – Афганистана, Алжира,

65 Izvještaj o popuni ARBiH // Republika Bosna i Hercegovina. Generalštab Armije BiH. Uprava za org-mob. poslove. Str. Pov. Broj: Kakanj, 25.05.1995; *Bezruchenko V.* The Civil War in Bosnia and Herzegovina 1992–1995. Political, Military, and Diplomatic History. Houston, 2022. P. 182.

66 *Duraković N.* Prevara Bosne. Sarajevo, 2004. S. 213.

Ирана, Кувейта, Турции, Судана, Объединенных Арабских Эмиратов. Усама бен Ладен посещал Сараево во время войны, имел паспорт РБиГ и по крайней мере однажды встречался с А. Изетбеговичем – впоследствии сам президент Боснии и Герцеговины и его сторонники на Западе яростно отрицали этот факт. Между тем немецкая журналистка журнала «Дер Шпигель» (Der Spiegel) Р. Флоттау свидетельствует о том, что видела бен Ладена в приемной Изетбеговича в 1994 г., когда ожидала встречу с президентом РБиГ. Террорист С. Радуев, известный захватом многочисленных заложников в дагестанском Кизляре 9 января 1996 г., также утверждал, что Усама бен Ладен «встречался с президентом Алией Изетбеговичем», охарактеризовав при этом самого А. Изетбеговича как шизофреника⁶⁷. В написанных после войны мемуарах бывший член Президиума Боснии и Герцеговины хорват С. Ключич отметил, что «пополнение АРБиГ боевиками из африканских и азиатских стран было одним из наиболее отвратительных действий Изетбеговича, который этим подтвердил, что он боролся не за Боснию и Герцеговину, а за своих мусульман и исламскую веру»⁶⁸.

Даже прокуратура МТБЮ, не отличающаяся благосклонным отношением к сербам, отметила: «...уже само присутствие и использование в боях моджахедов во время войны в Боснии и Герцеговине ставит под вопрос задекларированную цель (Изетбеговича. – В. Б.) построения многонациональной и светской Боснии и Герцеговины, в которой могут мирно жить люди всех национальностей»⁶⁹.

Согласно конституции, верховным государственным органом независимой Боснии и Герцеговины был Президиум, который с 1974 г. избирался по национальному признаку. На выборах 1990 г. граждане СРБиГ избрали семь членов Президиума: двух мусульман, двух сербов, двух хорватов и одного «другого». Продолжительность действия их мандата составляла четыре года. Согласно конституции, Президиум большинством голосов избирал из своего состава Председателя Президиума сроком на один год. Президиум принимал решения большинством голосов. В случае войны или введения военного положения мандат членов Президиума мог быть продлен. В период военного положения Президиум брал на себя функции Скупщины БиГ, играл роль

67 Schindler J. R. Unholy Terror... P. 154.

68 Kljujić S. Izdaja Bosne. Sarajevo, 2018. S. 192–193.

69 Prosecution's Final Trial Brief in Case No. IT-04-83-T. Prosecutor v. Rasim Delic. 2008. 13 June. Para 15 // International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia Court Records (далее – ICTY). URL: <http://icr.icty.org/> (дата обращения: 30.06.2018)

верховного командования и мог включать в себя премьер-министра, председателя Скупщины и верховного главнокомандующего.

Изетбеговичу требовалось сохранять видимость многонациональности Президиума как общего органа всех трех народов Боснии и Герцеговины. Поэтому после того, как легитимно избранные представители сербского народа Б. Плавшич и Н. Кольевич вышли из состава Президиума, Изетбегович 1 июня 1992 г. кооптировал в Президиум новых представителей сербского народа – М. Пеяновича (Партия демократического прогресса, серб) и Н. Кецмановича (Союз реформистских сил, серб). С точки зрения Изетбеговича, роль представителей сербского народа в Президиуме была двоякой: продемонстрировать многонациональность и легитимность органов власти и скомпрометировать руководство Республики Сербской как «мятежников и террористов». Кооптированные в состав Президиума представители сербского народа не имели властных полномочий и никакого влияния на работу и решения Президиума не оказывали. Такая тактика получила название «икебана» или «мультиэтническая ширма».

В 1993 г. состав Президиума кардинально изменился. Из его состава вышли два представителя хорватского народа — Ф. Борас (ХДС) и М. Ласич (ХДС). В их совместном заявлении указывалось: «Легитимные представители хорватского народа в Президиуме не могут равноправно участвовать в государственной власти, что нарушает наше право на Родину и государство БиГ, в которой хорватский народ является государствообразующим». В заявлении подчеркивалось, что «под прикрытием демагогической пропаганды о так называемой единой, целостной и гражданской БиГ реализуется план создания исключительно мусульманского государства»⁷⁰. В силу принципиальных разногласий с Изетбеговичем Президиум покинул и мусульманин Ф. Абдич. Его заменил Н. Дуракович (Социал-демократическая партия, мусульманин). В состав Президиума также были кооптированы премьер-министр Х. Силайджич (мусульманин) и начальник Главного штаба АРБиГ Р. Делич (мусульманин). Таким образом, в Президиуме продолжали доминировать мусульмане. По мнению члена Президиума хорвата С. Ключича, «в столице Сараево Алия Изетбегович захватил всю власть. Теперь она не принадлежала государственным органам, а осуществлялась лично Изетбеговичем вместе с несколькими политическими и религиозными лидерами мусульман»⁷¹.

70 Večernji list. 23.04.1993.

71 Ključić S. Izdaja Bosne. S. 179.

Коллективный Президиум как демократический орган, в который в 1991 г. были избраны легитимные представители всех трех народов Боснии и Герцеговины, фактически перестал существовать. Его заменил авторитарный режим Изетбеговича. Сопредседатель Международной конференции по бывшей Югославии Д. Оуэн писал: «Коллективный Президиум все менее и менее осуществлял коллективное руководство, а в конце 1992 г. власть перешла в руки малой группы мусульманских министров, которых назначал президент Изетбегович. Мы фактически имели дело с мусульманским правительством для мусульманского населения»⁷². Согласно конституции РБиГ, председатель Президиума должен был меняться каждый год, чтобы обеспечить баланс интересов всех народов Боснии и Герцеговины. После истечения мандата Изетбеговича на должности председателя Президиума предполагалось, что, согласно конституции, его заменит хорват или серб. Но Изетбегович не желал уступать власть ни сербу, ни хорвату. Опора на ПДД и Риязат⁷³, а также финансовая поддержка исламских государств дали Изетбеговичу возможность оставаться главой государства до 1996 г. Реально государством и партией руководила так называемая «Шура»⁷⁴, неформальный совещательный орган, в который входили соратники Изетбеговича по организации «Молодые мусульмане» — О. Бехмен, Р. Махмутчехаич и Х. Ченгич. Неписанные директивы «Шуры» были обязательны для исполнения в армии, полиции, судопроизводстве и дипломатии. Во главе Шуры стоял сам Изетбегович, которому его соратники по партии дали псевдоним «Падишах»⁷⁵.

В ходе войны в полной мере проявились истинные черты режима Изетбеговича: религиозный фанатизм и двуличие, шовинизм и ползучая исламизация, коррупция и нетерпимость к иному мнению. ПДД стала авторитарной кликой, которая использовала войну и страдания населения для форсирования исламизации общества и утверждения

⁷² Owen D. *Balkan Odyssey*. London, 1996. P. 365.

⁷³ Риязат – Высший исполнительный орган Мусульманского содружества РБиХ. Состоит из 5 управлений: по вопросам веры, по вопросам образования и науки, по финансовым и экономическим вопросам, по правовым и административным вопросам, по вопросам внешних связей и диаспоры.

⁷⁴ Шура – совет (араб.).

⁷⁵ *Alibabić-Munija M. Tajni rat za Bosnu između službe državne bezbjednosti RBiH i KOS-a JNA*. Sarajevo, 2014. S. 107–114.

культы Изетбеговича. В сельских районах Боснии имамы твердили верующим, что Изетбегович – пророк, посланный Аллахом «наставить мусульман на истинный путь». В своих молитвах они говорили о тринадцатом после Мухаммеда пророке, недвусмысленно намекая на Изетбеговича⁷⁶.

Кровопролитная гражданская война в Боснии и Герцеговине продолжалась долгие четыре года. С самого начала войны Изетбегович приступил к реализации своего стратегического плана зачистки Восточной Боснии от сербского населения и Центральной Боснии от хорватского населения. В этих регионах война была особенно ожесточенной и приобрела характер этнических чисток.

Политика Изетбеговича привела не только к сербско-мусульманскому и хорватско-мусульманскому конфликту. Она вызвала гражданскую войну и среди самих мусульман. Крупный мусульманский политик Ф. Абдич, который в 1990 г. уступил Изетбеговичу кресло президента, не разделял радикальных взглядов Изетбеговича, который не шел ни на какие компромиссы и призывал мусульман продолжать войну до победного конца. Абдич выступал за скорейшее окончание войны путем переговоров и признавал принцип равноправия и национального самоопределения для сербов и хорватов. Абдича поддерживали те мусульмане в Сараево, которые убедились в коррумпированности Изетбеговича и бессмысленности продолжения войны. Их раздражала фанатичность Изетбеговича, с которой он игнорировал все возможности заключения мира. Многие мусульмане называли Абдича «моральным президентом РБиГ», втайне соглашаясь с заключением А. Зульфикарпашича: «Изетбегович хуже самых худших врагов мусульман»⁷⁷. В июле 1993 г. Ф. Абдич написал Изетбеговичу открытое письмо, в котором обвинял его в авторитаризме и в том, что его курс ведет страну к катастрофе: «Я уверен, что вы понимаете бессмысленность игнорирования роли Президиума как коллективного главы государства и гибельность ваших утверждений, что только вы и узкий круг ваших единомышленников имеют полномочия принимать решения. Ситуация в Боснии и Герцеговине не позволяет никому роскошь капризов толкать страну к катастрофе, даже если это Президент»⁷⁸. Одновременно Абдич обнародовал свою политическую платформу. Она предусматривала создание федеративного государства из трех

76 Schindler J. R. *Unholy Terror...* P. 198.

77 Ibid. P. 203.

78 O'Shea B. *Crisis at Bihac: Bosnia's Bloody Battlefield*. London, 1998. P. 20.

национальных республик, что устраивало как сербов, так и хорватов. 27 сентября 1993 г. сторонники Абдича подняли восстание и провозгласили Автономную область Западная Босния (АОЗБ), которая вскоре была переименована в Республику. Изетбегович безуспешно пытался ликвидировать Абдича с помощью наемных убийц, а затем отдал приказ уничтожить автономию вооруженной силой. Так в Боснии и Герцеговине началась третья по счету гражданская война, теперь уже между мусульманами – приверженцами Изетбеговича и Абдича.

Дипломатический процесс урегулирования конфликта строился на основе мирных планов международного сообщества (план Кутилейро, план Вэнса-Оуэна, план Оуэна-Столтенберга, план Контактной группы, Дейтонские мирные соглашения). Все эти планы имели общие принципы: децентрализация, политическая автономия для сербов и хорватов, равноправность наций. Однако Изетбегович отказывался от автономии для сербов и хорватов, упорно отстаивая концепцию унитарной Боснии и Герцеговины под властью исламистской ПДД. Именно Изетбегович отверг четыре из пяти этих планов, включая план португальского дипломата Кутилейро 1992 г. (Лиссабонское соглашение), который представлял собой первый проект предоставления сербам и хорватам политической автономии.

Для Изетбеговича и политического руководства ПДД понятие «единая Босния и Герцеговина» означало право боснийских мусульман на создание собственного унитарного государства, в котором они были бы единственными полновластными хозяевами и в котором никто не мог бы ограничивать их право принимать решения. Любое требование национальной автономии для сербов и хорватов они рассматривали как «раздел Боснии и Герцеговины». Все предложения международных посредников, которые предусматривали федеральное или конфедеративное устройство государства, объявлялись Изетбеговичем неприемлемыми и отвергались «с порога».

Если в беседах и на переговорах с иностранными дипломатами Изетбегович лицемерно говорил о мультиэтнической и мультикультурной Боснии и Герцеговине как своем идеале, на практике он строил исламское государство в полном соответствии со своей «Исламской декларацией». Говоря от имени ПДД, член ее Главного комитета А. Яхич так описал видение идеала будущей Боснии и Герцеговины: «Территория, на которой после войны будет стоять наша армия, будет мусульманским государством. Это желание мусульманского народа, и, конечно, нашего гражданского лидера Алии Изетбеговича и нашего духовного лидера Мустафы Черича. Он в личном разговоре со мной

подтвердил, что давней мечтой Али Исетбеговича, члена “Молодых мусульман”, является создание мусульманского государства в Боснии и Герцеговины... Мусульманское государство будет национальной державой бошняков, то есть мусульман... мусульманское государство будет иметь исламскую идеологию, основанную на исламе, на исламских религиозно-правовых и этно-социальных началах... исламская идеология постепенно уберет дуализм священного и светского, религиозного и политического, который был навязан нам светской христианской Европой против нашей воли... исламская идеология будет интегрирована в гражданско-правовую структуру будущего исламского государства, начиная от его государственных и национальных символов до господствующей национальной политики, образования, социальных и экономических институций и, конечно же, мусульманской семьи»⁷⁹.

В беседах и выступлениях с деятелями близкого его сердцу арабского мира Исетбегович подчеркивал религиозный характер войны и говорил о «крестовом походе» христиан против мусульман. Выступая в Куала Лумпуре 24 января 1994 г., он призвал исламский мир «объединиться против сионистских сил, которые вместе с Организацией Объединенных Наций хотят уничтожить мусульман и искоренить исламскую веру»⁸⁰. Естественно, в его видении исламского государства для «крестоносцев», то есть для сербов и хорватов, места не было.

Главной стратегической целью режима Исетбеговича было уничтожение Республики Сербской и изгнание сербов с территории РБиГ. Выступая 14 ноября 1993 г. по телевидению с речью о своем видении Боснии и Герцеговины, Исетбегович заявил: «Это не будет чисто мусульманское государство. Нам это не нужно, но оно будет таким де-факто, по-другому невозможно. Это будет государство, в котором будет 80 % мусульман, оно будет мусульманским»⁸¹.

Согласно переписи населения 1991 г., в СРБиГ жили около 1,3 млн сербов. В крупных индустриальных городах – Сараево, Тузле, Зенице, Мостаре и других – перед войной проживали большие сербские общины. В Сараево насчитывалось около 185 тыс. сербов и югославов, которые также имели сербское этническое происхождение. В Тузле

79 Zmaj od Bosne. № 51. 17.09.1993.

80 Цит по: *Čengić. M. Alija Izetbegović: jahač apokalipse ili anđeo mira*. S. 190.

81 Fonogram govora predsjednika Predsjedništva BiH Alije Izetbegovića 14.11.1993 na TV BiH – TV Okrug Zenica.

насчитывалось 20 тыс. сербов и 21 тыс. югославов, в Мостаре – 23 тыс. сербов и 13 тыс. югославов, в Зенице жили от 20 до 30 тыс. сербов. В менее крупных городах тоже проживало значительное количество сербов. Так, в Бугойно жили 9 тыс. сербов и 1,5 тыс. югославов⁸². По своей социальной структуре эти люди принадлежали к технической и гуманитарной интеллигенции. Не все они разделяли идеи Караджича, многие из них на выборах 1990 г. голосовали за оппозиционные гражданские партии, которые выступали за единую и демократическую Боснию и Герцеговину. После начала войны все эти города и многочисленные сербские села оказались на территории под властью режима Изетбеговича. В «зеленых» общинах, где преобладали мусульмане и на выборах победила ПДД, находившимся в меньшинстве сербам и хорватам приходилось особенно тяжело. Они были вынуждены жить в атмосфере политического и национального реванша, который делал их жизнь под властью режима Изетбеговича невыносимой. Против них был развязан настоящий террор.

По данным Центра Республики Сербской по исследованию войны, военных преступлений и поиску пропавших без вести в Бая-Луке, за все время войны только в Сараево функционировало 126 тюрем и лагерей, а всего на территории под контролем АРБиГ и ХВО существовало 536 лагерей, через которые прошли около 50 тыс. сербов всех возрастов, как мужчин, так и женщин⁸³.

Международная комиссия по расследованию страданий сербов в Сараево пришла к выводу, что стратегия режима Изетбеговича была направлена на изгнание сербской общины из Сараево. В течение всей войны ПДД подстрекала многочисленные преступные группировки и регулярные подразделения АРБиГ к преступлениям против сербского населения Сараево. Эти преступления включали аресты, пытки, изнасилования и убийства. В сочетании с систематической демонизацией и психологическим давлением эти преступления представляли собой многолетнюю этническую чистку, кульминацией которой стал исход сербов из Сараево после Дейтонских мирных соглашений.

82 Становиштво према националној припадности и површина насеља. Попис 1991. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G1991/Pdf/G19914013.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

83 *Миловановић М.* Стварање и развој Војске Републике Српске током одбрамбено-отаџбинског рата 1992 до 1995 // Улога старјешина ВРС у стварању и одбрани Републике Српске током одбрамбено-отаџбинског рата: Зборник радова. Бања Лука, мај 2018 године. С. 67.

В результате довоенная сербская община в Сараево численностью около 200 тыс. человек фактически исчезла⁸⁴.

Такая же ситуация наблюдалась и в других регионах под контролем режима Изетбеговича. По данным Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, только между 1991 и серединой 1994 г. в Западной Герцеговине сербское население уменьшилось с 44 тыс. до 5 тыс. человек, в регионе Зеницы — с 79 тыс. до 20 тыс., в регионе Тузлы — с 82 тыс. до 23 тыс., в регионе Бихач — с 29 тыс. до 1,5 тыс. человек⁸⁵.

Хотя пропагандисты Изетбеговича постоянно твердили, что «АРБиГ никогда не разрушит церковь»⁸⁶, осквернения православных церквей и кладбищ было обычным явлением. По неполным данным, в ходе войны было разрушено 212 и повреждено 367 православных церквей⁸⁷.

Военный аналитик прокуратуры Международного Трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) Р. Батлер, выступая в качестве эксперта на процессе С. Милошевича, заявил: «Целью армии Боснии и Герцеговины как военной силы правительства в Сараево было установить свой контроль над всей территорией Боснии»⁸⁸. В 1995 г. президент Хорватии Ф. Туджман сообщил американским дипломатам, что план режима Изетбеговича заключался в том, чтобы «истребить и изгнать полтора миллиона сербов из Боснии»⁸⁹.

В то же время в своих публичных выступлениях Изетбегович неоднократно подчеркивал, что война в Боснии и Герцеговине представляла собой агрессию со стороны СРЮ, то есть Сербии и Черногории. Отражением этой позиции явился иск Боснии и Герцеговины

84 Concluding Report of the International Commission of Inquiry on the Suffering of Serbs in Sarajevo between 1991 and 1995. Houston, 2020. P. 882.

85 *Calic M.-J.* Ethnic Cleansing and War Crimes 1991–1995 // Ingraio C., Emmert T. A. Confronting the Yugoslav Controversies. A Scholars' Initiative. Purdue, 2009. P. 128.

86 *Koričić A.* Mi nikada nećemo srušiti crkvu // Armija Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1977. С. 71.

87 *Милеуснић С.* Духовни геноцид. 1991–1995 (1997). Београд, 1997. С. 8.

88 Karadzic Transcript. 19 April 2012. P. 27697 // ICTY.

89 Minutes of the Meeting Held on 16 August 1995 in the North Lounge of the Presidential Palace in Zagreb at 13:50 hours. ERN #0187-0722-0187-0757-ET. P. 11 // Ibid.

к Союзной Республике Югославии (Сербии и Черногории), на основании которого СРЮ обвинялась в агрессии и геноциде. Утверждалось, что Сербия и Черногория виновны в развязывании войны и ответственны за многочисленные жертвы и разрушения, в то время как мусульманско-хорватская сторона не несет ответственности ни за развязывание войны, ни за ее последствия. Власти Боснии и Герцеговины через Международный Суд ООН потребовали от Сербии выплатить материальную компенсацию за «акт агрессии и геноцид». Дело по иску Боснии и Герцеговины слушалось в Международном суде ООН с 1993 по 2007 г., то есть 14 лет. 26 февраля 2007 г. Суд наконец постановил, что Сербия и Черногория не несут прямой ответственности за агрессию и геноцид и отказал в просьбе Сараево возложить на Белград материальную ответственность за конфликт⁹⁰. Однако Суд также постановил, что Сербия нарушила международное право, так как не предотвратила акт геноцида в Сребренице. Таким образом, теория Изетбеговича об агрессии Сербии против Боснии и Герцеговины не получила правового обоснования.

В конечном итоге, после четырех лет войны и многих тысяч жертв, в 1995 г. Изетбегович был вынужден подписать Дейтонские мирные соглашения, по которым территория Боснии и Герцеговины (142 общины) была поделена между Республикой Сербской и мусульманско-хорватской Федерацией в соотношении 49% к 51%. Республика Сербская получила 64 общины и региональную автономию, мусульманско-хорватской Федерации досталось 79 общин. Еще одну общину составляет отдельный округ Брчко. Таким образом, концепция унитарного государства Изетбеговича потерпела крах.

Многие политики и дипломаты отмечали противоречивость личности Изетбеговича. Для многих мусульман он являлся непререкаемым лидером и отцом бошнякской нации. Для других – опасным политиканом, склонным к экстремизму, лжи и манипуляциям. Депутат Скупщины И. Мустафич, который хорошо знал Изетбеговича, оставил о нем такие воспоминания: «Он никому не верил, а тем, которые были ему безоговорочно преданы, он прощал все. Он не давал никаких шансов тем, которые были достаточно сильны, чтобы заменить его или его автократию. Он избавлялся от возможных соперников до того, как у них появлялись возможности вести борьбу

90 Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). URL: <http://www.icj-cij.org/case/91> (дата обращения: 16.10.2019).

на равных. Изетбегович был негативным феноменом, и мы будем платить за его политику еще сто лет, если выживем»⁹¹.

Глава миссии ООН в бывшей Югославии Я. Акаси в своих мемуарах отмечал: «Политика президента Изетбеговича была направлена на создание государства исламского народа... Изетбегович, несмотря на свое внешнее поведение, всегда был спокойным и упорным. Он пытался вести себя представительно, с самообладанием и сдержанностью, как и подобает лидеру молодого государства»⁹².

Британский дипломат Д. Оуэн отмечал его неискренность и скрытность: «Многие задавались вопросом, являлся ли Изетбегович фундаменталистом. На этот вопрос трудно найти однозначный ответ. Если он фундаменталист, то скрывает это за маской светского политика [...]. Мое положительное мнение об Изетбеговиче не разделяют другие, которые провели с ним долгие часы в переговорах. Его считают самым трудным из всех политиков, с которыми им приходилось иметь дело в бывшей Югославии, который манипулирует людьми и которому нельзя доверять. Его ближайших советников считают скрытыми фундаменталистами, которые играют на его хронической нерешительности и не идут ни на какие компромиссы»⁹³.

Британский генерал М. Роуз, который был командующим войсками ЮНПРОФОР в Боснии и Герцеговине в 1993–1994 гг. и часто встречался с Изетбеговичем, отмечал его лицемерие: «Президент Изетбегович остается для меня загадкой. Он был маленького роста, с благородными манерами. На встречах со мной казался отстраненным, но явно притворялся. Когда он принимал решения, то не допускал возражений [...]. В тяжелые минуты он морщил губы и надолго впадал в молчание, прежде чем согласиться на какие-либо решения, которые, тем не менее, редко выполнялись. К тому времени, когда я покидал Боснию, у меня сформировалась уверенность, что все его разговоры о создании мультикультурной Боснии были просто средством для укрепления собственной политической власти и распространения ислама. Он в свою очередь считал меня препятствием для осуществления своих планов вовлечь в войну Соединенные Штаты на своей стороне»⁹⁴.

91 *Mustafić, I.* Planirani kaos. S. 55.

92 *Akashi Y.* In the Valley between War and Peace. – Personalities I met. Belgrade, 2011. P. 197.

93 *Owen D.* Balkan Odyssey. P. 38.

94 *Rose M.* Fighting for Peace. Bosnia 1994. London, 1988. P. 38.

Американский дипломат Р. Холбрук оставил о Изетбеговиче такие воспоминания: «Он рассматривал политику как постоянную борьбу [...]. Он был глубоко верующим мусульманином, хотя и не боснийским аятоллой, которым его изображали его враги. Хотя на словах он был за принципы мультиэтнического государства, он также не был демократом, которым его изображали некоторые на Западе»⁹⁵.

Алия Изетбегович получил ряд наград стран исламского мира: премию короля Фейсала «За заслуги перед исламом» (Саудовская Аравия) в 1993 г., премию «Исламский мыслитель года» Фонда Али Османа Хафиза в Медине в 1996 г. (Саудовская Аравия), почетную степень доктора наук Эр-Риядского университета, почетную степень доктора юридических наук университета в Мармаре (Турция) в 1997 г. и награду «Исламская личность года» (ОАЭ) в 2001 г. Он также был награжден высшими орденами Турции и Катара.

В обыденном сознании населения сегодняшней Боснии и Герцеговины мнения о Изетбеговиче зависят от этнической и религиозной идентификации. Для бошняков-мусульман он, несомненно, является положительной личностью исторического масштаба. Главной его заслугой они считают то, что он завершил процесс формирования бошнякской нации. Он дал бошнякам независимое государство, ставшее членом ООН, он дал им свой язык (бошнякский вместо сербохорватского), он способствовал развитию бошнякской культуры. Многие сербы и хорваты считают его мусульманским фундаменталистом и панисламистом, который был виновен в развязывании кровопролитной гражданской войны 1992–1995 гг. Именно его сербофобия и религиозный фанатизм стали причиной того, что конфликт не был разрешен мирными средствами еще в 1992 г.

Алия Изетбегович прожил бурную, полную драматических событий жизнь и умер 19 октября 2003 г. На церемонии его похорон на кладбище Ковачи в Сараево присутствовали десятки тысяч людей. 11 августа 2006 г. памятник на его могиле был взорван неизвестными. Его сын Бакир Изетбегович тоже стал политиком и, приняв руководство ПДД, продолжает дело отца.

⁹⁵ *Holbrooke R.* To End a War. New York, 2008. P. 97.

Источники и литература

Милеуснић С. Духовни геноцид. 1991–1995. Београд: Музеј Српске православне цркве, 1997. 237 с.

Пандуревић В. Срби у Босни и Херцеговини од декларације до конституције 1991–1995. Београд: Графички атеље «М», 2012. 368 с.

Плавишић Б. Сведочим. Бања Лука: Триопринт, 2005. Књ. 1. 347 с.

Радишић Д. Хронологија догађаја на простору претходне Југославије 1990–1995. Бања Лука: Глас Српски, 2002. 709 с.

Становништво према националној припадности и површина насеља. Попис 1991. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G1991/Pdf/G19914013.pdf> (дата обраћања: 20.10.2020).

Улога старјешина ВРС у стварању и одбрани Републике Српске током одбрамбено-отаџбинског рата: Зборник радова. Бања Лука: Организација старјешина Војске Републике Српске, 2018. 552 с.

Akashi Y. In the Valley between War and Peace. – Personalities I met. Belgrade: European Center for Peace and Development, 2011. 119 p.

Alibabić M. Bosna u kandžama KOSA. Sarajevo: Behar, 1996. 245 s.

Alibabić-Munija M. Tajni rat za Bosnu između službe državne bezbjednosti RBiH i KOS JNA. Sarajevo: Vlastita Naklada, 2014. 393 s.

Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). URL: <http://www.icj-cij.org/case/91> (дата обраћања: 16.10.2019).

Bezruchenko V. The Civil War in Bosnia and Herzegovina 1992–1995. Political, Military, and Diplomatic History. Houston: Strategic Book Publishing and Rights, 2022. 742 p.

Burg S., Shoup P. The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention. New York: Armonk, 2000. 499 p.

Cohen R. Bosnians Fear a Rising Islamic Authoritarianism // The New York Times. 10 October 1994.

Concluding Report of the International Commission of Inquiry on the Suffering of Serbs in Sarajevo between 1991 and 1995. Houston: Strategic Book Publishing and Rights, 2020. 850 p.

Dodik: “Islamska deklaracija” uvod u stvaranje “Islamske države” // Nezavisne Novine. 08.06.2015. URL: <https://www.nezavisne.com/novosti/bih/Dodik-Islamska-deklaracija-uvod-u-stvaranje-Islamske-drzave/309146> (дата обраћања: 01.07.2023).

Duraković N. Prevara Bosne. Sarajevo: DES, 1998. 252 p.

Eriksen J.-M., Stjernfelt F. Scenografija rata: Nova putovanja u Bosnu i Srbiju. Београд: Хелсиншки одбор за људска права у Србији, 2010. 313 с.

- Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX stoljeću. Sarajevo: Sejtarija, 1998. 414 s.
- Filipović M.* Bio sam Alijin diplomata. Bihać: Delta, 2000. Knj. 1. 84 s.
- Fonogram govora predsjednika Predsjedništva BiH Alije Izetbegovića 14.11.1993 na TV BiH – TV Okruza Zenica.
- Friedman F.* The Bosnian Muslims: Denial of a Nation. Colorado: Westview Press, 1996. 288 p.
- Hayden R.* Blueprints for a House Divided. The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. 208 p.
- Holbrooke R.* To End a War. New York: Random House, 2008. 411 p.
- Imatović M.* Istorija Bošnjaka. Sarajevo: Bosnjačka zajednica culture, 1998. 635 s.
- Ingrao C., Emmert T. A.* Confronting the Yugoslav Controversies. A Scholars' Initiative. Purdue: Purdue University Press, 2009. 444 p.
- Inicijativni odbor SDA. Programska deklaracija Stranke demokratske akcije Sarajevo. 27 marta 1990. URL: <https://www.sda.ba/stranica/programska-deklaracija/51#> (дата обращения: 15.08.2022).
- International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia Court Records (ICTY). URL: <http://icr.icty.org/> (дата обращения: 30.06.2018).
- Isaković Z.* Alija Izetbegović. Biografija. URL: <http://www.muzejalijaizetbegovic.ba> (дата обращения: 30.06.2018).
- Izetbegović A.* Dvije strane Rubikona. Radio Slobodna Evropa. 27 februar 2008. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1045261.html> (дата обращения: 17.09.2017).
- Izetbegović A.* Islamska Deklaracija. Sarajevo: Bosna, 1990. 125 s.
- Izetbegović A.* Islam između Istoka i Zapada. Sarajevo: Svetlost, 1998. 347 s.
- Izetbegović A.* Sjećanja: Autobiografski zapis. Sarajevo: TDK Šahinpašić, 2001. 503 s.
- Juče u Republičkom Parlamentu u Sarajevu usvojen memorandum. Sudbina Republike u tri varijante. Borba. 16 Oktobar 1991.
- Izveštai o popuni ARBiH // Republika Bosna i Hercegovina. Generalštab Armije BiH. Uprava za org. mob. poslove. Str. Pov. Broj: Kakanj, 25.05.1995.
- Ključić S.* Izdaja Bosne. Sarajevo: DTP Sarajevo, 2018. 453 s.
- Kolanović N.* Muslimanska inteligencija i islam u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj // Časopis za suvremenu povijest. 2004. №. 36. S. 928.
- Koričić A.* Mi nikada nećemo srušiti crkvu // Armija Bosne i Hercegovine. Sarajevo: NIPP "Liljan", 1977. 138 s.
- Kulenović T.* Politički Islam. Zagreb: V. B. Z., 2008. 208 s.
- Malcolm N.* Bosnia: A Short History. London: Papermack, Basingstoke & Oxford, 1996. 360 p.
- Mustafić I.* Planirani Haos. Sarajevo: Udruženje građana Majke Srebrenice i Podrinja, 2008. 445 p.

O'Shea B. Crisis at Bihac: Bosnia's Bloody Battlefield. London: Sutton Publishing, 1998. 249 p.

Owen D. Balkan Odyssey. London: Indigo/Cassel, 1996. 389 p.

Pehar D. Alija Izetbegović i rat u Bosni i Hercegovini. Mostar: HKD Napredak, 2011. 211 p.

Rose M. Fighting for Peace. Bosnia 1994. London: The Harvill Press, 1988. 269 p.

Schindler J. R. Unholy Terror. Bosnia, Al-Qa'ida, and the Rise of Global Jihad. Saint Paul: Zenith Press, 2007. 368 p.

Srebrenica: Reality and Manipulation. Collection of Works of International Scientific Conference in April 2019 in Banja Luka. Banja Luka, 2019. 782 p.

Stranka Demokratske akcije. Dokumenti. Sarajevo: Ljiljan, 1995. Sveska broj 6.

Trhulj S. Mladi Muslimani. Sarajevo: GIK OKO, 1995. 395 s.

Tudman M. Druga strana Rubikona. Politička strategija Aliji Izetbegovića. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2017. 443 s.

UNPROFOR HQ BiH Command Kiseljak // Weekly BiH Political Assessment. No. 39. 23 October 1993.

Wilcoxson A. Karadžić Cross-Examines Harland on Muslim Crimes in the UN Safe Areas and in Sarajevo. URL: <http://www.slobodan-milosevic.org/news/kt051010.htm> (дата обращения: 17.01.2023).

Wilcoxson A. Okun Says Radical Islamic Views Espoused by Izetbegovic and Cengic Shouldn't Have Been Taken Seriously. 2010, May 20. URL: <http://www.slobodan-milosevic.org/news/kt042610.htm> (дата обращения: 12.07.2017).

Yugoslavia: Trends in Ethnic Nationalism. An Intelligence Assessment, CIA. Secret. September 1983. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/> (дата обращения: 07.07.2023).

Zmaj od Bosne. № 51. 17.09.1993.

Zulfikarpašić A., Gotovac A., Tripalo M., Banac I. Okovana Bosna. Zürich: Bošnjački institut, 1995. 162 s.

References

Akashi, Y. *In the Valley between War and Peace. – Personalities I met.* Belgrade: European Center for Peace and Development, 2011, 119 p.

Alibabić, M. *Bosna u kandžama KOSa.* Sarajevo: Behar, 1996, 245 p.

Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). URL: <http://www.icj-cij.org/case/91> (accessed: 16.10.2019).

Bezruchenko, V. *The Civil War in Bosnia and Herzegovina 1992–1995. Political, Military, and Diplomatic History*. Houston: Strategic Book Publishing and Rights, 2022, 742 p.

Burg, S., Shoup, P. *The War in Bosnia-Herzegovina: Ethnic Conflict and International Intervention*. New York: Armonk, 2000, 520 p.

Cohen, R. “Bosnians Fear a Rising Islamic Authoritarianism.” *The New York Times*. 10 October 1994.

Concluding Report of the International Commission of Inquiry on the Suffering of Serbs in Sarajevo between 1991 and 1995. USA: Strategic Book Publishing and Rights, 2020, 850 p.

Dodik: “«Islamska deklaracija» uvod u stvaranje «Islamske države»”. *Nezavisne novine*, 08.06.2015. URL: <https://www.nezavisne.com/novosti/bih/Dodik-Islamska-deklaracija-uvod-u-stvaranje-Islamske-drzave/309146> (accessed: 01.07.2023).

Duraković, N. *Prevara Bosne*. Sarajevo: DES, 1998, 252 p.

Eriksen, J.-M., Stjernfelt, F. *Scenografija rata: Nova putovanja u Bosnu i Srbiju*. Belgrade: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2010, 313 p.

Filandra, Š. *Bošnjačka politika u XX stoljeću*. Sarajevo: Sejtarija, 1998, 414 p.

Filipović, M. *Bio sam Alijin diplomata*. Knj. 1. Bihać: Delta, 2000, 84 p.

Friedman, F. *The Bosnian Muslims: Denial of a Nation*. Colorado: Westview Press, 1996, 288 p.

Hayden, R. *Blueprints for a House Divided. The Constitutional Logic of the Yugoslav Conflicts*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000, 208 p.

Holbrooke, R. *To End a War*. New York: Random House, 2008, 411 p.

Imamović, M. *Istorija Bošnjaka*. Sarajevo: Bosnjačka zajednica culture, 1998, 635 p.

Inicijativni odbor SDA. Programska deklaracija Stranke demokratske akcije Sarajevo. 27 marta 1990. URL: <https://www.sda.ba/stranica/programska-deklaracija/51#> (accessed: 15.08.2022).

International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia Court Records (ICTY). URL: <http://icr.icty.org/> (accessed: 30.06.2018).

Isaković, Z. *Alija Izetbegović. Biografija*. URL: <http://www.muzejalijaizetbegovic.ba> (accessed: 30.06.2018).

Izetbegović, A. “Dvije strane Rubikona”. *Radio Slobodna Evropa*. 27 februar 2008. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/1045261.html> (accessed: 17.09.2017).

Izetbegović, A. *Islam između Istoka i Zapada*. Sarajevo: Svetlost, 1998, 347 p.

Izetbegović, A. *Islamska Deklaracija*. Sarajevo: Bosna, 1990, 125 p.

Izetbegović, A. *Sjećanja: Autobiografski zapis*. Sarajevo: TDK Šahinpašić, 2001, 503 p.

Juče u Republičkom Parlamentu u Sarajevu usvojen memorandum. Sudbina Republike u tri varijante. *Borba*, 16 Oktobar 1991.

- Ključić, S. *Izdaja Bosne*. Sarajevo: DTP Sarajevo, 2018, 453 p.
- Kolanović, N. Muslimanska inteligencija i islam u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. *Časopis za suvremenu povijest*, no. 36, 2004, p. 928.
- Koričić, A. "Mi nikada nećemo srušiti crkvu". *Armija Bosne i Hercegovine*. Sarajevo: NIPP "Liljan", 1977, 138 p.
- Kulenović, T. *Politički Islam*. Zagreb: V. B. Z., 2008, 208 p.
- Malcolm, N. *Bosnia: A Short History*. Papermack, Basingstoke & Oxford, 1996, 360 p.
- Mileusnić, S. *Duhovni genocid: pregled porušenih, oštećenih i obesvećenih crkava, manastira i drugih crkvenih objekata u ratu 1991–1995*. Belgrade: Muzej Srpske Pravoslavne Crkve, 1997, 237 p.
- Mustafić, I. *Planirani Haos*. Sarajevo: Udruženje građana Majke Srebrenice i Podrinja, 2008, 445 p.
- O'Shea, B. *Crisis at Bihac: Bosnia's Bloody Battlefield*. London: Sutton Publishing, 1998, 249 p.
- Owen, D. *Balkan Odyssey*. London: Indigo/Cassel, 1996, 389 p.
- Pandurević, V. *Srbi u Bosni i Hercegovini od deklaracije do konstitucije*. Beograd: Grafički atelje "M", 2012, 368 p.
- Pehar, D. *Alija Izetbegović i rat u Bosni i Hercegovini*. Mostar: HKD Napredak, 201, 211 p.
- Plavšić, B. *Svedočim*. Banja Luka, 2005, 347 p.
- Rose, M. *Fighting for Peace. Bosnia 1994*. London: The Harvill Press, 1988, 269 p.
- Schindler, J. R. *Unholy Terror. Bosnia, Al-Qa'ida, and the Rise of Global Jihad*. St. Paul: Zenith Press, 2007, 368 p.
- Srebrenica: Reality and Manipulation. *Collection of Works of International Scientific Conference in April 2019 in Banja Luka*. Banja Luka, 2019, 782 p.
- Stanovništvo prema nacionalnoj pripadosti i površina naselja: Popis 1991. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G1991/Pdf/G19914013.pdf> (accessed: 20.10.2020).
- Trhulj, S. *Mladi Muslimani*. Sarajevo: GIK OKO, 1995, 395 p.
- Tuđman, M. *Druga strana Rubikona. Politička strategija Aliji Izetbegovića*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2017, 443 p.
- Uloga starješina u stvaranju i odbrani Republike Srpske tokom odbrambebo-otađbinskog rata: *Zbornik radova*. Banja Luka: Organizacija Starješina Vojska Republike Srpske, 2018, 552 p.
- Wilcoxson, A. *Karadžić Cross-Examines Harland on Muslim Crimes in the UN Safe Areas and in Sarajevo*. URL: <http://www.slobodan-milosevic.org/news/kt051010.htm> (accessed: 17.01.2023).
- Wilcoxson, A. *Okun Says Radical Islamic Views Espoused by Izetbegovic and Cengic Shouldn't Have Been Taken Seriously*. 2010, May 20. URL: <http://www.slobodan-milosevic.org/news/kt042610.htm> (accessed: 12.07.2022).

Yugoslavia: Trends in Ethnic Nationalism. An Intelligence Assessment, CIA. Secret. September 1983. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/> (accessed: 07.07.2023).

Zmaj od Bosne, no. 51, 17.09.1993.

Zulfikarpašić, A., Gotovac, A., Tripalo, M., Banac, I. *Okovana Bosna*. Zürich: Bošnjački institut, 1995, 162 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.07

V. I. Bezruchenko

**“The Father of the Bosniak Nation”:
Personality and Politics of the President
of Bosnia and Herzegovina Alija Izetbegović**

Viktor I. Bezruchenko

Candidate of Political Science, independent researcher

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-8393-7315

Citation

Bezruchenko V. I. “The Father of the Bosniak Nation”: Personality and Politics of the President of Bosnia and Herzegovina Alija Izetbegović // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 133–170 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.07

Received: 02.06.2023.

Revised: 09.06.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article covers the personality and activities of the first President of independent Bosnia and Herzegovina Alija Izetbegović. The article is based on original Bosniak and Serb sources and English-language literature and aims to analyze the political views and values of A. Izetbegović, establish the basic facts related to his political and military activities. The author examines Izetbegović’s political career, his role in the pan-Islamist organization “Young Muslims”, and the formation of his political views. He examines and analyzes Izetbegović’s main works – “The Islamic Declaration” and “Islam between East and West” that belong to the trend of political Islam. The author also analyzes

Izetbegovic's political platform, the armed putsch in April 1992, and Izetbegovic's military and political activities during the 1992–1995 war in Bosnia and Herzegovina. Faced with inevitable social and political changes, Izetbegovic's regime was incapable to accept them and relied on conservative nationalist ideas. The ideology of Izetbegovic's Party of Democratic Action was based on political Islam and pursued the goal of building a unitary Islamic state. Izetbegović initiated the referendum for independence that led to a civil war. Izetbegovic regarded any demands of national autonomy for Serbs and Croats as "a partition of Bosnia and Herzegovina" and rejected all plans for a peaceful settlement that were offered by international mediators. The strategic objectives of A. Izetbegovic's regime were creation of an Islamic state, destruction the Republika Srpska, and expulsion of Serbs from the BiH territory.

Keywords

Bosnia and Herzegovina, Alija Izetbegović, Islam, party, Presidium, independence, war.

УДК 811.16

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

В. С. Ефимова

Старославянские несколькословные номинации *versus* КОМПОЗИТЫ*

Ефимова Валерия Сергеевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом
Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5921-8475

Цитирование

Ефимова В. С. Старославянские несколькословные номинации
versus композиты // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 171–190.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.

Рецензирование завершено 31.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья посвящена изучению лексического инвентаря старославянского языка. Автор исходит из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и из словосочетаний. Лексический инвентарь старославянского языка создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов (главным образом с византийского греческого). Хотя в основе старославянского языка лежала народная славянская речь того времени, большинство старославянских композитов

* Настоящая статья в значительной своей части опирается на доклад, представленный на международной научной конференции «Болгаристика. Славистика. Сравнительно-историческое языкознание», которая была проведена в Институте славяноведения РАН 15–16 ноября 2022 г. в память о выдающемся ученом Григории Куприяновиче Венедиктове – сотруднике Института и иностранном члене Болгарской академии наук. Хотя Г. К. Венедиктов известен прежде всего как болгарист, круг его научных интересов был довольно широк. Входил в этот круг и интерес к старославянской лексике, что выразилось, в частности, в согласии Г. К. Венедиктова взять на себя труд ответственного редактора монографии В. С. Ефимовой «Старославянская словообразовательная морфемика» (2006).

и несколькословных наименований создавалось самими славянскими книжниками. Многие из этих наименований появились в старославянском лексиконе в связи с необходимостью номинации понятий, связанных с христианством и «средневековой энциклопедичностью».

Базой для образования этих новых наименований служило поморфемное и фразеологическое калькирование греческих образцов, которое взаимодействовало с механизмами номинации в народной славянской речи. В статье показано, что старославянские номинации несколькословными наименованиями и композитами обнаруживают «сферы пересечения». Как полагает автор, эти «сферы пересечения» были обусловлены основной и наиболее трудной задачей, которую решали славянские книжники при переводе как греческого композита (или деривата от композита), так и греческого несколькословного наименования, – задачей передачи семантики знаменательных корней. Даже в пределах эпохи существования собственно старославянского языка (т. е. IX–XI вв.) встречаются варианты перевода одних и тех же греческих композитов как старославянскими несколькословными наименованиями, так и старославянскими композитами. Возникавшие в процессе словотворчества книжников окказионализмы в виде композитов и несколькословных наименований могли впоследствии закрепляться в узусе языка, но могли и оставаться гапаксами как в пределах определенного текста, так и в пределах всего корпуса старославянских текстов, который окончательно не закрыт и до сих пор мало изучен.

Ключевые слова

Старославянский язык, лексический инвентарь, композиты, несколькословные наименования, калькирование.

Номинации композитами и несколькословными наименованиями достаточно широко распространены как в старославянских текстах, так и в их греческих оригиналах. Однако если старославянские композиты давно изучаются палеославистами¹ и необходимость их фиксации,

¹ Например, в монографии Р. М. Цейтлин 1977 г., ставшей буквально «настойной книгой» любого палеослависта, сложным словам (в число которых включаются как собственно композиты, так и их дериваты) посвящена примерно треть объема: *Цейтлин Р. М. Лексика*

в том числе фиксации в словарях окказионализмов, никем не оспаривается, на несколькословные номинации внимание обратили относительно недавно. Основания для идентификации старославянских словосочетаний в качестве несколькословных наименований, подлежащих фиксации в словарях, были рассмотрены в работах В. С. Ефимовой и В. Желязковой. Авторы этих работ исходили из представления о лексическом фонде языка как состоящем не только из слов, но и из словосочетаний – представления, восходящего к идеям Ш. Балли, высказанным более ста лет тому назад². Учитывая специфику старославянского языка, авторы этих работ пришли к выводу, что для идентификации в старославянских текстах несколькословных наименований в качестве лексических единиц можно полагаться только на единственный критерий – функцию номинации лингвистического концепта³. Т. е. несколькословное наименование-обозначение в качестве лексической единицы должно номинировать один-единственный лингвистический концепт⁴.

старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. С. 186–284.

2 Уже в труде «*Traité de stylistique française*», изданном впервые в 1909 г., Ш. Балли предложил вполне разработанную концепцию учета словосочетаний в качестве лексических единиц и их классификацию: *Bally Ch. Traité de stylistique française*. 2-е ed. Heidelberg, 1921. Т. 1. P. 66–87. Противопоставление несколькословных наименований, являющихся лексическими единицами-обозначениями и требующих фиксации в словарях, единицам-описаниям (аналитическим дескрипциям) было сформулировано в статье Е. С. Кубряковой: *Кубрякова Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 2000. S. 24–31.

3 Поскольку при анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, лингвистические концепты более традиционно можно было бы рассматривать как «стоящие за словами понятия», см.: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы*. М., 2005. С. 43–62.

4 *Ефимова В. С., Желязкова В. Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // Palaeobulgarica*. 38. 2014. № 3. С. 33–48; *Ефимова В. С. К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах*. 2015. № 3–4. С. 352–367; *Ефимова В. С. О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Палеославистика*. М., 2017. С. 60–80 (Славянское и балканское языкознание, [вып. 16]).

В настоящей статье мы постараемся показать, что старославянские номинации несколькословными наименованиями и композитами оказываются тесно связанными, обнаруживая «сферы пересечения». Из народной славянской речи того времени в старославянский лексикон⁵ попало лишь небольшое количество композитов, еще меньше, видимо, несколькословных наименований. Обычно называются не имеющие греческих аналогов композиты *соухоржкъ*, *маломощь*, *воднось*, *лѣторасль* и некоторые другие⁶. Имеются в старославянском лексиконе и несколькословные наименования, не обнаруживающие греческого влияния на их структуру: *паралѣтѣкъ*⁷ (Мт 9:2 и Мк 2:3) – *ослакленъ*(ъин) *жилами*; *ѣлаон* – *масло дрѣвѣнѣю* (Супр 291,7) и некоторые другие, очень немногочисленные, но свидетельствующие о том, что способ номинации несколькословными наименованиями не был чужд народной славянской речи. Однако и большинство старославянских несколькословных наименований, и большинство старославянских композитов создавалось самими

⁵ Под понятием «старославянский лексикон» мы имеем в виду лексический инвентарь собственно старославянского языка, существовавшего во второй половине IX – начале XI в. В вопросе периодизации древнеславянского языка придерживаемся концепции акад. Н. И. Толстого, считавшего старославянский язык его начальным этапом, см.: *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 34–52.

⁶ Среди композитов, заимствованных в старославянский лексикон из народной славянской речи, имеются как экзоцентрические, так и эндоцентрические; образованы они в большинстве случаев по двум базовым структурным моделям – [основа-основа] или [основа-слово]. Подробнее см.: *Ефимова В. С.* О моделях старославянских композитов [On the Models of Old Church Slavonic Compounds] // *Palaeobulgarica*. 44. 2020. № 1. С. 72–73.

⁷ Греческий текст здесь и далее приводится по изданиям: *Robinson M. A., Pierpont W.* The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform. Southborough, 2005; *Заимов Ё., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2; *Frček J.* Euchologium Sinaiticum // *Patrologia orientalis*. Vol. XXIV–XXV. Paris, 1933, 1939; Старобългарският превод на Стария завет. София, 2003. Т. 2; *Sadnik L.* Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / *Monumenta linguae slavicae*. Vol. V. Wiesbaden, 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br, 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br, 1983; *Aitzetmüller R.* Das Hexaemeron des Exarchen Joannes // *Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti*. Vol. I–VI. Graz, 1958–1971; Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София, 2015. Т. 3: Гръцки извори.

славянскими книжниками. «Источником вдохновения» для них служили композиты и несколькословные наименования в языке греческих оригиналов. В работах В. С. Ефимовой было показано, что в процессе создания композитов «поморфемное калькирование» заключалось для славянских книжников главным образом в переводе знаменательных корней (как правило, двух) греческого композита, при этом в аспекте словообразования книжники опирались на модели сложений, уже существовавшие в славянской народной речи того времени⁸. Исследование словосложения в праславянском языке недавно было опубликовано С. М. Толстой. Развивая идеи Э. Бенвениста об именном сложении как о «микро-синтаксисе» (*microsyntax*), С. М. Толстая рассматривает праславянское сложение в качестве динамической модели, «превращающей свободное словосочетание в единую лексическую единицу с сохранением синтаксических и семантических отношений между компонентами»⁹. Специфика творчества славянских книжников при создании старославянского лексического инвентаря подразумевала, однако, также и другие процессы, и образование композитов и несколькословных наименований в старославянском языке нужно исследовать, видимо, имея в виду взаимодействие механизмов номинации в народной славянской речи того времени и калькирования греческих образцов.

На процессы номинации композитами и несколькословными наименованиями и, соответственно, процессы образования композитов и несколькословных наименований под влиянием греческих образцов следует посмотреть в их совокупности, как на словосложение (*compounding*) в широком смысле слова. Уже В. Ягичем в исследовании конца XIX в. была указана возможность передачи греческих композитов славянскими словосочетаниями¹⁰. Практику передачи греческих ком-

8 Ефимова В. С. О моделях... От сложения в славянской народной речи того времени старославянское образование композитов отличала суффиксация, которая использовалась шире, чем в народной речи, и шире, чем в греческом сложении, см.: Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации при калькировании греческих композитов // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика-3. Международная коллективная монография. М., 2020. С. 93–118.

9 Толстая С. М. К проблеме сложных слов в праславянском // Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages. Praha, 2021. S. 74–78.

10 Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 538–542.

позитов старославянскими словосочетаниями, как и, наоборот, передачи греческих словосочетаний старославянскими композитами (что наблюдается все же реже. – В. Е.) отмечала и Р. М. Цейтлин¹¹. Эти «сферы пересечения» обусловлены прежде всего, как кажется, основной и наиболее трудной задачей, которую решали славянские книжники при переводе как греческого композита (или деривата от композита), так и греческого несколькословного наименования, – передачи семантики (*le sens général*) знаменательных корней (как правило, двух). Оказывались ли эти знаменательные корни в составе композита или в составе отдельно оформленных слов несколькословного наименования – это обуславливало, конечно, выбор композита или несколькословного наименования в старославянском переводе, но на этот выбор влияли и другие факторы, о которых речь пойдет ниже.

В ряде случаев очевидно, что для славянских книжников был затруднен поиск способа номинирования славянскими средствами лингвистического концепта греческого композита. Так, для греческого композита ἀρχέκακος, образованного по модели [основа-слово] и номинирующего лингвистический концепт «источник зла»¹², «Греческо-старославянский индекс» указывает три варианта передачи несколькословными наименованиями: зълъгъи научальникъ и старъгъи зълъдъки в Синайском евхологии, а также прѣвѣгъи зълъгъ в Супрасльской рукописи¹³. В греческом оригинале Синайского евхология композит ἀρχέκακος употреблен в качестве субстантива, в оригинале Жития Якова-черноризца, перевод которого имеется в Супрасльской рукописи, ἀρχέκακος можно трактовать и как адъектив¹⁴, и как субстантив-приложение, но во всех случаях оказалось возможным для книжников перевести греческий композит только именованным словосочетанием, т. е. компоненты композита передать в старославянском переводе цельнооформленными словами в несколькословном наименовании:

11 Цейтлин Р. М. Лексика... С. 187–188.

12 Словарь Лампе дает следующие значения для ἀρχέκακος: «*beginning mischief, originating evil... as subst., author of evil*» (Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 233).

13 Řecko-staroslověnský index. Praha, 2013. T. I. Fask. 7. S. 426.

14 Авторами «Пражского старославянского словаря» ἀρχέκακος в этом примере был понят, видимо, как адъектив, так как они трактуют в этом примере зълъгъ как адъектив, см.: Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958. T. I. S. 689.

Ἐξορκίζω σε, τὸν ἀρχέκακον τῆς βλασφημίας, τὸν ἀγχηγὸν τῆς ἀνταρσίας καὶ αὐτοουργὸν τῆς πονηρίας – заклинаѣ тѣ . з҃ьлѣы науѣльнныѣ [AN]¹⁵ хоульнѣын . науѣльнныѣ ѿтрѣженѣы ѿ самоуѣльнныѣ лжкѣвѣы. Евх 51b25; τὸν δὲ ἀρχέκακον καὶ βύθιον δράκοντα θεοσόφῳ δελεάσματι ἀγκιστρεύσας – старѣаго з҃ьлоуѣѣа [AN] ѿ глажвинѣнаго змиѣѣ бѣгомаждрѣымъ х҃ѣдожжествомъ оуловѣъ ... Евх 63b10; Ἄλλ’ οὔτε τοῦτῳ ἠρκέσθη τῷ μίσει ὁ ἀρχέκακος διάβολος· – нь ни тѣмъ доувѣлньнъ вѣы . оскверѣнениимъ врагѣъ . и прѣвѣымъ з҃ьлѣъ [AN] сотона Супр 522,1 (Житие Якова Черноризца).

Как видим, во всех случаях славянские книжники постарались передать семантику обоих знаменательных корней. Изначальную семантику корня ἀρχ- первого компонента ἀρχе- греческого композита принято определять как ‘начинание’ (ср. ἄρχω ‘marcer le premier, faire le premier, prendre l’initiative de, commercer’), но также и ‘первенствование, командование’ (ср. ἀρχός ‘chef’)¹⁶. В Евх 51b25 места компонентов в номинациях поменялись, и семантика корня ἀρχ-, причем в совокупности ‘начинание’ и ‘первенствование, командование’, «ушла» во второй компонент-субстантив науѣльникѣъ несколькословного наименования з҃ьлѣын науѣльникѣъ; в Евх 63b10 семантика корня ἀρχ- передана адъективом старѣын как первым компонентом несколькословного наименования, причем была понята как ‘первенствование, командование’ (ср. одно из значений прил. старѣын ‘первый, главный’, subst. ‘руководитель, начальник’¹⁷); в Супр 522,1 семантика корня ἀρχ- передана адъективом прѣвѣымъ как первым компонентом несколькословного наименования, причем также была понята как ‘первенствование, командование’ (ср. одно из значений прил. старѣын ‘первый, главный’¹⁸). Соответственно, семантика «зла» корня как- второго компонента -каκος греческого композита в Евх 51b25 «ушла» в первый компонент несколькословного наименования – прил. з҃ьлѣын; в Супр 522,1 семантика «зла» осталась во втором компоненте, но представленном уже в виде цельноформленного сущ. з҃ьлѣъ ‘злодей’ (которое, однако, может быть понято и как прилагательное – см. выше); в Евх 63b10 семантика «зла» также осталась во втором компоненте, но субстантивность второго

15 В формулах используем обычные обозначения: А – адъектив, N – имя.

16 *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris, 1968. Т. I. P. 119–121.

17 *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1983. Т. IV. S. 159.

18 *Slovník jazyka staroslověnského...* Т. III. S. 400.

компонента была выражена определенно: компонент -дѣи композита зълодѣи не оставляет в этом сомнений.

Передача греческих композитов несколькословными наименованиями была достаточно распространенным приемом в «творческом арсенале» славянских книжников. Согласно подсчетам болгарской исследовательницы Татьяны Илиевой, в тексте Богословия Иоанна Экзарха словосочетаниями переведены 53 греческих композита¹⁹. В подавляющем большинстве указанных Илиевой случаев, как и в проанализированных выше, передача композитов представляет собой особый вид поморфемного калькирования, при котором компоненты композита (основы и слова-компоненты) передаются цельнооформленными словами несколькословного наименования. Например:

θεόπνευστος – во҃гомь доуховьнѣ (ср. πνευστός ‘breathed’²⁰);
 δευτερονόμιον – вѣторый законѣ;
 κυκλοφορικός – кр҃жгомь носимѣ (ср. φορικός ~ φόρος);
 πρωτομάρτυς – прѣввыи м҃ч҃еникѣ
 и др.

Встречаются, однако, и примеры передачи греческих композитов скорее «по смыслу», когда поморфемное калькирование не является точным. Ср.:

εὐκίνητος – скорѣ гр҃ддыи, где компонент εὐ- очень приблизительно передан наречием скорѣ, а второй компонент, adj. verb. κίνητος (букв. «могущий двигаться»), – причастием гр҃ддыи;
 или:

κωνοειδής – такѣ и влюдо, где первый компонент κων- композита κωνοειδής (букв. «конусовидный»), представляющий собой основу сущ. κῶνος ‘конус’, передан вторым компонентом несколькословного наименования влюдо, а второй компонент греческого композита, суффиксоид -ειδής (от сущ. εἶδος ‘вид, образ’), передан сочетанием такѣ и.

Как видим, в поморфемном калькировании греческих композитов, дающих результат в виде старославянского композита,

¹⁹ Илиева Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на «De Fide Orthodoxa». София, 2013. С. 134.

²⁰ Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon... P. 1106.

и в поморфемном калькировании греческих композитов, дающих результат в виде старославянского несколькословного наименования, сходства больше, чем различий, поскольку основной задачей для славянского книжника в обоих случаях была передача семантики двух знаменательных корней. Неудивительно поэтому, что даже в пределах эпохи существования собственно старославянского языка (т. е. IX–XI вв.) встречаются варианты перевода одних и тех же греческих композитов как старославянскими несколькословными наименованиями, так и старославянскими композитами. Например, в евангельском переводе композит *ψευδοπροφήτης* передан несколькословным наименованием, а в Толкованиях на книгу пророка Иезекииля, переведенных несколько позже, но все же в пределах эпохи существования собственно старославянского языка, – композитом. Ср.:

Мт 7:15: Προσέχετε δὲ ἀπὸ τῶν ψευδοπροφητῶν, οἵτινες ἔρχονται πρὸς ὑμᾶς ἐν ἐνδύμασιν προβάτων

– вънмѣѣте отъ лъжнихъ пророкъ . ꙗже приходѣтъ къ вамъ въ одеждѣ овъчѣхъ . Зогр, Мар, Ас;

ТК на Иез 1:3: Πολλοὶ κατὰ τῶν καιρῶν τοῦτου ψευδοπροφήται τοῖς προφήταις ἀντέλεγον

– мнози во въ то врѣмѣ лъжепрѣци съпротивѣ глаголахъ . Ф. I.461.

Несомненно, книжники искали лучший вариант передачи греческих композитов, не отвергая возможности их перевода как композитом, так и несколькословным наименованием. Так, например, в пределах Супрасльской рукописи находим передачу композита *φιλοπτωχία* как несколькословным наименованием, так и композитом. Ср.:

Ποῖος καιρός; ὁ τῆς φιλοπτωχίας φωτισμός.

– кою врѣмѣ ништинихъ прилюбяенна свѣтълюсть . Супр 356,9 (Слово Иоанна Златоуста о посте);

Οὕτως δὲ ἐτέλει πάντα τὸν χρόνον τῆς ζωῆς αὐτοῦ... τὴν φιλοζενίαν ἐκτελῶν, τὴν φιλοπτωχίαν ὑπερασπιζόμενος ...

– тако же твѣрѣаше всѣа лѣта житиѣ своего... лювостраньниѣ твѣрдѣ . ништелюбие застѣпѣа . Супр 207,18–19 (Житие Исакия).

Довольно большое количество именных словосочетаний, представляющих собой несколькословные наименования, оказалось также в старославянском лексиконе в результате фразеологического калькирования. Старославянское фразеологическое калькирование, в отличие

от поморфемного и семантического, до сих пор остается совершенно неизученным. Определение старославянских фразеологических калек имеется в монографии Нандора Молнара 1985 г., пользующейся и в наши дни авторитетом у палеославистов: «For reproducing foreign word groups and phrases by means of loan translation some word groups and phrases may be established in the adopting language as well. Betz presents them as “Lehnwendungen”, the English and French authors know as “phraseological loan translations”, “calques phraséologiques”. These solutions are well-applicable in English as *phraseological calques*» (курсив Молнара)²¹. С несколькословными наименованиями, являющимися результатом поморфемного калькирования композитов, сопоставимы несколькословные наименования, являющиеся результатом фразеологического калькирования именных словосочетаний. Многие из них, как и результаты поморфемного калькирования композитов, появились в старославянском лексиконе в связи с необходимостью номинации понятий, связанных с христианством и «средневековой энциклопедичностью». Особенно эти номинации характерны для переводов – в силу довольно разнообразного содержания последних – несколько более поздних, чем перевод Евангелия и Псалтыри. Эти переводы сохранились главным образом в более поздних списках, но восходят к старославянским протографам²². Например:

βασιλεία τῶν οὐρανῶν – цѣсарьство/цѣсарьствѣнѣ невьскъноуе/невьскъскоуе (цѣство невьскъноуе Мт 5:3 Ас; цѣствѣнѣ невьское Мт 5:3 Сав; цѣсо невьское Мт 5:3 Зоґр; εἰς βασιλείαν τῶν οὐρανῶν – цѣствѣнѣ невьскъноуе Изб 1073, 36с7; τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν – цѣствѣнѣ невьскъноуе Изб 1073, 44b17–18 и др.);

21 Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985. P. 66.

22 Старославянские тексты сохранились, как известно, в рукописях «старославянского канона» конца X – начала XI в. (отстоящих, кстати, от времени перевода в некоторых случаях более чем на столетие), однако бо́льшая часть старославянских текстов сохранилась в более или менее поздних списках. Принципы использования лексики списков со старославянских протографов для получения адекватного представления о лексическом инвентаре старославянского языка были предложены в нашей статье более двух десятилетий тому назад: Ефимова В. С. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 462–470.

τὰ ἅγια (τῶν) ἁγίων – свѣтаѣ свѣтъѣицѣхъ/свѣтъѣиинѣхъ (свѣтаѣ свѣтъѣицѣхъ Супр 418,14; сѣѣѣ сѣтъѣхъ Клоц 7а22; сѣѣѣ сѣтъѣицѣхъ Евр 9:13 Христ, Охр, Слепч, Струм, Шиш; сѣѣѣ сѣтъѣиинѣхъ Изб 1073 49d29 и др.);
 ἡ ἁγία τριάς – свѣтаѣ трѣица (ἡ ἁγία τριάς – сѣѣѣ трѣица Бог 245а4; εἰς τὴν ἁγίαν τριάδα – въ сѣтъѣю трѣицю Бог 244b8; τῆς ἁγίας τριάδος – сѣтъѣиѣ трѣица Бог 244b10);
 μικρὸς κόσμος – мала о҃тварь (‘человек’) Бог 182а4–5;
 ἡ ἀνθρωπίνη φύσις – ѡловѣче ѡстѣство (ѡлѣче ѡстѣство Изб 1073 16d29–17а1) и др.

Греческая конструкция с Gen при этом часто заменялась «ославяненной» конструкцией с прилагательным:

τῶν ὑδάτων ἡ φύσις – водноѣ ѡстѣство (τῶν ὑδάτων ἡ φύσις – водноѣ ѡстѣство Шест 5d25–26; τῶν ὑδάτων τὴν φύσιν – водноѣ ѡстѣство Шест 6а7–8; τὴν τῶν ὑδάτων φύσιν – водноѣ ѡстѣство Бог 156b7–8 и др.);
 θεοῦ λόγος – бж҃ие слово (θεοῦ λόγος – бж҃ие слово Бог 237b8) и др.

О том, что подобные несколькословные наименования – фразеологические кальки были еще «не устоявшимися», не закрепившимися в узусе старославянского языка, свидетельствует как морфологическое варьирование в некоторых случаях, так и следование в большинстве случаев порядку слов греческого образца. Ср., например:

(τὸ) πνεῦμα ἀκάθαρτον – до҃хъ нечѣстѣи (πνευμάτων ἀκαθάρτων – на до҃хѣхъ нечѣстѣицѣхъ Мт 10:1 Зогр, Мар, Ас, Сав),
но τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα – нечѣстѣи дѣхъ Изб 1073, 37b2;
 ὁ λόγος τοῦ θεοῦ – слово бж҃ие Изб 1073, 7с24; слово бж҃ие Бог 225а9–225b1 и др.,
но ὁ θεός λόγος – бж҃ие слово (τὸν θεὸν λόγον – бж҃ие слово Изб 1073, 12d26; Изб 1073, 23с2; Изб 1073, 24d15–16);
 θεοῦ δύναμις – бж҃иѣ сила (бж҃иѣ сила Бог 252а1; τῇ τοῦ θεοῦ δυνάμει – бж҃иѣю силою Бог 250b5; διὰ τῆς τοῦ θεοῦ δυνάμεως – бж҃иѣю силою Бог 252b3 и др.),
но δύναμις θεοῦ – сила бж҃иѣ (δύναμις θεοῦ – сила бж҃иѣ Бог 249а3).

Вместе с тем уже появляются признаки усвоения книжниками определенных конструкций, что выражается в употреблении их

без поддержки конструкции в греческом оригинале, т. е. начинается процесс закрепления этих конструкций в узусе языка. Ср.:

ἡ ὀρθὸς πίστις – правава в'ѣра (ὀρθῆ πίστει – прав'ѣ в'ѣр'ѣ Супр 281,15; διὰ τῆς ὀρθῆς πίστεως – правож в'ѣрож Изб 1073, 27с3 и др.),

ἡ ὀρθόδοξος πίστις – правава в'ѣра (εἰς τὴν ὀρθόδοξον πίστιν – о прав'ѣки в'ѣр'ѣ Супр 198,6–7; τῇ ὀρθοδόξῳ πίστει – о... прав'ѣки в'ѣр'ѣ Изб 1073, 24b24 и др.).

Или:

вожнѣ слово – τὸν λόγον τοῦ θεοῦ Изб 1073 34b21 (т. е. в сравнении с греческой конструкцией старославянская имеет обратный порядок слов и прилагательное вместо Gen существительного).

Иногда (впрочем, довольно редко) между компонентами нескольких наименований наблюдается употребление вставных элементов – как в греческом оригинале, так и в старославянском переводе. Например:

Δύναμις δὲ θεοῦ – сила же вожина Бог 252a5.

С другой стороны, в старославянских текстах встречается передача греческих несколькословных наименований композитами. Так, например, ἡ ὀρθόδοξος πίστις переводится не только как правава в'ѣра, но и как правов'ѣриѣ:

ὕπερ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως – за правов'ѣриѣ Супр 302,6.

Впрочем, в этом случае композит правов'ѣриѣ мог образоваться не путем калькирования греческого наименования, а от уже успешно закрепиться в узусе языка несколькословного наименования правава в'ѣра (ср. образованные от несколькословного наименования прил. правов'ѣрин'ѣти в Изб 1073, 27b23–24, 194d16–17 и др., прич. правов'ѣроу'ѣли в Изб 1073, 33b4 и др.). Однако в таких случаях, как при передаче греч. διττὸς τόκος (διττὸς 'двойной', τόκος 'рождение') композитом соуґоуґвородьство, приходится говорить об особом виде калькирования, когда целью оформленные слова-компоненты греческого наименования передаются морфемами композита²³. Ср.:

23 В данном случае композит соуґоуґвородьство образован по модели [основа-слово].

καὶ ἄκουε ῥῆτῶς διττοῦ τόκου τὰ πράγματα

– и слыша въ рѣчи . сѣугубородѣствоу вышти . Супр 451,16–17 (Слово Епифания на Погребение Христова).

Как следует квалифицировать эту «палитру» старославянских сложных номинаций в виде композитов и несколькословных наименований, явно объединенных сходностью приемов в калькировании греческих образцов? Лингвистическая литература последних десятилетий демонстрирует немалый интерес лингвистов к композитам и несколькословным номинациям в современных европейских языках. Исследователи, работающие в рамках грамматики конструкций, и «близкие к ним по духу» склонны рассматривать словосложение (*compounding* в широком смысле слова) как «серую зону» между морфологией и синтаксисом²⁴. Вместе с тем предлагается различать две категории композитов (*compounds*) – однословные композиты (*morphological compounds*) и «фразовые» композиты (*phrasal compounds*), причем идентификацию последних в качестве композитов обычно стараются формализовать путем тестирования именных словосочетаний на определенные свойства (невозможность изменения порядка слов, невозможность вставить какой-либо элемент между компонентами, невозможность дать определение к неглавному (*non-head*) компоненту и т. д.)²⁵. В частности, в отношении современного греческого языка была выдвинута идея существования некоего континуума между морфологией и синтаксисом, где к однословным композитам (*one-word compounds*) наиболее близки свободные несколькословные композиты (*loose multi-word compounds*), наиболее далеки от них именные фразы (*noun phrases*), а между свободными несколькословными композитами и именными фразами находятся именные конструкции (*noun constructs*)²⁶.

Полагаем, что квалификация языковых явлений в сфере словосложения (в широком смысле) зависит от конкретного языка и его

24 Booij G. Construction Morphology. Oxford, 2010. P. 169–192; Masini F. Phrasal Lexemes, Compounds and Phrases: A Constructionist Perspective // Word Structure. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 254–271; Ralli A. Compounding in Modern Greek. Dordrecht; Heidelberg; New York; London, 2012. P. 243–270; Complex lexical units: Compounds and multi-word expressions. Berlin; Boston, 2019; и др.

25 См., например: Ralli A. Compounding... P. 246–252.

26 Koliopoulou M. Loose Multi-word Compounds and Noun Constructs // Patras Working Papers in Linguistics. 2009. Vol. 1. Special Issue: Morphology. P. 69–70; Ralli A. Compounding... P. 261–262.

языковых особенностей. Специфика старославянского языка обусловлена его особым типом – типом средневекового литературного языка. Его лексический инвентарь создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов (главным образом с византийского греческого). Хотя основа первого литературного славянского языка заимствовалась книжниками из народной славянской речи того времени, довольно большое количество лексики создавалось самими книжниками. Самими славянскими книжниками создавалось и подавляющее большинство старославянских композитов и несколькословных наименований. В процессе создания этих новых наименований поморфемное и фразеологическое калькирование греческих образцов в з а и м о д е й с т в о в а л о с механизмами номинации в народной славянской речи того времени и переводческими установками²⁷. Возникавшие в процессе такого словотворчества книжников окказионализмы в виде композитов и несколькословных наименований могли впоследствии закрепляться в узусе языка, но могли и оставаться гапаксами как в пределах определенного текста (отраженного в одной или нескольких рукописях), так и в пределах всего корпуса старославянских текстов, который окончательно не закрыт (так как включение в него списков со старославянских протографов необходимо) и до сих пор очень мало изучен. Современные старославянские словари последовательно фиксируют однословные композиты (*morphological compounds*), но очень непоследовательно фиксируют словосочетания²⁸, не говоря уже о том, что круг обработанных для них рукописей очень ограничен и большая часть старославянских текстов, восходящих к старославянским протографам, но сохранившаяся в более поздних рукописях, осталась вне зоны этой обработки. Даже пражский «Slovník jazyka staroslověnského» содержит информацию лишь по очень немногим из таких рукописей. Это обстоятельство создает, конечно, немалые трудности для исследователя по сбору и классификации материала, однако без изучения старославянских лексических единиц в виде композитов и несколькословных наименований наши представления о механизмах номинации в старославянском языке не могут быть адекватными.

27 В частности, как уже было отмечено в примечании 8, в старославянском образовании композитов особую роль играла суффиксация, см.: Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации...

28 Slovník jazyka staroslověnského...; Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. Несколько лучше фиксирует словосочетания софийский словарь: Старобългарски речник. София, 1999. Т. 1; 2009. Т. 2.

Сокращения названий рукописей

- Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Бог – Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/XIII вв.
Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Изб 1073 – Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.
Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Мар – Маринское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Охр – Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
Слепч – Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.
Струм – Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
Христ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.
Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.
Шиш – Шишатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

Источники и литература

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 509 с.

Ефимова В. С. К определению статуса несколькословных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 352–367.

Ефимова В. С. О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Палеославистика. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2017. С. 60–80 (Славянское и балканское языкознание, [вып. 16]).

Ефимова В. С. О моделях старославянских композитов = On the Models of Old Church Slavonic Compounds // *Palaeobulgarica*. 44. 2020. № 1. С. 71–86.

Ефимова В. С. О роли старославянской суффиксации при калькировании греческих композитов // Палеославистика-3. Международная коллективная монография / отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2020. С. 93–118 (Славянское и балканское языкознание, вып. 20).

Ефимова В. С. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М.: Индрик, 2002. С. 462–470.

Ефимова В. С., Желязкова В. Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 38. 2014. № 3. С. 33–48.

Заимов Й., Капалдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София: Издателство БАН, 1982–1983. Т. 1–2.

Илиева Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзарховия превод на «De Fide Orthodoxa». София: Печатница Славейков, 2013. 406 с.

Кубрякова Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. S. 24–31.

Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София: Изд-во БАН «Проф. Марин Дринов», 2015. Т. 3: Гръцки извори. 1243 с.

Старобългарски речник / отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Изд-во «Валентин Траянов», 1999. Т. 1. 1028 с.; 2009. Т. 2. 1326 с.

Старобългарският превод на Стария завет / под ред. С. Николова. София: Изд-во «АСИ»; Панчо Цекин, 2003. Т. 2. 456 с.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Наука, 1994. 843 с.

Толстая С. М. К проблеме сложных слов в праславянском // *Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages* / ed. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Voček (*Studia etymologica Brunensia*, 25). Praha: NLN, 2021. S. 73–94.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 237 с.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977. 336 с.

Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Joannes // *Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti*. Graz: Akademische Druck - u. Verlagsanstalt, 1958–1971. Vol. I–VI.

Bally Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921. Т. 1. 331 p.

Booij G. *Construction Morphology*. Oxford: Oxford Un-ty Press, 2010. 302 p.

Chantraine P. *Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Paris: Éditions Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1977. Т. I–IV.

Complex lexical units: Compounds and multi-word expressions / ed. B. Schlücker. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019. 363 p.

Frček J. *Euchologium Sinaiticum* // *Patrologia orientalis*. Vol. XXIV–XXV. Paris, 1933, 1939.

- Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898, 1899. Bd. 20. S. 516–556; Bd. 21. S. 28–43.
- Koliopoulou M. Loose Multi-word Compounds and Noun Constructs // Patras Working Papers in Linguistics. 2009. Vol. 1. Special Issue: Morphology. P. 59–71.
- Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1568 p.
- Masini F. Phrasal Lexemes, Compounds and Phrases: A Constructionist Perspective // Word Structure. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 254–271.
- Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien: Böhlau, 1985. 347 p.
- Ralli A. Compounding in Modern Greek. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer Science, 2012. 302 p.
- Robinson M. A., Pierpont W. G. The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass.: Chilton Book Publ., 2005. 587 p.
- Řecko-staroslověnský index. T. I. Fask. 7. Praha: Euroslavica, 2013. S. 393–456.
- Sadnik L. Des Hl. Johannes von Damaskus "Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes // Monumenta linguae slavicae. Vol. V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Publ., 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1983.
- Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958–1997. T. I–IV.

References

- Aitzetmüller, R. "Das Hexaemeron des Exarchen Joannes." *Editiones monumentorum slavicae veteris dialecti*. Vol. I–VI. Graz: Akademische Druck – u. Verlagsanstalt, 1958–1971.
- Bally, Ch. *Traité de stylistique française*. 2-e ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921, vol. 1, 331 p.
- Booij, G. *Construction Morphology*. Oxford: Oxford Un-ty Press, 2010, 302 p.
- Chantraine, P. *Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. T. I–IV. Paris: Éditions Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1977.
- Complex lexical units: Compounds and multi-word expressions*, ed. by B. Schlücker. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019, 363 p.
- Efimova, V. S. "K opredeleniiu statusa neskol'koslovnykh naimenovanií lits v staroslavianskikh tekstakh." *Slavianskii al'manakh*, 2015, no 3–4, pp. 352–367.
- Efimova, V. S. "O granitse mezhdú staroslavianskimi leksicheskimi edinitami i slovosochetaniiami." *Paleoslavistika*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia, 2017, pp. 60–80 (Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie, [vyp. 16]).

Efimova, V. S. "O modeliakh staroslavianskikh kompozitov = On the Models of Old Church Slavonic Compounds." *Palaeobulgarica*. 44, 2020, no 1, pp. 71–86.

Efimova, V. S. "Problema rekonstruktsii leksicheskogo fonda staroslavianskogo iazyka." *Slavianskii al'manakh*, 2001. Moscow: Indrik, 2002, pp. 462–470.

Efimova, V. S. "O roli staroslavianskoi suffiksatsii pri kal'kirovanii grecheskikh kompozitov." *Paleoslavistika–3. Mezhdunarodnaia kollektivnaia monografiia*, ed. by V. S. Efimova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Polimedia, 2020, pp. 93–118 (Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie, vyp. 20).

Efimova, V. S., Zheliazkova V. "Neskol'koslovnnye nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh." *Palaeobulgarica*. 38, 2014, no 3, pp. 33–48.

Frček, J. "Euchologium Sinaiticum." *Patrologia orientalis*, vol. XXIV–XXV. Paris, 1933, 1939.

Ilijeva, T. *Terminologichnata leksika v Ioan-Jekzarkhoviiia prevod na "De Fide Orthodoxa" = Terminological Vocabulary in the Translation of "De Fide Orthodoxa" by John Exarch*. Sofia: Pechatnitsa Slaveikov Publ., 2013, 406 p.

Jagić, V. "Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten." *Archiv für slavische Philologie*. Berlin, 1898, 1899. Bd. 20. S. 516–556; Bd. 21. S. 28–43.

Koliopoulou, M. "Loose Multi-word Compounds and Noun Constructs." *Patras Working Papers in Linguistics. Vol. 1. Special Issue: Morphology*. 2009. P. 59–71.

Kubriakova, E. S. "O raznostrukturnykh edinitsakh nominatsii i meste proizvodnogo slova sredi etikh edinits." *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000, pp. 24–31.

Lampe, G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1961, 1568 p.

Masini, F. "Phrasal Lexemes, Compounds and Phrases: A Constructionist Perspective." *Word Structure*, 2009, vol. 2, no 2, pp. 254–271.

Molnár, N. *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices*. Köln; Wien: Böhlau, 1985, 347 p.

Ralli, A. *Compounding in Modern Greek*. Dordrecht; Heidelberg; New York; London: Springer Science, 2012, 302 p.

Řecko-staroslověnský index. T. I. Fask. 7. Praha: Euroslavica, 2013, pp. 393–456.

Robinson, M. A., Pierpont, W. G. *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass.: Chilton Book Publ., 2005, 587 p.

Sadnik, L. "Des Hl. Johannes von Damaskus "Εκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes." *Monumenta linguae slavicae*. Vol. V. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Publ., 1967; Vol. XIV. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1981; Vol. XVI. Freiburg i. Br.: U.W. Weiher Publ., 1983.

Simeonov sbornik (po Svetoslavoviia prepis ot 1073). T. 3: Gratski izvori. Sofia: Izd-vo BAN “Prof. Marin Drinov”, 2015, 1243 p.

Slovník jazyka staroslověnského. Vols. I–IV. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958–1997.

Starobalgarski rechnik, ed. by D. Ivanova-Mircheva. Vol. 1. Sofia: Izd-vo “Valentin Traianov”, 1999, 1028 p.; Vol. 2. Sofia: Izd-vo “Valentin Traianov”, 2009, 1326 p.

Starobalgarskiiat prevod na Staria zavet, ed. by S. Nikolova. Vol. 2. Sofia: Izd-vo “ASI” – Pancho Tsekin, 2003, 456 p.

Staroslavianskii slovar’ (po rukopisiam X–XI vekov), ed. by R. M. Tseitlin, R. Vecherki, E. Blagovoi. Moscow: Nauka, 1994, 843 p.

Tolstaia, S. M. “K probleme slozhnykh slov v praslavianskom.” *Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages*, ed. by I. Janyškova, H. Karlikova, V. Boček. Praha: NLN, 2021, pp. 73–94 (Studia etymologica Brunensia, 25).

Tolstoi, N. I. *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov.* Moscow: Nauka, 1988, 237 p.

Tseitlin, R. M. *Leksika staroslavianskogo iazyka. Opyt analiza motivirovannykh slov po dannym drevnebolgarskikh rukopisei X–XI vv.* Moscow: Nauka, 1977, 336 p.

Vereshchagin, Je. M., Kostomarov, V. G. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy.* Moscow: Indrik, 2005, 509 p.

Zaimov, I., Kapaldo, M. *Suprasalski ili Retkov sbornik.* Vols. 1–2. Sofia: Izd-vo BAN, 1982–1983.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

V. S. Efimova

Old Church Slavonic Multi-Word Nominations versus Compounds

Valeriya S. Efimova

Doctor of Letters, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5921-8475

Citation

Efimova V. S. Old Church Slavonic Multi-Word Nominations versus Compounds // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 171–190 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.08

Received: 03.04.2023.

Revised: 31.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article is devoted to the study of the lexical inventory of the Old Church Slavonic language. The author proceeds from the idea of the lexical fund of the language as consisting not only of words but also phrases. The lexical inventory of the Old Church Slavonic language was created by the elite circle of literati in the process of translation (mainly from Byzantine Greek). Although the Old Church Slavonic language was based on the folk Slavic speech of the time, most of the Old Church Slavonic compounds and multi-word names were created by Slavic bookmen themselves. Many of these names appeared in the Old Church Slavonic lexicon due to the need to nominate concepts related to Christianity and “medieval encyclopedism”. The basis for the formation of these new names was the morphemic and phraseological calquing of Greek counterparts, which interacted with the mechanisms of nomination in the Slavic folk speech. The article demonstrates that the Old Church Slavonic nominations with multi-word names and compounds reveal “spheres of intersection”. As the author believes, these “spheres of intersection” were caused by the main and most difficult task that Slavic bookmen solved in translating both Greek compounds (or derivatives from compounds) and Greek multi-word names – the transfer of semantics of significant roots. Even within the epoch of the existence of the Old Church Slavonic language proper (i. e. 9th–11th centuries), there are variants of the translation of the same Greek compounds by both Old Church Slavonic multi-word names and Old Church Slavonic compounds. The occasionalisms that arose in the process of word-creation of bookmen in the form of compounds and multi-word names could subsequently be fixed in the usus of the language, but they could also remain hapax both within a certain text and within the entire corpus of Old Church Slavonic texts, which is not completely closed and has been studied extremely insufficiently.

Keywords

Old Church Slavonic language, lexical inventory, compounds, multi-word names, calquing.

К толкованию термина «хорикъ» в колофоне Добриановой минеи*

Ломаджистро Барбара

Доцент

Государственный Университет г. Бари им. Альдо Моро

via Garguba 6, 70121 Bari – Италия

E-mail: barbara.lomagistro@uniba.it

ORCID: 0000-0002-1250-5634

Цитирование

Ломаджистро Б. К толкованию термина «хорикъ» в колофоне Добриановой минеи // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 191–209.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.09

Статья поступила в редакцию 14.04.2023.

Рецензирование завершено 05.06.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассматривается «выходная запись» (колофон) Добриановой минеи. Как известно, рукопись приобрел В. И. Григорович в 1844 г. в Зографском монастыре, уже в виде фрагментов: утрачены были и начало, и несколько листов в середине. В настоящее время рукопись разделена на две части: одна (76 л.) хранится в ОГНБ (1/4 (17)), а другая (2 тетради) в БАН (24.4.12). Колофон находится на л. 92 (одесская часть рукописи), содержит формулу радости по поводу окончания работы, имя заказчика и имя писца Добриана, который называет себя *хорикъ*. Все эти элементы представляют собой редкость в южнославянской традиции XIII–XIV вв. Не вошедшему в словарь Миклошича слову *хорикъ* посвятил небольшую статью П. А. Лавров. По его мнению, слово происходит от греческого *χορικός* ‘крестьянский’, от которого происходит также и существительное со славянским суффиксом *-ин-* *хорянинъ*, которое употребляется в некоторых влахо-болгарских грамотах. На основе данных

* Доклад на международной научной конференции «Болгаристика. Славистика. Сравнительно-историческое языкознание: памяти Г. К. Венедиктова» (Институт славяноведения РАН, 15–16 ноября 2022 г.).

подобных формул в колофонах старейших и современных греческих рукописей в статье предпринята попытка выяснить значение слова *хорикъ* в связи с функцией колофона как в греческой, так и в (южно)славянской традиции.

Ключевые слова

Добрианова минея, выходная запись, колофон, писец, рукописная книга.

Имя писца Добриана известно благодаря выходной записи писца в конце рукописи Праздничной Минеи на март – август, хранящейся в Одессе в ОГНБ (ныне ОННБ) под шифром 1/4 (17)¹. Как известно, рукопись была найдена В. И. Григоровичем в 1844 г. на Афоне², в нише больницы Зографского монастыря, уже в испорченном виде: утрачены были начало кодекса, а также несколько листов в середине. Ученый вывез ее в Россию (Одессу) в 1846 г. Две восьмилистные тетради он передал И. И. Срезневскому для изучения. Речь идет о 2-й, содержащей один из древнейших южнославянских списков службы Константину-Кириллу, и 4-й, содержащей один из двух дошедших списков службы Мефодию с канонем Константина Преславского³. Эта часть рукописи, принадлежащая к собранию Срезневского, в 1910 г. поступила в Библиотеку Академии наук в Петербурге, где и находится под шифром 24.4.12⁴.

В целом рукопись содержит 92 пергаменных листа (размером 20,3–21 × 11,5–12,5 см)⁵. Судя по ее палеографическим и орфографическим

1 Со временем шифр рукописи неоднократно менялся: Р 4/17, № 76, № 6 (32).

2 *Копыленко М. М., Рапопорт М. В.* Славяно-русские рукописи Одесской научной библиотеки им. А. М. Горького // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1960. Т. 16. С. 543–553.

3 Ср.: *Григорович В. И.* Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов святых Кирилла и Мефодия. Казань, 1862. С. 1–19. Это – первое издание по этой рукописи служб, которые впоследствии неоднократно публиковались. См.: Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3. С. 653, 658–660.

4 Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков. Л., 1976. С. 40.

5 К подробному описанию см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984. № 358, 359.

особенностям, она была написана предположительно в конце XIII в. писцом, происходящим из Восточной Болгарии⁶. Выходная запись писца Добриана находится в начерченной рамке на верхней половине листа 92, т. е. в одесской части рукописи. В оставшемся пространстве листа, включая его оборотную сторону, почерком XIV в. приписан богослужебный текст – отрывок из Паремейника (прокимен, чтение 3-е, чтение «от Бытия»; нач.: «Изыде Яковъ от студенза княтъвна бо и вниде в Харань»). Болгарскому книгописцу-каллиграфу Добриану, работавшему, по-видимому, на Афоне, приписываются и другие кодексы⁷. Однако единственной подписанной им рукописью является «Григоровичева» минея, а попытки идентифицировать его почерк в других рукописях основаны на сходстве почерков, что легко объясняется принадлежностью этих рукописей к одной каллиграфической школе, переживавшей период расцвета в восточной Болгарии во второй половине XIII – 1-й трети XIV в. А. А. Турилов убедительно доказал, что Добриан переписывал также и отрывки, дошедшие в составе сборника-конволюта коллекции графа Уварова (ГИМ, Увар. 1176-4^о, л. 1–2, 6–7) и являющиеся частью служб на 19-е и 22–25-е числа Минеи Служебной на сентябрь⁸.

Выходная запись Добриана заслуживает внимания с разных точек зрения. Она примечательна, во-первых, своей структурой. Как можно будет увидеть ниже, она содержит четко распознаваемые разделы: формулу – выражение радости, вызванной окончанием работы; имя заказчика, неизвестного нам архимандрита Никодима; причину заказа; просьбу к читателям молиться за него; имя писца Добриана с формулой скромности, в которой обращает на себя внимание термин «хорикъ», до сих пор являющийся гапаксом в старославянском языке.

⁶ Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914. (Энциклопедия славянской филологии; вып. 4/1). С. 94–95.

⁷ См.: Кувев К. Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. София, 1986. С. 65, 218–220.

⁸ Турилов А. А. Сборник отрывков пергаменных рукописей из Уваровского собрания ГИМ (датировка и атрибуция) // Старобългаристика. 1994. Т. 14. № 4. С. 15–22, переизд. в: Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина: история и культура славян IX–XVII вв. М., 2011. С. 321–330. См. также статью: Турилов А. А. Добриан Многогрешный // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 15. С. 464–465. По определению ученого, почерк Добриана является изящным мелким уставом с округлыми начертаниями ряда букв, восходящим к восточноболгарской каллиграфической школе кон. XIII – нач. XIV в.

якоже страннїи радужѣ са видѣти шѣство и їже в морн вльнѣеди обрѣсти прїстанїце боурї · тако и пишжшїи радужет са видѣти конець кннѣ ·	формула радости с метафорой об ино- странце и моряке
писа же са сна кннга прѣвошїе нїномоу и всеушнѣомоу и прїдѣномоу архїмандрїтѣ кнр ннкодиоу въ вѣунжж пацѣт и оставленни грѣхоль ·	заказчик
да вратна и бїцн всн хѣлюбнївнї еже о хѣ вратна поже вь сен кнїѣ молнте бѣ · еда како вашннн дѣтвадн подастъ гѣ оцѣшенне грѣхоль давшаго цѣнж кннгѣ снх · аднн аднн аднн	просьба молиться за заказчика
азъ многогрѣшнын добрань писахъ снѣ дѣло малое да испраблѣ жще пойте а не кльнѣте оти хорникъ вѣхъ шмоу и вась бѣ +++++ да прѣстїтъ +++++	писец просьба молиться за него и простить его невежество

Графическое оформление записи также заслуживает внимания: одиннадцатистрочный текст вписан в прямоугольную киноварную рамку, на каждом из четырех углов которой снаружи нарисован пальмовый лист. В последней строке конец молитвенной формулы «да простить» написан между двумя группами маленьких крестов в форме двух шестиугольников. Такое графическое оформление молитвенной формулы часто встречается в колофонах греческих рукописей. Начальная буква текста (я от якоже) и начальная буква подписи писца (а от азъ) написаны вне рамки. Они отличаются от других букв большим размером.

Однако запись привлекла внимание одного из первых ее исследователей, П. А. Лаврова, не всеми этими особенностями, а именно наличием термина «хорикъ». Этому слову, не вошедшему в словарь старославянского языка Ф. Миклошича⁹, он посвятил небольшую статью¹⁰, в которой, во-первых, выразил свое сожаление, что В. Н. Мочульский не издал столь интересную запись в своем описании одесских рукописей В. И. Григоровича¹¹. Во-вторых,

⁹ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865. Отметим, что термин не вошел ни в «Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae» (Praha, 1995–2016), ни в другой какой-либо свод церковнославянского языка.

¹⁰ Лавров П. А. Запись к минее № 6 (32) из Одесского собрания рукописей В. Ив. Григоровича // Известия отделения русского языка и словесности. 1896. Т. 1. № 1. С. 112–113.

¹¹ Мочульский В. Н. Описание рукописей В. И. Григоровича // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1890. № 6 (32). С. 60.

П. А. Лавров предполагал, что термин «хорикъ» происходит от греческого прилагательного *χωρικός*, имеющего значение ‘крестьянский’. По его же мнению, от него, с присоединением славянского суффикса *-ин*, было образовано и существительное *хорянинъ*, употребленное в некоторых влахо-болгарских грамотах, изданных Ю. Венелиным¹², которое Ф. Миклошич включил в свой словарь со значением ‘rusticus’¹³. П. А. Лавров исходил из данных новогреческо-немецкого словаря Карла Кинда¹⁴, который данному термину приписывает значение ‘bäurisch’, но только в начале XX в. греческий ученый Спиридон Ламброс обратил внимание на особенное значение термина *χωρικός*, употребляемого как в рукописных книгах, так и в надписях на иконах. Насколько нам известно, эти данные до сих пор не подвергались трактовке в славяноведческой литературе.

В своей статье, посвященной писцу Добриану, А. А. Турилов отметил, что формула радости, употребленная в данной записи, является уникальной в южнославянской традиции XIII в. и редкостью даже в рукописях XVI–XVII вв. Речь идет о метафоре, сравнивающей радость писца по поводу завершения переписывания книги с радостью человека, возвращающегося на родину, или моряка, возвращающегося в порт. Она нередко встречается в записях древнерусских рукописей начиная с XII в. Следовательно, по мнению ученого, Добриан мог использовать некий восточнославянский образец, хотя в переписанных им рукописях другие признаки восточнославянского влияния не наблюдаются.

Полезную информацию для прояснения того, как сложилась Добрианова выходная запись, можно получить из более детального исследования самой типологии выходных записей писцов. Определение такого важного паратекстуального элемента, как «выходная запись», точно соответствует первоначальному значению греческого термина *κολοφών* (позднелатинский *colophon*) ‘конечная точка’, ‘завершение’. В греческой и латинской традициях он обозначает заключительную формулу, с помощью которой переписчик вводит в обращение сделанную им работу и дает информацию о себе, заказчике, месте и времени переписывания текста.

¹² Венелин Ю. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным. СПб., 1840. С. 329, 335.

¹³ Miklosich F. Lexicon...

¹⁴ Kind C. Th. Handwörterbuch der neugriechischen und deutschen Sprache. Leipzig, 1876.

«Кодикологический словарь», составленный Денисом Музерелом, определяет колофон как «заключительную формулу, в которой писец упоминает место или дату переписывания, или и то и другое»¹⁵. Специфика такой записи определила ее четко узнаваемую, но достаточно эластичную структуру, вошедшую в разные (греческую, латинскую, славянскую, сирийскую, коптскую, грузинскую, армянскую и т. д.) рукописные традиции от античного времени до самых ранних печатных книг. Эти записи изучались с особым вниманием к историческим, палеографическим и вообще культурным данным, которые они могли содержать о рукописи, писце, заказчике, вообще об обстоятельствах составления книги. Однако следует учитывать, что записи эти, будучи паратекстуальными и кодикологическими элементами, имеют особый статус и, следовательно, очень ценны сами по себе.

Возникнув из ряда особых знаков, обозначающих конец текста, таких как, например, коронис, колофон сохранил графическую специфичность, отличающую его от основного текста. Он иногда писался другим письмом, был отделен от основного текста пробелом или орнаментальным начертанием, иногда имел особую геометрическую форму — чаще всего треугольник или четырехугольник. Что же касается содержания, то схематичные данные о месте и дате переписывания, заказчике и писце со временем дополнялись формулами о тяжелом труде переписчика, а в христианскую эпоху в этих формулах подчеркивалось, что переписчик и заказчик предназначали книгу для прощения их грехов.

Переписчик мог расширить один из этих типичных и повторяющихся элементов или снабдить его дополнительными данными о своей эпохе. Таким образом, разделы, в которых переписчик выражает радость по поводу завершения работы, монашескую смиренность (если он монах) или извиняется за допущенные ошибки, имеют традиционную структуру и одинаково используются как монахами, так и мирянами. Благодаря их гномической природе, эти формулы разным образом могут сочетаться друг с другом.

15 Muzerelle D. Vocabulaire codicologique: répertoire méthodique des termes français relatifs aux manuscrits avec leurs équivalents en anglais, italien, espagnol [edition hypertextuelle, version 1.1, 2002–2003]. URL: www.palaeographia.org (дата обращения: 25.03.2023): «formule finale dans laquelle le scribe mentionne le lieu ou la date de la copie, ou l'un et l'autre». С этой работой можно ознакомиться в расширенной редакции: Codicologia: vocabulaire multilingue pour la description des manuscrits. URL: <https://www.irht.cnrs.fr/fr/ressources/sites-web-outils-corpus/codicologia> (дата обращения: 25.03.2023).

Установлено, что большая часть формул, выражающих удовлетворение по окончании работы и использующих различные метафоры, в греческой рукописной традиции заимствована в основном из языческой греческой поэзии. Этот репертуар формул был переведен с греческого языка на другие языки. Одна из самых распространенных метафор сравнивает переписчика, мечтающего окончить свою работу над книгой, с моряком, или кораблем, или же иностранцем, возвращающимися домой¹⁶.

Унаследованный от классической древности образ корабля или моряка, достигающих порта, был широко распространенной метафорой в греческой, латинской и восточной литературах поздней Античности и Средневековья. Она обозначала успешное завершение трудной задачи – независимо от того, имел ли писатель или читатель непосредственный опыт морского путешествия¹⁷. Поэтому она нашла широкое применение в выходных записях. Самое раннее свидетельство на латинском языке восходит к рукописи, переписанной в монастыре Луксуэйль (Франция), по всей вероятности, в 669 г.:

ut nauta gaudet litore post pontum evectus	как радуется вышедший из моря на берег моряк
ita et scriba novissimum versum sul- catum	так и писец написанной им послед- ней строке

(Нью Йорк, Pierpoint Morgan Library, № 334, л. 133 об.)¹⁸

В греческой среде самая древняя выходная запись с вышеуказанной метафорой зафиксирована в рукописи 898 г.:

16 О греческих формулах см.: *Treu K.* Der Schreiber am Ziel. Zu den versen Ὡσπερ ξένοι χαίρουσιν... und ähnlichen // *Studia codicologica.* Berlin, 1977. S. 473–492. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. 124). Аналогичные формулы употребляются в сирийской и арабской традициях; см.: *Brock S.* The Scribe Reaches Harbour // *Byzantinische Forschungen.* 1995. Bd. 21. S. 195–202; *McCollum A. C.* The Rejoicing Sailor and the Rotting Hand: Two Formulas in Syriac and Arabic Colophons, with related phenomena in some other Languages // *Hugoye: Journal of Syriac Studies.* 2015. Vol. 18. P. 67–93.

17 *Brock S.* The Scribe Reaches Harbour... S. 195.

18 Описание рукописи см. в: *Codices latini antiquiores.* Oxford, 1934–1971. XI. 23, n. 1659.

ὡς ἦδὺ τοῖς πλέουσιν εὐδῖος λιμῖν	якоже сладко мореплавателю уютное пристанище
οὕτως καὶ τοῖς γράφουσιν ὁ ὕστατος στίχος	так и для пишущего последняя строка

(Ватикан, Biblioteca Apostolica Vaticana, Pal. gr. 44, л. 245 об.)¹⁹

Метафора о моряке широко использовалась переписчиками в различных (греческой, латинской, сирийской, арабской, славянской и т. д.) рукописных традициях с незначительными стилистическими вариантами. Первоначально она писалась двенадцатисложным стихом, но постепенно потеряла форму стиха. Иногда она ассоциировалась с другими метафорами, например об иностранце, возвращающемся домой, как в одной ватиканской рукописи 1294 г.:

ὥσπερ ξένοι χαίρουσιν πατρίδα φθάσαι	якоже странник радуется зрением отечества
καὶ οἱ θαλαττεύοντες εὐρεῖν λιμένα	и мореплаватель, найдя пристанище
οὕτως καὶ οἱ γράφοντες βιβλίου τέλος	так и пишущий радуется, видя конец книги

(Ватикан, Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. gr. 1755, л. 317 об.)²⁰

А. Макколлум замечает, что греческая метафора о моряке настолько глубоко проникла в сирийские колофоны, что одни и те же понятия часто передавались одновременно сирийскими и греческими словами²¹. Проникновение греческого языка, на наш взгляд, можно объяснить престижем, которым греческая модель пользовалась у переписчиков из негреческой культурной среды, или же тем, что эти переписчики воспринимали определенные слова как технические термины.

Другая широко используемая формула сопоставляет вечность письменных текстов с недолговечностью пишущих рук²²:

19 Repertorium der griechischen Kopisten, 800–1600. Wien, 1997. Т. III. S. 384.

20 Repertorium... S. 373.

21 *McCollum A. C.* The Rejoicing Sailor and the Rotting Hand... P. 79–85.

22 Обширную литературу об этой и других формулах можно найти на сайте Database of Byzantine Book Epigrams (DBBE). URL: <https://www.dbbe.ugent.be> (дата обращения: 31.03.2023).

ἡ μὲν χεὶρ ἡ γράψασα σήπεται τάφῳ	рука, пишущая это, истлеет в могиле
τὸ δὲ γράμμα μένει εἰς χρόνους πλερ- στάτους	а написанное останется во веки веков

(Атин, Εθνικὴ Βιβλιοθήκη Ελλάδος 180, л. 393, 1089 г.)

Нельзя оставить без внимания, что в Византии переписывание священных книг считалось душеполезной деятельностью, направленной к искуплению грехов²³, и вообще переписчики пользовались большим уважением. Об этом свидетельствует Федор Студит, который в своем «Великом Оглашении» провозглашает монахов-переписчиков граверами закона Божьего²⁴, однако, сравнивая их статус со статусом мудреца, сурово предупреждает их не гордиться этим: «Мы покинули мир не для того, чтобы наслаждаться удовольствиями, быть учеными, мудрыми или быть καλλιγράφοι. Мы пришли сюда, чтобы очиститься от греха, научиться страху Божьему и быть смиренными до смерти»²⁵.

Таким образом, монахам-переписчикам, знающим о том, что их профессия требовала более высокого образования, приходилось бороться с грехом гордыни (ὕψηλοφροσύνη). В частности, в своих подписях они старались избегать слов, которые можно было бы истолковать как самовосхваление. Более того, если они не скрывали своего имени, то из скромности добавляли уничижительные наименования. Независимо от искренности таких заявлений, очевидно, что некоторые формулы, как, например, πτωχὸς καὶ ἁμαρτολὸς καὶ ξένος ‘бедный и грешник и [букв.] иностранец’, стали традиционными в подписях писцов, однако впоследствии они иногда ошибочно подвергались буквальному истолкованию²⁶.

Как уже упоминалось, С. Ламброс еще в начале XX в. отмечал, что, исходя из его первоначального значения ‘деревенский’, именно субстантивированное прилагательное χορικός использовалось в подписях писцами и иконописцами с тем, чтобы подчеркнуть свою

23 Ronconi F. Essere copista a Bisanzio. Tra immaginario collettivo, autorappresentazione e realtà // Storia della scrittura e altre storie. Roma, 2014. P. 393.

24 Théodore Stoudite. Les Grandes Catéchèses (Livre I); Les Épigrammes (I–XXIX) / présentation, traduction et notes par F. De Montleau. Abbaye de Bellefontaine, 2002. P. 374.

25 Cozza Luzi J. Patrum Nova Bibliotheca, IX. S. Patris Nostri Theodori Studitae Parvae et Magnae Catecheseos Sermones. Romae, 1888. P. 45, 125.

26 Wendel C. Die ταπεινότης des griechischen Schreibermönches // Byzantinische Zeitschrift. 1950. Bd. 43. S. 259.

неспособность, непригодность к выполнению намеченной задачи²⁷. О таком значении исследуемого термина свидетельствует произведение Федора Студита «Ответы на различные вопросы»²⁸, в котором он употребляет имя существительное *χωρικά* как однозначный синоним слова *ἀμαθία* ‘невежество’, т. е. отсутствие, недостаток образования:

<p>ἐρώτησις ΙΖ – ἐὰν δὲ εἰσιν ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες, λαϊκοὶ αἰρετικοὶ εἴτε ἀπὸ χωρικής, εἴτε ἔμφυτον ἔχοντες τὴν αἴρεσιν· εἰ ἔξεστιν ἐσθίειν μετ’ αὐτῶν, ἢ λαμβάνειν ἐξ αὐτῶν τί ποτε.</p>	<p>Вопрос XVII: Если мирские мужчины и женщины еретики по невежеству, или же ересь в них врожденная, законно ли есть с ними или принимать от них что-нибудь?</p>
<p>ἀπόκρισις – Οὐτε εἰ ἐκ κακονοίας εἰσιν αἰρετικοί, οὐτε εἰ ἐξ ἀμαθίας, ἔξεστιν ἢ ἐσθίειν ἢ λαμβάνειν τὰ παρ’ αὐτῶν προσενηγμένα· οὐκ οἶδα εἰ μὴ τι οἱ ἀμαθεῖς βελτιωθέντες ὀρθοδοξεῖν ἐπαγγέλλονται.</p>	<p>Ответ: Не позволено ни есть, ни брать от них что-либо, будь они еретики по злонамерению или невежеству. Я не знаю, могут ли невежды исповедовать православие, даже если они изменятся к лучшему.</p>

Спустя некоторое время Карл Вендель сделал обширный обзор наименований, используемых писцами для представления себя как можно более скромно, объяснил исторический контекст этого и дал правильное определение некоторым терминам, до того времени неправильно истолкованным. Например, он выявил, что прилагательное *ξένος* не обозначало иностранца среди монахов, как это утверждал В. Гардтхаузен, а указывало на то, что, оставляя родину и переселяясь в другое место (*ξενιτεύειν*), человек совершал аскетический подвиг, как это прекрасно понималось ранним монашеством²⁹.

Монах-писец создает как можно более уничижительный образ себя, подчеркивая свою глубокую греховность (*παναμαρτολόγος*) и духовную неполноценность³⁰. Более того, заявляет о том,

27 *Λαμπρός Σ. Νέος ἑλληνομνήμων*. 1908. Т. 5. Σ. 277–279; 1910. Т. 7. Σ. 488; 1913. Т. 10. Σ. 343.

28 *Theodori Studitae*. CCXIX. – *Solutiones diversorum capitum* // *Patrologia Graeca* / accurate J.-P. Migne. Intra moenia parisina 1860. Т. 99. Col. 1665C.

29 *Wendel C. Die ταπεινότης des griechischen Schreibermonches...* S. 261.

30 Вендель там же среди прочих цитирует следующие термины: *ἀφύης* (XIII в.), *φρενόλειπτος* (XI в.), *ἀφρονέστατος* (1239 г.), *ἀσύνητος* (XIII в.) и *ἀβέλτερος* (1460 г.).

что отсутствие таланта не позволяло ему получить полноценное образование³¹, рисуя себя таким глупым³², что недостойно ему называться монахом. Таким образом создается неологизм-существительное ἀμόναχος, т. е. «не-монах», или же к термину «монах» добавляется наречие τάχα («возможно»): τάχα μοναχός, что по-русски можно было бы перевести как «быть может, монах». Примечательно, что греческое наречие τάχα в сочетании со славянским термином «монах» смогло проникнуть в выходные записи южнославянских рукописей: пример дает рукопись из Народной библиотеки Белграда 17, л. 326 об., датированная ок. 1370–1375 г.: «грѣшнын таха монах маркѣ»³³.

Разные выражения смиренности или скромности начали применяться и в отношении к самой деятельности письма. Опасаясь, что обычное профессиональное название καλλιγράφος (от слов καλός «красивый» и γράφω «пишу»), т. е. «красиво пишущий», могло звучать как выражение самолести, монах или менял его на какоγράφος (от слов κακός «некрасивый» и γράφω «пишу»), т. е. «некрасиво пишущий», или же менял его этимологическое значение, добавляя к профессиональному названию καλλιγράφος («каллиграф») и γραφεύς («писец») прилагательное χωρικός «необразованный, невежественный». Это определение чаще всего использовалось, когда монах-переписчик хотел унизить себя и свою работу в глазах читателя. Оно применялось и для образования своего рода профессионального имени, которое, в отличие от термина καλλιγράφος, не только соответствовало самому письму, но и умаляло достигнутые им результаты: χωρικογράφος («невежественно пишущий») или χωρικογραμματαεύς («невежественный книжник») ³⁴.

Из всего вышесказанного вытекает с очевидностью, что термин χωρικός, приобретая переносное значение «невежда» в греческих колофонах, стал обычной характеристикой писца, подчеркивающей его

31 Следовательно, монах становится ἀμαθής (1213 г.) или ἀμαθέστατος (1291 г.). См.: *Wendel C. Die ταπεινότης des griechischen Schreibermonches...* S. 261.

32 В этих случаях используются следующие выражения: σκαϊότατος πάντων ἀνθρώπων (XII в.), χωρικός (1174 г.), ἀγροικός (1377 г.). См.: *Wendel C. Die ταπεινότης des griechischen Schreibermonches...* S. 261.

33 Опис ћирилских рукописа Народне Библиотеке Србије / прир. Љ. Штавланин-Ђорђевић, М. Гроздановић-Пајић, Л. Цернић. Књ. I. Опис. Београд, 1986. С. 28–29; Књ. II. Палеографски албум. Београд, 1991. С. 59.

34 *Wendel C. Die ταπεινότης des griechischen Schreibermonches...* S. 261–263; в свете рассмотренных примеров ученый опровергает прежнюю интерпретацию существительного χωρικογράφος как «деревенский писец».

скромность. Традиция самоизображения писца как невежды и грешника была унаследована и славянской культурой. Сам Добриан называет себя «многогрешным». Поэтому нам кажется целесообразным предположить, что он или воспринял греческое слово *χωρικός* как технический термин и этим создал неологизм «хорикъ», поскольку не смог найти подходящего славянского перевода, или же, не совсем понимая его, просто адаптировал его окончание к славянскому языку. Первое объяснение кажется более правдоподобным, если учесть, что Добриан работал в афонской монашеской общине, где это слово было общеупотребительным среди монахов-переписчиков. Кроме того, отметим, что выражение Добриана *ωτι χωρικὸς γάρ ἐστιν* передает греческую формулу *ὅτι χωρικός ἤμην* (см., например, ниже колофон рукописи № 2372 Университетской библиотеки в Болонье и колофон рукописи № С 209 inf библиотеки *Ambrosiana* в Милане). Как видно, Добриан славянскими буквами передает греческий союз *ὅτι* («что»), не переводя его, вероятно, потому, что он использует выученное им наизусть греческое выражение при составлении своей выходной записи³⁵.

Хотелось бы отметить и то, что вышеуказанная структура выходной записи Добриана находит много параллелей в греческих колофонах. Она похожа на них и в том смысле, что радость писца выражена метафорой об иностранце и моряке и писец называет себя «хориком». В качестве примера ниже приведем лишь некоторые греческие колофоны, соблюдая орфографию рукописей:

Bologna, Biblioteca Universitaria, ms 2372, 1312 г., л. 185³⁶

ὥσπερ ξένοι χαίρουσιν εἰδεῖν πατρίδα καὶ οἱ κυνδυνεύοντες εὐρεῖν λυμένα οὕτως καὶ οἱ γράψοντες εὐρεῖν βιβλίου τέλος	формула радости с метафорой об иностранце и моряке
ἐγράφη[ν] τὸ παρὸν βιβλίον διὰ χειρὸς καμοῦ τοῦ ἀμαρτωλοῦ Λέωντος ἀναγνώστου τοῦ Εὐγε- νιάνοῦ ἐν μηνί ἰουλλίῳ ἰδ' ἰνδικτιῶνος ι' ἔτους ζωκ'	писец время переписывания

35 В других греческих колофонах можно найти выражение, еще более точно соответствующее Добрианову: «οἴμι ... *χωρικός* τοῦ νοῆ (= νοεῖν)» (Рим, Biblioteca Angelica, рукопись № 26; колофон издан в книге: *Allen Th. W. Notes on Greek manuscripts in Italian libraries*. London, 1890. P. 40).

36 *Turyn A. Dated Greek Manuscripts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy*. Urbana; Chicago; London, 1972. Vol. I. P. 116–117.

καὶ ὅσοι ἀνα χεῖρος λάβεται αὐτὸ εὐχες<θε> τὸ γράψαντι ὅτι χωρηκὸς ἦμιν τῆς τέχνης ταύτης·	просьба молиться за писца и простить его невежество
ἐφράφη[ν] δὲ δι ἐξεδρωμῆς καὶ ἐξώδου τοῦ πα- νεύγενεστάτου ἄρχοντος καὶ γραμματικῶ τοῦ παλλατίου Κρήτης κυροῦ Ἀγ- γέλου Χαριῶλα	заказчик

Milano, Biblioteca Ambrosiana, ms C 209 inf., 1301/1302 г., л. 325 об.³⁷

ὁ τὰ πάντα πληρῶν θεὸς ἡμῶν δόξα	формула обращения к Богу
ὥσπερ ξένοι χαίρουσιν ἰδεῖν πατρίδα καὶ οἱ θαλατεύοντες εὐρεῖν λιμένα οὕτως καὶ οἱ γράφοντες βιβλίου τέλος	формула радости с метафорой об иностранце и моряке
ἐφράφη χειρὶ Ὑακίνθου ἀμαρτωλοῦ καὶ τάχα (μον)αχ(οῦ) χωρικογρ(άφ)ου	писец
δὲ καὶ οἱ ἀναγινώσ- κοντες ἦτι ἂν σφάλμα εὔριται διορθώσατε καὶ μὴ κ(α)τηράσθ(ε) διὰ τὸν κ(ύριο)ν· ὅτι ὁ γρά(φ)ον παράγρα(φ)η· καὶ ὁ κ(ύριο)ς σῶση πάντας ἡμᾶς ἀδελφοί· ἀμήν, ἀμήν καὶ ἀμήν·	просьба молиться за писца и простить его невежество
ἔτο(ς) ζωι ιν(δικτιῶνος) ιε	время письма
τὸν ἀναγινώσκοντα συν προθυμία· τὸν δακτύλοις φράψαντα τὸν κεκτημένον· φύλαττε τοὺς τρεῖς ἢ τριάς τρισολβίως	просьба молиться за писца (формула)

Udine, Biblioteca Arcivescovile ms 264, 1317 г., л. 232 об.³⁸

ὥσπερ ξένοι χαίρουσιν εἰδεῖν π(ατ)ρίδα καὶ οἱ θαλατεύοντες τοῦ φτάσαι εἰς λιμένα οὕτω καὶ οἱ βιβλογράφοντες εὐρεῖν βιβλίου τέ- λος·	формула радости с метафорой об иностранце и моряке
ἐγράφει ὁ παρὸν κλίμαξ σὺν θε(ε)ῶ διὰ χειρὸς κα- μοῦ ἀμαρτωλοῦ μοναχοῦ Πανκρατίου τοῦ Μο- ραῖτι	писец

37 Turyn A. Dated Greek Manuscripts... Vol. I. P. 101–102; Vol. II. Pl. 80, 234a.

38 Turyn A. Dated Greek Manuscripts... Vol. I. P. 127–129; Vol. II. Pl. 238a.

κελεύσεως δὲ πρὸς με, τοῦ εὐλαβεστάτου π(ατ)ρ(ό)ς ἡμῶν ἱερομονάχου κῦρ Ἰακώβου·	заказчик
τοῦ ἐν τῇ μονῇ τοῦ κ(υρί)ου ἡμῶν Ἰ(ησοῦ) Χ(ρι- στο)ῦ εἰς τὸ Καλαμίστ(ι) ἐν ἔτει ζωκε' ἰν(δικτιῶ- νος) θ μηνι μαρτίῳ κς·	время письма
καὶ οἱ ἀναγινώσκοντες εὐχέσθαί μοι διὰ τὸν κ(ύ- ριον)· καὶ μὴ με μέμφεσθαι διὰ τῶν πολλῶν μου σφαλμάτων· ὅτι χορικὸς(ς) εἰμὶ τοῦ φράφειν·	просьба молиться за писца и простить его невежество
τῶ ἔχοντι καὶ γράψαντι Χ(ριστ)έ μου σῶσον καὶ τοὺς ἀναγινώσκοντα μετὰ προθυμίας φύλατ(ε) εἰς αἰώνας. ἀμήν	просьба молиться за писца и читателя

Из всего вышесказанного можно заключить, что Добриан использовал какую-то греческую модель, хотя она не может быть прослежена ни в одном из цитированных греческих колофонов. Нельзя исключить и то, что исследуемая выходная запись может являться звеном между греческой и восточнославянской письменной традицией в передаче стандартизированных выходных записей, описывающих деятельность переписчиков.

Источники и литература

Венелин Ю. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1840. 359 с.

Григорович В. И. Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов святых Кирилла и Мефодия // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Казань: В университетской типографии, 1862. Т. 1. С. 1–29.

Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 3 / главен редактор Лиляна Грашева. София: Академично издателство Марин Дринов, 2003. 791 с.

Копыленко М. М., Рапопорт М. В. Славяно-русские рукописи Одесской научной библиотеки им. А. М. Горького // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. 16. С. 543–553.

Кувев К. Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. София: Наука и изкуство, 1986. 286 с.

Лавров П. А. Запись к минее № 6 (32) из Одесского собрания рукописей В. Ив. Григоровича // Известия отделения русского языка и словесности. 1896. Т. 1. № 1. С. 112–113.

Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг.: Типография Императорской Академии наук, 1914. (Энциклопедия славянской филологии; вып. 4/1). 342 с.

Мочульский В. Н. Описание рукописей В. И. Григоровича // *Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете*. Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1890. Т. 1. С. 53–133.

Опис ћирилских рукописа Народне Библиотеке Србије / прир. Љ. Штављанин-Ђорђевић, М. Гроздановић-Пајић, Л. Цернић. Књ. I. Опис. Београд: Народна Библиотека Србије, 1986; Књ. II. Палеографски албум. Београд: Народна Библиотека Србије, 1991.

Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л.: Наука, 1976. 235 с.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 403 с.

Турилов А. А. Сборник отрывков пергаменных рукописей из Уваровского собрания ГИМ (датировка и атрибуции) // *Старобългаристика*. 1994. Т. 14. № 4. С. 15–22.

Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софонина: история и культура славян IX–XVII вв. М.: Индрик, 2011. С. 321–330.

Турилов А. А. Добриан многогрешный // *Православная энциклопедия*. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2014. Т. 15. С. 464–465.

Allen Th. W. Notes on Greek manuscripts in Italian libraries. London: David Nutt, 1890. 62 p.

Brock S. The Scribe Reaches Harbour // *Byzantinische Forschungen*. 1995. Bd. 21. S. 195–202.

Codices latini antiquiores / ed. by E. A. Lowe. Oxford: Clarendon Press, 1934–1971.

Cozza Luzi J. Patrum Nova Bibliotheca, IX. S. Patris Nostri Theodori Studitae Parvae et Magnae Catecheseos Sermones. Romae: typis Sacri Consilii propagando christiano nomine, 1888. P. 615.

Kind K. Th. Handwörterbuch der neugriechischen und deutschen Sprache. Leipzig: Druck und Verlag von Karl Tauchnitz, 1841. 672 S.

McCollum A. C. The Rejoicing Sailor and the Rotting Hand: Two Formulas in Syriac and Arabic Colophons, with related phenomena in some other Languages // *Hugoye: Journal of Syriac Studies*. 2015. Vol. 18. P. 67–93.

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae: Guilelmus Braumueller, 1862–1865. 1171 p.

Muzerelle D. Vocabulaire codicologique: répertoire méthodique des termes français relatifs aux manuscrits avec leurs équivalents en anglais, italien, espagnol [édition hypertextuelle, version 1.1, 2002–2003]. URL: www.palaeographia.org (дата обращения: 25.03.2023).

Repertorium der griechischen Kopisten, 800–1600 / hrsg. E. Gamillscheg, D. Harlfinger, H. Hunger, P. Eleuteri. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1981–1997. T. I–III.

Ronconi F. Essere copista a Bisanzio. Tra immaginario collettivo, autorappresentazione e realtà // Storia della scrittura e altre storie / ed. D. Bianconi. Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 2014. P. 383–434. (Bollettino dei classici. Supplemento, 29).

Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). Praha: Academia, 1995–2016.

Théodore Stoudite Les Grandes Catéchèses (Livre I); Les Épigrammes (I–XXIX) / présentation, traduction et notes par F. De Montleau. Abbaye de Bellefontaine, 2002. 636 p.

Treu K. Der Schreiber am Ziel. Zu den versen Ὡσπερ ξένοι χαίρουσιν... und ähnlichen // Studia codicologica. Berlin: Akademie, 1977. S. 473–492. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. 124).

Tuyn A. Dated Greek Manuscripts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy. Urbana-Chicago-London: University of Illinois Press, 1972. T. I. Text. T. II. Plates.

Wendel C. Die ταπεινότης des griechischen Schreibermönches // Byzantinische Zeitschrift. 1950. Bd. 43. S. 259–266.

Λαμπρος Σ. Νέος έλληνομνήμων. 1908. T. 5. Σ. 277–279. 1910; T. 7. Σ. 488; 1913. T. 10. Σ. 343.

References

Allen, Th. W. *Notes on Greek manuscripts in Italian libraries*. London: David Nutt, 1890, 62 p.

Brock, S. “The Scribe Reaches Harbour.” *Byzantinische Forschungen*, Bd. 21, 1995, pp. 195–202.

Codices latini antiquiores, ed. by E. A. Lowe. Oxford: Clarendon Press, 1934–1971.

Cozza Luzi, J. *Patrum Nova Bibliotheca, IX. S. Patris Nostri Theodori Studitae Parvae et Magnae Catecheseos Sermones*. Romae: Typis Sacri Consilii propagando christiano nomine, 1888, 615 p.

Grigorovich, V. I. “Drevne-slavianskii pamiatnik, dopolniaiushchii zhitie slavianskikh apostolov sviatykh Kirilla i Mefodiia.” *Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta*. Kazan': V universitetskoi tipografii, 1862, vol. 1, p. 1–29.

Kind, K. Th. *Handwörterbuch der neugriechischen und deutschen Sprache*. Leipzig: Druck und Verlag von Karl Tauchnitz, 1841, 672 p.

Kirilo-Metodievskia entsiklopediia, vol. 3, ed. by L. Grasheva. Sofia: Akademichno izdatelstvo Marin Drinov, 2003, 791 p.

Kopylenko, M. M., Rapoport, M. V. “Slaviano-russkie rukopisi Odesskoi nauchnoi biblioteki im. A. M. Gor'kogo.” *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960, vol. 16, pp. 543–553.

Kuev, K. *Sudbata na starobulgarskata rukopisna kniga prez vekovete*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1986, 286 p.

Lambros, S. *Neos hellēnomnēmōn*, 1908, vol. 5, pp. 277–279, 1910, vol. 7, p. 488, 1913, vol. 10, p. 343.

Lavrov, P. A. “Zapis' k minee N°6 (32) iz Odesskogo sobraniia rukopisei V. Iv. Grigorovicha.” *Izvestiia otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti*, 1896, no 1, pp. 112–113.

Lavrov, P. A. *Paleograficheskoe obozrenie kirillovskogo pis'ma*. Petrograd: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk, 1914 (*Entsiklopediia slavianskoi filologii*; vyp. 4/1), 342 p.

McCollum, A. C. “The Rejoicing Sailor and the Rotting Hand: Two Formulas in Syriac and Arabic Colophons, with Related Phenomena in Some Other Languages.” *Hugoye: Journal of Syriac Studies*, 2015, v. 18, pp. 67–93.

Miklosich, F. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae: Guilelmus Braumueller, 1862–1865, 1171 p.

Mochul'skii, V. N. “Opisanie rukopisei V. I. Grigorovicha.” *Letopis' Istoriko-filologicheskogo obshchestva pri Novorossiiskom universitete*. Odessa: Tipo-litografiia Shtaba Odesskogo voennogo okruga, 1890, vol. 1, pp. 53–133.

Muzerelle, D. *Vocabulaire codicologique: répertoire méthodique des termes français relatifs aux manuscrits avec leurs équivalents en anglais, italien, espagnol* [edition hypertextuelle, version 1.1, 2002–2003]. URL: www.palaeographia.org (accessed: 25.03.2023).

Opis ćirilskih rukopisa Narodne Biblioteke Srbije, ed. by Lj. Shtavljanin-Djordjević, M. Grozdanović-Pajić, L. Tsernić. Knj. I. Opis. Beograd: Narodna Biblioteka Srbije, 1986; Knj. II. Paleografski album. Beograd: Narodna Biblioteka Srbije, 1991.

Pergamennye rukopisi Biblioteki Akademii nauk SSSR: opisanie russkikh i slavianskikh rukopisei XI–XVI vekov, comp. by N. Iu. Bubnov, O. P. Likhacheva, V. F. Pokrovskaja. Leningrad: Nauka, 1976, 235 p.

Repertorium der griechischen Kopisten, 800–1600, ed. by E. Gamillscheg, D. Harlfinger, H. Hunger, P. Eleuteri. Vols. I–III. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1981–1997.

Ronconi, F. “Essere copista a Bisanzio. Tra immaginario collettivo, autorappresentazione e realtà.” *Storia della scrittura e altre storie*, ed. by D. Bianconi. Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 2014, pp. 383–434 (Bollettino dei classici. Supplemento, 29).

Slovník jazyka staroslověnského Lexicon linguae palaeoslovenicae. Praha: Academia, 1995–2016.

Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khраниashchikhsia v SSSR: XI–XIII vv. Moscow: Nauka, 1984, 403 p.

Théodore Stoudite, *Les Grandes Catéchèses (Livre I); Les Épigrammes (I–XXXIX)*, présentation, traduction et notes par F. De Montleau. Abbaye de Bellefontaine, 2002, 636 p.

Treu, K. “Der Schreiber am Ziel. Zu den versen “Ὠσπερ ζένοι χαίρουσιν... und ähnlichen.” *Studia codicologica*. Berlin: Akademie, 1977, pp. 473–492. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. 124).

Turilov, A. A. “Sbornik otryvkov pergamennykh rukopisei iz Uvarskogo sobraniia GIM (datirovka i atributsii).” *Starobulgaristika*. Sofia, 1994, vol. 14, no 4, pp. 15–22.

Turilov, A. A. *Ot Kirilla Filosofa do Konstantina Kostenetskogo i Vasiliia Sofianina: istoriia i kul'tura slavian IX–XVII vv.* Moscow: Indrik, 2011, pp. 321–330.

Turilov, A. A. “Dobriian mnogogreshnyj.” *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia”, 2014, vol. 15, pp. 464–465.

Turyn, A. *Dated Greek Manuscripts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy*. Urbana; Chicago; London: University of Illinois Press, 1972, vols. I–II.

Venelin, Iu. *Vlakhobolgarskii ili dako-slavianskii gramoty, sobrannia i ob"iasnennia Iuriiem Venelinym*. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1840, 359 p.

Wendel, C. “Die ταπεινότης des griechischen Schreibermonches.” *Byzantinische Zeitschrift*, Bd. 43, 1950, pp. 259–266.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.09

B. Lomagistro

**Towards an interpretation of the word “khorik”
in the colophon of the Dobrian Menaion**

Barbara Lomagistro

PhD, Associate professor

Università degli Studi di Bari “Aldo Moro”

via Garruba 6, 70121 Bari – Italia

E-mail: barbara.lomagistro@uniba.it

ORCID: 0000-0002-1250-5634

Citation

Lomagistro B. Towards an interpretation of the word “khorik” in the colophon of Dobrian Menaion // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 191–209 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.09

Received: 14.04.2023.

Revised: 05.06.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

This paper focuses on the colophon written by the bulgarian copist-kalligrapher Dobrian at the end of the Menaion manuscript ОГНБ, 1/4 (17). This manuscript was found by V. I. Grigorovich at the Zograf monastery on Mount Athos, already incomplete, the beginning and some sheets were already missing from the manuscript. Currently, the manuscript is divided into two parts. The colophon is located on page 92, in the part of the manuscript currently stored in Odessa and contains the formulaic celebration of the work being finished, the name of the person who ordered the book and the name of the scribe, Dobrian, who calls himself a “khorik”. All these elements are rare for the Southern Slavic tradition in the 13th – 14th centuries. The word “khorik”, which was not included in the Miclosic dictionary, was examined in a brief article by P. A. Lavrov. According to him, the word comes from the Greek χωρικός (rural, rustic), from which a noun with a Slavic suffix *-in-*, *khoryanin*, used in some Vlach-Bulgarian documents, also originated. Based on the usage of such formulas in the colophons of Greek manuscripts both old and new the author attempts to determine the precise meaning of the word “khorik”, given the purposes of the colophon in both Greek and (Southern)Slavic traditions.

Keywords

Dobrian meneum, colophon, scribal adnotations, medieval scribes, medieval manuscripts.

**Цикл Слов и Поучений на Четырдесятницу и недели,
подготовительные к ней, в четьех сборниках
смешанного и устойчивого состава XIV–XVI вв.***

Баранкова Галина Серафимовна
Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, Российская Федерация
E-mail: barankova@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3628-1516

Цитирование

Баранкова Г. С. Цикл Слов и Поучений на Четырдесятницу и недели, подготовительные к ней, в четьех сборниках смешанного и устойчивого состава XIV–XVI вв. // *Славянский альманах*. 2023. № 3–4. С. 210–229. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.10

Статья поступила в редакцию 30.03.2023.

Рецензирование завершено 05.06.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассматривается цикл великопостных и предшествующих Великому посту сочинений славянского происхождения, содержащихся в сборниках XIV–XV вв. (ГИМ, собр. Уварова № 589, собр. Чудовское № 20, собр. Хлудова № 30d, РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры №№ 9, 11, собр. Румянцева № 406), а также в сборниках относительно устойчивого состава XV–XVI вв. – Златоустах, Торжественниках и Измарагдах. Из 10 произведений, входящих в этот цикл, анализируются три – Слово в неделю о мытаре и фарисее, Слово в неделю о блудном сыне и Слово в первую неделю поста. Устанавливаются текстологические редакции этих Слов и связи между текстами старших сборников XIV–XV вв. и сборниками устойчивого состава. В сборниках смешанного состава выделяется одна редакция текста, близкая представленной в Торжественниках. Наиболее существенной переделке подверглись рассматриваемые

* Доклад на международной научной конференции «Болгаристика. Славистика. Сравнительно-историческое языкознание: памяти Г. К. Венедиктова» (Институт славяноведения РАН, 15–16 ноября 2022 г.).

произведения при их включении в Златоусты. В свою очередь, Слова в списках Златоуста также могли редактироваться как со стороны содержания, так и со стороны языка. Отмечается известная текстологическая и лексическая близость Слова в неделю о мытаре и фарисее и Слова в первую неделю поста, атрибутируемого болгарскими учеными Клименту Охридскому, к произведениям Кирилла Туровского.

Ключевые слова

Сборники, Златоуст, Измарагд, Торжественник, текстология, редакция, списки, лексика.

При анализе ряда сборников кон. XIV – нач. XV в. отечественные ученые еще в XIX в. обратили внимание на цикл Слов и Поучений на Четыредесятницу и недели, подготовительные к ней. Впервые на него указал А. В. Горский, имевший в своем распоряжении только два списка из собрания Троице-Сергиевой лавры, № 9 и № 11. Ученый богослов предположил, что входящие в этот блок статьи могут иметь славянское происхождение и не являются переводами с греческого: «В некоторых из рассматриваемых поучений великопостных есть признаки русского или вообще славянского происхождения, и при том во времена, близкие к началу христианства у племен славянских»¹. Эту мысль поддержали составители Описания рукописей Соловецкого монастыря, которые относили цикл поучений к первым временам христианства в Болгарии². Е. В. Петухов рассматривал названные статьи, с одной стороны, как основу и ядро Златоустов, а с другой – «как самостоятельную и отдельную группу церковных поучений»³. Кроме того, им было издано 9 Слов цикла по названному выше Троицкому списку № 9 с привлечением разночтений для одних текстов по списку Троицкому № 11, для других – по Троицкому № 11, Троицкому № 39

1 Горский А. В. О древних Словах на св. Четыредесятницу // Прибавления к изданию святых отцов в русском переводе. М., 1958. Ч. 17. С. 35.

2 Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии / Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф. Казань, 1881. Ч. I. С. 634.

3 Петухов Е. В. Древние поучения на воскресные дни Великого поста // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1886. Т. 40. № 3. С. XII, I–XIX, 1–30.

и Румянцевскому № 186⁴. Однако более ранние списки этого цикла оставались этим ученым не изучены, как и отдельные статьи из него в Златоусте, Измарагде и Торжественнике. Позднее отдельные Слова цикла вошли в печатные издания – Златоуст (Почаевская типография, 1795 г.) и Соборник (М., 1647). Изучение этих Слов было продолжено в работах А. И. Соболевского и Л. Стояновича, а также в трудах Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогова, Т. В. Черторицкой и болгарских исследователей творчества Климента Охридского – Б. Ст. Ангелова, К. М. Куева, Хр. Кодова, Кл. Ивановой, К. Станчева, Г. Попова.

В цикл Слов и Поучений на Четыредесятницу и недели, подготовительные к ней, содержащийся в сборниках XIV–XV вв., входят следующие Слова:

- 1) Слово в неделю о мытаре и фарисее («Придете убо днесь, братие, послушавше гласа Христова...»)⁵;
- 2) Слово в неделю о блудном сыне («Возлюблении, послушайте самого Христа...»)⁶;
- 3) Слово в неделю мясопустную («Се приближися, братъе, время покаянья...»)⁷;
- 4) Слово в неделю сыропустную («Братие, послушайте, умные двери отверзши...»)⁸;
- 5) Слово в первую неделю поста («Видесте ли, возлюблении, о самехъ вещии пользу постную...»)⁹;
- 6) Слово во вторую неделю поста («Придете, друзи и братъе, возлюбленное стадо...»)¹⁰;

4 Там же. С. 1–4. Переиздание этих статей с вступительной статьей Е. В. Петухова см.: *Петухов Е. В.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. II. Поучения на св. Четыредесятницу проф. Е. В. Петухова // Изд. журнала Странник / под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1897. С. 196–231.

5 Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 195 (далее – Каталог 2014); Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI вв. Каталог гомилий / сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевицус. СПб., 1998. № 333 и 335 (далее Каталог 1998).

6 Каталог 2014. С. 195; Каталог 1998. № 74.

7 Каталог 2014. С. 229; Каталог 1998. № 369.

8 Каталог 2014. С. 231; Каталог 1998. № 38.

9 Каталог 2014. С. 230; Каталог 1998. № 61.

10 Каталог 2014. С. 229; Каталог 1998. № 330.

- 7) Слово в третью неделю поста («Братье, преполовьше ныне святыя сия дни постныя...») ¹¹;
- 8) Слово в четвертую неделю поста («Придете ныне, церковная чада, да обычное поученье сотворю») ¹²;
- 9) Слово в пятую неделю поста («Понеже убо по мале дни пост си кончатися хоцеть...») ¹³;
- 10) Слово Кирилла Туровского в неделю Цветоносную («Велика и ветха скровища, дивно и радостно откровение...») ¹⁴.

Цикл статей на Четыредесятницу и предшествующих ей недель содержится в следующих старших сборниках XIV–XV вв.:

- ГИМ, собр. Чудовское № 20, XIV в. (Чуд-20) ¹⁵;
- ГИМ, собр. Уварова № 589, XIV в. (Ув-589);
- ГИМ, собр. Хлудова № 30 D, XIV в. (Хл-30);
- РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 9, кон. XIV в. (Тр-9);
- РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 11, кон. XIV – нач. XV в. (Тр-11);
- РГБ, собр. Румянцева № 406, XV в. (Рм-406).

Тематически эти Слова содержат толкования на евангельские чтения (Притча о мытаре и фарисее и Притча о блудном сыне) или христианские назидания на недели Великого поста. Как правило, они приписываются в рукописях Иоанну Златоусту, однако ни одно из них не содержится среди его известных гомилий. Болгарские исследователи отнесли четыре Слова (5, 6, 7, 8) этого цикла к произведениям Климента Охридского. При этом отметим, что в рукописях они никогда не приписываются этому автору. Кроме того, по замечанию болгарских ученых, рассматриваемые произведения «оставались почти неизвестны в южнославянской проповеднической литературе, тогда как в древнерусской книжности они были исключительно популярны и составляют первоначальное ядро так называемого Постного

11 Каталог 2014. С. 231; Каталог 1998. № 40.

12 Каталог 2014. С. 232; Каталог 1998. № 331.

13 Каталог 2014. С. 190; Каталог 1998. № 307.

14 Каталог 2014. С. 223.

15 Т. В. Черторицкая рассматривает сам Чуд-20 как III редакцию минейного Торжественника (см.: *Черторицкая Т. В.* К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // *Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири.* Новосибирск, 1982. С. 22), однако мы придерживаемся традиционного взгляда на этот список как на сборник смешанного содержания.

Златоуста»¹⁶. На наш взгляд, вопрос об авторстве цикла далек от окончательного решения и должен быть основан на анализе языка всех входящих в него произведений¹⁷.

Вопрос о том, какой текст этих гомилий является первичным и насколько он переделан в более поздних сборниках (Златоустах, Торжественниках и Измарагдах), исследователями детально не рассматривался, если не считать общих замечаний. Наиболее интересны в этом отношении наблюдения О. В. Творогова. В частности, пытаюсь выделить для сборников XII–XIV вв. относительно устойчивый состав, он выделил десять великопостных и предшествующих Великому посту гомилий, которые читаются в Тр-9, Тр-11, а также в Чуд-20, Ув-589, к которым в семи случаях примыкает Хл-30. Так, в Хл-30 отсутствуют 3, 4 и 10 Слова. О. В. Творогов отметил также, что в Златоустах перечисленные Слова читаются «в несколько иной редакции»¹⁸. Болгарские исследователи, атрибутировавшие первоначально Клименту Охридскому шесть поучений от Недели мясопустной до 4-й недели Великого поста и издавшие текст этих гомилий с разночтениями, выделили две редакции – первичную и «почаевскую» (т. е. редакцию, представленную в печатном Почаевском Златоусте 1795 г. и близких ему рукописных списках Златоуста).

Из 10 произведений, входящих в рассматриваемый цикл, мы остановимся на трех. Это Слово в неделю о мытаре и фарисее, Слово в неделю о блудном сыне и Слово в первую неделю поста.

В Слове о мытаре и фарисее постоянно проводится мысль о дуальности человеческой природы. Ссылаясь на слова апостола Павла «Ибо вы храм Бога живого» (Кор 6:16), автор утверждает, что церковь – это «составление человеческого тела». Вся композиция произведения построена на принципе дуальности, двойственности: по мысли автора, дуальность человека заключается в противопоставлении сердца и души. Пришедшие в церковь помолиться мытарь и фарисей, являющие собой противоположности, олицетворяют душу и сердце. При этом мытарь – это душа, а сердце – фарисей. Сердце не сохраняет

16 Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 2 / обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов, Кл. Иванова. София, 1977. С. 634.

17 Примечательно, что сами составители Собраний сочинений Климента Охридского отмечали, что цикл статей на Четырдесятницу может быть приписан этому автору «с известной вероятностью» (Там же. С. 628).

18 Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья первая) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 212–213.

в себе истинных добродетелей, но лишь гордится их наличием. Душа же, чистая от рождения и сотворенная Богом, оскверняется плотским характером тела, ибо «воюет присно плоть на душу». Почему же «мытарь оправданъ паче, нежели фарисей»?

Автор Слова показывает это на примере еще одной парной аллегории – двух колесниц. Фарисей и мытарь запрягли в нее по два коня, чтобы достигнуть вечной жизни. Два коня фарисея являют собой полные противоположности: один конь – это добродетель и молитва, а другой – гордость, тщеславие и осуждение других людей. Гордость запнулась за добродетели, и праведная колесница разбилась, а возгордившийся всадник погиб. Вторая пара коней мытаря – это его злые дела, среди которых грабеж, нечистота и алчность, с одной стороны, и смирение, раскаяние и отсутствие отчаяния, с другой. Всадника-мытаря спасли надежда на прощение и смирение, он получил оправдание за свои слова «Боже, очисти мя грешнаго», и его колесница осталась цела. В конце рассматриваемого произведения автор призывает подражать смирению и кротости мытаря.

Текстологический анализ Слова о мытаре и фарисее позволил определить две редакции этого памятника¹⁹. Первая редакция представлена в старших сборниках Ув-589, Чуд-20, Хл-30, Тр-9, Тр-11, Рм-406, а также в Измарагде 1-й редакции (Рм-186) и Торжественнике. Вторая находится только в Златоусте. При этом вторая (Златоустовская) редакция представляет существенную переработку первой. Так, в ней значительно усилено назидательное начало (включены отсутствующие в первой редакции наставления о пользе смирения и вреде гордости) и одновременно значительно упрощены философская основа притчи, ее антропологический характер и художественные особенности. В то же время в Златоустовской редакции более подробно пересказывается евангельский сюжет и вставлена пространная цитата из Евангелия от Луки (Лк 18:10–14). Существенные отличия наблюдаются в композиции обеих редакций. Начальная

¹⁹ Более подробно текстологическая классификация этого Слова изложена в нашей статье: *Баранкова Г. С.* «Слово о мытаре и фарисее» в четьих сборниках смешанного и устойчивого состава XIV–XVI веков: текстологический и лингвистический аспекты исследования // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 1. С. 44–65. Там же содержатся примеры разночтений, показывающие близость текста Слова в списках сборников смешанного состава к аналогичному тексту из сборников устойчивого состава.

часть первой редакции, содержащая аллегорическое изображение мытаря и фарисея в образах всадников, запрягших по паре коней, в Златоустовской редакции вставлена в конец и сильно сокращена и упрощена.

Сопоставление текста Слова о мытаре и фарисее со сборниками устойчивого состава – Измарагдом и триодным Торжественником – позволяет утверждать, что текст первой редакции положен в основу соответствующих текстов в этих сборниках с некоторыми отличиями. Следует отметить, что по характеру чтений внутри первой реакции выделяется Хл-30, который почти идентичен тексту Слова в Измарагде (Рм-186 и Тр-204). Текст же в триодных Торжественниках близок тексту Слова, представленному в Чуд-20 или в Ув-589. Текст Тр-9 имеет ряд отличий от других старших списков, и, судя по всему, он вторичен и не был использован при составлении Торжественника. Наиболее существенным его отличием от других списков является расширенная концовка. В этом списке отмечаются определенные языковые изменения, внесенные при редактировании памятника. Интересно отметить, что в Почаевском Златоусте представлена первая редакция памятника, читающаяся в старших сборниках, в нем она была незначительно отредактирована, при этом, как показывает сравнение списков, в основе почаевского текста лежит Хлудовский список и близкий ему Рм-186.

Похожая картина наблюдается в Слове о блудном сыне. Оно представляет собой изложение евангельской притчи (Лк 15:11–32) с авторским толкованием. Евангельская притча излагается в этом Слове более пространно, чем в Слове о мытаре и фарисее, и снабжена довольно подробными толкованиями (отец двух сыновей – Бог, старший сын – праведник, младший, растративший часть отцовского имения, – грешник, наемники, работающие у отца, – оглашенные в церкви, рабы отца, приносящие младшему сыну одежды, – иереи, служащие Богу, сама первая (лучшая) одежда – очищение от грехов, сапоги, которые дают на ноги сыну, – заповеди евангельского учения и т. д.).

Здесь тоже выделяются две редакции памятника. Первая представлена в ранних сборниках Чуд-20, Ув-589, Тр-9, Тр-11, Хл-30, Рм-406, при этом внутри этой редакции, как в Слове о мытаре и фарисее, также противопоставляются чтения Хл-30 остальным спискам. Чтения Хлудовского списка повторены в Измарагде Рм-186 и Тр-204 (см. таблицу 1). Кроме того, имеются небольшие различия между Ув-589 и остальными списками (см. таблицу 2), а также между Тр-9 и другими списками (см. таблицу 3). В Тр-9 была проведена

языковая правка: оунын – меньшин Тр-9, иностраньк ксть – страна далеча есть Тр-9 и др., а также внесены небольшие вставки. Подобную редактуру можно видеть и в Слове о мытаре и фарисее по списку Тр-9, где редактор текста расширил конец Слова и подновил его лексику.

Приведем некоторые примеры разночтений внутри 1-й редакции.

Таблица 1. Разночтения внутри 1-й редакции
Слова о блудном сыне
(противопоставление Хл-30 остальным спискам)

Чуд-20, Тр-11, Тр-9, Ув-589, Рм-406	Хл-30, Измарагд
разбонници блудници и лихоньмици си сугь свиныха и пастуси ²⁰	се же сугь свиныха пастуси. разбонници и блудници клеветници татък рѣзонимци мьгтонимци ²¹
якоже бо свиныха не можетъ горѣ зрѣти	якоже бо свиныха не можетъ взирати на высоту
тѣхъ во рожець вкүсь вридо ^к	текст отсутствует
и всю тварь на работу намъ даль ксть	и всю тварь намъ повинѹла ксть
рожеци сугь грѣси	рожьци же именѹются грѣси а свиныха бѣси
избывають хлѣби	изовилюють хлѣби
разбонници блудници. и лихоньмици си сугь свиныха и пастуси иже нигѣхъ на зло оучитъ	се же сугь свиныха пастуси. разбонници и блудници и клеветници. татък рѣзонимци мьгтонимци. иже нигѣхъ на зло оучать

Таблица 2. Индивидуальные чтения списков
1-й редакции Слова о блудном сыне

Чуд-20, Тр-11, Тр-9	Ув-589	Хл-30, Измарагд
добрѣ испроси самовластьк. никогоже бо нудитъ не хоташихъ работати кмоу	добрѣ испроси самовластьк но злѣ погиве дшею невъздержаньк попусти бо ны бѣ да имамъ самовластьк никогоже бо нудитъ кмоу работати	добрѣ бо изволиша себѣ грѣшници самовластьнаго въздержаник попусти бо бѣ самовластьк имѣти никогоже бо не нудитъ хоташихъ работати кму но по изволеню си каждо

20 Текст приводится по списку Чуд-20.

21 Текст приводится по списку Хл-20.

Таблица 3. Противопоставление чтений Тр-9 остальным спискам
1-й редакции Слова о блудном сыне

Списки 1 редакции (Чуд-20 и др.)	Тр-9
<p>боаѣимъ же сѧ гѧ нѣ лишенъѧ. и шедѣ прилѣписѧ єдиномуꙗ гража- нину</p>	<p>боаѣини же сѧ гѧ не лишатсѧ всакого бѣга. ꙗко нѣ лишенїѧ боаѣимсѧ его. лишаюцю^{же} сѧ емѸ и гладомѸ гивнѸцю. и шедѣ прилѣписѧ къ єдиномуꙗ гражанинѸ</p>

Лексические разночтения в ряде случаев указывают на бóльшую древность списков Ув-589, Хл-30, Чуд-20, ср., например, **комканьѧ** (Ув-589, Хл-30, Чуд-20) – **причащенїѧ** (Тр-9, Сол-1051) – **причаштьѧ** (Тр-11, Тих-185), о том же говорит сохранение супина **посла ... пастѣ свиини** (Ув-589, Хл-30, Чуд-20, Тр-11).

Что же касается Слова о блудном сыне в сборниках устойчивого состава, то текст его в Златоустах представляет вторичную редакцию этого памятника, тогда как в Измарагде, как уже говорилось выше, она представлена первой редакцией и притом текстом, который идентичен тексту Хлудовского сборника.

Слово о блудном сыне вошло в Триодные Торжественники и было представлено в нем первой редакцией старших сборников, более того, можно определить тот тип текста, который положен в его основу, – это список, близкий Ув-589, так как из ранних сборников только в нем представлен текст после слов **добрѣ испроси самовластьк...**, повторяющийся в триодных Торжественниках (см. таблицу 2). В ряде списков Торжественника это Слово приписано Григорию, папе римскому (Ег-117, Вол-431, Лук-85). В других его автором назван Иоанн Златоуст (Сол-1051, Писк-124), или оно является анонимным (Тих-185).

Вторая редакция Слова о блудном сыне, местами дословно следующая за текстом первой редакции, свидетельствует о том, что она была специально отредактирована для Златоуста. В нее добавлены назидательные рассуждения и расширены некоторые толкования, кроме того, были добавлены библейские цитаты (из Аввакума и Иеремии), композиция же этого Слова не была изменена.

Таблица 4. Разночтения 1-й и 2-й редакций Слова о блудном сыне

Редакция Сборников (Чуд-20)	Златоуст (Тр-142)
Възлюблении послѣшантѣ самого х̄а о покааннѣи гл̄ща притчю	҆е преспѣють възлюбленіи. дн̄и ч̄тнаго ст̄го поста. того ради ѡ покааніи е҃вальское слово бесѣдѣть. слышитѣ рѣ г҃ь
чл̄вколюбець б҃ъ	вси б҃гъ
дан же ми достоннѣю часть имѣннѣи. доврѣ испроси самовластѣк никого же бо нудитѣ не хотѣшихъ работати кмѣ. имѣнѣе же се ксть небо и земля. море и рѣки, и всю тварь на работѣ намъ далъ ксть законъ и пр̄рки насъ ради посла	дан же ми достоннѣю часть имѣннѣи. о҃чнѣи сн̄ъ е҃ грѣшникъ. нѣже послѣди и грѣбѣ вниде въ миръ. и имѣеть (вар. в списках имѣннѣе) всю тварь намъ порѣчи б҃гъ. нѣбо и землю. пр̄рки и законъ на ра̄дѣ по- сла. доврѣ бо изволиша грѣшници самовластнѣи погнѣвѣти
гладъ на странѣ тои. не гладъ хлѣба но еже не примати ст̄го комканья (вар. в списках причащеніа, причастіа)	и бы гла̄дѣ крѣпокъ на странѣ тои. не гла̄дѣ хлѣба. но еже не слышати сло- весѣи вѣѣа. и начаша лишати е҃же не прнати части ст̄гы ч̄тны танинъ

Внутри этой редакции можно выделить списки, имеющие большую текстологическую близость между собой: так, Тр-142 близок МДА-146, Рм-181, а Ег-833 – Писк-128: *порѣчи* (Тр-142, МДА-146, Рм-181) – *покорилъ е҃* (Ег-833, Писк-128); *дѣла* (Тр-142, МДА-146), *дла* (Рм-181) – *дѣюще* (Ег-833), *дѣлати* (Писк-128); *ѡ телесѣ попеченіе* (Тр-142, МДА-146, Рм-181) – *телесное пощеніе* (Ег-833, Писк-128); *пріймъ* (Тр-142, МДА-146, Рм-181) – *сѣхранивъ* (Ег-833, Писк-128), *дивно* (Тр-142, МДА-146, Рм-181) – *едино* (Ег-833, Писк-128) и т. п.

Как особый вид этой Златоустовской редакции можно рассматривать Ун-535, имеющий вставку в начале Слова, являющуюся практически самостоятельным, вероятно, русским по своему происхождению, поучением накануне Великого поста. В нем в уничижительной манере автор представляет свое Слово как «нищую и худую трапезу» на суд для назидания и поучения. Это поучение в простой и безыскусной манере показывает преимущество для православных христиан «духовной трапезы» над телесными удовольствиями: *егда кто алченъ есть. то и горька емѣ въ сладость сѣтъ, а сытому аще бы и медъ емоу,*

то никаѡ же полза естъ. а здѣ бж҃іею бл҃г҃тїю трапеза естъ дх̄овнаѡ (Ун-535, л. 4). Вставка-поучение в Слово о блудном сыне заканчивается призывом достойно встретить Великий пост и отказаться от **свара, гравленїѡ, чюжого имѣнїѡ, гордостї, завнстї, ажа, клеветы и прочї.**^x Заметим, что в этом же списке Златоуста Ув-535 подобным изменением подверглось Слово о мытаре и фарисее, где была сделана вставка в начале текста, взятая из Слова о мытаре и фарисее из Торжественников общих, которое не имеет ничего общего ни со Словом из старших сборников, ни с его златоустовской редакцией; в некоторых списках оно приписывается Кириллу Александрийскому.

Слово о блудном сыне в печатном Почаевском Златоусте выступает в редакции Златоустов, а не старших сборников XIV–XV вв., как это можно было видеть на примере Слова о мытаре и фарисее.

Третье Слово рассматриваемого цикла – Поучение в первую неделю поста, приписываемое Иоанну Златоусту, – атрибутируется болгарскими исследователями Клименту Охридскому²². Думается, однако, что вопрос об авторстве этого цикла еще далек от своего окончательного решения, так как ответ на него основан не на лингвистическом, а в значительной степени на тематическом исследовании Слов. Это Слово, в отличие от двух рассмотренных выше, не имеет евангельской сюжетной основы и посвящено похвале посту в целом и его первой неделе, а также необходимости соблюдения всего цикла поста от первой до последней недели. Интересна своеобразная иерархическая структура постных недель, выстраиваемая в этом произведении: последняя неделя поста, как наиболее важная, подобна царю, шестая подобна князю, который менее значим, чем царь, но выше воеводы, который уподобляется пятой неделе поста, воевода выше боярина, боярин выше сотника, сотник выше десятника, а последний – слуги. Как и в двух первых Словах цикла, здесь использована Притча, однако ее источник неясен. Ни в византийской, ни в южнославянской и древнерусской литературах ее источник исследователями не найден. Это притча о мудром царе и его 7 дочерях, олицетворяющих 7 недель Великого поста, которые следует равно соблюдать и почитать. Царь, желая испытать своих подданных, рассадил своих дочерей подле себя, старшую ближе всех к себе, а меньшую – дальше всех от себя. Одни из пришедших одинаково чествовали дочерей и тем угодили царю, другие больше всех восхваляли младшую дочь и так разгневали царя, что тот повелел заключить их в темницу и подвергнуть

22 Его издание см.: Климент Охридски. С. 715–727.

мучениям. Заключительная часть Слова представляет собой толкование этой притчи и призыв равно и по силе соблюдать все недели поста, начиная с первой.

В текстологическом отношении рассматриваемое Слово также представляет две редакции, одну в старших сборниках, другую в Златоустах. Отметим, что в Торжественнике это Слово пропущено. Как и в предыдущих рассмотренных Словах, в Златоусте было проведено его редактирование. Оно выразилось в значительном расширении концовки Слова, добавлении отдельных слов и предложений и замене некоторых слов, вставке библейских цитат (см. таблицу 4). Однако и композиционно, и содержательно оно не подверглось существенной правке. Внутри Златоустовской редакции также проводилось редактирование текста, примером может служить Писк-124, причем редактирование проводилось в большей степени на уровне языка, чем на уровне текста.

Приведем примеры некоторых наиболее показательных различий.

Таблица 5. Различия 1-й и 2-й редакций Слова в первую неделю поста

Сборники (Хл-30 и др.), Измарагд (Тр-204)	Златоуст (Тр-142)
сладость во сахара и смидална брашна како скажу не вкушав- шимъ того аще много хвалю то не разумѣють	сладость во сахара и смидалнаго брашна (так в ркп!) естъ. ѡ семъ прркъ двѣдъ ре въксите и оувидите яко благъ гъ
нѣ долъжни ксмъ сими стѣми недѣлами постными привлжитиса къ бѣ	сѣа во нѣла на очищеніе грѣхѣ нашихъ аще ли доврѣ свершимъ
Ѡ меншихъ слугъ и до великихъ Хл-30, Тр-11, Тр-204 Ѡ меншихъ слугъ и до послѣднихъ Чуд-20, Тр-9	меншии даждъ и до вельможъ
да имѣюци не имѣющимъ дають	да бѣгати подають скѣдныи
размыслите оубо любимици	послашайте любовно вѣрнии
свара ни досады другъ Ѡ друга	ни досады нѣсть яко во пыанствѣ
аще въ чель и съгрѣшиха къте	аще зло сътвориша велми

но и д̄шами и ^х	но и д̄шами и ^х и не бѣ никто лиша- емъ во странѣ твои
да с чѣгоу свѣстью х̄вы стрѣти до- идемъ	да с чѣгоу совѣстїю чѣтномъ крѣчѣ поклонимса. и х̄вы стрѣти дондемъ
оубогимъ же бл̄годареник поданте	оубогы же и сирота. бѣдны ^м вдовица. тѣб̄ бл̄го творите
си же не сѣтъ тѣжка. аще хо- цѣмъ токмо не оунывакмъ ни облѣнимъса да не погубимъ трѣда кгоже подѣяхомъ в первѣю нѣлю поста	тѣб̄ ради лише бг̄ъ намъ даровалъ естъ. а ничтѣ не принесохѣ в миръ сен, ниже пакы вѣземающе ѿходимъ. тѣб̄ потѣшимса постѣм̄ мѣтвми и поклоно ^м и мѣтвинею. д̄ша и телеса встѣти да с любовїю воскр̄сенїа х̄ва донде. нѣ ^б во тѣжко аще хоце ^м но не слабѣемъ, ни обленимса. и во оугодїа тѣла не дади ^м . да не погубимъ трѣда егоже первѣю нѣлю прїахо ^м . бг̄ъ нашемѣ слава

Златоустовская редакция имеет некоторые отличия по спискам. Большую близость между собой имеют списки Тр-142, МДА-146, Писк-128, Ег-833, Рм-181, при этом Тр-142 имеет ряд искажений и пропусков слов: видѣнїа вместо в дѣванїи, брачна вместо брашна, блг̄ъ вместо бг̄ъ, а в Ег-833 отмечаются некоторые лексические замены: прїахо^м (Тр-142) – съвокоупихомъ (Ег-833), кипащїа (Тр-142) – исполнена (Ег-833), вдовица^м (Тр-142) – вдовамъ (Ег-833). Рядом индивидуальных чтений отличается Ун-535, по некоторым чтениям он объединяется или близок с Писк-124: на пренѣла поспѣванте (Тр-142, МДА-146, Писк-128), на преднѣла поспѣванте вси (Ег-833) – заднѣла забывающе а на пренѣла простирающеся (Ун-535), заднѣла забываите на пренѣла приготовамса (Писк-124); поклоно^м (Тр-142, МДА-146), поклоны (Писк-128), поклонаниемъ (Ег-833) – покаанїемъ (Ун-535); водрїи естъ (Тр-142, Ег-833), водренїе естъ (МДА-146), водри есте (Писк-128) – добро естъ (Ун-535); привиженїе (Тр-142, МДА-146, Писк-128, Ег-833) – присвоенїе (Ун-535).

Существенным изменениям подвергся текст Писк-124 как со стороны содержания, так и со стороны языка, так что его можно выделить в отдельную группу второй редакции (см. таблицу 6).

Таблица 6. Разночтения внутри групп 2-й редакции
Слова в первую неделю поста

Тр-142 и др. списки Златоуста	Писк-124
аще ли кто в лѣности нѣлю сѣю пре- былъ. но не вѣсть ꙗко ѿ поста полъза ѣ. сладость во сахара и семидалнаго брачна (вариант по спискам брашна) есть	приотовимса постом и млтвою слажьше и сахаром и меднаго брашна
в семъ прркъ двѣтъ рѣ вкѣсите и оувидите ꙗко блгъ гъ	текст отсутствует
но и в срца нша прѣаттѣ и. причащеніемъ стѣ таиннъ. сѣа во нѣла на вчистиеніе грѣхъ наши. аще ли добръ свершимъ	вчисти срце свое покаяніем и стѣ причащаема таиннъ. прѣемше дши свои просвети. должни во есмо постны даром приближитиса к бгѣ. вчисти срце свое
до вельможъ	до старшаго слѣгы
ѣ. дщери велики красны	ѣ. дщери предобры събло

Слово в первую неделю поста в Почаевском Златоусте текстуально совпадает с одноименным Словом в редакции Златоуста, при этом в основу его текста был взят список, близкий по своим чтениям Тр-142, МДА-146, однако свободный от порчи и искажений.

Лексические и грамматические особенности рассматриваемых Слов по первой редакции (редакции сборников) говорят об их древности. В них последовательно сохраняется супин (**придохъ възискатъ, посла пастъ свинни**), двойственное число, отмечаются лексические архаизмы и гапаксы (**комѣканіе, анагностъ** («церковный чтец»), **корчма** (в значении «напиток»), **самомнимыи, безжерельныи, иностранье** и др.). Слово сочетание **безжерельныи въздыханниа** зафиксировано в исторических словарях только по Слову о мытаре и фарисее и Повести о беспечном царе. Как гапакс можно рассматривать лексему **орудовати**, отмеченную в Материалах И. И. Срезневского и Словаре русского языка XI–XVII только по рассматриваемому Слову в первую неделю поста. В целом же лексика анализируемых произведений характерна как для древнеболгарских по происхождению памятников, так и для оригинальных и переводных древнерусских. Так, например,

глагол **печаловати (печаловатисѧ)** по данным исторических словарей встречается как в Пандектах Антиоха XI в., так и в значительном числе древнерусских произведений: Русской Правде, Договорной грамоте 1340 г., Новгородской I летописи, Пчеле и ряде других²³. Употребительно в древнерусских памятниках было словосочетание **миль дѣяти**, которое известно в том числе по произведениям Кирилла Туровского. Большое число лексем, встречающихся в Словах, употребительно в ранних евангельских текстах – Остромировом, Юрьевском Евангелиях, например, **обѣсити, рожьць, извѣтъ, пьрвын** в значении «лучший», что связано с евангельской тематикой анализируемых Слов. Наблюдается употребление большого числа композитов: **высокооумне, зълопомненне, миродържанне, благооугодити, велерѣчне, иностранне** (последнее слово является гапаксом, так как отсутствует в исторических словарях) и др. Из немногочисленных грецизмов следует назвать **анагностъ, смидальныи (семидальныи)**.

Обращает на себя внимание некоторое лексическое и отчасти тематическое сходство рассматриваемых Слов цикла с сочинениями Кирилла Туровского, который широко использовал в своих повествовательных произведениях притчи. Из общих тем отметим прежде всего антропологическую проблематику, связанную с толкованием церкви как составления человеческого тела, как в Слове о мытаре и фарисее, так и в Повести о беспечном царе. Одним из постоянных мотивов в творчестве Туровского епископа является противостояние души и тела, который также разрабатывается в Слове о мытаре и фарисее, где подчеркивается двойственный характер природы человека. Наличие многочисленных и даже пословных толкований в Словах объединяет их и произведения Кирилла Туровского. Интересна близость скреп, обеспечивающих переход от текста к толкованию, используемых в Слове в первую неделю поста и Повести о беспечном царе, ср.: **бъстрини оумомъ оуже разумѣша многихъ же радї ркѹ азъ** (Слово в первую неделю поста) – **а въстрини оумо^м и преже сказаныа си вѣдѣтъ** (Повесть (Пог-796, л. 308 об.)). Сладость поста в Слове в первую неделю поста сопоставима со сладостью книжного учения в Притче о душе и теле: **сладко бо медвенъин сотъ и добро сахаръ** (Притча о душе и теле (Чуд-20, л. 287 об.)) – **сладость бо сахара и смидална брашна** (Слово в первую неделю поста). Есть и иные мотивы, сближающие это Слово с произведениями Кирилла. Так, в Слове на Пасху

²³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. 2. Л–П. Стб. 922.

Кирилла и в Слове в первую неделю поста содержится толкования понятия Великий пост (Великая последняя неделя), имеющие заметное сходство друг с другом:

ВТОРОК ЖЕ ВЪСКРНИКЪ ХВО ВЕЛИКЪИ ДНЬ НАРИЦАЕТСЯ. ПО ИСТИНѢ ЖЕ ВЕЛИКЪ КСТЪ ДНЬ СНИ. НЕ МНОЖБИ ЧАСОВЪ ИМѢА. НЪ ВЕЛИКЪХЪ РАДИ ЧЮ ДЕСЪ. ТАЖЕ Ѡ СПСА НАШЕГО ХА СОТВОРИШАСА (Слово на Пасху (Ув-589, л. 232)) – **ЧТГВШИИ КСТЪ ВСѢХЪ СЕМАА НЕЛА. ИЖЕ ВЕЛИКАА НАРИЦАЕТЪ. НЕ МНОЖСТВОМЪ ЧА ВОЛШИ ИГѢХЪ КСТЪ НО ИМЖЕ ВЕЛИКИА ТАИНЫ БЪША В НЕИ ГНИ СТЪТИ** (Слово в первую неделю поста).

Сказанное заставляет предположить, что Кирилл был хорошо знаком с рассматриваемым циклом; не исключено, однако, его авторство Слова о мытаре и фарисее. Если эти предположения верны, то цикл Поучений должен быть очень ранним и датироваться не позднее XII в.

Анализ Слов, входящих в цикл Слов великопостных и предшествующих Великому посту, показал, что существует две редакции этих произведений: одна представлена в сборниках XIV–XVI вв., а другая – в сборниках относительно устойчивого состава Златоустах. При составлении Златоуста эти произведения в разной степени подверглись редактированию. Внутри 1-й редакции можно выделить несколько групп, но наиболее четко противопоставлены остальным спискам этой редакции Хл-30 и копирующий его тексты Измарагд 1-й редакции (Рм-186 и Тр-204). В 1-й редакции несколько особняком стоит Тр-9, имеющий ряд индивидуальных чтений. Текст анализируемых Слов (О мытаре и фарисее и О блудном сыне) был включен в Торжественники в редакции старших сборников, причем можно видеть, что в одних Торжественниках он ближе к Чудовскому, а в других к Уваровскому списку. При значительной переделке и редактировании текста для Златоуста трудно судить, какой из списков 1-й редакции лег в его основу, однако по некоторым косвенным признакам можно полагать, что это был список, близкий Хл-30. Слова в списках Златоуста также могли подвергаться переделке, среди рассмотренных списков это Писк-124 и Ун-535.

Источники и литература

Вол-431 – РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 431, кон. XV – нач. XVI в. Сборник.

Ег-117 – РГБ, собр. Егорова № 117, посл. тр. XV в. Торжественник триодный.

Ег-192 – РГБ, собр. Егорова № 192, XVII в. Торжественник триодный и минейный.

Ег-833 – РГБ, собр. Егорова № 833, XV в. Златоуст.

Лук-85 – РГБ, собр. Лукашевича и Маркевича № 85, XV в. Торжественник.

МДА-146 – РГБ, собр. Московской Духовной академии № 146, XVI в. Златоуст.

Писк-124 – РГБ, собр. Пискарева № 124, XVI в. Златоуст.

Писк-128 – РГБ, собр. Пискарева № 128, XVI в. Златоуст.

Пог-796 – РНБ, собр. Погодина № 796, XV в. Сборник.

Рм-181 – РГБ, собр. Румянцева № 181, XVI в. Златоуст.

Рм-186 – РГБ, собр. Румянцева № 186, XIV в. Измарагд.

Рм-406 – РГБ, собр. Румянцева № 406, XV в. Сборник.

Сол-1051 – РНБ, собр. Соловецкое № 1051/1160, XV в. Торжественник.

Тих-185 – РГБ, собр. Тихонравова № 185, XV в. Златоуст.

Тр-9 – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 9, кон. XIV в. Сборник.

Тр-11 – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 11, кон. XIV – нач. XV в.

Златая цепь.

Тр-142 – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 142, XVI в. Златоуст.

Тр-144 – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 144, XVI в. Златоуст.

Тр-204 – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 204, XVI в. Измарагд.

Ув-589 – ГИМ, собр. Уварова № 589, XIV в. Сборник.

Ун-535 – РГБ, собр. Ундольского № 535, XVI в. Златоуст.

Чуд-20 – ГИМ, собр. Чудовское № 20, XIV в. Сборник.

Баранкова Г. С. «Слово о мытаре и фарисее» в четых сборниках смешанного и устойчивого состава XIV–XVI веков: текстологический и лингвистический аспекты исследования // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 1. С. 44–65.

Горский А. В. О древних Словах на св. Четыредесятницу // Прибавления к изданию святых отцов в русском переводе. М.: В типографии В. Готье, 1858. Ч. 17. Кн. 1. С. 34–64.

Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: Каталог гомилий / Институт русской литературы РАН

(Пушкинский Дом); сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевиčius. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 209 с.

Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги) / сост. Д. М. Буланин, А. А. Романова, О. В. Творогов, Ф. Томсон, А. А. Турилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 944 с.

Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 2 / обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Хр. Кодов, Кл. Иванова. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1977. 843 с.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии / Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1881. Ч. I. 827 с.

Петухов Е. В. Древние поучения на воскресные дни Великого поста // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1886. Т. 40. № 3. С. I–XIX, 1–30.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 2. Л–П. 920 с.

Творогов О. В. Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья первая) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 197–214.

Черторицкая Т. В. К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 5–27.

References

Barankova, G. «“Slovo o mytare i farisee” v chet'ikh sbornikakh smeshannogo i ustoichivogo sostava XIV–XV vekov: Tekstologicheskii i lingvisticheskii aspekty issledovaniia.» *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no 1, pp. 44–65.

Chertoritskaia, T. “K voprosu o literaturnoi istorii drevnerusskogo mineinogo Torzhestvennika.” *Drevnerusskaia rukopisnaia kniga i ee bytovanie v Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1982, pp. 5–27.

Ioann Zlatoust v drevnerusskoi i iuzhnoslavianskoi pis'mennosti XI–XVI vekov. Katalog gomilii, comp. by E. E. Granstrem, O. V. Tvorogov, A. Valevichus. St Petersburg: DMITRII BULANIN, 1998, 209 p.

Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv. (rukopisnye knigi), comp. by D. M. Bulanin, A. A. Romanova, O. V. Tvorogov, F. Tomson, A. A. Turilov. St Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014, 944 p.

Kliment Ohridski. Sŭbrani sŭchineniia. Vol. 2, ed. by B. St. Angelov, K. M. Kuev, Hr. Kodov, Kl. Ivanova. Sofia: Izdatelstvo na Bŭlgarskata Akademiia na naukite, 1977, 843 p.

Sreznevskii, I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka*. In 3 vols. Vol. II. I–II. Moscow: Znak, 2003, 920 p.

Tvorogov, O. *Drevnerusskie chet'i sborniki XII–XIV vv. (Stat'ia pervaiia)*. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 41. Leningrad: Nauka, 1988, pp. 197–214.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.10

G. S. Barankova

**The cycle of Words and Sermonizings of great Lent
and the weeks preparatory to it, in the collections
of mixed and stable composition of the 14th –16 th centuries**

Galina S. Barankova

Candidate of Letters, leading research fellow

Vinogradov State Institute of Russian Language,

Russian Academy of Sciences

119019, Volkhonka 18/2, Moscow, Russian Federation

E mail: barankova@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-3628-1516

Citation

Barankova G. S. The cycle of Words and Sermonizings of great Lent and the weeks preparatory to it, in the collections of mixed and stable composition of the 14th – 16th centuries // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 210–229 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.10

Received: 30.03.2023.

Revised: 05.06.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the cycle of Lenten and pre-Lent works of Slavic origin, contained in mixed collections of the 14th – 15th centuries: State Historical Museum, collection of Uvarov, No. 589, collection of Chudovskoye No. 20, collection of Khludov No. 30d, Russian State Library, collection of the Trinity-Sergius Lavra No. 9, 11, collection of Rummyantsev No. 406), as well as those in the stable collections of the 15th – 16th centuries of Chrysostom, Solemn (Torzhestvennik) and Izmaragd. Of the 10 works

included in this cycle, three are analyzed – The Sermon about the Publican and the Pharisee, the Word about the prodigal son and the Word of the first week of Lent. The textual editions of these Words and the links between the texts of the older collections of the 14th – 15th centuries and collections of sustainable composition are established. In collections of mixed composition, one recension of the text stands out, which is close to that presented in the Solemnities. The works under consideration underwent the most significant alteration when they were included in Chrysostom. In turn, the Words in the copies of Chrysostom could also be edited both in terms of content and language. The well-known textological and lexical proximity of the Word in the week about the publican and the Pharisee and the Word in the first week of fasting, attributed by Bulgarian scholars to Kliment Ohridsky, with the works of Cyril of Turov are noted. The articles also present the long history of this texts in Old Russian miscellanies.

Keywords

Versions, manuscript copies, variant readings, lexis, great Lent.

УДК 811

Т. И. Вендина

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

Н. И. Толстой и антропология диалектного слова (к столетию со дня рождения)

Вендина Татьяна Ивановна

Доктор филологических наук, профессор, руководитель центра

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: vendit@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7752-6615

Цитирование

Вендина Т. И. Н. И. Толстой и антропология диалектного слова (к столетию со дня рождения) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 230–245. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

Статья поступила в редакцию 12.04.2023.

Рецензирование завершено 19.04.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья посвящена анализу антропоцентрической парадигмы славянской диалектологии, современный этап которой можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. Благодаря Н. И. Толстому сформировалось новое направление в культурно-языковой диалектологии – этнолингвистика, в которой исследование диалектного слова ведется сквозь призму культурной антропологии, так как для адекватного познания языка необходимы выходы за его пределы – в философию, логику, культуру, психологию, социологию, этнологию, историю и другие области гуманитарного знания. Из лингвистики «имманентной», лингвистики «в самой себе и для себя» этнолингвистика превратилась в «зачем/почему-лингвистику» (А. Е. Кибрик), логика развития которой требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики – «найти доступ к человеку через язык». По мнению Н. И. Толстого, только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Опора на лингвистическую

реконструкцию когнитивной структуры диалектного слова позволяет перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т. е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Актуальность и жизненность идеи Никиты Ильича об антропологии диалектного слова доказывает и такой проект, как «Общеславянский лингвистический атлас», работа над которым началась также во многом благодаря ему.

Ключевые слова

Славянская диалектология, славянская традиционная культура, интерпретация диалектного слова, Н. И. Толстой, антропологическая парадигма в лингвистике.

Статья, посвященная моему учителю, академику Н. И. Толстому, является скромной данью глубокого уважения к этому труженику науки, чья разносторонняя научная деятельность и как ученого, и как педагога во многом способствовала развитию славянской диалектологии

Конец XX века в лингвистике ознаменовался важнейшим методологическим сдвигом, практически «полной сменой ее парадигмы» (Р. М. Фрумкина), поскольку она перешла на новую, антропоцентрическую парадигму исследования, обращенную к изучению «души языка», т. е. опредмеченному в нем мировидению человека, его сознания и мышления. Лингвистика превратилась в полипарадигмальную науку, отличительной особенностью которой стал ее экспансионизм, поскольку стало очевидным, что для адекватного познания языка необходимы выходы за его пределы – в философию, логику, культуру, психологию, социологию, этнологию, историю, культурную антропологию и другие области гуманитарного знания. Поэтому современную ситуацию в лингвистике отличает многообразие научных направлений, концепций, теорий в стремлении познать язык не только «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр), но и как средство понимания человека и того мира, в котором он существует. Из лингвистики «имманентной», лингвистики «в самой себе и для себя» она превратилась в «зачем/почему-лингвистику» (А. Е. Кибрик), логика развития которой требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики – «найти доступ к человеку через язык». В связи с этим изменился «антропоцентрический дискурс гуманитарных дисциплин... Если ранее о человеке говорилось как “о мере всех вещей”, то теперь

он определенно становится “мерой науки” о языке, литературе, истории, искусстве» (Софронова, Куренная 2013: 5). И в этом превращении лингвистики в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит когнитологии.

Исходный тезис антропоцентрической лингвистики заключается в том, что язык есть конститутивное свойство человека. В формулировке Э. Бенвениста этот тезис гласит: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974: 293). Отсюда следует, что познание человека невозможно без изучения его языка, а понять природу языка можно лишь исходя из человека. При этом, если следовать идеям Э. Бенвениста, высшим уровнем языка в самой широкой его семиотической трактовке следует признать культуру, которая в основе своей так же семиотична, как и язык, поэтому без привлечения культуры язык не может быть осмыслен глубоко и полно.

В центре внимания ученых все чаще оказывается триада *язык – культура – человеческая личность*. От расплывчатого и довольно туманного гумбольдтовского «духа народа» (ср., например, известную его формулу: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» (В. фон Гумбольдт 1984: 68)), укорененного в его чувствах и эмоциях, современная лингвистика обратилась к изучению языкового сознания человека.

Следует отметить, что этот процесс начался давно, об этом еще в 70-х гг. прошлого века писал Никита Ильич Толстой. В своих лекциях и многочисленных работах он постоянно говорил об антропологии диалектного слова и о необходимости рассматривать тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу. При этом он стремился преодолеть существующие в диалектологии стереотипы лингвистического анализа и повернуть славянскую диалектологию к человеку и традиционной духовной культуре славян, доказывая тем самым возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии. «В нашу пору, когда наука о диалектах, казалось бы, добилась своей полной автономии и самостоятельности с применением разных методов исследования, [...] она начала испытывать острую нужду в союзе или даже в единении с этнографией. Эта тяга к сближению проявляется не только в историко-диалектологическом аспекте [...], но и в области синхронно-типологической диалектологии, прежде всего в ее лексико-семантической сфере» (Толстой 1997: 225).

Объяснял он это тем, что «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую» (Толстой 1995: 21). Между тем понятие культурного диалекта «мало используется в славянской этнографии и тем более культурологии, в то время как оно очень существенно для диахронических исследований и является ключевым в опытах реконструкции праславянской духовной культуры и лексического фонда праславянского языка» (Там же: 37). По мнению Никиты Ильича, между языком и культурой существует определенный изоморфизм, о чем он прямо пишет в статье «Язык и культура». Сходство структуры обоих феноменов проявляется, на его взгляд, не только в их функциональном изоморфизме, но и, в частности, в том, что в истории культуры так же, как и в истории языка, можно обнаружить «процессы взаимодействия, наслоения культур на культуры, т. е. явления культурных субстрата, адстрата или суперстрата, ср. аналогичные понятия в лингвистике» (Там же: 19). Этот изоморфизм свидетельствует о том, что язык является «естественным субстратом культуры», «орудием» или «инструментом» ментального упорядочивания мира.

Диалектное слово, по его мнению, представляет собой культурное творение, которое нельзя понять, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии. Вот почему при изучении любой культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры как наиболее устойчивой и консервативной, отсылающей к истокам национальной культуры. В диалектах до сих пор живут различные формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека традиционной культуры, так как диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» (Гумбольдт 1984: 71).

Не случайно осмысление языка культуры (как, впрочем, и естественного языка) начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку именно словарь определяет логико-понятийную сеть языка, лексика которого является самым чувствительным индикатором культуры. «Если словарь народа, – писал крупнейший социолог языка, основатель европейской школы неогумбольдтианства Й. Л. Вайсгербер, – является суммой и результатом понятийной переработки им своего опыта, то исследование словаря служит в первую очередь постижению понятийного мира этого народа» (Вайсгербер 1993: 143). Изучая диалектное слово, мы сможем понять подлинную сущность и нашей культуры, ибо именно диалектное слово «выступает неким концентратом культуры нации» (Лихачев 1996: 29), оно стремится не просто описать мир, но и объяснить его.

Вот почему для понимания культуры чрезвычайно важным является обращение к языку традиционной (или крестьянской) духовной культуры. Ведь «диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую», – говорил Н. И. Толстой, отмечая высокий культурологический потенциал диалектного слова (Толстой 1995: 21).

Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность. Погружаясь в определенную культурную наследственность, благодаря нравственной валентности памяти она через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, осознавая постепенно и свое место в нем. Так через язык происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности субъекта, его самоотождествление с идеями, ценностями, традициями своей культуры.

Поэтому только язык может дать истинную картину языкового сознания человека той или иной культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Апелляция к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области литературы или философской мысли является малоубедительной, поскольку это всегда взгляд со стороны, который отличается субъективизмом; ср. в связи с этим мнение известного русского мыслителя и общественного деятеля И. Л. Солоневича, который говорил, что «психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта – и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой – отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский – быт деклассированного и озлобленного разночинца [...]. А. Чехов – быт мелкой интеллигенции [...]. М. Горький – социал-демократического босяка. [...] Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. Литература всегда является кривым зеркалом народной души. Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет» (Солоневич 2010: 340).

Продолжая мысль И. Л. Солоневича, следует сказать, что адекватная характеристика психологии, мировоззрения народа и соответственно его культуры может быть получена только с опорой на данные

языка. А это значит, что необходимо отрешиться от навязываемых оценок и проникнуть в самую идеологию языка, тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая “отражается” в зеркале естественного языка» (Кибрик 2008: 75).

Благодаря Н. И. Толстому диалектология смогла раздвинуть рамки своих исследований, позволивших понять ту логику, которой руководствовался язык при отборе тех или иных мотивационных признаков в качестве ведущих при номинации реалий внешнего мира. Благодаря ему сформировалось и новое направление в культурно-языковой диалектологии – этнолингвистика, в которой исследование диалектного слова и диалектной фразеологии ведется сквозь призму культурной антропологии. Перед диалектологией открылось новое поле исследований, связанных с лингвистической реконструкцией когнитивной структуры диалектного слова.

Актуальность и жизненность идеи Никиты Ильича об антропологии диалектного слова доказывает и такой проект, как «Общеславянский лингвистический атлас», работа над которым началась также во многом благодаря ему. Если обратиться, например, к таким томам «Атласа», как том 9 «Человек» (Kraków 2009), том 12 «Личные черты человека» (Москва 2020), то нетрудно увидеть, что на картах «Атласа» отразилась не только лингвистическая дифференциация диалектов, но и культурологическая. Выбор мотивационного признака диалектного слова не является случайным, он предопределен интересами человека и имеет свою культурную мотивацию. И в этом проявляется феномен влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации диалектного слова (влияние на язык психофизиологического механизма сенсорного восприятия) и вторичной антропологизации (влияние на язык религиозно-мифологических, философских воззрений, социально-нормативных предписаний и запретов, существующих в традиционной культуре).

Если принять во внимание устойчивость и повторяемость языковых актов как одну из форм проявления коллективного бессознательного культурной памяти, то можно выявить «сокрытые смыслы» и ценностные ориентации языка культуры, поскольку механизмы этой устойчивости мотивируются культурными механизмами (типом культуры, конкретными условиями общественной жизни), благодаря чему и происходит «вплетение» культурной семантики в языковую.

Иллюстрацией культурно-языковой дифференциации славянских диалектов может служить процесс антропологизации диалектного

слова, ярко выраженный на картах 12 тома «Атласа» «Личные черты человека». Карты, входящие в этот том, представляют человека как субъекта деятельности и носителя сознания в разных его «ипоста-сях», а именно – как организм и как личность.

Человек как организм (или «природный человек») предстает в виде совокупности его телесных и материальных свойств, генетически унаследованных от родителей и претерпевших лишь некоторые изменения в процессе жизненной эволюции (см., например, карту 1 ‘лысый (о человеке)’, карту 4 ‘кудрявый’, 5 ‘рыжий’, 8 ‘пѣть(-я)’, 10 ‘слепой человек’, 11 ‘косоглазый, с косыми глазами (о человеке)’, 16 ‘горбатый человек’, 19 ‘человек с большим животом’, 21 ‘толстый человек’, 23 ‘худой человек’, 25 ‘человек с большой головой’, 27 ‘человек с большой бородой’, 29 ‘человек с большими усами’, 30 ‘красивый (о человеке)’, 31 ‘сильный, обладающий физической силой (о человеке)’, 12 ‘глухой человек’, 17 ‘хромой’, 13 ‘человек, который работает левой рукой, левша’ и др.).

Человек как личность рассматривается как социокультурный индивид, как субъект – носитель сознания и самосознания: эта группа имен описывает, с одной стороны, **психологические** особенности человека, определяющие его индивидуальность в единстве эмоционального и интеллектуального начал (см., например, карту 32 ‘глупый человек, дурак’, карту 39 ‘человек, который любит хвалиться, хвастун’, 42 ‘человек, который лжет’, 43 ‘женщина, которая лжет’, 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’), а с другой – **социальные**, указывающие на его социальную роль и опыт деятельности в обществе (см., например, карту 45 ‘охотно и хорошо работающий (о человеке)’, 46 ‘ленивый, не любящий работать’, 47 ‘ленивый человек’, 34 ‘скупой, чрезмерно бережливый’ и др.).

При этом карты, представляющие «природного» человека, демонстрируют сравнительно низкую лингвокреативную активность диалектов, что само по себе указывает на то, что чувственная, физическая природа человека не имеет особого интереса для языка традиционной культуры славян. Не случайно именно на этих картах содержится больше всего лексем общеславянского распространения (это такие лексемы, как *nĕt-ъ* карта 8, *slĕp-ъ* карта 9, *xrom-ъ* карта 17, *glux-ъ* карта 12 и др.).

Самая же высокая степень лексической загруженности наблюдается на картах, посвященных репрезентации человека как личности социальной и духовной, ср., например, карту 32 ‘глупый человек, дурак’, карту 44 ‘женщина, которая любит сплетничать’, 47 ‘ленивый человек’

(на которых зафиксировано более двухсот наименований, для сравнения можно привести карту 8 'něťь(-jь)', где представлено всего 47 лексем). Причем в разных славянских языках лексическая и словообразовательная плотность карт варьируется. И это понятно, так как диалектное слово является своеобразным художественным образом, в котором выражены наблюдения народа над самим собой и окружающим миром. А поскольку мир многообразен, как и многообразны народы, населяющие его, то можно предположить, что каждая культура имеет свой язык, свою специфическую этническую особенность в отражении мира, вскрыть которую призвана этнолингвистика.

Так, например, в **хорватских** диалектах среди карт, посвященных человеку как личности социальной и духовной, самыми лексически загруженными являются карты:

32 'глупый человек, дурак', хорват. (*bed*)-*ak*-ъ (*bed*ǎ:k), (*bedav*)-*Ъ* ('be:daf), *glup-an*-ъ (glúpan), [*xlep*]-*ač*-ъ (*x*'lepa:č), (*xor*)-*m*=-*ak*-ъ (*x*oř'mǎ:k), *lep-ux*-ъ ('lepuh), *lud*-ъ (lù:d), *ne-veřm-en-ъn-Ъ* (nevřemě:n), (*nor*)-*ъc*-ъ ('norc), (*sa-mar*)-ъ (*sam*ǎ:r), (*sord*)-*ast-Ъ* (sò:rdast), *tjudj-ъk-ъ* (tùojk)¹;

45 'охотно и хорошо работающий', хорват. *dě-l-av-ъn-Ъ* (dielovan), *fatiјatun-Ъ* (fati'jatù:n), *mar-ъl-iv-Ъ* (marli:f), *po-sъl-en-Ъ* (pò:slen), *rad-ъn-Ъ* (rǎ:dan), *rad-in-Ъ* ('radi:n), *rad-iš-ъn-Ъ* (ra'dišan), *rad-ъl-iv-Ъ* ('rǎdl'if), *ra-d-ov-ъn-Ъ* (ràdovan), *skъrb-ъn-Ъ* (s'křban), *sъ-lož-en-Ъ* (s'luž-en), *val-ъ*=-*at-Ъ* (válat), (*veřd*)-*ъn-Ъ* (vré:dan), *žest-ok-Ъ* (žesto:k).

В **болгарских** диалектах такими картами являются:

47 'ленивый человек', болг. *ajnaži-j-a* (hajna'žijʌ), *ajlak*-ъ (xaj'l'ak), *dembel-in*-ъ (dem'bel'in), *xajlaz-in*-ъ (xaj'lǎzin), *kal-pazan-in*-ъ (kǎpǎ'zanin), *lěn-ъl-ъ*=-*o* ('lenl'o), *lěn-ъt-ъ*=-*o* ('l'ant'u), *lěn-ъt-ъ*=-*ag-a* (len't'aga), *lěn-ъč-o* ('lenču), *lež-ъl-ъ*=-*ak-ъ* ('ležl'ak), *lež-ač-ъ* (le'žač), *lež-ъj-ak-ъ* ('ležjak), *lež-e-val-ъn-ik-ъ* (ležo'vajnik), *mъz-ъl-ъ*=-*o* (m'ǎzl'o), *mъz-el-an-ъ* (mǎrze'l'an), *mъz-el-ъ*=-*an-ъ* (mǎrze'l'an), *mъz-ъl-iv-Ъ* (mǎz'l'if), *mъz-el-iv-Ъ* (mǎrza'l'if), *mъz-el-an-ъk-o* (mǎrze'l'anku), *mъz-el-iv-ъc-ъ* (mǎrze'l'ivec), *mъz-el-iv-ъk-o* (mǎrze'l'ifko), *mъz-el-ъ*=-*ak-ъ* (mǎrze'l'ak), *muxljuz-in*-ъ (mu'lj'uzin), *ne-orъb-ot-ъn-ič-in-a* (nera'botničina), *pro-pad-l-j-a* (pro'padl'a), *trъntur*-ъ (t'rǎntur);

39 'человек, котрый любит хвалиться, хвастун', болг. *xval-i-goz-ic-a* (fa'ligazica), *xval-ъk-o* (fal'kɔ), *xval-/(ži)-j-a* (fal'žijə), *xval-ъb-A-(ži)-j-a* (vǎləbǎ'žij), *xval-i-pъgd-ъl-ъ*=-*o* (flǎlip'rǎdl'u), *xval-ič-ъ* (fǎ'lič),

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в «Общеславянском лингвистическом атласе», в скобках приводятся диалектные лексемы.

xval-ьb-ič-ь ('fal'bič), *xval-ьc-ь* ('fałəc), *xval-ač-ь* ('fa'lač), *xval-i-pьгc-ьk-o* ('fałop'ræcku), *xval-i-pьгc-ьl-ь=-o* ('fə'lipræcl'u), *xval-ič-ьk-o* ('fa'ličku), *xval-ь=-o-pьгd-ь* ('fil'up'rət), *xval-ь=-o-pьгd-ь=-ov-ьc-ь* ('fal'o'pɾdʲovec), *xval-i-[trьc]-ьk-o* ('falit'ræcku), (*fь-los*)-ь ('fə'łos), *fuk-ьl-j-o* ('fukl'o), *fuk-ьl-j-a* ('vukl'a), *kuraš-(li)-j-a* ('kuraš'lija), *po-xval-i-gqz-ь* ('pofa'ligas), *po-xval-ьc-ь* ('pux'le:c), *po-xval-ič-ь* ('puva'lič), *po-xval-i-gqz-ic-a* ('pova'liguzica), *sam-o-xval-ьk-o* ('samo'fałku), *tьr-tьr-am-ь* ('tərt'a'ram), *žambaz-ь* ('žəmbə'zə).

А в украинских диалектах самая высокая степень лексической загруженности наблюдается на карте 44 **‘женщина, которая любит сплетничать’**, укр. *brex-a* (b'rexa), *brex-ux-a* (brə'xuxa), *brex-ač-ьk-a* (bre'xačka), *brex-un-ьk-a* (brɪ'xunka), *cok-ot-ux-a* (cokot'uxa), *dur-o-plet-ьk-a* (durɔp'l'otka), *xvost-o-mel-j-a* (xvostu'mel'a), // *ęzyk-at-A* (jazyk'ata), // *ęzyk-ar-ьk-a* (jazyk'arka), *klev-et-ux-a* (klɛvət'uxa), *lop-a* ('l'opa), *lopot-ux-a* (lɔpɔt'uxa), *lop-ьk-a* ('l'opka), *lop-ot-a* ('l'apɔ'ta), *my-j-ьl-a* ('mejla), *my-j-ьk-a* ('mɛjka), *per-nos-ьk-a* (perɛ'nʊska), *plesk-ač-ьk-a* (plɛsk'ačka), *plet-ьn-ic-a* (plɛ'tnɛs'a), *plet-ьk-ar-ьk-a* (plɛ'tok'arka), *plet-ux-a* (plɛ'tuxa), *plet-ь=-uš-ьk-a* (plɛ't'uška), *plet-ьk-a* (plɛ'tok'a), *plet-ьk-ač-ьk-a* (plɛ'tok'ačka), *plet-ьk-aš-ьk-a* (plɛ't'kaška), (*pošt*)-a ('pošta), *pošt-ar-ьk-a* ('poštarka из нем. *Post* ‘почта’), *сь-plet-ьn-ic-a* (sp'l'etn'ica), *сь-plet-ьn-ič-ьk-a* (sp'l'etn'ička), *сь-vod-ьn-ic-a* (z'vɔdɔn'ica), *сьt-o-brex-a* (stɔb'rexa), *trep-ьl-o* (trɛp'lɔ), *trep-ux-a* (trɛp'uxa) (подробнее см.: Вендина 2023).

Карты «Атласа», таким образом, говорят о том, что система языка – это социально детерминированная система, в которой важную роль играет этический элемент. Номинативная логика названий человека, атрибутирующих те или иные его качества и свойства, свидетельствует не только об их социальной значимости, но и проливает свет на их моральную оценку общественным мнением. Поэтому при отборе тех или иных признаков, характеризующих человека, при их семантизации учитывался принцип их этической значимости, который, естественно, в разных культурах варьируется. Это говорит о том, что язык традиционной культуры является в значительной степени языком морали. Концептуальная база диалектной лексики с ее морально-нормативными предписаниями и запретами отражает различные способы этической рационализации мира.

Об этом свидетельствует и тот факт, что номинация человека как личности социальной и духовной ведется, как правило, с позиций социальной нормы, тех регулятивных категорий, которыми определяются нормы человеческого общежития. Мотивационные признаки, лежащие в основе субъектных имен, оказываются связанными

с морально-нормативными предписаниями и запретами традиционной духовной культуры славян. Именно этим объясняется высокая лексическая плотность карт, посвященных названию человека глупого, ленивого, скупого или лгуна и сплетницы. Обращает на себя внимание и тот факт, что «сгущение мысли» прослеживается в основном в негативных номинациях. Обилие имен, отрицательно характеризующих человека с нравственной точки зрения, свидетельствует о том, что язык традиционной культуры как бы «обвиняет» его перед ближними и перед самим собой, т. е. в диалектном слове наблюдается явный перевес в сторону этических ценностей, свидетельствующий о нравственном отношении к миру.

Это говорит и о том, что в диалектном лексиконе обвинительные мотивы явно преобладают над оправдательными. В нем отражены глубинные установки традиционной культуры славян, которая повелительно требует от человека следовать социальной этике, быть существом деятельным, причастным к труду, т. е. сам материал этих карт является свидетельством нравственно ориентированного отношения человека традиционной культуры к миру.

Отсюда следует, что различная лексическая плотность карт говорит о разной культурной социализации человека в тех или иных диалектах. Чтобы понять ту логику, которая лежит в основе этой «наивной социологии», нужно найти «участки языкового напряжения», в которых наблюдается повышенная вариативность языковых форм, свидетельствующая о своеобразных «сгустках» языкового смысла, так как механизм языкотворчества включается всегда избирательно, когда в субъектно-объектных отношениях присутствует элемент необходимости. Эта необходимость, проявляющаяся в многообразии языковых средств, и дает возможность понять, **что** является важным для языкового сознания человека той или иной культуры. В этом смысле карты «Общеславянского лингвистического атласа» говорят о том, что традиционная духовная культура – это коллективистски ориентированная культура, культура безраздельного господства социальной этики. В связи с этим большое значение имеет одобрение окружающих и страх осуждения.

Антропологию диалектного слова и связанную с ней культурологическую дифференциацию лингвистического ландшафта Славии ярко иллюстрируют и мотивационные карты «Атласа». Они позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры. Своеобразие номинативной логики при лексической параметризации внешнего мира, особенности его

восприятия и категоризации привели к разной сегментации языковым сознанием диалектоносителей одного и того же семантического участка. А это значит, что каждая культура, облеченная в языковую оболочку, говорит на своем языке. Задача исследователя заключается в том, чтобы «прислушаться к ее языку»; см., например, карту 55 ('счастье') тома 10 «Народные обычаи», материалы которой показывают, что в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*съ-čest-ьj-e, dol-j-a*), у лужичан – это прямое указание на субъекта, наделяющего этой долей (ср. *съ-bož-ьj-e*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются со встречей (*съ-рет-j-a, съ-rět-j-a*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысливается как предначертанный человеку свыше путь» (СД 5: 203).

Никита Ильич в своих лекциях часто говорил о своеобразии диалектов каждого славянского языка. Это своеобразие особенно ярко проявляется в существовании эксклюзивных образований, которые отличительно характеризуют диалекты лишь одного славянского языка и не выходят за его пределы, ср., например, такие яркие эксклюзивы **русского языка**, как: *mur-aš-ь* (mu'raš) (карта 41 'муравей', том 1 «Животный мир»); *zem-j-an-ьk-a* (z'em'l'anka) (карта 45 'земляника', том 3 «Растительный мир»); *podъ-dorž-ьn-ik-ь* (pod:o'rožn'ik) (карта 52 'подорожник', том 3 «Растительный мир»); *po-gost-ь* (po'gost) (карта 50 'кладбище', том 10 «Народные обычаи») и др.; **украинского**: *//ež-ak-ь* (ji'žak) (карта 10 'еж', том 1 «Животный мир»); *cuc-en-ę* (cucə'n'a) (карта 26 'щенок', том 2 «Животноводство»); *gōst-j-av-in-a* (hušča'vuna) (карта 10 'густые заросли в лесу', том 3 «Растительный мир»); **белорусского**: *zob-a* ('z'uba) (карта 18 'клюв птицы', том 1 «Животный мир»); *po-par-ь* (pa'par) (карта 23 'пар, земля, которую не пахали в течение года', том 4 «Сельское хозяйство»); *tъst-ost-ь, съ-dor-ь* (t'ustas'c, zdor) (карта 29 'топленое свиное сало', том 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); **польского**: *jask-ol-ьk-a* (jaskułka, jaskoўka) (карта 24 'ласточка', том 1 «Животный мир»); *kot-ic-a* (koćica) (карта 16 'кошка', том 2 «Животноводство»); *ne-za-po-min-a-j-ьk-a* (nizapom'inajka) (карта 53 'незабудка', том 3 «Растительный мир»); **лужицкого**: *potpul-a* ('rosula, 'raćpula) (карта 22 'перепелка', том 1 «Животный мир»); *(bar)-ь* (bar) (карта 5 'медведь', том 1 «Животный мир»); *(kast)-ь* (kašč, kačć) (карта 48 'гроб', том 10 «Народные обычаи»); **чешского**: *ščík-a* (ščika) (карта 37 'щука', том 1 «Животный мир»); *čap-ь* (ča:p) (карта 29 'аист', том 1 «Животный мир»); *sěk-ač-ь* (sěka:č) (карта 70 'мужчина, который косит косой', том 4 «Сельское хозяйство»); **словацкого**: *smag-ь* (smat) (карта 9 'желание, потребность пить', том 6 «Домашнее

хозяйство и приготовление пищи»); (*olovrant*)-ъ (*olovrant*) (карта 61 'полдник', том 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); *pač-i-tь <se>* (pa:či: sa mi) (карта 2 'нравится', том 10 «Народные обычаи»); **словенского**: (*pantegan*)-а (*podgá:na*) (карта 13 'крыса', том 1 «Животный мир»); *pět-el-in-ъ* (pete'li:n) (карта 11 'петух', том 2 «Животноводство»); *čьbel-ar-ъ* (čəbə'l̩ar) (карта 27 'человек, который разводит пчел', том 8 «Профессии и общественная жизнь»); **хорватского**: *kuk-ov-ač-a* (ku'kuvača) (карта 21 'кукушка', том 1 «Животный мир»); *bor-ov-ič-a* (bo'goviča) (карта 47 'брусника', том 3 «Растительный мир»); *dět-ъč-ьk-o* (dečko) (карта 8 'жених', том 10 «Народные обычаи»); **сербского**: *kьr-ljusk-j-ъ* (křl̩u:š) (карта 39 'чешуя рыбы', том 1 «Животный мир»); *stь.ĖrČv-in-a* (střvina) (карта 51 'падь, дохлое животное', том 2 «Животноводство»); **македонского**: *mač-or-ъk-ъ* (mačorok) (карта 10 'кот', том 2 «Животноводство»); *vo.ĖlČk-ъn-a* ('vłakna) (карта 46 'шерсть', том 2 «Животноводство»); *paš-ъk-a* ('paška) и *o-paš-ъk-a* (o'paška) (карта 48 'хвост', том 2 «Животноводство»); **болгарского**: *pri-lěp-ъ* (p'rl̩ep) (карта 15 'летучая мышь', том 1 «Животный мир»); *klьv-ač-ъ* (kəl'vač) (карта 20 'дятел', том 1 «Животный мир»); *bul-ъk-a* (bułka) (карта 11 'женщина в день свадьбы', том 10 «Народные обычаи») и др.

Эти эксклюзивы являются яркой реализацией не только антропологии диалектного слова, но и этнической идентичности, поскольку система языка – это социально детерминированная система, и этническое является ее конституирующим элементом. Процесс созревания этнополитического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретали в этих именах дополнительный стимул.

Основная причина появления эксклюзивов, по мнению Никиты Ильича, связана со своеобразием номинативной логики в лексической параметризации окружающего мира, с особенностями осмысления предметов и явлений внешнего мира языковыми средствами. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий, и соответственно разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики, определяющей «портретное» своеобразие тех или иных диалектов.

Все это подтверждает мысль Никиты Ильича о том, что карты «Атласа» наряду с ареальной дифференциацией славянских диалектов иллюстрируют и культурно-языковую, поскольку лексическая

вариативность мотивирована не только функционально, но и культурологически. Отсюда и различия в конфигурации смыслов и лексической плотности карт. Поэтому они являют собой образец культурно-языковой диалектологии, позволяющей представить «богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта и реконструировать “живую старину” славян» (Толстой 1995: 15).

«Атлас» обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности решать задачи компаративистики, но и, благодаря антропологии диалектного слова, предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную, рассмотреть тот или иной славянский диалект как этнографическую единицу, доказав возможность использования языковых данных для изучения культурного ландшафта Славии.

Идеи Никиты Ильича продолжают свою жизнь в трудах его многочисленных учеников и последователей, благодаря которым современная компаративистика раздвинула рамки своих исследований, выйдя в культурно-языковую диалектологию. И в этом превращении ее в интерпретационную лингвистику особая роль принадлежит Никите Ильичу. Опора на лингвистическую реконструкцию когнитивной структуры диалектного слова, считал он, позволит перейти от эмпирических данных к их интерпретационному анализу, т. е. подняться с уровня регистрации фактов на уровень их объяснения. Поэтому современный этап развития диалектологии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «аналитической, объясняющей диалектологии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию диалектного слова и сопряженный с ним анализ языка традиционной культуры. Выход диалектологии в герменевтическое пространство языка культуры позволит развить культурно-языковую диалектологию, так как адекватная характеристика психологии народа и, соответственно, его культуры может быть получена только с опорой на содержательную функцию языка.

Научный потенциал антропологии диалектного слова еще далеко не исчерпан. Более того, сама логика развития антропологической лингвистики, реализация ее общей программы – найти доступ к человеку через язык – требует обращения к слову, поскольку в этом случае нам открываются «сокрытые смыслы» текста культуры. На это указывал Никита Ильич, который, говоря о различии в развитии материальной и духовной культуры, писал: «Если материальная культура в принципе в своей истории, в своем развитии сменяет одну форму другой,

замещает одно другим (типы орудий, тип керамики, тип построек, оружие, утварь и т. п.), то духовная культура, принимая новое, в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым, наслаивает одно на другое» (Толстой 1999: 37). И в этом проявляется системная память культуры.

Источники и литература

Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. М.: Едиториал УРСС, 1993. 232 с.

Вендина Т. И. Онтология лингвистической карты. СПб.: Нестор-История, 2023. 452 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. 157 с.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

Солоневич И. Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 134 с.

Софронова Л. А., Куренная Н. М. Автор – читатель – исследователь // Человек-творец в художественном пространстве славянских культур / отв. ред. Н. М. Куренная, М. В. Лескинен. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 28–33.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Толстой Н. И. О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 111–113.

Толстой Н. И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 31–39.

References

Gumbol'dt, V. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu*. Moscow: Progress, 1984, 397 p.

Kibrik, A. E. «Lingvisticheskaia rekonstruktsiia kognitivnoi struktury.» *Voprosy iazykoznaniiia*, 2008, no 4, pp. 51–77.

Likhachev, D. S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva*. St Petersburg: Rus.-balt. inform. tsentr «Blits», 1996, 157 p.

Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar', in 5 vols., ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995–2012.

Sofronova, L. A., Kurrenaia, N. M. «Avtor – chitatel' – issledovatel'.» *Chelovek-tvoret v khudozhestvennom prostranstve slavianskikh kul'tur*, ed. by N. M. Kurrenaia, M. V. Leskinen. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, pp. 28–33.

Solonevich, I. L. *Narodnaia monarkhiia*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010, 134 p.

Tolstoi, N. I. *Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow: Indrik, 1995, 512 p.

Tolstoi, N. I. «O nekotorykh vozmozhnostiakh leksiko-semanticheskoi rekonstruktsii praslavianskikh dialektov.» *Tolstoi N. I. Izbrannye trudy. Slavianskaia leksikologiiia i semasiologiiia*. Vol. I. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997, pp. 111–113.

Tolstoi, N. I. «Etnogeneticheskii aspekt issledovaniia drevnei slavianskoi dukhovnoi kul'tury.» *Tolstoi N. I. Izbrannye trudy*. Vol. 3. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, pp. 31–39.

Vaisgerber, I. L. *Rodnoi iazyk i formirovanie dukkha*, transl., ed. by O. A. Radchenko. Moscow: Editorial URSS, 1993, 232 p.

Vendina, T. I. *Ontologiiia lingvisticheskoi karty*. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2023, 452 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

T. I. Vendina

N. I. Tolstoy and Dialect Word Anthropology (On the Centenary of Birth)

Tatiana I. Vendina

Doctor of Letters, professor, head of the center

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: vendit@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7752-6615

Citation

Vendina T. I. N. I. Tolstoy and Dialect Word Anthropology (On the Centenary of Birth) // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 230–245 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.11

Received: 12.04.2023.

Revised: 19.04.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the analysis of anthropocentric paradigm in the Slavic dialectology, the modern phase of which can be rightly characterized by the formation of “analytical, explaining dialectology” which focuses on deep interpretation of dialect words and analysis of traditional culture language. Due to N. I. Tolstoy a new approach in cultural language dialectology was formed – ethnolinguistics, in which dialect word is studied through the lens of cultural anthropology, since adequate understanding of a language is only possible through abandoning the strictly linguistical limitations and applying other forms of knowledge, including philosophy, logic, psychology, sociology, ethnography, history etc. Ethnolinguistics moved from “immanent” linguistics, existing “in itself and for itself” towards what Kibrik termed “what/why linguistics”, the logic of which hinges on the central premise of anthropocentric linguistics, “finding a way towards a human through language”. According to Tolstoy, only language can provide a true image of the linguistic consciousness of an individual within a specific culture with all its complexity and nuance. Linguistic reconstruction of the cognitive structure behind a dialect word allows the shift from empirical data to interpretation, from collecting data to explaining it. The importance of Tolstoy’s ideas and its relevance is proved by, among other things, the “Slavic linguistical atlas” project, which was started largely thanks to Tolstoy himself.

Keywords

Slavic dialectology, Slavic traditional culture, dialect word interpretation, N. I. Tolstoy, anthropological paradigm in linguistics.

Праслав. **čerěń* и **černь*. I. Свод печи

Саенко Михаил Николаевич
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: michail.sajenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5829-7527

Цитирование

Саенко М. Н. Праслав. **čerěń* и **černь*. I. Свод печи // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 246–268. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.12

Статья поступила в редакцию 07.07.2023.

Рецензирование завершено 20.07.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В этимологической литературе можно встретить реконструкцию нескольких омонимичных слов **černь* и/или **čerěń* для праславянского языка. В минимальном варианте восстанавливаются два слова, а в максимальном – четыре. Реконструкции различаются как формой, так и семантикой. В данной статье предпринимается попытка определить, какая позиция лучше всего подтверждается фактами, а также уточнить восстанавливаемые значения. Анализируемый материал указывает на то, что следует разделять **černь* ‘рукоять’ и **čerěń* / **čerěń* / **čerenь* / **čerenь* (?), которое обозначало некоторую часть очага, вероятнее всего, свод. С большой вероятностью некоторые обозначения сетей и сачков в западнославянских языках также являются континуантами последнего слова. В этимологическом отношении **čerěń* / **čerěń* / **čerenь* / **čerenь*, скорее всего, родственно глаголу **kuriti* (*sę*), хотя возможны и альтернативные объяснения.

Ключевые слова

Праславянский язык, семантика, этимология.

1. Два слова или четыре?

В этимологической литературе можно столкнуться с реконструкцией для праславянского нескольких омонимичных слов *černь. Так, у А. Матценауэра разделены две вокабулы: словц. *čren*, связываемое с чеш. *skraň* ‘челюсть’, и ст.-слав.¹ чрѣнь ‘sartago’, которое сопоставляется с польск. *trzon*, якобы ‘очаг’, и далее довольно неуверенно с др.-греч. κέρνος ‘кernos (вид глиняного сосуда)’ и др.-сканд. *hverna* ‘горшок’ (Matzenauer 1880: 36).

В словаре Ф. Миклошича мы находим уже пять вокабул, которые, по мнению ученого, восходят к четырем разным корням. К *čern-* (1) и *černŭ* (2)² он относил обозначения зубов и, как и Матценауэр, считал их родственными названию виска (**skornь* в современной реконструкции, среди потомков которого в том числе чешское *skraň / skráň*). Под *čern-* (2) дается только русское *черенок* (растения), сопоставленное с прус. *kirno* ‘куст’, лит. *kirnas* ‘пень срубленной ивы’ и *kēras* ‘куст’. Под *černŭ* (3) приводятся формы, связанные с посудой и очагом. Под *černŭ* (4) – обозначения рукояти, связываемые с лит. *kriauna* ‘ручка ножа’ (Miklosich 1886: 33–34).

Несколько позднее Э. Цупица сравнил континуанты *černь, обозначающие зубы (*černŭ* (2) по Миклошичу), с валл. *cern* ‘челюсть’, брет. *kern* ‘воронка; темя; тонзура’ и ирл. *cern* ‘угол’. В свою очередь *černь-рукоять (*černŭ* (4)) было им сопоставлено с санскр. *kārṇaḥ* ‘ухо; ручка’, валл. *carn* ‘ручка, рукоять’, а *černь-посуда (*černŭ* (3)) эксплицитно отделено от обоих предыдущих слов (Zupitza 1899: 101–102). Таким образом, Цупица разделял три этимологически разных славянских омонима.

К позиции Цупицы присоединился Т. Торбьёрнссон, который для трех омонимичных *černь реконструировал следующие значения: (1) ‘ручка, рукоять’ (‘Stiel, Griff, Handhabe’); (2) ‘миска, сковорода’ (‘Schüssel, Pfanne’); (3) ‘челюсть’ (‘Kinnbacken’) (Torbiörnsson 2: 13–14).

В. фон дер Остен-Сакен вступил в дискуссию с Цупицей и Торбьёрнссоном. Он вернулся к постулированию четырех омонимичных *černь: (1) ‘растение, часть растения’ (‘Pflanze, Pflanzenteil’); (2) ‘ручка, рукоять’ (‘Handhabe, Griff’); (3) ‘яма, в которой разводится огонь’

1 На самом деле слово это церковнославянское, в древнейших текстах оно не засвидетельствовано, см. ниже.

2 Как *černŭ* (1) ошибочно дается славянское обозначение черного цвета, в современной реконструкции – *čьrnь.

(‘Feuergrube’), а также (4) с неуточненным соматическим значением. В случае **černь*-3 (**černь*-2 у Торбьёрнссона) Остен-Сакен оспориł этимологии Цупицы и Торбьёрнссона, предлагая сопоставление с д.-в.-н. *herd* ‘очаг’ (а также родственными ему германскими словами) и лтш. *ceri* (pl.) ‘каменка (печь в бане)’ (Osten-Sacken 1907/1908: 315–323).

Чуть позже Э. Бернекер в своем словаре принял деление на три омонима, для первого восстанавливая значения ‘сосуд над огнем, сосуд для кипячения’ (‘Gefäß über dem Feuer, Gefäß zum Sieden’), для второго – ‘ручка, рукоятка’ (‘Griff, Stiel’), а третье (соматическое) не глоссироваł никак. Значения ‘черенок’ и ‘рукоятка’ он объединял на основании этимологического значения ‘отрезанное, отколотое’ (‘Abgeschnittes, Abgespaltenes’) (Berneker 1924: 146–147). Отдельно Бернекер реконструировал **čerenь* на основе сербохорватского, чешского и польского обозначений сети. Это праславянское слово маркировано как неясное и сопоставлено с лтш. *ķert* ‘хватать’ (Berneker 1924: 145).

М. Фасмер согласился с троичным делением (от Бернекера отличается только порядок нумерации вокабул) (Фасмер 4: 340–341).

То же мы находим в «Праславянском словаре», где **černь*-1 реконструируется как ‘основание очага, под, глубокий сосуд для варки, готовки’ (‘podstawa ogniska, palenisko, głębokie naczynie do warzenia, gotowania’), **černь*-2 – ‘челюсть, коренной зуб’ (‘szczęka, ząb trzonowy’), **černь*-3 – ‘рукоять, ручка’ (‘rękojeść, uchwyt, rączka, manubrium’) (SP 2: 155–157). Как и у Бернекера, отдельно дано **čerenь*, **čerenь* ‘сачок’ (‘sieć, osadzona na drzewcu, sak’) (SP 2: 153).

В. Махек объединял соматическое и «рукоятное» значения на том основании, что якобы костяные накладки на рукояти сжимают хвостовик подобно челюстям (Machek 1968: 586). Чешские *čeřen* ‘сачок’ и *čeřen* ‘часть печи’ рассматривались им как этимологически идентичные, поскольку второе слово, по мнению исследователя, первоначально означало решетку из камней в верхней части гончарной печи, таким образом здесь можно увидеть перенос ‘сеть’ > ‘решетка’ (аналогичный тому, что произошел в истории чешского слова *mříž*) (Machek 1968: 100).

О. Н. Трубочев писал о праслав. **černь*, **černь*, **čerenь* ‘под печи, горна; жаровня, (глиняная) сковорода’, полагая, что первично здесь обозначение глиняного сосуда, восходящее к **k^wer-* ‘лепить, плести’³

³ Современная индоевропеистика, насколько нам известно, не поддерживает реконструкции такого корня.

(Трубачев 3: 587–588). В дальнейшем эта идея была развита Трубачевым и совмещена с членением Махека в «Этимологическом словаре славянских языков», где восстанавливаются две вокабулы – *čerěнь/ь, в которой названия части печи или очага слиты в одну словарную статью с названиями рыболовной сети (*čerenь у Бернекера), и *černь / *černo / *černa / *černь, в которой объединены «черенковые», «рукоятные» и соматические значения (ЭССЯ 4: 64–65, 69–70).

А. Е. Аникин эксплицитно поддержал в этом споре ЭССЯ, указав на литовские параллели – *krūminis dantis* ‘коренной зуб’ при *krūmas* ‘куст’ и *krėslinis dantis* ‘коренной зуб’ при *krėslas* ‘кресло’, которые, по мнению исследователя, подтверждают возможность этимологического единства *černь ‘коренной зуб’, ‘челюсть’ и *černь ‘черенок, рукоять, ручка, ствол, ножка’ (Аникин 1995: 79).

Р. Дерксен занял позицию, которая основывается на ЭССЯ, однако ‘рукоятка’ все же вынесена в отдельную словарную статью. Таким образом, у нидерландского ученого вышли три вокабулы, которые, однако, не совпадают с трехчастным членением Цупицы: *černь I, *černь I ‘ручка, рукоять’ (‘handle’); *černь II, *černь II ‘черенок, обрубок’ (‘stem, stub’) и *černь III, *čerěнь, *čerěнь без спецификации значения (Derksen 2008: 83–84).

Постулированное Махеком и Трубачевым этимологическое единство «печных» и «сетевых» значений с реконструкцией *čerěнь было принято А. Л. Тараненко, которая, однако, упирает на предложенную Остен-Сакеном родство с германскими названиями очага и отталкивается от значения ‘очаг’ как исходного. В итоге исследовательница дает две потенциальные цепочки семантических переходов: ‘очаг’ > ‘решетка для сушки над очагом’ > ‘решетка вообще’ > ‘рыболовная сеть’ и ‘очаг’ > ‘верхняя часть очага’ > ‘доски надо очагом, предохраняющие дом от искр и пожара’ > ‘стропило (кровельное)’ > ‘горный хребет’ (Тараненко 2005: 76).

Таким образом, как реконструкция количества праславянских слов, так и комбинация значений, им приписываемых, в литературе серьезно разнится. Далее мы постараемся выяснить, какая позиция лучше всего подкрепляется фактами, по возможности также уточнив восстанавливаемые значения.

2. Реконструкции *čerěнь / *čerěнь, čerenь

В ЭССЯ никак не объясняется, почему был сделан выбор в пользу реконструкции *čerěнь/ь, а не *čerenь или *černь. Разберем формы, которые могут поддерживать такой выбор или свидетельствовать против него.

2.1. В первую очередь это сербское церковнославянское *чръкънь* (м.), например, в «жълѣзъныи чръкънь, въ немже юсть оуглине» (Иловичская кормчая, сербская, 1262 г.), которое Миклошич глоссировал как *‘τρίπους, tripus’* (Miklosich 1977: 1113). При этом в значении *‘λαβή, manubrium’* Миклошич в сербских рукописях отметил только *чръкънь* (Miklosich 1977: 1125). Это хорошо соответствует тому, что мы находим в сербохорватском позднее, – *сrѣн* ‘рукоять ножа, бурава и т. д.’ (RHISJ 1: 821) и *čèrjen, čèrjan, čèrin* ‘свод над очагом с отверстием наверху в месте, где он сходится с дымовой трубой’ (RHISJ 1: 944).

Нужно заметить, что есть сербохорватские говоры, в которых начальная группа **čer- > črě-* разбивалась анаптическим гласным, ср., например, **čeršnja, *čerwo > čę'rešnja, čerè:vo* (Домасловец, Загребская жупания, пункт ОЛА 28), *erě:šnja, č'erě:vo* (Цубинец, Копривничко-Крижевацкая жупания, ОЛА 30) и т. д. (ОЛА ФГ 9/50, 56). Однако формы вида *čèrjen* распространены значительно шире, в том числе в тех говорах, где **čer- > črě-* давало *cr(ij)e-*.

Здесь можно назвать боснийское гламочское *чèрен* (м.) ‘решетчатая корзина над очагом для сушения кукурузы’ (Божиновић 2015: 226) при *цријемуша* ‘черемша’ в том же говоре (Там же: 221), западногерцеговинское *čèranj / čèran / čèren* (м.) ‘плетенка из ивовых прутьев для сушения инжира; плетеный потолок, отделяющий чердак от первого этажа; чердак дома с соломенной крышей, отгороженный от первого этажа плетеным потолком и предназначенный для сушки мяса, хранения продуктов питания и т. д.’⁴ (Kraljević 2013: 43) при *crīveša, crīvonja* ‘высокий и худой человек’ (Ibid.: 36), а также *čeran, čeranj, čerin* ‘ограждение на перекладинах над очагом, облепленное глиной’ (Gusić, Gusić 2004: 62) при *cripulja* ‘вид посуды’ (Ibid.: 53). В Черногории мы находим *чèрен* (м., gen. sg. *черѐна*) ‘верхняя часть чердака’ (Стијовић 2014: 681) при *цријèво* ‘кишка; злой, вспыльчивый человек’, *цријемоша* ‘черемша’ (Там же: 678), а также *чèрj'ен* ‘несколько параллельных реек над очагом, на которые вешают цепи, мясо, различные деревянные вещи, которые необходимо высушить’ (Петровић, Ђелић, Капустина 2013: 442) при *црeп* ‘ул’а ‘большая глиняная посуда, в которой на очаге печется хлеб’ и *цријев* ‘о ‘кишка’ (Там же: 437).

⁴ В самой словарной статье не дано определения, однако указано, что синоним этого слова – *liša*. Соответственно, мы приводим дефиницию по статье *liša* (Kraljević 2013: 164).

Вероятно, из сербохорватского заимствовано венгерское диалектное *cserény* ‘у печной трубы в комнате внутренняя каменная или кирпичная стенка, к которой прикрепляют кирпичи печи; часть стенки печи, на которую ставят посуду’⁵ (Szinyei 1: 295).

2.2. Похожую картину мы находим в литературном македонском, где *черен* – ‘свод очага под дымовой трубой’, а *црен* – ‘роговая рукоятка ножа’ (ОДРМЈ). Конечно, и в этом случае следует помнить, что есть македонские диалекты с переходом *čer- > črě- > čere- (Конески 2011: 65–66)⁶, то есть, теоретически, формы *черен* и *црен* могли попасть в литературный македонский из разных говоров. Однако мы располагаем примером говора, где форма *čeren* присутствует одновременно с ожидаемыми *čerwo > crevo, *čerpъ > crep и *čeršъna > crešna (ОЛА ФГ 9/54, 50, 59, 56). Речь идет о северомакедонском селе Теарце (пункт ОЛА 93)⁷. Оговоримся, что, согласно вопроснику, для карты № 54 должны были быть записаны континуанты *černь в значении ‘рукоять’, однако весьма вероятно, что собиратель (Б. Видоески) зафиксировал в 1969 г. форму *čeren*, исходя из того, что как «печные», так и «рукоятные» обозначения восходят к омонимам *černь. При таком допущении данные из Теарце поддерживают реконструкцию *čerěнь / *čerěнь или *čerenь / *čerenь.

2.3. В отличие от южнославянских языков в чешском начальное *črě- никогда не разбивается гласным, эта группа обычно дает (s)třě- > (s)tře-: *střevo*, *střetcha*, *střep*, *třešně*, *třída*. Однако в «Глоссарии» Кларета в разделе «De domo» мы находим при описании печи и ее частей такую латинско-чешскую пару: *pirgo* – *czerzen* (Flajšhans 1: 178). Согласно предположению Я. Гебауэра, *pirgo* здесь следует понимать как *pirgus*, заимствованное из греческого πύργος ‘башня’ (Gebauer 1903: 168). В таком случае *czerzen* могло означать какую-то выступающую вверх часть печи, что хорошо согласуется с отмеченным в словаре Юнгмана *čeřen* ‘лежанка печи’ (Jungmann 1: 276).

5 Автор выражает благодарность Д. Ю. Ващенко за помощь с переводом венгерских определений здесь и ниже.

6 Данный процесс в большей мере характерен для болгарского, в том числе он был кодифицирован в литературном языке: *червó* ‘кишка’, *чердá* ‘стадо’, *черéсло* / *черя́сло* ‘сошник’, *черéша* ‘черешня’, но *чрез* ‘через’. В связи с этим непоказательны болгарские формы *чарен* и *чѣрен* ‘верхняя часть очага’ (Геров 5: 571).

7 В двух других македонских пунктах (94 и 97) записано единообразное *cren*, *crevo*, *crep*, *crešna*.

Укажем, что написание *czerzen* амбивалентно и может быть понято и как *čeřen*, и как *čerěn* (в одних работах предпочтение отдается первому варианту, в других – второму).

2.4. В древнепольских текстах появляются следующие формы – *chran*, *czeran*, *czran*, *czrom*, *trzan*, *cran* ‘сковорода для выварки соли’ (SStp 9: 207). Нельзя не отметить а-вокализм большей части из них, который можно объяснить из **ě* по лехитской перегласовке (**čerěň* > **czerzan*). При этом закономерным образом **černь* дало современное польское *trzon* и его диминутив *trzonek* ‘рукоять’.

В то же время древнепольские формы не слишком хорошо выводятся из **čerěň*. Отсутствие гласного между *cz* и *r(z)* потенциально могло бы указывать на **čьrěň*, но, кажется, никаких других оснований для такой реконструкции нет, так что более возможным объяснением является паронимическая аттракция, вызвавшая смешение **czerzan* и *trzon*, которое и дало формы вроде *trzan*.

Справедливости ради отметим польское устаревшее *trzon* ‘очаг’ у Марцина Сенника (ум. 1588)⁸ (Linde 5: 678), ‘кухонная печь, решетка в печи; кухонная плита’ у Г. Сенкевича, М. Конопницкой и Ю. Близиньского (SJPD), диалектное *trzon* (Karłowicz 5: 434), *czszon* ‘под печи’ (Cechosz-Felczyk 2004: 225), указывающее на **černь*, а не **čerěнь*⁹. Интересно, что в мазовецких говорах наиболее распространенным обозначением пода печи является *trzon*, но довольно широко представлено и *trzan*, которое доминирует на северо-востоке, а островками присутствует и в других частях ареала (AGM 6/280). Следует оговориться, что *trzan* не выводится фонетически из *trzon*, при этом в мазовецких же говорах записаны формы *ṭšanek*, *čšanek* при пол. лит. *trzonek* ‘рукоять’ и *perścianek*, *pxeścianek* при пол. лит. *pierścionek* ‘кольцо’ (Basara 1965: 45). Последний случай находит полную параллель в словенском, где мы обнаруживаем *prstan* с *-an* вместо *-en*, возможно, под влиянием семантически близкого *uhàn* ‘серьга’ (Саенко 2022: 22). Ситуацию с *trzon* / *trzan* и *trzonek* / *trzanek* вряд ли можно объяснить аналогией, скорее, как и в случае древнепольских форм, мы имеем дело с паронимической аттракцией, то есть смешением изначально двух разных, но фонетически схожих лексем, потомков **černь* и **čerěнь*.

⁸ Второй из источников Линде дан как *Ryd.*, однако этот источник отсутствует в списке сокращений.

⁹ При этом *czereń* (f.) ‘подпорка решетки в гончарной печи; под в хлебопечерной печи’ (SGP 13: 81) следует признать рутенизмом.

2.5. Остановимся подробнее на восточнославянском материале. В белорусском литературном слово *чарэнь* (f.) означает горизонтальные части печи – лежанку и под (ТСБМ 5/2: 303). То же мы находим и в говорах. В значении ‘лежанка (верх печи, служащий для сидения, лежания и просушки)’ – *чарэнь* (f.) (Касьпяровіч 2011: 343; Шатэрнік 2011: 304), *чарён*, *чарэн*, *чарэна*, *чырэн* (Расторгуев 1973: 283), *чарэнь* (m.) (Бялькевіч 1970: 489), *чарон* (m.), *чарэнь* (m.), *чэрань* (f.) (Сцяшкловіч 1972: 547, 548, 553), *чарон* (m.), *чарэна* (f.) (МАСМ 1981: 107; МАСМ 2005: 66), *чарон* (m.) (Янкова 1982: 409; СПЗБ 5: 410), *чаранó* (n.)¹⁰ (Купрыенка, Шур 1996: 59), *чэрэн* (m.) (Кучук, Малюк 2000: 148; Пашкевіч 2008: 50), *чырянó*¹¹ (n.) (МАСМ 2005: 66), *чарэньне* (n.) (МСММГ 1977: 126), *чаран*, *чарэн*, *чарэнь* (m., f.) (СПЗБ 5: 405, 412). В значении ‘под’ (дно печи, на котором горят дрова и пекут хлеб) – *чарон* (m.) (СПЗБ 5: 410), *чэрэн* (m.) (Кучук, Малюк 2000: 148), *чарынь*, *чарэн*, *чэрынь*, *чэрэн* (m.) (ДСБ 1989: 253). По-видимому, сюда же примыкает *чэран* (m.) ‘дымоход’ (РСВ 2: 337) с метонимическим переносом с лежанки на соседнюю часть печи. Вероятно, *чарон* (m.) ‘верхний твердый пласт снега’ (Янкова 1982: 409) является результатом переноса со значения ‘лежанка (верхняя часть печи)’, ср. в качестве параллели русское *под* ‘нижняя часть печи’ > ‘пласт (земли, глины и т. п.)’, ‘ровная площадка с твердым грунтом’ (СРНГ 27: 320). Скорее всего, значение ‘лежанка’ было также отправной точкой для *чарэн* (m.) ‘сарай для дров’ (СРЛГ 1999: 124), поскольку на лежанке просушивали дрова перед тем, как топить ими печь.

В украинском литературном мы находим картину, похожую на белорусскую: *черінь* (m., gen.sg. *череня*), *черінь* (f., gen.sg. *черені*) обозначает как под печи, так и лежанку (СУМ 11: 308). То же в говорах: ‘под печи’ – *чаренá* (f.), *чаренó* (n.), *чаранó* (n.), *чарон*, *черен*, *чирін*, *черін*, *черон*, *черуєн* (Лисенко 1974: 229), *чер’ін*, *черін*, *черен*, *черен*, *черу́н* (m.) (Аркушин 2: 249), ‘лежанка печи’ – *чаренó* (n.), *чаранó* (n.), *чарон*, *черен*, *чирін*, *черін*, *черон*, *черуєн* (Лисенко 1974: 229), *черен*, *черен*, *черін*, *черін*, *черу́н* (Аркушин 2: 249), *черінка* (f.)

¹⁰ В словаре слово *чаранó* глоссировано как ‘под на печи’, но, видимо, это ошибка, поскольку приведенные контексты говорят о значении ‘лежанка’: «Ляж на чарано і папячы п’яты», «Так замэрз, што толькі чаранó отогрэе».

¹¹ В словаре вокабула приведена к литературному произношению в виде *чаранó*, однако в примере просматривается реальное диалектное произношение: «Нельга ўлежыць ны чыряне – такое гырячыя стала».

(Шило 2008: 273). Известен перенос на еще одну поверхность печи – *чёринь* ‘потолок печи’ (Піпаш, Галас 2005: 219).

Возможно, производным от ‘лежанка печи’ является значение ‘место на току, где молотят зерновые культуры’ – *чарон*, *черён*, *чирин*, *черин*, *черон*, *черуён* (Лисенко 1974: 229), если принять, что название было перенесено с одной плоской поверхности на другую, ср. рус. *под* ‘нижняя часть печи’ > ‘земляной ток на гумне’ (СРНГ 27: 320).

В древнерусских текстах засвидетельствованы формы *чёрень*, *цёрень* ‘чан для выварки соли’ (Срезневский 3: 1439)¹². Они подтверждаются наличием современного диалектного *чёрен* ‘котел для варки соли’ (СРГК 6: 774).

Менее широко, чем в белорусских и украинских говорах, в русских представлено значение ‘лежанка на русской печи’ – *чёрен* (СРГС 5: 278), *черёнь* [*чирёнь*] (м.) (БТСДК 2003: 574), причем последнее в связи с ударением может быть украинизмом.

Сложно свести это многообразие к единому знаменателю, но распространенные белорусские формы вроде *чарон* и украинские *чёринь* (gen.sg. *череня*) указывают на архетип **čerenъ* или **čerenь*.

2.6. Вышеприведенные данные, особенно сербохорватские, надежно говорят о том, что для праславянского следует разделять **černь* ‘рукоять’ и **čerěнь* / **čerěнь* или **čerenь* / **čerenь*, обозначавшее некоторую часть очага.

В пользу **čerěнь* / **čerěнь* говорят сербохорватские данные и польские формы с *a*-вокализмом (где *-a-* может быть из **ě* перед твердым согласным по лехитской перегласовке), в пользу **čerenь* / **čerenь* – восточнославянские. Безусловно, картина затемнена вторичными нефонетическими изменениями, вероятно, по большей части вызванными внешним сходством суффиксов *-ěn-* и *-en-*¹³. Уточнение формальной стороны реконструкции уже несколько выходит за рамки данной работы.

Попробуем свести самые распространенные значения **čerěнь* / **čerěнь* / **čerenь* / **čerenь* в таблицу.

12 При этом *чёрень* ‘солеварный котел’ из берестяной грамоты № 167 (Зализняк 2004: 816) является фантомом, поскольку более тщательное прочтение показало, что в этом месте следует читать не «чоронами», а «зоронами» ‘жерновами’ (Гиппиус, Зализняк 2015: 209).

13 Ср. сложности с реконструкцией **golěнь* или **golень* (Саенко 2022: 154), а также в какой-то степени параллельные образования **lorěнь* и **lorень*.

Таблица 1. Значения потомков *čerěнь / *čerěнь / *čerenь / *čerenь

	свод над очагом ¹⁴	посуда для выварки соли	под печи	лежанка печи
схр.	+			
мак.	+			
чеш.				+
пол.		+		
бел.			+	+
укр.			+	+
рус.		+		+

Кажется, этот спектр значений исключает «посудные» реконструкции семантики – ‘миска, сковорода’ (Торбьёрнссон), ‘сосуд над огнем, сосуд для кипячения’ (Бернекер), ‘жаровня, (глиняная) сковорода’ (Трубачев), ‘глубокий сосуд для варки, готовки’ (SP).

Не похоже также, чтобы это был весь ‘очаг’ (Тараненко). Более обоснованы реконструкции ‘яма, в которой разводится огонь’ (Остен-Сакен), ‘под печи, горна’ (Трубачев) и ‘основание очага, под’ (SP), однако совокупность данных, кажется, скорее указывает на верхнюю часть печи (свод), а не на нижнюю (под). Вполне понятен и объясним сдвиг ‘свод’ > ‘лежанка печи’, который, однако мог осуществиться только при переходе от глинобитной печи или печи-каменки к печам современных типов.

Возможно, перспективный путь для этимологизации *čerěнь / *čerěнь / *čerenь / *čerenь лежит в сопоставлении со словенским штирийским *čerěn* (gen. sg. *čeréna*) ‘скала, скалистое место’, горенским и штирийским *čerénje, čerôvje* (n.) (Bezlaž 1: 79), чеш. *čeřen* ‘то, что напоминает хребет, верхушки волн на волнующейся водной глади’ (SSJČ), диал. (Валашско) *čeřeň hory* ‘горный хребет’, диал. (Валашско) *čeřeň* ‘способ складывания гонта в кучу’ (SNČJ), *čereň* ‘вершина, гребень холма’ (HSSJ 1: 206). Добавляя сюда слвн. *čęr* (f., gen. sg. *erī*) ‘скала’, М. Сной реконструирует праслав. *čęгь ‘скала как основание

14 Возможно, сюда можно было бы отнести также вышеупомянутые укр. *чёринь* ‘потолок печи’ (Піпаш, Галас 2005: 219) и блр. *чфран* (m.) ‘дымоход’ (РСВ 2: 337), поскольку перенос на эти части печи со свода вполне объясним, однако в силу редкости таких форм в восточнославянском материале нельзя не учитывать и возможность позднего переноса с намного более распространенного значения ‘лежанка’.

очага', которое выводит из **k^(u)er(H)*- 'гореть, топить' (Snoj 2016: 114). Как справедливо отмечают словенские этимологи, семантические дрейф возможен как от 'скалы' к 'печи', так и наоборот, ср. чеш. *kamna* 'печь' и слвн. *pěč* 'печь; скала'.

Оговоримся, что словенское *čêr* может быть обратным дериватом от собирательного *čerênje, čerôvje*, а если принять во внимание отсутствие потенциальных потомков **čěг* в других славянских языках, такая реконструкция, кажется, зиждется на слишком зыбких основаниях. Кроме того, как было указано ранее, слово **čerěнь / *čerěнь / *čerenъ / *čerenъ* обозначало скорее верх печи, чем ее низ, так что реконструкция значения 'скала как основание очага' тоже под большим сомнением. Укажем также, что для чешского *čeřen / čeřeň* важна скорее семантика верха, чем скалы, ср. *čeřen střechy* 'гребень крыши'. В таком случае значение 'скала' в словенском может быть поздним и вторичным.

Однако сопоставление с **kuriti (se)* кажется многообещающим. Если верна этимология, связывающая этот глагол с литовским *kùrti* 'разжигать; строить; создавать' и латышским *kurt* 'растопливать, затапливать (печь); разводить (огонь)', далее с п.-и.-е. **k^wer-* 'отрезать, вырезать' (LIV 2001: 391–392) (обзор версий см. в (ESJS 7: 385–386))¹⁵, это значит, что значения вроде 'разжигать, растопливать' и т. д. не ограничивались балтийскими языками, но были характерны для потомков корня **k^wer-* и в праславянском. Можно предположить, что слово *čerěнь / *čerěнь / *čerenъ / *čerenъ* 'свод печи' было образовано от глагола **ker-* в значении 'дымиться'.

Впрочем, есть и альтернативные возможности. Если отталкиваться от праслав. **čeriti*, продолжающего **k^wer-* (ЭССЯ 4: 66), то скорее стоит исходить из значения 'резать'. Здесь уместно вспомнить об интересной практике, отмеченной археологами в раннеславянских археологических культурах: «На раскопанном нами поселении пражской культуры у с. Репнев на Западном Буге все печи вырезаны в специально оставленном материковом останце во время постройки жилища» (Баран 1988: 58). Возможно, именно свод печи, вырезанный в стене полуземлянки, первоначально мог обозначаться словом **čerěнь / *čerěнь / *čerenъ / *čerenъ*.

2.7. Перейдем к вопросу о единстве «печных» и «сетевых» значений. Как мы уже писали выше, Бернекер и SP в отличие от ЭССЯ

¹⁵ Необходимость допускать здесь вторичный аблаут, как нам кажется, не ослабляет эту версию, поскольку феномен вторичного аблаута славянским языкам известен, см. подробнее (Саенко 2020: 109–111).

реконструировали отдельное слово *čerenь на основе ряда названий сетей. Рассмотрим и дополним материал, на основе которого это сделано: схр. диал. (Срем) *čèrenac* ‘сачок’ (RHiSJ 1: 943), *čerénac* ‘рыболовная сеть в мелкой воде’ (Jakšić 2015: 100), пол. диал. *czerzeń, cierzėń* ‘невод’, *czerzeniec, cierzėniec* ‘сачок для рыбы’ (SGP 11: 366), н.-луж. *šerjeń* (м.), диал. *šerjoń, šerjeń, šerjoń, šer* ‘невод’ (Schuster-Šewc 19: 1428–1429), чеш. *čeřen* ‘сачок’ (SSJČ), чеш. диал. *čeřen, čeren, čeřeň, čeřenec, čeřeňec, čeřiňec, čeřuňec* ‘сачок’ (SNČJ), словц. (XVIII в.) *čerenec* (м.) ‘сеть для ловли рыбы, подвешенная на двух согнутых крест-накрест прутьях’ (HSSJ 1: 206), словц. диал. *čereň, čerenec* ‘то же’ (SSN 1). Из славянских языков заимствовано немецкое диалектное *Schering, Scheren* ‘вид рыбацкой сети’ (SP 1: 153)¹⁶.

Несколько ранее выдвинутых этимологий следует признать недо-стоверными. Во-первых, чешское *čeřen* в свете наличия славянских родственников не может быть заимствовано из немецкого *Senkgarn* ‘сеть, утяжеленная свинцом’, вопреки Голубу и Копечному (Holub, Korešný 1952: 92). Во-вторых, чисто фонетически славянское слово не может быть родственно немецкому *Garn* ‘сеть’, и уж точно не следует считать эти слова «праевропейскими» (Machek 1968: 100). Прямая связь с *černь ‘рукоять’ (ср. приводимую К. Полянским семантическую параллель в виде нем. *Stielnetz* ‘сеть на рукоятке’ (SP 2: 153)) вряд ли возможна в силу формальной разницы.

Другие версии предполагают отглагольную деривацию. В первую очередь, это уже упомянутая возможность связи с лтш. *ķert* ‘хватать’ (Berneker 1924: 145), которая кажется заманчивой в семантическом отношении, но если верно, что *ķert* родственно *kārt* ‘вешать’, то значение ‘хватать’ развилось вторично (Karulis 1: 465). П. Скок предложил деривацию от *(s)qer- ‘резать’ или *qer- ‘хватать’ (Skok 1: 310), однако неясно, на каком основании он реконструировал второй корень. Х. Шустер-Шевц, в свою очередь, предложил *(s)ker- ‘вращать, гнуть’ (Schuster-Šewc 19: 1429).

Все же кажется, что строго разделять значения ‘сеть, сачок’ и ‘свод печи’ и видеть здесь два этимологически независимых слова не стоит. Как было показано выше, в сербохорватском материале присутствует ряд потенциальных переходных звеньев: ‘несколько параллельных

¹⁶ Западнославянские формы говорят скорее в пользу реконструкции *čerenь, однако они могут быть и вторичными, ср. ниже многочисленные случаи перехода континуантов *černь ‘рукоять’ в мягкое склонение в восточнославянских языках.

реек над очагом, на которые вешают цепи, мясо, различные деревянные вещи, которые необходимо высушить’, ‘решетчатая корзина над очагом для сушения кукурузы’, ‘плетенка из ивовых прутьев для сушения инжира’.

Важными также являются значения венгерского славизма *cserény* (с фонетическими вариантами), которое в говорах означает целый ряд изделий из прутьев или тростника: ‘полудверь, решетчатая дверь, плетеная дверь, расположенная снаружи кухонной двери; ворота, плетенные из березовых прутьев; плетеный забор; плетеная корзина; плетеный борт повозки; плетеная тачка; плетеные носилки для переноски тяжестей; решетка над открытым очагом (чтобы не летели искры); сетчатый пол антресолей (над дверью); сетчатая сушилка для фруктов; плетенный из камыша или прутьев загон для скота’ (Szinnyei 1: 294–295).

В свете этих данных описанная выше схема Тараненко выглядит вполне правдоподобно. Однако ее следует несколько модифицировать: ‘свод очага’ > ‘решетка над очагом’ > ‘корзина для сушки’ > ‘невод; сачок’.

2.8. Отдельно стоит рассмотреть чешское *čeřen* ‘часть виноградного пресса’, которое появляется в источниках XVI в. Например, в завещании Яна Пикгарта (1534 г.): *v lise na Šitkovně vinici spálili čeřen* «в прессе на винограднике Шитковна сожгли *čeřen*» (Teige 1910: 445). В так называемой Сватовацлавской Библии (Новый Завет – 1677 г., Ветхий Завет – 1712 и 1715 г.) *čeřen* уже регулярно переводит латинское *torcular* ‘виноградный пресс’ (Пс. 83:1, Притчи 3:10, Ис. 5:2, Ис. 16:10, Ис. 63:2, Аггей 2:17) (LDHВС). В древнейших переводах первой редакции, Дрезденской и Оломоуцкой библиях, в этих местах мы находим *kolovrat* и *liscě*. В словацких текстах XVII–XVIII вв. также фигурирует слово *čereň*, которое авторы «Исторического словаря словацкого языка» глоссируют как ‘дощатая четырехгранная или матерчатая круглая часть деревянного виноградного пресса’ (HSSJ 1: 206).

В. Махек не отделял это слово от предыдущего и полагал, что в основе наименования лежит какая-нибудь решетка (Machek 1968: 100). Без четкого понимания того, о какой именно части пресса идет речь, нельзя утверждать этого определенно, но, действительно, это могла быть какая-нибудь решетчатая или плетеная часть пресса.

В то же время нельзя упускать из виду чешский глагол *čeřit* ‘очищать жидкость от помутнения, загрязнения’ (в виноделии, кондитерском деле, стекольном деле) (SSJČ; SNČJ), от которого, на первый взгляд, *čeřen* ‘часть виноградного пресса’ и образовано. Однако если

этот глагол действительно связан с *čírý* ‘чистый’ (Machek 1968: 100), ср. дублетное *čírít*, ситуация скорее иная: вокализм корня глагола *čerěn* вторичен и объясняется народно-этимологическим влиянием *čerěn*.

Наконец, объяснения требует чеш. диал. (Келечко) *čeřeň* ‘инструмент для чесания льна’ (SNČJ). Вероятнее всего, его следует сопоставить с глаголом *čeřit* ‘морщить, волновать’.

3. Выводы

Проанализированный нами материал надежно указывает на то, что для праславянского следует разделять *černь ‘рукоять’ и *čerěň / *čerěň или *čerenь / *čerenь, обозначавшее некоторую часть очага, скорее всего свод. По всей вероятности, континуантами именно последнего слова являются также некоторые обозначения сетей и сачков в западнославянских языках. Семантический дрейф, скорее всего, выглядел следующим образом: ‘свод очага’ > ‘решетка над очагом’ > ‘корзина для сушки’ > ‘невод; сачок’.

В этимологическом отношении *čerěň / *čerěň / *čerenь / *čerenь, скорее всего, родственно глаголу *kuriti (*se*), хотя возможны и альтернативные объяснения.

Во второй части данной статьи будет подробно рассмотрена семантика праславянского *černь и его континуантов.

Источники и литература

Аникин А. Е. К изучению балто-славянских лексических связей // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М.: Индрик, 1995. С. 54–90.

Аркушин Г. Словник західнополіських говірок. Луцьк: Вежа, 2000. Т. 1–2.

Баран В. Д. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев: Наукова думка, 1988. 159 с.

Божиновић М. Рјечник гламочког говора. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2015. 246 с.

БТСДК 2003 – Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.

Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1970. 512 с.

Геров Н. Речник на българския език. Пловдив: Съгласие, 1894–1904. Т. 1–5.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 195–275.

ДСБ 1989 – Дыялектны слоўнік Брэстчыны / пад рэд. Г. М. Малажай, Ф. Д. Клімчука. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 296 с.

Зализняк А. А. Древненогородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Касьяновіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік. Менск: Інстытут беларускай культуры, 2011. 372 с.

Конески Б. Историска фонологија на македонскиот јазик. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2011. 324 с.

Купрыенка В. А., Шур В. В. Матэрыялы да слоўніка гаворак Мазырскага Палесся. Мазыр: Мазырскі дзяржаўны педагагічны інстытут, 1996. 70 с.

Кучук І. М., Малюк А. К. Палескі слоўнік. Лельчыцкі раён. Мазыр: Мазырскі дзяржаўны педагагічны інстытут, 2000. 156 с.

Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974. 260 с.

МАСМ 1981 – Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны / пад рэд. А. А. Крывіцкага, І. Я. Яшкіна. Мінск: Навука і тэхніка, 1981. 128 с.

МАСМ 2005 – Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2005. 88 с.

МСММГ 1977 – Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна, 1977. 144 с.

ОДРМЈ – Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk> (дата обращения: 01.05.2023).

ОЛА ФГ 1–9 – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Београд; Москва; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Скопје; Мінск; Прага; Bratislava; Санкт-Петербург, 1988–2020. Вып. 1–9.

Пашкевіч М. І. Рубельскі лексіка-фразеалагічны слоўнік. Брэст: Выдавництва БрДУ, 2008. 66 с.

Петровић Д., Ђелић И., Капустина Ј. Речник Куча // Српски дијалектолошки зборник. 2013. Књ. 60. С. 1–461.

Піпаш Ю. О., Галас Б. К. Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області). Ужгород: Ужгородський національний університет, 2005. 266 с.

Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материал для истории словарного состава говоров). Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.

РСВ 1–2 – Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / пад рэд. Л. І. Злобіна, А. С. Дзядовой. Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2012, 2014.

Саенко М. Н. К этимологии праслав. *tělo «тело» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 102–112.

Саенко М. Н. Очерки по славянской соматической лексике. М.: Индрик, 2022. 270 с.

СПЗБ 1–5 – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. Т. 1–5.

СРГК 1–6 – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Т. 1–6.

СРГС 1–5 – Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.

Срезневский 1–3 – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912. Т. 1–3.

СРЛГ 1999 – Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны / пад рэд. М. А. Даніловіча, П. У. Сцяцко. Гродна: ГрДУ, 1999. 152 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Стијовић Р. Речник Васојевића. Београд: Чигоја штампа, 2014. 549 с.

СУМ 1–11 – Словник української мови / гол. ред. І. К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1970–1980. Т. 1–11.

Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. 620 с.

Тараненко А. Л. Нем. Nerd – укр. черінь – лтш. seгі // Очерки по сравнительной семасиологии германских, балтийских и славянских языков. Киев: Довіра, 2005. С. 68–77.

Трубачев О. Н. Труды по этимологии. М.: Языки славянской культуры, 2004–2009. Т. 1–4.

ТСБМ 1–5 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К. К. Атраховіча. Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977–1984. Т. 1–5.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

Шатэрнік М. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны. Менск: Выданьне Беларускае Акадэміі Навук, 1929. 317 с.

Шило Г. Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. 288 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–2022. Вып. 1–42.

Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1982. 432 с.

AGM 1–8 – Atlas gwar mazowieckich / red. naukowy W. Doroszewski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1971–1987. T. 1–8.

Basara A. Studia nad wokalizmem w gwarach Mazowsza (samogłoski ustne). Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1965. 173 s.

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1924. 760 S.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977–2005. Knj. 1–5.

Cechosz-Felczyk I. Słownikto gwary Oleszkowiec i Hreczan (Greczan) na Podolu. Kraków: Lexis, 2004. 397 s.

CSWD 1998 – The Collins Spurrell Welsh Dictionary / A. Convery (ed.). Glasgow: Harper Collins Publishers, 1998. 372 p.

Derksen R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008. 726 p.

ESJS 1–19 – Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. E. Havlová, I. Janyšková. Praha; Brno: Academia, Tribun EU, 1989–2018. D. 1–19.

Flajšhans V. Klaret a jeho družina. Praha: Nákladem České akademie věd a umění, 1926, 1928. Sv. 1–2.

Gebauer J. Slovník staročeský. V Praze: Unie, 1903. 674 s. Díl 1. A–J.

Gusić I., Gusić F. Rječnik govora Dalmatinske Zagore i Zapadne Hercegovine. Zagreb, 2004. 577 s.

Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Státní nakladatelství učebnic v Praze, 1952. 576 s.

HSSJ 1–7 – Historický slovník slovenského jazyka / red. M. Majtán et al. Bratislava: Veda, 1991–2008. D. 1–7.

Jakšić M. Rječnik govora slavonskih, baranjskih i srijemskih. Zagreb: Dominović, 2015. 1050 s.

Jungmann J. Slovník česko-německý. Praha: Academia, 1989–1990. D. 1–5.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków: Drukarnia C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900–1911. T. 1–6.

Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Dīvos sējumos. Rīga: Avots, 1992.

Kraljević A. Ričnik zapadnoercegovackoga govora. Široki Brig; Zagreb: Dan, 2013. 468 s.

Linde S. B. Słownik języka polskiego. Warszawa: Drukarnia XX. Pijarów, 1807–1814. T. 1–6.

LIV 2001 – Lexikon der indogermanischen Verben / unter Leitung von H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. 823 S.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Academia, 1968. 866 s.

Matzenauer A. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické. 1880. Roč. 7. S. 1–48.

Miklosich F. Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 547 S.

Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Aalen: Scientia Verlag, 1977. 1103 p.

Osten-Sacken W., v. d. Zur slavischen Wortkunde // Indogermanische Forschungen. 1907/1908. Bd. 22. S. 312–323.

RHiSJ 1–23 – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / obr. Đ. Daničić et al. U Zagrebu: U knjižarnici Lavoslava Hartmana, 1880–1976. Knj. 1–23.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989. H. 1–24.

SGP 1–33 – Słownik gwar polskich. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1979–2019. Zesz. 1–33.

SJPD – Słownik języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. URL: <https://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 01.05.2023).

Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1973. Knj. 1–3.

SNČJ – Slovník nářečí českého jazyka. URL: <https://sncj.ujc.cas.cz> (дата обращения: 01.05.2023).

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Založba ZRC, 2016. 1052 s.

SP 1–8 – Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1974–2001. T. 1–8.

SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz> (дата обращения: 01.05.2023).

SSN 1–3 – Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994–2021. Zv. 1–3.

SStp 1–11 – Słownik staropolski / red. nac. S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1953–2002. T. 1–11.

Szinnyei J. Magyar tájszótár. Budapest: Hornyánszky Viktor Kiadása, 1893–1901. K. 1–2.

Teige J. Základy starého místopisu pražského (1437–1620). Oddíl I: Staré Město Pražské. Díl I. Praha: Obec královského hlavního města Prahy. V Praze: Nákladem obce královského hlavního města Prahy, 1910. 829 s.

Torbiörnsson T. Die gemeinislavische Liquidametathese. Upsala: Edv. Berling, 1901, 1903. Bd. 1–2.

Zupitza E. Etymologien // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1899. Bd. 25. S. 89–105.

References

Anikin, A. E. «K izucheniiu balto-slavianskikh leksicheskikh sviazei.» *Etnoiazykovaia i etnokul'turnaia istoriia Vostochnoi Evropy*. Moscow: Indrik, 1995, pp. 54–90.

Arkushyn, H. *Slovyk zakhidnopolis'kykh hovirok*. Vols. 1–2. Luts'k: Vezha, 2000.

Atlas gwar mazowieckich, ed. by W. Doroszewski. Vols. 1–8. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1971–1987.

Baran, V. D. *Prazhskaia kul'tura Podnestrov'ia (po materialam poselenii u s. Rashkov)*. Kiev: Naukova dumka, 1988, 159 p.

Basara, A. *Studia nad wokalizmem w gwarach Mazowsza (samogłoski ustne)*. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1965, 173 p.

Berneker, E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1924, 760 p.

Bezljaj, F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Vols. 1–5. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977–2005.

Bial'kevich, I. K. *Krajevy sloŭnik uskhodniai Mahilioŭshchyny*. Minsk: Navuka i tekhnika, 1970, 512 p.

Bojinović, M. *Rječnik glamočkog govora*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2015, 246 p.

Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva. Moscow: Russkie slovari; Astrel'; ACT, 2003, 608 p.

Cechosz-Felczyk, I. *Słownictwo gwary Oleszkowiec i Hreczan (Greczan) na Podolu*. Kraków: Lexis, 2004, 397 p.

Derksen, R. *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden; Boston: Brill, 2008, 726 p.

Dyialektny sloŭnik Brėstchyny, ed. by H. M. Malazhai, F. D. Klimchuk. Minsk: Navuka i tekhnika, 1989, 296 p.

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka. Vols. 1–42. 1974–2022.

Etymologický slovník jazyka staroslověnského, ed. by E. Havlová, I. Janyšková. Vols. 1–19. Praha; Brno: Academia, Tribun EU, 1989–2018.

Flajshans, V. *Klaret a jeho družina*. Vols. 1–2. Praha: Nákladem České akademie věd a umění, 1926, 1928.

Gebauer, J. *Slovník staročeský. Díl I. A–J*. V Praze: Unie, 1903, 674 p.

Gerov, N. *Rechnik na búlgarskiia ezik*. Vols. 1–5. Plovdiv: Süglasie, 1894–1904.

Gippius, A. A., Zalizniak, A. A. «Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianykh gramot.» *Ianin, V. L., Zalizniak, A. A., Gippius, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015, pp. 195–275.

Gusić, I., Gusić F. *Rječnik govora Dalmatinske Zagore i Zapadne Hercegovine*. Zagreb, 2004, 577 p.

Historický slovník slovenského jazyka, ed. by M. Majtán et al. Vols. 1–7. Bratislava: Veda, 1991–2008.

Holub, J., Kopečný, F. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Státní nakladatelství učebnic v Praze, 1952, 576 p.

Iankova, T. S. *Dyialektny sloŭnik Ložeŭshchyny*. Minsk: Navuka i těkhnika, 1982, 432 p.

Jakšić, M. *Rječnik govorā slavonskih, baranjskih i srijemskih*. Zagreb: Dominović, 2015, 1050 p.

Karulis, K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Dīvos sējums*. Rīga: Avots, 1992.

Kas'piarovich, M. I. *Vitsebski krajevy sloŭnik*. Minsk: Instytut belaruskai kul'tury, 2011, 372 p.

Koneski, B. *Istoriska fonologija na makedonskiot jazik*. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 2011, 324 p.

Kraljević, A. *Ričnik zapadnoercegovačkoga govora*. Široki Brig; Zagreb: Dan, 2013, 468 p.

Kuchuk, I. M., Maliuk, A. K. *Paleski sloŭnik. Lel'chytski rajen*. Mazyr: Mazyrski dziarzhaŭny pedahahichny instytut, 2000, 156 p.

Kupryjenka, V. A., Shur, V. V. *Materyialy da sloŭnika havorak Mazyrskaha Palessia*. Mazyr: Mazyrski dziarzhaŭny pedahahichny instytut, 1996, 70 p.

Lexikon der indogermanischen Verben, ed. by Leitung von H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001, 823 p.

Lysenko, P. S. *Slovnyk polis'kykh hovoriv*. Kyïv: Naukova dumka, 1974. 260 p.

Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Academia, 1968, 866 p.

Materyialy da ablasnoha sloŭnika Mahilioŭshchyny, ed. by A. A. Kryvitskii, I. Ia. Iashkin. Minsk: Navuka i tekhnika, 1981, 128 p.

Materyialy da ablasnoha sloŭnika Mahilioŭshchyny. Mahileŭ: MDU imia A.A. Kuliashova, 2005, 88 p.

Materyialy dlia sloŭnika minska-maladzechanskikh havorak, ed. by M. A. Zhy-dovich. Minsk: Vydavetstva BDU imia U. I. Lenina, 1977, 144 p.

Oficijalen digitalen rečnik na makedonskiot jazik. URL: <https://makedonski.gov.mk> (accessed: 01.05.2023).

Obshchieslavianskii lingvisticheskii atlas. Serii fonetiko-grammaticheskaiia. Vols. 1–9. Beograd; Moscow; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Skopje; Minsk; Praha; Bratislava; St Petersburg, 1988–2020.

Pashkevich, M. I. *Rubel'ski leksika-frazealahichny sloŭnik*. Brėst: Vydavnitstva BrDU, 2008, 66 p.

Petrović, D., Čelić, I., Kapustina, J. «Rečnik Kuća.» *Srpski dijalektološki zbornik*, 2013, book 60, pp. 1–461.

Pipash, Iu. O., Halas, B. K. *Materialy do slovnyka hutsul'skykh hovirok (Kosivs'ka Poliana i Rosishka Rakhivs'koho raionu Zakarpats'koi oblasti)*. Uzhhorod: Uzhhorods'kyi natsional'nyi universytet, 2005, 266 p.

Rastorguev, P. A. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoi Brianshchiny (Material dlia istorii slovnogo sostava govorov)*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1973, 296 p.

Rehiianal'ny sloŭnik Vitsebskchyny, in 2 parts, ed. by L. I. Zlobina, A. S. Dzjadovai. Vitsebsk: VDU imia P. M. Masherava, 2012, 2014.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, ed. by Đ. Daničić et al. Books 1–23. U Zagrebu: U knižarnici Lavoslava Hartmana, 1880–1976.

Saenko, M. N. «K etimologii praslav. *tělo “telo”.» *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2020, vol. 15, no 3–4, pp. 102–112.

Saenko, M. N. *Očerki po slavianskoi somaticheskoi leksike*. Moscow: Indrik, 2022, 270 p.

Schuster-Šewc, H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und nider-sorbischen Sprache*. Vols. 1–24. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989.

Shaternik, M. *Krajevy sloŭnik Cherven'shchyny*. Mensk: Vydan'ne Belaruskaje Akademii Navuk, 1929, 317 p.

Shylo, H. *Naddnistrrians'kyi regional'nyi slovnyk*. L'viv; New York: Instytut ukraïnoznavstva im. I. Kryp'iakevycha NAN Ukraïny, 2008, 288 p.

Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj. 1–3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1973.

Sloŭnik belaruskikh havorak paŭnochna-zakhodniaĭ Belarusi i iaje pahranichcha. Minsk: Navuka i tĕkhnika. Vols. 1–5. 1979–1986.

Sloŭnik rehiianal'nai leksiki Hrodzenshchyny, ed. by M. A. Danilovich, P. U. Stsiatsko. Hrodna: HrDU, 1999, 152 p.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei, ed. by A. S. Gerd. St Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. Vols. 1–6. 1994–2005.

Slovar' russkikh govorov Sibiri, ed. by A. I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka. Vols. 1–5. 1999–2006.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka. Vols. 1–. 1965–.

Slovník nářečí českého jazyka. URL: <https://snjc.ujc.cas.cz> (accessed: 01.05.2023).

Slovník slovenských nářečí, ed. by I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994–2021.

Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz> (accessed: 01.05.2023).

Slovník ukraïns'koï movy, ed. by I. K. Bilodid. Kyïv: Naukova dumka. Vols. 1–11. 1970–1980.

Słownik gwar polskich. Vols. 1–33. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1979–2019.

Słownik języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. URL: <https://doroszewski.pwn.pl/> (accessed: 01.05.2023).

Słownik prasłowiański. Vols. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1974–2001.

Słownik staropolski, ed. by S. Urbańczyk. Vols. 1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1953–2002.

Snoj, M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba ZRC, 2016, 1052 p.

Taranenko, A. L. «Nem. Herd – ukr. cherin' – ltsh. čeri.» *Oчерки по сравнительной семасиологии германских, балтийских и славянских языков*. Kiev: Dovira, 2005, pp. 68–77.

The Collins Spurrell Welsh Dictionary, ed. by A. Convery. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1998, 372 p.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, ed. by K. K. Atrakhovich. Minsk: Haloŭnaia redaktsyia Belaruskai Savetskai Entsyklapedyi. Vols. 1–5. 1977–1984.

Trubachev, O. N. *Trudy po etimologii*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury. Vols. 1–4. 2004–2009.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. In 4 vols. Moscow: Progress, 1986–1987.

Zalizniak, A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. 2nd ed. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 872 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.12

M. N. Saenko

Proto-Slavic *čerěň and *černь. I. Vault (of the hearth)

Mikhail N. Saenko

Candidate of Letters, senior research fellow,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5829-7527

Citation

Saenko M. N. Proto-Slavic *čerěň and *černь. I. Vault (of the hearth) // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 246–268 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.12

Received: 07.07.2023.

Revised: 20.07.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

In etymological literature, one can come across the reconstruction of several homonymous words *černь and/or *čerěň in the Proto-Slavic language. The highest number of reconstructed words is four while the lowest number is two. The reconstructions differ both in form and semantics. This article attempts to determine which position is best supported by facts and to clarify the reconstructed meanings. The analysed material suggests that we should differentiate between *černь ‘handle’ and *čerěň / *čerěň / *čerenь / *čerenь (?), which denoted a certain part of the hearth, most likely the vault. It is highly probable that certain designations of nets in West Slavic languages are also continuants of the latter word. Etymologically, *čerěň / *čerěň / *čerenь / *čerenь is most probably related to the verb *kuriti (*se*), although alternative explanations are possible.

Keywords

Proto-Slavic language, semantics, etymology.

**Отражение диалектного порядка слов
в словенских каринтийских памятниках
«Duhovna bramba» и «Kolomonov žegen»**

Громова Мария Михайловна
Младший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: marija.gromova@list.ru
ORCID: 0000-0001-6081-7520

Цитирование

Громова М. М. Отражение диалектного порядка слов в словенских каринтийских памятниках «Duhovna bramba» и «Kolomonov žegen» // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 269–285. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.13

Статья поступила в редакцию 14.02.2023.
Рецензирование завершено 04.06.2023.
Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В работе анализируются особенности порядка слов, характерные для каринтийских диалектов словенского языка, в каринтийских старопечатных памятниках середины XVIII в. – сборниках «Duhovna bramba» и «Kolomonov žegen». Рассматривается возможность их использования как источника сведений о синтаксисе каринтийских диалектов в XVIII в. Основываясь на значительных отступлениях от центральнословенской литературной орфографической нормы в сборнике «Kolomonov žegen» и отсутствии таких отступлений в каринтийском издании сборника «Duhovna bramba», мы предполагаем, что и расстановка клитик в сборнике «Kolomonov žegen» в большей степени отражает каринтийский диалектный синтаксис, нежели в сборнике «Duhovna bramba». Работа включает краткое описание памятников и словенских каринтийских диалектов, а также анализ инновативных и архаичных синтаксических особенностей каринтийских диалектов в памятниках. Статистический анализ подтверждает наше предположение о наличии в памятниках каринтийских особенностей порядка слов и демонстрирует,

что наиболее полно и последовательно каринтийские инновации порядка слов отражает первая часть сборника «Duhovna bramba», в то время как для второй части характерен наиболее консервативный порядок слов. В сборнике «Kolomonov žegen» каринтийские синтаксические инновации представлены спорадически и непоследовательно. Такая неоднородность демонстрирует различные взгляды редакторов проанализированных изданий на допустимость проникновения синтаксических особенностей родного идиома в печатный текст. Указанные сборники отражают каринтийский порядок слов в разной мере, что накладывает определенные ограничения на их использование как источников сведений о словенском диалектном синтаксисе XVIII в.

Ключевые слова

Словенский язык, диалектный синтаксис, порядок слов, синтаксические клитики, история словенского языка, словенские диалекты, каринтийские диалекты.

Каринтийская группа диалектов, расположенная на северной границе словенской языковой территории, преимущественно в Австрии, представляет собой узкую полосу, вытянутую с запада на восток. Естественной границей, отделяющей ее от диалектов соседней горенской группы, являются Альпы. Располагаясь на территории трех государств (Словении, Австрии и Италии), группа достаточно гомогенна. Ее ядром считается рожанский диалект.

Как на любой периферии, имеющей минимальное или затрудненное общение с центром языковой территории, в словенских каринтийских диалектах наблюдается консервация ранних этапов формирования языковой системы, более медленное по сравнению с центральными диалектами развитие отдельных языковых явлений.

Апокрифические сборники молитв и заговоров «Duhovna bramba» («Духовная защита») и «Kolomonov žegen» («Гримуар») – старопечатные прозаические памятники, переведенные с немецкого языка в середине XVIII в. Текстологический анализ памятников, выполненный словенским исследователем И. Графенауэром, показал, что их переводы выполнены разными людьми¹. Хотя оба памятника ориентируются на цен-

¹ I Grafenauer I. Duhovna bramba in Kolomonov žegen (nove najdbe in izsledki) // Slovenska akademija znanosti in umetnosti, razred za zgodovinske in družbene vede: Dela (T. 1). Ljubljana, 1943. S. 230.

тральнословенский литературный язык, нормы которого были заложены во второй половине XVI в.², Графенауэр отметил в них последовательное отражение фонетических особенностей юго-западной части рожанского диалекта – центрального диалекта каринтийской группы³. Основываясь на этом, мы предположили, что в них также отражены синтаксические особенности каринтийских диалектов.

Каринтийское издание сборника «Duhovna bramba» состоит из двух почти равных по объему частей, представляющих собой перевод двух разных немецких изданий: «Duhovna bramba» (далее DB) и «Duhovna vahta» («Духовная стража», далее DV). Первое издание словенского перевода «Duhovna bramba» Графенауэр датировал 1747–1754 гг.⁴, а первое издание каринтийского перевода сборника «Kolomonov žegen» (далее KŽ) – 1736–1745 гг.⁵ Для обоих сборников он предполагал наличие центральнословенских протографов, отмечая, что каринтийский издатель сборника «Duhovna bramba» орфографии протографа не исправлял⁶, а каринтийский издатель (или редактор) KŽ, напротив, обращался с орфографией протографа весьма вольно⁷. Оставляя в стороне вопрос о существовании центральнословенских протографов и основываясь исключительно на степени отступления от центральнословенской литературной орфографической нормы, мы предполагаем, что и расстановка клитик в KŽ в большей степени отражает каринтийский диалектный синтаксис, нежели в сборнике «Duhovna bramba».

Сборник «Duhovna bramba» исследован нами по так называемому «новому» изданию люблянской типографии Эгеров из фондов Национальной и университетской библиотеки Словении, датированному 1800 г. (Графенауэр датирует это издание 1810–1811 гг.⁸). Текст сборника обработан полностью.

Каринтийский перевод KŽ проанализирован нами по изданию из личного архива др. Франца Котника (1882–1955), находящемуся ныне в фондах Каринтийской центральной библиотеки им. др. Франца Сушника и датированному ок. 1800 г. Проанализированы первые 90 страниц текста.

2 Ibid. S. 311.

3 Ibid. S. 205.

4 Ibid. S. 309.

5 Ibid. S. 264.

6 Ibid. S. 300.

7 Ibid. S. 301.

8 Ibid. S. 206.

Мы рассматриваем отраженные в памятниках три яркие инновативные особенности порядка слов и одну архаичную:

- 1) подъем глагольной клитики Fut в начало кластера клитик;
- 2) подъем глагольной клитики Praes. 3Sg в начало кластера клитик;
- 3) расположение кластера клитик в абсолютном начале предложения;
- 4) архаичный тип отрицания *bi ne + l-PTC*.

Частотность этих явлений в памятниках мы сопоставляем:

- со средними показателями частотности в каринтийской группе диалектов в целом, определенными нами в работе «Особенности функционирования клитик в каринтийской группе диалектов словенского языка»⁹ и уточненными с учетом новых диалектных данных;
- с показателями частотности на юго-западе современного рожанского диалекта (на материале проведенного нами статистического анализа записей звучащей речи второй половины XX в. из сборника М. Пико «А из семечка липа вырастет»¹⁰). Населенные пункты юго-запада рожанского диалекта, материал из которых послужил основой для сопоставления, представлены на карте 1.

**КАРТА 1. НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
ЮГО-ЗАПАДА РОЖАНСКОГО ДИАЛЕКТА
КАРИНТИЙСКОЙ ГРУППЫ**

⁹ Громова М. М. Особенности функционирования клитик в каринтийской группе диалектов словенского языка // *Rojena v narečje: akademikinji prof. dr. Zinki Zorko ob 80-letnici*. Maribor, 2016. С. 264–283.

¹⁰ Piko M. *Iz semena pa bo lipa zrasla. Pravlice, storijske in basmi s Koroške*. Ljubljana, 1996. (Glasovi 14.)

Таким образом, мы сопоставляем два синхронных среза – письменный текст второй половины XVIII в. и записи устной диалектной речи второй половины XX в.

Исследования словенских сентенциальных клитик

Система сентенциальных клитик привлекла внимание выдающихся словенских лингвистов еще в конце XIX в. Так, в 1891–1892 гг. Матия Мурко опубликовал работу «Энклитики в словенском языке»¹¹, до сих пор не утратившую актуальности, а в 1895 г. словенским клитикам посвятил исследование Станислав Шкрабец¹².

Во второй половине XX в. структуралист Йоже Топоришич в нормативной «Словенской грамматике» предпринял попытку составить полный список грамматических категорий, располагающихся в абсолютном начале предложения перед кластером клитик¹³, и распределить клитики по рангам¹⁴. В середине 1980-х гг. перечень словенских клитик, их порядок в кластере и место в предложении, описанные Топоришичем, уточнили Владо Нартник и Янез Орешник.

В XXI в. исследования клитик в словенском литературном языке ведутся в русле генеративной грамматики. Среди современных словенских исследователей необходимо отметить Марию Голден и Милену Милоевич-Шеппард, Франца Марушича, Рока Жауцера, Боштьяна Дворжака.

История словенской системы клитик изучена мало. Порядку слов во Фрейзингенских отрывках посвящена статья Дж. Стоуна¹⁵, а формы личных местоимений в языке словенских протестантских писателей XVI в. проанализированы в диссертации Аленки Еловшек¹⁶.

11 *Murko M.* Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja // *Letopis Matice Slovenske za leto 1891*. Ljubljana: Matica Slovenska, 1891. S. 1–65; *Murko M.* Enklitike v slovenščini. II. del: Skladnja // *Letopis Matice Slovenske za leto 1892*. Ljubljana, 1892. S. 51–86.

12 *Škrabec S.* Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo // *Škrabec S.* Jezikoslovna dela. Nova Gorica, 1994. T. 2. S. 200–218.

13 *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Pregledana in razširjena izdaja. Maribor, 1984. S. 539.

14 *Ibid.* S. 535.

15 *Stone G.* Word Order in the Freising Texts // *Zbornik Brižinski spomeniki*. Ljubljana, 1996. (Dela Slovenske akademije znanosti in umetnosti. 45.) P. 213–224.

16 *Jelovšek A.* Osební zaimki v jeziku slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja: doktorska disertacija. Ljubljana, 2014.

Системное описание диалектных особенностей клитик отсутствует; беглый их перечень можно найти в исследовании Данилы Зульян-Кумар «Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih»¹⁷ («Порядок слов в разговорных словенских диалектах»). Авторы описаний отдельных говоров, как правило, пользуются инструментарием традиционного синтаксиса. Такovy работы Зинки Зорко¹⁸, монография Михаэлы Колетник¹⁹, совместное исследование Аленки Валх-Лоперт и Зинки Зорко²⁰ и др.

Наиболее изучены клитики в диалектах приморской группы. Так, местоименной репризе подлежащего и прямого дополнения в приморских диалектах посвящены работы Матея Шекли²¹, генеративистов Франца Марушича и Рока Жауцера²², а приморский синтаксис сложного предложения подробно исследуется в работах Данилы Зульян-Кумар и ее диссертации²³.

Система сентенциальных клитик в словенском языке

В словенском языке сентенциальные клитики, т. е. клитики, функционирующие на уровне предложения, группируются в кластер, который функционирует как единое целое, не может быть разбит полноударной словоформой, располагается в предложении на том же месте и подчиняется тем же правилам, что и единичная сентенциальная клитика. В литературном языке клитики располагаются в кластере в строгом порядке, который не может быть нарушен (см. таблицу 1).

17 *Zuljan Kumar D.* Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih // Škrabčeva misel VI: zbornik s simpozija 2007. Nova Gorica, 2008. S. 121–135.

18 *Zorko Z.* Narečna podoba Dravske doline. Maribor, 1995. (Piramida. 3); *Zorko Z.* Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih // *Zorko Z.* Haloško narečje in druge dialektološke študije. Maribor, 1998. (Zora. 6.) S. 225–233 и др.

19 *Koletnik M.* Slovenskogoriško narečje. Maribor, 2011. (Zora. 12.)

20 *Valh Lopert A., Zorko Z.* Skladnja v panonski narečni skupini // *Dialektološki razgledi.* 2013. Vol. 19. № 2. S. 221–235.

21 *Šekli M.* Furlanščina in rezijansko narečje slovenščine v besedilih // *Makedonsko-slovenečki jazični, književni i kulturni vrski = Makedonsko-slovenske jezikoslovne, književne in kulturne zveze.* Skopje, 2009 [i. e.] 2010. S. 157–179.

22 *Marušič F., Žaucer R.* On Clitic doubling in Gorica Slovenian // *A Linguist's Linguist. Studies in South Slavic Linguistics in Honor of E. Wayles Browne.* Bloomington, 2009. P. 281–295.

23 *Zuljan Kumar D.* Govorjena briška narečna besedila z vidika besedilne skladnje: doktorska disertacija. Ljubljana, 2005.

Таблица 1. Последовательность клитик
в современном словенском литературном языке

1			2	3	4	5	6	7		
глагол <i>biti</i> (Praes., кроме 3Sg)			возвр.-личн. мест.		личн. местоимения			глагол <i>biti</i> (только Praes.3Sg)		
			Dat	Acc	Dat	Acc	Gen			
<i>sem</i>	<i>sva</i>	<i>smo</i>	<i>si</i>	<i>se</i>	<i>mi</i>	<i>me</i>	<i>me</i>			
<i>si</i>	<i>sta</i>	<i>ste</i>			<i>ti</i>	<i>te</i>	<i>te</i>			
	<i>sta</i>	<i>so</i>			<i>mu / ji</i>	<i>ga / jo</i>	<i>ga / je</i>	<i>je</i>		
показатель Conj.					<i>nama</i>	<i>naju</i>	<i>naju</i>		глагол <i>biti</i> (Fut.)	
<i>bi</i>				<i>vama</i>	<i>vaju</i>	<i>vaju</i>		<i>bom</i>	<i>bova</i>	<i>bomo</i>
				<i>jima</i>	<i>ju</i>	<i>ju</i>		<i>boš</i>	<i>bosta</i>	<i>boste</i>
				<i>nam</i>	<i>nas</i>	<i>nas</i>		<i>bo</i>	<i>bosta</i>	<i>bodo/bojo</i>
				<i>vam</i>	<i>vas</i>	<i>vas</i>				
				<i>jim</i>	<i>jih</i>	<i>jih</i>				

1. Формы настоящего времени глагола *biti* ‘быть’, за исключением формы 3Sg, употребляющиеся в составе аналитических глагольных форм прошедшего времени как вспомогательный глагол, в качестве связки и как полнозначенательный бытийный глагол; показатель сослагательного наклонения *bi*.

2–3. Краткие формы дат. и вин. п. возвратно-личного местоимения *sebe*, а также омонимичные им возвратные частицы *si* и *se*, входящие в состав глаголов.

4–6. Краткие формы дат., вин. и род. падежей личных местоимений.

7. Формы будущего времени и 3Sg настоящего времени глагола *biti*, употребляющиеся в тех же функциях, что и остальные глагольные клитики, стоящие в начале кластера²⁴.

В словенском литературном языке и на большей части словенской языковой территории глагольные клитики Fut и Praes. 3Sg стоят в абсолютном конце кластера, в отличие от остальных глагольных клитик, расположенных в его начале. Эта асимметричная система демонстрирует переходную стадию формирования кластера. Но в отдельных диалектах проявляется тенденция к подъему клитик Fut и Praes. 3Sg в начало кластера. Эти явления мы отмечали и в диалектах каринтийской группы²⁵.

Подъем клитики будущего времени в начало кластера в среднем по каринтийской группе, согласно нашим данным, происходит в 11 % всех употреблений, а на юго-западе рожанского диалекта – в 6% (см. карту 2).

24 Громова М. М. Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 337–338.

25 Громова М. М. Особенности функционирования... С. 268–269.

К \check{Z} и DV не отражают процесс подъема: клитики будущего времени в них располагаются строго в конце кластера. Только в DV мы встречаем подъем клитики будущего времени в двух контекстах из семи, что дает частотность 28%:

*teda bo*_{Aux.Fut.3Sg} *te*_{Pron.Acc.2Sg} *bueg usiga mogozhni, ker te je po svoimi oblizhji ftuerou obuarovou ... bueg Sin te*_{Pron.Acc.2Sg} *bo*_{Aux.Fut.3Sg} *odrieshou od usah navarnostih inu S Duh boshji bo*_{Aux.Fut.3Sg} *te*_{Pron.Acc.2Sg} *potroshtou* «Бог всемогущий, который тебя по своему подобию сотворил, будет тебя охранять ... Бог-Сын тебя спасет от всех опасностей и Св. Дух Божий тебя утешит».

Оба примера подъема (*bo te*) расположены на одной странице, а между ними, в том же предложении, находится контекст без подъема (*te bo*) – видимо, каринтийский издатель / редактор DV воспринимал варианты порядка слов как равно допустимые.

Подъем клитики Praes. 3Sg в начало кластера в среднем по каринтийской группе происходит в 19% всех употреблений²⁶, а на юго-западе рожанского диалекта – в 9% (см. карту 3).

DV содержит пять кластеров, включающих клитику Praes. 3Sg и местоименную клитику. Ни в одном из них не происходит подъема глагольной клитики.

К \check{Z} дает всего два контекста соседства клитики Praes. 3Sg *je* с местоименной клистикой. Подъем *je* происходит в одном из них:

²⁶ Там же. С. 269.

da je_{Aux.Praes.3Sg} se_{Refl} moje oblzhje vse reshiva «так что мое лицо было все разбито».

В DB клитика Praes. 3Sg *je* поднимается в начало кластера значительно чаще – в 40% всех показательных употреблений (6 из 15):

inu papash Leo je_{Aux.Praes.3Sg} jo_{Pron.Acc.3Sg.f} svoimu bratru posvou «и папа Лев послал ее своему брату»;

...de v leti 1547 se_{Refl} je_{Aux.Praes.3Sg} sgvodivo... da je_{Aux.Praes.3Sg} se_{Refl} zhries 20 shkofou inu tah vishah na kugi umeruo «...что в 1547 году случилось... что более двадцати епископов и высших священнослужителей умерли от чумы».

В примере выше мы наблюдаем ту же вариативность в пределах одного предложения, что и в случае с клитикой Fut: в первом случае глагольная клитика Praes. 3Sg стоит в конце кластера (*se je*), во втором – поднимается в начало (*je se*).

Преобладание в диалогической речи **сентенциальных клитик / кластера клитик в абсолютном начале предложения** выделяет словенские диалекты на фоне большей части говоров западной ветви южнославянской подгруппы, в которых кластер клитик в предложении строго энклитичен. В каринтийской группе диалектов частотность проклитического положения кластера составляет в среднем 20%, а на юго-западе рожанского диалекта – 41% (см. карту 4).

В каринтийских диалектах в абсолютном начале предложения могут располагаться как глагольные, так и местоименные клитики,

а кластер может содержать до четырех клитик²⁷ (на юго-западе рожанского диалекта – до трех).

В DV кластеризуемых клитик в абсолютном начале предложения не отмечено.

В КŽ кластеры в абсолютном начале предложения составляют всего 3% от общего количества кластеров (2 из 59 контекстов) и включают только одну, глагольную клитику:

*Bosh*_{Aux.Fut.2Sg} *vidov skves vsako goro* «Будешь видеть сквозь каждую гору»;
*Je*_{Aux.Praes.3Sg} *lashov an velk gryshnik nasmert bovn* «Лежал великий грешник при смерти».

В DB показатель проклитичности кластера составляет 26% (10 из 39 контекстов). Однако важно отметить, что все случаи проклитического положения кластера локализованы в одном кратком фрагменте – «Anu lepu resojenje katere je Chrishtush tam SS. 3 Devizam Elisabethi, inu Brigiti inu Methildisi resodou» (с. 79–83), точнее, на первых двух страницах фрагмента:

*Je*_{Aux.Praes.3Sg} *rekou nai prei kniem vi fte moje lube shzhere* «сказал им сперва: вы мои любимые дочери»;

*Sim*_{Aux.Praes.1Sg} *jeft... 7 barti doui padou* «я семь раз упал»;

*Sim*_{Aux.Praes.1Sg} *jeft na gvau, na rame, inu na persi 30 shrahou prauseu* «я по голове, плечам и груди 30 ударов принял»;

*Sim*_{Aux.Praes.1Sg} *jeft 30 barti... gore uliezhnan biu* «меня 30 раз... тянули»;

*Sim*_{Aux.Praes.1Sg} *jeft is moiga serza 127 barti sdihnou* «я из сердца 127 раз вздохнул»;

27 Там же. С. 279.

*Sim*_{Aux.Praes.1Sg} *jeft 72 sa brado uliezhau biu* «я 72 раза за бороду был потянут»;

*Sim*_{Aux.Praes.1Sg} *jeft taku grosouitno potisnjau biu* «я так ужасно придавлен был»;

*Sim*_{Aux.Praes.1Sg} *jeft per gaishuenju 6666 shuakou praseu* «я 6666 ударов кнутом вынес»;

*So*_{Aux.Praes.3Pl} *mi*_{Pron.Dat.1Sg} *73 barti u oblzhje pluali* «73 раза мне в лицо плюнули»;

*So*_{Aux.Praes.3Pl} *mene u zalam moimu shuoti 475 ran naredili* «за всю мою жизнь мне 475 ран нанесли».

Один раз в абсолютном начале предложения находится кластер из двух клитик (глагольной и местоименной): *So mi 73 barti u oblzhje pluali*. За исключением этого примера, в этой позиции находим в DB только одну, глагольную клитику.

В современном словенском литературном языке в предложениях с глаголом в форме сослагательного наклонения используется тип отрицания *ne bi + l-PTC*, при котором отрицательная частица *ne* и показатель сослагательного наклонения клитика *bi* образуют слитную парокситоническую форму *ne bi*. По диалектам sporadicheski сохраняется **архаичный тип отрицания *bi ne + l-PTC***, при котором частица *bi* располагается в ваккернагелевской позиции / абсолютном начале предложения, а частица *ne* – непосредственно перед *l*-причастием. Этот тип отрицания характерен как для современных каринтийских и паннонских диалектов, так и для словенского литературного языка XVI в.

Частотность архаичного типа отрицания в диалектах каринтийской группы в среднем составляет 60%. С запада на восток группы прослеживается убывание архаичного типа отрицания и замещение «новой» отрицательной конструкцией, бытующей в современном словенском литературном языке²⁸. На юго-западе рожанского диалекта архаичный тип отрицания встретился нам в 75% употреблений (см. карту 5).

KŽ и DB не содержат искомым контекстов, а в DV используется только архаичный тип отрицания:

*da bi*_{Cond} *na*_{Neg} *pořabou* «чтобы не забыл»;

28 Там же. С. 273–274.

da $\underline{bi}_{\text{Cond}}$ *jas* $\underline{kna}_{\text{Neg}}$ *padou* «чтобы я не упал».

Зная, что каринтийский издатель / редактор KŽ отразил в орфографии явления каринтийской фонетики, мы предположили, что KŽ в большей степени отражает каринтийский порядок слов, нежели сборник «*Duhovna bramba*». Но, как мы видим, в синтаксическом отношении две части сборника «*Duhovna bramba*» настолько различаются, что разумнее сравнивать их между собой.

Порядок слов DB оказался наиболее приближен к современному порядку слов в каринтийских диалектах. DB последовательно отражает диалектные инновации, отмеченные нами на юго-западе рожанского диалекта и в каринтийской группе в целом.

DV, хоть и входит в состав одного сборника с DB, демонстрирует наиболее консервативный порядок слов – повсюду сохраняет архаичный тип отрицания *bi ne + l-PTC* и не отражает ни одного из трех рассмотренных инновативных процессов.

В KŽ отдельные каринтийские инновации порядка слов встречаются спорадически и непоследовательно.

Такая неоднородность (см. таблицу 2) демонстрирует совершенно различные взгляды редакторов проанализированных каринтийских изданий на допустимость проникновения синтаксических особенностей родного идиома в печатный текст. Указанные сборники отражают современный им каринтийский порядок слов весьма приблизительно, и использовать их как источник сведений о диалектном синтаксисе XVIII в. следует с большой осторожностью.

Таблица 2. Особенности порядка слов в памятниках «Duhovna bramba» и «Kolomonov žegen»

явление / источник	KŽ	Duhovna bramba		ЮВ рожанского диалекта	каринтийская группа
		DB	DV		
архаичный тип отрицания <i>bi ne + L-PTC</i>					
частотность	–	–	13/13	3/4	72/131
частотность в %	–	–	100%	75%	55%
кластер в абсолютном начале предложения					
частотность	2/59	10/39	0/42	223/542	2239/11675
частотность в %	3%	26%	0%	41%	20%
макс. число клитик	1	2	–	3	4
подъем глагольных клитик в начало кластера					
Fut	0/5	2/7	0/22	1/16	28/247
частотность в %	0%	28%	0%	6%	11%
Praes.3Sg (<i>je</i>)	1/2	6/15	0/5	4/43	342/1822
частотность в %	50%	40%	0%	9%	19%

Источники и литература

Громова М. М. Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 335–346.

Громова М. М. Особенности функционирования клитик в каринтийской группе диалектов словенского языка // *Rojena v narečje: akademikinji prof. dr. Zinki Zorko ob 80-letnici*. Maribor: Univerza v Mariboru, Filozofska fakulteta, 2016. (Zora.) С. 264–283.

Duhouna branua: k' troshtenji usah teh, kiri na vodi, inu semli raishajo...: prad duhounah – inu shuotnah nauarnostah sakobart per sabe nossiti: u' katirei so mozhni shegni inu shebranje, katiri so od sama Boga osnanuani, od te Zirkle, inu s. s. ozhetou storjeni, inu od papasha Urbana VIII. unkadani, skus s. Kolmana poterdnjeni bli. Duhouna branua. 1740 [i. e. 1800]. 175, 5с., 16. URL: <http://www.dlib.si/?URN=URN:NBN:SI:DOC-FMTPKQA> (дата обращения: 12.02.2023).

Grafenauer I. Duhovna bramba in Kolomonov žegen (nove najdbe in izsledki) // Slovenska akademija znanosti in umetnosti, razred za zgodovinske in družbene vede: Dela (T. 1). Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti, 1943. С. 201–339.

Jelovšek A. Osebni zaimki v jeziku slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja: doktorska disertacija. Ljubljana: [A. Jelovšek], 2014. 368 s.

Koletnik M. Slovenskogoriško narečje. Maribor: Slavistično društvo, 2001. (Zora. 12.)

Kolomonov žegen. URL: <https://www.knjiznica-ravne.si/domoznanstvo/osebne-zapuscine> (дата обращения: 12.02.2023).

Marušič F., Žaucer R. On Clitic doubling in Gorica Slovenian // A Linguist's Linguist. Studies in South Slavic Linguistics in Honor of E. Wayles Browne. Bloomington: Slavica Publishers, 2009. P. 281–295.

Murko M. Enklitike v slovenščini. II. del: Skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1892 / A. Bartel. Ljubljana: Matica Slovenska, 1892. S. 51–86.

Murko M. Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1891 / A. Bartel. Ljubljana: Matica Slovenska, 1891. S. 1–65.

Piko M. Iz semena pa bo lipa zrasla. Pravlice, storije in basmi s Koroške. Ljubljana: Kmečki glas, 1996. (Glasovi. 14.)

Šekli M. Furlanščina in rezijansko narečje slovenščine v besedilih // Makedonsko-slovenečki jazični, književni i kulturni vrski = Makedonsko-slovenske jezikoslovne, književne in kulturne zveze. Skopje: Filološki fakultet "Blaže Koneski", Univerzitet "Sv. Kiril i Metodij", 2009 [i. e.] 2010. S. 157–179.

Škrabec S. Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo // Škrabec S. Jezikoslovna dela 2 / J. Toporišič (ur.). Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 1994. S. 200–218.

Stone G. Word Order in the Freising Texts // Zbornik Brižinski spomeniki / J. Faganel, Fr. Jakopin, J. Kos (ur.). Ljubljana: ZRC SAZU, Inštitut za slovensko literaturo in literarne vede, 1996. (Dela Slovenske akademije znanosti in umetnosti 45.) P. 213–224.

Toporišič J. Slovenska slovnica. Pregledana in razširjena izdaja. Maribor: Obzorja, 1984.

Valh Lopert A., Zorko Z. Skladnja v panonski narečni skupini // Dialektološki razgledi. 2013. Vol. 19. № 2. S. 221–235.

Zorko Z. Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih // Zorko Z. Haloško narečje in druge dialektološke študije. Maribor: Slavistično društvo, 1998. (Zora. 6.) S. 225–233.

Zorko Z. Narečna podoba Dravske doline. Maribor: Kulturni forum, 1995. 363 s. (Piramida 3).

Zuljan Kumar D. Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih // Škrabčeva misel VI: zbornik s simpozija 2007 / Toporišič J. (ur.). Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 2008. S. 121–135.

Zuljan Kumar D. Govorjena briška narečna besedila z vidika besedilne skladnje: doktorska disertacija. Ljubljana: [D. Zuljan Kumar], 2005. 188 s.

References

Grafenauer, I. «Duhovna bramba in Kolomonov žegen (nove najdbe in izsledki).» *Slovenska akademija znanosti in umetnosti, razred za zgodovinske in družbene vede: Dela (T. 1)*. Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti, 1943, pp. 201–339.

Gromova, M. M. «Osobnosti klasterizatsii klitik v sovremennom slovenskom iazyke.» *Slavianskii al'manakh*, 2014, no 1–2, pp. 335–346.

Gromova, M. M. «Osobnosti funkcionirovaniya klitik v karintiiskoi grupe dialektov slovenskogo iazyka.» *Rojena v narečje: akademikinji prof. dr. Zinki Zorko ob 80-letnici. Mednarodna knjižna zbirka ZORA*. Maribor: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta Univerze v Mariboru, 2016, pp. 257–276.

Jelovšek, A. *Osebni zaimki v jeziku slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja: doktorska disertacija*. Ljubljana: [A. Jelovšek], 2014, 368 p.

Koletnik, M. *Slovenskogoriško narečje*. Maribor: Slavistično društvo, 2011. (Zora 12.)

Marušič, F., Žaucer, R. «On Clitic doubling in Gorica Slovenian.» *A Linguist's Linguist. Studies in South Slavic Linguistics in Honor of E. Wayles Browne*. Bloomington: Slavica Publishers, 2009, pp. 281–295.

Piko, M. *Iz semena pa bo lipa zrasla. Pravlice, storije in basmi s Koroške*. Ljubljana: Kmečki glas, 1996. (Glasovi 14.)

Stone, G. «Word Order in the Freising Texts.» *Zbornik Brižinski spomeniki*, ed. by J. Faganel, F. Jakopin, J. Kos. Ljubljana: ZRC SAZU, Inštitut za slovensko literaturo in literarne vede, 1996, pp. 213–224. (Dela Slovenske akademije znanosti in umetnosti 45.)

Šekli, M. «Furlanščina in rezijansko narečje slovenščine v besedilih.» *Makedonsko-slovenečki jazični, književni i kulturni vrski = Makedonsko-slovenske jezikoslovne, književne in kulturne zveze*. Skopje: Filološki fakultet "Blaže Koneski", Univerzitet "Sv. Kiril i Metodij", 2009 [i. e.] 2010, pp. 157–179.

Škrabec, S. «Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo.» *Škrabec S. Jezikoslovna dela 2*, ed. by J. Toporišič. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 1994, pp. 200–218.

Toporišič, J. *Slovenska slovnica. Pregledana in razširjena izdaja*. Maribor: Obzorja, 1984.

Valh Lopert, A., Zorko, Z. «Skladnja v panonski narečni skupini.» *Dialektološki razgledi*, 2013, vol. 19, no 2, pp. 221–235.

Zorko, Z. «Besedni red v severovzhodnih slovenskih narečjih.» *Zorko Z. Haloško narečje in druge dialektološke študije*. Maribor: Slavistično društvo, 1998, pp. 225–233. (Zora 6.)

Zorko, Z. *Narečna podoba Dravske doline*. Maribor: Kulturni forum, 1995, 363 p.

Zuljan Kumar, D. «Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih.» *Škrabčeva misel VI: zbornik s simpozija 2007*, ed. by J. Toporišič. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 2008, pp. 121–135.

Zuljan Kumar, D. *Govorjena briška narečna besedila z vidika besedilne skladnje: doktorska disertacija*. Ljubljana: [D. Zuljan Kumar], 2005, 188 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.13

M. M. Gromova

Dialect word order in the Slovenian Carinthian 18th century books “Duhovna bramba” and “Kolomonov žegen”

Mariya M. Gromova

Junior research fellow

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: marija.gromova@list.ru

ORCID: 0000-0001-6081-7520

Citation

Gromova M. M. Dialect word order in the Slovenian Carinthian 18th century books “Duhovna bramba” and “Kolomonov žegen” // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 269–285 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.13

Received: 14.02.2023.

Revised: 04.06.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The paper analyzes the use of the Slovenian Carinthian word order in the Carinthian early printed books of the mid-18th century – collections of prayers and incantations *Duhovna bramba* and *Kolomonov žegen*. The possibility of using them as a source of information about the 18th century Carinthian dialect syntax is considered. Based on significant deviations from the Central Slovenian standard language orthographic norm in *Kolomonov žegen* and the absence of such deviations in the Carinthian edition of *Duhovna bramba*, we assume that *Kolomonov žegen* reflects the Carinthian word order to a greater extent than *Duhovna bramba*. The work includes a brief description of the analyzed texts and the Carinthian

dialects, an analysis of the reflection of the Rosen Valley syntactic features in these texts, and conclusions. The statistical analysis of the texts confirms the assumption that they contain Carinthian word order features. The assumption about their greatest concentration in *Kolomonov žegen* is not confirmed. According to the statistics, the first part of *Duhovna bramba* most fully and consistently reflects the Carinthian word order innovations, while its second part demonstrates the most conservative word order. *Kolomonov žegen* reflects Carinthian syntactic innovations rarely and inconsistently. Such heterogeneity demonstrates completely different views of the Carinthian editors on the admissibility of the inclusion of their native syntactic features into the printed text. These texts reflect the Carinthian word order to varying degrees, which requires caution in their further use as a source of information about the 18th century Carinthian dialect syntax.

Keywords

Slovenian language, dialect syntax, word order, sentential clitics, history of the Slovenian language, Slovenian dialects, Carinthian dialects.

**Предикаты воздействия запахом
в болгарском и русском языках
(болгарские переводческие стратегии)**

Мосинец Анастасия Геннадьевна
Кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Университетская набережная, д. 7–9, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: a.mosinets@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-8439-0373

Цитирование

Мосинец А. Г. Предикаты воздействия запахом в болгарском и русском языках (болгарские переводческие стратегии) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 286–301. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.14

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Проекты по програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019 – 2020 г., № КП-06-П РУСИЯ-78, 2020 г.).

Статья поступила в редакцию 30.12.2022.

Рецензирование завершено 19.02.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье на материале параллельного русско-болгарского корпуса художественных текстов рассматриваются болгарские переводческие соответствия русским предложениям с глаголами *тянуть, потянуть, обдать / обдавать, пахнуть*, в которых подразумевается наличие стихийной силы, «доставляющей» запах, воздействующий на перцептивные ощущения одушевленного субъекта. Такие предикации в русском языке обычно безличные, а участник, выражающий запах, получает маркировку творительным падежом. Перевод подобных предикаций на болгарский язык с помощью безличных конструкций затруднен в связи с именным аналитизмом болгарского языка и отсутствием специфического маркера безличности. Ситуацию воздействия запахом

болгарский язык передает в основном двусоставными предложениями, где название запаха занимает позицию подлежащего. Представление о стихийной силе (воздухе, ветре, переносящем тот или иной запах) уступает место идее о запахе как участнике, непосредственно создающем ситуацию. В качестве основных переводческих соответствий указанным русским глаголам выступают болгарские глаголы *лъхна*, *облъхна* / *облъхам*, *лъхам*, имеющие отличную от указанных русских глаголов семантическую структуру и синтаксические свойства. Выбор того или иного болгарского глагола как переводческого соответствия зависит от эксплицированности других участников ситуации, таких как экспериментер или источник запаха.

Ключевые слова

Безличность, экспериментер, предикаты одористического восприятия, русско-болгарские переводческие соответствия, болгарский язык, русский язык.

1. Введение

Различие болгарского и русского языков при структурировании предложений, предполагающих воздействие стихийной силы на одушевленного субъекта, подробно не исследовано в славянском языкознании, хотя имеется ряд важных наблюдений над устройством предикаций такого рода. Так, отдельный подраздел в монографии И. Георгиева о моделях безличных конструкций болгарского и русского языка посвящен устройству предложений, выражающих проявление стихийных сил¹. Основное отличие состоит в том, что в русском языке «отсутствие субъекта действия отмечено подлинно безличной формой среднего рода прошедшего времени», которая исключает возможность связи с подлежащим (*поволокло, ударило, обожгло*). В болгарском же языке формы типа *повлече, удари, опари* не могут служить формальным маркером безличности, прочитываясь прежде всего как личные, к тому же они совмещают признаки 2 и 3 л.² Более того, если в русском языке участник – стихийная сила регулярно выражается творительным падежом (*течением унесло лодку*), то в болгарском такой способ маркирования отсутствует.

¹ Георгиев И. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София, 1990. С. 39–47.

² Там же. С. 43–44.

Различия прослеживаются и в способе выражения объекта, подвергающегося действию стихийной силы: болгарский язык, в отличие от русского, требует от многих глаголов прямого дополнения, выраженного местоименной клитикой, так как использование существительного без поддержки клитики не дает возможности обозначить синтаксическую роль объекта: рус. *ее (лодку) унесло* – болг. *отнесе я*; рус. *его ударило* – болг. *блъсна го*³. Но даже и такие конструкции редко допускают безличное толкование.

А. А. Градинарова, исследуя специфику концептуализации ситуации восприятия в болгарском и русском языках, обращает внимание на существенное различие оформления предложений с глаголами перемещения запаха: «Русский экспериенцер склонен к концептуализации названной ситуации как создаваемой неидентифицированной силой, представленной на поверхностном уровне синтаксическим нулем со значением квантора [...]. В отличие от русского субъекта восприятия болгарский экспериенцер не видит неидентифицированных сил в ситуации перемещения запаха. Ситуации, передаваемые русскими предложениями с компонентом “идентифицированный запах” в форме творительного орудия или средства, болгарскому воспринимающему субъекту видятся в другом ракурсе. Воздействующий на экспериенцера запах оценивается как участник, создающий ситуацию, и кодируется номинативом: *Из дома несло запахом теплого ржаного хлеба – От къщата се носеше миризмата на топъл ръжен хляб* (букв. “Из дома несся запах теплого ржаного хлеба”)⁴.

В целом, расширяя свои наблюдения и другими выражениями, предполагающими воздействие стихийной силы (*вагон тряхнуло; в воздухе зашумело* и др.), А. А. Градинарова объясняет различие сопоставляемых языков аналитизмом болгарского языка, а именно частой невозможностью или затрудненностью формальной маркировки безличности, что заставляет заменять безличные конструкции личными, как в примере выше. Фиксированные позиции актантов позволяют языку с именным аналитизмом выразить синтаксические отношения в предложении⁵.

3 Там же. С. 44–45.

4 Градинарова А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия) // Болгарская русистика. 2003. Вып. 3–4. С. 7.

5 Градинарова А. Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков. София, 2017. С. 43–60.

Оба автора отмечают также, что стремление оформить высказывание как личное ведет к активизации других конструкций, позволяющих поместить в позицию подлежащего какого-либо участника ситуации.

С учетом указанных исследований А. В. Циммерлинг, анализируя специфику основных способов выражения имперсональности, отмечает, что «современный болгарский язык [...] является языком, где продуктивные модели элиминации субъекта связаны с производными формами глагола, используемыми в конструкциях причастного пассива, субъектного имперсонала (Там се краде безнаказано “Там воруют безнаказанно”, букв. “Там воруетя...”) и декаузатива (Две крушки се пръснаха “Две лампочки разорвало”, букв. “разорвались”), а имперсональные схемы с активной формой глагола в 3 л. ед. ч. непродуктивны и привязаны к жестко заданным лексико-семантическим областям, в пределах которых они выражаются небольшим числом лексем»⁶. Среди таковых называются: стихийная сила (*духа*, *вее* ‘дует’, *вали* ‘идет дождь’; *святка* ‘сверкает молния’, *гърми* ‘гремит гром’, *напича* ‘припекает’), источник звука, света или вкуса (*в пресечката проблесна* ‘в переулке <что-то> сверкнуло’), а также еще ряд единичных лексем. В сущности, многие болгарские безличные глаголы входят в древний фонд болгарского языка, т. е. являются реликтами и могут быть отнесены к фразеосхемам⁷.

Глаголы, не входящие в «словарный» фонд безличных, при использовании в форме 3 л. ед. ч. и в отсутствие подлежащего не прочитываются как безличные. Отсюда и редкость или маловероятность предложений типа *Повлече го* как эквивалента рус. *Его потащило*⁸.

Таким образом, невозможность формальной маркировки безличности в болгарских структурах, предполагающих воздействие стихийной силы, ведет к поиску иных средств выражения такого воздействия при переводе русских безличных предложений.

6 Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 19.

7 Градинарова А. Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса. София, 2010. С. 56; Градинарова А. Очерки... С. 51; Циммерлинг А. В. Имперсональные... С. 19.

8 Градинарова А. Фрагменты... С. 56.

2. Материал исследования.

Лексико-грамматическая характеристика выборки

В фокусе нашего внимания находятся русские предложения, в которых подразумевается наличие стихийной силы, «доставляющей» запах и воздействующей на перцептивные ощущения одушевленного субъекта. Такие предикации в русском языке обычно оформляются как бесподлежащные, безличные, а воздействующий на человека запах получает маркировку творительным падежом: *Пахнуло забытым ароматом*. Были отобраны четыре лексемы: *тянуть, потянуть, обдать / обдавать, пахну́ть*, представляющие ситуацию воздействия запахом на перцептивные органы человека. По данным лексемам проведен поиск в параллельных русско-болгарских корпусах (Болгарский параллельный корпус в рамках Национального корпуса русского языка (на основе Параллельного корпуса русских и болгарских текстов⁹); Корпус параллельных русских и болгарских текстов Великотырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия)¹⁰, а также способом ручной выборки – для анализа решений, которые принимают профессиональные переводчики при передаче на болгарский язык таких конструкций. Примеры извлечены из художественных произведений XX и XXI вв. (М. Булгаков, Л. Соловьев, А. Беляев, Б. Полевой, братья Стругацкие, Ч. Айтматов, Н. Рыбаков, А. Приставкин, А. В. и С. В. Литвиновы, Б. Акунин).

Общий объем материала составил 33 пары предложений.

Обратим внимание, что в рассмотрении намеренно не включены предикаты, сообщающие о наличии и характере запаха типа рус. *пахнет, воняет, благоухает*, поскольку их болгарские эквиваленты входят в число глаголов, которые допускают безличное употребление и активно функционируют в безличной форме¹¹: *мирише на водорасли* «пахнет водорослями», *вони на развалено месо* «воняет протухшим мясом», *ухае на люляк* «пахнет сиренью»¹². Нас будут интересовать такие предикации, где обонятельные ощущения возникают

⁹ *Гочев Г. Н.* Проект «Корпус параллельных русских и болгарских текстов» // Президиум МАПРЯЛ 2007–2010. Сборник научных трудов. СПб., 2011. С. 38–48.

¹⁰ См.: <http://rbcorpus.com> (дата обращения: 15.12.2022).

¹¹ *Иванова Е. Ю.* Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. София, 2009. С. 244–246.

¹² В то же время эта группа болгарских глаголов может появиться в болгарских переводах и будет рассмотрена далее именно как (редкое) переводное соответствие.

как результат перемещения запаха и его воздействия на воспринимающего. Именно такие конструкции, как предполагается, создают затруднения при безличном оформлении предиката, в отличие от русского языка, где они получают имперсональную маркировку и часто сопровождаются оформлением номинации воздействующей силы или стимула творительным падежом.

В выборку вошли русские глаголы в безличной форме 3 л. ед. ч. Все они в рассматриваемых предикациях использованы в форме прошедшего времени. Нефинитные формы в выборку не входили.

Болгарская (переводная) часть выборки содержит разнообразные лексемы, в большей или меньшей степени отражающие указанную ситуацию перемещения и ощущения запаха (см. Таблицу).

Таблица. Болгарские лексические соответствия русским глаголам перемещения запаха в исследуемой выборке

Глагол в русском предложении	Глаголы группы <i>лъхам</i>	Другие соответствия
пахнуло (10)	лъхна (8)	размириша се (1), дъхам (1)
тянуло / потянуло (19)	лъхна (5), лъхам (5), облъхна / облъхам (2)	нося се (3), мириша (1), замириша (1), разливам се (1), разнеса се (1)
обдало / обдавало (4)	лъхна (2), облъхна (1)	усещам (1)

Анализ переводного материала показал, что болгарские лексические соответствия русским предикатам можно разделить на две группы.

1. Глаголы группы *лъхна*: *лъхна* (СВ), а также *лъхам* (НСВ), *облъхна* / *облъхам*.

Основным лексическим соответствием всем отобранным русским глаголам перемещения запаха выступает *лъхна* (СВ; его видовой пары *лъхам* в выборке не зафиксировано).

В семантику всех глаголов группы *лъхна* встроена идея дуновения ветра, перемещения воздуха. Значение *лъхна*, которое реализуется и в нашей выборке, – «за някакъв дъх, мирис и под. – като се излъчвам, отделям отнякъде, леко и за кратко време докосвам някого; облъхам»¹³ [о каком-либо запахе и под. – исходя откуда-либо,

¹³ Речник на българския език. София, 1977–2015. Т. 1–15. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 15.11.2022).

легко и ненадолго задевать кого-либо; обдавать] и его оттенки. Схожие определения имеют и глаголы *лъхам* (НСВ), *облъхна / облъхам*¹⁴. То есть семантика болгарских глаголов подразумевает наличие воздушной струи (ветра, холода, запаха и под.) как активного деятеля. Для глаголов *лъхна* и *лъхам* (но не *облъхна / облъхам*) фиксируется и безличное употребление, однако в нашей выборке присутствует только единичный пример безличного употребления – для глагола *лъхна*. Что касается русских глаголов, при толковании *тянуть* в значении воздействия запахом стоит помета *безл.*, для *пахнуть* – *чаще безл.*, для *обдать* фиксируется и личное, и безличное употребления¹⁵.

2. Другая группа глаголов неоднородна по семантике: *нося се, разливам се, дъхам, почувствувам, усещам, мириша / замириша, долавям, разнасям се, размирисвам се* (единичные употребления, за исключением *нося се*). Глаголы *нося се, разнасям се, разливам се* относятся к семантической группе глаголов перемещения запаха, глаголы *дъхам, мириша / замириша, размирисвам се* выражают семантику наличия запаха, глаголы *почувствувам, усещам, долавям* обозначают физическое восприятие запаха субъектом.

Анализируемые глаголы имеют и грамматические отличия. Наиболее важным является возможность экспликации экспериенциального участника. В предложениях с глаголом *лъхна* прямое дополнение, маркирующее экспериенцера, может как присутствовать, так и отсутствовать (что разводится в словаре как разные оттенки значения данного глагола: переходный *лъхна* и непереходный *лъхна*). Таким образом, в предложениях с глаголами *лъхна* экспериенцер не является обязательным участником конструкции.

Глагол *облъхам / облъхна* является переходным, более того, экспериенцер при нем является актантом и не может быть опущен. Это сближает данный глагол с русским *обдать / обдавать*.

Далее мы рассмотрим способы перевода русских предложений на болгарский язык с учетом выбранной переводчиком грамматической структуры болгарской конструкции.

14 Отметим, что связь с запахом у данных болгарских глаголов отмечается лишь во втором значении, а в первом значении они соотносятся с перемещением воздуха.

15 Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Н. Ф. Татьянченко. М., 2005. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 15.12.2022).

3. Типы синтаксических преобразований при переводе бесподлежащих предложений с предикатами воздействия запахом

В нашем материале при переводе русских бесподлежащих предложений возможны следующие разновидности синтаксических трансформаций:

1. Двусоставные предложения.

1.1. Место подлежащего в болгарском переводе, как правило, занимает стимул, т. е. название запаха, присутствующее в русском предложении в виде именной группы в творительном падеже. Такая трансформация является наиболее распространенной в нашем корпусе. В качестве предиката выступают глаголы группы *лъхам*.

(1) [...] *Посвежело, потянуло росистыми запахами, пришло время сна* (Л. Соловьев). – [...] *Захладняло, лъхнал мирис на роса, дошло време за сън* (пер. И. Костова, Р. Русева).

(2) *Они миновали пекарню с высокими, ярко освещенными окнами, и Рэдрика обдало волной теплого необыкновенно вкусного запаха* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий). – *Отминаха фурната с високи те, ярко осветени прозорци и вълна от топла и необыкновенно вкусна миризма облъхна Редрик* (пер. С. Владимирова);

(3) *Когда он проходил мимо оконной ниши, нянька снова сделала падающее движение, и от нее пахнуло густым винным перегаром* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий). – *Когато минаваше край нишата на прозореца, бавачката отново направи движение напред и от нея лъхна тежък дъх на винени пари* (пер. С. Владимирова).

Как уже было отмечено, А. Градинарова объясняет такое различие синтаксических конструкций тем, что «в отличие от русского Субъекта восприятия болгарский Экспериенцер не видит неидентифицированных Сил в ситуации перемещения запаха. Ситуации, передаваемые русскими предложениями с компонентом “идентифицированный запах” в форме Творительного орудия или средства, болгарскому воспринимающему Субъекту видятся в другом ракурсе. Воздействующий на Экспериенцера запах оценивается как участник, создающий ситуацию, и кодируется Номинативом»¹⁶.

Данные конструкции в нашей выборке неоднородны с точки зрения представленности участников ситуации, таких как источник запаха, локализатор (место) и экспериенцер, которые в конструкциях обонятельного воздействия являются факультативными участниками¹⁷.

¹⁶ Градинарова А. О специфике... С. 7.

¹⁷ Иванова Е. Ю. Сопоставительная... С. 245.

Например, в (1) мы видим только предикат и сам стимул, в (2) представлен также экспериенциальный участник (он выражается беспредложным именным выражением – *Рэдрик*), указание на источник запаха отсутствует в самой предикации, однако представлено в ближайшем контексте (*пекарня*), в (3) источник (*нянька*) представлен в самой предикации, но экспериенцер эксплицитно не назван. Наличие / отсутствие в предложении участников ситуации непосредственно влияет на выбор болгарского глагола для перевода.

Отсутствие экспериенцера в русском оригинале (в предложениях типа (1) и (4) далее) затрудняет выбор для перевода переходного глагола *облъхвам / облъхна*, при котором экспериенцер, выраженный прямым дополнением, является актантами участником ситуации. Поэтому часто выбор совершается в пользу предиката *лъхна*, где эксплицитное выражение экспериенцера не обязательно. Как правило, он опускается вслед за оригиналом:

(4) *На рассвете, лишь рассеялся густой туман, прикрывавший долину, и с поля потянуло ветерком и запахом горелой травы, мы вдвоем пробирались тихим двором [...] (А. Приставкин). – На разсъмване, още щом се разпръсна гъстата мъгла, похлушила долината, и откъм полето лъхна ветрец и миризма на изгоряла трева, ние двамата крадеешком прекосихме тихия двор [...] (пер. З. Петровой).*

Однако в нашей выборке зафиксированы и примеры добавления экспериенцера, опущенного в оригинальной клаузе:

(5) *Кто-то вошел из темноты, и пахнуло забытым ароматом – духами «Красная Москва», но ничего толком рассмотреть Моргунова не успела (Б. Акунин). – Някой влезе от тъмното и я лъхна забравен мирис – на парфюм “Красная Москва”, но Моргунова нищо не успя да види (пер. С. Бранца).*

Отличия между конструкциями с глаголами *лъхна* и *облъхна / облъхвам* можно проследить на примере перевода следующей пары предложений:

(6) *Машины были так близко, что ему в лицо пахнуло теплым срадом газолиновой гари (Б. Полевой). – Колите бяха толкова близо, че в лицето му лъхна топлят миризливи газолинов дим (пер. К. Георгиевой);*

(7) *И в лицо ему тянуло оттуда, с гор, тонким и свежим снеговым ветром (Л. Соловьев). – И оттам, откъм планините, лицето му облъхвала лека и свежа снежна прохлада (пер. И. Костова, Р. Русева).*

В данных примерах в русском оригинале экспериенцер совмещен с местом воздействия (что характерно для подобных русских

предложений¹⁸). При переводе глаголом *лъхна* (6) акцент на место воздействия сохраняется в большей степени благодаря сохранению предложной группы *в лицето му*, в то время как при переводе с помощью *облъхам* (7) необходима грамматическая трансформация предложной группы в беспредложную, которая занимает место экспериментально-го участника (ср. рус. *его лицо обдавала прохлада* при невозможности *ему в лицо обдавала прохлада*). При переводе глаголом *лъхна* в такой трансформации нет необходимости.

Еще одной особенностью конструкций с *лъхна* в нашей выборке является то, что экспериментер, при его наличии, выражается аккумулятивной формой личного местоимения (или удвоенным дополнением), но не именной группой. В (8), где экспериментер в оригинале выражен именем собственным, переводчик, чтобы избежать такой конструкции, перестраивает предложение, добавляя еще одну, главную, клаузу с предикатом восприятия *усетя* и делая исходное предложение придаточным:

(8) *На Ивана пахнуло влажnym теплом и, при свете углей, тлеющих в колонке, он разглядел большие корыта* (М. Булгаков). – *Иван усети, че го лъхна влажна топлина и на светлината на жаравата в кюмбето различи някакви големи корита* (пер. Л. Минковой).

Такое преобразование связано с тем, что для болгарского языка из-за аналитизма именной системы постановка прямого дополнения, выраженного существительным, в позицию темы не свойственна. Такой порядок слов требует использования удвоенного дополнения¹⁹. В данном случае выбор другого переводческого решения может быть продиктован и возможной частичной омонимией с предложениями типа *Иван го лъхна с дъх на ракия* [Иван обдал его запахом ракии] при дублировании прямого дополнения местоименной клитикой. Кроме того, необязательность участия экспериментера в предложениях с *лъхна* также затрудняет однозначное прочтение прямого дополнения, выраженного существительным.

В других случаях в нашей выборке при переводе предложений с экспериментером, выраженным именем собственным, используется глагол *облъхна*, при этом происходит изменение порядка слов – позиции экспериментера и стимула в болгарском переводе меняются местами. Именная группа, обозначающая стимул, занимает позицию начального подлежащего:

18 См.: *Иванова Е. Ю. Сопоставительная...* С. 246.

19 См. подробнее: *Градинарова А. Очерки...* С. 43–60.

(9) [...] *На Ходжу Насреддина потянуло сладким запахом хашиша* (Л. Соловьёв). – [...] *Сладък мирис на хашиш облъхнал Настрадайн Ходжа* (пер. И. Костова, Р. Русева); см. также пример (2).

Обратим внимание, что в примере (7) выше мы не наблюдали подобного изменения порядка слов. Видимо, это связано с тем, что сочетание *лицето му*, указывая на место воздействия, воспринимается как локализатор и не прочитывается как обозначение экспериенцера.

Глагол *лъхам* в нашей выборке используется только в тех конструкциях, где экспериенцер эксплицитно не представлен (поиск по Национальному корпусу болгарского языка²⁰ показывает, что употребление глагола *лъхам* в значении воздействия запахом с выраженным экспериенцером в принципе фиксируется, но в единичных случаях: *Лъхаше го хлад, напоен с миризмата на висина* (М. Дубарова) [Его обдавал холод, пропитанный запахом высоты]). Кроме того, во всех зафиксированных предложениях, где для перевода используется глагол *лъхам*, присутствует источник запаха (конструкция с предлогом *от*):

(10) *Из темных недр квартиры тянуло теплой кислятиной* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий). – *От тъмната вътрешност на квартирата лъхаше топла и кисела миризма* (пер. С. Владимирова).

Для двух других глаголов наличие / отсутствие непосредственно в предикации источника запаха не является значимым.

Кроме глаголов группы *лъхам*, в предложениях данного типа используются и другие функциональные соответствия – глаголы *нося се* ‘доноситься’, *разливам се* ‘разливаться’, *разнеса се* ‘разнестись’. При них также наблюдается постановка участника-стимула в позицию подлежащего:

(11) *От них остро тянуло пивом и луком* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий). – *От тях се носеше остър мирис на бира и лук* (пер. С. Владимирова) (букв. «от них доносился запах»);

(12) *Из леса тянуло прохладной, душистой грибной сыростью, и неслышные за грохотом боя комары отчаянно атаковали лица, руки, шеи пилотов* (Б. Полевой). – *От гората се разливаше прохлада, ароматна влага, лъхаща на гъби, и безшумните поради грохота на боя комари смело атакуваха лицата, ръцете, шииите на пилотите* (пер. К. Георгиевой) (букв. «разливалась прохлада, ароматная влага») (в данном примере речь идет не только о запахе, но и об ощущении сырости как тактильного восприятия);

20 См.: URL: <http://search.dcl.bas.bg/> (дата обращения: 15.11.2022).

(13) *Дюжий чайханицик, обрадовавшись новому гостю, кинулся раздувать огонь под кумганами, – потянуло смолистым запахом арчи, благоуханного дерева ферганских гор* (Л. Соловьев). – *Едрият чайханджия, зарадван на новия гост, се спуснал да раздухва огъня под казаните – разнесе се смолиста миризма на арча, благоуханното дърво на ферганските гори* (пер. И. Костова, Р. Русева) (букв. «разнесся запах»).

Использование данных переводческих соответствий, относящихся к разным лексико-семантическим группам, здесь и в примерах ниже возможно, так как рассматриваемые предложения являются художественным переводом, поэтому при переводе могут осуществляться разнообразные переводческие трансформации.

1.2. Подлежащим в болгарском предложении становится не стимул, а экспериенцер:

(14) *Земля шла к ней, и Маргариту уже обдавало запахом зеленеющих лесов* (М. Булгаков). – *Земята се приближаваше към нея и Маргарита вече усещаше дъха на раззеленилите се гори* (пер. Л. Минковой).

В нашей выборке зафиксирован всего один подобный пример. Такое синтаксическое преобразование обусловлено лексической заменой в болгарском переводе – в качестве предиката выступает не глагол перемещения или ощущения запаха, а глагол восприятия. При этом в какой-то степени сохраняется пассивность субъекта, так как в качестве предиката используется глагол неконтролируемого действия.

2. Безличная конструкция.

В нашем корпусе зафиксированы примеры перевода русских безличных предложений болгарскими безличными конструкциями. С глаголом *лѣхна* обнаружен только один подобный пример, что подтверждает ограниченность безличного употребления этого предиката. Участник-стимул оформлен именной группой с предлогом *на* (*лѣхна [на нещо]*), экспериенцер введен аккузативной местоименной группой (удвоение полного местоимения клитикой):

(16) *Заглянул Павка в самую глубину жизни, на ее дно, в колодезь, – и затхлой плесенью, болотной сыростью пахнуло на него, жадного ко всему новому, неизведанному* (Н. Островский). – *Павка надзърна в самите дълбини на живота, на дъното му, в кладенеца, и него, жадния за всичко ново, неизпитано, го лѣхна на застояла плесен, на блатна влага* (пер. Л. Стоянова).

По замечанию А. Градинаровой, «в бесподлежащих предложениях с глаголом *лѣхам* (*От дърветата лѣха на клей В. Станков “От деревьев веет смолой”*; *От косата ѝ ме лѣха на скъп парфюм “От ее волос на меня пахнуло дорогими духами”*) сохраняется идея о неэксплицированном,

но известном каузаторе перемещения запаха – движущемся воздухе, ветре, поскольку в исходной диатезе переходный глагол *лъхна* (*лъхна*) обозначает веяние ветра: *Морският вятър ме лъхна в лицето* “Морской ветер пахнул мне в лицо”²¹. Заметим, что русский глагол *пахнуть* также имеет схожее исходное значение ‘повеять, охватить дуновением’, однако даже в этом значении употребляется чаще безлично, несмотря на возможное личное употребление *ветер пахнул*²².

Кроме единичного случая с глаголом *лъхна*, в данном типе конструкции зафиксированы также глаголы *дъхам*, *размириша се*, *мириша*, *замириша*, которые имеют семантику ‘издавать запах’, и их семантическая структура, как мы отмечали выше, не предполагает активного участника, в том числе наличия стихийной силы. Употребление в безличной конструкции является для данных глаголов регулярным.

(17) *Из прохладной полутьмы пахнуло древностью – странным запахом, проникающим в душу* (Л. Соловьев). – *От прохладната здрачевина дъхало на вечност – странен дъх, който прониквал в душата* (пер. И. Костова, Р. Русева) (букв. «пахло вечностью»);

(18) *Едва только потянуло гарью и запыхал в разных концах огонь, как волки заматались в камышах, пытаясь спасти волчат* (Ч. Айтматов). – *Още щом замириша на изгоряло и от различни страни пламна огън, вълците се зацухраха в тръстиките, опитвайки се да спасят малките си* (пер. М. Златановой) (букв. «запахло горелым»).

4. Выводы

Таким образом, основным лексическим соответствием русским безличным предикатам воздействия запахом является болгарский глагол *лъхна* (СВ). Для его употребления не является важным наличие / отсутствие других участников конструкции, таких как указание на источник запаха или экспериенцер. Однако экспериенцер в конструкциях с *лъхна* выражается, как правило, аккумулятивной формой личного местоимения, но не именной группой. В редких случаях глагол *лъхна* имеет безличное употребление. Такая способность глагола *лъхна* использоваться в разных типах конструкций объясняет его универсальность при переводе всех трех отобранных русских глаголов.

Глагол *облъхна* / *облъхам* употребляется только для перевода предложений с эксплицитно выраженным экспериенцером, так

21 Градинарова А. О специфике... С. 9.

22 Толковый словарь... URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 15.12.2022).

как для него экспериенцер является обязательным актантом. Глагол *лъхам* выступает как соответствие русскому глаголу *тянуть* в предложениях, где экспериенцер не представлен эксплицитно, но присутствует указание на источник запаха.

При переводе русских безличных предложений с предикатами воздействия запахом, как правило, происходит грамматическая трансформация предложения – из безличного оно становится двусоставным, где место подлежащего занимает участник-стимул (название запаха). Такую трансформацию наблюдаем при глаголах группы *лъхна*, а также в предложениях с глаголами *нося се, разливам се, разнеса се*.

В единичных случаях в позиции подлежащего оказывается экспериенцер – это преобразование характерно в случае лексической замены предиката на глагол восприятия типа *усещам* в болгарском переводе. Регулярное сохранение безличной конструкции наблюдается при переводе при использовании глаголов *дъхам, размириши се, мириши, замириши*.

Источники и литература

Георгиев И. Безличные предложения в русском и болгарском языках. София: Народна просвета, 1990. 152 с.

Гочев Г. Н. Проект «Корпус параллельных русских и болгарских текстов» // Президиум МАПРЯЛ 2007–2010. Сборник научных трудов. СПб.: МИРС, 2011. С. 38–48.

Градинарова А. О специфике болгарского экспериенцера в сравнении с русским (на материале болгарских и русских предложений со значением восприятия) // Болгарская русистика. 2003. Вып. 3–4. С. 5–9.

Градинарова А. Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков. София: Изток-Запад, 2017. 500 с.

Градинарова А. Фрагменты болгарско-русского сопоставительного синтаксиса. София: Eurasia Academic Publishers, 2010. 174 с.

Иванова Е. Ю. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. София: Велес, 2009. Т. 2: Синтаксис. 335 с.

Речник на българския език. София: Институт за български език, 1977–2015. Т. 1–15. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 15.11.2022)

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Н. Ф. Татьянченко. М., 2005. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 15.12.2022).

Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.

References

- Georgiev, I. *Bezlichnye predlozheniia v russkom i bolgarskom iazykakh*. Sofia: Narodna prosveta, 1990, 152 p.
- Gochev, G. N. «Proect “Korpus parallel'nykh russkikh i bolgarskikh tekstov”» *Presidium MAPRIAL 2007–2010. Sbornik nauchnykh trudov*. St Peterburg: MIRS, 2011, pp. 38–48.
- Gradinarova, A. «O spetsifike bolgarskogo eksperientera v sravnenii s russkim (na materiale bolgarskikh i russkikh predlozhenii so znacheniem vospriiatiia)» *Bolgarskaia rusistika*, 2003, no 3–4, pp. 5–9.
- Gradinarova, A. *Ocherki po sopostavitel'nomu sintaksisu bolgarskogo i russkogo iazykov*. Sofia: Iztok-Zapad, 2017, 500 p.
- Gradinarova, A. *Fragmenty bolgarsko-russkogo sopostavitel'nogo sintaksisa*. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2010, 174 p.
- Ivanova E. Iu. *Sopostavitel'naia bolgarsko-russkaia grammatika*. Vol. 2: Sintaksis. Sofia: Veles, 2009, 335 p.
- Rechnik na bŭlgarskiia ezik*. Vols. 1–15. Sofia: Institut za bŭlgarski ezik, 1977–2015. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (accessed: 15.11.2022).
- Ushakov, D. N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka*. Moscow, 2005. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed: 15.11.2022).
- Zimmerling, A. V. «Impersonal'nye konstruksii i dativno-predikativnye struktury v russkom iazyke.» *Voprosy iazykoznanii*, 2018, no 5, pp. 7–33.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.14

A. G. Mosinets

Predicates of exposure to odor in Bulgarian and Russian (Bulgarian translation strategies)

Anastasiia G. Mosinets
 Candidate of Letters
 Saint Petersburg State University
 199034, University Enbankment 7-9, Saint Petersburg, Russian Federation
 E-mail: a.mosinets@spbu.ru
 ORCID: 0000-0001-8439-0373

Citation

Mosinets A. G. Predicates of exposure to odor in Bulgarian and Russian (Bulgarian translation strategies) // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 286–301 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.14

Acknowledgments

This research was conducted with financial support of the RFFI (project № 20-512-18005) and the National Scientific Foundation of Bulgaria (Проекти по програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019 – 2020 г., № КП-06-П РУСИЯ-78, 2020 г.).

Received: 30.12.2022.

Revised: 19.02.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with Bulgarian translation parallels to Russian sentences from literary texts with the verbs *тянуть, потянуть, обдать / обдавать, пахнуть*, which refer to some spontaneous forces delivering smell. Such predications are usually impersonal in Russian, while the smell is marked by Instrumental. The translation of such clauses into Bulgarian with impersonal structures is not typical. Firstly, because of the analytism of the Bulgarian language, secondly, because of the lack of a specific marker of impersonality. In the Bulgarian language we see a two-member sentence, where the smell takes the position of the subject. The idea of spontaneous forces (the air or the wind, carrying the smell) gives way to the idea of a smell as an active participant, which builds the situation up. Bulgarian verbs *лъхна, облъхна / облъхам, лъхам*, which have different semantics and syntactic characteristics compared to the Russian ones, and are used as the main translation parallels to the Russian verbs in question. The choice of a specific verb as a translation parallel depends on the presence of the other participants, such as an experiencer or the source of the smell.

Keywords

Impersonality, experiencer, predicates of smell semantics, translation, Bulgarian language, Russian language.

**Традиционная культура ромеев и урумов
(по материалам этнолингвистической экспедиции
к грекам Кавказских Минеральных Вод)**

Климова Ксения Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинский горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
Научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Никитина Инна Олеговна
Аспирант
Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, Гагаринская ул., д. 6/1-А, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: solreune@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Цитирование

Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15

Финансирование

Авторская работа И. О. Никитиной выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Статья поступила в редакцию 06.05.2023.

Рецензирование завершено 01.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья основана на материалах, собранных в этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод в январе 2023 г. Греческое население этого региона представлено двумя языковыми группами: греками-урумами, носителями тюркского

диалекта, и греками-ромеями, носителями понтийского диалекта греческого языка. В статье рассматриваются номинации этих двух групп и их языков, дается краткая историческая справка о переселении греков на территории Российской империи, а также описывается современное состояние общественно-культурной жизни диаспоры. Основной целью экспедиции была фиксация лексики похоронно-поминальной обрядности на тюркском и на понтийском диалекте: в тексте приводятся основные лексемы и формульные выражения на двух языках, которые обслуживают единый ритуальный комплекс. Многие из зафиксированных лексем понтийского диалекта являются уникальными, не имеющими аналогов в новогреческом языке: например, *λοτρία* (*литрия*) ‘поминки’ или *σκώστικα* (*скóstика*) ‘поминальный обед’. Также рассматривается лексика, используемая для номинации мифологических персонажей. Отмечается, что среди грекоговорящих ромеев мифологические представления практически утрачены. Наша экспедиция отметила высокую степень сохранности представлений о комплексе традиционной культуры у греков Кавказских Минеральных Вод.

Ключевые слова

Греки России, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, похоронно-поминальный обряд.

С 21 по 31 января 2023 г. научно-исследовательская группа в составе К. А. Климовой, доцента кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научного сотрудника Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения РАН, и И. О. Никитиной, аспирантки факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, провела этнолингвистическое исследование традиционной культуры греков Кавказских Минеральных Вод. Эта экспедиция продолжает серию полевых исследований языка и культуры греков России, начавшуюся в июле 2022 г. с экспедиции в город Сочи и его окрестности¹.

В ходе экспедиции были обследованы населенные пункты на территории Ставропольского края – г. Ессентуки, ст. Ессентукская, ст. Суворовская, пос. Санамер, пос. Иноземцево, с. Дубовая Балка (Андроповский район), с. Греческое (Минераловодский район), а также

¹ Обзор экспедиции см. (Климова, Никитина 2022).

населенные пункты Карачаево-Черкесской Республики – с. Спарта (Адыге-Хабльский район) и с. Хасаут-Греческое (Зеленчукский район). Работа велась по этнолингвистическому вопроснику А. А. Плотниковой (Плотникова 2009), а также по дополнительному вопроснику, специально разработанному для полевых исследований традиционной культуры и языков греков, проживающих на территории России. Основной целью экспедиции был сбор лексических материалов из сферы похоронно-поминальной обрядности и описание общей этнолингвистической ситуации в населенных пунктах, где компактно проживает греческое население. Был подробно записан комплекс обрядовых действий, относящихся к погребению покойного, и греческая, турецкая и русская лексика, обслуживающая обряд, а также материалы по родильной, свадебной обрядности², народному календарю, сельскохозяйственным и скотоводческим обрядам. Всего было опрошено 52 информанта в возрасте от 25 до 95 лет, собран архив интервью объемом более 70 ч. аудиозаписей и 15 Гб фото- и видеоматериалов. Весь архив собранных материалов в электронном виде хранится на кафедре византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Греческое население исследованного региона представлено двумя языковыми группами: греками-эллинофонами, которые говорят на понтийском диалекте греческого языка³, и греками-тюркофонами, которые говорят на историческом северо-восточном диалекте турецкого языка⁴. Эллинофоны используют самоназвания *Ρωμαίοις*⁵ (*ромéос*)

2 Благодарим студентку филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Пелевинову М. В. за помощь в записи и обработке материалов по греческой свадебной обрядности.

3 Понтийский диалект на материале, собранном в Грузии и в Краснодарском крае, описан в работе Ф. А. Елоевой (Елоева 1997).

4 Этот диалект изучался советскими тюркологами в 1940-е и 1950-е гг., см. (Кононов 1982: 255).

5 Понтийские лексемы сознательно приводятся нами не в упрощенной орфографии, со стремлением показать этимологию в тех случаях, где это возможно. Все понтийские лексемы записаны в греческой орфографии. Для обозначения звука [ш], отсутствующего в новогреческом языке, используется графема $\hat{\varsigma}$. Также, для удобства чтения, понтийские лексемы в нашем тексте транскрибированы кириллическим алфавитом с использованием следующих специальных графем: θ для обозначения глухого зубного щелевого согласного, δ для звонкого зубного щелевого, υ для звонкого велярного спиранта (фрикативного «г»).

‘грек’, *Ρωμαίσα* (*ромéиса*) ‘гречанка’, *Ρωμαίοι* (*ромéи*) ‘греки’. Слово *ромéос* буквально означает ‘римлянин’, таким же самоназванием пользовались жители Византийской империи. Самоназвание понтийского языка – *ρωμαίικα* (*ромéика*) ‘ромейский язык’. Греки-урумы пользуются самоназванием *urum*⁶ ‘грек, гречанка’, *urumlar* ‘греки’, происходящим от того же корня, что и *ромéос*. Свой язык они называют *musulmanca* ‘мусульманский язык’, *osman dilca*, *osmanca* ‘османский язык’ или *bizim dilca* ‘наш язык’. На русском обе языковые группы называют себя *греками*. В ходе полевой работы нами были зафиксированы две уникальные лексемы, использующиеся греками-урумами для номинации греков-ромеев и понтийского диалекта греческого языка, на котором они говорят: *nebe* ‘понтийские греки-ромей’ и *nebeca* ‘понтийский’ соответственно. Обе лексемы восходят к популярному в понтийском диалекте апеллятиву *néne* (*νέπε*), используемому для привлечения внимания собеседника, с примерным значением ‘эй’, ‘послушай, парень’, при этом в тюркском варианте происходит озвончение согласного «п» в интервокальной позиции.

В русскоязычной научной литературе последних десятилетий чаще всего используется общее обозначение «понтийские греки» для греков – выходцев с территорий Малой Азии, а именно с южного побережья Черного моря (область с древнегреческим названием *Πόντος* ‘Понт’). Отметим, что номинация «понтийцы» («понтийские греки») нашими информантами практически не используется как эндоэтноним⁷. Но и в качестве экзоэтнонима «понтийские греки» вошли в русскоязычный научный дискурс только с 1990-х гг., будучи заимствованием из западной академической традиции обозначения *Pontic Greeks*. В советских этнографических работах греки, проживающие на Кавказе и в Закавказье, классифицировались на основании

6 Тюркские лексемы записаны латиницей с использованием орфографии современного турецкого языка (там, где это было возможно).

7 Исследователь А. Попов в своей работе, посвященной идентичности греков Краснодарского края и республики Адыгея, высказывает мнение о том, что понтийская идентичность была «импортирована» из Греции (где понтийцами изначально называли малоазийских греков, прибывших в страну после обмена населением с Турцией в 1923 г.) вследствие распада СССР и образовавшихся из-за этого транснациональных связей (Поров 2016: 5). Действительно, многие наши информанты, подобно информантам Попова, отмечали, что до 1990-х гг. они не знали о том, что они понтийцы, и считали себя «просто греками».

либо языкового (эллинофоны, грекофоны, грекоязычные, тюркофоны, турецкоязычные и т. п.), либо территориального признака группы (цалкинские, абхазские, кавказские). Отдельного упоминания заслуживает термин *урум* – это самоназвание греков-тюркофонов вошло в научный обиход некоторых советских исследователей как внешняя классификация, в отличие от самоназвания *ромей*. Грузинские этнографы послевоенного периода ставили под вопрос «этническое происхождение» греков, говорящих на «чужом», турецком языке. Для этих исследователей было характерно определять цалкинских урумов⁸ как конфессиональную общность, состоящую из различных «этнических элементов» (греков, грузин, армян, татов и т. д.), объединенных общей православной верой (см., например: Робакидзе 1948; Пашаева 1972; Чиковани 1972). В настоящей статье термин *урумы* призван отсылать не к эссенциалистским суждениям некоторых советских ученых и устаревшим исследованиям этногенеза, а к самоназванию изучаемой этноязыковой группы.

Греческое население Ставропольского края значительно возросло⁹ за десятилетия, последовавшие за распадом Советского Союза, когда греки стали покидать территорию Грузии. Так, в Ставропольском крае сейчас проживают потомки цалкинских (грузинских) греков, переселившихся в XIX – нач. XX в. из Османской империи в южные части Грузии, которые относились тогда к Российской империи. Несмотря на то, что греки, по большей части горнопромышленники (Ξανθολούλου-Κυριακού 1993: 95; Акритас 1962: 422), прибывали из Анатолии в Закавказье и раньше, массовое переселение началось по окончании Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда армия Российской империи вынуждена была отступить с завоеванных территорий: Гюмюшхане, Эрзерума, Карса, Байбурта (Φωτιάδης 1999: 42). Вслед за армией последовало и христианское население (греки и армяне) из областей Аргируполи и Эрзерума, помогавшее России в этой войне и боявшееся преследований со стороны турок (Ξανθοπούλου-Κυριακού 1993: 100). Граф И. Ф. Паскевич, генерал войны 1828–1829 гг.,

8 Термины урумы и урумский язык применяются в научной литературе и к другой греческой группе, проживающей на территории бывшего СССР, а именно к приазовским (мариупольским) грекам-тюркофонам. См. например (Баранова 2010).

9 Сейчас численность греческого населения в городе Ессентуки и в близлежащих населенных пунктах, по оценкам разных греческих организаций, составляет от 20 до 40 тыс. человек.

направил царю Николаю I ходатайство с просьбой принять христиан, помогавших в сражениях, на территории Российской империи (Ibid.: 101). Греки поселялись на территориях Цалкинского плато – малообжитых местах с тяжелым климатом; главной сельскохозяйственной культурой, выращиванием которой занялись греки, стал картофель (Иванова 1999: 115–116). Переселение продолжалось волнами на протяжении XIX и XX вв. Греки селились в Цалкинском (где было наибольшее количество греческих сел), Тетрицкарройском, Боржомском, Марнеульском и Дманисском районах Грузии, небольшой процент греческого населения сохраняется в этих муниципалитетах и сейчас. По данным довольно поздней переписи 1989 г., когда новые миграционные процессы уже начались, на территории Грузии проживало 100 тыс. греков, а в Ставропольском крае – около 28,5 тыс. (Там же: 119). Первые массовые отъезды из Грузии на Ставрополье были обусловлены строительством ГЭС на реке Храми в 1930-е гг. и затоплением нескольких сел (Иванова 1991: 12). Спорадические переселения продолжались и с окончанием строительства ГЭС, а после провозглашения независимости Грузии в 1991 г. в связи с политической нестабильностью греческое население стало уезжать в Грецию, на Кипр или в Россию, преимущественно в Ставропольский край.

Сейчас на территории Кавказских Минеральных Вод функционирует множество культурных центров, целью которых является сохранение и передача греческой культуры. Можно сказать, что «греческая культура» здесь совмещает в себе два компонента: 1) элементы, ассоциирующиеся с государством Греция и его узнаваемыми культурными образами¹⁰, и 2) характерные элементы понтийской, малоазийской традиции. К последним можно отнести, в первую очередь, понтийские танцы и музыку, игру на традиционных музыкальных инструментах (например, на *лире*, она же *кемендже*). Согласно А. Попову, музыкально-танцевальные практики являются важнейшим способом

¹⁰ Так, при содействии культурных центров греки России отмечают греческие национальные праздники (День Независимости Греции 25 марта или День «Охи», то есть годовщину отклонения Грецией фашистского ультиматума и вступление во Вторую мировую войну, 28 октября). В многочисленных греческих кафе в Ессентуках подают блюда греческой, а не понтийской кухни (например, гирос, фраппе, бугацу). Эти же узнаваемые праздники и национальная еда Греции используются как маркеры идентичности понтийских греков в Интернете, см. (Климова 2018). Таким образом понтийская культура вписывается в общегреческий контекст.

репрезентации этничности у понтийских греков, но при этом исследователь отмечает, что российские греки изучали свою «традиционную культуру» опосредованно – от учителей танцев, обученных в Греции, через привозные учебники и т. п. (Роров 2016: 167). В этой парадигме он говорит о «воскрешении понтийскости»¹¹ (*the resurrection of Ponticness*) посредством такого перформанса (Ibid.: 169). Важно отметить, что полевая работа Попова проходила в начале 2000-х гг., и, на наш взгляд, описываемая им транснациональная реальность к сегодняшнему дню претерпела значительные изменения. Ориентация на Грецию и участие Греции в формировании внешних проявлений культуры стали более редким явлением. Многие из наших информантов рассказывали о том, что после распада Советского Союза они стали ездить на заработки в Грецию или на Кипр – кто-то пытался обосноваться на новом месте навсегда, но нашими собеседниками были те люди, которые в итоге вернулись в Россию. Тем не менее, у многих греческих семей, с которыми мы беседовали, есть родственники, постоянно живущие в Греции или на Кипре. Локальная идентичность крайне важна для наших информантов, а история греческих сел Грузии и Малой Азии, история родов и семей, равно как и история понтийских греков и их переселения в целом, становится предметом множества краеведческих и исторических книг (см.: Димидов 2013; Катанов 2022; Κατάνη 2021).

В школах и центрах дополнительного образования в Кавказских Минеральных Водах преподается новогреческий язык, существуют курсы и для взрослых. Есть также и языковые активисты, которые продвигают идею сохранения понтийского диалекта. Понтийский преподают на курсах, но происходит это гораздо реже, чем с новогреческим¹². Ситуация с тюркским диалектом, *musulmanca*, более сложная.

¹¹ Здесь хочется отметить, что такой взгляд на идентичность понтийских греков несколько упрощает сложно поддающийся описанию феномен и попросту списывает со счетов действительно передававшиеся от поколения к поколению обряды и обычаи. Выступления любых национальных танцевальных ансамблей – не только греческих – несут на себе отпечаток «возрожденной традиции». Отдельной дискуссии, конечно, заслуживает и содержание термина «понтийский» в исследовательских дискурсах и в представлениях наших информантов – однако такое обсуждение выходит за рамки нашей статьи.

¹² В Пятигорском университете до недавнего времени понтийский язык преподавался в качестве факультатива Д. И. Зимовым, автором

По нашим данным, его нигде не преподают, то есть единственный способ выучить этот язык – перенять его от старших родственников. При этом часть информантов отмечала, что они бы предпочли, чтобы их дети выучили не этот «чужой» язык, а новогреческий. Тем не менее тюркский продолжает активно использоваться в быту, особенно старшим поколением. С помощью нашего информанта – носителя диалекта нам даже удалось записать на *musulmanca* несколько интервью. На понтийском же языке общаются между собой люди преимущественно старшего и отчасти младшего поколения. Важно отметить, что языком пользуются не только в быту: современный поэт из Эссентуков В. Стофорандов пишет на понтийском свои стихи (Стофорандов 2017).

Как уже упоминалось, основной целью экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод было изучение лексики похоронно-поминальной обрядности¹³. Нам удалось записать лексемы из понтийского диалекта, не зафиксированные предыдущей экспедицией в Краснодарский край¹⁴, а также значительно расширить материал за счет тюркских лексем. В этой статье мы приводим и тюркские, и понтийские лексемы со стремлением показать, как лексика двух разных языков обслуживает единый ритуальный комплекс.

Подробные представления о загробном мире и «уходе души» не фиксируются среди наших информантов. Тем не менее, если в Сочи упоминание об Архангеле Михаиле, который забирает души людей, было единичным, здесь мы встречались с ним гораздо чаще. Греки-урумы называли Архангела Михаила *can alan* ‘забирающий душу’. Представления об Архангеле Михаиле, забирающем души, повсеместно встречаются в Греции. В греческом фольклоре Михаил выполняет эту функцию наравне с Харосом – персонификацией смерти, фольклорным персонажем, прототипом которого является античный Харон (см., например: Стельник 2012). Среди понтийских греков представления о Харосе не фиксируются. Мы записали лексемы, связанные

понтийско-русского словаря (Зимов 2022). М. Катанов, автор грамматики понтийского языка, периодически набирает группы для обучения.

13 Несмотря на то, что в дальнейшем тексте представлена «общая картина» ритуального комплекса греков Кавказских Минеральных Вод, следует учитывать, что обряды имели и имеют локальные варианты как во время проживания наших информантов в Грузии, так и при их проживании в России.

14 См. описание похоронно-поминального обряда понтийских греков на этих материалах (Климова, Никитина 2022б).

с загробным миром, от обеих языковых групп: *παράδεισον* (*пара́дисон*) и *seppet* ‘рай’, *ἀδης* (*а́дис*) и *sehennet* ‘ад’. Греки-ромеи про умершего говорили *ἐπῆεν ἐκεῖ σον κόσμον του* (*эпи́ен э́ки сон ко́змон ту*) «он ушел туда, в свой мир», или *σον ἄλλον τον κόσμον* (*сон а́ллон тон ко́змон*) «в иной мир». Также могли говорить, что *ψή* (читается как *пси́и*) ‘душа’, мн. ч. *ψῆα* (*пси́ия*) (в тюркском – *сап* ‘душа’) отправляется *σον ουρανόν* (*сон урано́н*) «на небо» или *σο καλόν τον τόπον* (*со кало́н тон то́пон*) «в хорошее место». Похороны в понтийском диалекте обозначаются лексемой *θάνατον*, *θάνατος* (*θάνатон*, *θάνатос*). Также в смысле «иду на похороны» могут говорить *πάω σο λείψανον*¹⁵ (*па́о со лимпсанон*), букв. «иду к телу». Погребение совершалось на третий день (или на четвертый, если третий день выпадал на понедельник, среду или пятницу), до сих пор этот православный обычай остается важным для греков и по большей части соблюдается. Для описания бдения над покойным используется глагол, уже зафиксированный нами в Краснодарском крае: *μονάζω* (*мона́зо*) ‘проводить время (у покойника)’, ср. *να μονάζετε τον αποθαμμένον* (*на мона́зне тон апо́тамэнон*) «провести время с умершим». Отметим, что эта лексема характерна лишь для понтийского диалекта, в новогреческом языке в таком значении она не встречается.

Подготовка покойного к погребению проводилась во дворе дома – тело омывали, расположив на досках (также для этих целей могла использоваться дверь дома, снятая с петель), переодевали и заворачивали в саван¹⁶. Понтийская лексема *σάβανον* (*сáванон*) аналогична общегреческой. В тюркском для обозначения савана используется лексема *kefen*. Лентами, оторванными от савана, подвязывали руки и ноги покойного, а перед тем, как опустить гроб в могилу, их развязывали. Ленты забирали с собой, чтобы использовать в магических практиках (например, они применялись при лечении *испуга*¹⁷), или же оставляли

15 В новогреческом языке аналогичная лексема *λείψανο* [*lípsano*] ‘останки, мощи, тело’ может обозначать тело умершего, но чаще используется во множественном числе (*λείψανα* [*lípsana*]) в значении ‘мощи святых’.

16 Если сейчас саваны приобретаются в специализированных магазинах, то раньше их изготавливали (зачастую люди делали это еще при жизни) из полотна или простыни белого цвета. Говорили, что саван нельзя было подшивать, поэтому его просто отрезали и подвязывали цветными нитками, а красными шерстяными нитями на нем вышивали крест. Нитки и иголку, использовавшиеся при этом, клали в гроб и хоронили вместе с покойным.

17 *Испуг* занимает особое место в представлениях понтийских греков о народной медицине, существуют различные способы избавления

в гробу. Гроб в понтийском может обозначаться как *κασέλα* (*касэла*), *κούβον*¹⁸ (*күпон*), а также лексемой *ταπούτ* (*тапүт*), заимствованной из тюркского диалекта (*tabut* ‘гроб’). Существовало представление о том, что могилу (понтийская лексема – *ταφίν* (*тафін*), тюркская – *mezar*) нельзя было оставлять «открытой» на ночь: ее либо выкапывали наутро перед похоронами, либо выкапывали заранее только половину. На похоронах в могилу могли кидать монеты (по другой версии, класть их в карман покойному), чтобы умерший мог «выкупить там землю» или купить свечи. Также от некоторых информантов было записано представление о том, что яму для женщин надо было выкапывать глубже, чем для мужчин, чтобы женщина находилась ниже. Кладбище в понтийском обозначалось словом *ταφία* (*тафия*) ‘могилы’, тюрк. *mezarlık* ‘кладбище’.

Поминальный комплекс ритуалов представлен посещением могилы и поминовением умершего в день похорон, на девятый день (*σα εννέα* (*са энэа*) «на девять дней»), на сороковой день (*σα σεράντα* (*са серáнда*) «на сорок дней») и на год (*χρονιακόν* (*хроньякón*) ‘годовщина’) по прошествии смерти. Подробно нами была записана лексика поминальной обрядности на понтийском диалекте. Сороковой день знаменует собой окончание траура, и вместо *λύπην κρατεί* (*лүпин краті*) «он / она держит траур» могут говорить *σεράντα κρατεί* (*серáнда краті*) «держит 40 дней»¹⁹, потому что именно столько длился строгий траур. На этот день приходят на кладбище, на могиле сжигают траурные платки и оставляют на ней огарки свечей, горевших дома все 40 дней. Поминальная трапеза в доме после погребения называлась *σκόστικα* (*скóстика*) ‘поминальный обед’ от *σκόνω το λείψανο* (*скóно то лімпано*) ‘поднимать тело’, т. е. лексема связана с поднятием и выносом гроба. Также зафиксирована лексема *λυτρία* (*литрия*) ‘поминки’, вероятно производная от *λυτρόνω* (*литрónо*) ‘освобождать,

от него, предполагающие контакт со сферой смерти. На понтийском про человека, который испугался, *эфовэθι* (*эфобэθη*), говорят (*αχπαραμένοс* (*ахпарамéнос*) ‘испугавшийся’. Ленты от савана могли на 40 дней повязывать на ножки той кровати, где умер человек, а потом раздавать тем, кто страдал от испуга. Для избавления от этого недуга испугавшийся человек вдыхал дым от подожженных лент.

18 Возможно, от греческого *κούβλα* < лат. *кура*, < праиндоевр. **kewp*- ‘пустота, полость’. Ср. др.-гр. *κούβλα* ‘ров типа колодца, могила’.

19 В тюркском зафиксировано аналогичное выражение: *qırxni dutir* ‘держит сорок дней по нему’.

избавлять'. Помимо ритуального блюда *кокии* (понт. *κοκία, κοκία* (кукия, кокия), также *το σινίν* (то синин), тюрк. *edik* 'кутья')²⁰, в день похорон и на последующие поминки гостям раздавали *συχωριαστά* (сихорьяста) – специальные угощения (конфеты, булочки, фрукты), чтобы помянуть умершего. Вероятно, лексема *συχωριαστά* происходит от глагола *συ(γ)χωρώ* (*си(н)хорó*) 'прощать'. Семантика прощения встречается и в других понтийских лексемах, связанных с похоронно-поминальной обрядностью: так, на поминках принято говорить фразу *ο Θεός να συχωρέσ'* (*ο θεός να сихорéи*) «пусть Господь простит [умершего]». Про человека, который давно умер, могут сказать *σχωρεμένος* (*схоремéнос*), ж. р. *σχωρεμένητςα* (*схоремéнца*) 'покойный, покойная', букв. «прощеный». Применительно к поминальным застольям (вне зависимости от дня их проведения) может употребляться лексема *τα φαΐα* (*та фаΐя*) 'трапезы'. Существовали поминальные дни в течение календарного года; ср. *λημονημένον σάββα* (*лимониméнон сáван*) 'поминальная суббота'. Возможно, лексема *λημονημένον* образована от глагола *ελεημονώ* (*элеимонó*), в этом контексте употребленном в значении 'освящать'. Также справляли поминки через неделю после Пасхи (в понедельник или вторник) – назывались они *μυροθανάτ* (*мировтанáт*), внутренняя форма – 'судьба + смерть', ср. *σα ταφία πάχο μυροθανάτ' ημέραν* (*са таφία пáчо мирутанáт имéран*) «иду на кладбище в поминальный день». Записано свидетельство о том, что могли справлять общие поминки по всем умершим в определенный временной промежуток (5–10 лет): такие поминки назывались *ψαλμόν* (*псальмóн*), от глагола *ψάλλω* (*псáло*) 'отпевать'. Другое зафиксированное значение лексемы *ψαλμόν* (*псальмóн*) – 'поминки по одному умершему спустя 10 лет после его смерти'.

В нашей экспедиции особое внимание уделялось и исследованию греческих захоронений: форме памятников, содержанию и языку надгробных надписей, оформлению надгробия и т. п. Если в небольших поселениях (Дубовая Балка, Греческое, Хасаут-Греческое, Санамер) есть кладбища с подавляющим количеством греческих захоронений, то новые городские кладбища Эссентуков можно назвать скорее смешанными. И даже на этих общих кладбищах захоронения греков визуально узнаваемы. Форма памятника зачастую отличается от других

20 Подробнее про приготовление кутьи см. (Климова, Никитина 2022б: 172). Интересно отметить, что обычай украшения кутьи, записанный нами в Краснодарском крае (про него идет речь в указанной статье), у греков Кавказских Минеральных Вод отсутствует.

погребений – даже в советское время в Ставрополье изготавливали памятники, по форме похожие на старинные каменные надгробия, бытовавшие еще во времена проживания греков в Османской империи. Такие же надгробия встречаются на Цалке. Начиная с 1990-х гг. в оформлении надгробий и мест захоронения проникают чисто «греческие» элементы: античные колонны, надписи на новогреческом языке и специальные «домики» для свечей в форме церквей, повсеместно встречающиеся в современной Греции.

Отметим, что у греков-урумов наблюдается большая сохранность мифологических воззрений, равно как и элементов семейной и календарной обрядности, в то время как у грекоговорящих ромеев народно-мифологические представления практически утрачены, а имена мифологических персонажей используются преимущественно во вторичном, метафорическом значении, сохраняясь лишь во фразеологических единицах. Нами были записаны представления о «ходячем» покойнике, которого в обеих языковых группах называют турецким словом *хортлах* (*χортλάχ*, *hortlah*). Лексема закреплена в том числе во фразеологизмах типа «бродить, как хортлах», «гулять по ночам, как хортлах». В качестве ругательства слово *хортлах* применяется в любой ситуации, когда человек ночью долго не ложится спать, например, засиживается допоздна за компьютером.

В терминологической лексике из сферы понтийской народной мифологии фиксируется множество других турецких заимствований, в том числе семантических. Так, для номинации ведьмы или колдуньи наряду с общегреческой лексемой *μάγισσα* (в понтийском диалектном варианте – *μάϊσσα*, *maïssa*) использовался также вариант *τσαζού* (джазу) ‘ведьма’, мн. ч. *τσαζούδες* (джазудес). Широко распространены также мифологические нарративы о порче, *βασκαμία* / *βασκανία* (*васкамия* / *васкания*) и сглазе, *ομμάτ* / *ομμάτια* (*омат* / *оматиама*), которые можно исцелить, «снять» традиционными способами, например, с использованием воды и соли, которую в ней растворяют.

Сейчас на обследованных территориях очень редко можно записать развернутые нарративы с описаниями мифологических персонажей или полные тексты классических быличек на понтийском диалекте греческого языка, а мифологическая лексика постепенно предается забвению. Одним из факторов утраты этого пласта представлений можно назвать исторические условия и сложный миграционный путь греков, проживающих сейчас в Кавказских Минеральных Водах. Большую часть XX в. они прожили на территориях Грузии и Ставрополья при советском режиме, и если тюркоязычное

Советское надгробие на кладбище ст. Ессентукская, формой повторяющее традиционные памятники малоазийских греков (каменное надгробие, увенчанное крестом или куполом).

население практически не было затронуто Греческой операцией НКВД, то грекофоны подверглись массовым репрессиям в рамках «Большого террора»²¹. Проявления народной религиозности, связываемые одновременно с двумя «нежелательными» для репрессивного режима идентификациями (греческой и религиозной), подавлялись и закономерно утрачивались.

Отметим, что если в сфере мифологической лексики заимствования из тюркского в понтийский довольно часты, то в лексике похоронно-поминальной обрядности они практически не обнаруживаются (исключением можно назвать лишь лексему *ταπούτ* ‘гроб’). Понтийская лексика далеко не всегда совпадает

с общегреческой, фиксируются уникальные диалектные лексемы, такие как *μονάζω* (*моназо*) ‘проводить время у покойника’, *μυροθανάτ* (*мированат*) ‘поминки спустя неделю после Пасхи’, *ψαλμόν* (*псальмон*) с двумя значениями (‘общие поминки по нескольким умершим’ либо ‘поминки по одному покойному спустя много лет’), *λιμονιμένον σάββαν* (*лимонименон саван*) ‘поминальная суббота’, *σκόστικα* (*скостика*) ‘поминальный обед’. Названные лексемы специфичны для похоронно-поминальной сферы и имеют особую внутреннюю форму, зачастую связанную с ритуальными действиями (например, *σκόστικα* (*скостика*) ‘поминальный обед’ от *σκόνω το λείψανο* (*скано то лимпано*) ‘поднимать тело’, т. е. выносить гроб). Несмотря на то, что сами представления об «ином мире» практически утрачены среди понтийских греков,

²¹ Многие грекофоны были подданными Греческого Королевства, что ставило их под удар перед репрессивной политикой СССР. Репрессии в гораздо большей степени затронули Краснодарский край, чем Ставропольский.

мы зафиксировали как лексемы – номинации ада и рая, так и описательные фразы, употребляющиеся для иносказательного обозначения смерти, т. е. перехода души в иной мир (ср. *επήεν εκεί σον κόσμον του* (эпiен эки сон ко́змон ту) «он ушел туда, в свой мир»).

Изучение лексики тюркского и понтийского диалектов показывает высокую степень сохранности традиционной культуры. За счет проживания на Цалке, в отдаленных поселениях, однородных в этническом и языковом плане, среди понтийских греков, проживающих сейчас в Кавказских Минеральных Водах, наблюдается довольно высокая языковая компетенция в тюркском и понтийском диалекте, а также хорошо сохраняются представления о ритуальном комплексе. Наши информанты и их предки пережили не одну миграцию, а постоянные перемещения (а также репрессии и гонения) не способствуют сохранению уникальных этнолингвистических черт, на фиксацию которых направлены наши полевые исследования. Именно поэтому дальнейшее изучение современного состояния языков (как греческого, так и тюркского) и культуры понтийских греков, проживающих на территории России, представляется особенно ценным.

Источники и литература

Акритас П. Г. Греки Кавказа // Народы Кавказа. М.: Издательство АН СССР, 1962. Т. 2. С. 421–432.

Баранова В. В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румей Приазовья. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 287 с.

Димидов В. И. Вспоминаю родное село Цинцкаро (Квиrhoцховели). Новороссийск: Визарт, 2013. 531 с.

Елоева Ф. А. Понтийский диалект: На материале греческих бесписьменных говоров Грузии и Краснодарского края: автореферат дис. ... доктора филологических наук (10.02.19). Санкт-Петербург, 1997. 30 с.

Зимов Д. И. Русско-понтийский словарь. Пятигорск: ИП Кобызев, 2022. 400 с.

Иванова Ю. В. Из истории греческой диаспоры // Греческая культура в России XVII–XX вв. / отв. ред. Г. Л. Арш. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 107–125.

Иванова Ю. В. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии (часть вторая) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / ред. Ю. Д. Анчабадзе, Н. А. Лопуленко, С. В. Чешко. М.: Институт Этнографии АН СССР, 1991. С. 1–29.

Катанов М. Санамер. Генеалогия. Пятигорск: Издательство «РИА-КМВ», 2022. 324 с.

Климова К. А. Язык как базовый элемент этнической самоидентификации понтийских греков в киберпространстве // Балканский полилог: коммуникация в культурно-сложных сообществах. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 106–119. DOI: 10.31168/2619-0842.2018.8.

Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06.

Климова К. А., Никитина И. О. Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 160–178. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. второе, доп. и испр. Л.: Наука, 1982. 360 с.

Пашаева Л. Б. Порядок раздела в семье урумов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Т. IV. Тбилиси, 1972. С. 93–108.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009. 160 с.

Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // Советская этнография. 1948. № 3. С. 120–127.

Стельник Е. В. Харос в византийском «народном православии» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 53–56.

Стофорандов В. Поэтическая одиссея. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 158 с.

Чиковани Т. А. Формы взаимопомощи у цалкских урумов // Кавказский этнографический сборник. Т. IV. Тбилиси, 1972. С. 81–92.

Ророн А. Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks. London: Routledge, 2016. 218 p.

Καρυπίδου Α. Τα ελληνικά χωριά της Γεωργίας. Исторικό λεύκωμα. Греческие села Грузии. Исторический фотоальбом. Салоники, 2021. 375 с.

Ξανθοπούλου-Κυριακού Α. Μεταναστεύσεις Ελλήνων στον Καύκασο κατά τον 19ο αιώνα // Δελτίο Κέντρου Μικρασιατικών Σπουδών. 1993. Τ. 10. Σ. 91–172.

Φωτιάδης Κ. Ο Ελληνισμός της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Αθήνα: Ηρόδοτος, 1999. 328 σ.

References

- Akritas, P. G. «Greki Kavkaza.» *Narody Kavkaza*, vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962, pp. 421–432.
- Baranova, V. V. *Iazyk i etnicheskaia identichnost'. Urumy i rumei Priazov'ia*. Moscow: Izd. dom VShE, 2010, 287 p.
- Chikovani, T. A. «Formy vzaimopomoshchi u tsalkskikh urumov.» *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*, vol. IV. Tbilisi, 1972, pp. 81–92.
- Dimidov, V. I. *Vspominaiu rodnoe selo Tsintskaro (Kvirotskhoveli)*. Novorossiisk: Vizart, 2013, 531 p.
- Eloeva, F. A. *Pontiiskii dialekt: Na materiale grecheskikh bespis'mennykh govorov Gruzii i Krasnodarskogo kraia: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk (10.02.19)*. St Petersburg, 1997, 30 p.
- Ivanova, Iu. V. «Etnosotsial'nye problemy grecheskogo naseleniia Gruzii (chast' vtoraiia).» *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*, ed. by Iu. D. Anchabadze, N. A. Lopulenko, S. V. Cheshko. Moscow: Institut Etnografii AN SSSR, 1991, pp. 1–29.
- Ivanova, Iu. V. «Iz istorii grecheskoi diaspory.» *Grecheskaia kul'tura v Rossii XVII–XX vv.*, ed. by G. L. Arsh. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1999, pp. 107–125.
- Karipidou, A. *Ta elliniká khoriá tis Yeoryías. Istorikó léfkoma*. Thessaloniki, 2021, 375 p.
- Katanov, M. *Sanamer. Genealogiia*. Piatigorsk: Izdatel'stvo «RIA-KMV», 2022, 324 p.
- Klimova, K. A. «Iazyk kak bazovyi element etnicheskoi samoidentifikatsii pontiiskikh grekov v kiberprostranstve.» *Balkanskii polilog: kommunikatsiia v kul'turno-slozhnykh soobshchestvakh*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 106–119. DOI: 10.31168/2619-0842.2018.8.
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O. «Pokhoronno-pominal'nyi obriad pontiiskikh grekov g. Sochi (po polevym materialam 2022 g.).» *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2022. vol. 17, no 3–4, pp. 160–178. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09.
- Klimova, K. A., Nikitina, I. O. «Traditsionnaia kul'tura i iazyk “ruskikh grekov” g. Sochi: obzor etnolingvisticheskoi ekspeditsii.» *Slavianskii al'manakh*, 2022, no 3–4, pp. 249–260. DOI: 10.31168/ 2073-5731.2022.3-4.2.06.
- Kononov, A. N. *Istoriia izucheniiia tiurkskikh iazykov v Rossii. Dooktiabr'skii period. Izdanie vtoroe, dopolnennoe i ispravlennoe*. Leningrad: Nauka, 1982, 360 p.
- Pashaeva, L. B. «Poryadok razdela v sem'ye urumov v proshlom.» *Kavkazskiy etnograficheskii sbornik*, vol. IV. Tbilisi, 1972, pp. 93–108.
- Photiádis, K. *O Ellinismós tis Rosías kai tis Sovietikís Énosis*. Athína: Iródotos, 1999, 328 p.

Plotnikova, A. A. *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkano-slavianskogo areala*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 2009, 160 p.

Popov, A. *Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks*. London: Routledge, 2016, 218 p.

Robakidze, A. I. «K voprosu o nekotorykh perezhitkakh kul'ta ryby.» *Sovetskaia etnografiia*, 1948, no 3, pp. 120–127.

Stel'nik, E. V. «Kharos v vizantiiskom “narodnom pravoslavii”.» *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no 9, pp. 53–56.

Stoforandov, V. *Poeticheskaia odiseia*. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniia, 2017, 158 p.

Xanthopoulou-Kiriakou, Á. «Metanastéfsis Ellínon ston Káfkaso katá ton 19o aióna.» *Deltío Kéntrou Mikrasiatikón Spoudón*, 1993, vol. 10, pp. 91–172.

Zimov, D. I. *Russko-pontiiskii slovar'*. Pyatigorsk: IP Kobyzhev, 2022, 400 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15

К. А. Климова, И. О. Никитина

**Traditional culture of the *Romaioi* Greeks and *Urumlar* Greeks
(on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks
of Caucasus Mineral Waters region)**

Ksenia A. Klimova

Candidate of Letters, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

Research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Inna O. Nikitina

PhD student

European University at St. Petersburg

191187, 6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: solreyn@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2696-8362

Citation

Klimova K. A., Nikitina I. O. Traditional culture of the *Romaioi* Greeks and *Urumlar* Greeks (on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region) // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 302–319 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15

Acknowledgements

Inna Nikitina's work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Received: 06.05.2023.

Revised: 01.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

This paper presents the materials collected during an ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region in January 2023. The Greek population of this area consists of two language groups: the *Urumlar* Greeks, who speak the Turkic dialect, and the *Romaioi* Greeks, who speak the Pontic dialect of the Greek language. The nominations of these two groups and their languages are analyzed in this paper. It also includes a brief historical background on the resettlement of the Greeks to the Russian Empire and describes the current state of the social and cultural life of the diaspora. The main goal of the expedition was to fix the vocabulary of funeral and memorial rituals in the Turkic and Pontic dialects. The lexemes and expressions in two languages are presented in this paper. Many lexemes of the Pontic dialect are unique, having no analogues in the Modern Greek language: for example, *λυτρία* (*litria*) 'wake' or *σκόστικα* (*skóstika*) 'memorial dinner'. The vocabulary used for the nomination of mythological characters is also considered in this paper. It is noted that among the Pontic-speaking population, narratives about mythological characters are practically lost.

Keywords

Greeks of Russia, Greek Traditional Culture, Ethnolinguistics, Pontic Greeks, Funeral and Memorial Rites.

УДК 821.162.3

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

А. В. Грасько

**Записки «постороннего»:
Иржи Вайль о массовом просвещении и книжном буме
в советском обществе 1920–1930-х гг.**

Грасько Анна Васильева

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: anna-grasko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7805-9008

Цитирование

Грасько А. В. Записки «постороннего»: Иржи Вайль о массовом просвещении и книжном буме в советском обществе 1920–1930-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 320–341. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

Статья поступила в редакцию 20.08.2023.

Рецензирование завершено 01.09.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В статье рассматривается публицистическое наследие чешского писателя Иржи Вайля, посвященное культурной жизни СССР 1920-х – 1930-х гг. В частности, анализируются его очерки и репортажи, публиковавшиеся с 1923 по 1936 г. в различных чешских изданиях и посвященные культурно-просветительской политике, роли книг в советском обществе, эрудиции советских читателей, их литературным вкусам и приоритетам. Данный корпус текстов, не переведенных на русский язык, впервые вводится в российский научный оборот. При его анализе делается попытка выделить основные тематические блоки, значимые для чешского писателя, причем учитывается специфика адресата – чешской читательской аудитории, мало знающей об СССР, но обладающей неким уровнем сформированных (чаще всего западными СМИ) ожиданий. Делается вывод о непростой позиции Вайля, который, с одной стороны, будучи коммунистом

и корреспондентом левых изданий, находился под влиянием коммунистической идеологии, а с другой – пытался реализовать свой собственный, сугубо индивидуальный взгляд на вещи, во многом предвосхитивший изображение советской реальности в его художественной прозе второй половины 1930-х гг., в таких, например, романах, как «Москва – граница» (Moskva-hranice) и «Деревянная ложка» (Dřevěná lžíce).

Ключевые слова

Чешская литература, Иржи Вайль, литературная ситуация в СССР 1920–1930-х гг., советский читатель.

Несмотря на относительную закрытость межвоенной Чехословакии по отношению к СССР до 1934 г., когда между двумя государствами были официально установлены дипломатические отношения, можно говорить о немалом интересе чешской общественности к стране коммунистического эксперимента на протяжении 1920–1930-х гг. Важную роль в распространении знаний об СССР, его экономической и культурной политике играли, как отмечается в первом томе фундаментального труда «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений»¹, такие организации, как «Общество культурного и экономического сближения с Новой Россией» (1925 г.), «Союз друзей СССР» (1930 г.). Самостоятельный информационный поток представляли собой путевые заметки, статьи и очерки об СССР чешских деятелей культуры (Ю. Фучик, В. Незвал, А. Гофмейстер, И. Ольбрахт, М. Майерова, В. Тилле, Я. Кратохвил и др.). В создании образа СССР активно участвовали также чешские левые периодические издания, среди которых были «Руде право» (Rudé právo)², «Пролеткульт» (Proletkult), «Право лиду» (Právo lidu), «Авангард» (Avangarda), «Руды вечерник» (Rudý večerník), «Рефлектор» (Reflektor), «Червен» («Červen»), «Творба» (Tvorba)³, частично «Кмен» (Kmen). Начиная со второй половины 1920-х гг. в Чехословакии появлялось

1 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М., 1973. С. 8.

2 «Руде право» – официальная газета чешской компартии, издавалась с 1920 г.

3 Коммунистическую ориентацию журнал обрел под редакцией Ю. Фучика, возглавлявшего его в период с 1928 по 1938 г.

немало переводов советской литературы, которая с 1925 г. стала регулярно поступать в страну. Переводами занимались такие издательства, как «Мелантрих» (Melantrich), издательство К. Борецкого (Nakladatelství Karla Boreckého), издательство Й. Фромека (J. Fromek), издательство Б. Янды (B. Janda, серия «Книги новой России» (Knihy Nového Ruska)), «Коммунистическое издательство» (Komunistické nakladatelství a knihkupectví).

На фоне этого активного интереса к советской культуре большой вклад в расширение знаний об СССР внес чешский писатель, переводчик, левый интеллектуал **Иржи Вайль (1900–1959)**, отразивший советскую реальность в своих репортажах, публицистических статьях и двух автобиографических романах⁴. С юности он оказался тесно связан с коммунистическими идеями, русской культурой, новообразованным советским государством. Откликаясь на общественные левые настроения, уже в университете он заинтересовался русским языком, литературой, в 1928 г. защитил диссертацию «Гоголь и английский роман XVIII в.». В 1920-е гг. он дважды посещал СССР в составе чешских делегаций (1922, 1923). На протяжении 1920-х – 1930-х гг. сотрудничал с различными левыми чешскими изданиями («Руде право», «Творба», «Коммунистическое ревю», «Право лиду»), непрерывно писал репортажи, заметки и очерки об СССР – культурной политике, литературе, советских писателях, которых ему довелось повстречать в Праге или в Москве⁵. Также в эти годы Вайль публикует свои художественные переводы⁶. В целом в это время в чешских левых кругах он считается

4 Об отражении советской реальности в первом из двух романов, «Москва – граница», см.: *Грасько А. В.* Советский мир 1930-х гг. в чешской литературе: Иржи Вайль и его роман «Москва – граница» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 168–182; Топос советской Москвы в романе И. Вайля «Москва – граница» // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатько. М., 2023. С. 359–385.

5 Будучи сотрудником советского полпредства в Праге с 1923 по 1931 г., Вайль, например, сопровождал Маяковского, посетившего Прагу в 1927 г. Также Вайль лично встречался с В. Шкловским, Л. Сейфулиной, И. Уткиным, А. Тарасовым-Родионовым и другими советскими писателями и деятелями культуры.

6 Отметим, что Вайль переводил таких писателей и поэтов, как Б. Пастернак, М. Цветаева, В. Маяковский, В. Луговской, М. Горький,

специалистом по советской культуре, об этом говорит, в частности, и то, что именно к нему в 1923 г. обращается чешское «Социалистическое общество»⁷ с просьбой прочесть цикл лекций о советской культурной ситуации эпохи революции и гражданской войны. Эти лекции были составлены Вайлем на основе большой подборки статей и официальных советских циркуляров, которые ему удалось обобщить и хронологически выстроить, выявляя основные этапы и доминирующие явления советской культурной жизни до 1923 г. На основе лекций вскоре вышла брошюра «Культурная работа советской России» (*Kulturní práce sovětského Ruska*)⁸. В 1934–1935 гг. Вайль был журналистом и переводчиком марксистской литературы в Коминтерне, жил в Москве, где в ходе «чистки» в 1935 г. был репрессирован. Однако уже в 1937 г. ему удалось вернуться в Чехию. Этот сложный и неоднозначный период жизни писатель отразил в двух уникальных художественных романах о Советском Союзе – «Москва – граница» (*Moskva-hranice*, 1937) и «Деревянная ложка» (*Dřevěná lžíce*, 1938, изд. 1992).

Таким образом, богатый личный опыт, приобщенность к русско-советскому миру, профессиональное филологическое образование,

М. Зоценко, В. Каверин, Ф. Сологуб, В. Брюсов, С. Кирсанов, Э. Багрицкий, А. Ремизов, переводил также В. Шкловского, Вс. Мейерхольда, Ю. Тынянова.

7 Возникло в Чехии в 1921 г. как левая ветвь распавшегося «Клуба реалистов» (*Realistický klub*), который, в свою очередь, был создан в 1919 г. из бывших членов Чешской прогрессивной партии (*Česká strana ročková*). В 1923 г. общество организовало цикл лекций о русской революции, в рамках которого был приглашен Вайль.

8 Брошюра была разделена на главы: 1. Период военного коммунизма. 2. Вмешательство Российской коммунистической партии. 3. Единый идеологический фронт против НЕПа. 4. Главполитпросвет или Пролеткульт. 5. Политпросвещение в Красной армии. 6. Печать. 7. Перспективы. Ярослав Чехачек в газете «Руде право» так охарактеризовал брошюру: «Товарищ Иржи Вайль представляется нам хорошим знатоком России в отношении духовной культуры. Довоенная Россия страдала от некультурности подавляющего большинства своего населения, поэтому – большая радость читать, как советское правительство всеми силами заботится о повышении культурного уровня своего населения. Брошюра Вайля развенчивает фразы о “некультурности” русских коммунистов, и каждый независимый наблюдатель должен убедиться на основании статистики, что Россия сделала для своего населения то, что не сделала никакая другая страна» [перевод наш. – А. Г.]. Цит. по: *Weil J. Komentář // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha, 2021. S. 766–767.*

прекрасное знание русского языка, большая энергия и работоспособность, живой интерес к русской и советской литературе, стремление самостоятельно осмыслить коммунистические преобразования – все эти личные качества и биографические обстоятельства сделали Вайля настоящим посредником между чешским и советским социокультурными пространствами и позволили создать целый корпус текстов, системно и глубоко анализирующих советскую культуру.

В данной статье речь пойдет о той части публицистического наследия Вайля, которая посвящена советской культурной жизни 1920-х – 1930-х гг., прежде всего – культурно-просветительской политике и роли книг в СССР. В своей культурно ориентированной, идеологически заряженной публицистике он проявляется как заинтересованный коммунист, корреспондент левой печати, освещающий мощные культурно-социальные явления и процессы, связанные с просвещением народных масс и литературной политикой СССР⁹. Описать и систематизировать публицистическое наследие Вайля представляется возможным благодаря начатой в Чехии публикации полного собрания сочинений писателя издательством «Триада» (Triáda). В нашей работе мы будем опираться на тома I (2021) и III (2022)¹⁰, которые охватывают публицистику с 1920 по 1937 г.

Приступая к вышеуказанной задаче, следует оговориться, что сегодня именно тексты этого периода, посвященные СССР, вызывают многочисленные вопросы. Читая их, неизбежно приходится задумываться о возможных искажениях реальности, вольно или невольно допущенных автором-коммунистом, задумываться, в частности, о степени влияния на него советской официальной идеологической риторики. Вполне возможно, что Вайль попал под влияние советской конъюнктуры и тоже в какой-то степени участвовал в создании «неомифологической картины мира»¹¹, что могло быть

9 За скобкой нашей работы остаются другие многочисленные публицистические тексты Вайля, где он проявляется как квалифицированный и очень тонкий критик, историк литературы, откликающийся на текущие литературные события и новинки советской литературы.

10 *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933; Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* Praha, 2022. II том собрания сочинений еще не издан, в нем предполагается опубликовать диссертацию Вайля «Гоголь и английский роман XVIII в.»

11 Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования: в 2 т. / под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской. М., 2014. С. 15.

обусловлено прежде всего тем, что он искренне стремился соответствовать ожиданиям чешских коммунистов, которые хотели видеть в СССР осуществленную утопию¹² и полагались на страну социализма как на генератор новых ценностей, противостоящих нарастающему в Европе фашизму. Не удивительно, что основная направленность статей Вайля связана с идеологической миссией – стремлением показать достижения советской власти в сфере культуры и просвещения, отразить метаморфозы, происходящие с советским народом, подчеркнуть выгодные отличия советской литературной ситуации от ситуации западной, развенчать западные стереотипы о советской стране как о стране варваров-коммунистов.

Однако позиция Вайля в целом более сложна и требует отдельного анализа. Читая его публицистические тексты, можно заметить, что автор старается избегать сухих данных статистики¹³, делится прежде всего собственным видением, личными впечатлениями, наблюдениями, его публицистические тексты явно несут в себе в большей степени эмоциональную, а не идеологическую оценку. Об этом говорят, к примеру, и частые пересказы сцен из реальной жизни, попытки передать услышанные диалоги, присутствие вольных авторских ассоциаций. Стиль публицистики Вайля также свидетельствует об искренности и лично окрашенном отношении автора к своему материалу: в ней можно обнаружить все стилистические приемы, которые перейдут потом в его художественную прозу с советской проблематикой (любовь к контрастам, символические аналогии, интонация доброй иронии, такие риторические фигуры, как повторы, градация, риторические вопросы).

Формирование позитивного образа СССР в текстах Вайля осуществляется без излишней восторженности, идеализации, преднамеренного искажения реальности. Стратегия Вайля другая – он скорее выбирает те культурные явления и процессы, которые не вызывают сомнений и однозначно свидетельствуют в пользу советского мира, его прогрессивности, жизнеспособности. Совершенно отчетливо позицию

12 Не случайно слово «утопия» присутствует в заглавии чешской антологии литературно-публицистических свидетельств об СССР, вышедшей в 2017 г., – «Путешествия в утопию. Советская Россия в свидетельствах чехословацких интеллектуалов межвоенного периода» (*Šimová K. Cesty do utopie – Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů. Praha, 2017*).

13 В отличие от, например, гораздо более идеологически заряженного Юлиуса Фучика.

Вайля можно понять, читая его отклики на литературно-публицистические свидетельства других его современников об СССР. Так, например, в рецензии на книгу путевых заметок об СССР чешского литературоведа и писателя В. Тилле «Москва в ноябре» (*Moskva v listopadu*)¹⁴ Вайль пишет: «Ее [книги. – А. Г.] ценность заключается в другом методе видения. Этот метод не желает сам о себе твердить, что он объективен. Тилле никому не навязывает свою точку зрения, никого не хочет убеждать в ошибках или достоинствах. И однако его книга является целостной большой оценкой. Мы в ней находим ответ на вопрос, который не могут прояснить ни самые дотошные публикации, ни путевые фельетоны. Это вопрос создания культурных ценностей, культурной жизни»¹⁵. Заканчивая рецензию, Вайль называет труд Тилле «книгой правильного видения». Таким образом, эти оценочные высказывания Вайля являются своеобразным ключом к его мировоззрению: объективность для него означает не столько статистическую точность и собирание сухих фактов, сколько умение понять и запечатлеть атмосферу, в которой происходит процесс формирования новых ценностей.

Для лучшего понимания точки зрения Вайля важно отметить и то, что уважительное отношение к советским достижениям сохранилось в его романах, написанных уже в Чехии, после пережитого опыта сталинских репрессий и ссылки в Среднюю Азию. По сути, сам писатель, как и его герой из романа «Москва – граница» Ян Фишер, которого подвергли «чистке» и который, однако, не стал противником советской идеологии, точно так же никогда не пытался переоценить негативно ту громадную культурную работу, которая осуществлялась в СССР. Любопытно, что и чешские критики, писавшие о романах Вайля, не раз отмечали его стремление к объективности в воспроизведении советской реальности¹⁶.

14 Речь идет об издании: *Tille V. Moskva v listopadu*. Praha, 1929.

15 *Weil J. Moskva očima Západu, Rozpravy Aventina* 5.12.1929 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 409. Здесь и далее все цитаты из репортажей и очерков Иржи Вайля даются в нашем переводе – А. Г.

16 Об объективном изображении советской действительности в романе «Москва – граница» писали, например, Франтишек Гётц (*František Götz*, см.: *Kosáková J., Kosák M. Ediční poznámka* // Weil J. *Moskva-hranice*. Praha, 2021. S. 396), Милан Юнгман (*Milan Jungmann*, см.: *Ibid.* S. 388–390). Некоторые критики даже рассматривали роман как документальное свидетельство – Вацлав Черны (*Václav Černý*, см.: *Ibid.* S. 396), Ладислав Новомнестский (*Ladislav Novoměstský*, см.: *Ibid.* S. 396) и др.

Лейтмотивом в публицистических очерках и репортажах Вайля об СССР становится **тема просвещения и чтения книг**. Он часто подчеркивает достижения советской власти в сфере просвещения, сталкивая контрастные явления, говорит о пути, который прошел народ из «неграмотной Российской империи»¹⁷. Так, в репортаже с характерным названием «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском союзе» автор с юмором, иронией и восхищением отмечает: «Люди, которые только несколько лет назад научились читать, глотают сейчас каждый обрывок бумаги. Когда-то был царь Петр, который насилием заставлял дворянских сынков читать книги. А сейчас читают даже в тех краях, куда от Петра бежали раскольники»¹⁸. Еще в одной статье, «Как и что люди читают в Советском Союзе», Вайль пишет, что «любовь к книге, к чтению – это часть огромного культурного процесса, огромного размаха страны, в которой раньше было рекордное количество неграмотных...»¹⁹. Добрую иронию у Вайля часто вызывают и наблюдения за тем, как причудливо порой вплетается просвещение в жизнь советских людей. Например, в репортаже «Культурная жизнь советской деревни» он отмечает, как бородастый колхозник цитирует Гёте в речи о посевной компании: «... план, бригады, разделение труда, полевые нормы, зарплата трактористам, и вдруг Гёте, цитата из Фауста, – “только тогда жизнь имеет ценность, когда человек каждый день за нее идет в бой”²⁰. Гёте, веймаровский министр, и бородастый колхозник, потомок крепостных...»²¹

Отмечает Вайль и то, как активно политика просвещения достигает отдаленных советских территорий в Средней Азии (Таджикская, Туркменская, Киргизская, Казахская республики), как меняется в связи с этим жизнь местного населения, которое постепенно преодолевает

17 *Weil J.* Jak a čtou lidé v Sovětském svazu, *Magazín DP*, leden 1935 // *Weil J.* Reportáže a stati 1933–1937. S. 43

18 *Weil J.* Moskevní barbaři o knihách a čtenářích v Sovětském svazu, *Rudý večerník*, 4.8.1928 // *Weil J.* Reportáže a stati 1920–1933. S. 84.

19 *Weil J.* Jak a co... S. 36.

20 Очевидно, Вайль передает неточно процитированный русский перевод Н. А. Холодковского (1858–1921): «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!». В оригинале этот же фрагмент выглядит так: «Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, Der täglich sie erobern muss».

21 *Weil J.* Kulturní život sovětské vesnice, Svět práce, březen 1936 // *Weil J.* Reportáže a stati 1933–1937. S. 153.

почти средневековую отсталость и включается в контекст советской жизни. Эта тема присутствует уже в ранней публицистике Вайля, например, в статье, освещающей выставку советских книг в Праге в 1924 г., он отдельно отмечает секцию «Книги на языках азиатских народов» и подчеркивает, что «выставка является образцом того, что русская революция сделала для азиатских народов в культурной сфере»²², ведь именно благодаря советским филологам были созданы литературные языки многих народов, входивших ранее в состав России, а теперь – СССР. Затем тема просвещения в Азии развивается в очерках 1930-х гг., написанных во время опыта полугодовой ссылки, когда сам Вайль побывал в Киргизии и Казахстане. В репортаже «Печать в Азии» писатель отмечает, что об Октябрьской революции в Средней Азии все еще узнавали по старинке, на местных базарах, читающих людей было очень мало, к тому же немногочисленные газеты, даже там, где они были, издавались по-русски, а изданий на родных языках и вовсе не существовало: «Культурная революция и рост печати, собственно, появились в Средней Азии только по окончании гражданской войны...»²³. Вайль констатирует, что «повышение грамотности имело огромное значение для развития печати. Сейчас в Средней Азии уже нет места, куда бы не распространилась печать. Даже те места, которые по 8 месяцев бывают отрезаны от мира – это места на Памире и Тянь-Шане, куда можно добраться только в течение двух летних месяцев, – регулярно получают самолетами журналы и книги»²⁴. В Киргизии в городе Фрунзе²⁵ на ярмарке колхозников Вайль стал очевидцем того, как люди сражались за книги Пушкина: «... за Пушкина был прямо бой. “Что дают?” (В Советском Союзе говорят не “что продают”, а “что дают”). “Пушкина дают”, – говорит одна тетка другой, и уже вместе толкаются в очереди. На это бы стоило посмотреть Александру Пушкину, придворному поэту его величества царя!»²⁶ В одном из очерков Вайль передает впечатления Виктора Шкловского от посещения озера Иссык-Куль: «Я был у озера Иссык-Куль, где люди еще ходят как робинзоны в выделанных

22 *Weil J. Poznámky k výstavě knih SSSR, Rudé právo 19.5.1925 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 148.*

23 *Weil J. Tisk ve Střední Asii, Haló noviny 25.12.1935 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. S. 127.*

24 *Ibid.*

25 До 1926 г. город носил название Пишпек, затем – переименован в Фрунзе, с 1991 г. – Бишкек.

26 *Weil J. Kulturní život... S. 153.*

овечьих шкурах. Раз в неделю туда невероятно трудными путями приходит почта и появляются в продаже книжные новинки. Тогда сбегается все население, рассеянное по берегам озера, и набрасывается на книги. За полчаса книжная палатка распродана»²⁷.

С восхищением, иногда с юмором описывает Вайль настоящий **книжный бум**, сопровождающий ликвидацию безграмотности, отмечает, что процесс чтения захватывает все советское общество. Все советские люди, по его наблюдениям, тянутся к знаниям и читают везде, в любых обстоятельствах: «Трудно встретить не читающего человека, здесь читают во всевозможных случаях и ситуациях»²⁸. Люди читают в поезде: «Я видел колхозниц в платках, которые всю дорогу в поезде по очереди читали и поочередно говорили о литературе – политграмоте»²⁹, и даже во время давки в трамвае: «В трамваях вы не увидите человека, у которого бы в руках не было газеты или книжки»³⁰. В нескольких репортажах мы встречаем такой повторяющийся эпизод: «Я видел девушку, которая висела в набитом трамвае: одной рукой она держалась за поручень, а в другой держала открытую книгу, на протяжении всей дороги переворачивая страницы языком»³¹. Организованные места для чтения, общественные библиотеки, как отмечает писатель, также переполнены: «Необходимо это осознать: в общественную библиотеку в Ленинграде помещается 400 человек. Но этого не хватает, читальный зал настолько забит, что люди сидят на полу и читают. [...] В Москве в общественной библиотеке то же самое»³². Отмечает Вайль и еще одну удивительную вещь – страсть советских людей к чтению «заражает» иностранных специалистов, приглашенных по контракту в СССР. Так, например, по словам библиотекарки, с которой Вайль вступает в диалог, активными читателями становятся его соотечественники: «чешские рабочие заразились русской болезнью, читательской горячкой»³³ – утверждает она. Этой любви к чтению способствуют и усилия советского государства, которое открыло

27 *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 82.

28 *Weil J. Knihy, Rudé právo 27.8.1933 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* S. 22.

29 *Ibid.*

30 *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 83.

31 *Weil J. Knihy...* S. 22. Тот же эпизод находим здесь: *Weil J. Jak a co...* S. 33–34.

32 *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 83.

33 *Weil J. Jak a co...* S. 41.

Библиотеку иностранной литературы и, как отмечает Вайль, «не жалеет валюты на закупку иностранных книг, чтобы обеспечить иностранным рабочим чтение»³⁴. Иностранные книги можно найти, кроме того, в магазине иностранной литературы на Тверской или в библиотеке Клуба иностранных рабочих, причем Вайль указывает, что в последней присутствует и небольшое отделение чешских книг.

Почти с восторгом Вайль говорит и о нехватке книг, которая происходит не от малого их количества, а вследствие огромного спроса: «Тысячи и миллионы печатных страниц ежедневно извергают типографии. Книг печатают все больше и больше, растут тиражи, но спрос по-прежнему больше, он опережает предложение»³⁵; «Миллионные тиражи являются обычной вещью»³⁶. В репортаже «Книги» Вайль с юмором пишет, что «поиск книг в Москве – детективное ремесло»³⁷, причем подчеркивает, что это касается «не букинистических изданий или каких-то особенных старых. Речь идет об обычных книгах, которые вышли год назад, месяц назад или неделю назад. Это книги, изданные огромными тиражами – 100 тысяч, 50 тысяч, 10 тысяч и т. д. Это не только беллетристические книги, но и специальные, или поэтические сборники, авторы которых даже не очень известны»³⁸.

Вайль рассказывает и о проблемах библиотек, которые не успевают за читателями. Пересказывает, к примеру, диалог с библиотекаршей завода «Каучук», которая жалуется, что книг катастрофически не хватает: «Если бы только мы могли получить больше экземпляров самых популярных книг. С Шолоховым, например, это прямо наказание; у нас двадцать экземпляров “Поднятой целины”, но этого все равно не хватает, читателю, который у нас просит эту книгу, мы ее можем пообещать только через два месяца, и читатель должен встать в очередь, в которой бог знает сколько людей. При этом книжный фонд нам не продает больше экземпляров, книжные магазины не имеют право продавать книги библиотекам, потому что иначе покупатели не смогли бы купить книгу, все разбирали бы библиотеки. А читатели потом сердятся...»³⁹.

34 *Weil J. Knihy...* S. 22.

35 *Weil J. Jak a co...* S. 42–43.

36 *Weil J. Nová ruská literární sezona: Literární noviny 20.11.1936 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* S. 607.

37 *Weil J. Knihy...* S. 21.

38 *Ibid.* S. 21–22.

39 *Weil J. Knihy v sovětských továrnách, Magazin DP, říjen 1936 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937.* S. 162.

При этом ситуация дефицита обретает вполне комические черты: читателям за неимением нужной книги предлагают другую, например, Фейхтвангера «Успех», но вскоре она тоже становится дефицитной. Затем возникает новая проблема – читатели готовы осваивать другие книги Фейхтвангера, которых, впрочем, в библиотеке пока нет⁴⁰.

Страсть советских читателей к книгам и уважение к ним Вайль подчеркивает и тем фактом, что в советском государстве широко распространена практика поощрения книгами: рабочим и ударникам на заводах в качестве особых премий дают бумагу, подтверждающую, что они могут покупать новые книги, а ударникам выделяют целые собрания сочинений.

В различных публикациях Вайля рассыпаны замечания **о вкусах советских читателей**. В репортаже «Книги» Вайль пишет: «Интересно, что читают: прежде всего политическую литературу, политэкономии, актуальные брошюры, речи Сталина, Молотова и т. д. Потом техническую литературу, беллетристику, общеобразовательную литературу»⁴¹. То, что советский человек в большом количестве читает сложную философскую и политическую литературу, производит на Вайля сильное впечатление, он стремится донести этот факт до чешских соотечественников, подтверждая его яркими примерами из личного опыта: «Действительно массовое распространение получила философская литература; чтение Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса и Сталина стало массовым феноменом среди рабочих по всему Советскому Союзу. Автор данной статьи дискутировал [...] о гегелевском понятии случайности и необходимости с десятником лесопромышленного предприятия при починке мотоцикла на берегу Волги в Куйбышеве; о формальной и диалектической логике в понимании Ленина с Сашей Леонтьевым на московском заводе текстильного оборудования...»⁴². Рассказывает Вайль для убедительности и о том, как лично просматривал отчеты библиотек о выдаче книг. Так, например, в одной из статей он отмечает, что, согласно списку выдачи в библиотеке завода «Каучук», самой популярной книгой является сложный труд Ф. Энгельса «Анти-Дюринг».

Также Вайль пытается проследить и общие тенденции, касающиеся предпочтений советских людей в художественной литературе.

40 Ibid.

41 *Weil J. Knihy...* S. 22.

42 *Weil J. John Dos Passos a sovětští čtenáři: Čin 9.4.1936 // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. S. 578.*

Он отмечает, что советский читатель любит и ценит русских классиков (например, Пушкина, Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина), книги которых чаще всего берутся в библиотеках, а также издаются, раскупаются огромными тиражами. Из советской литературы читательской популярностью, по наблюдениям Вайля, пользуются М. Горький, Ф. Панферов, А. Толстой, В. Маяковский, Б. Пастернак, Ю. Олеша, но самым читаемым является М. Шолохов. Из зарубежной литературы советские граждане также читают классиков: Гёте, Шекспира, Сервантеса, Стендаля, Гюго, Бальзака, Мопассана, Ш. Бронте, Д. Лондона, а также современных авторов – А. Жида, Р. Роллана, Д. Дос Пассоса, П. Бак, Л. Фейхтвангера, О. Хаксли, Э. Хемингуэя, Л-Ф. Селина. Отдельная небольшая статья посвящена Верхарну, которого, по мнению Вайля, нигде столько не читают и так не понимают, как в СССР⁴³.

Интересно, что писатель не забывает отмечать и «чешские» предпочтения советских читателей. Отдельная заметка «О Швейке в России» посвящена судьбе знаменитой эпопеи Ярослава Гашека в СССР. Как пишет Вайль, «в Москве, Ленинграде, в Киеве лихорадочно читают Швейка»⁴⁴. При этом он отмечает, что в Ленинграде профессора научного института очень удивлялись, что в Чехии Швейк не считается полноценной художественной литературой. «Швейк вышел в России в 30 тысячах экземпляров (первая часть), сейчас готовится в издательстве “Московский рабочий” народное издание в журнале “Роман-газета” в 140 000 экземпляров»⁴⁵. Также Вайль, со слов А. Тарасова-Родионова, говорит о популярности переведенных романов И. Ольбрахта «Анна-пролетарка» и М. Майеровой «Прекраснейший из миров» и, напротив, о непопулярности Карела Чапека⁴⁶. С долей юмора Вайль подчеркивает и то, что советские читатели любопытны, интересуются всем и читают даже журнал для автомобилистов «За рулем», хотя машина – редкость для советского человека⁴⁷.

Часто Вайль старается выступить в защиту литературного выбора советских читателей. Он подчеркивает, что среднестатистический

43 *Weil J. Verhaeren v Rusku, Tribuna 13.3.1921 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 138–140.*

44 *Weil J. O Švejкови v Rusku: Rudý večerník 1.9.1928 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 87.*

45 *Ibid.*

46 *Weil J. Rozmlouva s Tarasovem-Rodionovem: Rozpravy Aventina 25.2.1932 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 119.*

47 *Weil J. Moskevští barbari... S. 83.*

советский читатель или образован, или тянется к образованию, воспитывает и развивает свой вкус на классике, которая в избытке издается советским государством: «...знание классиков русской и зарубежной литературы – это обычная вещь, точно так же, как и знание новой литературы. Например, в Оренбурге я обсуждал Шекспира с моряком балтийского флота, в Каракуле на границе с Китаем с пограничником – Хемингуэя [...]. Собственно, Андре Мальро и ряд других имеют похожий опыт»⁴⁸. Благодаря привычке читать классику советский читатель, по мнению Вайля, умеет отличать настоящую художественно ценную литературу от плохо написанной книги на актуальную тему, «умеет оценить новую тему, ведь сам живет в той же реальности и теми же интересами, что и писатель, но хочет, чтобы советский писатель умел писать»⁴⁹. Подтверждает это, по мнению Вайля, и быстрый спад интереса к культовому роману Гладкова «Цемент»⁵⁰. О хорошем вкусе советской аудитории свидетельствует, по его мнению, и то, что в СССР любят Пастернака: «Здесь [среди популярных авторов. – *А. Г.*] и Пастернак, мастер стиха, поэт, о котором можно было бы сказать, что он пишет только для узкого круга читателей, поэт сложной формы, сложных образов, творец особенного поэтического языка. Книги стихов Пастернака были разобраны в Москве за три дня. Идите-ка и попробуйте найти»⁵¹. Кроме того, советский читатель, по мнению Вайля, достаточно независим, его вкус не всегда удается направлять идеологическими оценками и высказываниями. Так, например, противоречивое отношение к Хэмингуэю советской официальной критики не мешает читателям любить его книги, ценить их стиль⁵². Продолжая эту мысль, Вайль отмечает и то, что рабочие самого большого автомобильного завода им. Сталина в Москве не приняли поэзию официозных поэтов А. Безыменского, М. Голодного, Д. Алтаузена: «Рабочие прямо заявили, что перед ними клише, что в стихах нет ни чувств, ни глубоких мыслей»⁵³. Вместе с тем рабочие отдали предпочтение поэтам Н. Асееву, С. Кирсанову, которые вместе с Б. Пастернаком подвергались нападкам со стороны пролетарских поэтов во время литературных дискуссий⁵⁴.

48 *Weil J.* John Dos Passos... S. 578.

49 *Weil J.* Nová ruská... S. 609.

50 *Weil J.* John Dos Passos... S. 582.

51 *Weil J.* Jak a co... S. 38.

52 *Weil J.* Nová ruská... S. 608–609.

53 *Ibid.* S. 609–610.

54 *Ibid.*

Стремится опровергнуть в своих публикациях Вайль и стереотип о закрытости советского человека по отношению к Западу, иностранной культуре, иностранным языкам: «Вы видите рабочего, который держит какую-то старую книгу. Вам интересно, обычно рабочие читают современную советскую литературу. Вы присматриваетесь, он читает в трамвае роман Шарлотты Бронте “Джейн Эйр”, написанный в XIX в. как горькое обвинение мещанскому классу. А сейчас эта книга в руках рабочего, который читает ее с большим интересом. Я забыл сказать, на каком языке. Ну что же, он читает на языке оригинала – по-английски. И это отнюдь не исключение – если вам доведется поехать утром, когда рабочие спешат на работу, в Пролетарский район, туда, где сосредоточено больше всего заводов и куда мало ездят руководители, вы увидите в руках рабочих, прежде всего молодых, кроме русских книг – книги на английском, немецком, французском»⁵⁵.

Конечно, можно сказать, что Вайль, несмотря на свое стремление к объективности, в какой-то мере идеализирует культурную политику государства и советских людей, пытается создать слишком сглаженную картину советской культурной жизни и слишком унифицированный образ советского читателя. Например, ссылаясь на статистику библиотек и содержание читательских анкет, он оптимистично заявляет, что читатели разных социальных слоев в СССР предпочитают одну и ту же литературу – колхозники читают то же, что и жители городов – рабочие, инженеры, научные работники⁵⁶. Ничего не говорит Вайль и о том, что за вкусом советских читателей, особенно к концу 1920-х гг., конечно, зорко следит советское государство, не позволяя ему идти вразрез с официальной идеологией и достаточно жестко его ограничивая. Возможно, чешский писатель несколько переоценивает советских читателей, рассказывая, как на встречах с лауреатом Гонкуровской премии Андре Мальро советские рабочие спрашивали его о творчестве А. Жида, Р. Роллана, Ж. Дюамеля, П. Валери, о кризисе формы в европейском романе⁵⁷. Однако и сегодня мы не можем утверждать, были эти читатели специально подготовлены или, действительно, проявляли свой широкий кругозор.

Кроме интереса к советскому читателю, Вайль проявляет интерес и к **общественным механизмам**, благодаря которым в СССР происходит массовое приобщение к книгам. Он подчеркивает, что книги

55 *Weil J. Jak a co... S. 34.*

56 *Ibid. S. 37.*

57 *Ibid. S. 39.*

окружают советского человека всюду и они всем доступны: «Летним вечером вы выходите на бульвар. Посреди бульвара стоит столик, у столика сидит девушка, перед ней навалена гора книг по самым разным специальностям, вы можете посмотреть, выбрать книгу, взять ее почитать, присесть на лавочку. Или вы сидите в очереди к зубному. Вместо всевозможных иллюстрированных журналов, которые вы найдете в Западной Европе, здесь аккуратно на полках располагается небольшая библиотека со всевозможной литературой – научной, беллетристической. Есть только одна особенность: большею частью это литература по гигиене. Это книги и брошюры о правильном уходе за зубами, но, если вы захотите, можете прочесть и роман. Точно так же вы найдете книги повсюду, где собираются люди, – в парикмахерских, на Обводном канале, на вокзалах, в поездах. Уже по дороге в Москву на пограничной станции Негорелое вы можете спросить проводника, и он вам охотно скажет, какие есть книги в вагонной библиотеке, и если захотите, даст любую из них почитать. И все это абсолютно бесплатно»⁵⁸.

Отдельно писатель отмечает, что в СССР функционирует широкая сеть библиотек, которые поддерживают интерес к книгам и чтению. Прежде всего это Ленинская библиотека, которая сравнивается Вайлем по количеству книг с Вашингтонской, Библиотека иностранной литературы, а также множество небольших библиотек при организациях, например на заводах: «В Советском Союзе вы не найдете ни одного завода, ни одного учреждения, где бы не было своей библиотеки. Некоторые библиотеки, как, например, на заводе АМО⁵⁹, огромные, самую же маленькую библиотеку я видел в обувном союзе в Алма-Ате в Казахстане. В этом союзе вместе с председателем всего 20 членов, но у них есть свой читальный зал и библиотека»⁶⁰.

Внутри самих библиотек, отмечает Вайль, работают особые механизмы привлечения внимания к книгам. Так, например, заводская советская библиотека организует «так называемую передвижку, передвижную библиотеку. Это беллетристическая и научно-популярная библиотека. Из основного фонда выбирается часть книг, о которых известно, что они больше всего нравятся читателям, и эти книги на какое-то время выставляются в отдельных цехах завода.

58 Ibid. S. 35.

59 Имеется в виду Московский автомобильный завод (АМО до 1925 г., затем до 1956 г. ЗИС имени Сталина).

60 *Weil J. Knihy v sovětských...* S. 161.

Библиотекаря их выдает сразу на месте, спрашивая отдельных рабочих, читали ли они ту или иную книгу, пересказывает им кратко содержание. Таким образом привлекаются новые кадры читателей. Люди, которым бы даже в голову не пришло зайти взять книгу в библиотеке, легко заинтересовываются чтением, когда видят книгу перед собой и могут ее свободно пролистать. А как только они научатся читать книги, им уже не будет хватать выбора передвижки, и они сами пойдут за книгой в библиотеку»⁶¹. Библиотека иностранной литературы, много работающая с иностранцами, целенаправленно «собирает адреса иностранных рабочих, чтобы обратить их внимание на свое существование»⁶², помогает организовывать читательские кружки, а также «организовывает везде, где работают иностранные специалисты, небольшие библиотеки на их родном языке»⁶³. «Достаточно только, чтобы рабочие какого-то завода, положим, на Краматорском заводе, написали, что хотели бы библиотеку, скажем, на чешском языке, чтобы их подписи заверил заводской комитет, и библиотека отправит бесплатно в постоянное пользование мобильную библиотечку»⁶⁴.

Освещает Вайль и еще один механизм литературного просвещения: рассказывает о культурно-просветительских встречах и лекциях, куда приглашаются писатели и специалисты для общения с широкой аудиторией. Он отмечает, что «подобных вечеров, посвященных творчеству отдельных писателей, на московских заводах проходит очень много»⁶⁵, и подробнее рассказывает о литературном вечере на металлургическом заводе «Серп и молот», который был посвящен роману М. Шолохова «Поднятая целина». Вайль отдельно останавливается на организации вечера, отмечает его продуманность: заводской журнал заранее подготовил к печати спецвыпуск, содержащий лучшие отзывы читателей, сам вечер вступительным словом открыл профессиональный литературный критик, после чего многочисленная аудитория имела возможность прослушать отдельные части романа в профессиональном артистическом исполнении, а затем – поучаствовать в дискуссии о романе: «О Шолохове говорили прокатчики, слесари, токари, работники печей, уборщицы и практиканты. Среди дискутирующих было также много женщин, которые, однако, очень энергично

61 *Weil J. Knihy...*

62 *Ibid.* S. 23.

63 *Ibid.* S. 22.

64 *Weil J. Jak a co...* S. 41.

65 *Weil J. Knihy v sovětských...* S. 164.

жаловались, что Шолохов не показал в своем романе новую женщину в советской деревне»⁶⁶. Вайль констатирует, что вечер имел большой успех, зал был переполнен, а число читателей Шолохова выросло от тысячи до четырех тысяч четырехсот человек⁶⁷. Также Вайль упоминает о вечере, посвященном Пушкину, прошедшем на Шарикоподшипниковом заводе, и отмечает, что подобные литературные встречи и лекции, посвященные русским и зарубежным классикам, устраиваются не только в Москве, но и по всему Советскому Союзу.

При этом Вайль обращает внимание и на аудиторию, подчеркивая, что она очень заинтересованная, активная: «Советский читатель является очень активным, и он может критически судить об авторе. Он также требует от специалиста, чтобы тот ему всесторонне объяснил творчество писателя, требует и разбор формы произведения. Так, к удивлению профессора Ефремина, рабочие шарикоподшипникового завода хотели, чтобы он им объяснил пушкинский стих и его структуру. Профессор Ефремин признался, что не ожидал такого вопроса, когда готовился выступать перед рабочей общественностью»⁶⁸. На Харьковском тракторном заводе после успешной встречи, посвященной творчеству Салтыкова-Щедрина, сами рабочие решают устроить также лекции о Шекспире, Шиллере, Чернышевском, Пушкине⁶⁹.

Интересно, что внимание Вайля к культурным просветительским процессам в СССР, к всеобщей книжной «пандемии» часто сочетается с **оценкой аналогичных процессов на Западе**. Например, в статье «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском Союзе» говорится: «Допустим, можно сказать, что везде читают: в Дании, в Швеции, в Чехословакии, во Франции и т.д. Но здесь все-таки особенное отношение к книге – страстное»⁷⁰. Разворачивая свою мысль, Вайль отмечает, что в СССР нет «сентиментальных романов о машинистках, в которых влюбляются шефы, романов о диких Билли из Аризоны и благородном Скотланд-Ярде»⁷¹, «ибо книга имеет совершенно другое значение, чем на Западе, чтение книг не является бегством от действительности, это оружие, это повышение квалификации»⁷².

66 Ibid.

67 Ibid. Речь идет о статистике выданных книг в заводской библиотеке.

68 Ibid.

69 *Weil J. Jak a co...* S. 39.

70 *Weil J. Knihy...* S. 22.

71 Ibid. S. 23.

72 Ibid.

Чтение, грамотность, уверен Вайль, открывает возможности социального «лифта» для советских людей, поэтому они сами тянутся к знаниям, это естественный процесс: «Молодой парень, почти неграмотный, который приезжает из деревни, становится рабочим. [...] Никто его не заставляет, не говорит, что он обязан читать. Он сам пускается в чтение и находит помогающую руку, которая посоветует. А если он что-то умеет и талантлив, если читает, ему везде открыта дорога, может стать инженером, ученым»⁷³.

Наблюдая за успехами советской культуры на фоне западного кризиса, Вайль рассуждает и об органическом вливании западной культуры в советскую. Вот что он пишет, например, в заметке «Советская литература и Запад»: «Присмотритесь к очень интересным явлениям: юбилей Гегеля был наиболее широко отмечен в Советском Союзе, и там же больше всего читают его работы. О Стендале в европейской печати выходили статьи в газетах, а в Советском Союзе – книги. Юбилей Спинозы был отмечен в Европе очень мало, а в Советском Союзе стал крупным культурным событием, по случаю которого вышло несколько книг, тысячи статей в прессе, проводились лекции. В то время, когда мещанская культура в Европе отказывается от ценнейшей части культурного наследия великой культуры XVIII и XIX вв., его приветствует Советский Союз с распростертыми объятиями, заботливо его изучает, развивает и старается на него опираться. Советский Союз становится не только центром самой развитой европейской техники, но также и центром европейской мысли. И это в корне меняет смысл советской культуры и ее мировое значение. Советская литература отдает себе отчет в этом новом статусе. Отсюда и это “оевропеивание”, новые темы в советской литературе, опора на европейскую культурную традицию»⁷⁴.

Характерно, что в своих репортажах Вайль борется не только с Западом и его стереотипами, но отчасти и с русской эмиграцией, настроенной негативно по отношению к СССР. Это подтверждает, в частности, репортаж о книжной выставке советской литературы в Праге в 1924 г., в котором подчеркивается разнообразие и качество советской книжной продукции по сравнению с немногочисленными эмигрантскими изданиями, представленными на аналогичной выставке, прошедшей месяцем ранее.

73 Ibid.

74 *Weil J. Sovětská literatura a Západ: Tvorba 1.6.1933 // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. S. 686–687.*

В целом, внимательно читая и анализируя посвященную советской культуре 1920-х – 1930-х гг. публицистику И. Вайля, можно сказать, что чешский писатель, конечно, пытался показать то лучшее, что смог увидеть в СССР. Как человек, умеющий и привыкший по-настоящему ценить культуру, как гуманитарий по образованию и складу натуры, Вайль, очевидно, именно в этом грандиозном «окультуривании» масс нашел главный аргумент в пользу нового социалистического общества: «Даже самый большой противник Советского Союза обязан признать, что нигде на свете нельзя встретиться с таким большим интересом к книге, литературе, как в бывшей малограмотной Российской империи, где скоро совсем не будет неграмотных и где люди стоят в очереди за романами Бальзака»⁷⁵; «Это великий, грандиозный поход, победный поход культуры к лучшей жизни»⁷⁶; «Книги, тысячи книг, миллионы, тонны. Одно из средств строительства социализма в отдельно взятой стране»⁷⁷. Конечно, сегодня можно по-разному относиться к методу отбора материала и сомневаться в степени прозорливости чешского автора, но не учитывать его наблюдений и выводов, касающихся культурного строительства в СССР, невозможно. Они разнообразны, убедительны, многочисленны, интересны для современного читателя как в Чехии, так и в России.

Источники и литература

Грасько А. В. Советский мир 1930-х гг. в чешской литературе: Иржи Вайль и его роман «Москва – граница» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 168–182;

Грасько А. В. Топос советской Москвы в романе И. Вайля «Москва – граница» // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатыко. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 359–385.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973. 552 с.

Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования: в 2 т. / под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской. М.: Академия, 2014. 478, [1] с.

⁷⁵ *Weil J.* Jak a co... S. 43.

⁷⁶ *Weil J.* Kulturní život... S. 153.

⁷⁷ *Weil J.* Knihy... S. 24.

Kosáková J., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 371–426.

Šimová K. Cesty do utopie – Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů. Praha: Prostor, 2017. 872 s.

Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha, 2021. 1008 s.

Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha, 2022. 970 s.

References

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii. Vol. 1. Noiabr' 1917 g. – avgust 1922 g. Moscow: Nauka, 1973, 552 p.

Grasko, A. V. «Sovetskii mir 1930-kh gg. v cheshskoi literature: Irzhi Vail' i ego roman “Moskva — granitsa”.» *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2022, vol. 24, no 3, pp. 168–182.

Grasko, A. V. «Topos sovetskoï Moskvy v romane I. Vailia “Moskva — granitsa”.» *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii: literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, ed. by N. N. Starikova, I. E. Adel'geim, A. V. Usachova, E. V. Shaŭko. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 359–385.

Kosáková, J., Kosák, M. «Ediční poznámka.» *Weil J. Moskva-hranice*. Praha: Triáda, 2021, pp. 371–426.

Russkaia literatura XX veka: 1930-e — seredina 1950-kh godov: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. obrazovaniia, in 2 vols., ed. by N. L. Leiderman, M. N. Lipovetskii i M. A. Litovskaia. Moscow: Akademiia, 2014. 478, [1] s.

Šimová, K. *Cesty do utopie – Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů*. Praha: Prostor, 2017, 872 p.

Weil, J. *Reportáže a stati 1920–1933*. Praha: Triáda, 2021, 1008 p.

Weil, J. *Reportáže a stati 1933–1937*. Praha: Triáda, 2022, 970 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

A. V. Grasko

Notes of an “outsider”: Jiří Weil on mass education and the book boom in Soviet society in the 1920s and 1930s.

Anna V. Grasko

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

PhD student

Lomonosov Moscow State University
119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation
E-mail: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Citation

Grasko A. V. Notes of an “outsider”: Jiří Weil on mass education and the book boom in Soviet society in the 1920s and 1930s. // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 320–341 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.16

Received: 20.08.2023.

Revised: 01.09.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the journalistic heritage of the Czech writer Jiří Weil, dedicated to the cultural life of the USSR in the 1920s – 1930s. In particular, his essays and reports published from 1923 to 1936 in various Czech publications and devoted to cultural and educational policy, the role of books in Soviet society, the erudition of Soviet readers, their literary tastes and priorities are analyzed. This corpus of texts is introduced into Russian scientific circulation for the first time. When analyzing them, an attempt is made to identify the main thematic blocks that are significant for the Czech writer, and the specifics of the addressee are also taken into account – the Czech readership, who knows little about the USSR, but has a certain level of expectations formed (most often by Western media). The conclusion is made about the difficult position of Weil, who, on the one hand, being a communist and a correspondent of left-wing publications, was under the influence of communist ideology, and on the other hand, he tried to realize his own, purely individual view of things, which in many respects anticipated the depiction of Soviet reality in his fictional prose of the second half of the 1930s, in such novels as “Moscow-border” (Moskva-hranice) and “Wooden Spoon” (Dřevěná lžice).

Keywords

Czech literature, Jiří Weil, literary situation in the USSR in the 1920s and 1930s, Soviet reader.

Религиозные мотивы в краткой прозе Ивана Цанкара

Старкова Вероника Викторовна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская федерация

E-mail: starkova.veronika2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4922-0971

Цитирование

Старкова В. В. Религиозные мотивы в краткой прозе Ивана Цанкара // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 342–358.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.17

Статья поступила в редакцию 02.08.2023.

Рецензирование завершено 01.09.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья посвящена особенностям религиозной мотивики краткой прозы словенского писателя Ивана Цанкара (1876–1918). На материале десяти рассказов из различных сборников, был проведен анализ религиозных мотивов с выявлением их основных функций и роли как в сюжетообразовании произведений, так и в отражении морально-нравственных принципов, которых придерживался писатель. Анализ показал, что спектр религиозных мотивов достаточно разнообразен, при этом нередко одни и те же мотивы переходят из произведения в произведение, зачастую являясь сюжетообразующими. Отражение морально-нравственных принципов писателя при этом раскрывается двояко. С одной стороны, через призму религиозных мотивов можно проследить видение Цанкаром христианства как духовной опоры и нравственной основы своих героев, которая помогает им выживать в непростых внешних условиях – бедности, голода и социального гнета. С другой – религиозные мотивы становятся одним из ключевых инструментов сатиры в художественном арсенале писателя, с их помощью он вскрывает пороки представителей католической церкви и разоблачает сам институт церкви, представляя свое понимание этой организации как средства для укрепления власти и усиления контроля над простыми людьми, а также углубления социального неравенства.

Ключевые слова

Иван Цанкар, мотив, Библия, краткая проза, сатира.

Иван Цанкар (1976–1918) – словенский писатель, поэт, драматург, публицист и общественный деятель. Его поэзия, проза и драматургия открыли новую эпоху в словенской литературе, определили вектор ее развития в XX в.: Цанкар своим художественным словом объединил словенцев, создал в национальном читательском сознании представление о словенской нации и словенском национальном характере. Один из первых популяризаторов словенской литературы в России Янко Лаврин, с 1908 по 1917 г. живший в России и имевший связи с русской интеллектуальной элитой, в 1908 г. в журнале «Славянский мир» опубликовал статью «Портреты славянских писателей: Иван Цанкар», в которой, проведя глубокий анализ творчества своего соотечественника, написал: «Появление его в словинской литературе положило начало новой эпохе после Преширна, может быть, самой значительной. Почти вся новейшая словинская литература – это Иван Цанкар. В данный период он представляет собою самого колкого и едкого сатирика, немилосердного и жестокого разоблачителя, лучшего стилиста, самого тонкого психолога и глубокого мыслителя»¹.

Литературное наследие писателя содержит обширный опус краткой прозы, которая присутствовала на протяжении всех этапов его творческого пути. Детальное изучение рассказов и новелл позволяет проследить общую эволюцию взглядов писателя и трансформацию отдельных элементов его творчества. Так, словенский литературовед и писатель Ф. Берник в монографии «Типология прозы Ивана Цанкара»² определяет рассказ («*črtica*») как ключевую жанровую единицу его прозаического творчества: «Изначальная и самая длительная по времени преобладающая форма прозы Цанкара – это рассказ»³. Изучение мотивов и особенностей мотивной структуры при этом является одним из ключевых инструментов для понимания особенностей проблематики творчества и жизненных ориентиров словенского писателя.

Мотивы, по определению российского исследователя И. В. Силантьева, – это «эстетически значимые повествовательные единицы,

1 *Савин Л.* Портреты славянских писателей: Иван Цанкар // Янко Лаврин и Россия / отв. ред. Ю. А. Созина. М., 2011. С. 220.

2 *Bernik F.* Tipologija Cankarjeve proze. Ljubljana, 1983. 574 s.

3 *Ibid.* S. 13.

интертекстуальные в своем функционировании, инвариантные в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и варианты в своих событийных реализациях, соотносящие в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками»⁴. Они играют важную роль в поэтике словенского писателя. Являясь смысловыми доминантами, они определяют проблематику отдельных произведений и творчества в целом.

Рассказы, анализируемые в данной статье, взяты из разных сборников и были написаны и опубликованы в разное время. Так, рассказ «В купе» (*V kureju*) относится к раннему творчеству писателя и впервые был напечатан в газете «Словенец» от 30 июля 1900 г. Рассказы «Крестный путь» (*Križev pot*) и «Перед целью» (*Pred ciljem*) опубликованы во втором сборнике писателя «Книга для легкомысленных людей» (*Knjiga za lahkomiselne ljudi*, 1901). Повесть «Батрак Ерней и его право» (*Hlapec Jernej in njegova pravica*, 1907) вышла отдельным изданием; рассказы «Юре» (*Jure*, 1909), «Чашечка кофе» (*Skodelica kave*, 1910), «Святое причастие» (*Sveto obhajilo*, 1910), «Святой Иоанн в селе Бильки» (*Sveti Janez v Biljkah*, 1910) напечатаны в сборнике «Моя нива» (*Moja njiva*, 1914). Еще один анализируемый рассказ – «Грех» (*Greh*) вышел в посмертно изданном сборнике «Мимо жизни» (*Mimo življenja*, 1920).

Отношения Цанкара с Богом и церковью – важная страница его творческой биографии. По мнению российской исследовательницы Е. И. Рябовой, «писатель всегда был врагом официальной религии, понимая, однако, что народные массы вкладывают в свою веру мечту о лучшей жизни»⁵. Разделяя свободу вероисповедания и церковный культ, он в своих жизненных принципах следовал христианской этике, но с презрением и глубоким неприятием относился к лицемерию и ханжеству представителей католической церкви. Вот как об этом пишет словенская исследовательница И. Авсеник-Набергой в своей монографии «Любовь и вина Ивана Цанкара» (*Ljubezen in krivda Ivana Cankarja*, 2005): «[...] при оценке религиозных особенностей творчества Цанкара необходимо понимать различие между его эмпирической личной верой и его отношением к Церкви и церковной религиозности. [...] Цанкар в своих произведениях как правило исповедует личную веру, которая “никем не навязана”. В своих рассказах он пишет, как из-за

⁴ *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М., 2004. С. 96.

⁵ *Рябова Е. И.* Иван Цанкар // Цанкар И. Избранное. В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 20.

пренебрежения к церковному благочестию и молитве он чувствовал себя незащищенным, одиноким и отвергнутым Богом»⁶.

Таким образом, религиозные мотивы несут в его рассказах двойственную функцию. Образы и реалии, лежащие в основе одних библейских мотивов, характеризуют жизнь и судьбу героев, проводят параллель между библейскими сюжетами и их жизнью; детали церковной жизни и поведения священников, на которых строятся другие, служат разоблачению официальной церкви как инструмента социального расслоения.

Библейские мотивы, характеризующие жизнь и судьбу героев

Мотив Крестного пути и мотив Голгофы

Мотив Крестного пути заложен в самом названии рассказа «Крестный путь», в котором описывается судьба Марко, подающего надежды ребенка из бедной семьи, прислуживающего в церкви. В деревне наступает засуха, и организовывается крестный ход, на котором голодный Марко несет Распятие. Из-за голода, жажды и нестерпимой жары Марко падает, ударяется головой о крест и через несколько дней умирает. Данный мотив присутствует как в рассказе о короткой жизни маленького Марко в качестве дороги страданий, так и в описании Крестного хода, который вел маленького страдальца на Голгофу: «Странно, что она [дорога. – В. С.] подымается на гору [...]. Марко слышал голос пономаря, но ответил лишь мысленно. “Господи, да я же иду, иду; зачем вы меня подгоняете?”»⁷.

Мотив Крестного пути настолько пронзителен, что голос самого автора врывается в повествование. Описывая страдания Марко, рассказчик восклицает: «Как они гонят его, палачи!»⁸

Крестный ход, оказавшийся для маленького героя Крестным путем, стал метафорическим образом страданий словенского народа. Путь к счастью лежит через Крестный путь, Голгофу, смерть и воскресение – так Цанкар понимает миссию своего народа и смысл его существования.

Именно таким образом в рассказе «Перед целью» Карел Ереб осознает суть смысла жизни дорогих ему людей. Главный герой, житель предместья, отправляется в театр в центр города. Там он видит,

6 *Avsenik Nabergoj I. Ljubezen in krivda Ivana Cankarja. Ljubljana, 2005. S. 584–585.*

7 *Цанкар И. Избранное. В 2 т. М., 1980. [Т. 1]. С. 73.*

8 Там же.

как живут богачи, и размышляет о том, почему эта жизнь ему недоступна. Поняв всю безысходность своего положения, Карел бросается из окна. В кульминации рассказа герой вспоминает свою мать, которая всю свою жизнь шла по Крестному пути, и этот Крестный путь и был смыслом ее жизни: «Ереб вспоминал свою мать: иногда он просыпался ночью и видел ее, как она стояла на коленях рядом с кроватью, с иссохшимся, заплаканным и одновременно смиренным и спокойным лицом. Она верила, что ее мечты сбудутся, и знала, что перед этим будут бедность, и унижение, и смерть»⁹.

В рассказе «Юре» мотив Крестного пути является важной составляющей сюжета произведения. Герой, по имени которого названо произведение, блаженный сирота, возвращается на родину. Здесь он становится жертвой человеческой жестокости и предрассудков: на него показывают пальцем и забрасывают камнями. В финале Юре погибает. Герой также движется по пути страданий, незаслуженно получая побои, а в конце этого пути его ждет смерть: «Одному Богу известно, каково было Юре: в одно мгновение он перестал чувствовать удары и боль, и больше не слышал ничьих голосов; в тихой радости он вспомнил о белке, о серне и раке; очнувшись и оглядевшись, он понял, что один»¹⁰.

Перед смертью Юре, подобно Христу в Гефсиманском саду, видит своего небесного Отца: «...ему казалось, что дом простирает к нему свои могучие, темные руки в доброжелательном приветствии. И в чудесной, ниспосланной самими небесами радости он увидел Отца своего, великого и всемогущего, который улыбался ему [...]»¹¹.

В повести «Батрак Ерней и его право» евангельские мотивы Крестного пути и Голгофы – сюжетообразующие. Герой, всю жизнь проработавший на зажиточного крестьянина Ситара и построивший ему дом, после смерти хозяина оказывается не нужным новому господину, сыну старого хозяина, и его выгоняют на улицу. Ерней хочет найти справедливость и отправляется за ней сначала к жупану¹², затем – в Люблян и в Вену, но его отовсюду прогоняют и не хотят слушать. Вернувшись домой, Ерней идет к священнику, чтобы тот растолковал ему, есть ли справедливость на небесах, но тот говорит ему о смирении. В финале Ерней поджигает дом своего господина,

9 *Cankar I. Izbrana dela v desetih zvezkih. Zv. II. Ljubljana, 1951. S. 123.* Здесь и далее – перевод В. С.

10 *Ibid. Zv. VI. S. 41.*

11 *Ibid. Zv. VI. S. 43.*

12 Жупан – мэр города (словен.)

и разъяренные соседи бросают поджигателя в огонь. Крестный путь Ернея начинается с того момента, как он отправляется искать правду. И его скитания отчасти подобны пути Христа: он тоже весь отдается поиску правды и справедливости:

Еще раз оглядел всех Ерней, – долго смотрел, но не встретил взгляда, сказавшего ему: «Прощай». Горько стало на душе Ернея.

– Пируйте, мои милые! Открыт для вас дом, открыты кладовые, и амбар широко открыт. Берите и угощайтесь! А я вернусь к вам с правом, подписанным и печатью заверенным, ибо бог не лжет, да и законы не лгут. И когда я вернусь, милые мои, да воцарится тогда между нами любовь и христианское милосердие!

Сказал и ушел¹³.

Во время хождений за правдой в сердце Ернея, как и в сердце Христа, нет ненависти к своим мучителям, но только любовь:

Издалека он увидел Ситара, стоящего на краю покоса.

«Прости им, Боже», – подумал про себя Ерней и поднял руку в прощальном привете.

«Без ненависти я выхожу на дорогу: ненависть тяжелее сердцу, чем скорбь, без ненависти вернусь, пожму ему руку, введу в дом, как неразумного сына»¹⁴.

В Любляне герой попадает в тюрьму. Череда его мытарств напрямую сопоставляется писателем с судьбой Иисуса Христа, а также мысли Ернея осень схожи с призывом Христа к покаянию и с Его словами: «Отче, прости им, ибо они не ведают, что творят»¹⁵:

– Куда вы ведете меня? Скажите!

Все молчали и смотрели хмуро, как черные стражники Христа [...]

А его гоняли из одного места в другое много и долго, как некогда господу от первосвященника к первосвященнику, от судьи к судье.

[...]

«Бог вразумит их и простит им, – думал Ерней, – придет конец пути, и откроется правда, тогда взглянут они друг на друга

13 Цанкар И. Избранное... С. 117.

14 Там же. С. 128.

15 Лк 23: 34–34.

и, посрамленные, раскаются в своем грехе. Бог не скроет ни правды, ни справедливости, и его воля, чтобы они блуждали во тьме, пока не озарит их свет познания»¹⁶.

Голгофа Ерней – это дом его хозяина Ситара. Дом, который Ерней построил и сжег своими руками. Поджигая дом, герой сознательно шел на смерть, и своей смертью он, подобно Христу, хотел сказать, что на Земле есть правда, недоступная человеческим законам, но понятная душе каждого человека, и что за эту правду стоит бороться. Толпа кричит: «В огонь его!» подобно тому, как в Иерусалиме толпа кричала: «Распни его!»¹⁷:

И вот появился среди них высокий, с обгоревшими руками и обожженными волосами Ерней, смеясь безудержным смехом.

– За трубкой ходил, милые мои! Не хотел, чтобы сгорела моя трубка! Забыл ее в доме, когда отправлялся в путь. Ну, каково горит мой дом? Весело горит? У кого есть трубка, может прикурить – огня хватит на всех.

Взял в рот трубку и, подбоченившись, любовался пожаром. [...]

– В огонь его! [...]

Черными и обгорелыми были руки и лица палачей Ерней¹⁸.

Мотивы Крестного пути и Голгофы переходят из произведения в произведение, при этом через призму страдания своих героев Цанкар показывает страдания людей, живущих в бедности и надеющихся добиться справедливости.

Мотив креста

Мотив креста, один из центральных в христианской мифологии, в рассказе «Крестный путь» также играет сюжетообразующую роль. Впервые этот мотив появляется при описании Распятия, которое несет Марко: «Крест был дубовый, почти двухметровой длины, на нем висел Христос, ноги и руки его были прибиты большими гвоздями, на лице, на груди, на ногах виднелись кровавые пятна. Под коленями и в поясе фигура треснула, и пономарь кое-как склеил ее»¹⁹.

16 Цанкар И. Избранное... С. 147–148.

17 Ин 19: 6–6.

18 Цанкар И. Избранное... С. 160.

19 Там же. С. 65.

Крестный путь начинается: «Крест был тяжелый, но Марко сейчас не замечал этого, он старался держать распятие так высоко, чтобы его было видно тем, кто замыкал процессию»²⁰. Сначала движения мальчика уверенны: «Он шел размеренной поступью, онемевшие руки не чувствовали тяжелой ноши. Распятие по-прежнему высоко пылало над процессией, покачиваясь в такт шагам Марко»²¹. Потом он устает, подобно Христу, испытывает жажду, и крест становится невыносимо тяжелым: «На сердце стало тяжело, он почувствовал, что устал, руки заболели, крест стал казаться непомерно тяжелым, закачался, и Марко тихонько прислонил его к плечу»²².

Марко начинает спотыкаться от голода и усталости, падает: «Он сам не понял, как это случилось... Он ударился лбом о дубовую перекладину, крест лежал перед ним на камнях»²³. После криков и ругательств священника снова встает и идет, продолжая нести тяжелый крест: «Он взял крест и поднял его; Христос закачался в воздухе, колыхнулся, задрожал, а потом начал равномерно подниматься и опускаться в такт Марковым шагам»²⁴. Силы у героя заканчиваются перед последним подъемом к церкви: «Он стал искать ее [матери. – В. С.] руку, зашатался, крест грянул наземь. Марко споткнулся об него и ударился лбом о перекладину. Бежать было слишком поздно...»²⁵

Используя в сюжете не метафорическое, а буквальное воплощение мотива – маленький герой осуществляет физическое действие, несет в руках тяжелый предмет, – Цанкар проводит параллель его короткой жизни и трагической смерти с судьбой Иисуса Христа. На примере Марко писатель показывает, насколько жизнь и страдания героя и всего народа коррелируют с жизнью и страданием Иисуса Христа и насколько глубоко само это учение лежит в его духовной сути.

Мотив Богоматери

Мотив Богоматери во многом связан с образом матери писателя (о трепетных отношениях между Иваном Цанкаром и его матерью пишут многие исследователи-цанкароведы, в том числе Авсеник-Набергой: «Среди всех живых людей мать глубже всего

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же. С. 66.

23 Там же. С. 71.

24 Там же. С. 67–68.

25 Там же. С. 74.

проникла в книгу его судьбы и всю жизнь поражала его своей любовью и исключительностью, с одной стороны, смиренной, жертвенной христианской любовью, с другой – своим темным, великим и непрекаемым авторитетом»²⁶). Этот мотив с прямой отсылкой к библейскому образу присутствует в рассказе «Крестный путь»: именно мать провожала Марко в «последний путь», подобно Богородице, матери Христа: «И Марко вышел из дома. Мать стояла на пороге и смотрела ему вслед. Когда он свернул за угол, она возвратилась в комнату, поглядела на мужа и детей [...] Потом села на скамью у печки и согнула, уткнув лицо в ладони»²⁷.

Этот мотив присутствует также и в рассказе «Юре», где главный герой встречается перед смертью с Матерью: «...он чувствовал руку Матери, которая гладила его по щеке: “Что ты натворил, бедняжка?”»²⁸

Архетипические черты облика Богоматери характерны для портретов героинь рассказов «Чашечка кофе» и «В купе». В первом рассказе герой-рассказчик, писатель, на несколько дней возвращается домой, к матери, после долгого путешествия. В доме голодно, нет хлеба. Несмотря на это, он просит у матери чашку кофе. Та достает кофе и, счастливая, приносит сыну, но тот пренебрежительно отказывается, а потом горько раскаивается. Во втором рассказе речь идет о герое, который едет в душном купе 3-го класса. Он видит женщину (Матичеву) с ребенком на руках; ребенок, как ему кажется, спит. К ней подходит мужчина, и между ним и Матичевой происходит разговор, в ходе которого выясняется, что ребенок был болен, но из-за отсутствия денег врач не взялся его лечить, и тот умер. Воссоздание глаз обеих матерей у Цанкара созвучно описанию глаз Богородицы: «большие и чистые, они светились райским сиянием, вся доброта и любовь небес отражались в них» («Чашечка кофе»)»²⁹; «темные, влажные глаза глядели с выражением спокойной покорности судьбе и тихой скорби» («В купе»)»³⁰.

Встречаясь в произведениях различных периодов творчества, мотив Богоматери является важным элементом его поэтики и раскрывает женскую суть героинь, в которых заложено величайшее духовное богатство, которое лишь увеличивается от перенесенных и описанных в рассказах страданий.

26 *Avsenik Nabergoj I. Ljubezen...* S. 68.

27 *Цанкар И. Избранное...* С. 64.

28 *Sankar I. Izbrana... Zv. VI.* S. 43.

29 *Цанкар И. Избранное...* С. 385.

30 Там же. С. 37.

Христианский мотив отречения

В рассказе «Грех» повествуется о мальчике Йоже, который учится в городской школе. Однажды к нему из деревни приезжает мать, простая крестьянка. Выходя из школы вместе с друзьями, Йоже делает вид, что не замечает женщину, стоящую у дверей, потому что стыдится ее. Мать приходит к нему на квартиру, они вместе идут гулять. Мальчику совестно, но он так и не признается матери в своих чувствах, о чем потом сожалеет всю жизнь. Йоже, подобно тому, как Петр отрекся от Христа, отрекается от своей матери:

Он увидел мать – крестьянскую юбку в зеленых цветах, грязные мужские сапоги, красную кацавейку, на голове пестрый платок, завязанный сзади, большой узел и нескладной зонт.

– Это не твоя мать? – спросил его товарищ.

– Нет, не моя! – ответил Йоже³¹.

Этот библейский мотив отречения также ярче раскрывает внутренний мир маленького Йоже, помогает читателю лучше понять героя. Показывая глубокое раскаяние в душе маленького мальчика, Цанкар раскрывает его богатый внутренний мир, его любовь к матери и одновременно возвышает образ самой матери, сопоставляя ее со страдающим Христом, направляющимся на Голгофу.

Мотив Тайной Вечери. Заповедь о смирении и христианской любви

В рассказе «Святое причастие» мотив Тайной Вечери присутствует уже в названии рассказа. Сюжет его нетривиален: пятеро голодных детей ждут мать дома. Все их мысли о еде. Наконец, она приходит и приносит им хлеб. Только много лет спустя один из них поймет, какой ценой этот хлеб доставался. Здесь «бескровная жертва» превращается в жертву кровную. Дети «пьют кровь своей матери и едят ее плоть», и эта метафора причастия тесно связана с мотивом воскресения. Принеся себя в жертву, мать главного героя подарила жизнь ему, его братьям и сестрам: «О мать, теперь я знаю: тело твое мы ели, кровь твою пили!»³²

Подобно Христу, мать приносит жертву любви и смирения своим детям. И эта жертва – ежедневные унижения, каждодневный страх остаться голодной и оставить голодными своих детей:

31 Там же. С. 378.

32 Там же. С. 373.

Тихо и медленно открылась дверь. На пороге стояла мать. Точно светлым днем мы видели ее лицо. Оно было белое и прозрачное. Заплаканные глаза глядели испуганно – так смотрит грешник на своих неумолимых судей. Мать нас боялась... – Давно ждете? – произнесла она тихим, молящим голосом. – Раньше никак не могла... не давали...³³

Представленные мотивы показывают, что Цанкар в своем творчестве опирается на христианскую этику и видит в ней моральную основу для своих героев. Такие библейские мотивы, как мотив Голгофы, креста, мотив отречения, мотив Тайной Вечери и мотив Богоматери, ярко иллюстрируют истинное отношение Цанкара к христианству как к вероучению, в котором можно почерпнуть глубокие смыслы и найти морально-нравственную основу для жизни. С помощью аллюзий на библейские сюжеты и посредством проанализированных мотивов Цанкар возвышает своих героев до уровня героев Библии, показывая, насколько богат мир простых людей, страдающих от бедности и социальной несправедливости. Таким образом, сюжеты рассмотренных рассказов опираются на религиозные мотивы (для ряда произведений они становятся сюжетообразующими), а христианство можно назвать одним из фундаментальных основ мировоззрения не только героев Цанкара, но и самого писателя.

Мотивы, служащие разоблачению официальной церкви как инструмента социального расслоения

Непринятие Цанкаром церкви как социального института и религии как инструмента для подчинения простых людей также нашло яркое отражение в его краткой прозе. Одним из художественных средств выражения этой позиции являются религиозные мотивы – мотив Содомы и Гоморры, мотив суда Понтия Пилата над Христом, мотив сатаны. Первый ярко раскрывается в рассказе «Святой Иоанн в селе Бильки». В нем повествуется о некоем селе, где прихожане недовольны своим благочестивым священником. Епископ присылает другого, священника-безбожника, который также их не устраивает. Тогда в село направляют самого святого Иоанна, но и тот не нравится жителям. В финале приход принимает сам дьявол, который быстро находит общий язык с паствой. Рассказ показывает, насколько

33 Там же.

корыстны и порочны служители католической церкви и несовершенна система церковного управления.

Используя библейский мотив Содомы и Гоморры, писатель показывает пьянство и распутство приехавшего на место благочестивого патера священника-безбожника, которого в скором времени уволят из прихода: «Он ходил по селу не в черной сутане до пят, как его предшественник – святой угодник, а в сером сюртуке, едва доходившем ему до колен. Шляпу он носил набекрень, в зубах держал длинную сигару и при этом подмигивал направо и налево, смотря по тому, где примечал дородную особу женского пола. Дома у него был запасец вина, да еще какого! Но он захаживал в трактир, где играл в карты и пел песни вместе с пьяными. Не было во всем обширном церковном приходе ни одного человека, который постыдно не уснул бы и не свалился под стол, в то время как священник еще весело пел и пил, а затем твердым шагом направлялся в свой белый дом при церкви»³⁴.

Далее Цанкар объясняет, почему этот священник не прижился в приходе. Для этого писатель виртуозно использует мотив суда Понтия Пилата, в котором простые иудеи, не разобравшись, в чем суть проблемы, кричали на суде: «Распни, распни Его!»³⁵ Ведь главная причина недовольства прихожан заключалась не в образе жизни и мыслей священника, а в том, что он слишком быстро заканчивал службы. Для благочестивых прихожан села Бильки обряд оказался важнее веры, а внешняя форма общения с Богом куда важнее ее содержания:

Многое спустили бы прихожане отцу Матевжу, ибо человек есть человек, будь он даже помазанником Божиим, и не всякому дано родиться в благочестивом бильском приходе. Но священник вел себя как легкомысленный мальчишка, не только в мирских делах, но и в церковных. Обедню он служил наспех, причем настолько быстро, что женщина, задержавшись у кропильницы, могла пропустить службу от начала до конца, священник, пономарь и служка сновали у алтаря с такой поспешностью, словно косари на лугу перед дождем. Крещение, исповедь, предсмертное причастие, похороны – все обряды он исполнял будто в шутку, только забавы ради. Лишь при венчании он усердствовал немного больше, зато потом до утра пировал на свадьбе³⁶.

34 Там же. С. 338.

35 Лк 23:21.

36 Цанкар И. Избранное... С. 339.

В интерпретации Цанкара рассматриваемый мотив обретает новый смысл, усложняется мотивом сатаны: служить в церкви может только сам дьявол – тот, кто умеет лгать, скрывать неприятную правду и льстить жителям:

Проповедь его была удивительно трогательной – плакали даже глухие. – Благодарение господу богу, направившему меня в этот прекрасный, благочестивый приход! В дальних краях я слышал о нем много лестного, и сердце мое молило бога: господи, дай узреть это славное село прежде, чем придет моя смерть! Едва я увидел вас издали, мои дорогие прихожане, я сразу понял, что попал к родным братьям. Почувствовал, будто мы давно уже знакомы, – мне хорошо известны ваши лица и ваши сердца. Давайте посмотрим друг другу в глаза, подадим друг другу руки и будем крепко держаться друг за друга, никогда не расстанемся!³⁷

В рассказе «Крестный путь» мотив суда Понтия Пилата, представленный в ракурсе участия в нем первосвященников, служит разоблачению служителей церкви, пономаря и священника, ставших палачами для маленького героя. Голодный Марко с утра входит в ризницу, и там его ждет сердитый пономарь:

Когда Марко вошел в ризницу, пономарь был уже там и отругал его за опоздание. Марко боялся пономаря. Это был широкоплечий человек с отталкивающим, загорелым до черноты, широким лицом, на котором светилась пара злых глазок³⁸.

Затем в ризницу входит священник в неподобающем одеянии, его внешность и поведение красноречиво свидетельствуют о его благосостоянии и спесивости, между ним и его паствой лежит социальная пропасть:

Дверь с силой распахнулась, священник вошел быстрой, энергичной походкой, и ризница заполнилась шумом его шагов. Священник был рослый, крепкий, еще молодой человек, его полные щеки рдели румянцем, губы выпячивались недовольно и надменно. Вместо длинной сутаны на нем был короткий сюртук до колен, в сутане по крутой дороге идти трудно. Войдя, он привычно преклонил колено перед распятием, висевшим на стене, кивнул головой, а потом

37 Там же. С. 344.

38 Там же. С. 64.

набросил на себя белое с кружевами облачение, надеваемое при богослужении, и торопливо вышел к алтарю³⁹.

Во время Крестного хода, сгибаясь под тяжестью ноши, Марко получает бесконечные замечания от пономаря и священника. Недовольством и ненавистью окрашены их слова и действия:

– Моли бога за нас!.. Ты как крест держишь? – раздался сзади окрик пономаря [...].

Голос пономаря напугал Марко. Он вздрогнул всем телом, и ему стало зябко⁴⁰.

Пономарь и священник подгоняют Марко и ругают его, голодного и уставшего, согнувшегося под тяжестью креста, подобно палачам Христа:

– Ты что, крест хочешь сломать, а? Или мне тебя еще учить, как ходят? Вставай!

И голос священника раздался сзади:

– Мальчик, до чего ты неловок! Разве ты не знаешь, что несешь в своих руках Христа?

Марко не взглянул ни на пономаря, ни на священника – он и так видел два толстых, сердитых, безжалостных лица⁴¹.

Ненависть клерков к несчастному Марко усиливается от того, что голодный ребенок не выдерживает и падает на землю, и служители церкви уже по-настоящему издеваются над мальчиком:

В лицо ему дохнуло смрадом. Это орал на него пономарь.

– Парень, тебя что, за уши отодрать? Глаза-то у тебя на зад, что ли? – и он вцепился в руку Марко и дернул его. – Подымайся.

Сзади раздался голос священника:

Мальчик, оставался бы ты лучше дома! За волосы бы тебя оттрепать, чтобы ты знал, кого несешь!⁴²

Не выдержавший такого обращения, Марко падает на землю в последний раз, чтобы никогда больше не встать.

39 Там же. С. 65.

40 Там же. С. 66.

41 Там же. С. 67.

42 Там же. С. 71.

В финале рассказа мотив усиливается: пономарь и священник в воспаленном воображении мальчика гонят уже всех родных Марко, и здесь сатирический мотив превращается в пронзительную метафору страданий всего социального слоя, который оказался под гнетом церковнослужителей. Цанкар показывает, как герой в бреду видит, что его родные «шли без остановки, голодные, умирая от жажды, измученные, по бесконечному каменистому пути, под немилосердным солнцем, а сзади их подталкивали пономарь и священник с кропильницей и трепником»⁴³. Корыстные и лицемерные священники, уверен Цанкар, часто выступают в не в роли духовных пастырей, а в роли угнетателей «униженных и оскорбленных».

Для сатирического изображения действительности словенский писатель использует в том числе и библейские мотивы. В рассказе «Святой Иоанн в селе Бильки» мотив Содомы и Гоморры используется писателем для того, чтобы раскрыть происходящее в среде клириков, мотив суда Понтия Пилата – для того, чтобы сатирически изобразить реакцию людей на политику церкви. Мотив же сатаны показывает, кто на самом деле служит в церкви и насколько христианское учение (не) соответствует самой идее христианства. Мотив же суда Понтия Пилата в дискурсе рассказа «Крестный путь» раскрывает нечеловеческое отношение представителей церкви к простому человеку.

Мотивы, используемые для сатирического описания общественной и политической ситуации, сложившейся на словенских территориях, не только показывают непростые отношения Цанкара с церковью, но и раскрывают идею писателя о негативном влиянии церкви как социального и культурного института на функционирование и развитие словенского общества.

Ряд религиозных мотивов – мотив Крестного пути и Голгофы, мотив Креста, мотив Богоматери, христианский мотив отречения, мотив Тайной Вечери – Цанкар использует, чтобы представить христианство как духовную опору персонажей своих произведений, ведущую к утешению и очищению души. В этом понимании веры он со своими героями солидарен. В то же время, изображая утративших моральный облик коррумпированных служителей церкви, он, используя такие мотивы, как мотив Содомы и Гоморры, мотив суда Понтия Пилата над Христом и мотив сатаны, обращается к религиозной мотивике как к инструменту сатиры и обличения изображаемой

43 Там же. С. 74.

действительности. Включая в повествование рассмотренные религиозные мотивы, писатель доказывает христианскую основу своего мировоззрения и одновременно адаптирует евангельские реалии к злободневным социальным проблемам современного ему времени. В качестве прямой коннотации с конкретными евангельскими сюжетами религиозные мотивы служат для создания образов и раскрытия духовного мира героев, а также являются сатирическим способом разоблачения морально деградировавших церковнослужителей.

Источники и литература

Рябова Е. И. Иван Цанкар // Иван Цанкар. Избранное. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. С. 3–23.

Савин Л. Портреты славянских писателей: Иван Цанкар // Янко Лаврин и Россия / отв. ред. Ю. А. Созина. М.: ИСл РАН, 2011. С. 218–234.

Цанкар И. Избранное. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. 448 с.

Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

Avsenik Nabergoj I. *Ljubezen in krivda Ivana Cankarja*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005. 794 s.

Bernik F. *Tipologija Cankarjeve proze*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1983. 574 s.

Cankar I. *Izbrana dela*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1951. V 10 delih. Drugi zvezek, 485 s. Četrty zvezek, 513 s. Šesti zvezek, 413 s.

References

Avsenik Nabergoj, I. *Ljubezen in krivda Ivana Cankarja*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005, 794 p.

Bernik, F. *Tipologija Cankarjeve proze*. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1983, 574 p.

Cankar, I. *Izbrana dela*. In 10 vols. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1951.

Riabova, Je. I. «Ivan Tsankar.» *Ivan Tsankar. Izbrannoje*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1981, vol. 1, pp. 3–23.

Savin, L. «Portrety slavianskikh pisatelei: Ivan Tsankar.» *Ianko Lavrin i Rossiia*, ed. by Ju. A. Sozina Moscow: ISI RAN, 2011, pp. 218–234.

Silant'ev, I. V. *Poetika motiva*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 296 p.

Tsankar, I. *Izbrannoje*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1981. 2 vol., vol. 1., 448 p.

Religious motifs in Ivan Cankar's short prose

Veronika V. Starkova

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: Starkova.Veronika2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4922-0971

Citation

Starkova V. V. Religious motifs in Ivan Cankar's short prose // *Slavic Almanac*. 2023. № 3–4. P. 342–358 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.17

Received: 02.08.2023.

Revised: 01.09.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of religious motifs in the short prose of the Slovenian writer Ivan Cankar (1876–1918). The analysis of religious motifs was made on the basis of ten short stories from different artistic periods. The analysis outcome has revealed their main functions, both shaping the plot of various short stories, and reflecting the moral principles that the writer himself adhered to in his life. It showed that the range of religious motifs is quite diverse, that religious motifs often pass from one work to another, and also shape stories. The reflection of the writer's moral principles is revealed in two ways. On the one hand, through religious motives, we can observe the Cankar's understanding of Christianity as the spiritual foundation and moral basis of the characters, which helps them survive in an adverse environment – in poverty, hunger and under social pressure. On the other hand, religious motifs are one of the key instruments of satire used by the writer to show the vices of representatives of the Catholic Church and expose the church as an institution, presenting his understanding of this organization as one aimed at consolidating power and increasing control over ordinary people, as well as deepening social inequality.

Keywords

Ivan Cankar, motif, Bible, short prose, satire.

**Преодоление советско-югославского кризиса.
Перевод сербской литературы на русский язык
во второй половине 1950-х гг.**

Шешкен Алла Геннадьевна

Доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: asheshken@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9346-9814

Цитирование

Шешкен А. Г. Преодоление советско-югославского кризиса. Перевод сербской литературы на русский язык во второй половине 1950-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 359–374. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.18

Статья поступила в редакцию 02.08.2023.

Рецензирование завершено 01.09.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Период 1948–1953 гг. в истории Югославии называется «временем Информбюро», когда вследствие политического кризиса между СССР и Югославией были разорваны все отношения, в том числе культурные. Это усугубило ситуацию в югославистике, которая только начала оправляться в первые послевоенные годы от последствий сталинских репрессий, практически уничтоживших славистику. Лишь во второй половине 1950-х гг. культурные и научные связи между СССР и Югославией начали восстанавливаться. Важной частью этого процесса стал перевод сербской литературы на русский язык. Были изданы произведения сербской классической (П. П. Негош, Р. Доманович, Б. Нушич) и современной (Б. Чопич, Д. Чосич) литературы. Особое внимание переводчиков привлекло творчество И. Андрича. Переводчиками, авторами предисловий, комментариев и примечаний были в основном профессиональные слависты, подготовленные кафедрами славянской филологии филологических факультетов Московского и Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского) университетов. Поэты М. Зенкевич

и И. Н. Голенищев-Кутузов внесли большой вклад в развитие поэтического перевода с сербского на русский. Антология «Поэты Югославии» (1957), где были также представлены произведения сербских поэтов, продемонстрировала многоголосие и многообразие национальной лирики.

Ключевые слова

Русско-сербские литературные связи, художественный перевод, славистика, П. П. Негош, Р. Доманович, И. Андрич, М. Зенкевич, И. Н. Голенищев-Кутузов.

Русско-сербские литературные связи имеют многовековую богатую историю. Их содержание и специфика в разные исторические периоды были и остаются в центре внимания и российских, и сербских исследователей. В отечественной науке сформировалась глубокая традиция изучения русско-сербских литературных связей, опирающаяся на достижения российских академических научных школ – культурно-исторической А. Пыпина и сравнительно-исторической А. Веселовского. Традиции этих школ легли в основу многочисленных трудов ученых XX в., в том числе в области славистики. Наиболее плодотворной как для изучения, так и для перевода и популяризации сербской литературы в нашей стране стала вторая половина прошлого столетия, когда стала интенсивно развиваться университетская и академическая славистика, были подготовлены специалисты, начали формироваться новые научные школы, восстановилась традиция и на новый уровень вышла практика художественного перевода. Важным этапом этого сложного процесса была вторая половина 1950-х гг., когда перевод югославянских литератур, в том числе сербской, приобрел систематический характер, в короткий срок были изданы произведения национальной классики и современных авторов. Для этого были разные причины, в том числе касающиеся внутренней и внешней политики в СССР и межгосударственных отношений.

Для перевода и изучения сербской литературы в России этапным стало завершение в середине 1950-х гг. кризиса межгосударственных отношений, вошедшего в историю как «время Информбюро» (1948–1953) – конфликта, связанного с осуждением в СССР политики компартии Югославии во главе с Йосипом Брозом Тито и повлекшего разрыв экономических, политических и дипломатических отношений. Однако русско-славянские литературные связи, в том числе изучение и перевод сербской литературы, оказались в глубоком кризисе

еще до этих драматических событий, в межвоенное время. Бездумное реформирование после революции высшей школы и особенно гуманитарных факультетов привело к существенному сокращению исследований и переводов славянских литератур. Изданная в 1933 г. книга переводов сербской народной поэзии «Сербский эпос», где составителем и автором предисловия монографического характера был один из самых перспективных тогда молодых славистов Н. И. Кравцов (1906–1980), стало практически самым значительным событием в области русско-сербских литературных связей¹. Это издание принесло Н. И. Кравцову (будущему крупному фольклористу, выдающемуся ученому-компаративисту и слависту) признание в нашей стране, а также известность за ее пределами. Несмотря на затрудненные в те годы контакты с зарубежными учеными, книга достаточно быстро попала в поле зрения исследователей. Ряд свидетельств указывает на то, что «Сербский эпос» достиг Югославии и получил там высокую оценку. Так, крупный русский литературовед, фольклорист и этнограф Е. А. Ляцкий (эмигрировал, работал профессором Карлова университета в Праге) упоминает об этом издании в письме к одному из самых авторитетных сербских филологов, академику, профессору Белградского университета Б. Поповичу. Очевидно, именно Евгений Ляцкий, почетный доктор Белградского университета, имевший с Поповичем постоянную переписку, прислал ему труд Н. И. Кравцова. Книга оказалась также и в собрании Народной библиотеки Белграда². Можно упомянуть и переводы с сербского черногорского писателя Радуде Стийенского (жил в России), который писал для детей и публиковался в журнале «Веселые картинки»³.

1 Ср.: *Морозов Г. И.* Малоизвестные факты из жизни Н. И. Кравцова // Российская славистическая фольклористика. Пути развития и исследовательские дисциплины. Материалы Международной научной конференции к 100-летию со дня рождения проф. Н. И. Кравцова (Москва, 9–10 ноября 2006). М., 2007. С. 283.

2 См. подробнее: *Шешкен А. Г.* Российская славистика XX века: судьба науки и судьбы ученых (И. Н. Голенищев-Кутузов, Н. И. Кравцов) // Славяноведение. 2017. № 6. С. 80.

3 Сербский эпос / пер. Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова; ред., исследование и комментарии Н. Кравцова. М.; Л., 1933; *Громова М. М.* Советский югославский поэт Радуде Стийенский. Доклад прочитан на международной научной конференции «Ломоносовские чтения 2023» (МГУ имени М. В. Ломоносова) 10 апреля 2023 г.

Сильный удар по славистике был нанесен в эпоху сталинских репрессий в конце 1933 – начале 1934 г.: по сфабрикованному «делу славистов» было арестовано более 120 видных ученых, осужденных по разным статьям⁴. Многие из них были расстреляны, а упомянутый выше Н. И. Кравцов за перевод и изучение сербского эпоса был осужден на пять лет лагерей⁵. Как следствие репрессий – практическое уничтожение целой области науки, отсутствие переводов и публикаций на русском языке произведений славянских писателей⁶, в том числе сербских авторов.

Ситуация начала меняться в ходе Великой Отечественной войны, когда стало понятно, что славянские страны входят в зону влияния СССР и возникла потребность в кадрах. Были вновь открыты кафедры славянской филологии на филологических факультетах сначала в Московском (1943), затем в Ленинградском университете (1944). Началось восстановление преподавания, популяризации и изучения славянских литератур. Изучение проблем славистики было поставлено на фундаментальную основу. В 1947 г. в составе Академии наук СССР был образован Институт славяноведения и балканистики, который стал основным центром научных исследований, посвященных славянским народам. Н. И. Кравцов существенно переработал и развил свои наблюдения о сербской эпической поэзии, высказанные в издании 1933 г., и в 1946 г. представил к обсуждению фундаментальный труд, а в июне 1947 г. защитил докторскую диссертацию под названием «Сербский эпос».

Восстановились прямые контакты отечественных литераторов с иностранными писателями, организовывались взаимные встречи и поездки, результатом которых было обогащение представлений о литературе и издание произведений югославянских авторов на русском языке. Например, в сентябре – октябре 1947 г. в СССР приезжали уже широко известные в Югославии писатели Иво Андрич и Вьекослав Калев, а в конце года в общественно-политическом литературно-художественном иллюстрированном еженедельном журнале «Огонек» был опубликован рассказ И. Андрича «Велетовцы». С этого рассказа началось

4 Ашинин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 31.
5 См.: Шешкен А. Г. Российская славистика XX века... С. 78–89.

6 Исключением можно считать публикацию исследований об А. Мицкевиче в связи с празднованием в 1937 г. 100-летия памяти А. С. Пушкина, с которым у польского поэта были творческие контакты, как и с поэтами-декабристами, оказавшимися в центре исследовательского внимания.

знакомство широкого русского читателя с его творчеством, ведь журнал выходил огромными тиражами⁷. В России разделяли высокую оценку, которую получили на родине опубликованные в 1945 г. романы Андрича, в том числе «Мост на Дрине». Есть подтверждения того, что над его переводом в конце 1946 – начале 1947 гг. работал Н. И. Кравцов. Сохранилось его письмо в редакцию журнала «Новый мир» в марте 1947 г., где он предлагал для публикации свой перевод романа и статью о творчестве писателя. Заместитель главного редактора ответил: «Очень хотели бы познакомиться с романом Андрича и с Вашей статьей об этом писателе». С предложением издать перевод этого романа Николай Иванович обращался также в некоторые издательства и встретил одобрительное отношение⁸. О том, что это намерение Н. И. Кравцова, уже известного своими блестящими переводами (например, перевод «Комического романа» П. Скаррона в 1934 г.), не было по неизвестным причинам реализовано, можно только сожалеть. В целом, изучение архивных документов, предпринятое Т. П. Агапкиной, показывает, что в послевоенное время было «немало конкретных предложений об издании произведений писателей Югославии»⁹. Издательская политика в СССР сразу была направлена на то, чтобы на русском языке были представлены литературы всей многонациональной Югославии. Наряду с сербскими авторами переводились произведения хорватской и словенской литератур, позднее и македонской. Одним из первых таких примеров является перевод и издание в 1945 г. произведений классика словенской литературы эпохи модерна Ивана Цанкара («Повести и рассказы», пер. Е. Рябовой). Эти факты красноречиво говорят об общей атмосфере интереса к славянским, в том числе сербской, литературам, которыми уже начали профессионально заниматься. Можно добавить, что на театральных сценах Москвы и Ленинграда с успехом шла комедия Бранислава Нушича «Госпожа министерша»¹⁰.

7 Агапкина Т. П. Творчество Иво Андрича в Советском Союзе. Начало известности // Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература. М., 1992. С. 99.

8 Там же. С. 100.

9 Там же.

10 Перевод комедии был опубликован: Нушич Б. Госпожа министерша. Комедия в 4-х действиях / лит. обр. Е. Бермот. М., 1946 (отпечатано на стеклографе). См. подробнее: Хватов А. И. Бранислав Нушич и русская литература // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 207–251.

Самым крупным событием тех лет стало издание перевода поэмы Петра II Петровича Негоша «Горный венец», выполненного Михаилом Зенкевичем, известным поэтом Серебряного века и выдающимся переводчиком произведений европейской классики. Этот перевод, приуроченный к столетию издания поэмы (1847), пришел на смену переводу Е. Г. Лукьяновского (1887), к которому предъявлялось немало претензий (он был сделан четырехстопным ямбом, что не соответствовало оригиналу, написанному с использованием стиха народной поэзии; допущен целый ряд неточностей и пр.). М. Зенкевич постарался найти другой подход. Как он заметил в предисловии, в своем переводе он «стремился, насколько возможно, близко и понятно передать русским тоническим стихом, соответствующим сербскому силлабическому десятисложнику “десетерцу”, с тем же количеством строк не только смысл, но и народный дух и поэтический строй замечательной драматической поэмы Петра Негоша»¹¹. Перевод «Горного венца» был крупным событием, и казалось, что процесс издания сербской литературы будет и далее развиваться, однако вскоре наступил серьезный кризис в отношениях между нашими странами.

Разрыв отношений между СССР и Югославией произошел летом 1948 г., прервав восстановление отечественной югославистики. Даже студенты университетов стали писать дипломные сочинения на материалах других литератур (в частности, болгарской), хотя начинали учиться в группе сербского языка¹². Восстановление многосторонних отношений, в том числе культурных связей, произошло только после смерти Сталина (1953) и визита Н. С. Хрущева в Белград в 1955 г.

В процессе нормализации межкультурных связей художественный перевод сыграл исключительно важную роль. Он стал также неотъемлемой частью меняющегося литературного климата второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. Именно в 1955 г. начал выходить журнал «Иностранная литература», где публиковались переводы произведений

¹¹ Зенкевич М. Петр Негош и его поэзия // Негош Петр. Горный венец. 2-е изд. М., 1955. С. 20. Следующая попытка перевода этого произведения была предпринята спустя сорок лет Ю. Кузнецовым.

¹² В то же время русская классика и советская литература активно переводились и издавались в Югославии и в 1920–1930-е гг., и во «время Информбюро», когда были репрессированы противники политической линии Тито. См. подробнее: Шешкен А. Г. Перевод советской литературы в Югославии (1945–1980-е гг.) // Шешкен А. Г. Русская и сербская литературы: штудии по компаративистике. Белград, 2017. С. 84–106.

зарубежных, в том числе славянских, авторов. Стали также печататься отдельные издания произведений сербских писателей. Их переводчиками были выпускники славянских отделений университетов, получившие фундаментальную подготовку по югославистике, в первую очередь выпускники кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Молодые югослависты Г. Я. Ильина, Р. Ф. Доронина, Т. П. Попова, О. Д. Кутасова, А. Д. Романенко, Н. М. Вагапова, Т. Н. Вирта, Н. Б. Яковлева и др. внесли выдающийся вклад в популяризацию и изучение сербской литературы, становление и развитие школы художественного перевода с сербского языка, не только достигая художественной выразительности и точности, но и выступая в качестве составителей сборников прозы и поэзии, авторов примечаний, комментариев, послесловий или предисловий, представляющих и литературу, и конкретных авторов русскому читателю. Это является убедительным подтверждением основательности и эффективности славистической подготовки. Благодаря усилиям блестящего поколения ученых знакомство с сербской и другими югославскими литературами у нас в стране приобрело систематический характер.

Коротко скажем лишь о некоторых. Галина Яковлевна Ильина (1930–2018) многие годы занималась переводами и изучением югославских литератур в Институте славяноведения и балканистики и создала научную школу исследователей-югославистов, была автором монографий по югославскому роману, по истории хорватской литературы, глав по литературам Югославии в «Истории литературы Восточной Европы после Второй мировой войны», многочисленных статей, руководила многочисленными масштабными проектами, написанием кандидатских диссертаций, консультировала будущих докторов наук¹³. Ольга Дмитриевна Кутасова (1929–2013) посвятила себя переводческой и редакторской деятельности, в том числе с 1955 г. работала редактором издательства Гослитиздат («Художественная литература»), привлекала к переводу и популяризации сербской и других югославских литератур как профессиональных югославистов, так и выдающихся русских поэтов, таких как А. Ахматова, М. Зенкевич, Н. Заболоцкий, Л. Мартынов, М. Петровых, М. Алигер, Б. Слуцкий, Д. Самойлов и др.¹⁴ В изучении и популяризации

13 Шешкен А. Г. Памяти Галины Яковлевны Ильиной (1930–2018) // Stephanos. 2018. Т. 27. №. 1. С. 200–203.

14 См.: Егорова Л. О переводах и переводчиках. Серия «Мастера художественного перевода» // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 173–192.

сербской литературы большую роль сыграл также Момчило Богданович Йешич (1921–2007), политический эмигрант, приехавший в СССР в 1948 г. и долгие годы трудившийся в Институте славяноведения и балканистики. Он публиковал свои научные труды под псевдонимом М. Богданов¹⁵, как и обстоятельные сопроводительные тексты и комментарии к изданиям на русском языке произведений И. Андрича, Б. Чопича и ряда других авторов сербской литературы. Произведения сербского писателя-сатирика Радое Домановича (1873–1908), в том числе самая известная его повесть «Страдия» (1902), неоднократно выходили в переводе Г. Я. Ильиной (с предисловиями и примечаниями М. Богданова)¹⁶.

В предисловии к изданию «Страдии» 1957 г. дается краткая характеристика эпохи и творчества писателя, его места в национальной литературе. Указывается, что Р. Доманович «остаётся непревзойденным автором политической сатиры во всей югославской литературе»¹⁷. В духе того времени, когда литературоведение делало акцент на социальной проблематике произведений и ценности реалистической традиции, подчеркивается, что Радое Доманович – «выдающийся представитель сербского критического реализма»¹⁸ – вступил на литературную сцену «во времена реакции, необузданного полицейского террора и беззакония, произвола придворной камарильи, постоянных смен правительства, чудовищных политичеких скандалов и афер». Повесть «Страдия», считает М. Богданов, «занимает центральное место среди политических сатир» и представляет собой «синтез наблюдений писателя над действительностью того времени»¹⁹. Среди художественных приемов, использованных сербским автором, выделены «гипербола и карикатура [. . .]. Непреходящее значение сатир заключается в их гуманизме и демократизме, в неподдельной любви писателя к народу, в создании оригинальных и острых сатирических образов»²⁰.

15 *Стыкалин А. С.* Памяти Момчило Богдановича Йешича (1921–2007) // *Славяноведение*. 2009. № 1. С. 126–127.

16 *Доманович Р.* Повести и рассказы / предисл. М. Богданова. М., 1956; *Доманович Р.* Страдия / пер. Г. Я. Ильиной; предисл. М. Богданова. М., 1957; *Доманович Р.* Сатира и юмор / предисл. и прим. М. Богданова. М., 1961.

17 *Доманович Р.* Страдия / пер. Г. Я. Ильиной; предисл. М. Богданова. М., 1957. С. 4.

18 Там же. С. 3.

19 Там же. С. 3.

20 Там же. С. 4.

Старший современник Р. Домановича Бранислав Нушич (1864–1938), яркий представитель сербской сатирико-юмористической литературы, комедиограф, автор коротких рассказов, большой поклонник творчества Н. В. Гоголя, последователь реалистической традиции, которого начали переводить в России еще до революции, тоже планомерно издается и становится весьма популярен. Переводчик и выдающийся исследователь творчества писателя А. И. Хватов подчеркивает, что «тираж отдельных изданий его произведений только на русском языке приближается к миллиону, не считая публикаций в журналах. Комедии Б. Нушича “Госпожа министерша”, “Д-р”, “Покойник” обошли сцены почти всех театров нашей страны»²¹. В переводе его произведений принимали участие ряд переводчиков, в том числе выдающиеся выпускники славянского отделения Ленинградского университета, известные впоследствии педагоги и ученые П. А. Дмитриев и Г. И. Сафонов²², а также А. И. Хватов и Ю. А. Брагин²³.

В связи с углублением интереса к сербской литературной классике было предпринято новое издание поэмы «Горный венец» П. П. Негоша, где переводчиком М. Зенкевичем были внесены ряд исправлений. Он «постарался исправить все неточности, сверив перевод с текстом югославского юбилейного издания»²⁴. В предисловии «Петр Негош и его поэзия» М. Зенкевич подчеркнул, что «высокий патриотизм, народность, поэтичность создали “Горному венцу” неувядаемую славу не только в Черногории, но и во всей Югославии. Весь югославский народ чтит память великого черногорского поэта-патриота и торжественно отпраздновал столетний юбилей “Горного венца” в 1947 году и столетие со дня смерти Негоша в 1951 году»²⁵. Это издание поэмы Негоша на русском языке и последующие попытки новых его переводов как бы вступают в полемику с мнением самого поэта, слова которого приводит М. Зенкевич: «Мое лучшее сочинение – “Горный венец”. Но он может

21 Хватов А. И. Бранислав Нушич и русская литература // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 246.

22 Нушич Б. Комедии. М., 1956; Нушич Б. Избранное. М., 1956, 2-е изд. 1958; Нушич Б. Юмористические рассказы. М., 1957; Нушич Б. Одноактные комедии и сценки. М., 1959.

23 Ср.: Лихачева Л. П. Бранислав Нушич: Биобиблиографический указатель. М., 1965.

24 Зенкевич М. Петр Негош и его поэзия // Негош П. Горный венец. М., 1955. С. 20.

25 Там же. С. 19.

понравиться только моим черногорцам, потому что в нем я изобразил их обычаи, они видны в нем как в зеркале, но образованному миру “Горный венец” не понравится»²⁶. Для того чтобы приблизить русскому читателю понимание нравов и обычаев черногорцев, специфически черногорской «картины мира», переводчик приводит многочисленные комментарии, связанные с историей Черногории, объясняющие поступки героев произведения. Например, говорится, что гадание по бараньей лопатке (предсказание в поэме сбывается) сохранилось у черногорцев до XX в. Упоминание об исчезновении «пестрых коней» непонятно русскому читателю, но у сербов и черногорцев оно вызывает прозрачную ассоциацию, связанную с героем южнославянского эпоса Марко Королевичем, у которого был конь пегой масти – Шарац. Народное поверье говорит, что после того, как Марко надолго заснул в пещере, пегие кони перевелись. Рассказывается история национального албанского героя борца против турок Скендербега и т. д.

Естественно, что в центре внимания российских издательств оказались в те годы сербские авторы – участники мощного партизанского движения Югославии и их произведения, посвященные борьбе с фашизмом. Именно тема народно-освободительной борьбы была основной в сербской литературе того времени, с ее осмыслением связано развитие национальной прозы, углубление изображения образа героя эпохи и его внутреннего мира, трактовка героического характера. К тому же активизировались личные контакты между сербскими и русскими писателями, которые тоже воевали и хорошо понимали своих коллег. В 1954 г. в СССР приезжал Добрица Чосич, бывший партизан и автор одного из самых ярких романов о партизанском движении. Проблема подвига и вопрос цены победы стоит в центре романа писателя «Солнце далеко» («Далеко је сунце», 1951), посвященного его боевым товарищам, бойцам Расинского партизанского отряда. Этот роман был опубликован в 1956 г. на русском языке в переводе Т. Поповой и А. Романенко. В 1959 г. вышел роман Бранко Чопича «Прорыв» («Пролом», 1952, пер. А. Назарова) о начале партизанского движения в Боснии. Незадолго до этого был издан сборник его рассказов «Случаи из жизни Николетины Бурсача» (1956, рус. пер. 1958).

Во второй половине 1950-х гг. началось широкое и планомерное знакомство отечественного читателя с творчеством Иво Андрича²⁷. В 1956 г.

26 Там же. С. 15.

27 Библиографический указатель произведений Иво Андрича на русском языке / сост. Р. Доронина и Л. Лихачева; вст. статья Р. Дорониной. М., 1974.

вышел первый перевод романа «Мост на Дрине» (переводчик Н. Соколов), за который в 1961 г. писатель получил Нобелевскую премию. В 1957 г. – один за другим выходят повесть «Рассказ о кмете Симане» («Прича о кмету Симану»), рассказ «Чоркан и швабица» («Чоркан и Швабица») в переводе О. Кутасовой, рассказы «Автобиография», «Аска и волк» («Аска и вук»), «История моста» («Мост на Жепи») в переводе Т. Вирты. В 1958 г. Т. Вирта опубликовала перевод повести «Заяц» («Зец»).

Важный вклад в популяризацию, перевод и изучение сербской литературы внесли русские эмигранты, вернувшиеся на родину. Среди них был Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969). Илья Николаевич принадлежит к выдающимся представителям отечественной науки и культуры XX в. Ученый, переводчик, поэт, он обладал поистине энциклопедическими знаниями, имел обширный круг научных и творческих интересов. Огромный вклад внес И. Н. Голенищев-Кутузов в изучение, популяризацию и перевод литературы и фольклора славян. Блестящий знаток, исследователь и переводчик авторов Дубровницкого Возрождения, сербской эпической народной поэзии, литературы других югославянских народов XIX–XX вв.²⁸, он стал одним из тех, чьи труды в 1950–60-е гг. возродили и придали новый импульс отечественной сравнительно-исторической школе, славистике, в том числе сербистике. И. Н. Голенищев-Кутузов воспринял от своего университетского преподавателя Е. В. Аничкова (ученика А. Веселовского) основные принципы сравнительно-исторической школы российского литературоведения. Еще в Югославии он был инициатором, составителем и одним из переводчиков югославских поэтов на русский язык («Антология новой югославской лирики», Белград, 1933, совм. с Е. Таубер и А. Дураковым).

С первых лет жизни на родине Голенищев-Кутузов стал одним из самых авторитетных и активных популяризаторов литературы югославян, переводчиком, составителем, автором комментариев и предисловий к изданиям в нашей стране югославянской литературной классики. Илья Николаевич был специалистом с совершенным знанием языков, истории и современного состояния многонациональной культуры народов Югославии, человеком, обладающим незаурядным поэтическим дарованием и серьезным переводческим опытом. Он стал составителем первого изданного после налаживания отношений с Югославией

28 Напр.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Поэты Далмации эпохи Возрождения XV–XVI вв. М., 1959 (составление, подготовка текстов, перевод); *Голенищев-Кутузов И. Н.* Славянские литературы. М., 1973.

сборника поэзии «Поэты Югославии» (1957), в котором участвовал и как переводчик («Эмина» А. Шантича, «Дубровницкое вино» Й. Дучича, «Заброшенная церковь» и «Симонида» М. Ракича, «Кровавая сказка» Д. Максимович, О. Давичо и др.). Редактором переводов был уже упомянутый М. Зенкевич. С этого сборника, содержащего переводы на русский язык более сорока авторов и емкие справки о них, началось регулярное издание переводов югославянской лирики в СССР. Составитель постарался передать богатство многонациональной музыки многонациональной страны. Патриотическая, пейзажная, философско-медитативная, любовная лирика, воплощенная в разных жанрах и разных системах стихосложения, давала представление о самобытной поэзии югославян. С предисловиями И. Н. Голенищева-Кутузова были изданы также «Сказки народов Югославии» (1962) и роман выдающегося сербского мастера психологической прозы начала XX в. Б. Станковича «Дурная кровь» (1961). При подготовке сборника лирики «Поэты Югославии» был последовательно воплощен принцип составления такого рода изданий, получивший реализацию и в последующих сборниках. В нем были представлены все литературы многонациональной Югославии, что давало представление о богатстве литературного процесса страны.

Таким образом, даже такой далеко не полный охват материала показывает, что во второй половине 1950-х гг. перевод сербской литературы в нашей стране вступил в новый этап своего развития. Разногласия в литературно-эстетической сфере, касающиеся соцреализма, от которого литературы Югославии программно отказались на третьем съезде писателей в 1952 г., и последовавшая острая полемика о реализме и модернизме косвенно влияли на выбор перевода произведений на русский язык. Предпочтение отдавалось прозе и драме, написанным в русле реалистической традиции. При переводе лирики было большее разнообразие. И. Н. Голенищев-Кутузов, включив стихотворения О. Давичо в сборник, кратко и точно очерчивает его творческую эволюцию и место в литературном процессе страны. «В настоящее время Давичо стоит во главе воскресшего после войны крайнего модернистского направления в поэзии [надреализма. – А. Ш.], редактирует главный орган модернистов “Дело” (Белград). Давичо утверждает, что прогрессивному писателю “не обязательно быть реалистом”. Между Давичо и его последователями, с одной стороны, и сторонниками реалистического направления, с другой, уже несколько лет ведется острая полемика на страницах журналов. Лучшая книга его стихов – “Вишня за стеной” (Белград, 1950); в нее вошли произведения 1939–1945 гг. [...] При всех своих модернистских увлечениях [...] Давичо – один из самых одаренных поэтов современной

югославской литературы»²⁹. Эта портретная зарисовка характеризует Давичо как яркую поэтическую индивидуальность.

Основную роль в переводе сербской литературы сыграли как опытные переводчики (М. Зенкевич, И. Н. Голенищев-Кутузов), так и молодые слависты, в большинстве своем выпускники кафедр славянской филологии филологических факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова (Г. Я. Ильина, О. Д. Кутасова, Т. Н. Вирта, А. Д. Романенко и др.) и Ленинградского университета (А. И. Хватов и др.). Для перевода выбирались произведения выдающихся авторов XIX–XX вв., прозаиков, поэтов и драматургов: П. П. Негоша, Р. Домановича, И. Андрича, Б. Нушича, Д. Чосича, Б. Чопича, М. Ракича, Д. Максимович, О. Давичо и др. Это позволило отечественному читателю получить пусть не полное, но достаточно разностороннее представление о сербской литературе XIX–XX вв.

Источники и литература

Агапкина Т. П. Творчество Иво Андрича в Советском Союзе. Начало известности // Творчество Иво Андрича: Миф, фольклор, история, литература: Симпозиум к 100-летию со дня рождения писателя: Тезисы и материалы. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. 112 с.

Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

Библиографический указатель произведений Иво Андрича на русском языке / сост. Р. Доронина и Л. Лихачева. М.: Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, 1974. 125 с.

Голенищев-Кутузов И. Н. Поэты Далмации эпохи Возрождения XV–XVI вв. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 271 с.

Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М.: Художественная литература, 1973. 480 с.

Доманович Р. Повести и рассказы. М.: Гослитиздат, 1956. 409 с.

Доманович Р. Сатира и юмор / предисл. и прим. М. Богданова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 294 с.

Доманович Р. Страдия. М.: ГИХЛ, 1957. 80 с.

Егорова Л. О переводах и переводчиках. Серия «Мастера художественного перевода» // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 173–192. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-173-192.

29 Поэты Югославии. М., 1957. С. 290–291.

Зенкевич М. Петр Негош и его поэзия // Негош Петр. Горный венец. 2-е изд. М.: Гослитиздат, 1955. С. 5–25.

Лихачева Л. П. Бранислав Нушич: Биобиблиографический указатель. М.: Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, 1965. 71 с.

Морозов Г. И. Малоизвестные факты из жизни Н. И. Кравцова // Российская славистическая фольклористика. Пути развития и исследовательские дисциплины. Материалы Международной научной конференции к 100-летию со дня рождения проф. Н. И. Кравцова (Москва, 9–10 ноября 2006). М., 2007. С. 279–291.

Нушич Б. Госпожа министерша. Комедия в 4-х действиях / литературная обработка Е. Бермот. М.: ВУОАП, 1946 (отпечатано на стеклографе). 59 с.

Нушич Б. Избранное. М.: Гослитиздат, 1956. 538 с.; 2-е изд. 1958. 550 с.

Нушич Б. Комедии. М.: Искусство, 1956. 619 с.

Нушич Б. Одноактные комедии и сценки. М.: Искусство, 1959. 75 с.

Нушич Б. Юмористические рассказы. М.: Гослитиздат, 1957. 80 с.

Поэты Югославии. М.: Иностранная литература, 1957. 313 с.

Сербский эпос / сост. Н. И. Кравцов. М.; Л.: Academia, 1933. 652 с.

Стыкалин А. С. Памяти Момчило Богдановича Йешича (1921–2007) // Славяноведение. 2009. № 1. С. 126–127.

Хватов А. И. Бранислав Нушич и русская литература // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1963. С. 207–251.

Шешкен А. Г. Перевод советской литературы в Югославии (1945–1980-е гг.) // Шешкен А. Г. Русская и сербская литературы: штудии по компаративистике. Белград: Белпак, 2017. С. 84–106.

Шешкен А. Г. Российская славистика XX века: судьба науки и судьбы ученых (И. Н. Голенищев-Кутузов и Н. И. Кравцов) // Славяноведение. 2017. № 6. С. 78–89.

Шешкен А. Г. Памяти Галины Яковлевны Ильиной (1930–2018) // Stephanos. 2018. Т. 27. № 1. С. 200–203. DOI: 10.24249/2309-9917-2018-27-1-200-203.

References

Agapkina, T. P. «Tvorchestvo Ivo Andricha v Sovetskom Soiuzе. Nachalo izvestnosti.» *Tvorchestvo Ivo Andricha: Mif, fol'klor, istoriia, literatura: Simpozium k 100-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia: Tezisy i materialy.* Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1992, 112 p.

Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. «*Delo slavistov*»: 30-e gody. Moscow: Nasledie, 1994, 284 p.

Bibliograficheskii ukazatel' proizvedenii Ivo Andricha na russkom iazyke, compl. by R. Doronina i L. Likhacheva. Moscow: Vsesoiuznaia gosudarstvennaia biblioteka inostrannoii literatury, 1974, 125 p.

- Domanovich, R. *Povesti i rasskazy*. Moscow: Goslitizdat, 1956, 409 p.
- Domanovich, R. *Satira i iumor*. Predisl. i prim. M. Bogdanova. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1961, 294 p.
- Domanovich, R. *Stradiia*. Moscow: GIKhL, 1957, 80 p.
- Egorova, L. «O perevodakh i perevodchikakh. Seriia "Mastera khudozhestvennogo perevoda"». *Voprosy literatury*, 2019, no 2, pp. 173–192. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-173-192.
- Golenishchev-Kutuzov, I. N. *Poety Dalmatsii epokhi Vozrozhdeniia XV–XVI vv*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959, 271 p.
- Golenishchev-Kutuzov, I. N. *Slavianskie literatury*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1973, 480 p.
- Khvatov, A. I. «Branislav Nushich i russkaia literatura.» *Iz istorii russskoslavianskikh literaturnykh sviazei XIX v*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963, pp. 207–251.
- Likhacheva, L. P. *Branislav Nushich: Biobibliograficheskii ukazatel'*. Moscow: Vsesoiuznaia gosudarstvennaia biblioteka inostrannoi literatury, 1965, 71 p.
- Morozov, G. I. «Maloizvestnye fakty iz zhizni N. I. Kravtsova.» *Rossiiskaia slavisticheskaia fol'kloristika. Puti razvitiia i issledovatel'skie distsipliny. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 100-letiiu so dnia rozhdeniia prof. N. I. Kravtsova (Moskva, 9–10 noiabria 2006)*. Moscow, 2007, pp. 279–291.
- Nushich, B. *Gospozha ministersha. Komediia v 4-kh deistviakh*. Literaturnaia obrabotka Evg. Bermot. Moscow: VUOAP, 1946 (otpechatano na steklografe), 59 p.
- Nushich, B. *Iumoristicheskie rasskazy*. Moscow: Goslitizdat, 1957, 80 p.
- Nushich, B. *Izbrannoe*. Moscow: Goslitizdat, 1956, 538 p.
- Nushich, B. *Komedii*. Moscow: Iskusstvo, 1956, 619 p.
- Nushich, B. *Odnoaktnye komedii i stsenki*. Moscow: Iskusstvo, 1959, 75 p.
- Poety Iugoslavii*. Moscow: Inostrannaia literatura, 1957, 313 p.
- Serbskii epos*, compl. by N. I. Kravtsov. Moscow; Leningrad: Academia, 1933, 652 p.
- Sheshken, A. G. «Perevod sovetsskoi literatury v Iugoslavii (1945–1980-e gg.)» *Russkaia i serbskaia literatury: shtudii po komparativistike*. Belgrad: Belpak, 2017, pp. 84–106.
- Sheshken, A. G. «Rossiiskaia slavistika XX veka: sud'ba nauki i sud'by uchenykh (I. N. Golenishchev-Kutuzov i N. I. Kravtsov)» *Slavianovedenie*, 2017, no 6, pp. 78–89.
- Sheshken, A. G. «Pamiati Galiny Iakovlevny Il'inoi (1930–2018)» *Stephanos*, 2018, vol. 27, no 1, pp. 200–203. DOI: 10.24249/2309-9917-2018-27-1-200-203.
- Stykalin, A. S. «Pamiati Momchilo Bogdanovicha Ieshicha (1921–2007)» *Slavianovedenie*, 2009, no 1, pp. 126–127.
- Zenkevich, M. «Petr Negosh i ego poëziia.» *Negosh Petr. Gornyi venets. 2nd ed*. Moscow: Goslitizdat, 1955, pp. 5–25.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.18

A. G. Sheshken

Overcoming the Soviet-Yugoslav crisis. The translation of Serbian literature into Russian language during the second half of 1950s

Alla G. Sheshken

Doctor of Letters, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: asheshken@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9346-9814

Citation

Sheshken A. G. Overcoming the Soviet-Yugoslav crisis. The translation of Serbian literature into Russian language during the second half of 1950s // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 359–374 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.18

Received: 02.08.2023.

Revised: 01.09.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

In the history of Yugoslavia, the period of 1948–1953 is called “the times of Information Bureau”, when all the relations between USSR and Yugoslavia were severed, including cultural ones. This inevitably harmed Yugoslavian studies, a discipline which only just began to recover from Stalin’s repressions, which nearly destroyed Slavic studies in the USSR. Only in the second half of the 1950s the relations between the two countries and the cultural and academic ties were established again. An important part of this process was the translation of Serbian literature into Russian. The main works of Serbian classic and modern literature were published (P. Negosh, R. Domanovich, B. Nushich, B. Chopich, D. Chosich). Special attention was given to the works of Ivo Andrich. The translators, authors of prefaces, comments and notes were mainly professional Slavic scholars from the Slavic Languages departments of the Moscow State University and the University of Saint Petersburg (Leningrad back then). The poets M. Zenkevich and I. Golenishev-Kutuzov had significant impact on the development of poetry translation from Serbian into Russian. The “Yugoslavian Poets” anthology, published in 1957, which featured numerous works by Serbian poets, had demonstrated the variety and scope of Serbian poetry.

Keywords

Russian-Serbian literary relations, literary translation, slavic studies, P. Negosh, R. Domanovich, Ivo Andrich, M. Zenkevich, I. Golenishev-Kutuzov.

**«В русле» и «против течения»:
смена идейно-художественных ориентиров
в творчестве Доминика Татарки**

Широкова Людмила Федоровна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Цитирование

Широкова Л. Ф. «В русле» и «против течения»: смена идейно-художественных ориентиров в творчестве Доминика Татарки // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 375–392. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.19

Статья поступила в редакцию 01.09.2023.

Рецензирование завершено 05.09.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Творчество словацкого писателя Доминика Татарки развивалось на протяжении более сорока лет, отражая драматические повороты в судьбах страны и человека. Перу Татарки принадлежат книги разных жанров и направлений. Это экзистенциалистские и сюрреалистические новеллы («В тоске поисков», 1942; «Панна волшебница», 1944), социально-психологический роман («Приходская республика», 1948), где писатель отразил свой личный опыт пережитого в годы войны. В каноне социалистического реализма написаны его романы о воспитании нового человека «Первый и второй удар» (1950), «Радостный день» (1954), «Дружные годы» (1954). Сатирический памфлет «Демон согласия» (1956) свидетельствовал о его разрыве с политическими иллюзиями. В новеллах «Разговоры без конца» (1959) и «Плетеные кресла» (1963) Татарка вернулся к исследованию сложных духовных поисков человека, переосмысляя собственный эмоциональный опыт. С середины 1960-х гг. писатель обращался преимущественно к жанрам публицистики, сосредоточившись на проблемах национального самосознания и культуры.

После событий 1968 г. Татарка был на долгие годы исключен из литературной и общественной жизни. В особой форме эссе с использованием внутреннего монолога, диалога с воображаемым или реальным собеседником, с элементами воспоминаний, политических оценок и эротических переживаний написаны его последние работы «В непогоду» (1978), «Записки» (1984), «Один против ночи» (1984), «Письма в вечность» (1988), «Магнитофонные записи» (1988), «Магнитофонные записи с Домиником Татаркой» (2000), «Записки для возлюбленной Лютеции» (2013).

Ключевые слова

Словацкая литература, художественный метод, роман, автобиографический герой, публицистика.

Долгий творческий путь Доминика Татарки (1913–1989) отразил в основных вехах перипетии развития словацкой литературы с начала 1940-х по конец 1980-х гг. В его романах и новеллах экзистенциальная «тоска поисков» сменялась сюрреализмом; переход от социалистического реализма начала 1950-х гг. к памфлету, обличающему «демона согласия», продолжился затем, в 1960-е гг., возвращением на новом уровне к теме духовности, сложных эмоциональных связей. Д. Татарка на протяжении всей своей творческой жизни отличался большой эмоциональностью, искренней увлеченностью новым в действительности и в литературе, смелостью первопроходца. Эти качества отразились на содержании и поэтике его произведений.

Уже в первых своих произведениях начала 1940-х гг. Татарка обозначил свою особую, самостоятельную гражданскую и писательскую позицию. Она выражалась в обеспокоенности не только окружающей политической реальностью – порядками и атмосферой «военной» Словацкой республики¹, грозившей распадом личности и межличностных отношений. Его не удовлетворяло и состояние словацкой литературы того времени, а именно усиливавшиеся в ней консервативные тенденции.

В критических статьях, опубликованных в это время в литературной периодике, он вступает в полемику как с традиционным «описательным реализмом», так и с вербализмом «лирической прозы»,

¹ Словацкая республика (1939–1945) – государство-сателлит нацистской Германии, президентом которого был католический священник Йозеф Тисо.

связывая возможные перспективы развития с авангардными течениями, в первую очередь – с сюрреализмом².

Наряду с новаторством в поэтике он говорит и о «новых философских, идеологических принципах», призванных по-новому видеть социум и личность, оказавшуюся, по его видению, «в пустоте, одиночестве и страхе лицом к лицу с самим собой и с Богом»³. В сфере художественных средств Татарка видел позитивную тенденцию к более сложному и цельному построению сюжета: «Прозаик в границах собственных средств выражения стремится быть поэтом сюжета. Сюжет для него – первый и самый главный способ поэтизации», основанной на чередовании «видимого и представляемого»⁴.

Эти взгляды отразились и в прозаических произведениях Д. Татарки начала 1940-х гг. – в рассказах сборника «В тоске поисков» (1942) («Двойная сказка», «Человек вдали», «Посол приходит» и др.) и в новелле «Зловоние» (1943), где тема войны и смерти отражена «не реалистически, а остраненно, в сюжете, сконструированном из элементов мотивов и ситуаций реальных и ирреальных, эмпирических и чисто фантазийных, а главное – из переплетения этих двух линий»⁵.

Особенно ярко свои представления о «поэзии сюжета» Татарка воплотил в новелле «Панна Волшебница» (1943). Фабула, прослеживающая движение событий, и далеко отходящий от нее сложно построенный сюжет демонстрируют следование автором своим постулатам. Новелла состоит из цепочки эпизодов реальной жизни и сюрреалистических видений, развернутых диалогов и внутренних монологов персонажей, причем некоторые значимые для сюжета сцены повторяются в разных ракурсах и стилистике.

Авторской идее подчинена и трактовка характера центральной героини новеллы – таинственной незнакомки Анабеллы. Войдя в круг молодых столичных интеллектуалов, она, названная ими

2 На мировосприятие Татарки оказали большое влияние годы, проведенные в Праге во время его учебы в Карловом университете, а затем стажировка в Париже, прервавшаяся с началом войны. Круг общения и литературные увлечения (французская поэзия, В. Незвал) сблизили его с сюрреализмом; он тесно общался со словацкими надреалистами (Р. Фабры, Ш. Жары, В. Рейсел и др.), разделяя их художественные вкусы и устремления.

3 *Tatarka D. Proti démonom*. Bratislava, 1968. S. 5.

4 *Ibid.* S. 12.

5 *Šmatlák S. Dejiny slovenskej literatúry*. Bratislava, 1988. S. 26.

панной Волшебницей, становится музой и вдохновительницей каждого из них, призывая к действию, к творческой активности: «Анабелла, Панна Волшебница! Анабелла, рассказывая им о поэтах золотого века, с которыми прежде общалась, шепотом заклинала их: “Активность!” [...] “Мы призваны создать новый мир поэзии, начать новый ее век!”»⁶. Лишь пунктирно, в скупых реалистических деталях автор обрисовывает реальные черты Анабеллы. Два уровня повествования – реальный и фантастический, события и их зеркальные отражения – дают в своем пересечении дополнительные смыслы и разноплановым фигурам персонажей, и самой истории о музе, вдохновении, творчестве и свободе.

Созвучие сюрреализму, стремление выйти за пределы будничного, неудовлетворенность несовершенством реальности выразились не только в прозаических произведениях Татарки, но и в его литературно-критических и публицистических работах⁷.

В первом послевоенном романе «Приходская республика»⁸ (1948) Д. Татарка отразил свой новый личный и исторический опыт, пережитое в годы существования Словацкой республики, а затем – и во время антифашистского Словацкого национального восстания 1944 г., непосредственным участником которого он был. Многие связанные с этим опытом автобиографические мотивы, сцены и образы повторяются и в других произведениях писателя как маркеры его особого художественного видения мира.

Роман в реалистической манере повествует о жизни словацкого общества, представителей разных социальных слоев, и прежде всего – интеллигенции в условиях относительно благополучного

6 *Tatarka D. Panna zázračnica*. Bratislava, 2009. S. 51.

7 Об этом см.: *Součková M. Podoby postav v Tatarkových medzivojnových prózach* // Bílik R., Zajac P. (eds.). *Texty Dominika Tatarku*. Bratislava, 2014. S. 61–71; *Богданов Ю. В. Раннее творчество Д. Татарки в контексте словацкой прозы о войне и Восстании* // *Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война. Центральная и Юго-Восточная Европа*. М., 2007. С. 198–209; *Широкова Л. Ф. «Поэт сюжета» Доминик Татарка (1940-е годы)* // *Сражения и связи в программах и практике славянского литературного авангарда* / отв. ред. Л. Н. Будагова. М., 2018. С. 277–288.

8 Под названием «Республика попов» роман был издан в 1966 г. в СССР в переводе Н. Аросевой с предисловием Ю. В. Богданова. Однако впоследствии сам Ю. В. Богданов предпочел использовать в своих работах название «Приходская республика» как более точное.

существования мирной «католической резервации» накануне и в начале войны. Автор размышляет о самоощущении нации в это время: «“Что такое мы, маленькие словаки, в этой войне?” – это чувство было общим и трагическим. Так простой народ, который никогда не имел ни веса, ни решающего слова, даже когда шла речь о его судьбе, определял положение своей маленькой нации в Центральной Европе»⁹.

Главный герой романа, молодой учитель-словесник Томаш Менкина, наделен автором рядом автобиографических черт, главные из которых – бунтарский характер, непримиримость к идеологическому диктату властей, засилью католической церкви, к двуличию и приспособленчеству людей, с которыми он сталкивается, и в то же время – внутренняя растерянность и неудовлетворенность, попытки изменить и свою жизнь, и окружающий мир. Даже вспыхнувшую в нем любовь к юной коллеге, строгой и чистой Дарине, он подвергает скептической оценке: «Дарина была ему очень мила, он любил ее, но мучился от подозрений, что влюбился в нее, лютеранку, по политическим причинам»¹⁰. Внутренний протест Томаша проявляется сначала в чувстве «отравленности», «отвращения ко всем формам ханжества, в сфере чувств, морали и политики»¹¹, а потом и в жгучей ненависти, в желании взорвать «старое общество». На этой почве он сближается с местными партийцами и проникается идеями коммунизма: «Ненавижу. Коммунисты ненавидят так же, как и я. Но они все-таки освобождаются из тесных границ тюремных камер, своей замурованной страны [...]. Из Братиславы до Москвы простирается самая длинная автострада, прямая как луч»¹². Действие романа завершается объявлением войны СССР (в которой Словакия выступила на стороне Германии), и молодой герой-коммунист, призванный в армию, с готовностью «принимает бой» и определяет свое место в историческом противоборстве: «Он, Томаш Менкина, так называемый гнилой интеллигент, до последнего вдоха будет с теми, кто на стороне Союза, русских»¹³.

Герой романа повторил путь самого Татарки, преподавателя гимназии в г. Мартин, вступившего в компартию и ушедшего в партизанский отряд во время Словацкого национального восстания.

9 *Tatarka D.* Farská republika. Martin, 1951. S. 24.

10 *Ibid.* S. 134.

11 *Hamada M.* Ešte s vami pobudnúť. Spomínanie na Dominika Tatarku. Bratislava, 1994. S. 75.

12 *Tatarka D.* Farská republika. S. 206.

13 *Ibid.* S. 250.

Коммунистические идеалы, революционная романтика, активная борьба за новое были на определенном этапе близки писателю. (До тех пор, пока они не сковывали его свободу и страсть к многообразию жизни, потребность в индивидуальном, личностном проявлении.) Из партии Татарка вышел в 1969 г., после разгрома Пражской весны.)

На волне поиска новых, общественно-значимых путей в литературе конца 1940-х – начала 1950-х гг. он, наряду со многими писателями, приобщился к практической работе в рамках социалистического реализма, нацеленного на формирование человека нового общества. В канон словацкого соцреализма вошли его романы с говорящими названиями «Первый и второй удар» (1950), «Радостный день» (1954), «Дружные годы» (1954).

Время действия романа «Первый и второй удар» – с середины войны («На Восточном фронте русские еще не выиграли решающие сражения под Москвой и Сталинградом, и никто не мог предполагать, как эта война закончится»¹⁴) до первых послевоенных лет с разрухой и строительным энтузиазмом, восстановлением мостов, железных дорог и фабрик. На примере главного героя, Штефана Рептиша, показана «перековка» характера – трансформация забитого батрака-недотепы сначала в сознательного солдата, который «на Украине стал другим человеком, у него открылись глаза»¹⁵, затем – в партизана, командира отряда, сражавшегося в словацких горах (Восстание трактуется как «первый удар» по старому миру), а в ходе восстановления народного хозяйства («второй удар») он становится бригадиром ударников-мостостроителей. «Организацию нового общества он понимал как солдат. Ему не хотелось ничего другого, как продолжать жить дружно со своим отрядом»¹⁶. В романе присутствуют неперенные атрибуты социалистического реализма: народность и типичность (показаны массы и типы разных социальных слоев деревни, представителей рабочего класса), партийность (в судьбе главного героя важную роль играют словацкие коммунисты и, особенно, советский комиссар партизанского отряда Жилко), жизнеподобие / «конкретность» (героизм партизан, сцены сельской жизни, бытовые зарисовки), революционный оптимизм (благодаря кооперации решаются проблемы в деревне; строители успешно и досрочно завершают возведение мостов) и др.

14 *Tatarka D. Prvý a druhý úder*. Bratislava, 1954. S. 5.

15 *Ibid.* S. 9.

16 *Ibid.* S. 170.

Если в «Первом и втором ударе» характерные для книг Татарки личные, автобиографические мотивы еще проявлялись в сценах партизанских боев, то в двух других романах они практически отсутствуют. Герои лишены внутренней индивидуальности, типизированы, по характеристикам приближены к фольклорным типам; при этом усиливается тема коллективизма, общности, общения в коллективе, которая, видоизменившись, трансформируется потом у Татарки в идею «Божьей общины».

Роман «Радостный день» – образец соцреализма в почти шаблонном виде. При этом Татарка воплотил здесь свое личное, основанное на опыте детства и юности знание деревни и сочного народного языка, продолжил развивать тему коллективной сплоченности, «дружности». Однако в романе все же преобладает подчиненность требуемой «исторической правде», а не правде художественной. Писатель иллюстрирует актуальную для той поры тему – кооперативного движения, социалистического преобразования села, формирования нового сознания человека будущего – на примере небольшой деревни Вьески. Персонажи романа – также «типичные представители»: это полупролетарии, которые работают на заводе, шахте, в кузнице, а живут и ведут частное хозяйство на селе. Но есть здесь кулаки и вредитель-диверсант, связанный с заграницей. Им противостоят и разоблачивший врага сотрудник госбезопасности, и присланный из центра «красный комиссар», агитатор и организатор кооператива, и преданный партии председатель партячейки – «образец коммуниста, который ничего для себя не хочет и ничего не имеет. [...] Честного, хоть и битого жизнью коммуниста»¹⁷. Нерешительные середняки и робкие бедняки-батраки до последних сцен романа не могут решиться на вступление в кооператив, на отказ от своей земли и нажитого добра, на суд над кулаками-мироедами. «Агитаторы полдня уговаривали хозяев, радио из машины играло веселые песни. [...] И приедут еще! Если уж коммунисты чего решили, они так просто не сдадутся»¹⁸. Рождение первенца в молодой семье, которого все ждут, чтобы отметить событие общим праздничным пирогом, «Радостником», сообразуется с рождением сельхозкооператива в Вьеске: «Большое дело случилось: младший Клино появился на свет [...], а еще мы собрали вторую бригаду для жатвы, да и другие граждане уже записались в кооператив»¹⁹.

17 *Tatarka D. Radostník. Bratislava, 1954. S. 127.*

18 *Ibid. S. 133.*

19 *Ibid. S. 225.*

Роман заканчивается общей радостью, единением положительных героев и наказанием отрицательных.

В том же 1954 г. Татарка опубликовал еще один роман на тему перековки человека традиционных сельских устоев в строителя нового общества. Новое приходит в деревню с партийными инструкторами и агитаторами, хотя и не всегда встречается с пониманием сельчан: «По десять, а то и по двадцать агитаторов приезжало. [...] Одни за кооперативы агитировали, другие на стройки и на фабрики вербовали»²⁰. И на протяжении действия романа обе эти цели агитаторов реализуются: в деревне, несмотря на сомнения и порой сопротивление крестьян, образуется сельхозкооператив, а молодые сознательные сельчане становятся рабочими и включаются в созидательную работу. Однако «Дружные годы» – это повествование не только о труде и перспективах светлого будущего, но и о роли любви, о стремлении к личному счастью в условиях коллективного воодушевления. Основная любовная интрига в романе – противоборство между сельским парнем, кузнецом Яном Грешчо и передовым пролетарием, молодым шахтером Дюро Окаником за симпатии красавицы Маринки, дочери зажиточного крестьянина. Дюро первым отправляется на ударную стойку – прокладку железнодорожного туннеля, который должен связать Чехословакию с СССР, и Ян следует за ним, чтобы на деле доказать сопернику и девушке свою силу, отвагу и мастерство. Но на строительстве, в общем ударном труде вражда переходит в товарищескую взаимопомощь и дружбу, а Ян добивается в финале заслуженной любви Маринки. Кроме сюжетной любовной завязки, в романе присутствуют и мотивы эмоционального взлета, стихийной радости в фантазмагорических сценах молодежного веселья: «Девушки и парни в синих блузах [...] лились рекой на площадь. [...] Заливались сотни гармошек. Рукоплесканья, гуденье толпы. Вверх взметнулась тысяча рук, тысяча голосов»²¹; «Так и крутится пестрый хоровод, горячие взгляды, девичьи веночки, цветные юбки, в глазах рябит. [...] Всеохватная любовь, веселая, тоскливая, шалая, гордая – звучит множеством голосов»²².

Надо отметить, что в этом романе, при всей идеологической заданности, сознательной или вынужденной для писателя-коммуниста, присутствуют две константы, характерные для творчества Татарки в целом, хотя и в разных вариациях на разных его этапах: общность

20 *Tatarka D. Družné letá*. Bratislava, 1954. S. 32.

21 *Ibid.* S. 131.

22 *Ibid.* S. 191.

(общение людей, понимание, единение, община) и любовь (эротика, слияние с другим, познание себя через партнера).

Период «схематизма» в словацкой литературе был недолгим, к 1956 г. уже начался пересмотр жестких ограничительных требований к содержанию, тематике и поэтике произведений. Однако общие принципы социалистического реализма как главного и единственного художественного метода сохранялись, закрепляясь на официальном уровне на партийных съездах и писательских форумах.

Ю. В. Богданов, говоря о состоянии словацкого общества в 1950-е гг., отмечал присутствие в нем искреннего воодушевления: «...сохранялась атмосфера надежд на [...] осуществление провозглашенных социалистических идеалов. Литература не избежала этих иллюзий. [...] Через полосу самогипноза прошли не только дебютанты, но и вполне сформировавшиеся художники». И ссылается на слова Татарки из его публикации в журнале «Културны живот» (Культурная жизнь) за 1959 г., когда так называемая литература схематизма уже подвергалась критике: «Представьте себе, сколько святой (или наивной) веры требовалось для того, чтобы писатель, отмеченный скептическим прошлым, решил написать производственный роман. – Его должна была нести волна эпохи, волна всеобщего эмоционального подъема»²³.

Свидетельством горького разочарования Татарки в декларированных идеалах нового общества и своего рода покаянием за содействие политизации литературы стало эссе «Демон согласия», опубликованное в 1956 г. в нескольких номерах журнала «Културны живот» (в 1963 г. вышло его книжное издание, дополненное эссе «О правителе Фигуре»). «Демон согласия» с подзаголовком «Фантастический трактат из конца одной эпохи» соединил в себе форму и пафос политического памфлета и автобиографической новеллы с элементами фантазмагии; Татарка выразил в нем протест и одновременно раскаяние «“обманутого поколения”, которое своим согласием, верой, а потом страхом и конформизмом поддерживало тоталитарную власть»²⁴. Первая фраза содержит в себе и прямой, и метафорический смысл: «Я потерпел крушение»²⁵. Далее следует повествование-исповедь

23 Богданов Ю. В. Словацкая литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Том первый. 1945–1960 гг. М., 1995. С. 267.

24 Londák M., Sikora S., Londáková E. Predjarie. Politický, ekonomický a kultúrny vývoj na Slovensku v rokoch 1960–1967. Bratislava, 2002. S. 269.

25 Tatarka D. Démon súhlasu. Bratislava, 1969. S. 9.

от лица «бывшего ранее писателем» Бартоломея Болераза, который в компании начальника, «генерала от литературы» Матая разбивается на вертолете, направляясь на пленум писателей в столицу, и его «череп, наконец, открылся», срезанный папкой с докладами. Мозги Болераза и Матая перемешались, и Болераз, испытав шок от чужого мозга, «воскрес». «Я одно думаю мозгом, а другое чувствую остатком тела». Он вспоминает, как каялся после критики «на публичной казни», пытаясь «не расщепиться на человека частного и публичного, зная, что такое расщепление ведет к сумасшествию»²⁶.

В проекте постановления писательского съезда, который был в роковой папке, на государственные премии выдвигались три произведения новой литературной продукции с характерными для «литературы схематизма» названиями – роман «Железная долина», пьеса «Колокола радости» и поэма «Триста процентов счастья», в чем заключался прямой намек и на собственные произведения Татарки.

Соглашательство, приспособленчество, в том числе свое собственное, автор-повествователь считает и следствием всеобщего страха, и одновременно – причиной ошибок и неблагоприятных поступков: «Многие наши современники думают, как и я сейчас, после смерти, чужим мозгом»; «Такими мы были: говорили совсем не то, что думали, успокаивая сами себя, не отвечая на вопросы»; «Я должен был одобрять и соглашаться, поскольку был членом одобряющего, соглашающегося органа, локомотива, который должен плавно ехать по накатанным рельсам согласия»²⁷. После подробного пародийно-сатирического описания заседания писательского пленума во главе с партийным «главным маршалом нашего оружия»²⁸, закулисных интриг и прямых нападок на писателя его беспринципных коллег Татарка, сливаясь со своим героем в прямом публицистическом высказывании, формулирует главный вывод: «Правдой для нашего общества не может быть то, что нас убивает, злит и душит, что загоняет нас в одиночество и в сумасшедший дом [...]. Правдой может быть лишь то, что дает рост и развитие нашей человеческой природе»²⁹.

В дальнейшем своем творчестве, стремясь следовать представлению о правде, в котором он утвердился во второй половине 1950-х гг., Татарка вернулся к «частному» человеку, драматическим моментам его

26 Ibid. S. 9–10.

27 Ibid. S. 11.

28 Ibid. S. 7.

29 Ibid. S. 85.

судеб, сложным духовным поискам. Вместо обобщенных, почти обезличенных персонажей «производственных» романов в его произведениях действуют теперь живые, близкие и интересные автору герои, отчетливо звучат автобиографические мотивы – учеба во Франции, сцены из партизанской жизни, журналистская работа после войны. Часто встречаются значимые для него женские фигуры и образы, прототипами которых служили его близкие³⁰ – мать, сестры, жена.

В двух новеллах книги «Разговоры без конца» (1959) Татарка по-новому представил важную для него тему общности близких людей, духовного общения, «разговора по душам» – не только сближающего, но и целительного для собеседников. В первой новелле, «Петушок в агонии», разговор-исповедь с братом, только что вернувшимся с войны, помогает сестре выплеснуть наружу затаенную боль, горе от гибели сына-подростка, которого расстреляли немцы с группой заложников-односельчан. Мать винит во всем себя: она удержала его дома, не позволив мальчику бежать из деревни со взрослыми мужчинами – те спаслись, а он погиб. Сына, невинную жертву, она невольно ассоциирует с любимым бойким петушком, которого нужно зарезать, чтобы приготовить брату ужин. Повествование ведется в форме диалога двух персонажей и развернутых монологов – подробного рассказа сестры о трагической истории ее сына и внутреннего монолога брата, вспоминающего переломный эпизод собственной жизни, когда он благодаря случаю спасся от расстрела с захваченной немцами группой партизан (факт биографии Татарки, отраженный во многих его произведениях). Близость родственных душ подчеркивают повторяющиеся слова «мы», «двое», «вместе» и частое использование форм первого лица множественного числа: «Мы двое, вместе. Моя сестра и я, я и мой брат. Давно, всю жизнь, мы знаем друг друга [...]. Когда мы вот так, вместе, разное нам приходит на ум, даже то, о чем мы давно забыли»³¹; «Недаром они от одной матери, он знает ее, сколько себя помнит, может угадывать движение ее мысли»³². В мрачном забытии, куда брат и сестра погрузились в своих трагических воспоминаниях, они словно затерялись, но благодаря взаимной поддержке выходят из оцепенения и возвращаются к жизни:

30 Татарка рос без отца, погибшего на фронте в Первую мировую войну, в окружении матери и семи сестер, с этим во многом связано его понимание женской психологии, интерес к женским персонажам.

31 *Tatarka D. Rozhovory bez konca*. Bratislava, 1959. S. 30.

32 *Ibid.* S. 51.

«С состраданием они видят и находят друг друга [...] и начинают выплывать из той тьмы, в которой встретились»³³. Для их духовного разговора не нужно слов: «Он слушает, все еще слушает, как она молчит, как она лежит рядом с ним, без сил, как избитая»³⁴. В финале звучат слова о счастье и потребности в общении: «Как чудесно слушать вот так того, кого мы любим»³⁵.

Вторая новелла, «Побыть еще с вами», – это драматическая история постаревшей матери, которая, предчувствуя близкую смерть, приехала в столицу из дальней деревни навестить сына и его семью. Эти события происходят позднее, через несколько лет после войны, а ее герой-повествователь (от третьего лица) – уже другой человек, но также наделенный автобиографическими чертами самого Татарки (партизанское прошлое, редакторская работа в газете и др.). Встреча происходит неожиданно: герой волнуется о больной матери и, вернувшись с работы, вдруг видит на крыльце своего дома «маленькую тень, мягкую, черную, словно из пуха. [...] Сгорбленная фигурка глядит перед собой в пространство, все смотрит и ждет, все кого-то дожидается, зовет своим тоскливым взглядом, будоражит его память до самого дна»³⁶. Мать, которая всегда была для героя опорой, «каменной стеной», становится теперь и посредником с миром мертвых, с его родившимся во время Восстания и вскоре умершим ребенком (Мальчиком), и строгой, взыскательной исповедницей, которая в «разговорах без конца» с сыном пытается понять его душевное состояние, наладить близкие отношения в семье, где царит разлад и отчуждение: «В этом доме они, то есть жена, дети и он, вечером сходятся, или, точнее, собираются. [...] Они здесь и не живут, а живут где-то в других местах. А здесь только ночуют»³⁷. Когда огорченная мать соглашается остаться в их доме, то каждый понимает это по-своему. Сын радуется, что больная мать будет жить в городе, под его присмотром, а мать думает уже о своем посмертном существовании: «Я буду сторожить ваш дом. Ваш Мальчик и я будем здесь сидеть. Грустно нам не будет. Будем разговаривать и думать о вас»³⁸. И с одной только матерью, даже после ее смерти, будет вести герой постоянный духовный разговор:

33 Ibid. S. 60.

34 Ibid. S. 86.

35 Ibid. S. 97.

36 Ibid. S. 101.

37 Ibid. S. 100.

38 Ibid. S. 115.

«Мама моя, вы – голос моей совести, мое человеческое чувство, с вами я никогда не перестану вот так беседовать в своей душе»³⁹.

В следующей книге, новелле «Плетеные кресла» (1963), Татарка возвращается к одному из самых ярких и ностальгических впечатлений своей молодости – поездке во Францию, где он был в 1938–1939 гг. на студенческой стажировке в Сорбонне. В центре повествования – вспыхнувшая любовь автобиографического героя Бартоломея Слзички и студентки-француженки Даниэлы. Люди из разных миров, они постепенно узнавали друг друга и сближались во время долгих прогулок по улицам Парижа и разговоров в уличных кафе за столиками с плетеными креслами. Некоторые детали сюжета напоминают другое произведение Татарки, новеллу «Панна волшебница». Герой, подобно Тристану, также входит в круг своего рода «рыцарей», студентов и интеллектуалов из разных стран, постояльцев домашнего пансиона. В этой компании присутствуют три музы-вдохновительницы, из которых каждый вновь прибывший должен выбрать свою «прекрасную даму». Помимо этого узкого круга приятелей, молодой герой общается в Париже со многими людьми, обретает настоящих друзей – и французов, и соотечественников-эмигрантов, – которые сочувствуют и помогают ему, «гражданину несчастной страны никого»⁴⁰, прибывшему из только что распавшейся Чехословакии.

Композиционное обрамление новеллы – беседа ставшего уже маститым литератором Слзички с коллегой-писательницей Ярмилой во время отдыха на польском курорте: он рассказывает собеседнице свою «историю большой любви, которая не заканчивается ни взаимным разочарованием, ни пресыщением, ни супружеством»⁴¹. Это любовь почти платоническая, «замершая»: «Мы застыли словно на мертвой точке, дыша своим сегодняшним днем»⁴². Итогом той давней истории стало эмоциональное взросление героя, способность более глубоко чувствовать и понимать другого: «У меня остался от нее внимательный взгляд на женщин. Осталась пустота, давно уже зажившаяся»⁴³.

Эта книга стала последним художественным произведением Татарки, с выстроенным сюжетом, фабульной линией и системой

39 Ibid. S. 193.

40 *Tatarka D. Prútené kreslá*. Bratislava, 2009. S. 30.

41 Ibid. S. 7.

42 Ibid. S. 58.

43 Ibid. S. 124.

персонажей. В дальнейшем, до конца 1960-х гг., писатель обращался преимущественно к жанрам публицистики, сосредоточившись на проблемах национального самосознания и культуры.

Его своеобразная концепция культуры как объединяющей силы, основы существования нации изложена в ряде статей и эссе («Культура как общение», «Сознание культуры», «Разговоры о культуре», «О культуре и власти», «Писатель и общество» и др.), опубликованных во второй половине 1960-х гг. на страницах журнала «Культурны живот», ставшего флагом тогдашней либерально-демократической печати⁴⁴. Татарка считал важным понимание «культуры как общения, как словесного и материального выражения отношения человека к человеку, нации к нации», «взаимного уважения в духе свободы и правды, осознания нашей общей судьбы»⁴⁵. Одновременно писатель обратился к идее общества как «Божьей общины», в которой развил свою концепцию культуры как фактора, сплачивающего людей и народы. В его понимании «Божья община» – не христианская утопия, а существующая реальность групп людей, объединенных общей идеей, общим интересом, бескорыстной помощью ближнему.

Исторический рубеж 1968 г. стал водоразделом в судьбе писателя. Он принимал активное участие в манифестациях на улицах Братиславы, в знак протеста вышел из коммунистической партии, за что был на долгие годы исключен из литературной и общественной жизни, лишен членства в Союзе писателей и до конца жизни не мог публиковать свои произведения в официальной печати. Позднее он первым из немногих словацких писателей поставил свою подпись под «Хартией 77»⁴⁶, после чего репрессии против него еще более усилились. Утрата возможности активного самовыражения стала одной из причин изменения и его творческого стиля. Написанное в эти годы тяготеет к своеобразному жанру внутреннего монолога или диалога с воображаемым или реальным собеседником, с элементами воспоминаний о ярких моментах жизни, саркастических высказываний в адрес

44 Подробнее см.: Широкова Л. Ф. «Культура как общение». Концепция развития общества в творчестве Д. Татарки // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX века. М., 2014. С. 681–690.

45 *Tatarka D. Kultúra ako obcovanie*. Bratislava, 1996. S. 70.

46 «Хартия-77» – программный документ чехословацких диссидентов, опубликованный в 1977 г., под которым поставили свои подписи около 800 человек.

недругов, эмоциональных обращений к близким, эротических переживаний. Эти страницы вошли затем в книги «В непогоду» (1978), «Записки» (1984), «Один против ночи» (1984), «Письма в вечность» (1988), «Магнитофонные записи» (1988), «Магнитофонные записи с Домиником Татаркой» (2000), «Записки для возлюбленной Лютеции» (2013). Часть работ, созданных в 1970–1980-е гг., Татарке удалось опубликовать в самиздате или в чешских эмигрантских издательствах; многие вышли в Словакии уже после его смерти.

Несмотря на то, что характер творчества Д. Татарки весьма существенно менялся, пройденный в начале 1940-х гг. этап поиска «нового лица» и новой поэтики оставил в нем заметный след, во многом определив его творческую индивидуальность, поддерживая его постоянный спор со старым непродуктивным и стремление к эстетическому созиданию. В своем литературном творчестве он прошел этапы, различные по идейному содержанию и стилистике, но в совокупности его произведения представляют цельную картину интеллектуальных поисков словацкого писателя в XX веке.

Источники и литература

Богданов Ю. В. Раннее творчество Д. Татарки в контексте словацкой прозы о войне и Восстании // Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война. Центральная и Юго-Восточная Европа. М.: Наука, 2007. С. 198–209.

Богданов Ю. В. Словацкая литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Том первый. 1945–1960 гг. М.: Индрик, 1995. С. 232–287.

Широкова Л. Ф. «Культура как общение». Концепция развития общества в творчестве Д. Татарки // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е гг. XX века. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 681–690.

Широкова Л. Ф. «Поэт сюжета» Доминик Татарка (1940-е годы) // Сражения и связи в программах и практике славянского литературного авангарда / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 277–288.

Hamada M. Ešte s vami pobudnúť. Spomínanie na Dominika Tatarku. Bratislava: Tvrdá väzba / Hardback, 1994. 144 s.

Londák M., Sikora S., Londáková E. Predjarie. Politický, ekonomický a kultúrny vývoj na Slovensku v rokoch 1960–1967. Bratislava: VEDA, 2002. 392 s.

Součková M. Podoby postav v Tatarkových medzivojnových prózach // Bílik R., Zajac P. (eds.). *Texty Dominika Tatarku*. Bratislava: VEDA, 2014. S. 61–71.

Šmatlák S. *Dejiny slovenskej literatúry*. Bratislava: Tatran, 1988. 623 s.

Tatarka D. *Démon súhlasu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1969. 94 s.

Tatarka D. *Družné letá*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1954. 200 s.

Tatarka D. *Farská republika*. Martin: Matica slovenská, 1951. 260 s.

Tatarka D. *Kultúra ako obcovanie*. Bratislava: Nadácia Milana Šimečku: Nadácia Médiá, 1996. 327 s.

Tatarka D. *Panna zázračnica*. Bratislava: Artforum, 2009. 92 s.

Tatarka D. *Proti démonom*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1968. 479 s.

Tatarka D. *Prútené kreslá*. Bratislava: Artforum, 2009. 125 s.

Tatarka D. *Prvý a druhý úder*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1954. 234 s.

Tatarka D. *Radostník*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1954. 227 s.

Tatarka D. *Rozhovory bez konca*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1959. 212 s.

References

Bogdanov, Iu. V. «Ranee tvorcestvo D. Tatarki v kontekste slovatskoj prozy o voine i Vosstanii.» *Opyt istorii – opyt literatury. Vtoraia mirovaia voina. Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa*. Moscow: Nauka, 2007, pp. 198–209.

Bogdanov, Iu. V. «Slovatskaia literatura.» *Istoriia literatur Vostochnoi Evropy posle Vtoroi mirovoi voiny*. Vol. 1. 1945–1960 gg. Moscow: Indrik, 1995, pp. 232–287.

Hamada, M. *Ešte s vami pobudnúť. Spomínanie na Dominika Tatarku*. Bratislava: Tvrdá väzba / Hardback, 1994, 144 p.

Londák, M., Sikora, S., Londáková, E. *Predjarie. Politický, ekonomický a kultúrny vývoj na Slovensku v rokoch 1960–1967*. Bratislava: VEDA, 2002, 392 p.

Shirokova, L. F. «“Kul'tura kak obshchenie”. Kontsepsiia razvitiia obshchestva v tvorchestve D. Tatarki» *Inakomyslie v usloviiakh «real'nogo sotsializma». Poiski novoï gosudarstvennosti. Konets 60-kh – 80-e gg. XX veka*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, pp. 681–690.

Shirokova, L. F. «“Poet siuzheta” Dominik Tatarka (1940-e gody).» *Srazheniia i sviazi v programmakh i praktike slavianskogo literaturnogo avangarda*, ed. by L. N. Budagova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 277–288.

Šmatlák, S. *Dejiny slovenskej literatúry*. Bratislava: Tatran, 1988, 623 p.

Součková, M. «Podoby postav v Tatarkových medzivojnových prózach.» *Texty Dominika Tatarku*, ed. by R. Bílik, P. Zajac. Bratislava: VEDA, 2014, pp. 61–71.

Tatarka, D. *Démon súhlasu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1969, 94 p.

- Tatarka, D. *Družné letá*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1954, 200 p.
Tatarka, D. *Farská republika*. Martin: Matica slovenská, 1951, 260 p.
Tatarka D. *Kultúra ako obcovanie*. Bratislava: Nadácia Milana Šimečku, Nadácia Médiá, 1996, 327 p.
Tatarka, D. *Panna zázračnica*. Bratislava: Artforum, 2009, 92 p.
Tatarka, D. *Proti démonom*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1968, 479 p.
Tatarka, D. *Prútené kreslá*. Bratislava: Artforum, 2009, 125 p.
Tatarka, D. *Prvý a druhý úder*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1954, 234 p.
Tatarka, D. *Radostník*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1954, 227 p.
Tatarka, D. *Rozhovory bez konca*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1959, 212 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.19

L. F. Shirokova

“In Line with” and “Against the Current”: Changes in Ideological and Artistic Focus in Dominik Tatarka’s Works

Liudmila F. Shirokova

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Citation

Shirokova L. F. “In Line with” and “Against the Current”: Changes in Ideological and Artistic Focus in Dominik Tatarka’s Works // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 375–392 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.19

Received: 01.09.2023.

Revised: 05.09.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The Slovak writer Dominik Tatarka has been working for more than forty years, and his writings fully reflect the dramatic shifts both in his personal life and that of the country as a whole. Tatarka has written in many genres. He started with existentialist and surrealist novellas (“The gloom of searching”, 1942; “The lady enchantress”, 1944), moving on to a socio-psychological novel (“The parish republic”, 1948), which reflect-

ed the author's own experience during the war. His novels on the formation of the new man were written according to the canons of socialist realism ("The first and second strikes" (1950), "The day of joy" (1954), "The friendship years" (1954)). The 1956 satirical pamphlet "The demon of agreement" clearly showed the author's political disillusionment. In the "Endless conversations" (1959) and "Wicker chairs" (1963) novellas, Tatarka returned to the examination of complex spiritual issues, reexamining his personal emotional experience. From mid-1960s onwards the writer mostly wrote non-fiction works, focusing on the issues of national identity and culture. After the events of 1968, Tatarka was excluded from public and intellectual life. His later works, "Bad Weather" (1978), "Notes" (1984), "One against the night" (1984), "Letters to eternity" (1988), "Records with Dominic Tatarka" (2000), "Letters to beloved Lutetia" (2013) were written as essays, employing inner monologue, dialogues with imaginary or real characters, reminiscences, political reflections and erotic sensations.

Keywords

Slovak literature, artistic method, novel, autobiographical hero, journalism.

**Между поэтикой и теологией:
о книге Чеслава Милоша «Второе пространство»**

Мальцев Леонид Алексеевич
Доктор филологических наук, профессор
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
236041, ул. Александра Невского, д. 14, Калининград,
Российская Федерация
E-mail: lamaltsev23@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9137-0004

Либина Ирина Александровна
Студент
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
236041, ул. Александра Невского, д. 14, Калининград,
Российская Федерация
E-mail: falsh746@mail.ru
ORCID: 0009-0008-8276-8211

Цитирование

Мальцев Л. А., Либина И. А. Между поэтикой и теологией: о книге Чеслава Милоша «Второе пространство» // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 393–409. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.20

Статья поступила в редакцию 11.07.2023.

Рецензирование завершено 11.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Анализируется художественное устройство книги Чеслава Милоша «Второе пространство» в контексте религиозно-философского мировоззрения поэта. Утверждается, что диалектика «первого» и «второго пространства» раскрывается в книге с помощью особого «языка» аналогий между духовным и телесным, небесным и земным, мужским и женским началом, в связи с чем концептуальное значение для мировоззренческого контекста анализируемой книги имеет учение Сведенборга и идеи Оскара Милоша. Образ «первого пространства» проявляется в поэзии Милоша через совокупность ритуалов и предметных реалий. Концепция «второго пространства» связана с феноменом света, и этим вызвано обращение автора книги к гипотезе

о возникновении вселенной через вспышку, высказанной О. Милошем. В восприятии Милоша образ «второго пространства» не является чисто умозрительным, он имеет отношение к сенсорике. Диалектика аналогий между земным и небесным раскрывается у Милоша через поэтику эпифаний, понятий как «привилегированные мгновения» и предназначенных для постижения «эссенциальной действительности». С концептами «первого» и «второго пространства», с поэтикой эпифаний связаны жанровые элементы молитвы. Однако стихотворения-«молитвы» Милоша нередко становятся манифестацией противоречивости поэта, в сознании которого тезис о необходимости «второго пространства» сталкивается с сомнением в его реальности.

Ключевые слова

Аналогия, символ, сенсорная образность, эпифания, молитва, Чеслав Милош, «Второе пространство», Оскар Милош, Сведенборг, Мицкевич, Бёме, литература Польши.

Поэтическая книга Чеслава Милоша «Второе пространство» («*Druga przestrzeń*», 2002) является последним изданным при жизни произведением поэта, его творческим завещанием, в котором ведущую роль играют проблемы метафизики и теологии. Это единственное завершённое произведение Милоша, написанное в XXI в., что не могло не отразиться на технике создания книги. По свидетельству Ежи Иллга, «интересным *novum*, оказывающим влияние на работу Милоша над текстом, [...] был факт того, что возрастной писатель овладел компьютером, на котором были написаны его произведения последних лет»¹. В связи с этим титульный авторский концепт «второе пространство», помимо поэтологического и теологического наполнения, получает парадоксальные коннотации, связывающие художественный мир Милоша с современным технологическим пространством. Так, размышляя над Божественной сущностью, Милош гипотезирует: «Не есть ли [Бог. – Л. А., И. Л.] огромный компьютер, в котором размещается их [человеческих фантазий. – Л. А., И. Л.] безграничное множество?» (М 5: 196)².

¹ *Illg J.* Nota wydawcy // Miłosz Cz. Wiersze: W 5 t. Kraków, 2009. T. 5. S. 414. Перевод с польского здесь и далее – Л. М., И. Л.

² М 1–5 – Miłosz Cz. Dzieła zebrane. Wiersze: W 5 t. Kraków, 2002–2009.

Книга «Второе пространство» складывается из четырех циклов: первый является безымянным, второй, третий и четвертый имеют отдельные названия: «Książd Seweryn» («Ксендз Северин»), «Traktat teologiczny» («Теологический трактат»), «Czeladnik» («Подмастерье»). Стихотворения второго, третьего и четвертого циклов имеют отдельную нумерацию, причем цикл «Подмастерье» пронумерован с помощью не арабских, а римских цифр. Завершается книга не входящим ни в один из циклов стихотворением «Метаморфозы». От почти всех остальных стихотворений оно отличается наличием рифмы (другой пример рифмованного стихотворения – «Подруги» («Koleżanki») из первого цикла). Большинство текстов «Второго пространства» написаны свободным стихом.

В первом (безымянном) цикле книги раскрывается общая логика конструирования «второго пространства» в его диалектическом сопряжении с пространством «первым». Второй цикл, «Ксендз Северин», имеет форму внутреннего монолога священника, испытывающего сомнения в истинности своего призвания. В монолог ксендза Северина «вплетаются» голоса его прихожан с разными духовными взглядами. В третьем цикле, «Теологический трактат», доминирует, как и в первом, голос самого автора – главного лирического субъекта книги: здесь решается проблема соотношения поэзии с теологией. Наконец, четвертая часть, «Подмастерье», имеет жанровую характерность мемуаров: представлена история духовной эволюции Оскара Милоша, родственника поэта, которому отдается долг благодарности как учителю, «мастеру», открывшему для Чеслава Милоша путь во «второе пространство».

Цель настоящей работы – проанализировать художественную структуру книги, осмыслив ее концептосферу, в которой основными являются понятия «первого» и «второго пространства», в связи с чем значимым оказывается вопрос о соотношении между поэзией и теологией.

Содержание первого, безымянного, цикла образует совокупность метафизических, этических и эстетических проблем, что определяет роль первого цикла как программы по отношению ко всей книге. Его центральной идеей является восстановление утраченной связи между микро- и макрокосмосом. В соотношении микро- и макрокосмоса, а также «первого» и «второго пространства» опосредующую роль играет закон аналогий, сближающий творческую программу Милоша с эстетикой и поэтикой символизма, одним из источников которого является мистическое учение Эммануэля Сведенборга. Закон

аналогий формулируется Милошем в книге-эссе «Земля Ульро»: «...все движение материи является аналогией бесплотного света, создающего вселенную»³. Конкретизируя мысль об аналогиях, Милош пишет о «внутреннем» пространстве у Сведенборга: «Внутренние состояния человека... принимают форму, взятую из чувственного восприятия на нашей земле... “Какой ты есть, так ты и видишь”: поскольку вся наша природа состоит из знаков, теперь знаки словно становятся независимыми и складываются в алфавит радости или мучений»⁴. Опираясь на опыт своих предшественников, в числе которых был Оскар Милош, Чеслав Милош обращается к Священному Писанию – к книге Песнь песней Соломона, где телесная любовь представляет собой метафору любви Творца к своему творению: «Человек приближаться должен с уважением и дрожью / К глубочайшему *arcantum*, любовному союзу мужчины и женщины, / В нем заключается также непостижимость / Любви Творца к творению. / Беспамятство – вот несчастье людей двадцатого века: / Святость Песни песней они превратили в сексуальное развлечение» (М 5: 261–262). Анализируя основные положения мировоззренческой системы Оскара Милоша, который вслед за Эммануэлем Сведенборгом и Уильямом Блейком подчеркивал человеческую природу Бога, а суть закона аналогий раскрывал через понятие *arcantum*, Милош пишет: «В отношении к космической аналогии или “корреспонденции” все сотворенное имеет женское начало, и, оплодотворенное посредством сверхъестественного света, оно тянется к Богу, как женщина к мужчине... Это слияние называется у Оскара Милоша конъюнкцией и означает супружество Бога и сотворенной вселенной»⁵. Отождествление телесного и духовного начал обозначается в системе поэтических аналогий стихотворения «В Кракове»: «Нагота женщины встречается с наготой мужчины / И себя дополняет своей второй половиной, / Телесной или даже божественной, / Что, видно, одно и то же, / Как явствует из Песни песней» (М 5: 172). Мотив наготы здесь присутствует не только в прямом, но и в переносном значении – как символ «явного», т. е. того, что было в начале и будет в конце истории, о чем пророчествует Откровение Иоанна Богослова (ср. со стихотворением «Прекрасная незнакомка», где естественной наготой, мудрости «насмешливого тела» противопоставлен образ карнавального

3 *Miłosz Cz. Ziemia Ulro*. Kraków, 1994. S. 214.

4 *Ibid.* S. 151.

5 *Miłosz Cz. Oskar Miłosz. Człowiek i jego dzieło*. URL: <https://wyborcza.pl/7,75410,1299223.html> (дата обращения: 26.02.2023).

костюма, свидетельствующий о фальши и ритуальности жизни: «Перед зеркалом, нагая, нравящаяся себе, / Была ты и впрямь прекрасна, пусть длится тот миг... / Рядили тебя в ленты смешных тряпок, / Чтобы ты принимала участие в их театре / Притворных безумств, непристойных намеков» (М 5: 186)).

В системе бинарных оппозиций Милоша концептуальную роль играет соотношение *мужское – женское*, представленное в библейских архетипических образах Адама и Евы, в истории их райского Бытия и последующего падения. С этим связаны оппозиции *духовное – телесное*, а также *верх – низ*, играющие роль лейтмотивов в художественной архитектонике «Второго пространства».

Онтологические оппозиции книги «Второе пространство» представлены через микрокосмос – внутренний мир человека во всем многообразии его воспоминаний и впечатлений, а также в сенсорном изобилии образов земного мира. В этом проявляется диалектическое притяжение и отталкивание концепций Оскара и Чеслава Милоша. Если Оскар Милош «отвергал духовное пространство Сведенборга», демонстрируя свою приверженность дантовской традиции ««опространствливания» [«umiejscawiania» согласно оригиналу. – Л. А., И. Л.], или закрепления за всеми нашими воображениями места в пространстве» (М 5: 262) («Мне не нравится, когда кто-то говорит, будто еженедельно бывал у Господа Бога на завтраке» (М 5: 259)), то у Чеслава Милоша «второе пространство», в котором неразрывно связаны духовное и телесное, а также мужское и женское, имеет прямое отношение к микрокосмосу и, соответственно, к сознанию лирического субъекта, тождественного автору: «Нескоро, ведь только под девяносто, отворились / двери во мне и вошел я в ясность раннего утра» (М 5: 170). Об этом также свидетельствует начало стихотворения «Сундук»: «Может, мир Господом Богом был сотворен затем, чтобы / отражаться в бесконечном числе глаз живых существ / или, что более вероятно, в бесконечном числе людских / сознаний. // И людских фантазий, таких как мое романтическое / представление о лесе в Раудоне или мое представление / о груди панны Поли, когда я в нее был влюблен» (М 5: 196).

С условным разграничением «первого» и «второго пространства» в сознании лирического субъекта связана дифференциация лексических средств цикла. «Первое» пространство Милош понимает как совокупность ритуалов и предметных реалий, например, металлов, одежды, косметики: «Заслоняют сияние тканью своих пушисто-туманных одежд / Носят маски из шелка, фарфора, серебра

и латуни» («В Кракове») (М 5: 172); «Сколько крема, краски, помады, накрахмаленных рубашек, чтобы себе показаться прекрасным и просиять» («Я») (М 5: 197). «Первое пространство» подчиняется законам натуралистического детерминизма, из которого вытекает «несоответствие между волей и телом»: «Но уже рядом с ним [с «я»]. – Л. А., И. Л.] хлопочут невидимые визажистки Времени, наносят тени морщин на уголках глаз, дорисовывают возле рта выражение горечи» (М 5: 197); «Как трудно поверить, что для ангелов мы можем быть однократным событием, не цифрой во исполнении всеобщего закона» (М 5: 197).

Смысл «второго пространства» подчиняется законам диалектики, уходящей корнями в теорию Оскара Милоша о взаимосвязи пространства, времени и материи: «Ибо мы приходим оттуда, где нет еще разделенья / на Да и Нет, деление на есть, будет и было» («Поздняя зрелость») (М 5: 170). Идея, сформулированная Оскаром Милошем в поэме «Письмо к Сторге», была непосредственно связана с его гипотезой о возникновении Вселенной через невообразимую вспышку, и эту гипотезу автор книги «Второе пространство» считал предвосхищением теории большого взрыва: «“Письмо к Сторге” я прочел как откровение, / Узнав, что пространство и время имеют свое начало, / Что возникли они в одной вспышке, вместе с так / называемой материей, / Точь-в-точь как угадывали средневековые схоласты из / Шартра и Оксфорда, / Путем *transmutatio* божественного света в физический свет. // Как же это изменило мои стихи, посвященные / созерцанию времени, / Сквозь которое с той поры стала проглядывать вечность» (М 5: 257). Образ вечности, просматривающейся сквозь земные формы, становится главным лейтмотивом «второго пространства» и становится основой поэтики эпифаний, которая была откликом на стремление литературы выразить невыразимое: «Что можно выразить? Ничего нельзя выразить. / Огонь под конфорками. / Настя печет блины. / Декабрь. Перед рассветом. / В деревне возле Яшун» («Блокнот») (М 5: 202). В поэтической системе Милоша этот художественный принцип трансформируется в ключевой для всего творчества писателя мотив «ностальгии по недостижимому». Об этом свидетельствует его суждение, сформулированное в «Выписках из полезных книг» (1994): «Не скрываю, что я ищу в стихах проявление действительности или того, что в греческом языке называлось эпифанией... Эпифания... прерывает повседневный поток времени и внедряется в него в качестве привилегированного мгновения, в котором происходит интуитивное осмысление более глубокой, эссенциальной

действительности, заключенной в предметах и людях»⁶. В этом высказывании имплицитно содержится сущность эпифаний Милоша, которые, по мысли Р. Ныча, благодаря своему теологическому содержанию ближе к эпифаниям традиционного, «романтического» типа, чем к эпифаниям модернистским и постмодернистским⁷. Если последние в рамках современной литературной ситуации, связанной с отрицанием сакрального измерения насущной действительности, фиксировали в повседневном преходящее и кратковременное, наделяя формой то, что в эстетике модернизма само по себе не существовало («Модернистская эпифания “призывает” к жизни [...] то, что формирует свой образ только в представлении, а глубокий смысл в понятии, и тем самым обрекает на небытие все, что ускользает от власти воображения и разума, остается неуловимым для понятий и [...] не передаваемым посредством слова»⁸), то эпифании Милоша раскрывают в мимолетном и неосязаемом присутствии Божественного и вечного: «Избавь меня от дня сухости и бессилия. / Когда ни полет ласточки, ни пионы, нарциссы и ирисы на цветочном рынке не будут для меня знаком Твоей славы» («Выслушай») (М 5: 193).

По утверждению М. Бернацкого, поводом для критики европейского модернизма в творчестве Милоша является отрицание актуальности закона аналогий для поэтики эпифаний: «Нобелевский лауреат [...] обвинил его [модернизм. – Л. М., И. Л.], во-первых, в отрыве от дел обычного человека, во-вторых, в сознательной десакрализации темы и формы посредством снятия религиозно-теологического контекста, в избегании истины создания человека по образу и подобию Божьему, а также в забвении факта искупления человечества Сыном Божьим»⁹. Следствием десакрализации и дегуманизации искусства становится, по словам А. Фьюта, исчезновение «любой символической деятельности человека»¹⁰. Поэтому Милош считает бесперспективной концепцию «чистой поэзии», берущую начало во французском символизме, в котором жизненное содержание, по мысли А. Хутникевича, представлялось символистам лишь «обременительным балластом»¹¹.

6 *Miłosz Cz.* Wypisy z ksiąg użytecznych. Kraków, 1994. S. 17.

7 *Nycz R.* Literatura jako trop rzeczywistości. Kraków, 2001. S. 168.

8 *Ibid.* S. 47.

9 *Bernacki M.* Czeladnik i mistrz: Czesława Miłosza spotkania z Oskarem Władysławem Miłoszem // *Postscriptum Polonistyczne*. 2011. № 2 (8). S. 196.

10 *Fiut A.* Moment wieczny. Poezja Czesława Miłosza. Kraków, 1998. S. 121.

11 *Hutnikiewicz A.* Od czystej formy do literatury faktu. Warszawa, 1974. S. 156.

Как следствие, по утверждению Я. Прокопа, автономность искусства приводит к отрицанию бытия: «Мир теряет свое обоснование, [...] он застывает в псевдобытии»¹².

Задача эпифаний – в том, чтобы, придавая «блеск непостижимому сейчас», увековечивать быстротечное и призрачное: «...мгновение восхищенья / на стене солнечным бликом, трелью иволги, лицом, ирисом, / томом стихов, человеком длится и возвращается в блеске» («Я должен теперь») (М 5: 189). Однако существование самого поэта, как и всякого человека, временно и подвластно законам природы. Проблема конечности бытия и, как следствие, невозможность записать, а значит сохранить в памяти все мгновения земной жизни, становится устойчивым лейтмотивом книги «Второе пространство»: «Я должен уже умереть, а труд все еще не окончен» («Блокнот») (М 5: 202); «Остался я с ненаписанными одами во славу многих мужчин и женщин. // Их несравненная стойкость, жертвенность, самоотверженность / пронесли вместе с ними, и никто не знает о них. / Никто не знает за всю вечность» («Я должен теперь») (М 5: 189–190). Для того чтобы знать и помнить, поэту нужен «бессмертный Свидетель» и «собиратель» эпифаний, роль которого отводится Богу.

Поскольку эпифании у Милоша отождествляются с экстатическими мгновениями, переживаемыми на эмпирическом уровне в момент созерцания («Не было Я. Было созерцание» («Я»)) (М 5: 197)), в поэтических образах «второго пространства» принципиальную роль играет сенсорика – визуальная, слуховая, осязательная, вкусовая и обонятельная, см., например: «И разве каждый из них не должен вжиматься в Живущего Вечно, / В его запах ладана, яблок, шафрана, корицы, гвоздики» («В Кракове») (М 5: 172). Поэтика эпифаний польского писателя имеет глубоко личностный характер и тесно связана с областью памяти, доступ к которой открывается во сне: «...может, мне только снится это рыжее золото леса, / Блеск реки, в ней я в юности плавал, / Октябрь моих стихов с воздухом, как вино» («Верки») (М 5: 174). Вследствие того, что память, согласно Милошу, играет роль очистительной дистанции и является источником красоты, основой для эпифаний становится «запомнившаяся деталь»¹³.

Сотериологическое назначение эпифаний, а также их связь с идеей аналогий проявляются в жанровых элементах молитвы в некоторых

12 *Prokop J.* Antynomie Miłosza // *Poznanwanie Miłosza. Studia i szkice o twórczości poety.* Kraków; Wrocław, 1985. S. 237.

13 *Miłosz Cz.* Ziemia Ulro. S. 28.

стихотворениях. Лейтмотивом стихотворных молитв Милоша является просьба вернуть «второе пространство». В интервью Иренеушу Кане «Мы постоянно ищем ключ...» Милош говорит, что «...название книги [...] есть проявление озабоченности по поводу того, что мы потеряли “второе пространство”, т. е. образы рая и ада для нас не существуют»¹⁴. Поэтической молитвой является вступительное стихотворение, одноименное общему названию книги. По своей экспрессивности оно напоминает скорбный плач по утрате «лугов неземных», а вместе с ним и надежды на спасение: «Без лугов неземных как встретить Спасение? / Где отыщет место себе союз осужденных? // В жалобах возрыдаем по великой утрате. / Разрисуем лица углем, распустим власы. // Мольбы вознесем, да будет нам возвращено / Второе пространство» (М 5: 169). Другим поэтическим обращением к Богу является стихотворение-молитва «Выслушай», в композиции которого нашли проявление религиозные сомнения автора в отсутствии Божественного первоначала в «первом пространстве» и в ритуально-формализованном характере религиозной обрядности. Автор стихотворения обращается к высшей силе с молитвенной просьбой отвлечь наступление того дня, когда сам поэт «будет готов поклониться перед небытием и жизнь на земле назвать дьявольским водевилем» (М 5: 193). Молитвенному «дискурсу» Милоша свойственны страстность и патетичность. Это не тихая и смиренная молитва, а напряженное слово, которое «протестует, зовет, кричит» («Смысл») (М 4: 285). О тяготении стиля Милоша к эмоциональности, доходящей до экзальтации, говорится в стихотворении «Оправа»: «Стиль / Выигрывает даже при таком отступлении / От канонов модерна, когда страсть верховодит» (М 5: 173). Однако, в соответствии с поэтической программой книги, Милош пишет о смысле как «абсолютной точке отсчета» (см. стихотворение 1 «Теологического трактата»). Это стихотворение Милоша является «светским» вариантом жанра молитвы, соотносимым со стилистическим кредо автора, сформулированным в «Теологическом трактате»: говорить «и не слишком набожно, и не чересчур по-светски» (4 – «Прошу прощения») (М 5: 221).

Оппозиция *духовный – светский* играет сквозную роль в цикле «Ксендз Северин». Она проявляется в речевой форме монолога духовного лица, который, оставаясь наедине с собой, снимает с себя конвенциональные ограничения, накладываемые церковной традицией.

¹⁴ *Milosz Cz., Kania I.* Ciągłe poszukujemy klucza // Toksvig S. Emanuel Swedenborg – uczoney i mistyk. Kraków, 2002. S. 8.

Его монолог отличается исповедальной «обнаженностью»: в начальном стихотворении цикла Северин саморазоблачительно заявляет, что является «жрецом без веры» (М 5: 207), а в заключительном признается даже в еретическом искушении – в том, что если бы он жил в эпоху императора Константина, то «наверняка высказался бы против тринитариян [(т. е. сторонников догмата о Святой Троице. – Л. М., И. Л.)]» (М 5: 217). При откровенном признании в собственном безверии и еретических сомнениях Северин обращается ко всевышнему с молитвой, такой же драматичной, как и молитва авторского *alter ego* в первом цикле книги. Ксендз Северин просит Бога спасти его от угнетающих душу сомнений и вернуть надежду на обретение «второго пространства»: «Спаси меня от картин боли, которые я собрал, странствуя по / миру, приведи меня туда, где пребывает только Твой свет» (стихотворение 6 «Присутствие») (М 5: 212).

В художественном пространстве книги анализируемый цикл связан с проблемой места церкви в бытии, основанном на аналогиях между небом и землей, верхом и низом. В соответствии с христианской традицией, церкви отводится опосредующая роль между «первым» и «вторым пространством», хотя право церкви на посредничество между небом и землей оспаривается самим исповедующимся священником (по самоироническому замечанию Северина, «легион нас, посредников между тем, что высоко, и тем, что здесь низко» (М 5: 213)). Стихотворение 9 «А если», манифестирующее онтологические сомнения ксендза («А если все это – только сон / Человечества о себе? И мы, христиане, / Видим свой сон во сне» (М 5: 215)), соотносимо с третьим стихотворением первого цикла «Если нет», представляющим парафраз формулы Достоевского «Если Бога нет, все позволено». Оба указанных примера входят в группу текстов, представляющих «варианты метафизических размышлений Милоша, определяемых поэтической морфологией его стихотворений»¹⁵, в первую очередь вопросительной открытостью союза «если».

Цикл «Ксендз Северин» обладает свойствами ролевой лирики, при этом образ сомневающегося ксендза выступает в качестве духовного *alter ego* самого автора. В рассматриваемом цикле создаются также образы-типы трех исповедующихся перед священником прихожан. Образ Теофила (по-гречески «любящий Бога») – тип

¹⁵ Мальцев Л. А. Преодоление стереотипов: Ф. М. Достоевский в восприятии польских писателей-эмигрантов XX века. Монография. Калининград, 2022. С. 67.

верующего, архетипическим первоисточником которого является праведник Авель. Чувствуя в себе недостаток веры, ксендз проникается ответственностью за судьбу Теофила, видя свое призвание в том, чтобы «защитить его от безверия» (М 5: 208). Ксендз Северин принимает на себя роль заботливого «старшего брата», анти-Каина, о чем косвенно свидетельствует стихотворение из первого цикла «Если нет»: «Он сторож брату своему / и не позволено ему брата своего огорчать, / говоря, что Бога нет» (М 5: 171). Образ Каси в анализируемом цикле – репрезентация типа мятежной души, родственной бунтующему герою Достоевского Ивану Карамазову: «А Кася [говорит], что она не желает быть спасенной / Ценой мучений человека невинного» (М 5: 209). Леония – противоречивый тип верующей, в которой сочетается страх перед преисподней и сознание необходимости страдания. В структуре книги прототипом этого образа является «многоэтажный человек» из одноименного стихотворения, завершающего первый цикл книги: «Идет человек многоэтажный, / На верхних этажах свежесть утра, / а там, низко, / темные комнаты, / в которые страшно заходить» (М 5: 206). образу «многоэтажного человека» в определенной мере соответствует не только Леония и ксендз Северин, но и сам автор книги. «Многоэтажный человек» в поэтическом воображении Милоша есть метафора человека как микрокосмоса, в котором драматически сталкиваются «первое» и «второе пространство».

Поэтологическим подведением итогов «Второго пространства» Милоша является «Теологический трактат» – третий цикл анализируемой книги. В предисловии от 2001 г. к этому циклу Милош писал о проблеме «поиска языка, на котором можно говорить о религии». «Язык общепринятый, благоговейный, – поясняет Милош, – часто является препятствием, язык теологии кажется [...] слишком многословным»¹⁶. Незыблемым каноном «простой» родной речи («Родная речь да будет простая» (М 2: 165) (см. «Поэтический трактат» (1960)) является для Милоша поэзия Мицкевича. Однако, несмотря на кажущуюся «простоту» поэтического слова, Милош отдает себе отчет, что Мицкевич «писал шифром», в котором заключается «принцип поэзии» (7. «Мне всегда нравился») (М 5: 226). Под «шифром» Милош понимает «дистанцию между тем, что мы знаем, и тем, что становится явным» (М 5: 226). В понимании Милоша «шифр» есть поэтика аналогий, на которой основывается структура книги, т. е. соотношение между небом и землей, духом и телом, верхом

16 *Miłosz Cz. Wstęp // Tygodnik Powszechny. 2001. № 11/12. S. 9.*

и низом, между микрокосмосом и макрокосмосом. Для Милоша очевиден приоритет теологии перед поэзией, истины перед красотой («Почему теология? Ибо первое должно быть первым. // А это — понятие истины» (1. «Такого трактата») (М 5: 218)), а также смысла перед формой, что обусловлено вышеупомянутой критикой Милошем модернистской концепции «чистого искусства»: «... сущность важна, словно зерно в оболочке, а как будут играть оболочкой, не имеет большого значения» (М 5: 226).

Милош говорит о не оправдавших себя экспериментах поэзии XX в., бьющейся «как птица в окно» и утратившей «второе пространство» («Я обратился к анти-Природе, то есть к искусству, / чтобы с другими строить наш дом из звуков музыки, / красок холста и ритмов речи») (6 – «Зря») (М 5: 224). Научное познание также представляется Милошу некоей фальсификацией истины, вследствие чего происходит отрицание «второго пространства» и, следовательно, в обретении «единственно нам доступного знания, / о взаимном сотворении людей / и совместном создании того, что называют истиной» (7 – «Мне всегда нравился») (М 5: 226). По Милошу, даже церковь участвует в фабрикации истины, вызванной лучшими намерениями — освободить человека от одиночества и отчуждения в жестоком мире: «Достаточный повод, чтоб вместе с другими воздвигать / храмы немислимого милосердия» (15 – «Религию мы принимаем») (М 5: 235).

Здесь Милошу близок Гомбрович с его идеей «межчеловеческого костела», в котором человек постоянно создается другими людьми и вместе со всеми искусственно конструирует божественный абсолют. Об искусственности человеческого «я» говорит драма Гомбровича «Венчание»: «Человек подвержен тому, что создается “между” людьми, и нет для него другой божественности, кроме той, что рождается в людях»¹⁷. Некоторые пассажи «Теологического трактата» близки идеям Гомбровича, однако в целом концепция книги «Второе пространство» выходит за рамки этой теории межчеловеческих игр-ритуалов, которая отрицает идею аналогии между «первым» и «вторым пространством» и согласно которой человеческий мир есть лишь одно земное, театрализованное пространство игры между человеком и человеком.

Отвергая авангардистско-постмодернистскую модель бытия, Милош возвращается к романтическому канону поэзии, представленному Мицкевичем. Делая акцент на богословские искания автора «Пана Тадеуша», в том числе на его увлечение мистической философией

¹⁷ *Gombrowicz W. Iwona*, księżniczka Burgunda. Ślub. Kraków, 2005. S. 133.

Якоба Бёме, автор «Теологического трактата» отдает предпочтение религиозно-мистической лирике молодого поэта перед его вольнодумными стихотворениями: «Поразительный “Гимн на Благовещение Пресвятой Девы Марии” / молодого антиклерикала Мицкевича появился / непосредственно перед масонским гимном, известным как / “Ода к молодости”, и он славит Марию словами пророка, или / Якоба Бёме» (12. «Следовательно Ева») (М 5: 232). В заключительном 23-м стихотворении под «блоковским» названием «Прекрасная Дама» Милош вновь обращается к «Гимну...» Мицкевича. Несмотря на приоритет истины и теологии, Милош обосновывает здесь онтологическую необходимость чувственно воспринимаемой красоты («Ты как будто хотела напомнить, что красота – / основная часть мира. // Что могу подтвердить, ибо в Лурде / я был пилигримом у грота, где шумит река / и на чистом небе виден краешек луны над горами») (М 5: 244). Основное событие последнего стихотворения «Теологического трактата» – явление Богоматери детям в Лурде и Фатиме – Милош воспринимает как зримый знак присутствия Божественного абсолюта в человеческой жизни: «Было тело Твое не прозрачно, но из нематериальной материи, / и различить можно было пуговицы Твоего платья» (М 5: 244).

Следовательно, идейным стержнем всей книги Милоша является метафизическое и эстетическое утверждение необходимости «второго пространства». Однако стихотворение «Метаморфозы», завершающее книгу, обладает оттенком скепсиса в оценке результативности подобного рода метафизическо-эстетических исканий. Архаическая стилизация «Метаморфоз» связана с ведущей ролью рифмы в художественной организации этого текста, а также с интертекстуальной отсылкой Милоша к поэме Овидия «Метаморфозы», в которой «золотой век» изображается с помощью следующей детали: «...капал и мед золотой, сочась с зеленого дуба» (перевод С. Шервинского)¹⁸.

Завершающее стихотворение Милоша начинается пассаистической отсылкой к вышеназванному тексту («мифический мед я пил...») (М 5: 267)), однако последующим содержанием стихотворения автор отклоняется от овидиевой мифологемы «золотого века», соотносимой с метаидеей «второго пространства». Стихотворение «Метаморфозы» принадлежит покаянно-исповедальной традиции, хотя слова «напрасны мои усилия» (М 5: 267) свидетельствует об утрате в процессе исповеди метафизического смысла молитвы. По типу строфы

18 Овидий. Метаморфозы. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303001001> (дата обращения: 26.02.2023).

стихотворение «Метаморфозы» является разновидностью секстины аабсбсб с нерегулярным количеством слогов (чаще всего семь, однако в рифмующемся третьем и шестом стихе последней секстины происходит уменьшение количества слогов до трех-четырех). Значимым и выразительным приемом является наличие одного ударения в последней рифмующейся паре стихов стихов: «Nieszczęśnika» – «Zamyka!» (М 5: 267). Финальный восклицательный стих «Zamyka!» соотносится с мотивом «помни о смерти», самоиронически обыгрываемом в том же стихотворении: «Странствовал я невинный, / Чуткий и добродетельный / Аж до клепсидры и кладбища» (М 5: 267). В «кристаллической» структуре стихотворения-некролога «Метаморфозы» не остается места для романтической эпифании как формы созерцания «второго пространства». Идеальный диссонанс этого текста с предыдущими стихотворениями книги косвенно подтверждает, что в поэтико-теологическом восприятии Милоша «семантический ореол» верлибра оказывается неотделим от метафизической свободы автора.

В целом книга Милоша «Второе пространство» представляет собой разновидность воспоминаний, одухотворенных силой художественного воображения, без которого прошлое является краем, где «некогда живые люди становятся теньями»¹⁹. Свое предназначение Милош видит в том, чтобы слагать стихи, спасая сущее от забвения. Идея эта реализуется не только на философско-теологическом уровне, где в качестве основной проблемы XX в. выступает эрозия религиозного сознания, но и в области художественного языка. Согласно точному суждению Я. Блоньского, все позднее творчество Милоша является «грандиозным замыслом, направленным на социализацию и сакрализацию личного опыта. Спасение, о котором он [Милош. – Л. М., И. Л.] так часто говорит, не является спасением себя и для себя, оно становится спасением других и для других»²⁰.

Источники и литература

Мальцев Л. А. Преодоление стереотипов: Ф. М. Достоевский в восприятии польских писателей-эмигрантов XX века. Монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022. 212 с.

¹⁹ Miłosz Cz. Ziemia Ulro. S. 28.

²⁰ Błoński J. Język właściwie użyty. Szkice o poezji polskiej drugiej połowy XX wieku. Kraków; Bielsko-Biała, 2019. S. 332–333.

Owidiusz. *Метаморфозы*. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303001001> (дата обращения: 26.02.2023).

Bernacki M. Czeladnik i mistrz: Czesława Miłosza spotkania z Oskarem Władysławem Miłoszem // *Postscriptum Polonistyczne*. 2011. № 2 (8). S. 191–206.

Błoński J. *Język właściwie użyty. Szkice o poezji polskiej drugiej połowy XX wieku*. Kraków; Bielsko-Biała: Instytut Literatury; Wydawnictwo Naukowe ATH, 2019. 416 s.

Fiut A. *Moment wieczny. Poezja Czesława Miłosza*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1998. S. 121.

Gombrowicz W. *Iwona, księżniczka Burgunda. Ślub*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 272 s.

Hutnikiewicz A. *Od czystej formy do literatury faktu*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 295 s.

Illg J. *Nota wydawcy // Miłosz Cz. Wiersze: W 5 t.* Kraków: Znak, 2009. T. 5. S. 413–415.

M 1–5 – *Miłosz Cz. Dzieła zebrane. Wiersze: W 5 t.* Kraków: Znak, 2002–2009.

Miłosz Cz., Kania I. *Ciągłe poszukujemy klucza // Toksvig S. Emanuel Swendenborg – uczony i mistyk. Przełożył I. Kania*. Kraków: Universitas, 2002. S. 8–23.

Miłosz Cz. *Oskar Miłosz. Człowiek i jego dzieło*. URL: <https://wyborcza.pl/7,75410,1299223.html> (дата обращения: 26.02.2023).

Miłosz Cz. *Wstęp // Tygodnik Powszechny*. 2001. № 11/12. S. 9.

Miłosz Cz. *Wypisy z ksiąg użytecznych*. Kraków: Znak, 1994. 341 s.

Miłosz Cz. *Ziemia Ulro*. Kraków: Znak, 1994. 344 s.

Nycz R. *Literatura jako trop rzeczywistości*. Kraków: Universitas, 2001. S. 168

Prokop J. *Antynomie Miłosza // Poznawanie Miłosza. Studia i szkice o twórczości poety*. Kraków; Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1985. S. 229–241.

References

Bernacki, M. «Czeladnik i mistrz: Czesława Miłosza spotkania z Oskarem Władysławem Miłoszem.» *Postscriptum Polonistyczne*, 2011, no 2(8), pp. 191–206.

Błoński, J. *Język właściwie użyty. Szkice o poezji polskiej drugiej połowy XX wieku*. Kraków: Instytut Literatury; Bielsko-Biała: Wydawnictwo Naukowe ATH, 2019, 416 p.

Fiut, A. *Moment wieczny. Poezja Czesława Miłosza*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1998, 121 p.

Gombrowicz, W. *Iwona, księżniczka Burgunda. Ślub*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005, 272 p.

Hutnikiewicz, A. *Od czystej formy do literatury faktu*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974, 295 p.

Illg, J. «Nota wydawcy.» *Miłosz Cz. Wiersze: W 5 t.* Kraków: Znak, 2009, vol. 5, 414 p.

Mal'tsev, L. A. *Preodolenie stereotipov: F. M. Dostoevskii v vospriatii pol'skikh pisatelei-emigrantov XX veka*. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2022, 67 p.

Miłosz, Cz. *Dziela zebrane. Wiersze: W 5 t.* Kraków: Znak, 2002–2009.

Miłosz, Cz., Kania, I. «Ciągłe poszukujemy klucza.» *Toksvig S. Emanuel Swedenborg – uczony i mistyk*, transl. by I. Kania. Kraków: Universitas, 2002, pp. 8–23.

Miłosz, Cz. *Oskar Miłosz. Człowiek i jego dzieło*. URL: <https://wyborcza.pl/7,75410,1299223.html> (accessed: 26.02.2023).

Miłosz, Cz. «Wstęp.» *Tygodnik Powszechny*, 2001, no 11/12, p. 9.

Miłosz, Cz. *Wypisy z ksiąg użytecznych*. Kraków: Znak, 1994, 341 p.

Miłosz, Cz. *Ziemia Ulro*. Kraków: Znak, 1994, 344 p.

Nycz, R. *Literatura jako trop rzeczywistości*. Kraków: Universitas, 2001, p. 168.

Ovid. *Metamorfozy*. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1303001001> (accessed: 26.02.2023).

Prokop, J. «Antynomie Miłosza.» *Poznawanie Miłosza. Studia i szkice o twórczości poety*. Kraków–Wrocław: Wydawnictwo Literackie, 1985, pp. 229–241.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.20

L. A. Maltsev, I. A. Libina

**Between Poetics and Theology:
“The Second space” by Czesław Miłosz**

Leonid A. Maltsev

Doctor of Letters, professor,

Immanuel Kant Baltic Federal University,

236041, Alexander Nevsky Street 14, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: lamaltsev23@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9137-0004

Irina A. Libina

Student

Immanuel Kant Baltic Federal University,

236041, Alexander Nevsky Street 14, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: falsh746@mail.ru

ORCID: 0009-0008-8276-8211

Citation

Maltsev L. A., Libina I. A. Between Poetics and Theology: “The Second space” by Czesław Miłosz // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 393–409 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.20

Received: 11.07.2023.

Revised: 11.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The artistic structure of Czesław Miłosz’s book “The Second Space” is analyzed in the context of the poet’s religious and philosophical worldview. It is argued that the dialectics of the “first” and “second space” is revealed in the book through a special “language” of analogies between the spiritual and bodily, heavenly and earthly, male and female, so the theory of Swedenborg and the ideas of Oskar Miłosz have a conceptual significance for the worldview context. The system of analogies is a symbolic “code”, in which the central role is played by the biblical story of human origin. The image of “first” space is shown through a combination of rituals and object realities. The concept of “second space” is associated with the phenomenon of light therefore the author refers to Oscar Miłosz’s hypothesis of the origin of the universe through a flash. The image of the “second space” is not wholly speculative, it has to do with the sensory – visual, auditory, olfactory, tactile and gustatory. The dialectic of analogies between the earthly and the heavenly is revealed through the poetics of epiphanies, understood as “privileged moments” and destined to comprehend “essential reality”. Genre elements of prayer are connected to the concepts of “first” and “second space”, to the poetics of analogies and epiphanies. However, “prayer” poems often become a manifestation of the poet’s contradictory nature, in the consciousness of which the thesis of the necessity of the “second space” collides with doubts about its reality.

Keywords

Analogy, symbol, sensory, epiphany, prayer, Czesław Miłosz, “Second Space”, Oscar Miłosz, Swedenborg, Mickiewicz, Böhme, literature of Poland.

Топос города в украинской литературе в исследованиях современных украинских литературоведов

Байдалова Екатерина Викторовна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kbaydalova@yandex.ru
ORCID: 000-0001-6263-8358

Цитирование

Байдалова Е. В. Топос города в украинской литературе в исследованиях современных украинских литературоведов // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 410–427. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.21

Статья поступила в редакцию 21.08.2023.

Рецензирование завершено 01.09.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья обращается к истории и современному состоянию изучения топоса города в современном украинском литературоведении (2000–2010-е гг.). Город и городское пространство относительно поздно вошли в украинскую литературу (вместе с прозой И. Нечуя-Левицкого, П. Мирного, И. Франко, В. Винниченко). Это произошло под влиянием индустриализации государства и общества в конце XIX – начале XX в., однако «городской текст» украинской культуры продолжал формироваться на протяжении всего прошлого столетия. В исследованиях украинских ученых, обращающихся к урбанистической тематике, основное внимание уделяется противопоставлению городского и рустикального дискурсов, исследованиям топоса города в отдельных направлениях, явлениях, произведениях, творчестве того или иного писателя, а также главным национальным городским текстам – киевскому и львовскому, их связям с историей этих городов и развитием разных национальных литератур, обращающихся к данным текстам: австрийской, польской, еврейской, русской, украинской. Ведутся исследования «текстов» и других городов (Полтавы, Екатеринослава (Днепропетровска / Днепра), Одессы, Донецка, Харькова и др.), в том числе

провинциальных городков, являющихся неотъемлемой частью украинской культуры. Теоретическим проблемам посвящено относительно небольшое количество работ. В основе методологии изучения топоса города, как правило, лежит структуралистский подход с опорой на достижения тартусско-московской семиотической школы.

Ключевые слова

Топос города, украинское литературоведение, киевский текст, львовский текст.

Город и городское пространство вошли в украинскую литературу относительно поздно – лишь к концу XIX в. – вместе с прозой И. Нечуя-Левицкого, П. Мирного, И. Франко, однако уже в первой трети XX столетия урбанистический дискурс прочно занял свое место в творчестве украинских писателей: В. Винниченко, В. Пидмогильный, В. Домонтович, Ю. Яновский – все они и многие другие прозаики и поэты не только перенесли действие своих произведений в городское пространство, но и сами стали творцами «текстов» украинских городов, а города – полноправными персонажами их произведений. Городской дискурс появился в украинской литературе «как реакция на социальный фактор, которым стала индустриализация ответственного общества в конце XIX и в начале XX столетий»¹, однако сердцевиной украинской культуры долго оставалось село, в то время как город достаточно длительное время воспринимался как оппозиционно «чужой» и враждебный, поэтому практически весь XX век стал периодом становления и укрепления городского дискурса в рамках национальной культуры и литературы.

Среди работ современных украинских ученых (2000–2010-х гг.), посвященных топосу города, можно выделить следующие блоки: попытки теоретического осмысления топоса города; его исследование в каком-либо отдельном литературном направлении, явлении, произведении или творчестве писателя; «тексты» городов на территории Украины (Киева, Львова, Полтавы, Одессы, Донецка, Екатеринослава (Днепропетровска / Днепра) и др.), в том числе «малых»

¹ Пухонська О. Сучасна візія міста в поезії молодих авторів // Синопис: текст, контекст, медіа. 2013. № 3–4. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/stkm_2013_3-4_9 (дата обращения: 10.08.2023).

провинциальных городов как неотъемлемой части национальной истории и культуры. Труды, посвященные противопоставлению города и деревни, могут принадлежать к любому из вышеперечисленных блоков. Особый интерес исследователей к топосу города пришелся на 2000-е – начало 2010-х гг., косвенное подтверждение чему можно увидеть в составленной О. А. Дикуновой библиографии избранных монографий и статей по данной тематике «Украинская урбанистическая литература: эволюция, проблематика, поэтика» (2016)².

Работ, осуществляющих попытки теоретического осмысления топоса города в том или ином аспекте, в украинском литературоведении существует относительно немного. Фундаментом для них, как и для многих исследований из других блоков, служат труды тартусско-московской семиотической школы, и особенно работы Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993) и Владимира Николаевича Топорова (1928–2005), в частности «Петербургский текст русской литературы» (2003) и статья «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте» (1987). Однако одна из наиболее значимых для украинского литературоведения и широко эрудированных исследователей топоса города Инна Семеновна Булкина (1963–2021), будучи воспитанницей тартусской литературоведческой школы³, в теоретической части своей диссертации «Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное» (Тарту, 2010) опирается и на более ранние работы по теории города, а именно на исследования школы Ивана Михайловича Гревса (1860–1941), которые закладывались в его семинаре в Тенишевском училище Санкт-Петербурга, и работы его ученика Николая Петровича Анциферова (1889–1958), в первую очередь его книгу «Душа Петербурга» (1922). Уже в этих исследованиях в 1910–1920-х гг. XX в. город рассматривался как цельный социальный и духовный организм, синтез культуры и ее высшее выражение. Таким образом, текст города оказывался неотделим от его литературных

² Дикунова О. А. Українська урбанистична література: еволюція, проблематика, поетика. Рекомендаційний бібліографічний список літератури. Кривий Ріг, 2016.

³ Магистерская диссертация И. С. Булкиной, посвященная авторским сборникам Баратынского на фоне традиции русского поэтического сборника первой половины XIX в., написана в семинаре Ю. М. Лотмана; сама исследовательница была одной из последних учениц этого выдающегося ученого.

воплощений, а изучение литературы о городе так или иначе должно было соотноситься с его реальной историей и состоянием. В своей диссертации И. С. Булкина также вполне справедливо замечает, что изучение города в западной гуманитарной традиции гораздо менее литературоцентрично, тяготеет скорее к исследованиям социологии, психологии, антропологии города, а не литературных источников⁴. И здесь украинские исследователи чаще всего обращаются к таким известным работам, как «Город» М. Вебера и «Город как текст» М. Бютора.

Среди значимых теоретических работ украинских ученых можно выделить монографию Т. С. Возняка⁵ «Феномен города»⁶. Это исследование не столько литературоведческое, сколько культурологическое, однако его влияние можно проследить во многих трудах украинских литературоведов, особенно, конечно, тех, кто занимается «львовским текстом», поскольку значительная часть книги рассматривает Львов как особый феномен среди других городов Украины. Возняк противопоставляет два типа построения городов: деспотический, при котором «город-матрица» строится по определенному плану, и демократический, когда «город-дерево» растет и самоорганизуется естественным путем. В этой парадигме Львов – один из уникальных городов, чья история создания не пошла ни по одному из вышеназванных типов, поскольку он был построен «вольными строителями» как город свободы и одновременно выражение любви к ней. Рассматривая миф и ритуал в качестве основы для структурного построения, из которого вырастает единый текст культуры каждого города, исследователь ссылается не только на работы Топорова, но также и на труды Вячеслава Всеволодовича Иванова (1929–2017). Возняк в своей монографии

4 Этим объясняется то, что украинские литературоведы, в настоящее время больше ориентирующихся на американское и европейское литературоведение, когда пишут о топосе города, чаще обращаются к работам русских ученых.

5 Возняк Тарас Семенович (род. 1957) – украинский культуролог, политолог, генеральный директор Львовской национальной художественной галереи им. Б. Возницкого, основатель одного из наиболее интересных периодических изданий Украины – независимого культурологического журнала «Ї».

6 *Возняк Т.* Феномен міста. Львів, 2009. URL: http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/misto/semantychn_prostory_mista.htm (дата обращения: 16.08.2023).

аналізує як феномен самого явлення і поняття «город», так і морфологію городського пространства, семантичні пространства города, поняття «ідеального города», а також міфологему Ієрусалима – і все це на матеріалі літературних, історических, мемуарних свідельств о городах і городках Західної України, тому що це напаминання «о больших текстах пусть и провинциальных, но крайне своеобразных городков, являющихся позабытой составляющей нашей идентичности»⁷.

Останавливається Возняк і на протипоставленні рустикального і городського дискурсов в національній культурі, причем протипоставленіє главенствующему как в XIX в., так и в XX в. в українській літературі рустикальному дискурсу он видит еше в позднем творчестве Т. Шевченко, а также активной переводческой деятельности П. Кулиша и прослеживает его вплоть до современности («харьковский текст» С. Жадана). В целом этой тематике посвящено довольно много работ и других украинских ученых. Наиболее интересными среди них можно назвать следующие: «Топос города и литературный контекст раннего модернизма» Л. М. Демської-Будзуляк⁸, «Урбаністическое и рустикальное художественное пространство и его воплощение в современной украинской литературе» Р. С. Марыняк⁹, «Особенность оппозиции “деревня-город” в романе В. Домонтовича “Без почвы”» Г. В. Саган¹⁰, «Протипоставленіє урбаністической и деревенской украинской литературы в литературно-критическом дискурсе Н. Зборовской» М. А. Томченко¹¹ и др.

⁷ Ibid.

⁸ Демська-Будзуляк Л. Топос міста та літературний контекст раннього модернізму // Наукові праці. Серія «Філологія. Літературознавство». Миколаїв, 2009. Т. 118. Вип. 105. С. 11–16.

⁹ Марыняк Р. С. Урбаністичний і рустикальний художній простір та його втілення в сучасній українській літературі // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». 2018. Вип. 26. С. 51–58.

¹⁰ Саган Г. В. Особливість створення опозиції «село – місто» у романі В. Домонтовича «Без ґрунту» // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 108–112.

¹¹ Томченко М. А. Протиставлення урбаністичної й селянської української літератури в літературно-критичному дискурсі Н. Зборовської // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 120–125.

Еще одной теоретической работой, на которую часто ссылаются современные исследователи украинской литературы, является монография В. Г. Фоменко «Город и литература: украинское измерение» (2007)¹². Пожалуй, в настоящий момент это единственное издание, в котором более-менее последовательно, однако с разной степенью глубины проникновения в материал (безусловно, крайне обширный) разрабатывается история зарождения и эволюции городской темы в украинской литературе и ее влияние на становление национальной литературы XX в. и современной. Это междисциплинарное исследование, в котором синтезируются исторический, социологический, культурологический, философский аспекты данной темы. В своей книге Фоменко утверждает, что город как социокультурный феномен зависит от процессов урбанизации, когда духовные, культурные и моральные составляющие начинают подчиняться происходящим процессам. Таким образом, переход к городскому дискурсу в украинской литературе становится закономерным процессом, при котором город и человек находятся в процессе взаимного влияния и постоянного обновления.

Диссертационная работа И. В. Вихор «Дискурс города в украинской поэзии конца XIX – первой половины XX столетия» (2011)¹³ стала теоретической основой для тех, кто исследует тоpos города и городского пространства в украинских поэтических текстах. Автор систематизировала и обобщила основные научные подходы к теории городского текста и на их основе разработала понятие дискурса города как совокупности принципов и закономерностей художественной организации урбанистической семантики и поэтики. Это позволило описать основные типологические модели образа города в текстах украинской лирики обозначенного периода. В понятие «поэтический тоpos города» исследовательница включает следующие разновидности: собственно урбанистический, индустриальный, архитектурный, пейзажный, историософский. Вихор рассматривает временную локализацию поэтического городского текста в четырех измерениях (исторического, календарного, суточного и метафизического времени), а пространственную локализацию – как во внешнем (географическое и геополитическое положение города), так и во внутреннем (архитектурная и пейзажная составляющая самого города). В семантизации поэтического тоposa литературовед выделяет

¹² Фоменко В. Місто і література: українська візія. Луганськ, 2007.

¹³ Вихор І. Дискурс міста в українській поезії кінця XIX – першої половини XX століття. Автореферат дис. на здобуття наук. ст. канд. філол. наук. Тернопіль, 2011.

символическую и мифосимволическую модели и их разновидности. Как всякое аргументированно систематизирующее исследование, эта работа привлекает других ученых своей разработанной теорией и классификацией – многие из исследователей, занимающихся топосом города в украинской поэзии, в настоящее время опираются на этот труд.

Еще одна диссертационная работа, посвященная городскому топосу, обращается к современной украинской литературе (литературе начала 2000-х гг.) и опирается в методологии исследования на московско-гартусскую семиотическую школу. Это работа М. В. Штогрин «Урбанистические топосы современной украинской литературы: традиция и трансформация (2000–2014 гг.)»¹⁴. В ней автор рассматривает процесс создания образа города как текста-мифа и вводит в научный оборот как многие тексты современных авторов, так и понятие «малого города», который создает свой «текст» наравне с крупными, очевидно культурно значимыми городами. Некоторые положения данной работы (например, то, что воспоминания героев о реальных местах и действиях деконструируют урбанистический хронотоп, что способствует его мифологизации) полемичны, но это означает, что в современном украинском литературоведении есть поле и для дискуссии.

Самые многочисленные исследования – это работы по топосу города в некоторых литературных направлениях или явлениях (см., например, Л. Нежива «Образ города в украинской барочной литературе»¹⁵, С. Белоконь «Город как феномен сознания в интеллектуальном романе»¹⁶, О. Романенко «Город, который сам себя рассмешил: жанрово-стилевые особенности городского иронического романа в массовой литературе»¹⁷ и др.), или в творчестве какого-то отдельного

14 Штогрин М. Урбаністичні топоси сучасної української літератури: традиції та трансформації (2000–2014 рр.). Автореферат дис. на здобуття наук. ст. канд. філол. наук. Київ, 2016.

15 Нежива Л. Л. Образ міста в бароковій українській літературі // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2010. № 20 (207), жовтень. Част. III. С. 88–93.

16 Білокінь С. О. Місто як феномен свідомості в інтелектуальному романі // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 12–18.

17 Романенко О. В. Місто, яке саме себе розсмішило: жанрово-стильові особливості міського іронічного роману в масовій літературі // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2010. № 20 (207), жовтень. Част. III. С. 161–168.

писателя (см., например, О. Хамедова «Урбанистические топосы в произведениях Б. Антоненко-Давидовича: на пути от Охтырки до Киева»¹⁸, Д. Боклах «Художественное видение поэтического топоса города в творчестве Т. Шевченко»¹⁹, О. Шаф «Топос города в поэзии Сергея Жадана как маскулинизация мира»²⁰ и др.), либо еще более узко – топос города в отдельном произведении (см., например, В. Бирик «Киев в системе хронотопного комплекса “Повести без названия” В. Підмогильного»²¹, О. Красненко «Палимпсест города в романе П. Загребельного “Диво”»²², А. Бабенко «Урбанистическое пространство как деконструкция человечности в книге Сергея Жадана “Месопотамия”»²³ и др.). Литературоведы обращаются к самым разным историческим периодам развития украинской литературы, хотя, конечно, больше всего внимания уделяется литературе 1920-х гг., когда город становится не только местом действия, но и персонажем прозаических произведений, а будущее «нового человека» видится в парадигме индустриализации, связанной с неизбежной урбанизацией, – и литературе XXI в., которую сложно представить вне городского контекста.

Следующий, также довольно обширный блок – это обобщающие работы по «текстам» отдельных украинских городов. Отдельную проблему здесь представляют «одесский» и «донецкий» «тексты»

18 *Хамедова О.* Урбаністичні топоси в творах Б. Антоненко-Давидовича: на шляху від Охтирки до Києва // *Донецький вісник наукового товариства ім. Шевченка.* 2009. Т. 17. С. 232–243.

19 *Боклах Д.* Художня візія поетичного топосу міста у творчості Т. Шевченка // *Вісник університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки».* 2018. № 1 (15). С. 113–125.

20 *Шаф О. В.* Топос міста в поезії Сергія Жадана як маскулінізація світу // *Актуальні проблеми слов'янської філології.* 2010. Вип. XXIII. Част. 2. С. 411–417.

21 *Бірик В. Б.* Київ у системі хронотопного комплексу «Повісті без назви» В. Підмогильного // *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки.* 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 5–12.

22 *Красненко О. В.* Палимпсест міста в романі П. Загребельного «Диво» // *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки.* 2010. № 20 (207), жовтень. Част. IV. С. 121–125.

23 *Бабенко А.* Урбаністичний простір як деконструкція людяності у книзі Сергія Жадана «Месопотамія» // *Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського. Серія «Філологічні науки».* 2016. № 1. С. 20–26.

в контексте культуры «русского мира», поэтому и работ собственно украинских литературоведов на эту тему немного, хотя вообще исследование «одесского текста» имеет довольно обширную библиографию²⁴. Однако исследования топоса города главным образом все же концентрируются вокруг двух самых важных национальных городских текстов – киевского и львовского. Причем если в русской культуре противопоставляются два столичных города – Москва и Петербург, то в украинской – это столичный Киев и, вопреки ожиданиям столичного Харькова, не бывший никогда столицей Украины Львов.

Город Львов становился объектом изображения не только в украинской литературе, а и в других: русской («Синдром Петрушки» Л. Петрушевской, «Автохтоны» М. Галиной, «Случайному гостю» А. Гедеонова и др.), польской («Мой Львов» Ю. Витлина, «Львовские хроники» Я. Лема, «Высокий замок» С. Лема и др.), австрийской («Путешествие по Галичине» Й. Рота, «Богатый край бедных людей» К. Гауса, М. Поляка и др.), еврейской («Краков и Львов» Ш. Алейхома). «Львовский текст» в настоящее время – наиболее разработанный, отрефлексируемый «городской текст» украинской литературы. Возможно, потому, что он имеет довольно серьезную историю, изучению и осмыслению которой были посвящены в том числе работа известного украинского литературоведа, постоянно живущего в США, Григория Юльевича Грабовича «Мифологизация Львова: эхо присутствия и отсутствия»²⁵ и полемичная по отношению к ней статья Инны Семеновны Булкиной «Lemberg, Lwow, Львів: городской текст Львова»²⁶, а также монография Стефании Николаевны Андрусив, обращающаяся к определенному историческому периоду, «Модус национальной идентичности. Львовский текст 30-х гг. XX в.»²⁷.

24 См., например, *Ладохина О. Ф.* К вопросу о современном «одесском тексте» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 2. С. 84–89; *Шеховцева Т. А., Юрченко С. П.* Одесский текст и одесский миф в русской прозе 1920–1930-х гг. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». 2020. Вип. 86. С. 35–48; *Степанова А.* Одесский текст Исаака Бабеля: судьба человека в закатном городе // *Slavia Orientalis*. 2022. Т. LXXI. No. 4. С. 731–747.

25 *Грабович Г.* Мітологізації Львова: відлуння присутності та відсутності // Критика. Червень 2002. Рік VI. Число 7–8 (57–58). С. 11–17.

26 *Булкина І.* Lemberg, Lwow, Львів: міський текст Львова // Критика. Березень 2018. Рік XXII. Число 3–4 (245–246). С. 33–38.

27 *Андрусів С. Н.* Модус національної ідентичності. Львівський текст 30-х років XX ст. Львів, 2000.

Грабович понимает Львов как миф, текст, который невозможно до конца прочитать, поскольку его рецептивные возможности неисчерпаемы; при этом ученый считает, что украинский «текст» создается в противопоставление «Другому» (польскому) «тексту». Андрусив видит во «львовском тексте» текст-пространство, в котором важны оппозиции «свой – чужой» и для польской, и для украинской литературы, и текст-имя, поскольку для этого города важны мифы про демиурга и возникновение его названия. Для Булкиной наиболее важно для понимания специфики «львовского текста» то, что этот город – столица Галичины и вместе с тем литературный миф, город, «химерный» по своей сути, основным концептом для которого является присутствие отсутствующей реки²⁸. По мысли исследовательницы, на украинский «текст» города большое влияние оказали немецкоязычная (австрийская) и польская литературы, которым украинский «текст» не противопоставляется, а наследует созданные ими концепты, которые дальше трансформируются в произведениях украинской литературы. Однако при том, что Булкина отрицает противопоставление польских и украинских «текстов» Львова, она пишет о таком противопоставлении русских «текстов» украинским (в романах Галиной «Автохтоны» и Геденова «Случайному гостю»), подчеркивая, что в последнем актуализируется не украинское, а советское прошлое города, а первый является репликой на украинский «львовский текст».

«Киевский текст» появляется изначально в русской литературе и в XX в. формируется под влиянием обеих литератур. Существует целый ряд исследований, посвященных образу Киева, киевскому тексту в украинском литературоведении²⁹. Одной из наиболее фунда-

28 Река Полтва, приток Западного Бука. Протекала через центр Львова до конца XIX в., когда была заключена в пролегающий под центром города коллектор, после чего стала частью канализационной системы. Является одной из самых ярких мифологем Львова, принципиальных для украинской литературы. См., например, эссе Ю. Андруховича «Город-корабль».

29 См., например: *Гундорова Т.* Романс як архетип київського модерністського тексту // Київ і слов'янські літератури. Київ; Београд, 2013. С. 217–234; *Булкина И.* Признание в нелюбви. «Киевский текст» в новой украинской литературе // Новый мир. 2011. № 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/11/priznanie-v-nelyubvi.html (дата обращения: 15.08.2023); *Бураго Е. Г.* Семиотика города: Киев как текст культуры // Вестник РУДН. Серия «Теория языка». Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 35–40; *Левчицкий В. А.* Идея столицности в київському тексті 1910-х – 1930-х років // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні

ментальных работ является диссертация И. С. Булкиной «Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное». Нужно сказать, что практически все исследователи обращаются к статье Георгия Петровича Федотова (1886–1951), ученика Гревса, «Три столицы» (1926), где автор представляет свою стольноградскую триалектическую историософию, в которой Киеву отводится роль возможной новой-старой столицы Российской империи. Вопреки мнению Федотова о том, что русская литература прошла мимо Киева, Булкина аргументированно доказывает ошибочность данного вывода, не только убедительно иллюстрируя свою точку зрения примерами из «Печерских антиков» Н. С. Лескова и поэзии Н. С. Хомякова, упомянутых Федотовым, но и прослеживая историю становления «киевского текста» от «Киевского синопсиса» и «Истории русов» через осмысление старокиевского пространства опер, сказок и баллад к произведениям В. Ф. Одоевского и Н. В. Гоголя. Однако, справедливо утверждает исследовательница, до конца XIX в. в литературных произведениях описывалось не реальное городское пространство, а пространство символическое: старокиевское, пространство сказок и былин. В литературе XX в., конечно, самым известным киевским текстом становится «Белая гвардия» М. А. Булгакова³⁰, в которой Киев представлен как город погибающей империи, однако, как отмечает Я. А. Полищук в значимой для украинского литературоведения статье «Культурное топографирование Киева»³¹, знаковыми становятся и другие тексты, в которых пространство Киева осмысливается либо как утраченное, но не имперское, а детское, домашнее, как в книге И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», либо как вновь обретенное украинское, как в романе В. П. Пидмогильного «Город», в котором Киев как бы присваивается, завоевывается новой украинской интеллигенцией. Таким образом, Киев предстает символом коллективной

науки. 2010. № 20 (207), жовтень. Част. IV. С. 18–23; *Кравченко О. А.* Київ у творчій свідомості М. В. Гоголя // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 65–71.

30 И здесь нельзя не упомянуть книги М. С. Петровского, в которых исследуется «булгаковский» Киев («Городу и миру. Киевские очерки» (1990), «Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова» (2001)).

31 *Полищук Я. А.* Культурное топографирование Киева // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія «Лінгвістика і літературознавство». 2010. Вип. XXIII. Част. 4. С. 144–152.

идентичности и предметом для конфликта интерпретаций и, соответственно, ключевой фигурой в дискуссиях о национальной идентичности, культурном наследии, исторических корнях.

В наиболее значимых работах украинских литературоведов основные национальные городские «тексты» – киевский и львовский – оказываются в первую очередь полем борьбы за национальную идентичность: русскую или украинскую в случае с Киевом, польскую, утраченную имперскую австрийскую, еврейскую или украинскую в случае со Львовом, однако «львовский текст» все же тяготеет к попыткам сохранения полиэтничности.

В целом топос города в 2010-х гг. был в фокусе внимания украинских литературоведов, которые достигли определенных успехов как в теоретических трудах, изучении городского текста в творчестве отдельных авторов или литературных направлений, так и в исследовании «текстов» отдельных городов. Однако интерес к этой тематике не ограничивается 2000–2010-ми годами – периодически топос города оказывается в центре научных интересов как молодых филологов, так и тех, кто уже давно в профессии. По-видимому, он станет одной из «вечных» тем в украинском литературоведении, как и сам город, в пространстве которого главным образом развивается современная жизнь не только Украины, но и многих других стран.

Источники и литература

Андрусів С. Модус національної ідентичності. Львівський текст 30-х років ХХ ст. Львів: Джура, 2000. 340 с.

Бабенко А. Урбаністичний простір як деконструкція людяності у книзі Сергія Жадана «Месопотамія» // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського. Серія «Філологічні науки». 2016. № 1. С. 20–26.

Бібік В. Київ у системі хронотопного комплексу «Повісті без назви» В. Підмогильного // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 5–12.

Білокінь С. Місто як феномен свідомості в інтелектуальному романі // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 12–18.

Боклах Д. Художня візія поетичного топосу міста у творчості Т. Шевченка // Вісник університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2018. № 1 (15). С. 113–125.

Булкина І. Lemberg, Lwow, Львів: міський текст Львова // Критика. Березень 2018. Рік XXII. Число 3–4 (245–246). С. 33–38.

Булкина І. Признание в нелюбви. «Киевский текст» в новой украинской литературе // Новый мир. 2011. № 11. URL: https://magazines.gorky.media/pouvi_mi/2011/11/priznanie-v-nelyubvi.html (дата обращения: 15.08.2023).

Бураго Е. Семиотика города: Киев как текст культуры // Вестник РУДН. Серия «Теория языка». Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 35–40.

Вихор І. Дискурс міста в українській поезії кінця XIX – першої половини XX століття. Автореферат дис. на здобуття наук. ст. канд. філол. наук. Тернопіль, 2011. 20 с.

Возняк Т. Феномен міста. Львів: «І», 2009. 334 с. URL: <http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/misto/misto-zmist.htm> (дата обращения: 18.08.2023).

Грабович Г. Мітологізації Львова: відлуння присутності та відсутності // Критика. Червень 2002. Рік VI. Число 7–8 (57–58). С. 11–17.

Гундорова Т. Романс як архетип київського модерністського тексту // Київ і слов'янські літератури. Київ; Београд: Темпора–SlovoSlavia, 2013. С. 217–234

Демська-Будзуляк Л. Топос міста та літературний контекст раннього модернізму // Наукові праці. Серія «Філологія. Літературознавство». Миколаїв, 2009. Т. 118. Вип. 105. С. 11–16.

Дикуніна О. Українська урбаністична література: еволюція, проблематика, поетика. Рекомендаційний бібліографічний список літератури. Кривий Ріг, 2016.

Кравченко О. Київ у творчій свідомості М. В. Гоголя // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 65–71.

Красненко О. Палімпсест міста в романі П. Загребельного «Диво» // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2010. № 20 (207), жовтень. Част. IV. С. 121–125.

Ладохина О. К вопросу о современном «одесском тексте» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 2. С. 84–89.

Левицький В. Ідея столічності в київському тексті 1910-х – 1930-х років // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2010. № 20 (207), жовтень. Част. IV. С. 18–23.

Мариняк Р. Урбаністичний і рустикальний художній простір та його втілення в сучасній українській літературі // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки». 2018. Вип. 26. С. 51–58.

Нежива Л. Образ міста в бароковій українській літературі // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2010. № 20 (207), жовтень. Част. III. С. 88–93.

Полищук Я. Культурное топографирование Киева // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія «Лінгвістика і літературознавство». 2010. Вип. XXIII. Част. 4. С. 144–152.

Пухонська О. Сучасна візія міста в поезії молодих авторів // Синопис: текст, контекст, медіа. 2013. № 3–4. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/stkm_2013_3-4_9 (дата обращения: 10.08.2023).

Романенко О. Місто, яке саме себе розсмішило: жанрово-стильові особливості міського іронічного роману в масовій літературі // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2010. № 20 (207), жовтень. Част. III. С. 161–168.

Саган Г. Особливість створення опозиції «село – місто» у романі В. Домонтовича «Без ґрунту» // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 108–112.

Степанова А. Одесский текст Исаака Бабеля: судьба человека в зкатном городе // Slavica Orientalis. 2022. Т. LXXI. No. 4. С. 731–747.

Томченко М. Протиставлення урбаністичної й селянської української літератури в літературно-критичному дискурсі Н. Зборовської // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2013. № 22 (281), листопад. Част. II. С. 120–125.

Фоменко В. Місто і література: українська візія. Луганськ: Знання, 2007. 312 с.

Хамедова О. Урбаністичні топоси в творах Б. Антоненко-Давидовича: на шляху від Охтирки до Києва // Донецький вісник наукового товариства ім. Шевченка. 2009. Т. 17. С. 232–243.

Шаф О. Топос міста в поезії Сергія Жадана як маскулінізація світу // Актуальні проблеми слов'янської філології. 2010. Вип. XXIII. Част. 2. С. 411–417.

Шеховцева Т., Юрченко С. Одесский текст и одесский миф в русской прозе 1920–1930-х гг. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». 2020. Вип. 86. С. 35–48

Штогрин М. Урбаністичні топоси сучасної української літератури: традиції та трансформації (2000–2014 рр.). Автореферат дис. на здобуття наук. ст. канд. філол. наук. Київ, 2016. 20 с.

References

Andrusiv, S. *Modus natsional'noi identychnosti. Lvivs'kyi tekst 30-kh rokiiv XX st.* Lviv: Dzhura, 2000, 340 p.

Babenko, A. «Urbanistychnyi prostir iak dekonstruktsiia liudianosti u knyzi Serhiia Zhadana “Mesopotamiia”.» *Naukovyi visnyk Mykolaïvs'koho natsional'noho universytetu imeni V. O. Sukhomlyns'koho. Seriia «Filolohichni nauky»*, 2016, no 1, pp. 20–26.

Bibik, V. «Kyïv u systemi khronotopnoho kompleksu “Povisti bez nazvy” V. Pidmohyl'noho.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2013, no 22 (281), lystopad, part II, pp. 5–12.

Bilokin', S. «Misto iak fenomen svidomosti v intelektual'nomu romani.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2013, no 22 (281), lystopad, part II, pp. 12–18.

Boklakh, D. «Khudozhnia viziia poetychnoho toposu mista u tvorchosti T. Shevchenka.» *Visnyk universytetu imeni Al'freda Nobelia. Seriia «Filolohichni nauky»*, 2018, no 1 (15), pp. 113–125.

Bulkina, I. «Lemberg, Lwow, Львів: miskyi tekst Lvova.» *Krytyka. Berezen' 2018. Rik XXII, chyslo 3–4 (245–246)*, pp. 33–38.

Bulkina, I. «Priznanie v neliubvi. “Kievskii tekst” v novoi ukrainskoi literature.» *Novyi mir*, 2011, no 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/11/priznanie-v-nelyubvi.html (accessed: 15.08.2023).

Burago, E. «Semiotika goroda: Kiev kak tekst kul'tury.» *Vestnik RUDN, seriia «Teoriia iazyka». Semiotika. Semantika*, 2016, no 2, pp. 35–40.

Dems'ka-Budzuliak, L. «Topos mista ta literaturnyi kontekst rann'oho modernizmu.» *Naukovi pratsi. Seriia «Filolohiia. Literaturoznavstvo»*. Mykolaïv, 2009, vol. 118, issue 105, pp. 11–16.

Dykunova, O. *Ukrains'ka urbanistychna literatura: evoliutsiia, problematyka, poetyka. Rekomendatsiinyi bibliohrafichnyi spysok literatury*. Kryvyi Rih, 2016.

Fomenko, V. *Misto I literatura: ukrains'ka viziia*. Luhans'k: Znannia, 2007, 312 p.

Hrabovych, H. «Mitologizatsii L'vova: vidlunnia prysutnosti ta vidsutnosti.» *Krytyka. Cherven' 2002. Rik VI, Chyslo 7–8 (57–58)*, pp. 11–17.

Hundorova, T. «Romans iak arkhetyr kyïvs'koho modernists'koho tekstu.» *Kyïv I slov'ians'ki literatury*. Kyïv, Beohrad, 2013, Tempora–SlovoSlavia, pp. 217–234.

Khamedova, O. «Urbanistychni toposy v tvorakh B. Antonenko-Davydovycha: na shliakhu vid Okhtyryky do Kyieva.» *Donets'kyi visnyk naukovoho tovarystva im. Shevchenka*, 2009, vol. 17, pp. 232–243.

Krasnenko, O. «Palimpsest mista v romani P. Zahrebel'noho “Dyvo”.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2010, no 20 (207), part IV, pp. 121–125.

Kravchenko, O. «Kyïv u tvorchiï svidomosti M. V. Hoholia.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2013, no 22 (281), part II, pp. 65–71.

Ladokhina, O. «K voprosu o sovremennom “odesskom tekste”.» *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, 2015, no 2, pp. 84–89.

Levyts'kyi, V. «Ideia stolichnosti v kyïvs'komu teksti 1910-kh–1930-kh rokov.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2010, no 20 (207), part IV, pp. 18–23.

Maryniak, R. «Urbanistychnyi I rustykal'nyi khudozhnii prostir ta ioho vtillennia v suchasniï ukraïns'kii literature.» *Visnyk Khar'kivs'koho natsional'noho universytetu imeni V.N. Karazina. Seriiia «Istoriia Ukraïny. Ukraïnoznavstvo: istorychni ta filosof's'ki nauky»*, 2018, issue 26, pp. 51–58.

Nezhyva, L. «Obraz mista v barokovii ukraïns'kii literature.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2010, no 20 (207), part III, pp. 88–93.

Polyshchuk, Ia. «Kul'turnoe topohrafirovanye Kyeva.» *Aktual'ni problemy slov'ians'koï filolohii. Seriiia «Linhvistyka i literaturoznavstvo»*, 2010, vol. XXIII, part 4, pp. 144–152.

Pukhons'ka, O. «Suchasna viziiia mista v poezii molodykh avtoriv.» *Synopsis: tekst, kontekst, media*, 2013, no 3–4. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/stkm_2013_3-4_9 (accessed: 10.08.2023).

Romanenko, O. «Misto, iake same sebe rozsmishylo: zhanrovo-styl'ovi osoblyvosti mis'koho ironichnoho romanu v masovii literature.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2010, no 20 (207), part III, pp. 161–168.

Sahan, H. «Osoblyvist' stvorennnia opozytsii “selo – misto” u romani V. Domontovycha “Bez hruntu”.» *Visnyk Luhans'koho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filolohichni nauky*, 2013, no 22 (281), part II, pp. 108–112.

Shaf, O. «Topos mista v poezii Serhiia Zhadana iak maskulinizatsiia svitu.» *Aktualni problemy slov'ians'koï filolohii*, 2010, issue XXIII, part 2, pp. 411–417.

Shekhovtseva, T., Iurchenko, S. «Odesskii tekst i odesskii mif v russkoi proze 1920–1930-kh gg.» *Visnyk Khar'kivs'koho natsional'noho universytetu imeni V.N. Karazina. Seriiia «Filolohiia»*, 2020, issue 86, pp. 35–48.

Shtohryn, M. *Urbanistychni toposy suchasnoï ukraïns'koï literatury: tradytsii ta transformatsii (2000–2014 rr.). Avtoreferat dys. na zdobuttia nauk. st. kand. filol. nauk.* Kyïv, 2016, 20 p.

Stepanova, A. «Odesskii tekst Isaaka Babelia: sud'ba cheloveka v zakatnom gorode.» *Slavia Orientalis*, 2022, no 4, vol. LXXI, pp. 731–747.

Tomchenko, M. «Protystavlen'na urbanistychnoji j sel'ans'koi ukrains'koi literatury v literaturno-krytychnomu dyskursi N. Zborovs'koi.» *Visnyk Lugans'kogo*

nacional'nogo universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Filologichni nauky, 2013, no 22 (281), part II, pp. 120–125.

Vozniak, T. Fenomen mista. Lviv: «І», 2009, 334 p. URL: <http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/misto/misto-zmist.htm> (accessed: 10.08.2023).

Vykhor, I. Dyskurs mista v ukraïns'kii poezii kintsia XIX – pershoï polovyny XX stolittia. Avtoreferat dys. na zdobuttia nauk. st. kand. filol. nauk. Ternopil', 2011, 20 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.21

E. V. Baydalova

**Topos of a city in Ukrainian literature:
contemporary Ukrainian scholarship**

Ekaterina V. Baydalova

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kbaydalova@yandex.ru

ORCID: 000-0001-6263-8358

Citation

Baydalova E. V. Topos of a city in Ukrainian literature: contemporary Ukrainian scholarship // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 410–427 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.21

Received: 21.08.2023.

Revised: 01.09.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article examines the history and current state of the study of the topos of the city in modern Ukrainian literary criticism (2000–2010s). The city and urban space entered Ukrainian literature relatively late (through the prose of I. Nechuy-Levitsky, P. Mirny, I. Franko, V. Vynnychenko). This happened under the influence of the industrialization of the state and society in the late 19th and early 20th centuries, but the “urban text” of Ukrainian culture continued to form throughout the last century. In the studies of Ukrainian scientists addressing urban topics, the main attention is paid to the opposition of urban and rustic discourses, studies of the topos of the city in certain literary directions, phenomena, works

of specific writers, as well as the main national “urban texts” – Kyiv and Lviv, – their connections with the history of these cities and the development of various national literatures referring to these texts: Austrian, Polish, Jewish, Russian, Ukrainian. Research is underway on “texts” of other cities (Poltava, Yekaterinoslav (Dnepropetrovsk / Днепр), Odessa, Donetsk, Kharkov, etc.), including provincial towns that are an integral part of Ukrainian culture. A relatively small number of works are devoted to theoretical problems. The methodology for studying the topos of the city is, as a rule, based on a structuralist approach based on the achievements of the Tartu-Moscow semiotic school.

Keywords

Topos of the city, Ukrainian literary study, Kyiv text, Lviv text.

УДК 93/94

М. А. Робинсон

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.22

Письмо Н. Н. Дурново А. В. Луначарскому

Робинсон Михаил Андреевич

Доктор исторических наук, руководитель центра

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: m.a.robinson@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3917-1360

Цитирование

Робинсон М. А. Письмо Н. Н. Дурново А. В. Луначарскому // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 428–434. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.22

Статья поступила в редакцию 01.08.2023.

Аннотация

Н. Н. Дурново состоял в Белорусской академии наук немногим более года. Ученый был обвинен в отрицательном отношении к марксизму, публикации за границей статей в реакционной печати и исключен из Академии. Публикуемое письмо Дурново А. В. Луначарскому свидетельствует о том бедственном положении, в каком он оказался.

Ключевые слова

Н. Н. Дурново, А. В. Луначарский, Белорусская академия наук.

Возвращение Н. Н. Дурново из просроченной научной командировки в Чехословакию¹ было связано с его избранием в Белорусскую академию наук. Согласиться на это избрание для ученого было шагом вынужденным, потому что в сложившейся ситуации только оно давало возможность получить место работы при возвращении в Советский Союз. Основанием для избрания являлось, кроме научного авторитета, то, что Дурново хлопотами белорусских ученых, и прежде всего

¹ См. подробнее: *Робинсон М. А.* Научная деятельность Н. Н. Дурново во время командировки в Чехословакию (1924–1927) // *Chinese Journal of Slavic Studies*. 2021. V. 1. Is. 1. P. 61–78.

инициатора дела А. Ф. Бузука² и председателя Института белорусской культуры С. М. Игнашевича, в феврале 1928 г. «получил назначение на должность заведующего кафедрой истории белорусского языка со званием действительного члена Инбелкульта»³. Игнашевич предварительно согласовал это назначение с курировавшими науку органами ЦК КП(б)Б⁴. Но до приезда в Минск сотрудничество Дурново с Институтом белорусской культуры оставалось заочным.

Руководством Белоруссии было принято решение преобразовать Инбелкульт в Академию наук. Дурново вошел в первый состав академиков, утвержденный Совнаркомом БССР 13 октября 1928 г. Однако ученый недолго пребывал в этом почетном звании. Официальное открытие БАН состоялось 1 января 1929 г. Дурново прибыл в Минск из Чехословакии в феврале 1929 г., а уже в декабре он был исключен из состава Академии. Исключению предшествовали газетные публикации. Прежде всего это развернутая статья вице-президента БАН Н. И. Белуги «Навукова-дасьледчая праца БАН у асьвятленьні бальшавіцкай самакрытыкі». Она публиковалась с продолжением в трех номерах газеты «Савецкая Беларусь». Тот номер, в котором Белуга обратил свое внимание на Дурново, вышел 12 декабря. В вину Дурново вменялось отрицательное отношение к «яфетиологии» Марра: «Вядома, што тэорыя Марра, ня гледзячы на шэраг памылак і недакладнасьцяў у ёй, значна набліжаецца да марксыцкай тэорыі навукі. Ведае гэта і акад. Дурнаво, але толькі таму, што ён ведае характар гэтай тэорыі, і толькі пагэтаму ён і называе яе “шарлатанствам”». Белуга вопрошал: «А яка-ж тэорыя мовы самога акад. Дурнаво? Буржуазная, ідэалістычная. Толькі згодна гэтай тэорыі ён з вялікім задаваленьнем посылае свае працы па мове для друку ў Праскую акадэмію і там з вялікім задаваленьнем іх друкуюць»⁵. В газете «Звезда» 15 декабря появилась очень резкая по тону и с огульными обвинениями статья «Реакцыянеру Дурнаво ня месца ў Акадэміі Навук» за подписью «Навуковы працаўнік». Автор посчитал себя

² Робинсон М. А. Русские ученые-слависты и Белорусская академия наук в 1920-е годы // Белоруссия и Украина: история и культура. Сб. статей. М., 2015. Вып. 5. С. 341–342.

³ Шевчук И. И. Минский период в жизни Н. Н. Дурново // Славяноведение. 2011. № 2. С. 81.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Белуга Н. И. Навукова-дасьледчая праца БАН у асьвятленьні бальшавіцкай самакрытыкі // Савецкая Беларусь. 1929. 12 декабря.

обязанным «показаць усёй савецкай грамадзкасьці твар гэтага кандыдата ў правадзейныя члены Акадэміі»⁶. В статье повторялось то, что содержалось в статье Белуги, с добавлением других прегрешений Дурново: сотрудничество в «контрреволюционной прессе» и называние марксизма «идыётызмам».

Далее события развивались стремительно: в тот же день, 15 декабря, комфракция Центрального бюро секции научных работников (СНР) Белоруссии поставила в вину Дурново то, что в некрологе, который он подготовил для публикации в Чехословакии, «писалось о плохом материальном, физическом и моральном состоянии А. И. Соболевского после 1914 г.»⁷. От Белорусской СНР тут же последовал донос в Москву. А 18–19 декабря Президиум БАН подал докладную в Совнарком Белоруссии с предложением лишить Дурново звания академика и вообще уволить с работы в Академии⁸. 27 декабря Центральный совет секции научных работников профсоюза работников просвещения СССР предложил отказать в выдвижении Дурново на выборах в АН СССР, «так как, по отзыву Белорусского ЦБ СНР, он является идеологически чуждым и реакционно настроенным научным работником»⁹. Совнарком БССР утвердил исключение 24 января 1930 г.

В Москве в Комитете ЦИКа, отвечавшем за выборную кампанию в АН СССР, было заведено соответствующее «Дело». Надо полагать, что для убедительности обвинений, предъявлявшихся Дурново, к делу были приобщены и две упоминавшиеся статьи из белорусских газет. От ученого затребовали объяснение, которое он составил 2 января 1930 г., озаглавив «Заявление профессора Н. Н. Дурново»¹⁰. Ученый отрицал в нем все предъявленные ему обвинения.

История с Дурново, который оказался первым академиком, исключенным из состава БАН, проходила на фоне начавшейся кампании по борьбе с национально ориентированной белорусской гуманитарной интеллигенцией («нацдемами»)¹¹, однако в нее не вписывалась.

6 Навуковы працаўнік. Реакцыянеру Дурнаво ня месца ў Акадэміі Навук // Звязда. 1929. 15 декабря.

7 Шевчук И. И. Минский период в жизни Н. Н. Дурново. С. 85.

8 Там же. С. 84.

9 ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41. Л. 17.

10 Текст «Заявления» см.: Робинсон М. А. «Заявление профессора Н. Н. Дурново» // Славяноведение. 2011. № 2. С. 96–100.

11 См., например: Запрудский С. Белорусская лингвистика 1920-х в ее отношениях с властью // Studia Bialorutenistyczne. 2014. № 8. С. 150–155.

Имеющиеся источники не дают ответа на вопрос, чем была вызвана столь яростная атака на человека, далекого от всякой политики. Они не предоставляют объяснений и тому, почему фракция КП(б)Б Центрального бюро СНР дважды возвращалась к проблеме Дурново, подтверждая свое решение от 15 декабря 1929 г.: первый раз это случилось 20 января 1930 г., а затем 25 марта¹², то есть когда уже прошло два месяца со времени вынесения по делу окончательного вердикта СНК Белоруссии.

Можно с осторожностью предположить, что на действия белорусской стороны могли повлиять некие запросы из Москвы. Не исключено, что подобные вопросы могли последовать из Ученого комитета при ЦИК СССР, органа управления всесоюзными научными учреждениями. Этот комитет после своего смещения с поста наркома просвещения осенью 1929 г. возглавил А. В. Луначарский. И именно к нему попытался обратиться за помощью Дурново. Ученый описал свое безвыходное положение после исключения из БАН, невозможность получить постоянную работу, обвинения и свое исключение считал неправильными. Последней надеждой продолжить научную работу и обеспечить семью Дурново считал «возможность временно выехать вместе с семьей, т[о] е[сть] с женой и младшими детьми, за границу». И об этом он просил Луначарского походить за него. К письму ученый прилагал весь комплекс документов, связанных с его исключением, свою автобиографию и список трудов¹³. Как воспринял это письмо Луначарский, неизвестно, Дурново ответа не получил, его положение так и осталось неустойчивым вплоть до ареста по «Делу славистов».

[1930]

Многоуважаемый Анатолий Васильевич

Постановлением Совнаркома Белоруссии я был уволен от должности действительного члена Белорусской Академии Наук и вслед за тем Местком той же Академии исключил меня и из Профсоюза работников Просвещения Белоруссии. Благодаря этому я не только лишился постоянного заработка, но и лишен возможности найти себе другой постоянный заработок или хлопотать о пенсии, а мои дети не могут поступить в ВУЗы ли, на службу, как дети родителей, не состоящих в Профсоюзе. Находя мотивировку моего исключения

¹² Шевчук И. И. Минский период в жизни Н. Н. Дурново. С. 85.

¹³ Ни один из перечисленных документов в архиве Луначарского не обнаружен.

из Белорусской АН и из профсоюза совершенно неправильной (я обвиняюсь в том, что я бывший дворянин, что я будто бы выступил против марксистского метода и соцсоревнования, помещал статьи во враждебной (?) печати и т. д.), прошу Вас, если найдете возможным, оказать мне содействие по восстановлению меня в правах и тем дать мне возможность спокойно продолжать мою научную деятельность. Если встретятся какие-нибудь препятствия к получению мною пенсии или такого постоянного заработка, который обеспечивал бы меня и мою семью, или на тот период времени, пока мне не удастся получить такой заработок или пенсию, а дети не будут в состоянии иметь самостоятельный заработок, я бы очень просил Вас ходатайствовать о том, чтобы мне была предоставлена возможность временно выехать вместе с семьей, т. е. с женой и младшими детьми¹⁴ (старший, кончающий Университет, как имеющий самостоятельный заработок, может остаться один в СССР), за границу, где у меня есть научные связи и где мне обеспечена платная научная работа по моей специальности. Обязуюсь во все время пребывания за границей ни в каких антисоветских выступлениях и организациях участия не принимать и работать в контакте с Советской наукой.

Прилагаю к письму копии постановлений Бюро Президиума Белорусской Академии Наук и ее Месткома с переводом и свои замечания на эти постановления, а также ответ на статьи, направленные против меня в белорусских газетах, послуживших поводом к моему исключению. Вырезки из газет с этими статьями вместе с моим ответом были посланы мною в январе н[астоящего] 1930 г. в Управление научными учреждениями при ВЦИКе. Тот же ответ имеется в делах Академии Наук СССР. Кроме этих документов прилагаю свою автобиографию и список научных трудов.

Примите уверение в совершенном уважении и пр.

Николай Дурнов

Москва 69. Трубниковский пер. 26, кв. 33.

РГАЛИ. Ф. 279. Оп. 2. Д. 373. Л. 1–2 об.

14 Подстрочное примечание: «Жена и дети находятся полностью на моем иждивении, состояние здоровья не позволяет им иметь самостоятельный заработок».

Источники и литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Бялуга Н. И. Навукова-дасьледчая праца БАН у асьвятленьні балшавіцкай самакрытыкі // Савецкая Беларусь. 1929. 12 декабря.

Запрудский С. Белорусская лингвистика 1920-х в ее отношениях с властью // *Studia Bialorutenistyczne*. 2014. № 8. С. 139–156.

Навуковы працаўнік. Реакцыянеру Дурнаво ня месца ў Акадэміі Навук // *Звязда*. 1929. 15 декабря.

Робинсон М. А. «Заявление профессора Н. Н. Дурново» // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 86–100.

Робинсон М. А. Русские ученые-слависты и Белорусская академия наук в 1920-е годы // *Белоруссия и Украина: история и культура*. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. Вып. 5. С. 319–372.

Робинсон М. А. Научная деятельность Н. Н. Дурново во время командировки в Чехословакию (1924–1927) // *Chinese Journal of Slavic Studies*. 2021. Vol. 1. Is. 1. P. 61–78. DOI: 10.1515/cjss-2021-2008

Шевчук И. И. Минский период в жизни Н. Н. Дурново // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 78–85.

References

Bialuha, N. I. «Navukova-das'ledchaia pratsa BАН u as'viatlen'ni bal'shavitskai samakrytyki.» *Savetskaia Belarus'*, 1929, 12 dekabria.

«Navukovy pratsavnik. Reaktsyaneru Durnavo nia mestsa v Akademii Navuk.» *Zviazda*, 1929, 15 dekabria.

Robinson, M. A. «Zaiavlenie professora N. N. Durnovo.» *Slavianovedenie*, 2011, no 2, pp. 86–100.

Robinson, M. A. «Russkie uchenye-slavisty i Belorusskaia akademiia nauk v 1920-e gody.» *Belorussia i Ukraina: istoriia i kul'tura*. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN, 2015, issue 5, pp. 319–372.

Robinson, M. A. «Nauchnaia deiatel'nost' N. N. Durnovo vo vremia komandirovki v Chekhoslovakiiu (1924–1927).» *Chinese Journal of Slavic Studies*, 2021, vol. 1, issue 1, pp. 61–78. DOI: 10.1515/cjss-2021-2008.

Shevchuk, I. I. Minskii period v zhizni N. N. Durnovo. *Slavianovedenie*, 2011, no 2, pp. 78–85.

Zaprudskii, S. «Belorusskaia lingvistika 1920-kh v ee otnosheniakh s vlast'iu.» *Studia Bialorutenistyczne*, 2014, no 8, pp. 139–156.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.22

*M. A. Robinson***N. N. Durnovo's Letter to A. V. Lunacharsky**

Mikhail A. Robinson
Doctor of History, head of the center
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Citation

Robinson M. A. N. N. Durnovo's Letter to A. V. Lunacharsky // Slavic Almanac 2023. No 3–4. P. 428–434 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.22

Received: 01.08.2023.

Abstract

N. N. Durnovo was a member of the Belarusian Academy of Sciences for a little over a year. The scientist was accused of having a negative attitude towards Marxism, publishing his articles abroad in the reactionary press, and he was expelled from the Academy. Durnovo's letter published here testifies to the plight in which he found himself.

Keywords

N. N. Durnovo, A. V. Lunacharsky, Belarusian Academy of Sciences.

Новые документы о белом подполье на Украине в 1919 г.

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. Новые документы о белом подполье на Украине в 1919 г. // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 435–455. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.23

Статья поступила в редакцию 23.05.2023.

Аннотация

Публикация посвящена новым документам о работе белого подполья на Украине в 1919 г. Выявленные материалы раскрывают прежде неизвестные подробности работы Киевского центра Добровольческой армии в 1919 г. и непосредственно белого агента Н. Ф. Соколовского.

Ключевые слова

Белое подполье, Украина, Советская Россия, Киевский центр Добровольческой армии, Н. Ф. Соколовский.

В 1928 г. в Париже в альманахе «Белый архив» полковником Я. М. Лисовым были опубликованы сенсационные донесения белых подпольщиков, работавших в Киеве в 1919 г. при большевиках¹. Чтобы обезопасить упоминаемых в документах лиц от преследований, при публикации Лисовой вычеркнул из рапортов самое ценное – упоминаемые имена белых подпольщиков и их сослуживцев, не исключая даже имен авторов этих документов, сведения о занимаемых подпольщиками

¹ Белый архив. Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. / под ред. Я. М. Лисового. Париж, 1928. Т. 2–3. С. 145–150.

должностях, а также наименования воинских частей и соединений. В результате документы практически утратили всякую привязку к конкретным событиям и людям, а значение их как источника существенно снизилось. Более того, в тех случаях, когда опущенные фрагменты лишали текст смысла, Лисовой шел на прямое искажение содержания этих рапортов, произвольно меняя в них небольшие фрагменты.

Разумеется, отечественным историкам на протяжении советского периода были недоступны и такие публикации, надежно запрятанные в спецхраны. Однако после того, как доступ к эмигрантской литературе появился и открылись архивы по истории Белого движения, долгое время публикация Лисового не подвергалась критическому осмыслению, а имена белых агентов оставались неизвестными даже специалистам по истории спецслужб того периода². Более того, купированная публикация порождала ошибочные предположения в научных работах. Так, украинский историк Я. Ю. Тинченко в своей статье сделал из этих рапортов далеко идущие выводы и утверждал, что авторство одного из документов якобы принадлежит подполковнику С. Н. Жагун-Линнику, который в изложении Тинченко был представлен чуть ли не как забытый белый супершпион³. Вслед за Тинченко не критически восприняли эту публикацию некоторые исследователи и журналисты, не говоря уже о читателях. Как следствие, ошибки стали тиражироваться. В действительности же документ был составлен совсем другим офицером.

В 2009 г. автору этих строк посчастливилось обнаружить фотографии этих документов в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины⁴. В них содержалась отсылка на место их хранения в Москве со старым шифром Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне – Государственный архив Российской Федерации, ГА РФ). Сейчас эти документы хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА). После перешифровки архивных ссылок в нем удалось найти сами рапорты, отложившиеся в фонде 40238 «Военное управление Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами

² См., напр.: *Кирмель Н. С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008.

³ *Тинченко Я.* Белогвардейское подполье // Киевские ведомости. 04.10.2005. № 207 (3593).

⁴ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ). Ф. 57. Оп. 2. Д. 364.

на Юге России». Это были машинописные копии, заверенные самими белыми. Разумеется, в них присутствовали все фамилии и сведения. Более того, в документах содержались зачеркивания тех мест, которые не стал публиковать Лисовой. Это непреложно свидетельствовало о том, что передо мной экземпляры, использовавшиеся им для публикации в «Белом архиве». В 2012 г. эти документы были мною опубликованы в полном виде в журнале «Вопросы истории» под общим заголовком «Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г.»⁵.

Белые агенты, составившие эти рапорты для руководства Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР), были связаны с Киевским центром Добровольческой армии, которым руководил полковник Н. В. Ерарский. Разумеется, нельзя безоговорочно верить всему изложенному в рапортах, так как любой, даже глубоко порядочный, агент всегда стремится представить результаты своей работы наилучшим образом. Что же говорить о периоде Гражданской войны, когда в белом лагере за службу бывших офицеров у красных полагался суд с перспективой наказания вплоть до смертной казни, а моральные принципы для многих остались в далеком прошлом. Естественным желанием прошедших через службу в РККА в этой ситуации было обезопасить себя документами, в которых бы излагался подлинный или вымышленный, но весомый вклад белых подпольщиков в разгром красных.

Один из рапортов составил подполковник А. И. Парв – бывший начальник штаба группы войск Сумского направления. В документе он указал, что благодаря его действиям белые смогли взять города Полтаву и Сумы. Другой документ составил подполковник Н. Ф. Соколовский – бывший сотрудник мобилизационного отдела киевского губернского военного комиссариата, работник штаба внутреннего фронта и помощник начальника отдела обороны организационного управления штаба наркомата по военным делам Украинской ССР (УССР). Он отметил, что преднамеренно составил невыполнимые расчеты мобилизации населения в украинские советские формирования, утвержденные наркомом по военным и морским делам УССР Н. И. Подвойским. Систематически дезорганизовывалась работа по формированию новых частей. Кроме того, Соколовский утверждал, что собирал сведения для центра и передавал их через полковника А. В. Станиславского. Белый агент также намеренно сгущал

⁵ Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

краски относительно угрожающего положения борьбы с бандитизмом и с петлюровцами на внутреннем фронте, чтобы оттянуть туда войска, предназначавшиеся против белых. Кроме того, Соколовский старался обострить отношения между командованием Украинского фронта в лице В. А. Антонова-Овсеенко и руководством наркомата по военным делам УССР в лице Подвойского. Подрывная работа велась с марта 1919 г. Отчасти себе в заслугу Соколовский ставил оставление красными Киева 31 августа 1919 г. и сохранение моста через Днепр, который красные собирались взорвать.

Оба доклада и в архивных делах, и при публикации их Лисовым всегда находились как бы в одной связке, взаимно дополняя друг друга. Они были адресованы полковнику Р. К. фон Баумгартену. Очевидно, было согласованным и их написание Парвом и Соколовским при переходе на сторону белых в Киеве 25 и 29 августа старого стиля или 7 и 11 сентября нового стиля соответственно.

Однако на этом история Соколовского не завершилась. С его именем связан очень странный эпизод с примирением красных и белых осенью 1920 г. Тогда на советскую сторону из врангелевского Крыма пришел человек, сообщивший о наличии у белых тайной организации во главе с полковником Соколовским, стремившейся сдать армию Врангеля красным. К этому предложению отнеслись серьезно, проинформировали даже председателя СНК В. И. Ленина и обсуждали в ЦК партии. Решено было назначить главкомом сдающейся врангелевской армии генерала А. А. Брусилова, а до его прибытия руководить должен был Соколовский. Однако все сорвалось, поскольку перебежчика сочли белым агентом, а всю идею – провокацией. Сложно сказать, как было на самом деле и каковы были истинные взгляды Соколовского в то время. Возможно, он действительно сочувствовал красным, почему в итоге и не побоялся вернуться на родину.

Не закончилась и история с документами подпольщиков. Как выяснилось в результате дальнейших поисков в РГВА, большевики получили эти документы в свое распоряжение в 1921 г., когда копия доклада Соколовского была найдена в Мелитополе при раскрытии белого подполья Особым отделом Харьковского военного округа. Документ был представлен председателю Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкому председателем Совнаркома УССР Х. Г. Раковским. Последний отметил, что в докладе много вымысла⁶.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 361. Л. 17.

Кроме того, довелось найти судебный приговор от 26–27 сентября 1922 г. в отношении автора одного из докладов Н. Ф. Соколовского. Из него выяснилось, что Соколовский в начале 1922 г. вернулся в Советскую Россию из эмиграции, был арестован и судим Военной коллегией Верховного трибунала ВЦИК. На суде, как следовало из приговора, главным образом рассматривалось содержание подготовленного им доклада 1919 г., проводилось разбирательство относительно достоверности изложенного, и в итоге белый подпольщик был приговорен к трем годам лишения свободы, но освобожден по амнистии в зале суда, а доклад сочли на $\frac{3}{4}$ вымышленным. Возник вопрос, что же было на самом деле? И если был суд, то сохранились ли его материалы?

Частично ответить на эти вопросы удалось после изучения недавно рассекреченного дела Соколовского из Центрального архива ФСБ России. Как выяснилось из этих документов, в 1922 г. его доклад белому командованию детально проверялся.

В советских условиях у Соколовского попросту не было иного выхода, как представить свой доклад масштабной фальсификацией, тем более что этот документ был сочтен готовым обвинительным актом против офицера. В противном случае бывший белый агент рисковал головой. Естественно, он утверждал, что его доклад был на $\frac{3}{4}$ подтасовкой и очковтирательством с целью реабилитироваться перед белыми⁷. Кроме того, теперь Соколовский заявлял, что просто не имел никаких рычагов влияния. Как начальник отделения регистрации административной части губернского военного комиссариата (губвоенкомата), ведавшего регистрацией бывших военных, а затем начальник административной части, он якобы не мог мешать формированиям. «Все вопросы формирований, все дела по мобилизации доходили до меня только как материал для составления приказа или распоряжения. Никакого вреда не причинял, да и не мог причинить, т. к. фактическое дело самой работы формирований было в руках частей»⁸. Далее по должности помощника начальника отдела обороны Народного комиссариата по военным делам УССР также не было никаких возможностей – военспец занимался лишь текущей перепиской. Затем вновь в губвоенкомате Соколовский состоял при военном руководителе в роли советника по борьбе с бандами. Позднее помогал формировать штаб внутреннего фронта.

7 Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-28574. Л. 2.

8 Там же. Л. 21об.–22.

Тут возможен и другой аспект. Чекисты легко добились оправдания бывшего белого агента, поскольку могли иметь виды на него. Возможно, недавний высокопоставленный белый офицер был завербован в качестве секретного агента, что было тогда распространенной практикой. Тем более что ранее в Константинополе он уже сотрудничал с советской агентурой.

Имелись доводы как за, так и против достоверности доклада Соколовского. Очевидно, что по горячим следам событий сочинить совершенно недостоверный доклад офицер не мог – было множество других участников, которые легко бы заметили масштабную фальсификацию. Правда, якобы белые и не поверили Соколовскому, продержав его несколько месяцев под следствием. Важно то, что Соколовский признал в 1922 г. факт сотрудничества с белым подпольем, но будто бы сотрудничал он из-за угроз в свой адрес и неохотно, тогда как на красных работал добросовестно⁹, а кроме того, передавал белым якобы лишь маловажные сведения¹⁰. Оправдываясь, Соколовский запутался в показаниях и сам себе противоречил, признав, в конце концов, факты срыва им формирований¹¹, а также преднамеренного усиления фронта против бандитов и петлюровцев. Но если в докладе белым он утверждал, что занимался последним, чтобы помочь деникинцам, то теперь объяснял свои действия неприязнью к украинским самостийникам¹². По официальным данным, весной 1919 г. на внутренний фронт было отвлечено около 21 000 красноармейцев¹³. Подтвердил Соколовский и то, что был завербован полковником А. В. Станиславским, которому и передавал сведения¹⁴. Другим его куратором был товарищ по академии полковник Р. К. фон Баумгартен. Наконец, Соколовский признавал обоснованными характеристики, которые давал в докладе личности Н. И. Подвойского.

Отдельные данные в пользу достоверности свидетельств Соколовского можно обнаружить в общедоступных источниках. В частности, его показания, что в УССР ставились невыполнимые мобилизационные планы, подтверждал командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеевко¹⁵. Он же свидетельствовал о чрезвычайной осведомлен-

9 Там же. Л. 20.

10 Там же. Л. 101.

11 Там же. Л. 44об.

12 Там же. Л. 22, 46.

13 История Украинской ССР в десяти томах. Киев, 1984. Т. 6. С. 441.

14 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 44об.

15 Антонов-Овсеевко В. А. Записки о Гражданской войне. М., 1933. Т. 4. С. 132.

ности противника о состоянии Красной армии¹⁶. Сами белые были убеждены, что Соколовский был их агентом в красных штабах¹⁷.

Советское следствие проверяло фигурантов доклада на причастность к подпольной работе в пользу белых. Было установлено, что их имена включались в доклад ради реабилитации у белых. Показания по поводу доклада дали некоторые участники событий с красной стороны, в частности, бывший начальник 1-й Сводной стрелковой дивизии 12-й армии М. Е. Медведев, подробно осветивший события под Киевом летом 1919 г. Он подтвердил, что существование нескольких равноправных штабов (штаба внутреннего фронта и армейских штабов) порождало противоречия¹⁸. Результативность внутреннего фронта была ничтожной, хотя он отнимал много войск (это подтверждало сведения из доклада Соколовского). Управление войсками оставляло желать лучшего, назначались несоответствующие и неопытные начальники. Кроме того, Медведев прямо считал преступной деятельность ряда работников штаба внутреннего фронта, в частности, начальника штаба, который затем остался у белых. Более того, Медведев резюмировал: «Считаю нужным указать, что при всех боевых действиях под Киевом, безусловно, существовала какая-то невидимая рука, направлявшая боевую работу совершенно в другую сторону»¹⁹. Так, роль этой руки бывший начдив видел в бесцельном изматывании прибывшей из Пензы крепостной бригады (крепостные части должны были составлять гарнизоны укрепленных районов, но в связи с тяжелым положением в августе 1919 г. бригада из Пензенского укрепленного района была отправлена на фронт), в том, что сильные части бросали туда, где противника не оказывалось, а слабые – на сильного противника, в частой смене командующих в Проскуровской группе войск, в настояниях удерживать Киев, когда было ясно, что удержать его невозможно (на этом, кстати, настаивал белый агент, пытаясь добиться окружения советских войск в районе города). Впрочем, любые неудачи на фронте порождают разговоры о предательстве и «невидимой руке», которая вредит.

Экспертное заключение по докладу дали видные военспецы – состоящий в распоряжении начальника Штаба РККА Г. Н. Хвощинский (в 1919 г. – помощник начальника Полевого штаба Реввоенсовета

16 Там же. С. 87–88.

17 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 79.

18 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 10.

19 Там же. Л. 14.

Республики по технической части), заместитель начальника Высших академических курсов Н. Г. Семенов (в 1919 г. – командующий 12-й армией) и начальник 2-го оперативного отделения оперативного управления Штаба РККА А. В. Панов (в 1919 г. – помощник начальника оперативного отделения Полевого штаба Реввоенсовета Республики). Они отметили, что доклад Соколовского содержал ряд неправдоподобных сведений²⁰. В частности, войска под Одессой оказались отрезаны не из-за действий белого агента, а в силу приказа из Москвы. Кроме того, эксперты сочли вымыслом все, что касалось истории со сдачей красными Киева. Однако, суммировав все данные, следствие предъявило обвинение Соколовскому в том, что он в 1919 г. занимался шпионажем в пользу белых²¹, что подтверждалось и последующим переходом офицера на их сторону.

Также на суд были вызваны военные эксперты Б. М. Шапошников (в 1919 г. – 1-й помощник начальника штаба наркомата по военным делам УССР) и Е. А. Шиловский (в 1919 г. – начальник отдела обороны организационного управления наркомата по военным делам УССР). Эксперты отмечали недостоверность доклада, но рассуждали лишь в общих чертах. При этом ряд их оценок допускал возможность ведения Соколовским подрывной работы. Так, Б. М. Шапошников отметил, что отдел обороны ведал формированием войск²², следовательно, подсудимый мог влиять на этот вопрос.

Таким образом, скорее всего доклад о работе белого подполья был в значительной степени достоверным (хотя, видимо, не без преувеличений). Причины объявления доклада на следствии и суде в 1922 г. вымыслом не имели отношения к реальным событиям 1919 г. Очевидно, что документы расследования имеют исключительное значение для понимания событий Гражданской войны на Украине в 1919 г. и работы там белого подполья и нуждаются в сопоставлении с оперативными документами РККА, а также в полном введении в научный оборот.

Ниже впервые публикуются документы проверки доклада Н. Ф. Соколовского, производившейся в 1922 г. советскими военными экспертами. Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. В комментариях все даты по истории России до февраля 1918 г. указаны по старому стилю.

20 Там же. Л. 128.

21 Там же. Л. 106.

22 Там же. Л. 145об.

Показания бывшего начдива М. Е. Медведева по поводу событий лета 1919 г. на Украине

В Военную коллегию Верховного трибунала при ВЦИК Ввиду того, что на Украину в штаб XII армии я прибыл только в июне м[еся]це 1919 г., все мои ответы главным образом будут касаться наиболее позднего периода и особенно боевых действий под Киевом.

Ответ 1-й²³. При первоначальном занятии Украины на ее территории действовали специальные украинские армии, переформированные затем в порядковые армии РСФСР. К моему приезду: на территории левого берега р. Днепр действовали части Южного фронта (VIII, XIII армии, Сумская группа, Полтавская группа и XIV армия), а на правом берегу р. Днепр (часть XIV армии²⁴ и XII армия) – части Западного фронта.

Ввиду различных оперативных соображений и общности интересов войск, действующих на юго-западе Украины, войска Сумской группы, Полтавской группы, XIV и XII армии были объединены в руках командования XII армии в г. Киеве и именовались войсками Украинской группы (ком[андующий] группы – командарм XII Семенов²⁵; член[ы] РВС: Семашко²⁶, Аралов²⁷, Затонский²⁸).

Все вышеуказанные более-менее регулярные части составляли «внешний фронт» в отличие от «внутреннего», образовавшегося под давлением развившейся бандитской деятельности. Штаб внутреннего фронта находился в Киеве и имел перед собою задачу обеспечивать тыловые районы Украины от восстаний. Войска внутреннего фронта отличались неустойчивостью и были с партизанским духом. Существование подобных двух штабов с одинаковой властью, не подчиненных друг другу, являлось одной из многих причин неудач под г. Киевом.

23 Вопросы не обнаружены.

24 Подчинялась Южному фронту.

25 Семенов Николай Григорьевич (12.04.1874–26.08.1938) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Командующий 12-й армией.

26 Семашко Адам Яковлевич (07.09.1889–27.10.1937) – большевик, член РВС 12-й армии.

27 Аралов Семен Иванович (18.12.1880–22.05.1969) – большевик, член РВС 12-й армии.

28 Затонский Владимир Петрович (27.07.1878–29.07.1938) – Председатель Всеукраинского ЦИК. Один из лидеров украинских большевиков.

Ответ 2-й. Со стороны белых войск против внешнего фронта Украинской группы действовали:

Армия ген. Деникина²⁹, которая, будучи вначале прижата к берегу Черного моря, в мае месяце перешла в наступление и имела ряд крупных успехов (захватила Донецкий бассейн, игравший большую роль в масштабе республики; в начале июня³⁰ захватила Екатеринослав и, форсировав р. Днепр, перенесла свою деятельность на правый берег р. Днепр; 13 августа заняла г. Зиньков-Кременчуг и подошла вплотную к г. Киеву).

Части Махно³¹ действовали главным образом западнее белой армии (настроены и против нее) и влияли на состояние наших частей, вызывая среди них бунты (в 58[-й] дивизии³² и т. д.).

Части Румынского фронта вдоль р. Днестр от Черного моря до г. Могилев-Подольский, состоящие из войск Румынии, Антанты, Греции, Польши и добровольцев. Деятельность этих войск отличалась активной обороной. На левый берег р. Днестр румынские части не переходили.

Петлюровский фронт – из частей, действовавших на линии Могилев-Под[ольский] – Проскуров – Броды, отличался большой активностью и влиял на организацию повстанческих банд в нашем

29 Деникин Антон Иванович (04.12.1872–07.08.1947) – генерал-лейтенант, главнокомандующий антибольшевистскими Вооруженными силами на Юге России (1919–1920).

30 Автор неточен. На самом деле белые взяли Екатеринослав 30 июня 1919 г.

31 Махно Нестор Иванович (26.10.1888–25.07.1934) – анархист, лидер повстанческого движения на территориях Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний. Заключив временный союз с большевиками, командовал бригадой 3-й Украинской советской армии. После разрыва с большевиками стал главнокомандующим Революционно-повстанческой армии Украины.

32 Речь идет о событиях в 3-й бригаде 58-й (Крымской) стрелковой дивизии, бойцы которой 19 августа 1919 г. под влиянием махновцев вышли из повиновения командованию, отказались уходить из родных мест, собираясь вести партизанскую борьбу с белыми, затем выбрали новых командиров и направились на соединение с группой войск Махно. (Всего к махновцам примкнули остатки 10 стрелковых и 3 кавалерийских полков. См.: *Ковальчук М. А. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. – лютий 1920 р.)*. Київ, 2012. С. 68.) Руководил выступлением давний соратник Махно А. Калашников.

тылу. Одновременно Петлюра вел переговоры о выдвижении ему на помощь войск галичан (трех корпусов), кои и прибыли ему в помощь в боях под Киевом.

Польский фронт – главным образом из польских войск, отличался наибольшей активностью на Сарны и далее на восток.

Делая вывод: Армия ген. Деникина и войска Петлюры³³ были устремлены на г. Киев. Румыны оставались в выжидательном положении. Поляки наступали планомерно на восток.

Большую помощь войскам Петлюры оказали повстанцы, разбросанные по всей территории, главным образом правобережной Украины, борьбу с которым[и] хотя и вело командование внутренним фронтом, но более чем слабо. Повстанцы захватили две железнодорожных магистрали: 1) Вапнярка – Христиновка – Бобринская и 2) Бирзула – Ольвиополь – Елисаветград и тем самым разделили на две группы войска «Украинской группы», а именно на «Северную» и «Южную», действовавшие без взаимной связи (изредка сносились по радио).

Очень важно отметить, что хотя внутренний фронт и фронт против Петлюры отнимал[и] очень много войск, тем не менее результаты были ничтожные ввиду слабого руководства начальствующих лиц и т. д.

Ответ 3-й. Против указанных групп войск противника наши части действовали в следующем порядке: (из частей Украинской группы).

Против Деникина: Сумская группа, Полтавская группа, XIV армия (60[-я] дивизия) и часть XII армии (58[-я] дивизия).

Против Махно части XIV армии и части XII армии (58[-я] и 47[-я] дивизии).

Против румын части XII армии (45[-я] дивизия).

Против Петлюры части XII армии (Жмеринский боев[ой] участок и бригада 1[-й] Укр[аинской] дивизии).

Против поляков части XII армии (1[-я] Укр[аинская] дивизия и 44[-я] дивизия).

Против повстанцев хотя и должен был вести борьбу и «внутренний фронт», но, тем не менее, наибольших успехов достигли части внешнего фронта, так, борьбу с бандами в XII армии вели и 58[-я], 47[-я], 45[-я], 44[-я], 1[-я] Укр[аинская] дивизии и проч[ие], и результаты были не хуже, чем от войск внутреннего фронта.

33 Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) – лидер украинских националистов в период Гражданской войны. Глава украинской Директории (02.1919–11.1920).

Ответ 4-й. Для удобства изображу схематично (по состоянию на 1 августа)³⁴

Польша	8650 шт. ³⁵ 1280 саб. ³⁶ 52 пул. ³⁷ 64 ор. ³⁸	44[-я] див[изия]	3416 шт. 28 пул. 9 ор. 1 бронеп. ³⁹
	6000 шт. 54 пул. 12 ор.	1[-я] Укр[аинская] див[изия]	2681 шт. 294 саб. 59 пул. 12 ор.
	2200 шт. 500 саб. 32 пул. 8 ор.		1708 шт. 80 саб. 68 пул. 14 ор. 1 бронеп.
Галиция	19 690 шт. 264 саб. 114 пул. 20 ор.		4590 шт. 387 саб. 133 пул. 22 ор.
	13 150 шт. 1425 саб. 86 пул. 59 ор.	Жмер[инский] боев[ой] участок	3052 шт. 99 пул. 16 ор. 5 бронеп.
Румыния	19 250 шт. 1660 саб. 88 пул. 64 ор. 18 бронеп.	45[-я] див[изия]	6060 шт. 440 саб. 75 пул. 21 ор. 2 бронеп.
	10 630 шт. 2700 саб. 16 пул. 8 ор.	47[-я] див[изия]	7639 шт. 142 саб. 43 пул. 33 ор.
Черное море			
		58[-я] див[изия]	8425 шт. 446 саб. 62 пул. 51 ор. 4 бронеп.

34 Схема сведена публикатором в таблицу.

35 Здесь и далее – штыков.

36 Здесь и далее – сабель.

37 Здесь и далее – пулеметов.

38 Здесь и далее – орудий.

39 Здесь и далее – бронепоезд, бронепоезда.

р. Днепр		XIV армия	4870 шт. 1750 саб. 16 пул. 8 ор.
----------	--	-----------	---

В общем у противника было больше наших сил на 45 267 человек штыков, 7291 сабель, 53 орудия.

Несмотря на значительный перевес сил на стороне противника, все-таки я полагаю, что главное внимание должно было быть обращено на левый берег р. Днепр, т. к. на правом берегу при умелом командовании мы могли быть, безусловно, в наиболее выгодном положении, чем были на самом деле, хотя и держали большие силы на этом направлении.

Ответ 5-й. Падение Донецкого бассейна играло вообще крупное значение и, безусловно, отражалось на ходе всех дальнейших операций. С захватом Донецкого бассейна начались главные победы Добровольческой армии.

Ответ 6-й. Наибольшего внимания, безусловно, требовал к себе фронт Добр[овольческой] армии, и туда необходимо было бросить наибольшие силы, но в то же время внутренний фронт требовал умелого управления его войсками, чего, к сожалению, не было (правда, я видел мало примеров и не помню сейчас многих фактов, но, тем не менее, свою мысль считаю верной). Целесообразнее всего это было бы упразднение внутреннего фронта и взамен увеличить боевой состав дивизий, которые, ведя борьбу и на внешнем, и на внутреннем фронте, с обоими задачами лучше справлялись, чем «внутренний фронт» с одной.

Перебрасывать на внутренний фронт с фронта Добрармии или за ее счет считаю нецелесообразным.

Ответ 7-й. Неизвестно. Сведения может дать тов. Егоров⁴⁰ (живущий в общежитии РВСР⁴¹ ком[ната] № 82), кажется, командовавший одно время этой дивизией.

Ответ 8-й. В июне и июле м[еся]цах в районе Жмеринка были сильные бои за обладание ст[анцией] Жмеринкой, момент был, безусловно, серьезный. На фронт лично выезжал тов. Подвойский⁴². Безу-

40 Егоров Александр Ильич (13.10.1883–23.02.1939) – бывший полковник, военный специалист РККА. Командующий 14-й армией.

41 Реввоенсовета Республики.

42 Подвойский Николай Ильич (04.02.1880–28.07.1948) – революционер, советский военный, партийный и государственный деятель.

словно, таких [сил], как 30 000 штыков, там совершенно держать не надо было, да к тому же там таковых никогда и не было. Максимум там могло быть до 10 000 человек.

Ответ 9-й. Большое количество войск в Киевском районе удерживать было совершенно нецелесообразно, тем более при таком их состоянии, какими они были (голодные, оборванные, недисциплинированные и пр.). Командуя дивизией, я указывал на необходимость отхода из Киева на р. Ирпень и Десну для приведения частей в порядок – но со мною не соглашались, в результате чего и получилось хаотическое отступление от Киева. Переброска лучших частей Красной армии на правый берег р. Днепр за неделю до взятия белыми Киева могла повлечь их полное окружение и пленение белыми. Момент требовал или отойти на линию, которую я указал выше – р. Ирпень – р. Десна, или отход на левый берег р. Днепр.

Ответ 10-й. Руководство как внутренним, так и внешним фронтами желало многого, особенно внутренним. За все время моего пребывания в армии фактически не было проведено ни одной удачной операции. Начальствующие лица назначались несоответствующие: мена начальников была очень частая, ни на чем серьезном не основанная и очень влияла на ход операций. Причины слабого руководства, с одной стороны, была неопытность нашего красного командования, а с другой стороны, преступная деятельность некоторых лиц. При сем прилагаю сделанные мной выводы из доклада РВС XII армии о неудачах на фронте XII армии под г. Киевом, которые в достаточной степени характеризуют деятельность командования.

Ответ 10-й⁴³. С начальником штаба внутреннего фронта (не знаю, был ли это Соколовский⁴⁴ или другой кто) я столкнулся один-единственный раз в штабе в г. Киеве на Банковой улице в день сдачи Киева. Я приехал в штаб к тов. Павлову⁴⁵ и его не застал, а вел переговоры с начальником штаба. Меня поразило, что в такой момент, когда с часу на час можно было ждать пр[отивни]ка в городе, начальник штаба

Народный комиссар по военным и морским делам Украинской ССР (01–09.1919).

43 Ошибка в нумерации в документе.

44 Речь идет о Н. Ф. Соколовском (26.02.1884–?).

45 Павлов Павел Андреевич (19.02.1892–18.07.1924) – военный специалист РККА, член РКП(б). Киевский губернский военный руководитель и военный комиссар. Командовал правобережной группой войск 12-й армии (08.1919).

играет весьма пассивную роль; никаких указаний; никаких соображений; кроме того, что очень странно, я получил от него один «совет» об отходе от г. Киева, а моим подчиненным, случайно захавшим в штаб, он давал совершенно другие указания – в результате чего из Киева части отошли в полном хаосе. Когда мне сообщили через несколько дней, что н[ачальни]к штаба внутреннего фронта остался у белых⁴⁶, то я вспомнил того самого, с которым я разговаривал на Банковой улице, и для меня было понятно, что это был изменник.

Ответ 11-й. Фамилии слышал почти все, но знаю подробно только Величковского⁴⁷, бывшего у меня начальником штаба. До меня его деятельность, по-видимому, была весьма не блестящая. Штаб был распущен и был полный хаос. Приняв группу, я, как имевший большой опыт в штабной работе, обратил внимание на Величковского, которому я не верил, и он играл у меня роль не так н[ачальни]ка штаба, как старшего делопроизводителя, т. к. все приказы и распоряжения я вынужден был писать сам. Видя, что я 24 часа в сутки фактически работаю один, он не считал нужным мне искренно помогать. Что очень странно, это то, что он слишком часто пускал в отпуск в г. Киев своих помощников. В день сдачи Киева он вместе с ординарцем поехал в город для наблюдения за отходом частей по городу, и ему было приказано к известному часу быть у пристаней на р. Днепр, но, как выяснилось потом от ординарца, он на одной из улиц слез с лошади, приказал ординарцу ждать, а сам скрылся и остался в г. Киеве. Про Можаровского⁴⁸ (бывшего, кажется, начальником штаба у н[ачальни]ка среднего боевого участка т.⁴⁹ Яковлева⁵⁰)

46 Начальником штаба внутреннего Украинского фронта был Р. И. Берзин, который на сторону белых не переходил.

47 Величковский Яков Васильевич (20.03.1874–?) – бывший подполковник, военный специалист РККА. Содействовал белым. Перешел на сторону белых при оставлении частями РККА Киева. Впоследствии – полковник.

48 Можаровский Всеволод Борисович (1893–1924) – военный специалист РККА. Содействовал белым. Начальник штаба сводного отряда Трипольского направления. Перешел на сторону белых. Штабс-капитан. В 1920 г. по документам В. Б. Яковлева перешел через линию фронта к красным с предложением о сдаче Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

49 Здесь и далее – товарищ.

50 Яковлев Вадим Борисович (01.11.1889–28.01.1952) – советский военный деятель, военный специалист РККА. Командир сводного отряда Трипольского направления. Остался в Киеве при занятии его белыми,

может дать сведения слушатель Военной академии тов. Яковлев, принимавший также участие в боях под Киевом.

Ответ 12-й. Считаю нужным указать, что при всех боевых действиях под Киевом, безусловно, существовала какая-то невидимая рука, направлявшая боевую работу совершенно в другую сторону, взять хотя бы такие примеры:

а) Прибывает из г. Пензы свежая крепостная бригада, ее передвигают с места на место, в бой не вводят, изматывают и кончается тем, что она дала только 8–10 % того, что могла дать.

б) Во время отхода войск от Жмеринки к Киеву в так называемой Проскуровской группе было сменено до меня 3 командующих группами и подлежал смене и я, правда, не так, как мои предыдущие (если те за бездействие, то я – за чрезмерную энергию, которая кому-то мешала делать свое дело).

в) В то время, когда я предвидел сдачу Киева и советовал немедленно эвакуировать Киев, меня называли паникером и уверяли, что через 2 дня противник будет разбит.

г) Уверяя меня о благоприятном положении, командование допускало такие непростительные ошибки, которые отразились на сдаче Киева в весьма короткий срок, а именно: слабый полк курсантов без моего ведома был направлен против сильного пр[отивни]ка, а сильная интербригада туда, где пр[отивни]ка не было.

Считаю этот вопрос необходимым осветить детально ввиду интереса деятельности наших войск в этот период времени и в случае необходимости в еще каких-либо вопросах могу дать свои показания.

б[ывший] начдив 1[-й] Сводной XII армии М. Медведев⁵¹

5 июня 1922 г.

Москва

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 10–14об. Автограф. Карандаш.

затем бежал к красным и вновь поступил на службу в РККА. Второй фигурант дела Н. Ф. Соколовского 1922 г. Освобожден.

51 Медведев Михаил Евгеньевич (01.10.1898–17.06.1937) – советский военный деятель. Командующий группой войск Проскуровского направления 12-й армии (08.1919). Начальник 1-й сводной стрелковой дивизии 12-й армии (08–09.1919).

Заключение военных экспертов по делу Н. Ф. Соколовского

Заключение

военных экспертов по делу быв[шего] полк[овника] Соколовского
Доклад б[ывшего] полк[овника] Соколовского от 29/VIII 1919 г.
№ 5 в той части, где он рассказывает о своей работе в мае – августе
месяцах, содержит ряд неправдоподобных данных, указывающих
на неосведомленность Соколовского и частью на умышленную дачу
им неверных сведений.

1) На Украине целые уезды были охвачены действительными, а не «бумажными» мятежами. Подавить эти восстания было трудно, во-первых, потому, что советские войска большею частью состояли из украинцев и были ненадежны, во-вторых, предводители банд часто отличались знанием местных условий и опытом в военном деле (напр[имер], Зеленый⁵²). Восстания эти подавлялись войсками, находившимися в распоряжении губвоенкомов⁵³, и, кроме того, для этой цели была назначена одна из 4-х дивизий, находившихся в подчинении командарму 12. Одна из бригад 5[-й] украин[ской] дивизии, перебрасываемой на Донбасс, действительно была задержана под Киевом, но это было вызвано крайней необходимостью спасти Киев от наступающих банд Зеленого и притом с разрешения Центра.

2) Петлюра был действительно опасным врагом на Украинском фронте, т. к. украинские советские части неохотно сражались против Петлюры, а иногда и сдавались, т. Подвойский был единственным (после отъезда т. Антонова⁵⁴) лицом, которого слушались партизанские и украинские части. А потому принятие т. Подвойским командования отрядами, действующими против Петлюры, было необходимо и принесло большую пользу. Назначение на эту должность т. Подвойского состоялось не вследствие уговоров Соколовского, а по необходимости на основании создавшейся обстановки. Т. Подвойский

52 Атаман Зеленый – Терпило Даниил Ильич (16.12.1886–11.1919) – украинский революционер, командир повстанческого отряда, позднее – дивизии. Руководитель антибольшевистского восстания в Триполье. Позднее вел партизанскую борьбу против белых. Погиб в бою с частями ВСЮР.

53 Губернских военных комиссаров.

54 Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (09.03.1883–10.02.1938) – революционер, советский партийный, государственный и военный деятель. Командующий Украинским фронтом (01–06.1919) и всеми вооруженными силами Украинской ССР (05–06.1919).

действовал против Петлюры с незначительными силами и не в ущерб переброске сил на Донбасс.

3) Неверно заявление Соколовского, что т. Дзевялтовский⁵⁵ прибыл на замену т. Подвойского. Т. Дзевялтовский долгое время был помощником т. Подвойского и, естественно, заменял последнего в случае его поездок.

4) Заявление Соколовского, что благодаря ему оказались отрезанными под Одессой 2 ½ дивизии, неверно. Дивизии были оставлены под Одессой вследствие категорического приказа главнокомандования из Москвы. Командование 12[-й] армией, расположенной в Киеве, наоборот, считало полезным отвести эти дивизии и ходатайствовало об этом перед главнокомандованием.

5) «Военный совет» (т. Петерс⁵⁶, Лацис⁵⁷ и Ворошилов⁵⁸) имел задачей борьбу с восстаниями внутри Украины. Командарм 12[-й] – действия против внешнего врага (поляки, галичане, частью петлюровцы, Антанта и Добровольч[еская] армия). Между Военным советом и командармом был полный контакт и согласованность в действиях. Когда Петлюра и Деникин приблизились к Киеву, войска, подчиненные Военному совету, выполняли ту же задачу, что и войска, подчиненные командарму. Двойственность командования была, но особенно вредных последствий не имела.

План обороны Киева был составлен командармом 12[-й]. Он заключался в том, чтобы сначала нанести удар наиболее опасному врагу, т. е. Добр[овольческой] армии, наступающей левым берегом Днепра, оставив против Петлюры надежный заслон, а затем, после отражения Добр[овольческой] армии, перебросить главные силы против Петлюры.

55 Дзевялтовский (Дзевалтовский) Игнатий Леонович (02.07.1888–30.05.1935) – революционер. Заместитель народного комиссара по военным и морским делам Украинской ССР, народный комиссар по военным и морским делам Украинской ССР.

56 Петерс Яков Христофорович (03.12.1886–25.04.1938) – революционер, видный работник ВЧК. Комендант Киевского укрепрайона и начальник гарнизона Киева.

57 Лацис Мартын Иванович (16.12.1888–20.03.1938) – революционер, видный работник ВЧК. Председатель Всеукраинской ЧК.

58 Ворошилов Климент Ефремович (23.01.1881–02.12.1969) – революционер, советский военный, партийный и государственный деятель. Командующий внутренним Украинским фронтом.

Первая половина плана была выполнена: Добрармия остановлена и понесла большие потери. Но заслон против Петлюры не выдержал и без должного сопротивления сдал свои позиции, открыв город для вторжения противника.

Все, что говорится в докладе Соколовского о сдаче Киева, является вымыслом.

Относительно служебной деятельности Соколовского на всех должностях в Киеве, полагаем, могли бы дать исчерпывающие сведения его бывшие сослуживцы в Киеве, находящиеся в данное время в Москве, а именно:

1-й помнаштаресп⁵⁹ т. Шапошников⁶⁰

Состоящий для поручений при начоперупресп⁶¹ т. Подгурский⁶²

Сотрудник Военной академии т. Шиловский⁶³

Воен[ные] эксперты Семенов⁶⁴, Хвоцинский⁶⁵, Панов⁶⁶
26/IX.[19]22

ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 128–129. Подлинник. Карандаш.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный военный архив (РГВА).

59 Помощник начальника Штаба РККА.

60 Шапошников Борис Михайлович (20.09.1882–26.03.1945) – бывший полковник, военный специалист РККА.

61 Начальник оперативного управления Штаба РККА.

62 Подгурский Федор Александрович (02.12.1860–29.11.1929) – бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА.

63 Шиловский Евгений Александрович (21.11.1889–27.05.1952) – бывший капитан, военный специалист РККА.

64 Н. Г. Семенов в это время занимал пост заместителя начальника Высших академических курсов.

65 Хвоцинский Георгий Николаевич (26.11.1878–1928) – бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Состоял в распоряжении начальника Штаба РККА.

66 Панов Александр Васильевич (16.09.1881–1963) – бывший капитан, военный специалист РККА. Начальник 2-го отделения оперативно-го управления Штаба РККА.

Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ).
Центральный государственный архив общественных организаций
Украины (ЦДАГОУ).

Антонов-Овсенко В. А. Записки о Гражданской войне. М.: Военное издательство, 1933. Т. 4. 350 с.

Белый архив. Сборники материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т. п. / под ред. Я. М. Лисового. Париж: [Б. и.], 1928. Т. 2–3. 364 с.

Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

История Украинской ССР в десяти томах. Киев: Наукова думка, 1984. Т. 6. 656 с.

Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М.: Кучково поле, 2008. 508 с.

Ковальчук М. А. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. – лютий 1920 р.). Київ: Стилос, 2012. 352 с.

Тинченко Я. Белогвардейское подполье // Киевские ведомости. 04.10.2005. № 207 (3593).

References

Antonov-Ovseenko, V. A. *Zapiski o Grazhdanskoi voine*. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1933, vol. 4, 350 p.

Belyi arkhiv. Sborniki materialov po istorii i literature voiny, revoliutsii, bol'shevizma, belogo dvizheniia i t. p., ed. by Ia. M. Lisovoi. Paris: [s.n.], 1928, vol. 2–3.

Doneseniia belykh agentov v Krasnoi armii. 1919 g., publ. by A. V. Ganin. *Voprosy istorii (Moscow)*, 2012, no 6, pp. 3–20.

Istoriia Ukrainskoi SSR v desiati tomakh. Kiev: Naukova dumka, 1984, vol. 6, 656 p.

Kirmel', N. S. *Belogvardeiskie spetssluzhby v Grazhdanskoi voine. 1918–1922 gg*. Moscow: Kuchkovo pole, 2008, 508 p.

Koval'chuk, M. A. *Bez peremozhtsiv: Povstans'kii rukh v Ukraïni proty bilogvardiis'kikh viis'k henerala A. Denikina (cherven' 1919 r. – liutyi 1920 r.)*. Kyïv: Stylos, 2012, 352 p.

Tinchenko, Ia. “Belogvardeiskoe podpol'e”. *Kievskie vedomosti*, 04.10.2005, no 207 (3593).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.23

A. V. Ganin

New documents about the White underground in Ukraine in 1919

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. New documents about the White underground in Ukraine in 1919 // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 435–455 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.23

Received: 23.05.2023.

Abstract

The publication is devoted to the new documents on the work of the white underground in Ukraine in 1919. The materials reveal previously unknown details of the work of the Kiev Center of the Volunteer Army in 1919 and specifically of the white agent N. F. Sokolovsky.

Keywords

White Underground, Ukraine, Soviet Russia, Kiev Volunteer Army Center, N. F. Sokolovsky.

Западнополесское этнополитическое движение в оценках белорусских историков (1992 г.)

Казак Олег Геннадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет
220070, Партизанский проспект, д. 26, Минск, Республика Беларусь
E-mail: olegkazak90@tut.by
ORCID: 0000-0003-3859-8071

Цитирование

Казак О. Г. Западнополесское этнополитическое движение в оценках белорусских историков (1992 г.) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 456–470. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.24

Статья поступила в редакцию 19.06.2023.

Аннотация

В публикации приводится текст протокола заседания Ученого совета Института истории Академии наук Беларуси от 3 марта 1992 г., на котором обсуждалась деятельность Общественно-культурного объединения «Полісьсе», и вынесенного постановления от 12 марта 1992 г. Данные документы важны для понимания различных оценок представителями белорусского научного сообщества феномена западнополесского этнополитического движения (вторая половина 1980-х гг. – первая половина 1990-х гг.).

Ключевые слова

Западное Полесье, западнополесское этнополитическое движение, Николай Шелягович, сепаратизм.

Активисты западнополесского движения, зародившегося в 1980-е гг. в Советской Белоруссии, отстаивали идею существования отдельного полесского (ятвяжского) этноса и добивались национально-культурной автономии для региона его проживания (Брестский, Жабинковский, Малоритский, Кобринский, Дрогичинский, Ивановский, Пинский районы Брестской области). Лидером движения являлся филолог,

поэт и публицист Николай Николаевич Шелягович (1956 г. р.), опубликовавший в 1985 г. первую подборку стихотворений на западнополесском говоре. В 1988 г. Н. Н. Шеляговичем и его единомышленниками было создано Общественно-культурное объединение «Полісьсе», которое до 1991 г. функционировало в качестве структурного подразделения Белорусского фонда культуры. Объединение имело свой печатный орган – газету «Збудінне» («Пробуждение»). Часть материалов издания публиковалась на западнополесском диалекте.

Общественно-культурное объединение «Полісьсе» находилось в постоянном поиске политических союзников. В период Перестройки объединение сумело наладить контакты с белорусскими и украинскими националистическими силами («Белорусский народный фронт», «Рух») на платформе критики советского строя и призывов к «национальному возрождению» всех народов СССР. Однако данный союз оказался непрочным, вскоре «Полісьсе» вступило в прямую конфронтацию с «Белорусским народным фронтом» и украинскими организациями в Белоруссии (в частности, с активистами «Украинского общественно-культурного объединения Брестской области», которые считали местных жителей не полешуками, а украинцами с «неразбужненным национальным самосознанием»). С 1992 г. Н. Н. Шелягович стал склоняться к тактическому союзу с общественно-политическими организациями, критиковавшими национально-культурную политику властей Белоруссии и выступавшими за придание русскому языку статуса второго государственного языка (Славянский Собор «Белая Русь», «Народное движение Беларуси» и др.). Попытка лидера западнополесского движения в 1994 г. создать партию центристского толка («Партия всебелорусского единства и согласия») завершилась неудачей. Движение, во многом являвшееся ответной реакцией на директивную белорусизацию конца 1980-х – первой половины 1990-х гг., практически сошло на нет после прихода к власти А. Г. Лукашенко и референдума 1995 г. Абсолютное большинство населения Белоруссии (в том числе Брестчины) высказалось за придание русскому языку статуса второго государственного языка (наравне с белорусским), тем самым выбрав более близкую для себя культурно-идентификационную модель¹.

¹ Казак О. Г. Институционализация западнополесского этнополитического движения в Беларуси: функционирование Общественно-культурного объединения «Полісьсе» (1988–1995 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 10–37.

Сразу после регистрации общества «Полісьсе» его лидеры начали бурную деятельность по составлению петиций, обращений, ходатайств, которые направлялись в различные властные инстанции. В данных документах указывалось, что в условиях белорусского культурного возрождения западные полешуки также должны были получить от государства возможности национально-культурного развития. Органы власти (Комиссия по национальной политике и международным отношениям Верховного Совета БССР (Республики Беларусь), Совет Министров, отдельные министерства) часто обращались за экспертными заключениями к ученым – в основном филологам и историкам. Кроме того, представители научного сообщества по своей инициативе готовили публикации с критикой западнополеского этнополитического движения.

Летом 1992 г. в республиканском издании «Народная газета» и брестской областной газете «Заря» было опубликовано открытое письмо докторов исторических наук, сотрудников Института истории Академии наук Беларуси П. Ф. Лысенко и В. А. Полуяна. Авторы материала считали несостоятельной «ятвяжскую теорию» Н. Н. Шеляговича и его единомышленников, согласно которой западные полешуки являлись потомками западнобалтского племени ятвягов. П. Ф. Лысенко и В. А. Полуян приводили научные аргументы (данные письменных источников и археологических находок), призванные доказать факт полной славянизации ятвягов уже в XIII в. и отсутствие постоянного проживания этого балтского племени на территории Западного Полесья. Ученые отмечали сепаратистский характер деятельности объединения «Полісьсе» и подозревали его лидеров в желании присоединить Западное Полесье к Украине. Анализ публикации П. Ф. Лысенко и В. А. Полуяна представлен в ряде научных статей².

Материал, подготовленный П. Ф. Лысенко и В. А. Полуяном, предварительно обсуждался на заседании Ученого совета Института

² Казак О. Г., Серета А. С. Западнополесское этнокультурное движение в оценках академического сообщества Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) // Культура Беларуси: реалии современности: сб. науч. ст. X Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7 октября 2021 г. Минск, 2021. С. 142–146; Казак О. Г., Серета А. С. «Ятвяжская теория» как идейная основа западнополесского этнополитического движения (вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг.) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. ст. / Полес. гос. ун-т; под ред. В. И. Дуная [и др.]. Пинск, 2023. С. 171–174.

истории Академии наук Беларуси 3 марта 1992 г. Анализ протокола данного заседания, обнаруженного в фондах Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси, дает возможность констатировать отсутствие единого подхода в трактовке феномена западнополесского этнополитического движения у белорусских историков. Некоторые из них (Н. М. Забавский, М. М. Чернявский, В. П. Крук) оценивали деятельность Н. Н. Шеляговича как сепаратистскую, считали, что она была инспирирована властями СССР для «торпедирования» процессов белорусского национально-культурного возрождения. Другие же (А. Л. Киштымов) рассматривали постоянные нападки на Общественно-культурное объединение «Полісьсе» в республиканской прессе как проявление недостаточной демократизации общества, отсутствия в нем плюрализма мнений. Многие участники обсуждения считали некорректным давать политическую оценку деятельности объединения, а также не соглашались с безапелляционными трактовками П. Ф. Лысенко и В. А. Полуяна недостаточно изученных сюжетов ранней этнической истории Беларуси.

Ниже мы приводим текст протокола заседания Ученого совета Института истории Академии наук Беларуси от 3 марта 1992 г., а также постановления Ученого совета от 12 марта 1992 г. в нашем переводе с белорусского языка на русский. Стиль изложения авторов данных документов сохранен.

Протокол № 3
заседания Ученого совета
Института истории Академии наук Беларуси
от 3 марта 1992 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Бич М. О., Кошелев М. К., Марченко И. Я., Лысенко П. Ф., Штыхов Г. В., Чернявский М. М., Гурин М. Ф., Ксензов В. П., Вергей В. С., Сорокин А. Н., Полуян В. А., Вышинский В. И., Лойко П. О., Голенченко Г. Я., Спиридонов М. Ф., Кнатько Г. Д., Башко П. К. – члены Ученого совета, сотрудники Института. Всего 16 чел.

ПОВЕСТКА

1. Научный доклад В. А. Полуяна, П. Ф. Лысенко «К вопросу о национальной принадлежности населения Западного Полесья и позициях руководителей общества “Полісьсе”».

[...]

СЛУШАЛИ: Научный доклад «К вопросу о национальной принадлежности населения Западного Полесья и позициях руководителей общества “Полісьсе”».

ВЫСТУПИЛИ:

В. А. Полуян. – Доклад прилагается.

Докладчику заданы вопросы:

А. Л. Киштымов. – Как я понимаю, Шеляговичу предлагается сменить национальность?

В. А. Полуян. – Так вопрос не стоит, так как этой национальности нет. Это во-первых, во-вторых, лично он может считать себя пусть и ятвягом, но проводить на этой почве политику разъединения нельзя.

М. О. Бич. – Хочу добавить, что ему и его немногочисленным поклонникам оказывают поддержку некоторые государственные структуры, например, Пинский горисполком.

М. Ф. Спиридонов. – Каково количество ятвягов?

В. А. Полуян. – Теперь установить тяжело, но этой национальности никогда не было. Были племена до XIII в. Ни одна из переписей в Беларуси этих сведений не дает.

И. Я. Марченко. – Насколько многочисленна эта организация?

В. А. Полуян. – Точно не известно, однако имеется определенное количество сторонников.

В. П. Крук. – Есть сведения, что это «Збудінне» инспирировано Центральным Комитетом Коммунистической партии Белоруссии³. К тому же они своими действиями нарушают принципы соглашений о неприкосновенности государственных границ. В те места приехало для участия в строительных работах много жителей Западной

³ Подобная точка зрения была популярной среди представителей «национально ориентированной» белорусской интеллигенции. Так, при обсуждении западнополесской проблемы на заседании Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР 20 мая 1991 г. депутат О. А. Трусов заявил: «В данном случае мы имеем дело не с внутренним направлением, но ситуация управляется “сверху”. В Беларуси существуют силы, которые заинтересованы в нагнетании напряженности, желании не выполнять “Закон о языках в БССР” (согласно данному закону, принятому в 1990 г., единственным государственным языком в БССР являлся белорусский язык. – О. К.)» (Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4090. Л. 107).

Украины. Вот они и мутят воду. Дело тут не в ятвягах, которых теперь нет, речь идет о том, чтобы оторвать этот край от Беларуси.

П. К. Башко. – На какие источники опираются идеологи «Збудіння»?

В. А. Полуян. – Они опираются на высказывания некоторых ученых XIX в., которые представляли только отдельные мнения. Языковеды всегда давали отрицательный ответ относительно ятвягов как предков полешуков.

П. К. Башко. – Я все же не понял – речь идет об амбициях отдельных людей или все же это некое, пусть и ошибочное, движение? Необходимо в большей степени показать научную ошибочность этого движения.

В. А. Полуян. – Я об этом говорил. Научных оснований у них нет, есть политические амбиции.

Н. М. Забавский. – В свое время Шелягович показал мне стихотворения на языке, который он называл «ятвяжским». Вначале его нигде не поддерживали, а потом вдруг кто-то оказал большую поддержку. Видимо, так кому-то надо.

М. Ф. Гурин. – Это говорит о том, что мы недостаточно изучили раннюю историю Беларуси. Полешуки – это особый край, люди там имеют своеобразный язык, и говорить, что они белорусы, тяжело. С этим вопросом нужно разобраться, глубже изучать его.

М. О. Бич. – Речь идет не о том, чтобы все члены Ученого совета согласились с каждым словом доклада. То, что изложено, – дело авторов. Считаю, что мы должны дать общую оценку именно о том, что теперь самостоятельного ятвяжского этноса нет и отождествлять полешуков с древними ятвягами, которые были уничтожены крестоносцами в XIII в., нельзя. Мы можем дать и оценку политического аспекта этого вопроса.

В. П. Крук. – Поддерживаю выступление Полуяна и Лысенко. Но необходимо внимательно посмотреть текст. Там есть насчет «буржуазно-помещичьей Польши», «литвинов», «общерусской народности» – эти вопросы дискуссионные. Их нужно снять.

М. Ф. Спиридонов. – Предлагаю вопрос снять. Ученый совет, Институт не могут заниматься решением таких сложных вопросов голосованием. Обсуждать – пожалуйста. Выносить решения – зачем? Как специалист, могу сказать, что ятвяги были, но их этническое происхождение является спорным.

П. К. Башко. – В докладе много политических оценок. Необходимо давать их на конкретных исторических материалах. Пусть они занимаются культурно-просветительской деятельностью. Кто

может помешать им в этих делах? Должен быть исторический подход. А остальное должно основываться на Конституции, законах.

А. Л. Киштымов. – Иногда складывается впечатление, что СССР развалился и организуются десятки новых с теми же недостатками. Вот и сейчас мы должны дать справку – права или неправа эта организация. Перепутаны два вопроса – политический и научный. Было так в свое время (20-е гг. XX в.), когда белорусов предлагали считать кривичами, а язык – кривским. В XIX в. в целом ряде статистических изданий ятвяги проходят⁴.

А. Н. Сорокин. – С одной стороны хорошо, что представлен такой доклад. Но мне кажется, что нам вновь предлагается выработать коллективное мнение. Я против этого. Вопрос научно не изучен. Лучше направить внимание на белорусов, проживающих за рубежом, – их положение не лучше. Вопрос непростой, и на коллектив его перекладывать нельзя.

М. М. Чернявский. – Западное Полесье – это своеобразный регион. Беларусь не имеет значительных различий диалектов. В Латвии их, например, пять. И они друг друга тяжело понимают. Но никто не ставит вопрос о выделении отдельной нации и культуры⁵. Но это нации здоровые. Мы же больны в экономических, национальных и культурных отношениях. В таких условиях всегда наблюдается желание сохранить свое отличие. Дело не в том, как называться,

4 Согласно «Приходским спискам» (фактической переписи населения, которая была проведена приходскими священниками в 1857 г.), на территории Бельского, Брестского, Волковысского и Кобринского уездов Гродненской губернии проживали соответственно 3741, 1616, 2843 и 22725 человек, обозначенных как ятвяги. Известный белорусский этнограф П. В. Терешкович, подробно изучивший данный вопрос, призывает относиться к данным переписи с осторожностью. На его взгляд, на переписчиков-священников мог повлиять популярный в то время учебник польской истории Н. И. Павлищева, в котором содержались сведения о древних ятвягах и ядвигах – «народе сарматского происхождения, который жил по Нареву и Бугу в пределах позднейшего Подляшья». Других свидетельств существования этого этнонима в середине XIX в. нет (*Терешкович П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы*. Минск, 2004. С. 89–90).

5 С конца 1980-х гг. в Латвии наблюдается возрождение латгальской культуры и языка: возникли латгальские культурные общества, появились публикации на латгальском языке, в Резекне проводятся всемирные съезды латгальцев.

а в том, что это может разорвать большое тело нации в переломный момент. Я знаю, что их мечта – присоединение к Украине через автономию⁶. Они ошибаются. На Украине этой проблемы нет и никто их там не поддержит, их поглотит в целом здоровая украинская нация. По докладу предлагаю: политическую сторону приглушить, снять повторы, пересмотреть стиль изложения. Считаю, что Ученый совет может высказываться по научной части доклада.

Г. В. Штыхов. – Доклад излишне политизирован. Я рассчитывал на научное обсуждение. Понятно, у каждого свои мысли. Почему не пригласили специалиста по ятвьягам – Я. Г. Зверуго? Он прекрасно знает эту проблему, знает литературу, в том числе изданную поляками. Ятвьягов теперь нет. Об этом Я. Г. Зверуго пишет в своей книге. Тут написано так, что никого не убедишь. Например, о том, что тут были ятвьяги, писал В. В. Седов и писал в нашей «Чырвонай змене»⁷ – вот и спорь с известным ученым.

В. И. Вышинский. – Я из краткого выступления Штыхова понял больше, чем из доклада. Он политизирован, необходимо научное обоснование.

П. Ф. Лысенко. – Видимо, нам с В. А. Полуяном не удалось донести то, что мы написали для слушателей. Ятвьяги – это балты, полешуки – это славяне. Это факт, от него никуда не скроешься. Что тут

6 Лидеры западнополесского движения не заявляли о желании присоединить Брестскую область к Украине. Более того, с 1992 г. они выступили в средствах массовой информации с серией материалов, в которых утверждалось, что удовлетворение культурных запросов полешуков со стороны властей Беларуси может стать действенным инструментом борьбы с украинским влиянием в регионе. Например, в газете «Рэспубліка» в июле 1992 г. было опубликовано обращение объединения «Полісьсе», в котором утверждалось: «Противодействие сепаратистской и проукраинской тенденциям на Западном Полесье возможно и разумно только в виде учета национальных и культурно-языковых интересов западных полешуков, обеспечения их удовлетворения на государственном уровне, то есть путем законодательного признания факта существования западнополесского этноса с его особенными интересами, государственного обеспечения сохранения и развития западнополесской культуры, традиций и языка» (Западное Полесье – не подлесье... Заявление правления общественно-культурного объединения «Полісьсе» // Рэспубліка. 1 ліпеня 1992. С. 5).

7 «Чырвонай змене» («Красная смена») – газета, печатный орган Центрального комитета Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии.

непонятного, что тут изучать? Говорят, слишком политизирован. Возможно. Но это просто снять. Письменные источники, археологические находки свидетельствуют, что на территории Западного Полесья ятвяжских памятников нет. Нет и все тут – это факт. Седов недостаточно изучал этот вопрос. Славянские находки он ошибочно отнес к ятвягам, что потом сам же и признал, отметив, что это – «славянизированные ятвяги». Но и в такой форме доказательств у него нет. Насчет польских археологов. Они отчетливо проводят границу, и мы об этом говорим. Можно привести и чешских археологов. Они также согласны, что находки Полесья не ятвяжские. Все данные являются научными и неопровержимыми. О языке. Диалекты есть в разных странах, и представители одной и той же нации почти не понимают друг друга. А у нас полесский говор, славянский, всем понятный, но немного отличается – уже не белорусский? Это смешно! Касательно деятельности этого общества. Как культурная работа – пожалуйста. Но когда речь идет о создании обособленной национальной единицы, то, извините, это уже политическая сторона и это не может нас не касаться. Людей оболванивают, а они слушают, потому что не знают фактов. Мы выразили свою мысль. Ученый совет пусть смотрит, как делят республику!

В. А. Полуян. – Нельзя легко подходить к этому вопросу. Речь идет о целостности Республики Беларусь. Научная сторона достаточно изучена. Мы не могли привести все сведения. Действительно, в конце XIX в. на современной территории основная часть признала себя белорусами. Это факт. Что тут непонятного? Некоторые не поняли, что речь может идти о нациях, которые сложились и существуют. Это бесспорно. Тут речь идет о придуманной нации, которой никогда не было. Племена ятвягов давно исчезли. Политическую сторону нельзя не замечать. М. М. Чернявский ее знает и говорит правильно.

М. М. Чернявский. – Уважаемые господа! Беларусь единственная среди бывших республик, которая не имеет разных «Карабахов». Так не надо их создавать искусственно!

М. О. Бич. – Обсуждение свидетельствует, что вопрос сложный. Проект решения роздан. Часть предлагает вообще не принимать постановления. Действительно, постановление для авторов не имеет значения. Оно не может запретить публикацию любых материалов в печати. Я считал, что согласие с основными, бесспорными моментами поможет общему делу, притормозит опасное явление. Кто за то, чтобы Ученый совет вообще принимал постановление по этому вопросу?

Результаты голосования: за принятие постановления – 10 членов Совета, против принятия – 6.

М. О. Бич. – Предлагаю упомянуть открытое письмо Н. С. Гилевича⁸, доработать постановление.

Результаты голосования: за – 16, против – нет.

ПОСТАНОВИЛИ: Для доработки постановления по обсужденному докладу создать комиссию в составе: М. О. Бича, В. А. Полуяна, П. Ф. Лысенко, М. М. Чернявского, М. Ф. Спиридонова.

8 Речь идет об открытом письме поэта Н. С. Гилевича депутатам Пинского городского Совета народных депутатов (февраль 1992 г.). Автор письма утверждал, что многие депутаты симпатизировали объединению «Полісьсе», что трактовалось им как «угроза единству и целостности Беларуси». Н. С. Гилевич призывал к сохранению культурных традиций региона, но считал недопустимым ставить вопрос о существовании отдельного полесского этноса (*Гілевіч Н.* Спыніць замах на адзінства і цэласнасць Беларусі // Пінскі веснік. 22 лютага 1992. С. 2). Анализ протоколов сессий Пинского городского Совета народных депутатов (1991–1995 гг.) позволяет утверждать, что опасения поэта были явно преувеличены. Депутатов волновали вопросы сложного социально-экономического положения в городе, западнополесская проблема упоминается в документах всего дважды. 20 февраля 1992 г. на сессии Совета выступал лидер пинской организации объединения «Полісьсе» К. Л. Удовидчик. Он сообщил о заседании правления пинской региональной гуртыны «Полісься» от 15 февраля 1992 г., где рассматривался вопрос «о ситуации, которая сложилась вокруг требований представителей национального белорусского движения на предмет введения в Пинске белорусского языка» (Зональный государственный архив г. Пинска (ЗГА г. Пинска). Ф. 200. Оп. 1. Д. 2944. Л. 26). В протоколе не было зафиксировано факта обсуждения выступления К. Л. Удовидчика. 22 января 1992 г. на сессии Совета выступала председатель пинской рады «Таварыства беларускай мовы» («Общества белорусского языка») С. В. Дмитриева, которая просила «выделить средства из местного бюджета на содержание одной единицы работника общества, а также обеспечить раду телефоном». Во время дискуссии депутат Ф. У. Кушнеревич «предложил не развивать в Пинске белорусский язык, так как население говорит на местном диалекте, который очень отличается от государственного языка, и его нужно тоже развивать» (ЗГА г. Пинска. Ф. 200. Оп. 1. Д. 2943. Л. 7). Предложение С. В. Дмитриевой не было реализовано.

Окончательный вариант постановления, выработанный комиссией, принят Ученым советом института 12 марта с. г. (прилагается).
[...]

ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 962. Л. 26–31.

Постановление Ученого совета Института истории Академии наук Беларуси, 12 марта 1992 г.

Заслушав научный доклад заведующих отделами, докторов исторических наук П. Ф. Лысенко и В. А. Полуяна «К вопросу о национальной принадлежности населения Западного Полесья и позициях руководителей общества «Полісьсе»», принимая во внимание открытое письмо депутатам Пинского горсовета председателя Комиссии Верховного Совета Республики Беларусь по образованию, культуре и сохранению исторического наследия, народного поэта Беларуси, профессора Н. С. Гилевича, Ученый совет Института истории Академии наук Беларуси разделяет высказанную их авторами тревогу в связи с деятельностью общества «Полісьсе», направленную по сути на раскол белорусской нации по границам диалектно-этнографических групп.

Наличие различных диалектно-этнографических групп характерно не только для белорусской нации, но и для большинства европейских народов (литовцев, латышей, поляков, немцев, французов и др.). В нормальных условиях социально-экономической, политической и национально-культурной жизни, когда нация имеет возможности для развития своей исторической памяти, национального самосознания и языка, диалектно-этнографические группы гармонично консолидируются в этнические сообщества и обогащают палитру национальной культуры. Это происходит у названных и других народов. Для белорусской нации в результате неблагоприятных условий исторического развития и ассимиляционной политики разных властей, в том числе и в последние десятилетия, характерно сейчас широкое распространение национального нигилизма и невысокий уровень национального самосознания.

Именно в таких условиях у руководителей «Полісься» и возникла идея о существовании самостоятельного ятвяжского этноса, которая проявляется теперь в разных требованиях национально-культурного и политического характера, которые предусматривают даже создание в перспективе самостоятельного ятвяжского государства и возможного

его выделения из состава Республики Беларусь⁹. Обозначенная идея не имеет, однако, никакого научно-исторического обоснования и является полностью вымышленной. Население Западного Полесья в X–XIII вв. было преимущественно восточнославянским. Балтские племена ятвягов в то время являлись его северо-западными соседями и в XIII в. были почти полностью уничтожены в результате экспансии германских завоевателей, а частично ассимилированы. Попытки руководителей «Полісья» характеризовать безусловно восточнославянскую культуру как «ятвяжскую» нельзя оценить иначе как антинаучные, а их национально-политические требования – как сепаратистские, опасные для сохранения территориальной целостности Республики Беларусь.

Ученый совет Института истории Академии наук Беларуси отмечает необходимость самого позитивного отношения государственных органов и общественности республики к сохранению культуры, языка, традиций и обычаев, фольклора, народных промыслов и т. д. разных этнографических групп в Беларуси, в том числе и западнополесской, как составных частей единого белорусского этноса. Вместе с тем в целях преодоления тенденций распада нации по границам диалектно-этнографических групп необходимо оздоровление всех сторон жизни нашего общества, укрепление реальной государственности Республики Беларусь, полная реализация Закона о языках и Закона об образовании. Специалисты института должны активизировать и усилить деятельность по распространению в средствах массовой информации научных знаний о настоящем историческом прошлом Беларуси, в том числе Белорусского Полесья, идей белорусского национального возрождения и необходимости консолидации нации для успешного решения чрезвычайно сложных задач, которые стоят сегодня перед нашим Отечеством.

ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 962. Л. 46–47.

⁹ Подобные идеи действительно озвучивались Н. Н. Шеляговичем в конце 1980-х гг.: «Ятвяжское (полесское) возрождение. Его перспективы. Это – утверждение и полнокровное развитие ятвяжских культуры, языка, народности в соответствии с собственными силами и потребностями. Возможно, даже до уровня нации, которая станет хозяином своей не только культурной, но и политической, экономической, социальной жизни, даже до уровня нации, которая будет иметь свою государственность – полностью независимую или автономную» (*Шеляговіч М.* Яцвяжскае (палесскае) адраджэнне // *Беларуская мова і літаратура ў школе.* 1989. № 12. С. 7).

Источники и литература

Зональный государственный архив г. Пинска (ЗГА г. Пинска)

Национальный архив Республики Беларусь.

Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ).

Гілевіч Н. Спыніць замах на адзінства і цэласнасць Беларусі // Пінскі веснік. 22 лютага 1992. С. 2.

Западное Полесье – не подлесье... Заявление правления общественно-культурного объединения «Полісьсе» // Рэспубліка. 1 ліпеня 1992. С. 5.

Казак О. Г. Институционализация западнополесского этнополитического движения в Беларуси: функционирование Общественно-культурного объединения «Полісьсе» (1988–1995 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 4. С. 10–37. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-10-37.

Казак О. Г., Середа А. С. Западнополесское этнокультурное движение в оценках академического сообщества Беларуси (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) // Культура Беларуси: реалии современности: сб. науч. ст. X Международный науч.-практ. конф., Минск, 7 октября 2021 г. Минск, 2021. С. 142–146.

Казак О. Г., Середа А. С. «Ятвяжская теория» как идейная основа западнополесского этнополитического движения (вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х гг.) // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. ст. / Полес. гос. ун-т; под ред. В. И. Дуная [и др.]. Пинск, 2023. С. 171–174.

Терешкович П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск: БГУ, 2004. 223 с.

Шэляговіч М. Яцвяжскае (палесскае) адраджэнне // Беларуская мова і літаратура ў школе. 1989. № 12. С. 6–9.

References

Hilevich, N. «Spynits' zamakh na adzinstva i tselasnasts' Belarusi.» *Pinski vesnik*, 22 liutaha 1992, p. 2.

Kazak, O. G. «Institutsionalizatsiia zapadnopolesskogo etnopoliticheskogo dvizheniia v Belarusi: funktsionirovanie Obshchestvenno-kul'turnogo ob"edineniia «Polis'se» (1988–1995 gg.)» *Vestnik RGGU. Seriiia «EvrAziiskie issledovaniia. Istoriia. Politologiia. Mezhdunarodnye otnosheniia»*, 2022, no 4, pp. 10–37. DOI: 10.28995/2686-7648-2022-4-10-37.

Kazak, O. G., Sereda, A. S. «“Iatviazhskaia teoriia” kak ideinaia osnova zapadnopolesskogo étnopoliticheskogo dvizheniia (vtoraia polovina 1980-kh – pervaiia polovina 1990-kh gg.)» *Gosudarstva Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v istoricheskoi perspektive: sb. nauchn. st.*, ed. by V. I. Dunai [et al.]. Pinsk, 2023, pp. 171–174.

Kazak, O. G., Sereda, A. S. «Zapadnopolesskoe étnokul'turnoe dvizhenie v otsenkakh akademicheskogo soobshchestva Belarusi (konets 1980-kh – pervaiia polovina 1990-kh gg.)» *Kul'tura Belarusi: realii sovremennosti: sb. nauch. st. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 7 oktiabria 2021 g.* Minsk, 2021, pp. 142–146.

Shéliahovich, M. «Iatsviazhskae (pales'skae) adradzhénne.» *Belaruskaia mova i litaratura ŭ shkole*, 1989, no 12, pp. 6–9.

Tereshkovich, P. V. *Étnicheskaiia istoriia Belarusi XIX – nachala XX v.: V kontekste Tsentral'no-Vostochnoi Evropy.* Minsk: BGU, 2004, 223 p.

«Zapadnoe Poles'e – ne podles'e... Zaiavlenie pravleniia obshchestvenno-kul'turnogo ob"edineniia “Polis'se”» *Rěspublika*, 1 lipenia 1992, p. 5.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.24

O. G. Kazak

Western Polesie ethno-political movement in the assessments of Belarusian historians (1992)

Oleg G. Kazak

Candidate of History, associate professor

Belarus State Economic University

220070, 26, Partizanski av., Minsk, Republic of Belarus

E-mail: olegkazak90@tut.by

ORCID: 0000-0003-3859-8071

Citation

Kazak O. G. Western Polesie ethno-political movement in the assessments of Belarusian historians (1992) // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 456–470 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.24

Received: 19.06.2023.

Abstract

The publication contains the text of the minutes of the meeting of the Academic Council of the Institute of History of the Academy of Sciences of Belarus dated March 3, 1992, at which the activities of the Social and Cultural Association “Polis'se” were discussed, as well as the resolution of the Academic Council dated March 12, 1992. These documents

are important for understanding the various assessments by the representatives of the Belarusian scientific community of the phenomenon of the Western Polesie ethno-political movement (the second half of the 1980s – the first half of the 1990s).

Keywords

Western Polesie, ethno-political movement, Nikolai Shelyagovich, separatism.

УДК 008:316.722
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.25

Э. Г. Задорожнюк

Книга о непростых судьбах Бессарабии

Мухаметшин Ф. М., Степанов В. П. Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего (Очерки русского времени в Бессарабии конца XVIII – начала XX в.). – М.: Прогресс-Традиция, 2022. – 368 с.

Задорожнюк Элла Григорьевна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: elzador46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2328-810X

Цитирование

Задорожнюк Э. Г. Книга о непростых судьбах Бессарабии // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 471–478. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.25

Рецензия поступила в редакцию 09.09.2022.

Аннотация

В монографии Ф. М. Мухаметшина и В. П. Степанова исследованы различные стороны жизни Бессарабии в период конца XVIII – начала XX в. – «русского времени» в ее истории, показанные глазами русских ученых и писателей. В центре их внимания были как событийные моменты, касавшиеся бессарабского полиэтнического сообщества, так и особенности его религии и культуры. На богатом фактическом материале выявлена значительная социальная дистанция между национальной молдавской интеллигенцией и малограмотным, в основном сельским молдавским населением. Проанализирован процесс формирования качественно нового состава населения Бессарабии к концу XIX в., что позволило говорить о складывании полиэтнического феномена бессарабизма. Начало XX в. в Бессарабии – время развития и укрепления молдавского национального самосознания в условиях русского культурного пространства. Авторы констатировали: отзвуки того периода, а также последующие события XX в. продолжают оказывать влияние на современные этносоциальные процессы в Республике Молдова, Украине и Восточной Европе в целом.

Ключевые слова

Россия, Молдова, Бессарабия, имагология, полиэтничность, этнорегиональная идентичность, этнические ценности.

Балканы, и в частности Предбалканье, куда входит и историческая область Бессарабия (ныне в землях Молдавии и Украины), всегда пользовались особым вниманием специалистов разных предметных областей: не только историков, этнографов, культурологов, но также политиков, и даже обычных людей; сегодня этот интерес детерминируется и текущими событиями геополитического характера. Это неудивительно: данный регион был и остается территорией пересечения весьма разнородных языков, культур и религий, а заодно интересов больших держав. Поэтому интерес к бессарабской теме время от времени возникает с новой силой.

Так было в ходе распада Советского Союза, так происходит и сейчас, чем определяется актуальность рассматриваемой монографии. Ее авторы, доктор исторических наук В. С. Степанов и доктор политических наук Ф. М. Мухаметшин, концентрируют первостепенное внимание на том, что они именуют «русским временем в Бессарабии» (с. 14); на наш взгляд, этот подход транспонирует указанное время не только на прошлое, но и на будущее.

Сегодня изучаемое в книге пространство, расположенное в основном в междуречье Прута и Днестра, входит в состав Республики Молдова, а его южные (бывшие Измаильский и Аккерманский уезды) и северные (Хотинский уезд) границы – соответственно, Украины; «русское время» при этом нарочито игнорируется политическими элитами двух данных государств. Авторы доказывают на богатейшем материале мультидисциплинарных исследований, что подобный взгляд однозначно ошибочен и фальсифицирует события прошлого.

В Средние века и Новое время земли Бессарабии входили в состав Молдавского княжества. С 1812 и до 1918 г. Бессарабия была частью Российской империи. Именно после 1918 г. там наметилась тенденция забывать о «русском времени», хотя оно самыми разными способами напоминает о себе. Как раз поэтому столь мобилизующим можно считать название книги.

Монография носит во многом историографический характер. Но бессарабская тема – предмет постоянного интереса не только профессиональных историков. Достаточно вспомнить ее освещение культурными деятелями Российской империи: русского

поэта А. С. Пушкина, украинского («малороссийского») этнографа А. С. Афанасьева-Чужбинского, исследователя шведского происхождения А. Ф. Вельтмана. Авторам удалось доказательно представить их портреты в качестве тех, кого можно назвать, прибегая к полуродливому слову, бессарабоведом. Ибо, по убеждению авторов, историографическая работа – это и оригинальный взгляд на порой уже хорошо известные исторические события, а историк в чем-то напоминает художника и наоборот, что приложимо к упоминаемому в книге А. С. Пушкину.

Авторы оригинально подают материал о русской Бессарабии, уделяя внимание не только титульным этносам того времени и их культурам; этот подход неприменим к Бессарабии, как убедительно утверждают они. Ведь и сегодня Молдова выставляет на первый план «сторонников прорумынской и промолдавской идентичностей. На них накладываются еще и региональные идентичности юга республики, в частности АТО Гагаузия и заселенного большинством болгар Тараклийского района, а также самопровозглашенного Приднестровья, где русский фактор, наоборот, возведен в статус государствообразующего при формальном равенстве молдавской и украинской этнолингвистических составляющих» (с. 130). Искоренить прячущуюся в веках установку на полиэтничность и мультикультурализм (с позитивными коннотациями данного термина) региона поэтому невозможно; подчеркивание данного момента – несомненное достоинство монографии. Под одной обложкой представлен анализ литературы на русском языке, выпущенной в XIX – начале XX вв., освещающей статус и тенденции развития основных этносоциальных сообществ, проживавших в Бессарабии; аналогов такого рода исследования не обнаруживается во всем массиве иноязычной литературы по данному региону. Авторам удалось показать, что и на этом сравнительно узком пространстве проявляется то, что Ф. М. Достоевский называл «всемирной отзывчивостью русской души».

Сторонники румынской идентичности молдаван считают, что этого этноса не существует, а есть только румынский народ; их оппоненты полагают, что наряду с румынским этносом существует и молдавский. Конечно, считают авторы, справедлива именно вторая точка зрения. Но не надо забывать, утверждают они, что многие механизмы становления и эволюции молдавской идентификации усматриваются именно в изучаемом периоде, а творчество русских авторов в определенной степени способствовало укреплению позиций молдавской самобытности. Подобные парадоксы просматриваются

в истории и других этносов, ныне обретших самостоятельность; книга примечательна и в этом ракурсе.

Во второй части книги представлен анализ трудов авторов, писавших о других народах, для которых Бессарабия в составе России стала новым домом. Это задунайские переселенцы (болгары и гагаузы), варшавские переселенцы – швейцарские и, прежде всего, немецкие колонисты, которые в большинстве своем мигрировали из Польши (отсюда и название); не обошли авторы вниманием цыганское и еврейское население (с включением Бессарабии в состав России на нее распространялся указ Екатерины II 1791 г. о черте оседлости); следовало бы упомянуть также об армянах и поляках. Подробно авторы останавливаются на освещении русскими исследователями и писателями русино-украинского населения края, которое, наряду с молдавским этносом, является историческим (коренным) на территории Молдовы. Описания такого рода изложены в духе неотвратимости общежителюства народов на этом пространстве – вопреки усилиям политических элит соседних и весьма далеких стран разобщить их.

Было бы неверным говорить о том, что творчество авторов, упоминаемых в монографии, впервые вводится в научный оборот: имена некоторых из них широко известны. А. Ф. Вельтман, И. С. Аксаков, А. С. Афанасьев-Чужбинский, менее известная О. Е. Накко и другие ярко писали – и глубоко размышляли – о Бессарабии, но об этом известно куда меньше. Хорошо известными специалистами, изучавшими Бессарабию и окружающие ее земли, можно считать офицеров русской армии – Н. М. Дарагана, А. И. Зашука, В. А. Мошкова, А. Шмидта; чиновников П. П. Свинына и С. Д. Урусова; священнослужителей митрополита Гавриила, П. С. Куницкого и П. Е. Задерацкого; наконец, таких исследователей, как Н. И. Надеждин, А. А. Скалковский, Л. С. Берг. Авторы подняли целые пласты их творчества, представив всеобъемлющую картину культуры региона в рецензируемой книге. Творчество и личности многих авторов, оставивших описания ряда населяющих Бессарабию народов, приобрели новое и достаточно свежее историографическое освещение.

Этому способствовала аргументированная периодизация изучения народов края. Первый период – с конца XVIII в. по 60-е гг. XIX в. – характеризуется некой эпизодичностью сведений о культуре и быте формирующегося состава полиэтнического населения региона. Второй – 60–80-е гг. XIX в. – примечателен развитием этнографической науки, некоторые известные представители которой уделили пристальное внимание именно Бессарабии. Третий период охватывает 90-е гг.

XIX в. – первые десятилетия XX в. – время систематизации накопленных ранее сведений, появления обобщающих работ по этнографии и создания местных научных центров. Параллельно и в чем-то взаимно усилительно шли процессы формирования идентификационных ценностей в среде жителей полиэтнической Бессарабии. Авторы пришли к неожиданному выводу, что в ней к тому времени так и не сложилась единая этнокультурная общность, но, по их мнению, это не столько беда для населяющих ее народов, сколько пространство для их совместного культурно-духовного развития. Такой вывод далеко не тривиален: регионов, населенных столь уважительно относившимися друг к другу этносами, было в истории немного, и Российская империя выступает в этом плане отнюдь не «тюрьмой народов».

Авторы активно использовали в своем анализе метод имагологии (он, в частности, разрабатывается исследователями Орловского государственного университета), базирующийся на исследовании коллективных представлений об образе чужого. При этом под понятием «чужой» выступает носитель другой культуры, языка, религии – таких в Бессарабии указанного времени было с избытком. Следует добавить, что и русскоязычным авторам, творчество которых анализируется в монографии, свойственны субъективизм, влияние времени и даже элементарная предвзятость. Одна из причин – социальная дистанция, которая воздействовала на восприятие ими народов Бессарабии. Писали ведь о крае тех времен, как правило, представители привилегированных сословий, включая чиновников и офицеров, а объектами их описания большей частью становились простолюдины. Но вышеупомянутая «всемирная отзывчивость русской души» и в их описаниях доминировала. Следует заметить, что в знаменитой Пушкинской речи Ф. М. Достоевский обращался к образам «цыган», созданным на основе как раз бессарабских переживаний и размышлений поэта, а высокомерного Алеко научил основам нравственности как раз неграмотный местный цыган.

Относительно ряда особенностей книги можно подискутировать. Название второй главы звучит следующим образом: «Полиэтническая русская Бессарабия: новый формат». Как так: полиэтническая и одновременно русская? Авторский подход можно считать правомерным, а название и содержание главы соответствуют друг другу, действительно демонстрируя новый формат полиэтнического края, который сложился благодаря взвешенной внутренней политике России. Речь ведь шла о выселении полукочевых татар с юга Бессарабии (а тюркоязычные гагаузы ее так и не покинули) и занятии края колонистами разной

этнической принадлежности, а также о внутренней миграции из регионов России и Малороссии. Потомки сложившегося тогда полиэтнического населения до сих пор проживают в Бессарабии. Однако название главы почему-то приобрело иное звучание в колонтитуле: «Политическая Бессарабия: новый формат». Конечно, это – техническая ошибка. Однако книга вышла в условиях проведения Россией спецоперации на Украине, когда молдавская тема с открытым будущим статуса Приднестровья стоит очень остро, и ошибка в колонтитуле оказалась в немалой степени пророческой.

Тема политической Бессарабии, с нерешенным вопросом о положении и перспективах национальных меньшинств и русского культурного сообщества в целом (добавим сюда и неопределенный статус русского языка), остается злободневной проблемой современности. Она уходит корнями в то далекое прошлое, когда Россией тоже осуществлялась политика, направленная на освоение и развитие Бессарабии, насыщение ее человеческими ресурсами, лояльными к властям.

В этом контексте как никогда актуально звучат слова исследователей, лишний раз подчеркивающие связь прошлого и настоящего: «Бессарабия омывается двумя реками – с запада Прутом, а с востока Днестром. Облекая проблему бессарабской идентичности в художественную риторику (авторы имеют на это основания, так как в книге анализируются и художественные произведения, см. содержание и далее текст заключения), уместно привести слова современного популярного французского писателя Бернарда Вербера: “На дне оврага течет река. Они не умеют плавать и не могут перейти ее, но видят, что на другом берегу гораздо лучше. На другом берегу всегда лучше”» (с. 359).

Как доказательно убеждают авторы, дело не в умении плавать или переходить реки: бессарабцы не раз переходили и переплывали обе реки, убеждаясь в плюсах и минусах жизни и за Прутом, и за Днестром, да и к ним прибывали переселенцы с разных сторон. Более важно видение себя в мире и мира в себе, что и стремились показать в своих трудах соиздатели «русского времени» в регионе – исследователи и писатели. Демонстрация того, как они формировали пространство мирного сожительства всех народов в Бессарабии, – несомненное достоинство книги.

Источники и литература

Мухаметшин Ф. М., Степанов В. П. Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего (Очерки русского времени в Бессарабии конца XVIII – начала XX в.). М.: Прогресс-Традиция, 2022. 368 с.

References

Mukhametshin, F. M., Stepanov, V. P. *Rossia i Moldova: mezhdru naslediem proshlogo i gorizontami budushchego* (Ocherki russkogo vremeni v Bessarabii kontsa XVIII – nachala XX v.). Moscow: Progress-Traditsiia, 2022, 368 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.25

E. G. Zadorozhnyuk

A book about the difficult fate of Bessarabia

Ella G. Zadorozhnyuk

Doctor of History, chief research fellow, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: elzador46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2328-810X

Citation

Zadorozhnyuk E. G. A book about the difficult fate of Bessarabia // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 471–478 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.25

Received: 09.09.2022.

Abstract

The book in question examines the various aspects of the life of Bessarabia during the late 18th – early 20th centuries – “Russian time” in its history – through the eyes of Russian scientists and writers. Their focus was both on the individual events in the life of the Bessarabian multi-ethnic community and the peculiarities of its religion and culture. The rich factual material revealed a significant social distance between the national Moldavian intelligentsia and the illiterate, mainly rural Moldovan population. The process of forming a qualitatively new composition

of the population of Bessarabia by the end of the 19th century is analyzed, which allows us to talk about the development of the multi-ethnic phenomenon of Bessarabism. The beginning of the 20th century is the time of development and strengthening of Moldavian national identity in a Russian cultural space. The authors state: the echoes of that time, as well as subsequent events of the 20th century, continue to influence modern ethno-social processes in the Republic of Moldova, Ukraine and Eastern Europe as a whole.

Keywords

Russia, Moldova, Bessarabia, imagology, multi-ethnicity, ethno-regional identity, ethnic values.

УДК 94(100)“05/437”

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.26

П. В. Мошечков

**Деятельность чешско-словацких легионеров в годы
Первой мировой войны и в Первой Чехословацкой республике:
к современной историографии проблемы**

Československé legie – Slováci – Slovensko / red. P. Chorvat, M. Posch. –
Bratislava: Vojenský historický ústav, 2022. – 436 s.

Мошечков Петр Владимирович
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Рецензия поступила в редакцию 17.07.2023.

Цитирование

Мошечков П. В. Деятельность чешско-словацких легионеров в годы
Первой мировой войны и в Первой Чехословацкой республике: к современ-
ной историографии проблемы // Славянский альманах. 2023.
№ 3–4. С. 479–490. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.26

Аннотация

Изучение возникновения чешско-словацких добровольческих формирований, действовавших в составе армий держав Антанты на фронтах Первой мировой войны, за последние 30 лет стало одним из значимых направлений в современной исторической науке. На сегодняшний момент издано достаточно большое количество отдельных статей, сборников документов и монографий научного и научно-популярного характера, в которых обозначенная тематика рассматривается с разных ракурсов. Сюжетам, связанным с историей образования на территориях России, Франции и Италии чешско-словацких воинских подразделений, участием легионеров в Гражданской войне в России, а также судьбами бывших добровольцев в межвоенный период и в годы Второй мировой войны, посвящен и изданный в 2022 г. под редакцией П. Хорвата и М. Поша коллективный труд «Чешско-словацкие легионы – словаки – Словакия». Авторами вошедших в него очерков стали ученые-историки из Словакии, Чехии, России, Италии и Японии. История формирования и действий

чешско-словацких легионов рассматривается в них не только с использованием традиционных методов исторического исследования, но и в контексте таких направлений, как гендерная история, экономическая история, история повседневности.

Ключевые слова

Чешско-Словацкий национальный совет, чешско-словацкие добровольческие формирования, М. Р. Штефаник, Б. Павлу, история Чехословакии.

Изучение истории возникновения чешско-словацких добровольческих формирований в рамках армий держав Антанты в период Первой мировой войны за последние 30 лет стало одним из значимых направлений в чешской и российской исторической науке. Активизация исследований в рамках данной тематики произошла на фоне двух значимых годовщин: столетия начала Первой мировой войны (2014 г.) и столетнего юбилея со дня основания независимого Чехословацкого государства (2018 г.). На сегодняшний момент существует достаточно большое количество статей, сборников документов и монографий научного и научно-популярного характера, повествующих о работе по организации чешско-словацкого национального движения за рубежом, которую вели представители чешских и словацких колоний и диаспор в России, Франции, Италии, США и ряде других стран, деятельности правительственных кругов и военных властей держав Антанты по созданию чешско-словацких войсковых формирований, их задействованию в боях на Восточном и Западном фронтах, о проблемах повседневной жизни легионеров, их участии в политической и культурной жизни межвоенной Чехословацкой республики, движении Соппротивления в годы Второй мировой войны.

Упомянутые выше сюжеты разрабатываются, пусть в гораздо меньших масштабах, и современной словацкой историографией. Традиционно история организации чешско-словацких частей рассматривается ею в рамках деятельности, которую вел на данном направлении известный словацкий ученый-астроном и политик Милан Растислав Штефаник. Научная литература, посвященная данной проблематике, представлена в первую очередь сборниками статей, опубликованными в 1999, 2010 и 2014 гг.¹ В их составлении приняли участие Воен-

¹ Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave, 4.–5. mája 1999 / zost.

но-исторический институт при Министерстве обороны Словацкой Республики, Институт истории Словацкой академии наук, различные фонды и общественные организации. В последние две коллективные работы были включены материалы, подготовленные как словацкими специалистами, так и учеными из других стран. Помимо обозначенных коллективных трудов, в 1999 и 2001 гг. при поддержке Министерства иностранных дел Словацкой республики были изданы совместные словацко-французская и словацко-российская публикации, посвященные Штефанику². Основной целью, которую ставили перед собой составители всех обозначенных выше сборников, было выявление новых, ранее неизвестных фактов его биографии, а также исследование восприятия «его наследия и традиции» словацким обществом³, места, которое занимал образ Штефаника в государственной пропаганде, проводившейся правительством Чехословацкой республики в межвоенный период.

Коллективный труд «Чешско-словацкие легионы – словаки – Словакия», изданный словацким Военно-историческим институтом в Братиславе в 2022 г., несомненно, может рассматриваться как продолжение данной научной традиции. В его состав вошли 26 статей, авторами которых являются исследователи из Словакии, Чехии, России, Италии и Японии. Обосновывая во введении необходимость подготовки подобной публикации, редакторы сборника отметили, что ее целью является освещение ряда «словацких» аспектов, «касающихся представленной проблематики»⁴.

Вошедшие в сборник очерки можно разделить на несколько тематических групп. К первой из них можно отнести статью П. Витека, затрагивающую историю Липтовской жупы в годы Первой мировой

М. Hronský, M. Čaplovič. Bratislava, 1999. 245 s.; Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie / ed. M. Čaplovič, V. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava, 2010. 288 s.; Milan Rastislav Štefánik a československé zahraničné vojsko (legie). Kapitoly a príspevky / ed. V. Ferenčuhová. Bratislava, 2014. 140 s.

2 Milan Rastislav Štefánik: новый взгляд / отв. ред. В. К. Волков. Мартин, 2001. 157 с.; Milan Rastislav Štefánik: astronome, soldat, grande figure franco-slovaque et européenne / sous la direction de V. Ferenčuhová. Bratislava; Paris, 1999. 110 p.

3 Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik... S. 7.

4 Československé legie – Slováci – Slovensko / red. P. Chorvat, M. Posch. Bratislava, 2022. S. 9.

войны. Данная работа интересна в первую очередь тем, что содержит довольно подробную информацию об экономическом положении этого словацкого региона в годы войны, повествует о проблемах, связанных со снабжением Липтовского края продовольствием и иными товарами, функционированием военных госпиталей и лазаретов, эпидемиологической ситуацией, проведением мобилизационных мероприятий. Из статьи можно почерпнуть информацию и о том, в составе каких воинских частей и на каких фронтах служили в годы мировой войны уроженцы Липтова. Особое место уделено тем из них, кто сражался в чешско-словацких добровольческих частях⁵. Согласно представленным П. Витеком данным, в их рядах находилось около 612 словаков, происходивших из этого края, причем большая часть из них – в войсковых единицах, созданных на территории России и Италии. Однако среди них были и добровольцы, вступившие в ряды стрелковых полков, сформированных на территории Французской Республики. Примечательно, что о последних П. Витек приводит в своем очерке ряд интересных фактов. Так, легионер Иван (Ян) Кадавый, в начале войны принимавший участие в сражениях на Западном фронте в рядах роты «Наздар» (1-й роты батальона «С» 2-го маршевого полка Иностранного легиона), а впоследствии служивший в рядах 22-го чешско-словацкого стрелкового полка в звании прапорщика, имел словацкое происхождение, будучи уроженцем Ружомберка⁶.

Следующая, не менее важная, тематическая группа статей включила в себя работы, посвященные отдельным персоналиям словацкой истории XX в., в межвоенной ЧСР имевшим статус легионеров. Так, статья чешского историка С. В. Хытки повествует об участии в событиях Гражданской войны в России Фердинанда Чатлоша, впоследствии военного деятеля и министра национальной обороны марионеточной прогерманской Словацкой Республики (при режиме Й. Тисо, 1939–1945). Очерк М. Балцовой посвящен судьбе Йозефа Држимала, сражавшегося в годы Великой войны в рядах образованной в апреле 1916 г. Первой сербской добровольческой дивизии, а с мая 1918 г. – 21-го чешско-словацкого стрелкового полка. Впоследствии Држимал принимал участие в работе по организации чешско-словацких войсковых единиц на территории Итальянского королевства⁷. В сборнике присутствуют и статьи, затрагивающие

5 Ibid. S. 35–38.

6 Ibid. S. 36.

7 Ibid. S. 73–79.

основные этапы боевого пути, которые прошли в легионах в годы Первой мировой войны как политики и деятели словацкой культуры XX в.: дипломат Владимир Гурбан (статья С. Михалека)⁸, депутат Национального собрания Чехословакии от Республиканской партии земледельческого и малокрестьянского населения (аграрной), педагог Мартин Оришек (статья М. Ганулы)⁹, архитектор Юро Тварожек (статья М. Грдины)¹⁰, писатель, поэт и драматург Йозеф Грегор-Тайовский (статья М. Чапловича)¹¹, – так и менее известные персоналии: Ян Шандор (статья Ю. Кристофика)¹², участник Словацкого национального восстания 1944 г. Филипп Третиник (статья М. Угриня)¹³. В очерках о Грегоре-Тайовском, Чатлоше, Држимале и Шандоре представлен анализ отношения легионеров к происходившим вокруг них событиям, который проводится на основе материалов личного происхождения (воспоминаний и дневников), равно как и информации, содержащейся в так называемых «легионерских картотеках» и заявлениях о предоставлении статуса легионера. В случае с М. Оришкой и Ю. Тварожеком внимание уделено их участию в политической, общественной и культурной жизни ЧСР. Очерки о В. Гурбане и Ф. Третинике посвящены роли, которую сыграли упомянутые персоналии в деятельности чешско-словацкого антифашистского движения Соппротивления в годы Второй мировой войны.

В состав сборника вошли и публикации, посвященные словакам, принимавшим участие в руководстве чешско-словацким национальным движением за рубежом и являвшимися одними из ведущих функционеров Чешско-Словацкого национального совета (ЧНС), – Б. Павлу и М. Р. Штефанику. О деятельности Павлу в Сибири в первой половине 1919 г. в качестве начальника Политического отдела Военного министерства ЧСР в России (назначен на эту должность Штефаником в декабре 1918 г.) и чехословацкого дипломатического представителя в стране (с 14 октября 1918 г.) повествует очерк, подготовленный Б. Ференчуговой¹⁴. В нем на основании крупного пласта источников, хранящихся в фондах чешских, словацких

8 Ibid. S. 139–154.

9 Ibid. S. 155–171.

10 Ibid. S. 173–186.

11 Ibid. S. 403–408.

12 Ibid. S. 73–79.

13 Ibid. S. 369–386.

14 Ibid. S. 93–118.

и российских архивов, представлена деятельность Павлу в качестве председателя Специальной коллегии, ответственной за действовавшие на территории России чешско-словацкие добровольческие части. Центральное место в статье занимает изучение возникшей в 1919 г. конфликтной ситуации внутри частей Чешско-Словацкого корпуса, вызванной распоряжениями М. Р. Штефаника, назначенного Т. Г. Масариком министром национальной обороны ЧСР, об упразднении Отделения ЧСНС для России (ОЧСНС), ликвидации системы представительных органов в войске (комитетов) и преобразование действовавших в Сибири чешско-словацких формирований в части регулярной армии Чехословацкой республики. Делегаты от частей Чешско-Словацкого корпуса выступили против предложенных Штефаником мер и требовали немедленного созыва 2-го Съезда чешско-словацкого войска. Лишь последний, согласно их представлениям, мог стать единственной инстанцией, уполномоченной принимать решения о дальнейшей судьбе ОЧСНС, в частности, одобрении его работы и его роспуске¹⁵. Упоминает Б. Ференчугова и о том, что, стремясь урегулировать сложившуюся ситуацию, Павлу предпринял попытку занять позицию посредника между легионерами и правительством ЧСР¹⁶.

Группа посвященных М. Р. Штефанику разделов открывается статьей М. Кшиняна¹⁷, в которой автор, опираясь на теорию «социально-го капитала» известного французского социолога Пьера Бурдьё, анализирует деятельность Штефаника во Франции до Первой мировой войны и предпринимает попытку выявить причины успешного вхождения молодого словацкого ученого в круги французской интеллигенции и высшего света Третьей республики. Статья японского историка-словакиста С. Нагай¹⁸ касается освещения событий, связанных со вторым пребыванием М. Р. Штефаника в России, равно как и его трагической гибели, в газете *Československý denník*. Очерк Е. П. Серапионовой¹⁹ посвящен оценке деятельности Штефаника в документах и материалах, проходивших по линии внешнеполитического и военного ведомств Российской империи и правительства адмирала А. В. Колчака, и в трудах словацких и российских историков.

15 Ibid. S. 95.

16 Ibid. S. 104.

17 Ibid. S. 219–234.

18 Ibid. S. 205–218.

19 Ibid. S. 243–250.

Интерес представляют и работы, повествующие о том, какую роль играл образ М. Р. Штефаника в пропаганде и культуре межвоенной Чехословацкой республики, будь то мероприятия, которые организовывал расквартированный в Братиславе 39-й «разведывательный» полк имени генерала Андреа Грациани по случаю годовщин гибели Штефаника (статья Ю. Бабьяка)²⁰, или же проблема трансформации его образа в словацкой политической лирике 1919–1948 гг. (статья Л. Крайчира)²¹. Присутствуют в коллективном труде и разделы, затрагивающие проблему изучения деятельности М. Р. Штефаника в рамках курсов по истории, подготовленных для учащихся средних школ (статья М. Кметя)²² и высших военных учебных заведений (статья Ю. Шимко)²³. Об истории формирования структуры военно-исторических музеев в Словакии, равно как и об экспонатах, связанных с деятельностью Штефаника и участием чешско-словацких добровольческих формирований в сражениях Первой мировой войны, повествует очерк, подготовленный куратором Военно-исторического музея в Пештянах В. Юрковой²⁴.

Крайне важно, что в сборник оказались включены и материалы общего характера, посвященные ряду отдельных аспектов, связанных с историей чешско-словацкого национального движения за рубежом. Статья Я. Валента²⁵ содержит подробный анализ изменений образа России, представленного на страницах выпускаемой Отделением ЧСНС для России газеты *Slovenské hlasy*, которые происходили на фоне событий 1917 – начала 1918 г. (в первую очередь, Февральская и Октябрьская революции, приход к власти большевиков и заключение Советской Россией сепаратного Брестского мира с Центральными державами). Итальянский исследователь С. Таццер кратко описал историю создания чешско-словацких частей в Италии, а также осветил роль, которую сыграли представители итальянской военной миссии в ЧСР в деле организации вооруженных сил молодой республики. По своей тематике его статья тесно соприкасается с работой П. Хорвата «Чешско-словацкие легионеры в Словакии в 1919 году»²⁶. В ней автор пред-

20 Ibid. S. 339–353.

21 Ibid. S. 313–338.

22 Ibid. S. 375–382.

23 Ibid. S. 383–386.

24 Ibid. S. 387–401.

25 Ibid. S. 187–203.

26 Ibid. S. 127–138.

ставляет читателю процесс занятия Словацких земель подразделениями вооруженных сил ЧСР, которое происходило с начала ноября 1918 по 20 января 1919 г. Он приходит к выводу, что добровольцы сформированных в Италии 6-й и 7-й чешско-словацких дивизий включились в этот процесс лишь на его завершающем этапе. Довольно интересным является раздел статьи Хорвата, в котором анализируется столь немаловажная для понимания истории становления вооруженных сил независимой Чехословацкой республики проблема взаимоотношений легионерских подразделений и частей так называемой «внутренней армии», сформированной в том числе из бывших австро-венгерских военнослужащих. Проведя исследование документов, отложившихся в коллекциях Военно-исторического архива г. Братиславы, автор приходит к выводу, что эти отношения зачастую были крайне сложными и характеризовались взаимной неприязнью, основной причиной для чего был особый статус прибывших из Италии и Франции чешско-словацких добровольческих подразделений в структуре зарождающейся чешско-словацкой армии. Осознание легионерами своего исключительного положения в ряде случаев приводило их к отказу подчиняться бывшим офицерам императорской и королевской армии, что серьезно угрожало дисциплине. Данные тенденции продолжали существовать в чехословацкой армии вплоть до ее распада в 1939 г.²⁷

Особо следует упомянуть статью чешского ученого П. Крейсингера²⁸, которая посвящена судьбам 10 чехов, одного словака и одного божемского немца, на момент начала Первой мировой войны проживавших в Австралии и подвергшихся интернированию. Впоследствии все они изъявили желание сражаться на стороне держав Антанты, записавшись добровольцами в ряды так называемого Югославянского батальона. После прибытия на Салоникский фронт в октябре 1917 г. входившие в его состав волонтеры оказались разбросаны по различным частям сербской армии. Отъезд «австралийских» добровольцев во Францию и их вступление в ряды подразделений 22-го чешско-словацкого стрелкового полка произошли в течение апреля 1918 г.²⁹ Статья примечательна тем, что в своем очерке Крейсингер не ограничивается рассмотрением судеб «австралийских» чехов и словаков: он кратко описывает историю возникновения на территории материка чешско-словацкой диаспоры, в том числе упоминает и о пребывании

27 Ibid. S. 135.

28 Ibid. S. 265–280.

29 Ibid. S. 276.

в Австралии путешественников, ученых и католических миссионеров чешского и словацкого происхождения³⁰.

Участию легионеров в чешско-словацком зарубежном антифашистском сопротивлении посвящена статья, вышедшая из-под пера сотрудника Исторического института Словацкой академии наук М. Поша³¹. Предметом своего исследования автор выбрал деятельность 2-го комитета чешско-словацкого Министерства национальной обороны (чеш. *P. odbor Ministerstva národní obrany*) в Лондоне, в рамках которого действовал ряд бывших военнослужащих армии ЧСР (в том числе Франтишек Моравец, Алоиз Фишер, Йозеф Бартик и Карел Палечек). В своем повествовании он сосредотачивается на сотрудничестве 2-го комитета со службами британской разведки в годы Второй мировой войны. Автор подробно описывает историю установления в 1938 г. контактов между британской и чехословацкой разведывательными службами через посредничество майора Гарольда Гибсона и возглавлявшего разведку ЧСР полковника Ф. Моравца, а впоследствии и создания в конце 1940 – начале 1941 г. специальной чешской секции в рамках ведомства военной разведки (англ. *Special Operations Executive (SOE)*) во главе с майором П. Уилкинсоном. Центральное место в очерке Поша занимает освещение ряда моментов, связанных с сотрудничеством между SOE и чешско-словацкой стороной в области разработки планов по проведению диверсионных операций и саботажных акций на территориях Протектората Богемии и Моравии и Словацкой Республики, равно как и поиска и обучения агентов для их исполнения.

Не обойдена вниманием в структуре сборника и тема повседневной жизни чешско-словацких легионеров. В очерке Я. Затьковой повествуется об организованном в Иркутске в августе 1918 г. по распоряжению Отделения ЧСНС для России лагере для пленных словаков, который был создан с целью проведения среди них агитационной, образовательной и воспитательной работы³². Е. Шкорванкова, являющаяся автором ряда исследований по гендерной проблематике, посвятила свою работу характеристике взаимодействия легионеров «с женщинами во время их действий на территории бывшей царской России и их возвращения на родину»³³. Об экономической деятельности чешско-словацких частей в Сибири, истории создания Банка чешско-словацких легионов

30 Ibid. S. 266–268.

31 Ibid. S. 355–368.

32 Ibid. S. 119–125.

33 Ibid. S. 299–311.

и процессе распространения деятельности данной финансовой организации на территорию Словакии посредством образования сети филиалов повествует обзор, составленный Л. Галлоном³⁴.

В целом следует отметить, что сборник «Чешско-словацкие легионы – словаки – Словакия» является довольно значимым трудом, бесспорно обладающим научной новизной. Его авторы рассматривают историю чешско-словацких войсковых единиц с разных ракурсов. Помимо сюжетов, связанных с М. Р. Штефаником, они затронули вопросы, связанные с судьбой ряда иных персоналий словацкой истории в период после Первой мировой войны, а также предприняли попытку определить роль, которую сыграли бывшие военнослужащие чешско-словацких добровольческих формирований словацкого происхождения в создании независимой Чехословацкой республики; выявили след, который они оставили в политической и культурной жизни страны. Проблематика вошедших в него статей довольно широка и разнообразна, а их источниковая база включает в себя новые, ранее неизвестные специалистам документы и материалы. Все это делает рецензируемый коллективный труд довольно ценной работой, призванной занять одно из ведущих мест в историографии по истории Чехии и Словакии первой половины XX в.

Источники и литература

Милан Растислав Штефаник: новый взгляд / отв. ред. В. К. Волков. Мартин: Neografia Martin, 2001. 157 с.

Československé legie – Slováci – Slovensko / red. P. Chorvat, M. Posch. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2022. 436 s.

Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave, 4.–5. mája 1999 / zost. M. Hronský, M. Čaplovič. Bratislava: Vojenský historický ústav, 1999. 245 s.

Milan Rastislav Štefánik a československé zahraničné vojsko (legie). Kapitoly a príspevky / ed. B. Ferenčuhová. Bratislava: Spoločnosť Pro Historia, 2014. 140 s.

Milan Rastislav Štefánik: astronome, soldat, grande figure franco-slovaque et européenne / sous la direction de B. Ferenčuhová. Bratislava: Association pour l'histoire et la culture de l'Europe centrale et orientale; Paris: Collège interarmées de défense, 1999. 110 p.

34 Ibid. S. 281–298.

Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie / ed. M. Čaplovič, B. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava: Vojenský historický ústav; Historický ústav v Bratislave; Slovenský národný archív v Bratislave, 2010. 288 s.

References

Československé legie – Slováci – Slovensko, ed. by P. Chorvat, M. Posch. Bratislava: Vojenský historický ústav, 2022, 436 p.

Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave, 4.–5. mája 1999, ed. by M. Hronský, M. Čaplovič. Bratislava: Vojenský historický ústav, 1999, 245 p.

Milan Rastislav Štefánik: astronome, soldat, grande figure franco-slovaque et européenne, ed. by B. Ferenčuhová. Bratislava: Association pour l'histoire et la culture de l'Europe centrale et orientale; Paris: Collège interarmées de défense, 1999, 110 p.

Milan Rastislav Štefánik a československé zahraničné vojsko (legie). Kapitoly a príspevky, ed. by B. Ferenčuhová. Bratislava: Spoločnosť Pro Historia, 2014, 140 p.

Milan Rastislav Shtefanik: novyi vzgliad, ed. by V. K. Volkov. Martin: Neografia Martin, 2001, 157 p.

Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie, ed. by M. Čaplovič, B. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava: Vojenský historický ústav, Historický ústav v Bratislave, Slovenský národný archív v Bratislave, 2010, 288 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.26

P. V. Moshechkov

The Activity of Czecho-Slovak Legionaries during World War I and in the First Czechoslovak Republic: to the Contemporary Historiography of the Problem

Petr V. Moshechkov

Candidate of History, research fellow,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: pmoshechkov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0036-2306

Citation

Moshechkov P. V. The Activity of Czecho-Slovak Legionaries during World War I and in the First Czechoslovak Republic: to the Contemporary Historiography of the Problem // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 479–490 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.26

Received 17.07.2023.

Abstract

The study of the emergence of the Czecho-Slovak volunteer units that acted as a part of the armies of the Allies in military operations on the fronts of the World War I has become over the past 30 years one of the most significant areas in modern historical science. Today we have at our disposal a great quantity of articles, collections of documents and other scholarly and popular works in which different aspects of these issues are analyzed. The “Czechoslovak Legions – Slovaks – Slovakia” collection of articles, published in 2022 and edited by P. Chorvat and M. Posch, is one of such works. Its authors are the historians from Slovakia, Czechia, Russia, Italy and Japan. The book is concerned with the history of creation of Czecho-Slovak military forces on the territory of Russia, France, and Italy. It is also devoted to their participation in hostilities during the period of Civil War in Russia, the lives of some prominent Slovak legionaries in the interwar period and their engagement in the Czechoslovak resistance movement during World War II. The survey of these problems is conducted not only in the context of traditional methodology of historical research but also in the frameworks of gender studies, economic history and history of everyday life.

Keywords

Czecho-Slovak National Council, Czecho-Slovak volunteer units, M. R. Štefánik, B. Pavlů, history of Czechoslovakia.

**Оккупационная политика нацистской Германии
на белорусских землях в современной белорусской
историографии**

Корсак А. И., Каминский С. А. Шталаг № 354: история и память. – Минск: Беларусь, 2023. – 104 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва,
Российская Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Оккупационная политика нацистской Германии на белорусских землях в современной белорусской историографии // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 491–503.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.27

Рецензия поступила в редакцию 15.07.2023.

Аннотация

В 2023 г. белорусские историки Алесь Корсак и Сергей Каминский опубликовали книгу об одном из лагерей для советских военнопленных, устроенных нацистами на белорусской земле неподалеку от Полоцка. Авторы привлекли к исследованию разнообразные архивные источники из архивохранилищ Минска, Москвы и Подольска, многие из них впервые вводятся в научный оборот; использованы и опубликованные германские документы из архива во Фрайбурге. Заслуживает уважения попытка авторов реконструировать историю одного отдельно взятого лагеря, в котором за годы войны погибло более 18 тыс. советских граждан. Работа Корсак и Каминского хорошо вписывается в современные тенденции развития белорусской историографии Второй мировой войны. Белорусские историки в тесной координации с государственными органами проводят масштабную работу по выявлению и систематизации документальных материалов, отражающих нацистскую политику геноцида

на оккупированных белорусских землях. Ограничения советского периода, когда по политическим мотивам замалчивалось участие в гитлеровских преступлениях коллаборационистов из Украины, Латвии, Литвы, не действуют уже несколько десятилетий, что позволяет специалистам воссоздать объективную картину оккупационной политики гитлеровцев периода 1941–1944 гг.

Ключевые слова

Белорусские земли, история Беларуси, Вторая мировая война, оккупационная политика, белорусская историография, А. И. Корсак, С. А. Каминский.

Современная белорусская историческая наука активно разрабатывает тематику оккупационной политики гитлеровских властей на территории БССР в 1941–1944 гг., в том числе и проблему создания и функционирования лагерей советских военнопленных на белорусских землях. Уже выявлены и продолжают выявляться важные массивы архивных документов, они достаточно оперативно вводятся в научный оборот.

В 2020-е гг. существенно меняется и государственная историческая политика Республики Беларусь в отношении преступлений нацистов периода оккупации, в частности, на юридическом уровне проводится квалификация этих злодеяний как политики геноцида. В апреле 2021 г. Генеральная прокуратура Республики Беларусь возбудила уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны. Стоит отметить, что с 2016 г. действующее белорусское законодательство относит к населению Беларуси и советских военнопленных, среди которых этнические белорусы и уроженцы белорусских земель составляли очевидное меньшинство. Указ президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко от 24 марта 2016 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» относит к категории погибших при защите Отечества «военнопленных, не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине»¹. Чрезвычайно важно, что расследование о политике геноцида не создает между советскими

¹ Корсак А. И., Каминский С. А. Шталаг № 354: история и память. Минск, 2023. С. 7.

гражданами времен войны искусственных барьеров, которые в соседних с Беларусью странах Прибалтики и на Украине активно сооружались с конца 1980-х гг. и быстро привели к превращению освободителей от нацизма в «оккупантов» с публичным разрушением памятников советским воинам.

Уже первые результаты масштабной работы по расследованию обстоятельств геноцида белорусского народа позволили с полным основанием заявить о том, что «причиненный народному хозяйству, инфраструктуре, культурному наследию ущерб от целенаправленной политики уничтожения народов Беларуси значительно больше, чем установлено Государственной чрезвычайной комиссией» после войны. Только за 2021 г. «путем допросов и изучения архивных документов получены сведения о сожжении более 260 ранее неизвестных сел и деревень»². Обобщающее исследование 2022 г. содержит обновленные сведения о зверствах гитлеровцев: «В годы нацистской оккупации (1941–1944 гг.) на территории Беларуси: истреблено более 3 млн мирных граждан и военнопленных; угнано в немецкое рабство под угрозой смерти более 377 тысяч человек, из которых многие погибли в результате невыносимых условий труда, лишений и истязаний; разрушено и сожжено 209 городов, в том числе города Минск, Гомель, Витебск, Полоцк, Орша, Борисов, Слуцк; разрушено и сожжено более 9200 сел и деревень, в том числе 5295 населенных пунктов нацисты уничтожили вместе со всем или частью населения; уничтожено более 1270 тысяч построек в городах и на селе»³.

В контексте темы стоит отметить публикаторские усилия минского государственного издательства «Беларусь». Оно регулярно выпускает исторические исследования о различных сторонах оккупационной политики гитлеровцев в Беларуси. Только в 2022–2023 гг. увидели свет: две подготовленные Генеральной прокуратурой Беларуси публикации о геноциде белорусского народа и конкретно о лагерях смерти⁴, обобщающая монография о лагерях советских военнопленных

2 Историческая справка о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://prokuratura.gov.by/Историческая%20справка.pdf> (дата обращения 16.08.2023).

3 Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общ. ред. А. И. Шведа. Минск, 2022. С. 6.

4 Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы; Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти:

на белорусской территории в 1941–1944 гг.⁵, книга директора Государственного мемориального комплекса «Хатынь» А. Г. Зельского с современным видением трагедии белорусской деревни⁶, объемное исследование Е. И. Хорошевич и А. В. Шаркова о сохранении в Беларуси памяти о Великой Отечественной войне⁷. В эту издательскую политику хорошо вписывается небольшая, но чрезвычайно ценная по тематике и привлеченному архивному материалу монография 2023 г. сотрудников Полоцкого государственного университета им. Евфросинии Полоцкой Алеси Корсак и Сергея Каминского «Шталаг № 354: история и память», вышедшая в издательской серии «Беларусь, Трагедия и правда памяти».

Исследование посвящено лагерю для военнопленных, находившемуся в бывшем военном городке в Боровухе-1 в 12 километрах от Полоцка (ныне в черте Новополоцка). Со второй половины 1941 по 9 апреля 1943 г. здесь, по оценкам историков, содержалось около 29 тыс. пленных красноармейцев, большинство из них, более 18 тыс., погибли. Шталагом именовался стационарный лагерь для пленных солдат и сержантов Красной Армии. Лагерь такого типа на оккупированной белорусской территории насчитывалось 16 из общего числа в 53 лагеря для военнопленных и «свыше 260 лагерей и мест массового уничтожения мирных граждан и советских военнопленных»⁸.

Стоит особо отметить повышенную исследовательскую сложность избранной авторами проблематики. Источниковая база в данном случае объективно неполна и отрывочна, в особенности в важнейшей области численности военнопленных в конкретных лагерях и смертности среди них. А. И. Корсак справедливо отмечает, что «говорить о точности относительно событий нацистской оккупации в плане фиксации потерь как среди военнослужащих, так и гражданского населения, не приходится. Нацисты четко скрывали следы своих преступлений, не только уничтожая места массовых захоронений, но и все

информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общ. ред. А. И. Шведа. Минск, 2023.

5 Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944. Минск, 2022.

6 Зельскі А. Г. Хатынь. Хатынь. Khatyn. Минск, 2023.

7 Хорошевич Е. И., Шарков А. В. Священная память Великой Победы. Минск, 2023.

8 Корсак А. И., Каминский С. А. Шталаг № 354: история и память. С. 2, 4, 7, 97; Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы. С. 36.

документы (приказы, списки узников и т. д.), которые могли разоблачить их преступную деятельность»⁹.

Пресловутая немецкая аккуратность, по крайней мере до начала 1942 г., в лагерях военнопленных на оккупированной белорусской территории уступила место примитивным арифметическим подсчетам, позволявшим закрывать глаза на массовую гибель красноармейцев. В соседнем со шталагом № 354 дулаге № 125 в черте Полоцка «особого учета пленных [...] не было. Изначально немецкая администрация должна была ежедневно докладывать коменданту округа по делам военнопленных об их количестве. Делалось это для того, чтобы он регулировал их отправку в стационарные лагеря. Когда стало ясно, что лагеря подобного типа в Германии и Польше не в состоянии принять огромное количество заключенных, было принято решение превратить транзитные лагеря на оккупированных территориях в стационарные [...] Поэтому ежедневный отчет превратился в пустую формальность. И хотя на всех прибывших [...] заводили первоначальный учет в виде регистрационного списка, проверок по фамилиям до весны 1942 г. не проводилось»¹⁰.

В случае шталага № 354 сложность усугубляется тем, что утерян след части учетных документов лагеря, хранившихся в советские годы в здании школы в Боровухе-1: «По воспоминаниям В. П. Журбы, одного из выпускников этой школы 1964 г., записанным в сентябре 2022 г., архив действительно существовал, по крайней мере на момент конца 1950-х – начала 1960-х гг. Располагался он в чердачном помещении под замком. Доступ к нему был строго запрещен, т. к. военнопленные в советский период времени считались предателями родины. Можно предположить, что это были документы организационного отдела шталага № 354. Дальнейшая их судьба неизвестна»¹¹.

В таких условиях историкам приходится выжимать максимум информации из существующих источников, в частности, из найденных на чердаке одного из зданий в Боровухе-1 в 2019 г. записей военврача С. В. Беляева, который с января по май 1942 г. зафиксировал в тетради сведения о 200 погибших и более 500 находившихся в шталаге № 354 военнопленных. Приведенные в книге фотокопии этих записей позволяют с уверенностью утверждать, что в шталаге,

⁹ Корсак А. И., Каминский С. А. Шталаг № 354: история и память. С. 37.

¹⁰ Копыл С. П. Урочище Пески – территория смерти, 1941–1944. Полоцк, 2012. С. 25.

¹¹ Там же. С. 36–37.

вопреки его названию, содержались не только солдаты и сержанты Красной Армии, но и немалое количество офицеров в чине от лейтенанта до капитана¹².

Установить точные цифры жертв среди военнопленных даже в масштабах одного отдельно взятого лагеря невозможно, с послевоенного времени и итогов работы Чрезвычайной государственной комиссии, созданной в 1944 г. и готовившей материалы для Нюрнбергского процесса, разбежка данных весьма существенна. По материалам упомянутой комиссии, на территории всей Витебской области было обнаружено 92 891 захоронение военнопленных. По данным же новейшего исследования о геноциде белорусского народа (2022 г.), только в трех лагерях, расположенных в Полоцке и его окрестностях, в том числе и в шталаге № 354, было уничтожено более 150 000 человек. В публикациях о шталаге № 354 до сих пор встречается впервые сформулированная еще в августе 1943 г. в донесении разведки 3-й Белорусской партизанской бригады под командованием А. Я. Марченко цифра в 18 000 погибших военнопленных¹³.

Вынужденной приблизительности оценок способствовала и послевоенная советская политика в отношении памяти о военнопленных, порой принимавшая весьма суровые очертания. Примером тому документ, который опубликовал в 2012 г. полоцкий историк С. П. Копыл в книге о дулаге № 125. 1 октября 1949 г. комиссия из представителей Полоцкого облисполкома, облвоенкомата и других структур осмотрела место массового расстрела военнопленных в урочище Пески и установила: «1. Урочище Пески передано в пользование колхозу им. Калинина Громовского сельского совета в октябре 1948 г. и впервые запахано в 1949 г. Всего было посеяно около 5 гектаров ржи, в том числе около 2 гектаров на месте захоронения. 2. В урочище Пески находились 42–43 братские могилы, в которых было захоронено 35–36 тысяч советских военнопленных и мирных жителей. Из этого числа осталось 7–8 могил, в которых захоронено около 10 тысяч человек, а 35–36 могил с количеством в них захороненных 25–26 тысяч человек запахано и засеяно рожью. 3. При обследовании запаханного участка на поверхности обнаружено большое количество человеческих костей»¹⁴.

12 Там же. С. 30, 86–89.

13 Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы. С. 5; Корсак А. И., Каминский С. А. Шталаг № 354: история и память. С. 35, 37.

14 Копыл С. П. Урочище Пески – территория смерти, 1941–1944. С. 43.

Стоит учитывать и то трагическое обстоятельство, что часть военнопленных так и не была захоронена, а их трупы были использованы нацистами в утилитарных целях. Узник шталага № 354, заслуженный художник РСФСР Николай Ипполитович Обрыньба (1913–1993) отразил в своих воспоминаниях такое свидетельство гитлеровца: «Немец из канцелярии в Боровухе, вернувшись из отпуска, рассказывал, что трупы, эшелонами отправляемые в Германию, продаются там по пятнадцать марок, а живые пленные – по шесть марок. Труп – уже полуфабрикат, а живой – это еще сырье. Из трупов можно делать кожу, использовать в парфюмерии и как удобрение»¹⁵.

А. И. Корсак и С. А. Каминский провели серьезную и непростую работу по верификации имеющихся архивных и мемуарных свидетельств. В книгу включены «при перекрестном анализе» только те из них, что содержат информацию, отражающую реальную действительность¹⁶. К примеру, упомянутые воспоминания Н. И. Обрыньбы, написанные ярко, колоритно и увидевшие свет двумя изданиями в 1991 и 2005 гг.¹⁷, создавались с 1964 по 1991 г., причем вдова художника искусствовед Д. Д. Чебанова стала фактическим соавтором обеих публикаций. В варианте 2005 г. имеется ряд топографических и фактических неточностей – в частности, место расположения лагеря, в котором содержался художник, неверно указано в Боровухе-2, в которой не было и нет железной дороги в отличие от Боровухи-1, в которой еще с 1866 г. располагается железнодорожная станция; река Западная Двина изображается текущей совсем рядом с лагерем в пешей доступности, а не за несколько километров, как в реальности; нацистский генерал в военном городке Боровка Лепельского района, куда Обрыньба попал после полоцкого лагеря и откуда в сентябре 1942 г. бежал к партизанам, неправильно назван «командующим над всей оккупированной Белоруссией», в то время как полоцкие лагеря для военнопленных и Боровка находились в тылу группы армий «Центр»¹⁸. К чести авторов, в книгу о шталаге № 354 ни одно из подобных свидетельств не вошло.

Монография состоит из четырех глав (первые три написаны А. И. Корсак, четвертая С. А. Каминским). Наибольшую

15 *Обрыньба Н. И.* Судьба ополченца. М., 2005. С. 99.

16 *Корсак А. И., Каминский С. А.* Шталаг № 354: история и память. С. 5.

17 *Обрыньба Н. И.* Жизнь заново: Воспоминания о войне / запись Д. Д. Чебановой. М., 1991; *Обрыньба Н. И.* Судьба ополченца.

18 *Обрыньба Н. И.* Судьба ополченца. С. 31, 41, 59, 67, 101.

информативность и исследовательскую значимость содержат материалы первой главы «Лагерь для советских военнопленных на территории Боровухи-1». В этой части текста широко использовались архивные материалы Национального архива Республики Беларусь, ГАРФ, ЦАМО РФ, а также Федерального архива в германском Фрайбурге. Изложение последовательно отражает место шталага № 354 в системе нацистских лагерей на белорусской земле, особенности управления лагерем, состав и предназначение лагерных построек на территории бывшего красноармейского военного городка в Боровухе-1, условия содержания и быта военнопленных, в том числе организованный голод, практически полное отсутствие медицинской помощи, издевательства и наказания, особенности принудительного труда в лагере, стратегию выживания в лагерных условиях и проблему количества военнопленных в шталаге.

Фрагментарность источников не дает возможности установить точную дату начала полноценного функционирования стационарного лагеря в Боровухе-1. А. И. Корсак считает, что это случилось не ранее октября 1941 г.¹⁹ Военнопленные доставлялись сюда со Смоленщины и из района Великих Лук после неудач Красной Армии в первые месяцы войны. Само прибытие в лагерь превращалось в тяжелейшее испытание с многочисленными жертвами: «Ужасы нацистского плена начинались с первых дней попадания в него. Транспортировка узников осуществлялась в нечеловеческих условиях. Прием “живого” груза шел из открытых вагонов и неотапливаемых теплушек. В каждом вагоне по 100 и больше военнопленных. Эшелоны в Боровухе-1, согласно воспоминаниям бывших узников, встречали комендант лагеря майор Менц, его помощник Кауфман, лейтенант Кремс, лагерный офицер Науман, сотрудники Абвера обер-лейтенанты Янгель и Гемзейдель, переводчик Отто Шнель из числа поволжских немцев, врач Хорст Фельгенбауер и другие чины. Далее подгонялись обозные двуколки, в которые загружали военнопленных. Обессилевших, которые не могли подняться, тут же расстреливали. В результате такой сортировки способных мало-мальски двигаться оставалось менее половины»²⁰.

Тем, кому удалось пережить тяготы транспортировки в лагерь, предстояло преодолеть целый ряд суровых испытаний. Их описал в приводимом в книге свидетельстве от 18 марта 1966 г. выживший

19 Корсак А. И., Каминский С. А. Шталаг № 354: история и память. С. 5.

20 Там же. С. 11.

узник шталага № 354, до плена командир взвода 731-го артиллерийского полка Михаил Фурс: «1 ноября 1941 г. этап прибыл в Боровуху-1. И сразу же нам выдали по большому куску белого хлеба и вдоволь воды. Истощенные голодом, измученные жаждой люди набросились на еду, а главное, на воду. Это было очередное коварство фашистов. Они знали, что вызовут массовое заболевание желудков и смерть. И они не ошиблись. Навалилась дизентерия, и люди умирали повалом»²¹.

Условия содержания в Боровухе-1 в первые месяцы существования лагеря были ужасающими. По словам Фурса, «загоняли нас в комнату по столько, что можно было только стоять, и то почти вплотную друг к другу. Размещали в основном на верхних этажах, чтобы выматывать последние силы. Теснота, пот, голод, все это вызывало массовое появление паразитов [...] С внутренней стороны их можно было грести горстями, а наружные стороны даже шинелей представляли собой своеобразный панцирь из плотно слепленных паразитов». Лагерная пища существенно дополняла арсенал каждодневного умерщвления военнопленных: «Кормили» нас два раза в день. «Меню»: нечищенная и даже немытая картошка вместе с землей, песком и соломой, [...] в результате получалась черная густоватая масса грязи и 4–5 с голубиное яйцо картофелин, а другой раз и этого не попадало. Хлеба давали очень редко, а если и давали, то пополам с опилками»²².

Военнопленные содержались в шталаге № 354 в гораздо худших условиях, чем лошади, которых очень любил комендант лагеря Менц. В Боровухе-1 он устроил сразу четыре конюшни на более чем 400 лошадей, уход за которыми возлагался на узников лагеря²³. Издевательства со стороны немцев дополнялись бесчинствами внутрилагерной полиции; среди лагерных «полицаев», по воспоминаниям выживших лагерников, особой жестокостью отличались украинцы, финны и венгры²⁴. В соседнем дулаге-125 в Полоцке лагерь сторожил взвод перешедших на сторону нацистов литовцев, которые были одеты в форму солдат национальной армии Литвы. Туда же в конце 1942 г. переместили 780 эстонцев из перешедшего под Великими

21 Там же. С. 63.

22 Там же.

23 *Обрыньба Н. И.* Судьба ополченца. С. 86; *Корсак А. И., Каминский С. А.* Шталаг № 354: история и память. С. 14–15.

24 *Корсак А. И., Каминский С. А.* Шталаг № 354: история и память. С. 15.

Луками к немцам стрелкового батальона. «В лагере их поселили отдельно и стали усиленно откармливать», а затем отправили в эстонский легион СС²⁵.

Во второй главе «Женщины-военнопленные в шталаге № 354» А. И. Корсак впервые в белорусской историографии затрагивает проблему лагерного существования призванных в Красную армию девушек. В Боровухе-1 их содержали в отдельном здании, использовали на работах, связанных с уборкой помещений, стиркой и т. д. При очевидной скудости источников удалось проследить судьбы нескольких узниц, в частности, погибшей после побега из лагеря Анны Гусевой из г. Нижняя Салда Свердловской обл.²⁶

В третьей главе книги помещены биографические очерки о тринадцати узниках лагеря в Боровухе-1, чьи судьбы наиболее подробно представлены в сохранившихся к настоящему времени источниках²⁷. Наконец, четвертая глава подробно повествует об увековечении памяти о военнопленных шталага № 354 в БССР и Республике Беларусь. В 1955 г. на месте захоронения узников лагеря в Боровухе-1 был открыт памятник, в 2005 г. на месте лагеря усилиями властей Новополоцка был возведен мемориальный комплекс «Звезда». В последние годы продолжается интенсивная исследовательская работа по выявлению имен содержавшихся в лагере военнопленных и поиск их родственников. В частности, после находки в 2019 г. записей военврача Степана Беляева уже «к февралю 2021 г. фамилии 106 красноармейцев уже прошли сверку и были увековечены на памятных плитах мемориала»²⁸. Материалы этой главы, как и вся книга, хорошо и разнообразно проиллюстрированы, фотографии и схемы органично дополняют авторские тексты.

В целом же новая книга А. И. Корсак и С. А. Каминского является значимым свидетельством заметной активизации усилий современной исторической науки Республики Беларусь по актуальному осмыслению и углубленному исследованию оккупационной политики нацистской Германии на белорусских землях.

25 *Копыл С. П.* Урочище Пески – территория смерти, 1941–1944. С. 20, 33.

26 *Корсак А. И., Каминский С. А.* Шталаг № 354: история и память. С. 40–43.

27 Там же. С. 44–65.

28 Там же. С. 86.

Источники и литература

Геноцид белорусского народа: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общ. ред. А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2022. 175 с.

Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти: информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общ. ред. А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2023. 335 с.

Зельскі А. Г. Хатынь. Хатынь. Khatyn. Минск: Беларусь, 2023. 152 с.

Историческая справка о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://prokuratura.gov.by/Историческая%20справка.pdf> (дата обращения 16.08.2023).

Копыль С. П. Урочище Пески – территория смерти, 1941–1944. Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2012. 71 с.

Корсак А. И., Каминский С. А. Шталаг № 354: история и память. Минск: Беларусь, 2023. 104 с.

Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944. Минск: Беларусь, 2022. 327 с.

Обрынба Н. И. Жизнь заново: Воспоминания о войне / запись Д. Д. Чебановой. М.: Советский художник, 1991. 349 с.

Обрынба Н. И. Судьба ополченца. М.: Эксмо, 2005. 604 с.

Хорошевич Е. И., Шарков А. В. Священная память Великой Победы. Минск: Беларусь, 2023. 399 с.

References

Genotsid beloruskogo naroda: informatsionno-analiticheskie materialy i dokumenty, ed. by A. I. Shved. Minsk: Belarus', 2022, 175 p.

Genotsid beloruskogo naroda. Lageria smerti: informatsionno-analiticheskie materialy i dokumenty, ed. by A. I. Shved. Minsk: Belarus', 2023, 335 p.

Istoricheskaja spravka o genotside beloruskogo naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. URL: <https://prokuratura.gov.by/Istoricheskaya%20spravka.pdf> (accessed: 16.08.2023).

Khoroshevich, Ye. I., Sharkov, A. V. *Sviashchennaia pamiat' Velikoi Pobedy*. Minsk: Belarus', 2023, 399 p.

Kopyl, S. P. *Urochishche Peski – territoriia smerti, 1941–1944*. Polotsk: Polotskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012, 71 p.

Korsak, A. I., Kaminskii, S. A. *Shtalag № 354: istoriia i pamiat'*. Minsk: Belarus', 2023, 104 p.

Lageria sovetskikh voennoplennykh v Belarusi: 1941–1944. Minsk: Belarus', 2022, 327 p.

Obryn'ba, N. I. *Sud'ba opolchentsa*. Moscow: Eksmo, 2005, 604 p.

Obryn'ba, N. I. *Zhizn' zanovo: Vospominaniia o voine, zapis* D. D. Chebanovoi. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1991, 349 p.

Zel'skí, A. G. *Khatyn'. Khatyn'. Khatyn*. Minsk: Belarus', 2023, 152 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.27

Yu. A. Borisyonok

Occupation policy of Nazi Germany on Belarusian lands in modern Belarusian historiography

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. Occupation policy of Nazi Germany on Belarusian lands in modern Belarusian historiography // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 491–503 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.27

Received: 15.07.2023.

Abstract

In 2023, Belarusian historians Alesya Korsak and Sergei Kaminsky published a book about one of the camps for Soviet prisoners of war set up by the Nazis on Belarusian soil near Polotsk. The authors used a variety of archival sources from the archives of Minsk, Moscow and Podolsk, many of them introduced into scientific circulation for the first time, as well as published German documents from the archive in Freiburg. The authors' attempt to reconstruct the history of one single camp, in which more than 18,000 Soviet citizens died during the war years, deserves respect. The work of Korsak and Kaminsky fits well into the modern trends in the development of Belarusian historiography of World War II. Belarusian historians, in close coordination with government agencies, are carrying out large-scale work to identify and systematize documentary materials reflecting the Nazi policy of genocide in the occupied

Belarusian lands. The restrictions of the Soviet period, when for political reasons the participation in the Nazi crimes of collaborators from Ukraine, Latvia, Lithuania, were hushed up, have not been in effect for several decades, which allows specialists to recreate an objective picture of the occupation policy of the Nazis in the period of 1941–1944.

Keywords

Belarusian lands, history of Belarus, World War II, occupation policy, Belarusian historiography, A. I. Korsak, S. A. Kaminsky.

УДК 811; 94
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.28

А. А. Леонтьева

Круглый стол «Balcano-Balto-Slavica и семиотика»

Леонтьева Анна Андреевна
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: leontanna@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Цитирование

Леонтьева А. А. Круглый стол «Balcano-Balto-Slavica и семиотика» // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 504–507. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.28

Текст поступил в редакцию 07.08.2023.

Финансирование

Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросс-культурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

27 апреля 2023 г. в Институте славяноведения РАН в рамках 17-х Балканских чтений «Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан» состоялось заседание круглого стола «Balcano-Balto-Slavica и семиотика». На заседании были представлены доклады, подготовленные сотрудниками ИСл РАН при поддержке гранта РФФ 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica». Перед участниками круглого стола стояли задачи исследования актуальности семиотического направления в наши дни и возможностей применения соответствующих методов в языковедении, этнографии, фольклоре и искусствоведении.

Первую секцию под руководством Н. В. Злыдневой открыл доклад *И. А. Седаковой* «Миф, фольклор, обряд и семиотика в московской балканистике 1970–1990 гг.». Она отметила, что эти годы характеризуются формированием семиотического направления в изучении языков и культур Балкан в Институте славяноведения с прицельным вниманием к античности и языковой/культурной реконструкции индоевропейского состояния. Параллельно развивалась этнолингвистическая

методика, которая сначала в основном была привязана к славянским ареалам и только постепенно подходила к изучению Балкан как этноязыковой общности. Нижняя темпоральная граница сообщения была определена началом «балканского поворота» в работах Московско-тартуской семиотической школы, верхняя – монографией Т. В. Цивьян «Лингвистические основы балканской модели мира» (М., 1990), резюмировавшей научные достижения этого периода и зафиксировавшей сложившийся методологический и терминологический аппарат.

Продолжила заседание *М. В. Завьялова* с докладом «К вопросу о мифологеме змеи/ужа в балтийской традиции». Образ змеи занимает особое место в культуре балтов, что отчасти объясняется поздним принятием христианства и хорошей сохранностью архаической картины мира. Открытым остается вопрос, воспринимали ли балтийские народы змею как божество или как посредника между божеством и человеком. Проанализировав несколько устойчивых сюжетно-фабульных мотивов в разных традициях, их вариации и карту распространения, докладчик провела параллели между сказками и легендами балтийских и славянских народов и допустила, что мифологемы змеи и ужа можно считать универсалиями, поскольку сложно представить их заимствование в столь географически разных традициях.

Н. В. Злыднева представила доклад на тему «Графика Эдварда Вийральта (Эстония): семиотика страстей и наследие Балтрушайтиса-младшего». Э. Вийральт – эстонский художник 1940–1950-х гг., яркий представитель позднего экспрессионизма с элементами сюрреализма. Исследовательница показала, как семиотика состояний реализуется в рамках определенного стилистического явления, обозначила типы корреляций экстатических форм и аффективных состояний, которые передает графика художника на основе визуального лексикона страстей. Таким образом, она проследила, как пространственные формы передают темпоральные значения и как означает принцип повторяемости.

Заключительным докладом первого заседания стало сообщение *Д. Г. Вирена* «Копродукции в кино “Восточного блока” и проблема пограничья». В первую очередь докладчика интересовал эстетический аспект темы копродукций – совместного кинопроизводства. Сотрудничество режиссеров часто приводит к пересечению традиций и культур, перенесению авторского стиля, характерного для конкретного режиссера, на новую почву, в результате чего его индивидуальный стиль проявляется в новом контексте. При этом национальные семиотические модели приобретают новое значение и дают дополнительные возможности для интерпретаций.

Модератором второго заседания круглого стола стала М. Вяч. Завьялова. Открыл его *Д. К. Поляков*, в докладе которого «“Живая семиотика”: Венко Андоновски» рассказывалось о современном македонском писателе, критике и теоретике литературы Венко Андоновском (род. 1964). В центре внимания исследования находится труд Андоновского «О/Абдукция теории», первый том которого называется «Живая семиотика», а второй – «Нарратология». Эта работа поставила вопрос о месте семиотики в современной науке и ее роли в формировании новых школ. Публикации нашли широкий отклик и привели к появлению ряда неосемиотических исследований, особенно среди молодых македонских литературоведов и культурологов.

Семиотические аспекты в исторических дискурсах рассмотрел *Н. С. Гусев*. Его доклад «Балканские народы как “дети” в русской публицистике рубежа XIX–XX вв.» был посвящен семиотической характеристике концептов «молодость» и «дети». Подобные обозначения балканских народов со стороны российских публицистов, по оценке докладчика, достаточно закономерны, поскольку независимость многие государства региона получали во многом при содействии России. При этом образ молодости для обозначения новых государств может иметь различные коннотации. С одной стороны, молодость в положительном ключе противопоставляется консерватизму, старости, дряхлости и обветшалости. В то же время этот образ может употребляться в значении неопытности и незрелости, и применительно к балканским государствам нередко сочетался в российской публицистике с менторско-назидательными интонациями.

Интересную дискуссию вызвал доклад *А. Б. Ипполитовой* «Чудесный камень из муравейника: к истории текста в рукописях XVII–XVIII вв.». В распоряжении исследователей находится три варианта текста статьи о царе-муравье, что позволяет провести текстологический анализ текста, определить место этой статьи в структуре рукописей и попытаться установить происхождение. Сопоставление трех вариантов приводит к гипотетическому выводу, что текст транслировался в рукописях не путем прямого переписывания, а проходил некоторую кодировку из одной знаковой системы в другую. Вероятно, он является фиксацией на бумаге устного поверья или переводом на русский язык иноязычного письменного текста.

Завершила заседание *А. А. Леонтьева*, доклад которой был посвящен рассмотрению ценностей и символического характера ювелирных украшений жителей г. Софии XVIII в. по данным наследственных описей. Анализ этих официальных османских документов позволяет сделать ряд выводов о повседневной жизни горожан и отчасти воссоздать символическую картину мира людей того времени и знаковую сущность ее составляющих.

Состав перечня драгоценностей мусульман и христиан во многом схож. Некоторые из зафиксированных предметов имели ритуальные функции (в частности, пояса в свадебном обряде), дополнявшиеся функциями трансмиссии родовой памяти и преемственности поколений.

Заседание круглого стола завершило третий день Балканских чтений. В заключение выступили организаторы конференции, *И. А. Седакова* и *М. М. Макарецев*, которые обозначили основные тенденции в развитии лингвокультурной балканистики и подчеркнули актуальность семиотических методов в изучении языков и культур в регионе Balcano-Balto-Slavica от древности до наших дней. Доклады показали, что классические труды В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Т. В. Цивьян и других ученых Института славяноведения, работавших в области семиотики на балканском, балтийском и славянском материале, остаются востребованными в гуманитаристике и обращение к ним всегда обогащает исследователя.

По материалам круглого стола подготовлен сборник, который выйдет в 2023 г. в серийном издании «Материалы круглого стола Центра лингвокультурных исследований».

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.28

A. A. Leontyeva

The round table “Balcano-Balto-Slavica and semiotics”

Anna A. Leontyeva

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: leontanna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7543-6085

Citation

Leontyeva A. A. The round table “Balcano-Balto-Slavica and semiotics” // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 504–507 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.28

Received: 07.08.2023.

Acknowledgements

The text was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no: 22-18-00365 “Semiotic Models in the Cross-Cultural Space: Balcano-Balto-Slavica”, <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

УДК 93/94
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.29

*М. Ю. Дронов,
С. М. Слоистов*

**Торжественное открытие Кабинета славяноведения
и балканистики в Минской духовной академии имени
свт. Кирилла Туровского**

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: centrum821@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Дронов М. Ю., Слоистов С. М. Торжественное открытие Кабинета славяноведения и балканистики в Минской духовной академии имени свт. Кирилла Туровского // *Славянский альманах*. 2023. № 3–4. С. 508–512. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.29

Текст поступил в редакцию 01.09.2023.

В последние годы заметно интенсифицировалось сотрудничество Института славяноведения РАН со светскими и церковными научными и образовательными центрами Республики Беларусь.

Взаимовыгодные отношения белорусских славистов с коллегами из Москвы и других российских городов имеют многолетнюю историю. Сегодня значимой площадкой для их взаимодействия стали научные и образовательные структуры Белорусской православной церкви (БПЦ).

Созданная в 2021 г. Синодальная историческая комиссия БПЦ (СИК БПЦ) с самого начала своей деятельности старалась укрепить имеющиеся традиционные научные связи с учеными-славистами. Председатель Комиссии, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии

протоиерей Александр Романчук неоднократно поднимал вопрос о том, чтобы совместная работа членов СИК БПЦ с российскими коллегами была более системной. В частности, им констатировалась необходимость повысить уровень интеграции участвующих в ее деятельности специалистов, сделать общие результаты их труда доступными для других белорусских ученых, обеспечить возможность пользоваться ими подрастающему поколению молодых исследователей. В октябре 2022 г. в Москве состоялась встреча заместителя председателя СИК БПЦ А. Д. Гронского с авторами этих строк, на которой обсуждались потенциальные возможности реализации указанных задач, давно поставленных перед всеми причастными к миру славистики Союзного государства России и Белоруссии. Получив одобрение и поддержку со стороны директора ИСл РАН К. В. Никифорова, М. Ю. Дронов и С. М. Слоистов подготовили концепцию создания на базе одного из научно-образовательных подразделений Белорусского экзархата Кабинета славяноведения и балканистики (КСИБ).

Претворить эту инициативу в жизнь стало возможным благодаря трудам ректора и сотрудников Минской духовной академии имени свт. Кирилла Туровского (МинДА), которые проявили об этом совместном деле сугубое попечение. Позиция руководства МинДА о создании на ее базе КСИБ, привлечение для этого профессиональных кадров из числа ее научно-педагогического состава и выделение из скромного бюджета духовной школы необходимых (отметим, сравнительно больших) материальных ресурсов получили благословение правящего архиерея – Высокопреосвященнейшего митрополита Минского и Заславского Вениамина (Тупеко). Работу по согласованию всех концептуальных и организационных моментов с особым вниманием курировал ректор МинДА архимандрит Афанасий (Сóколов). Базовым подразделением МинДА для контактов с московскими коллегами стала Кафедра церковной истории и церковно-практических дисциплин. Возглавляющая ее известный белорусский церковный историк В. А. Теплова проявила о данном начинании искреннюю заботу, создав на Кафедре необходимые для его реализации условия.

Научное обеспечение проекта (составление детальной тематической программы функционирования КСИБ, наполнение его специализированной славистической литературой и пр.) взял на себя ИСл РАН. По линии СИК БПЦ к сотрудничеству по созданию Кабинета также был привлечен историк-славист К. В. Шевченко – заведующий Центром евразийских исследований минского Филиала РГСУ.

30 мая 2023 г. состоялся телемост между ИСл РАН и МинДА. Директор ИСл РАН К. В. Никифоров и ректор МинДА архимандрит Афанасий (Сóколов) подписали договор о сотрудничестве, таким способом юридически зафиксировав уже давно налаженное научное взаимодействие московских славистов с коллегами из главного учебного заведения Белорусского экзархата РПЦ.

Первые результаты подписания договора не заставили себя долго ждать. Менее чем через месяц, 26 июня, в стенах МинДА состоялось торжественное открытие КСиБ — совместного проекта духовной школы и ИСл РАН.

Приглашенные гости смогли лично оценить коллекцию научных изданий по славистике и балканистике, подготовленную усилиями сотрудников ИСл РАН, отреставрированную аспирантом МинДА С. Г. Житко «Этнографическую карту славянского мира» Любора Нидерле, настенные портреты известных отечественных славистов и, что немаловажно для успешного функционирования Кабинета, специально заказанное руководством МинДА современное оборудование.

Мероприятие возглавил Высокопреосвященнейший митрополит Минский и Заславский Вениамин (Тупеко), Патриарший экзарх всея Беларуси, без всесторонней поддержки, искренней заинтересованности и особого участия которого данное белорусско-российское начинание на ниве славистики не было бы реализовано. После вступительного слова ректора, архимандрита Афанасия, владыка перерезал ленту, что ознаменовало начало работы КСиБ. Митрополит отметил, что в нынешнее время разделений, охвативших славянский мир, подобные проекты приобретают особую актуальность. Также архиерей вручил в качестве дара открывающемуся Кабинету факсимильное издание Туровского Евангелия. После этого ряду сотрудников МинДА и ИСл РАН были вручены благодарственные грамоты Патриаршего экзарха.

Научный сотрудник ИСл РАН М. Ю. Дронов зачитал приветственный адрес К. В. Никифорова (благодарственная грамота митрополита Вениамина была передана К. В. Никифорову днем позже, на заседании Ученого совета Института 27 июня). Затем к собравшимся обратился председатель Постоянной комиссии по образованию, науке и культуре Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, известный историк И. А. Марзалюк, особо отметивший вклад белорусов в развитие славяноведения. От дипломатического корпуса выступил советник-посланник Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь П. В. Фролов. Также к присутствующим обратились представители минского научного сообщества:

профессор Белорусского государственного университета, академик Сербской академии наук и искусств И. А. Чарота и заместитель директора Института истории НАН Беларуси П. А. Трубчик.

Открытие КСиБ вызвало неподдельный интерес у прессы. Сюжеты, посвященные торжественному событию, вышли сразу на нескольких республиканских телеканалах (ОНТ, СТВ, РТР-Беларусь). Репортажи о мероприятии прозвучали на радио и появились на сайтах известных информационных агентств («БелТА», «Минск-Новости», «Sputnik Беларусь»). Позже сообщения о торжественном открытии опубликовали многие другие белорусские и российские интернет-издания.

Сегодня благодаря слаженной совместной работе научных сотрудников в Минске и Москве КСиБ официально начинает свою деятельность. Он уже принимает своих первых посетителей, в первую очередь заинтересованных студентов МинДА. Хочется надеяться, что функционирование Кабинета и после окончания торжеств останется в поле зрения ответственных за науку и образование государственных органов. Поскольку данный проект в значительной степени зиждется на чистом энтузиазме, помощь соответствующих госструктур могла бы стать залогом дальнейшего развития Кабинета, чтобы это общее дело было продолжено с еще большей эффективностью и отдачей.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.29

*M. Yu. Dronov,
S. M. Sloistov*

**Ceremonial opening of the Cabinet of Slavic and Balkan studies
at the Minsk Theological Academy named after St. Kirill Turovsky**

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: centrum821@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Dronov M. Yu., Sloistov S. M. Ceremonial opening of the Cabinet of Slavic and Balkan studies at the Minsk Theological Academy named after St. Kirill Turovsky // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 508–512 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.29

Received: 01.09.2023.

**100-летие академика Н. И. Толстого:
хроника юбилейного года**

Толстая Светлана Михайловна
Академик РАН, доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
191334, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: smtolstaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4531-0024

Цитирование

Толстая С. М. 100-летие академика Н. И. Толстого: хроника юбилейного года // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 513–519.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.30

Текст поступил в редакцию 06.11.2023.

100-летняя годовщина со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) была отмечена Институтом славяноведения РАН, в котором ученый проработал более 40 лет, и другими отечественными и зарубежными славистическими центрами целой серией публикаций, конференций, презентаций юбилейных изданий, выставок.

В начале апреля 2023 г. вышел из печати сборник «Слово и человек», подготовленный отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН и издательством «Индрик»: Слово и человек. К 100-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индик, 2023, 744 с. Книга содержит статьи и воспоминания 55 авторов – коллег, учеников и последователей Н. И. Толстого из 13 стран мира: России, Украины, Белоруссии, Чехии, Болгарии, Сербии, Словении, Австрии, Великобритании, Германии, Франции, Канады, Японии. Они охватывают широкий круг тем и проблем, которые интересовали Н. И. Толстого и которым он посвятил свои труды, – славянская лексикология и семасиология, диалектология и лингвистическая география, древнеславянский язык, история славянских литературных языков и письменности, этнолингвистика, фольклор, славянское язычество, история славистики. Один из разделов сборника составляют воспоминания о Н. И. Толстом как профессоре МГУ и организаторе полесских этнолингвистических экспедиций, которые для многих

их участников стали школой полевой работы и открыли им путь в науку. Публикуется также подборка писем Н. И. Толстого и писем к нему «Из переписки Н. И. Толстого». Книга снабжена фотографиями. Презентация книги прошла трижды: 14 апреля на конференции в г. Вршац (Сербия), 25 мая в Гос. исторической библиотеке (Москва) и 5 июня на XXVII Толстовских чтениях в Ясной Поляне (см. ниже).

13 апреля группа филологов из разных стран по приглашению мэрии г. Вршац (Сербия, Воеводина) и при поддержке «Русского дома» в Белграде приехала в Вршац, где 100 лет тому назад родился ученый и где с 2005 г. существует улица Никиты Толстого. 14 апреля, в канун 100-летнего дня рождения Н. И. Толстого, в отеле «Вилла Брег» состоялся круглый стол «Научное наследие Н. И. Толстого глазами его учеников и последователей». На открытии этой встречи выступили академик САНУ *Любинко Раденкович* и академик РАН *С. М. Толстая*. На двух заседаниях были прочитаны следующие доклады: *Е. С. Узенева* (Москва). Н. И. Толстой – организатор и участник полевых исследований славянских диалектов; *Б. Сикимич* (Белград). Значение Н. И. Толстого для полевой этнолингвистики в Сербии; *А. А. Плотникова* (Москва). Полевые заметки о Восточной Сербии: вызывание дождя и защита от града. Этнолингвистический аспект; *Л. Раденкович* (Белград). Святочные духи у славян; *Е. Л. Березович* (Екатеринбург). Мифы о мифониме *Карачун*; *Г. И. Кабакова* (Париж). Другой в зеркале еды: питание народов Севера по русским и иностранным источникам XV–XVIII вв.; *Е. Анастасова* (София). Святой-колдун – святой-мученик Киприан и его современные метаморфозы; *К. А. Климова* (Москва). «Метод рытья тоннеля с двух сторон»: этнолингвистическое исследование новогреческой народной мифологии; *Д. Ю. Ващенко* (Москва). Венгерская демонология в ареальном аспекте; *Д. Джурич* (Белград). Южнославянские вучари – традиция и современность; *А. Юдин* (Гент). Имена собственные животных в восточнославянских заговорах. На презентации книги «Слово и человек» выступили *С. М. Толстая* и *А. А. Плотникова*.

15 апреля в присутствии городской общественности Вршаца состоялось открытие памятника Н. И. Толстому (работы московского скульптора Айдына Зейналова). Памятник установлен в центре города, в сквере, в ряду скульптур сербских деятелей культуры. В тот же день в городском музее была открыта выставка «Русија ми је отаџбина, а домовина Србија», посвященная жизни семьи Толстых в Сербии, подготовленная сотрудниками московского музея Л. Н. Толстого и сотрудниками городского музея Вршаца.

18 мая в Белграде прошло торжественное заседание Сербской академии наук «Стогодишњица рођења академика Никите И. Толстоја, иностраног члана САНУ (1923–2023)». Заседание открылось кратким выступлением университетского хора «Лучинушка», исполнившего несколько сербских и русских народных песен. На заседании прозвучали четыре доклада: акад. РАН, иностранни члан САНУ *Светлана М. Толстој*. Поглед на живот и рад Никите И. Толстоја (поводом стогодишњице рођења); акад. *Јасмина Грковић-Меџор*. Допринос Никите И. Толстоја проучавању историје књижевнојезичких идиома у Срба; акад. *Александар Лома*. Словенска географска терминологија у истраживањима Никите И. Толстоја; дописни члан САНУ *Љубинко Раденковић*. О етнолингвистици Никите И. Толстоја у колективном делу «Словенске старине».

25 мая в Москве в Гос. исторической библиотеке открылась выставка «Великое служение славянам: академик Никита Ильич Толстой» (куратор выставки – В. З. Григорьева). После осмотра выставки состоялась презентация книги «Слово и человек». На заседании выступили с приветствиями директор Гос. публичной исторической библиотеки *М. Д. Афанасьев* и директор Института славяноведения *К. В. Никифоров*. О научной деятельности Никиты Ильича Толстого и посвященной ему книге рассказали акад. *С. М. Толстая* (Институт славяноведения РАН), член-корр. РАН *Е. Л. Березович* (Уральский университет, Екатеринбург), доктор филол. наук *Е. И. Якушкина* (МГУ), доктор филол. наук *И. А. Седакова* (Институт славяноведения РАН). В заключение были показаны два видео выступления Н. И. Толстого – на открытии Международного конгресса славистов в Братиславе (1993 г.) и на церемонии присуждения Н. И. Толстому звания доктора honoris causa Университета им. Марии Кюри-Склодовской (Люблин, 1992 г.).

Одним из центральных юбилейных событий стали XXVII Толстовские чтения – международная научная конференция «Слово и человек. К 100-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого», которая традиционно прошла в Ясной Поляне (5–8 июня 2023 г.)¹. В ней участвовали лично или онлайн авторы одноименного сборника. Всего было прослушано 38 докладов. Выступления сопровождалась оживленной дискуссией. В свободное от заседаний время участники чтения посетили Толстовский некрополь в Кочаках близ Ясной Поляны

¹ Хроники Толстовских чтений см. Славяноведение. 2007. № 2 (1997–2006); Славяноведение. 2016. № 6 (2007–2016); Славяноведение. 2023. № 2. С. 72–78 (2017–2022).

и возложили цветы на могилу Н. И. Толстого, посетили дом-усадьбу Л. Н. Толстого, а также присутствовали на камерном концерте, где слушали произведения, часто звучавшие в яснополянском доме (исполнители: Олеся Волосевич, флейта, и Дмитрий Семин, фортепьяно).

Памяти Н. И. Толстого были посвящены два заседания международной конференции «XIII Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. *Slavia Christiana*. Язык. Текст. Образ». Институт славяноведения РАН. Центр междисциплинарных исследований славянской книжности. 4–8 сентября 2023 г. (онлайн). На этих заседаниях были прочитаны следующие доклады: Из научного архива. *Никита Ильич Толстой*. «Роль великоморавской традиции в славянской культуре». Доклад, прочитанный на пленарном заседании XI Международного съезда славистов в Братиславе 31 августа 1993 г. (видеозапись); *Е. С. Узенева*. Никита Ильич Толстой как организатор науки; *А. А. Плотникова*. Воспоминания о Никите Ильиче Толстом; *О. В. Чёха*. Народная астрономия в словаре «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого; *К. А. Климова*. Этнолингвистические исследования греческой традиционной культуры; *Н. Н. Запольская*. История церковнославянского языка и церковнославянской книжности: теоретические модели Н. И. Толстого и Р. Пиккио; *Е. Суркова* (Канада, Торонто). К происхождению кирилло-мефодиевской астрономической терминологии; *Т. В. Рождественская* (Санкт-Петербург). Славянские средневековые фресковые надписи: южнославянско-русские параллели; *М. В. Шульга*. По следам морфологических исследований Н. И. Толстого; *М. Г. Обижаева*. Славяносербский архипелаг подъязыков Н. И. Толстого в мире книжности *Slavia Orthodoxa*.

На III Всероссийском совещании славистов, созванном Институтом славяноведения РАН 24–26 октября 2023 г., на одном из заседаний лингвистической секции *С. М. Толстая* в докладе «Славистика Никиты Ильича Толстого» подвела итоги юбилейных мероприятий (конференций, выставок, презентаций и т. п.), посвященных 100-летней годовщине со дня рождения ученого.

4–5 ноября 2023 г. в Харбине (Китай) состоялся Международный симпозиум «Традиция и инновации в современной славистике», организованный Исл РАН и Харбинским педагогическим университетом, где прозвучал доклад *Е. С. Узеновой* «Славистика и этнолингвистика: к 100-летию академика Н. И. Толстого». Город Харбин был знаковым для семьи Толстых: сюда во время гражданской войны был эвакуирован из Омска больной тифом Илья Ильич Толстой, который потом сложными путями добирался до Европы в поисках своих родных.

К 100-летней годовщине со дня рождения Н. И. Толстого были приурочены публикации самого ученого (статья и письма), а также статьи других авторов, посвященные разным сторонам его многогранного научного творчества и воспоминания коллег и учеников.

К публикациям самого ученого относятся:

1. *Н. И. Толстой*. Влияние украинской словесной культуры на южнославянскую в XVII–XVIII вв. Публикация С. М. Толстой // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 133–140.
2. Из переписки Н. И. Толстого со славистами разных стран. IV (публикация С. М. Толстой) // *Славяноведение*. 2023. № 2. С. 47–71.
3. Из переписки Н. И. Толстого. V. Публикация, переводы, комментарии С. М. Толстой // *Слово и человек*. К 100-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого. М.: Индрик, 2023. С. 705–741².
4. Лісты Мікіты Ільча Талстога з Палесся. Да 100-годдзя з дня нараджэння Мікіты Ільча Талстога. Публікацыя, прадмова і камэнтары С. М. Талстой // *Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні*. Зборнік навуковых прац. Вып. 10. Мінск, 2023. С. 222–251.

Более двух десятков статей и воспоминаний, появившихся в юбилейном году, посвящены жизни и деятельности Н. И. Толстого (возможно, какие-то публикации остались вне моего внимания):

1. *Азимов Э. Г.* Н. И. Толстой как педагог // *Слово и человек*. М.: Индрик, 2023. С. 585–589.
2. *Белова О. В.* Полесье как начало... всего! // *Слово и человек*. М.: Индрик, 2023. С. 590–594.
3. *Вендина Т. И.* Н. И. Толстой и антропология диалектного слова // *Славянский альманах*. 2023. № 3–4. С. 230–245.

2 Всего к настоящему времени опубликовано 172 письма под рубрикой «Из переписки Н. И. Толстого» в следующих изданиях: 1. *Язык культуры: семантика и грамматика*. К 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого. М., 2004. С. 488–494 (4 письма); 2. *Славяноведение*. 2008. № 6. С. 97–109 (16 писем); 3. *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Н. И. Толстого. М., 2013. С. 450–519 (49 писем); 4. *Российская эмиграция в борьбе с фашизмом*. М., 2015. С. 272–304 (11 писем с фронта); 5. *Славяноведение*. 2023. № 2. С. 47–71 (28 писем); *Слово и человек*. М.: Индрик, 2023. С. 705–741 (34 письма); *Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні*. Зборнік навуковых прац. Вып. 10. Мінск, 2023. С. 222–251 (30 писем из Полесья).

4. Вендина Т. И. Н. И. Толстой и новые направления в культурно-языковой диалектологии (к столетию Никиты Ильича Толстого) // Stephanos. 2023. № 3 (59). С. 81–88.
5. Якушкина Е. К 100-летию академика Никиты Ильича Толстого // Лужнословенски филолог. 2023. LXXIX. св. 2. С. 267–270.
6. Запольская Н. Н. Теоретическая квадриада Н. И. Толстого «Язык – словесность – культура – самосознание» // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 136–146.
7. Кречмер А. (Германия/Австрия). Славяносербская письменность в трудах Н. И. Толстого // Славяноведение. 2023. № 4. С. 47–64.
8. Кречмер А. История славянской письменности в работах Н. И. Толстого // Etnolingwistyka. 2023. Т. 35. С. 27–43.
9. К 100-летию со дня рождения Н. И. Толстого // Живая старина. 2023. № 1 (117). С. 2–13.
10. Микоян Н. А. Мои воспоминания о Н. И. Толстом // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 604–605.
11. Низаметдинова Н. Х. О моем Учителе Никите Ильиче Толстом (К 100-летию со дня рождения) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. № 1–2 (18). С. 141–151.
12. Обижаева М. Г. Годоним «Улица Никите Толстоја» на карте города Вршац (Сербия) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 1–2. С. 152–160.
13. Петрухин В. Я. Миф и историография: из истории подготовки энциклопедии «Мифы народов мира» и этнолингвистического словаря «Славянские древности» // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 613–617.
14. Плотникова А. А. Никита Ильич Толстой и полевые этнолингвистические исследования Полесья // Вестник РАН. 2023. Т. 93. № 4. С. 384–389.
15. Плотникова А. А. Белград – Ордынка – Полесье (воспоминания об учителе) // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 618–631.
16. Санникова О. В. Дар и школа жизни. Свидетельство одного участника полесских экспедиций // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 632–659.
17. Седакова И. А., Валенцова М. М. Памяти учителя [К 100-летию акад. Н. И. Толстого] // Славяноведение. 2023. № 2. С. 5–18.
18. Седакова О. А. Никита Ильич. Обрывки воспоминаний // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 660–663.
19. Толстая С. М. «Дела-делишки» // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 687–703.
20. Толстая С. М. Толстовские чтения XXI–XXVI (2017–2022) // Славяноведение. 2023. № 2. С. 72–78.

21. Толстая С. Столетие со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого // Славистика. Књ. XXVII/1. Београд. 2023. С. 11–18.
22. Шапич Ю. О 100-летию со дня рождения Никиты Ильича Толстого и Международном круглом столе «Научное наследие Н. И. Толстого глазами его учеников и последователей» (г. Вршац 14 апреля 2023 г.) // Славистика. Књ. XXVII/1. Београд, 2023. С. 297–304.
23. Niebrzegowska-Bartmińska S. (UMCS Lublin, Polska). “Živaja starina” w programie etnolingwistyki historycznej Nikity Ijicza Tolstoja // Etnolingwistyka. Vol. 35 (2023). S. 9–25.
24. Nomati M. The Early Nikita Il'ič Tolstoj as a Macedonist // Слово и человек. М.: Индрик, 2023. С. 258–274.

В этот список не вошли статьи с собственными исследованиями коллег и учеников Н. И. Толстого, продолжающими тематику его работ и посвященными его памяти, которые, как правило, содержат отклики на его идеи и труды (см. прежде всего сборник «Слово и человек» (2023), статью С. Ю. Неклюдова: Сказочный сюжет как продукт литературно-фольклорного синтеза: казус АaTh 485 А // Шаги/Steps. 2023. Т. 9. № 3. С. 30–86, публикации в журналах «Славяноведение» (2023, № 2), «Живая старина» (2023, № 1) и др.).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.30

S. M. Tolstaya

**100th anniversary of Academician N. I. Tolstoy:
chronicle of the jubilee year**

Svetlana M. Tolstaya

Doctor of History, head of the center

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: smtolstaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4531-0024

Citation

Tolstaya S. M. 100th anniversary of Academician N. I. Tolstoy: chronicle of the jubilee year // Slavic Almanac 2023. No 3–4. P. 513–519 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.30

Received: 06.11.2023.

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2023

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 г. в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
32,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

